

AF

Ad fontes Выпуск 20

Материалы и исследования
по истории науки

Научный совет серии

д. и. н. Е. Ю. Басаргина, чл.-корр. РАН П. Г. Гайдуков, д. и. н. С. Н. Искюль,
акад. РАН Н. Н. Казанский, акад. РАН А. В. Лавров,
акад. Гёттингенской АН В. Лефельдт, акад. РАН И. П. Медведев,
акад. РАН С. И. Николаев, чл.-корр. РАН И. Ф. Попова,
чл.-корр. РАН И. В. Тункина (председатель)

ST. PETERSBURG BRANCH OF THE ARCHIVE OF RAS
ST. PETERSBURG SCIENTIFIC CENTER OF THE RAS
JOINT SCIENTIFIC COUNCIL ON SOCIAL SCIENCES
AND HUMANITIES
ST. PETERSBURG BRANCH OF S. I. VAVILOV INSTITUTE
FOR THE HISTORY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY OF THE RAS

SERIES AD FONTES
MATERIALS AND STUDIES ON THE HISTORY OF SCIENCE
ISSUE 20

MÜLLER'S CONFERENCE – 2020

Continuity and Traditions
in Preserving and Studying
Documentary Academic Heritage

Materials of the III International Scientific Conference
October 21–24, 2020, St. Petersburg

Compilers
L. D. Bondar, E. N. Gruzdeva

St. Petersburg
2021

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ФИЛИАЛ АРХИВА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РАН
ОБЪЕДИНЕННЫЙ НАУЧНЫЙ СОВЕТ ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ
И ГУМАНИТАРНЫМ НАУКАМ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ФИЛИАЛ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ
ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ ИМ. С. И. ВАВИЛОВА РАН

Серия AD FONTES
МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ НАУКИ
Выпуск 20

МИЛЛЕРОВСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2020

Преемственность и традиции
в сохранении и изучении
документального академического наследия

*Материалы III Международной научной конференции
21–24 октября 2020 г., Санкт-Петербург*

Составители
Л. Д. Бондарь, Е. Н. Груздева

РЕНОМЕ

Санкт-Петербург
2021

УДК 930.1(091)
ББК 63.1
М60

*Утверждено к печати Ученым советом
Санкт-Петербургского филиала Архива РАН*

Редакционная коллегия:
Е. А. Анненкова, Л. Д. Бондарь, Е. Н. Груздева,
К. В. Сазанова, И. В. Тункина

Рецензенты:
д. и. н. А. В. Зорин (ИВР РАН),
к. и. н. Е. Г. Застрожнова (СПбФ АРАН)

Миллеровские чтения – 2020: Преемственность и традиции в сохранении и изучении документального академического наследия : Материалы III Международной научной конференции, 21–24 октября 2020 г., Санкт-Петербург / сост. Л. Д. Бондарь, Е. Н. Груздева ; Минобрнауки России, СПбФ АРАН, СПбНЦ РАН. Объединенный совет по общественным и гуманитарным наукам, СПбФ ИИЕТ им. С. И. Вавилова РАН. — СПб. : «Реноме», 2021. — 400 с., [52] с. цв. ил. — (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; вып. 20).

ISBN 978-5-00125-566-6

DOI: 10.25990/archiveras.mc-2020.j4kj-zq49

Сборник научных статей по материалам третьих Миллеровских чтений (21–24 октября 2020 г., Санкт-Петербург) включает статьи ученых из академических институтов, преподавателей вузов, архивистов из разных городов России, стран ближнего и дальнего зарубежья, специалистов-реставраторов. В сборнике представлены исследования по вопросам истории архивного дела, науки и образования, проблемам сохранения документального и культурного наследия. Публикуются новые архивные данные к биографиям деятелей науки.

Издание рассчитано на историков, науковедов, архивистов, реставраторов книг и документов, исследователей, занимающихся архивными изысканиями, студентов соответствующих специальностей, а также на широкий круг читателей, интересующихся судьбами науки.

УДК 930.1(091)
ББК 63.1

ISBN 978-5-00125-566-6

© Коллектив авторов, тексты, 2021
© Л. Д. Бондарь, Е. Н. Груздева, составление, 2021
© Санкт-Петербургский филиал Архива
Российской академии наук, 2021
© ООО «Реноме», редакционно-издательская подготовка, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Тункина И. В., Бондарь Л. Д.</i> Третьи Миллеровские чтения	11
Приветствие Института восточных рукописей РАН	15
Grußwort der Franckeschen Stiftungen (Halle/Saale)	16
Приветственное слово от Фонда Франке (Галле/Заале)	17
Grusswort der Internationalen Georg-Wilhelm-Steller-Gesellschaft (Halle/Saale) ..	18
Приветственное слово от Международного общества Георга Вильгельма Стеллера (Галле/Заале)	20
Прывітальнае слова Інстытута гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі ..	22
Приветственное слово Института истории Национальной академии наук Беларуси	23
Przemówienie powitalne Instytutu Historii Nauki im. Ludwika i Aleksandra Birken- majerów Polskiej Akademii Nauk	24
Приветственное слово Института истории науки им. Людвика и Александра Биркенмайеров Польской академии наук	25
Приветственное слово Черногорского института истории	26

АРХИВНОЕ ДЕЛО И ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ

<i>Феклова Т. Ю.</i> Архивы Пекинской магнитно-метеорологической обсерватории Академии наук в собрании Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук	29
<i>Располович Р.</i> Архивная служба в Черногории — установление практики хранения документов и принятие правил о работе архива в XIX в.	34
<i>Востриков А. В.</i> Фотография преподавателей и слушательниц С.-Петербургских Высших женских курсов из фонда Ф. Ф. Зелинского (СПбФ АРАН): история съёмки по письмам из фонда И. А. Шляпкина (РО ИРЛИ)	54
<i>Светозарова Н. Д.</i> Научные отчеты, дневники и воспоминания как важные вспомогательные источники при работе с архивными фольклорными мате- риалами	63
Киселев М. Ю. Московское отделение Архива Академии наук СССР в 1945 г.	71
<i>Груздева Е. Н.</i> Библиотека и архив академика Ф. Е. Корша (к истории бытования фондов)	76
<i>Кульматова Т. В., Лоц А. С.</i> Мраморная бумага в русском переплете (материалы к истории и проблемы описания)	90
<i>Тихонова Е. П.</i> Научный архив Зоологического института РАН (к 50-летию со дня основания)	102

<i>Сластунов Д. Д.</i> Применение иллюстрированной базы данных почерков ботаников для атрибутирования исторических гербарных коллекций	111
<i>Тихонова М. В.</i> Анализ востребованности фондов Архива СПбИИ РАН: современные проблемы и перспективы оцифровки	114
<i>Федорова А. А.</i> Феномен популярности публичных цифровых архивов естественно-научных учреждений РАН на примере виртуальных площадок Ботанического института	119

ИСТОРИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ XVIII–XX вв.

<i>Карева Н. В., Пивоваров Е. Г.</i> «Доломоносковский» период отечественной дидактической традиции: немецкие школы в начале XVIII в.	125
<i>Власов С. В., Волков С. С., Московкин Л. В.</i> Лингводидактический проект Иоганна Даниэля Шумахера	132
<i>Нечаев С. Ю.</i> Резюме наших знаний о землетрясениях 1737 г. на Камчатке и Курильских островах	141
<i>Соболев В. С.</i> Плавание кораблей отряда М. Шпанберга 1739 г. (по материалам вахтенных журналов)	150
<i>Сытин А. К.</i> BIBLIOTHECA BOTANICA: опыт реконструкции ботанической библиотеки академика Иоганна Аммана (1707–1741)	155
<i>Фруменкова Т. Г.</i> Источники по истории Московского воспитательного дома в «портфелях Г. Ф. Миллера» в РГАДА	163
<i>Арабас И., Бондарь Л. Д., Чехович Л. Г.</i> Ботаническая коллекция Натурального кабинета княгини Анны Яблоновской XVIII в.: свидетельства современников, архивные рукописи и заметки академика В. М. Севергина	171
<i>Щедрова И. М.</i> Проекты реконструкции здания академической типографии в 40–90-е гг. XIX в.	193
<i>Синельникова Е. Ф.</i> Документальное наследие научных обществ 1917–1922 гг. в ЦГА СПб	204
<i>Глеб М. В.</i> Институт белорусской культуры и Белорусская академия наук: преемственность и нововведения (вторая половина 1920-х — начало 1930-х гг.)	210
<i>Лиманова С. А.</i> Выбор даты празднования 220-летия Академии наук: к предыстории «юбилейного» вопроса	218

ПЕРСОНАЛИИ УЧЕНЫХ В ИСТОРИИ НАУКИ XVIII–XX вв.

<i>Скрыдлов А. Ю.</i> Концепция районирования России в статистико-географических работах академика К. И. Арсеньева (1789–1865)	225
<i>Кудряшев В. Н., Дорошенко О. П.</i> Архивное источниковедение как основа исторических изысканий Г. Е. Катанаева	234
<i>Дорошенко О. П.</i> «Исторический очерк службы сибирского казачества»: первоначальный замысел, цели и задачи историко-научных исследований Г. Е. Катанаева	243

<i>Филиппова Т. П.</i> Научное наследие академика Ф. Н. Чернышева как источник по истории освоения северных территорий России	251
<i>Шишкина К. Г.</i> Филолог-славист, член-корреспондент АН Александр Васильевич Михайлов (1859–1927) — друг и коллега академика Е. Ф. Карского по Варшавскому университету (по материалам СПбФ АРАН)	258
<i>Груздева Е. Н.</i> Нереализованный проект Е. А. Масальской (к истории «Ин-гигерды»)	265
<i>Кравцова Е. С.</i> «В области истории специализировался на темах “Россики”»: С. А. Аннинский — почти забытый историк из 30-х гг. XX в.	277
<i>Анненкова Е. А.</i> Литературное наследие зоолога Б. С. Кузина в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН	286
<i>Мандрикс М. В.</i> Биолог Б. П. Токин: к 120-летию со дня рождения	294

ПРОБЛЕМЫ КОНСЕРВАЦИИ И РЕСТАВРАЦИИ АРХИВНЫХ И БИБЛИОТЕЧНЫХ ФОНДОВ

<i>Быстрова Е. С., Лоцманова Е. М.</i> Многообразие архивных документов и основные виды их повреждений. Экспертный подход	317
<i>Хосид Е. Г., Власов А. Д., Сазанова К. В., Ткаченко Т. С., Галушкин А. А., Алексеев А. И.</i> Разработка метода дезинфекции архивных документов в среде холодного тумана раствора биоцида «Санатекс»	328
<i>Сазанова К. В., Власов А. Д., Хосид Е. Г.</i> Штаммовая вариабельность грибов <i>Aspergillus niger</i> при адаптации к биоциду метатин (Rosima GT)	333
<i>Подгорная Н. И., Трепова Е. С.</i> Применение циклододекана в практике реставрации документов на бумаге	339
<i>Шепилова Е. М., Баскакова Ю. П., Носова Е. И., Несмелов А. А.</i> Парилен в консервации архивных, библиотечных и музейных артефактов	347
<i>Доведова Н. М., Маршенникова Н. И., Ткаченко Т. С.</i> Результаты обследования в СПбФ АРАН документов из фондов ученых XIX в.	351
<i>Шепилова Е. М., Баскакова Ю. П., Носова Е. И., Бахвалова Е. В., Пьянкова Л. А.</i> Исследование повреждений и дефектов негативов на стекле на примере коллекции А. Д. Люблинской из собрания СПбИИ РАН	356
<i>Чернова Н. В., Олейник Л. Г.</i> Методика реставрации шторок фотоальбома из папиросной бумаги с печатным текстом	363
<i>Чернова Н. В., Калашишникова А. А., Бахвалова Е. В.</i> Ранняя жалованная грамота Михаила Федоровича Романова: исследование и реставрация	368
<i>Дмитриева А. А., Тихонов П. А.</i> Развитие фотоэкспертного направления в деятельности ГАИМК в 1920–30-е гг.	379
<i>Шепилова Е. М., Баскакова Ю. П., Старилова Л. И., Зуйкова В. Г.</i> Выявление подделки фотографии времен Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.	394

CONTENTS

<i>Tunkina I. V., Bondar L. D.</i> The Third Müller's Conference	11
Salutatory Speech of the Institute of Oriental Manuscripts of the RAS	15
Grußwort der Franckeschen Stiftungen (Halle/Saale)	16
Salutatory Speech of the Franckesche Stiftungen (Halle/Saale)	17
Grusswort der Internationalen Georg-Wilhelm-Steller-Gesellschaft (Halle/Saale) ..	18
Salutatory Speech of the Internationale Georg-Wilhelm-Steller-Gesellschaft (Halle/Saale)	20
Прывітальнае слова Інстытута гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі ...	22
Salutatory Speech of the Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus	23
Przemówienie powitalne Instytutu Historii Nauki im. Ludwika i Aleksandra Birken- majerów Polskiej Akademii Nauk	24
Salutatory Speech of the Instytut Historii Nauki im. Ludwika i Aleksandra Birken- majerów Polskiej Akademii Nauk	25
Salutatory Speech of the Institute of the History of Montenegro	26

ARCHIVAL WORK AND DOCUMENTARY HERITAGE

<i>Feklova T. Yu.</i> Archives of the Beijing Magnetic and Meteorological Observatory of the Academy of Sciences in the Collection of the St. Petersburg Branch of the RAS Archive	29
<i>Raspopović R.</i> Archival Service in Montenegro — Establishing the Practice of Preserving Documents and Adopting the Rules on the Work of Archives in the 19 th Century	34
<i>Vostrikov A. V.</i> A Photograph of Professors and Students of the St. Petersburg Higher Courses for Women from the Tadeusz Zieliński Collection (SPbB ARAS): History of a Photo Shoot Based on Letters from the Ilya Shlyapkin Collection (Manuscript Division of the Institute of Russian Literature)	54
<i>Svetozarova N. D.</i> Scientific Reports, Diaries and Memoirs as Important Auxiliary Sources in the Course of Work with Archival Folklore Materials	63
<u>Kiselev M. Yu.</u> Moscow Branch of the Archive of the USSR Academy of Sciences in 1945	71
<i>Gruzdeva E. N.</i> Library and Archive of Academician F. E. Korsh (to the History of Archival Collections)	76
<i>Kulmatova T. V., Lotz A. S.</i> Marbled Paper in Russian Binding (Materials to the History and Description Problems)	90

<i>Tikhonova E. P.</i> Scientific Archive of the Zoological Institute of the RAS (to the 50 th Anniversary of Its Foundation)	102
<i>Slastunov D. D.</i> Illustrated Handwriting Database as a Tool for Attribution of Historical Herbarium Collections	111
<i>Tikhonova M. V.</i> Demand Analysis for the Collections of the Scientific and Historical Archive of the St. Petersburg Institute of History of the RAS: Current Problems and Digitization Prospects	114
<i>Fedorova A. A.</i> Popularity Phenomenon of Public Digital Archives of Natural Science Institutions of the RAS on the Example of the Botanical Institute Social Network Pages	120

HISTORY OF SCIENCE AND EDUCATION OF THE 18TH — 20TH CENTURIES

<i>Kareva N. V., Pivovarov E. G.</i> «Pre-Lomonosov» Period of the Russian Didactic Tradition: German Schools at the Beginning of the 18 th century	125
<i>Vlasov S. V., Volkov S. S., Moskovkin L. V.</i> Linguodidactic Project of Johann Daniel Schumacher	132
<i>Nechaev S. Yu.</i> Summary of Our Knowledge on the Earthquakes of 1737 in Kamchatka and the Kuril Islands	141
<i>Sobolev V. S.</i> Sailing of the Ships of M. Spanberg's Detachment of 1739 (Based on Logbooks' Materials)	150
<i>Sytin A. K.</i> BIBLIOTHECA BOTANICA: Reconstruction Experience of the Botanical Library of Academician Johann Amman (1707–1741)	155
<i>Frumenkova T. G.</i> Sources on the History of the Moscow Foundling Home in the «Portfolios of G. F. Müller» in the Russian State Archive of Ancient Acts	163
<i>Arabas I., Bondar L. D., Chekhovich L. G.</i> Botanical Collection of the Natural Cabinet of Princess Anna Jabłonowska of the 18 th Century: Evidence of Contemporaries, Archival Manuscripts and Notes of Academician V. M. Severgin	171
<i>Shchedrova I. M.</i> Reconstruction Projects of the Academy of Sciences' Printing House in the 40s – 90s of the 19 th Century	193
<i>Sinelnikova E. F.</i> Documentary Heritage of Scientific Societies (1917–1922) in the Central State Archive of St. Petersburg	204
<i>Hleb M. V.</i> Institute of Belarusian Culture and Belarusian Academy of Sciences: Continuity and Innovations (2 nd half of 1920s — early 1930s)	210
<i>Limanova S. A.</i> How to Choose a Celebration Date? “Jubilee Question” on the Example of the 220 th Anniversary of the Russian Academy of Sciences	218

SCIENTISTS' PERSONALIA IN THE HISTORY OF SCIENCE OF THE 18TH — 20TH CENTURIES

<i>Skrydlov A. Yu.</i> The Concept of Economic Zoning of Russia in Academician K. I. Arsenyev's Statistical and Geographical Works	225
<i>Kudryashev V. N., Doroshenko O. P.</i> Archival Source Studies as the Basis of G. E. Kantanaev's Historical Research	234

<i>Doroshenko O. P.</i> «Historical Essay on the Service of the Siberian Cossacks»: Original Idea, Goals and Objectives of G. E. Katanaev's Historical and Scientific Research	243
<i>Filippova T. P.</i> Scientific Heritage of Academician F. N. Chernyshev as a Source for the Development History of the Northern Territories of Russia	251
<i>Shishkina K. G.</i> Alexander V. Mikhailov (1859–1927), Philologist, Corresponding Member of the Academy of Sciences, Friend and Colleague of Academician E. F. Karsky at Warsaw University (Based on the Materials of SPbB ARAS)	258
<i>Gruzdeva E. N.</i> Incomplete Project by E. A. Masalskaya (to the History of «Ingegerd»)	265
<i>Kravtsova E. S.</i> «In the Field of History I Specialized in “Rossica”»: S. A. Anninsky, an Almost Forgotten Historian of the 1930s	277
<i>Annenkova E. A.</i> Literary Heritage of Zoologist B. S. Kuzin in the St. Petersburg Branch of the RAS Archive	286
<i>Mandrik M. V.</i> On the 120 th Birth Anniversary of Biologist Boris P. Tokin	294

PROBLEMS OF CONSERVATION AND RESTORATION OF ARCHIVAL AND LIBRARY HOLDINGS

<i>Bystrova E. S., Lotsmanova E. M.</i> The Variety of Archival Documents and Their Main Damage Types. Expert Approach	317
<i>Hosid E. G., Vlasov A. D., Sazanova K. V., Tkachenko T. S., Galushkin A. A., Alekseev A. I.</i> Development of a Disinfection Method of Archival Documents in Cold Mist of Biocide Solution «Sanateks»	328
<i>Sazanova K. V., Vlasov A. D., Hosid E. G.</i> Strain Variability of <i>Aspergillus niger</i> Fungi When Adaptation to the Biocide Metatin (Rocima GT)	333
<i>Podgornaya N. I., Trepova E. S.</i> Cyclododecane Application at Paper-based Documents Restoration	339
<i>Shepilova Ye. M., Baskakova Yu. P., Nosova E. I., Nesmelov A. A.</i> Parylene in Preservation of Archival, Library and Museum Artifacts	347
<i>Dovedova N. M., Marshennikova N. I., Tkachenko T. S.</i> Examination Results of Archival Documents from the 19 th Century Collections of SPbB ARAS	351
<i>Shepilova Ye. M., Baskakova Yu. P., Nosova E. I., Bakhvalova Ye. V., Pyankova L. A.</i> Damage and Defects Research of Glass Negatives by the Example of A. D. Lyublinskaya Collection of St. Petersburg Institute of History of the RAS	356
<i>Chernova N. V., Oleynik L. G.</i> Restoration Method of Photo Album Protecting Covers Made of Tissue Paper with Printed Text	363
<i>Chernova N. V., Kalashnikova A. A., Bakhvalova E. V.</i> Early Charter of Mikhail Fedorovich Romanov: Research and Restoration	368
<i>Dmitrieva A. A., Tikhonov P. A.</i> Development of Photo Expert Direction in the State Academy for the History of Material Culture in the 1920s – 1930s	379
<i>Shepilova Ye. M., Baskakova Yu. P., Starilova L. I., Zuykova V. G.</i> Identification of the Fake Photo Dating to the Russian-Turkish War Time (1877–1878)	394

И. В. Тункина, Л. Д. Бондарь

ТРЕТЬИ МИЛЛЕРОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

«Миллеровские чтения — 2020» стали третьими в ряду международных научных конференций Санкт-Петербургского филиала Архива РАН, объединенных общим названием¹, имеющих целью привлечение внимания к вопросам сохранения и изучения мирового документального научного и культурного наследия. В центре внимания участников сессии традиционно стояли современные проблемы историко-научных архивов, поиск путей их инновационного развития и введение в научный оборот новых архивных документов.

Чтения 2020 г. проводились в 315-ю годовщину со дня рождения российского академика Герхарда Фридриха (Федора Ивановича) Миллера (*Gerhard Friedrich Müller*; 1705–1783), стоявшего у истоков первого научного архива России — Архива РАН. Многогранное творчество Г. Ф. Миллера содержит богатейший потенциал отечественного интеллектуализма, а его влияние не только на российскую, но и на мировую науку прослеживается на протяжении трех веков.

Условия организации чтений в 2020 г. во многом определила охватившая весь мир пандемия COVID-2019, на время лишившая международное научное сообщество возможности личного общения и организации совместных сессий. Первоначально планировавшиеся на май 2020 г. «Миллеровские чтения — 2020» состоялись 22–24 октября 2020 г. и объединили три научных мероприятия Санкт-Петербургского филиала Архива РАН — в сессию были включены в качестве самостоятельных секций «Вторые Пчелинские

¹ Тункина И. В. 1) Первые Миллеровские чтения // Миллеровские чтения: К 285-летию Архива Российской академии наук : сб. науч. статей по материалам Международной научной конференции, 23–25 апреля 2013 г., Санкт-Петербург / отв. ред. И. В. Тункина. СПб., 2013. С. 15–23. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; вып. 4); 2) Вторые Миллеровские чтения // Миллеровские чтения — 2018: Преемственность и традиции в сохранении и изучении документального академического наследия : материалы II Международной научной конференции, 24–26 мая 2018 г., Санкт-Петербург / сост. и отв. ред. д. и. н. И. В. Тункина. СПб., 2018. С. 17–20. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; вып. 14); Тункина И. В., Бондарь Л. Д. Юбилейная научная конференция «Миллеровские чтения: к 285-летию Архива Российской академии наук» (Санкт-Петербург, 23–25 апреля 2013 г.) // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2013. № 4 (73). С. 209–216.

чтения»² и Открытое заседание Ученого совета СПбФ АРАН и Объединенного научного совета по общественным и гуманитарным наукам Санкт-Петербургского научного центра РАН (СПбНЦ РАН), посвященное 75-летию Победы во Второй мировой войне.

Архив не смог очно принять на своих чтениях международных гостей, но российские ученые посетили, по мере возможности, отдельные заседания очно. Чтения прошли на двух площадках: в Малом конференц-зале СПбНЦ РАН и в читальном зале СПбФ АРАН. Большинство докладчиков приняли участие дистанционно или представили свои выступления в формате видеороликов. Организация заседаний через платформу ZOOM имела свои положительные моменты, позволив, в частности, осуществить видеозапись всех выступлений, просмотреть которые можно по ссылке с официального сайта СПбФ АРАН: http://ranar.spb.ru/rus/news_events/id/898/.

В Программный комитет «Миллеровских чтений — 2020» вошли именитые российские и западноевропейские ученые. Сопредседатели Программного комитета: Н. Н. Казанский, академик РАН, научный руководитель ИЛИ РАН, председатель Объединенного научного совета по общественным и гуманитарным наукам СПбНЦ РАН (Санкт-Петербург); И. В. Тункина, член-корреспондент РАН, директор СПбФ АРАН; Р. Х. Гаглойти, д. и. н., директор Юго-Осетинского научно-исследовательского института им. З. Н. Ванеева (Цхинвал, Южная Осетия). Члены Программного комитета: В. Лефельдт, действительный член Гёттингенской академии наук (Гёттинген, Германия); Т. Мюллер-Бальке, д-р, профессор, директор Фонда Франке (Галле/Заале, Германия); Р. Распопович, д-р, профессор, директор Черногорского института истории (Подгорица, Черногория); В. В. Данилович, к. и. н., директор Института истории Национальной академии наук Беларуси (Минск, Беларусь); И. Арабас, хабилированный д-р, руководитель отдела Института истории науки Польской академии наук (Варшава, Польша); А.-Э. Хинтцше, д-р, председатель Международного общества Г. В. Стеллера (Галле/Заале, Германия); Н. Охотина-Линд, д-р, доцент Университета Копенгагена (Дания); В. С. Мясников, академик РАН, ОИФН РАН (Москва); И. П. Медведев, академик РАН, СПБНИ РАН (Санкт-Петербург); А. В. Головнев, член-корреспондент РАН, директор МАЭ (Кунсткамера) им. Петра Великого РАН (Санкт-Петербург); А. В. Сиренов, член-корреспондент РАН, профессор, директор СПБНИ РАН (Санкт-Петербург); И. Ф. Попова, член-корреспондент РАН, профессор, директор ИВР РАН (Санкт-Петербург); Н. А. Ащеулова, к. соц. н., директор СПбФ ИИЕТ РАН им. С. И. Вавилова, заместитель председателя Программного комитета (Санкт-Петербург); Л. Д. Бондарь, к. и. н., СПбФ АРАН, заместитель директора СПбФ АРАН по научной работе, секретарь Программного комитета (Санкт-Петербург).

² Тункина И. В., Бондарь Л. Д. «Вторые Пчелинские чтения» в Санкт-Петербурге (125 лет со дня рождения Е. Г. Пчелиной) // Археология, этнография и языки Кавказа. Вып. 2 : К 125-летию со дня рождения Е. Г. Пчелиной / сост. Л. Д. Бондарь, Е. Г. Панкратова (Застрожнова) ; ред. И. В. Тункина, Л. Д. Бондарь, А. В. Дарчиев. СПб., 2020. С. VII–XIV. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; вып. 18).

В Организационный комитет конференции вошли руководители учреждений системы РАН и их структурных подразделений: И. В. Тункина, член-корреспондент РАН, директор СПбФ АРАН, председатель Организационного комитета; З. В. Канукова, д. и. н., профессор, директор СОИГСИ им. В. И. Абаева, заместитель председателя Организационного комитета (Владикавказ); Л. Д. Бондарь, к. и. н., СПбФ АРАН, секретарь Организационного комитета; А. В. Работкевич, канд. культурологии, директор Архива РАН (Москва); Е. А. Иванова, к. и. н., СПбНЦ РАН; Е. Ю. Басаргина, д. и. н., СПбФ АРАН; Е. Н. Груздева, к. и. н., СПбФ АРАН; Е. Г. Застрожная, к. и. н., СПбФ АРАН; Т. В. Костина, к. и. н., СПбИИ РАН; М. В. Поникаровская, к. и. н., СПбФ АРАН; К. В. Сазанова, к. б. н., СПбФ АРАН; И. М. Щедрова, СПбФ АРАН.

В работе чтений приняло участие 156 человек, с докладами выступили 124 человека. Участники конференции представили девять стран (Беларусь, Германия, Дания, Италия, Китай, Польша, Украина, Франция, Черногория), Республику Южная Осетия и научные академические и университетские центры шести городов России (Владикавказ, Краснодар, Москва, Санкт-Петербург, Сыктывкар, Томск).

Работа конференции была организована в семи секциях: «Архивоведение», «Изучение архивного наследия», «Проблемы консервации и реставрации архивных и библиотечных фондов», «История науки. XVIII век», «Иностранные языки в России XVIII века», «Открытое объединенное заседание Ученого совета СПбФ АРАН и Объединенного научного совета по общественным и гуманитарным наукам СПбНЦ РАН, посвященное 75-летию Победы», «Общественно-политическая и культурная история Кавказа (Вторые Пчелинские чтения)». В рамках работы секции «Архивоведение» в первый день заседаний прошел мастер-класс «Изготовление мраморной бумаги», подготовленный и проведенный старшим научным сотрудником Библиотеки РАН Т. В. Кульматовой и преподавателем Байкальского государственного университета А. С. Лоц.

Материалы конференции, объем которых оказался солидным, были разделены на несколько тематических томов. В качестве отдельного сборника вышли материалы «Вторых Пчелинских чтений»³. Самостоятельный сборник, расширенный разделом «Бессмертный полк», сформировали доклады секции, посвященной 75-летию Победы во Второй мировой войне⁴. Цельный тематический блок сформировали доклады секции «История науки. XVIII век», большинство из которых были посвящены научной биографии первого ученого — исследователя Сибири, посланца Петра I Даниэля Готлиба Мессершмидта (1685–1735). Особое значение этих исследований

³ Археология, этнография и языки Кавказа. Вып. 2 : К 125-летию со дня рождения Е. Г. Пчелиной / сост. Л. Д. Бондарь, Е. Г. Панкратова (Застрожная) ; ред. И. В. Тункина, Л. Д. Бондарь, А. В. Дарчиев. СПб., 2020. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; вып. 18).

⁴ От 1939-го до 1945-го: ученые и научные учреждения в годы Второй мировой войны. К 75-летию победы во Второй мировой войне : сб. статей с приложением «Бессмертный полк» / сост. Л. Д. Бондарь, Н. В. Крапошина ; ред. И. В. Тункина, М. В. Поникаровская. СПб., 2022 (в печати).

подчеркнула в своем заключительном слове член Программного комитета «Миллеровских чтений» д-р Н. Охотина-Линд (Университет Копенгагена, Дания): «Необыкновенно интересная работа ведется сейчас общими усилиями под крышей Архива Академии наук и многих других дружественных организаций. Я не перестаю удивляться величине и глобальности тематики Д. Г. Мессершмидта и вокруг него. Эти исследования подняли такой огромный пласт информации о зарождении русской науки и не в последнюю очередь — проникновения культуры пиетизма на русскую почву, ее развития здесь и влияния на различные стороны российской жизни. Труды сотрудников Архива и их коллег смогут сейчас заполнить эту лагуну. Я с огромным нетерпением жду новых публикаций по Д. Г. Мессершмидту и считаю эту культурно-историческую персоналию настоящим открытием века». Материалы этой секции были опубликованы отдельным сборником⁵ вместе со статьями о биографии, научной и экспедиционной деятельности Д. Г. Мессершмидта и докладами, прозвучавшими полутора годами ранее, 6 марта 2019 г., на Объединенном заседании Ученого совета СПбФ АРАН и Объединенного научного совета по общественным и гуманитарным наукам СПбНЦ РАН, посвященном 300-летию начала экспедиции Д. Г. Мессершмидта⁶.

Нет сомнения в том, что плодотворные научные дискуссии, прошедшие в рамках чтений, содействовали оживлению межрегионального и международного взаимодействия и расширению сотрудничества учреждений науки, культуры и образования в области историко-научных, архивоведческих и реставрационных исследований.

⁵ К 300-летию начала экспедиции Даниэля Готлиба Мессершмидта в Сибирь (1719–1727) : сб. статей / сост. Е. Ю. Басаргина, Л. Д. Бондарь, И. В. Тункина ; отв. ред. И. В. Тункина. СПб., 2021. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; вып. 19).

⁶ Басаргина Е. Ю., Бондарь Л. Д., Тункина И. В. 1) 300 лет первой научной экспедиции в Сибирь: Даниэль Готлиб Мессершмидт и изучение его научного наследия // Историко-биологические исследования. 2019. Т. 11, № 3. С. 120–134; 2) Научное наследие Даниэля Готлиба Мессершмидта в новейших исследованиях петербургских ученых // К 300-летию начала экспедиции Даниэля Готлиба Мессершмидта в Сибирь (1719–1727). С. 9–16.

ПРИВЕТСТВИЕ ИНСТИТУТА ВОСТОЧНЫХ РУКОПИСЕЙ РАН

Дорогие коллеги, представительная Международная конференция «Миллеровские чтения» по праву является одной из визитных карточек академической жизни Санкт-Петербурга. С апреля 2013 г. регулярно проводимые чтения, посвященные памяти первого директора Архива Российской академии наук Герхарда Фридриха Миллера (1705–1783), являются смотром последних достижений отечественных и многих зарубежных архивистов. Вводимые в научный оборот документы, уточняемые факты, возрождаемые в истории забытые имена — эти новейшие результаты кропотливого труда историков науки получают свое первое представление на «Миллеровских чтениях».

Организатор чтений Архив РАН в Санкт-Петербурге — наша гордость. Здесь хранится память не только Академии, но и всей нашей страны. Основанный в 1728 г. первый научный Архив России сформировался в уникальный комплексный хранительский центр. Веками создававшиеся традиции академического архивного дела легли в основу уникальной санкт-петербургской школы *классического архивоведения*.

2020 г. символичен для Архива тем, что завершается строительство его нового здания. Главной движущей силой этого долгожданного события, бесспорно, является неиссякаемая энергия директора Санкт-Петербургского филиала Архива РАН Ирины Владимировны Тункиной. От всей души и от имени всех читателей Санкт-Петербургского филиала Архива РАН желаю Вам гладкого и скорейшего переезда.

Пожалуй, не найдется в Санкт-Петербурге исследователя, который хотя бы раз не воспользовался фондами нашего академического Архива. Разрешите мне от имени сотрудников Института восточных рукописей Российской академии наук выразить глубочайшую благодарность всем сотрудникам вашего замечательного учреждения. Нас восхищают ваш профессионализм, преданность своему делу и неизменные к нам терпение и доброжелательность. Ваша ценность не меньше абсолютной ценности уникальных фондов, которые храните, описываете, публикуете, реставрируете.

Доброго вам здоровья и успехов «Миллеровским чтениям — 2020»!

*Директор ИВР РАН
д. и. н. И. Ф. Попова*

GRUSSWORT DER FRANCKESCHEN STIFTUNGEN (HALLE/SAALE)

Meine Damen und Herren,
ich möchte Ihnen die herzlichsten Grüße aus den Franckeschen Stiftungen in Halle an der Saale übermitteln und möchte zuerst Frau Professor Dr. Irina Tunikina und Frau Dr. Larissa Bondar sehr herzlich für die Organisation der «Müller-Lesung 2020» in St. Petersburg danken.

Die Franckeschen Stiftungen und das Archiv der Akademie der Wissenschaften in St. Petersburg sind seit vielen Jahren durch eine enge Kooperation miteinander verbunden und ebenso wie das Archiv in St. Petersburg haben die Franckeschen Stiftungen die Aufgabe, das reiche dokumentarische Erbe, was durch August Hermann Francke und seine pietistische Bewegung auf die Nachwelt gekommen ist, zu erhalten, zu erschließen, wissenschaftlich zu erforschen.

Die Franckeschen Stiftungen haben heute drei wissenschaftliche Sammlungen, die in einem engen Zusammenhang miteinander stehen. Da ist zum einen die wunderschöne Barock-Bibliothek, deren Bau 1728 entstanden ist und die August Hermann Francke Ende des 17. Jahrhunderts angelegt hat, mit etwa 60.000 Bänden aus allen Wissensgebieten. Das wird ergänzt durch ein großes kulturhistorisches Archiv, wo die weltweiten Korrespondenzen, die August Hermann Francke geführt hat, aufbewahrt werden und von Archivaren wissenschaftlich erschlossen, katalogisiert werden. Und drittens die Kunst- und Naturalienkammer, die als einzig vollständige Wunderkammer ihrer Art in Europa gelten kann. Alle drei Sammlungen beziehen sich aufeinander und haben auch viel Information über die Beziehungen der Franckeschen Stiftungen nach Russland. Und ich möchte an dieser Stelle ein besonderes Dokument hervorheben, was vor genau 325 Jahren entstanden ist. Im Oktober 1695 schrieb der Diplomat und Gelehrte Heinrich Wilhelm Ludolf an August Hermann Francke, nach einer beendeten Reise, die er nach Russland unternommen hatte, berichtete über die kirchlichen Verhältnisse dort und fragte bei Francke nach einem Mitarbeiter für Laurentius Blumentrost den Älteren, der dort als Hauslehrer und auch als Pfarrer tätig werden sollte. Daraufhin ist 1696 der erste Abgesandte aus den Franckeschen Stiftungen nach Russland geschickt worden, Samuel Justus Scharschmidt, und von da aus hat sich eine breite Brücke des Austausches zwischen den Franckeschen Stiftungen und dem russischen Zarenreich des 17. und 18. Jahrhunderts entwickelt.

Auf diese Weise gibt es bis heute zahlreiche Anknüpfungspunkte für wissenschaftliche Kooperationsprojekte und das ist auch ein wichtiger Grund dafür, warum wir viele unserer Dokumente mittlerweile digitalisiert im Internet zur Verfügung stellen: Damit dort weltweit Zugriff für die wissenschaftliche Community besteht.

Ich wünsche den «Müller-Lesung» einen erfolgreichen Verlauf und freue mich, wenn wir von den Ergebnissen hören und bin sehr gespannt auf die weitere Zusammenarbeit mit Ihnen.

Alles Gute und viele Grüße aus Halle!

*Direktor der Franckeschen Stiftungen,
Prof. Dr. Thomas Müller-Bahlke*

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО ОТ ФОНДА ФРАНКЕ (ГАЛЛЕ/ЗААЛЕ)

Дамы и господа,

я хотел бы вас сердечно поприветствовать от имени Фонда Франке в Галле на Заале. Прежде всего, хотел бы сердечно поблагодарить госпожу доктора Ирину Тункину, а также госпожу Ларису Бондарь за организацию «Миллеровских чтений — 2020» в Петербурге.

Фонд Франке и Санкт-Петербургский Архив Академии наук в течение ряда лет связаны друг с другом тесным сотрудничеством; так же как и Архив, Фонд ставит перед собой задачу сохранить богатое документальное наследие, оставленное Августом Германом Франке и его пиетическим движением, выявить его и исследовать.

В Фонде Франке сегодня имеется три собрания, которые тесно связаны друг с другом. Во-первых, это прекрасная барочная библиотека, которая приобрела это помещение в 1728 г.; ее первые коллекции были собраны Августом Германом Франке в конце XVII в. и включали около 60 000 томов из всех областей знаний. Дополнением является большой культурно-исторический архив, где хранится корреспонденция А. Г. Франке с адресатами со всего мира, которую изучают и каталогизируют сотрудники архива. И третье — это Искусственный и Натуральный кабинет; его следует считать единственным в своем роде собранием в Европе, которое в полном смысле слова можно назвать Wunderkammer. Все три собрания связаны друг с другом и содержат богатую информацию в том числе о связях Фонда Франке с Россией. В этом месте я должен отметить один особенный документ, который появился на свет ровно 325 лет тому назад. В октябре 1695 г. дипломат и ученый Генрих Вильгельм Лудольф, вернувшись из поездки в Россию, сообщил А. Г. Франке о церковной обстановке там и попросил у Франке рекомендовать кого-либо для Лаврентия Блюментроста Старшего для работы у него в качестве домашнего учителя, а также приходского священника. В результате в 1696 г. в Россию был отправлен первый посланец от Фонда Франке — Самуэль Юстус Шааршмидт, и с этого времени стала налаживаться широкая практика обменов между Фондом Франке и Российским государством XVII и XVIII вв.

Таким образом, сегодня имеется множество точек соприкосновения для сотрудничества, и это является важной причиной того, что мы предоставляем для широких кругов через Интернет многие наши документы в оцифрованном виде: чтобы обеспечить к ним доступ международного научного сообщества.

Я желаю «Миллеровским чтениям» успешной работы, буду рад узнать об их результатах и с готовностью ожидаю дальнейшей совместной работы.

Всего доброго и наилучшие пожелания из Галле!

*Директор Фонда Франке
проф. Томас Мюллер-Бальке*

GRUSSWORT DER INTERNATIONALEN GEORG-WILHELM-STELLER-GESELLSCHAFT (HALLE/SAALE)

Herzliche Grüße aus Halle an der Saale von der Internationalen Georg-Wilhelm-Steller-Gesellschaft an die Teilnehmer der Konferenz «Müller-Lesungen» der St. Petersburger Abteilung der Russischen Akademie der Wissenschaften vom 21.–24. Oktober 2020.

Halle liegt 50 km von Leipzig entfernt, dem Studienort von Gerhard Friedrich Müller.

Johann Sebastian Bach war zu dieser Zeit Kantor an der Leipziger Thomaskirche.

Georg Wilhelm Steller (1709–1746) und Gerhard Friedrich Müller (1705–1783) studierten etwa zeitgleich an den mitteldeutschen Universitäten Halle und Leipzig.

Ihre ausgezeichnete Ausbildung befähigte sie, Teilnehmer einer der größten Expeditionen, der Zweiten Kamtschatka-Expedition (1733–1746) oder Großen Nordischen Expedition, zu werden.

Im Dienst der Russischen Akademie der Wissenschaften konnten sie zur Erkundung der Welt beitragen.

Georg Wilhelm Steller zog mit der Wissenschaftsgruppe von St. Petersburg durch den Kontinent bis Kamtschatka und war unter Kapitän Bering, dem Kolumbus des Zaren, erster europäischer Naturforscher in Alaska. Gerhard Friedrich Müller erreichte Jakutsk. Seine Schriften sind die ersten wissenschaftlichen Beschreibungen der in Sibirien lebenden Völker. Sie können als einer der frühesten Versuche angesehen werden, die Ethnographie (Völkerbeschreibung) als eigenständigen Wissenschaftszweig zu etablieren.

Seit 1991 gibt es eine Wiederbelebung dieser europäischen, dieser russisch-deutschen wissenschaftlichen Zusammenarbeit. Wieland Hintzsche aus Halle widmet sich seit seinem ersten Besuch in St. Petersburg dem wissenschaftlichen Erbe der großen Expeditionen in Russland in der ersten Hälfte des XVIII. Jahrhunderts.

Auch in diesem Jahr 2020 gibt es mit der MOSAiC–Eisdriftexpedition (Multidisciplinary drifting Observatory for the Study of Arctic Climate) eine riesengroße Expedition zur Erforschung der Polarregion unter den beiden Führungsnationen Russland und Deutschland.

Unser Mitglied Steffen Graupner war Teilnehmer dieser Expedition. Er sandte uns ein Grußwort zur Jahresversammlung der Steller-Gesellschaft am 7. Oktober mit faszinierenden Bildern von Bord der «Polarstern». Aus seinem Grußwort zitiere ich:

«Mit der engen Kooperation unserer beiden Nationen steht MOSAiC in logischer historischer Nachfolge zur Großen Nordischen Expedition von Vitus Bering. Haben Vitus Bering und Georg Wilhelm Steller mit ihrer Expedition Sibirien im Raum vermessen, so erschließt MOSAiC 280 Jahre später auf der größten Arktisexpedition aller Zeiten feinskalig die dynamischen Interaktionen

von Atmosphäre, Kryosphäre, Hydrosphäre und Biosphäre und ihre Rückkopplungen mit dem Klimasystem.

Insgesamt fünf Teams von je 100 Wissenschaftlern, Logistikern und Polarfahrern aus 20 Ländern und 80 Partnerinstitutionen wechselten sich in mehrmonatigen Fahrtabschnitten ab.

Nach wie vor ist die Arktis selbst nur von wenigen Menschen besiedelt – und bestimmt gleichwohl das Wettergeschehen für nun mehrere Milliarden Bewohner der Nordhalbkugel.

Während wir in Mitteleuropa ca. 1°C Temperaturanstieg seit vorindustrieller Zeit verzeichnen, sind es in der Arktis bereits 4°C. In Teilen der östlichen russischen Arktis, zuerst erkundet von der Nördlichen Gruppe der Zweiten Kamtschatka – Expedition unter Wassili Prontschischtschew, Dmitri und Chariton Laptew sowie Semjon Tscheljuskin, sehen wir vor allem an der Beringstrasse Temperaturanstiege von bis zu 10°C.

Warum erwärmt sich die Arktis so viel schneller als der Rest der Welt? Vieles ist uns dabei noch unklar. Unzählige Fragen ergeben sich. Darüber mehr zu lernen, ist Kernanliegen der MOSAiC – Expedition».

Soweit aus dem Grußwort von unserem Polarfahrer © Steffen Graupner.

Die Internationale Georg-Wilhelm-Steller-Gesellschaft wünscht der Konferenz «Müller-Lesungen» Erfolg und Freude beim Austausch von Forschungsergebnissen, Gedanken und Ideen, die in die Zukunft weisen.

Wir freuen uns auf ein Wiedersehen in Halle.

*Mit herzlichen Grüßen
Eure / Ihre
Elisabeth und Wieland Hintzsche
im Namen der Internationalen
Georg-Wilhelm-Steller-Gesellschaft*

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО ОТ МЕЖДУНАРОДНОГО ОБЩЕСТВА ГЕОРГА ВИЛЬГЕЛЬМА СТЕЛЛЕРА (ГАЛЛЕ/ЗААЛЕ)

Сердечный привет из Галле на Заале от Международного общества Георга Вильгельма Стеллера участникам конференции «Миллеровские чтения» Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук.

Как и два года назад, я хотела бы представить наш родной город, Галле, находящийся в 50 км от Лейпцига, места учебы Герхарда Фридриха Миллера. В то время Иоганн Себастьян Бах был кантором в лейпцигской церкви Св. Фомы.

Георг Вильгельм Стеллер и Герхард Фридрих Миллер учились практически в одно и то же время в двух университетах центральной Германии — в Галле и Лейпциге.

Прекрасное образование позволило им стать участниками одной из величайших экспедиций — Второй Камчатской экспедиции (1733–1746), или Великой Северной экспедиции.

На службе Российской академии наук они смогли внести свой вклад в изучение мира. Георг Вильгельм Стеллер вместе с Академическим отрядом прошел из Петербурга через весь континент до Камчатки и, отправившись далее с Берингом, стал первым европейским исследователем Аляски.

Герхард Фридрих Миллер доехал до Якутска. Его труды являются первыми научными описаниями сибирских народов; они могут рассматриваться как одна из ранних попыток придать этнографическим описаниям научный характер.

С 1991 г. осуществляется возрождение этого европейского, российско-немецкого сотрудничества. Виланд Хинтцше со времени своего первого посещения Санкт-Петербурга посвящает себя изучению научного наследия великих российских экспедиций первой половины XVIII в.

И в этом году силами MOSAiC–Eisdriftexpedition (Multidisciplinary drifting Observatory for the Study of Arctic Climate) была организована обширнейшая экспедиция по изучению полярных областей при участии России и Германии.

Член нашего общества Steffen Graupner принял участие в этой экспедиции. Он прислал нам свое приветственное слово на годичное собрание общества 7 октября с захватывающими снимками с борта «Полярной звезды».

Цитирую: «Благодаря тесному сотрудничеству двух наших наций MOSAiC является логическим продолжателем Великой Северной экспедиции Витуса Беринга. Если Витус Беринг и Георг Вильгельм Стеллер со своей экспедицией измерили Сибирь в пространстве, то 280 лет спустя в крупнейшей арктической экспедиции всех времен MOSAiC раскрывает динамические взаимодействия атмосферы, криосферы, гидросферы и биосферы и их связь с климатической системой. Пять команд, состоящих из 100 участников (ученых, логистов, полярников) из 20 стран и 80 партнерских институтов, отправились в многомесячное путешествие. Арктика, как и прежде, заселена совсем незначительно — но вместе с тем имеет определяющее значение в отношении погодных условий для нескольких миллиардов жителей Северного полушария. В то время как в Центральной Европе со времен

доиндустриальной эпохи мы отмечаем повышение температуры на 1°, в Арктике это уже 4°. На востоке русской Арктики, исследованном впервые северным отрядом Второй Камчатской экспедиции (Василий Прончищев, Дмитрий и Харитон Лаптевы, Семен Челюскин), мы отмечаем, прежде всего в Беринговом проливе, повышение до 10°. Почему потепление в Арктике идет намного быстрее, чем в остальном мире? Много остается неясным. Возникает бесчисленное множество вопросов. Выяснение этого и является основной задачей MOSAiC – Expedition».

Это было приветствие от нашего полярника Steffen Graupner.

Международное общество Георга Вильгельма Стеллера желает конференции «Миллеровские чтения» успеха и радости от обмена исследовательскими результатами, мыслями и идеями, намечающими будущие перспективы.

Будем рады видеть вас в Галле.

*Ваши Элизабет и Виланд Хинтцше
от имени Международного общества
Георга Вильгельма Стеллера*

ПРЫВІТАЛЬНАЕ СЛОВА ІНСТЫТУТА ГІСТОРЫ НАЦЫЯНАЛЬнай АКАДЭМІІ НАВУК БЕЛАРУСІ

Шаноўныя калегі, арганізатары і ўдзельнікі «Миллеровских чтений — 2020». Сёння мне выпаў гонар прывітаць міжнародны навуковы форум ад імя Інстытута гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, усіх яго супрацоўнікаў, а таксама былога дырэктара В. В. Даніловіча, зараз ужо Рэктара Акадэміі кіравання пры Прэзідэнце Рэспублікі Беларусь. Традыцыйна гэтае навуковае мерапрыемства збірае разам многіх выдатных навукоўцаў з Усходняй і Заходняй Еўропы, а таксама з іншых частак свету. Сёлетняя канферэнцыя прысвечана захаванню дакументальнай акадэмічнай спадчыны, што асабліва цікава і важна для нашай установы. Яшчэ ў пачатку 30-х гадоў ХХ ст. пры Інстытуце гісторыі быў створаны Цэнтральны навуковы архіў НАН Беларусі, як самастойнае навукова-метадычнае падраздзяленне па працы з дакументамі Нацыянальнага архіўнага фонду Рэспублікі Беларусь. Напрыклад, у нашым архіве захоўваецца звыш 20 тысяч асабістых спраў вядомейшых беларускіх вучоных і грамадскіх дзеячоў. Адзначу таксама, што ў Фондзе археалагічнай навуковай дакументацыі захоўваюцца звыш 3 тысяч справаздач аб археалагічных даследаваннях на Беларусі і сумежных тэрыторыях ад 20-х гадоў мінулага стагоддзя да сучаснасці, палявыя дзённікі, асабістыя справы археолагаў. І паколькі тэмай сёлетніх «Миллеровских чтений» з'яўляецца пераемнасць у захаванні і вывучэнні дакументальнай навуковай спадчыны, то вынікі гэтага навуковага форуму з'яўляюцца асабліва важнымі і цікавымі для Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі ў сувязі з адзначэннем у наступным 2021 г. 100-годдзя Інстытута беларускай культуры, папярэдніка Беларускай Акадэміі навук.

Мы спадзяемся, што супрацоўніцтва паміж Санкт-Пецярбургскім філіялам Архіва Расійскай акадэміі навук і Інстытутам гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі будзе працягвацца і ўмацоўвацца. Вельмі добрым прыкладам нашага навуковага супрацоўніцтва з'яўляецца выданне дакументальнай спадчыны акадэміка Я. Ф. Карскага. Першая частка сумеснай працы выйшла летам гэтага года ў Мінску пад назвай «Жизнь и деятельность академика Е. Ф. Карского: сборник документов и материалов: в 2 частях», а другая рыхтуецца да выдання ў Санкт-Пецярбургу. Аснову гэтага выдання складаюць дакументы Санкт-Пецярбургскага філіяла Архіва РАН, таму для беларускага даследчыка абсалютная большасць дакументаў гэтага зборніка з'яўляюцца новымі каштоўнымі крыніцамі па беларусазнаўстве, гісторыі і культуры Беларусі канца ХІХ — першай трэці ХХ ст.

Жадаю ўсім удзельнікам «Миллеровских чтений — 2020» паспяховай навуковай дзейнасці, Вам, Вашым калегам і блізкім моцнага здароўя і цярдзення ў гэты абцяжараны складанай эпідэміялагічнай сітуацыяй час. Вучоныя заўсёды былі і будуць разам, а любоў і вернасць да сваёй прафесіі дапаможа ў любых сітуацыях!

*Дырэктар Інстытута гісторыі
Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі
кандыдат гістарычных навук, дацэнт
Вадзім Леанідавіч Лакіза*

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО ИНСТИТУТА ИСТОРИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК БЕЛАРУСИ

Уважаемые коллеги, организаторы и участники «Миллеровских чтений — 2020». Сегодня мне выпала честь приветствовать международный научный форум от имени Института истории Национальной академии наук Беларуси, всех его сотрудников, а также бывшего директора В. В. Даниловича, теперь уже ректора Академии управления при Президенте Республики Беларусь. Традиционно это научное мероприятие собирает вместе многих выдающихся ученых из Восточной и Западной Европы, а также из других частей света. Нынешняя конференция посвящена сохранению документального академического наследия, что также интересно и важно для нашего учреждения.

Еще в начале 30-х гг. XX в. при Институте истории был создан Центральный научный архив НАН Беларуси — как самостоятельное научно-методическое подразделение по работе с документами Национального архивного фонда Республики Беларусь. В нашем архиве хранится свыше 20 тыс. личных дел известных белорусских ученых и общественных деятелей. Отмечу также, что в Фонде археологической научной документации хранятся свыше 3 тыс. отчетов об археологических исследованиях в Беларуси и сопредельных территориях от 20-х гг. прошлого века до современности, полевые дневники, личные дела археологов. И поскольку темой нынешних «Миллеровских чтений» является преемственность в сохранении и изучении документального научного наследия, то результаты этого научного форума являются особенно важными и интересными для Национальной академии наук Беларуси в связи с празднованием в следующем, 2021 г. 100-летия Института белорусской культуры, предшественника Белорусской академии наук.

Мы надеемся, что сотрудничество между Санкт-Петербургским филиалом Архива Российской академии наук и Институтом истории Национальной академии наук Беларуси будет продолжаться и укрепляться. Очень хорошим примером нашего научного сотрудничества является издание документального наследия академика Е. Ф. Карского. Первая часть совместной работы вышла летом этого года в Минске, а вторая готовится к изданию в Санкт-Петербурге.

Желаю всем участникам «Миллеровских чтений — 2020» успешной научной деятельности, Вам, Вашим коллегам и близким — крепкого здоровья и терпения в это осложненное эпидемиологической ситуацией время. Ученые всегда были и будут вместе, а любовь к своей профессии и верность ей помогут в любых ситуациях!

*Директор Института истории
Национальной академии наук Беларуси
к. и. н., доц. Вадим Леонидович Лакиза*

PRZEMÓWIENIE POWITALNE INSTYTUTU HISTORII NAUKI
IM. LUDWIKA I ALEKSANDRA BIRKENMAJERÓW
POLSKIEJ AKADEMII NAUK

Dear Director Professor Irina V. Tunkina,

I am very disappointed that I cannot participate in this year's edition of the international scientific conference «Müller's Conference — 2020: Continuity and Traditions in Preserving and Studying Documentary Academic Heritage». I am very pleased that, at least in this way, I can congratulate the Archive of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg Branch, on almost three hundred years of activity to protect documentation of the world scientific and cultural heritage of global importance. It is a great honour for me to be appointed as a member of the programme committee. I admire the scientific activity of the Archive and I am very happy that we have established cooperation between our institutions, which has already resulted in important publications.

This year «Müller's Conference — 2020» coincides with the 315th birth anniversary of Gerhard Friedrich Müller (1705–1783), who was the pioneer of the first scientific archive in Russia. I am looking forward to the scientific results of the research that will be discussed at the conference.

Finally, I want to wish you fruitful and creative discussions and successes in integrating the scientific community.

Yours sincerely

*Iwona Arabas, PhD, DSc ,
Supervisor of the History of Natural
and Medical Sciences Research Unit,
L. & A. Birkenmajer Institute for the History of Science,
Polish Academy of Sciences*

**ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО ИНСТИТУТА ИСТОРИИ НАУКИ
ИМ. ЛЮДВИКА И АЛЕКСАНДРА БИРКЕНМАЙЕРОВ
ПОЛЬСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

Уважаемая госпожа Тункина!

Я искренне огорчена, что в этом году не имею возможности участвовать в Международной научной конференции «Миллеровские чтения — 2020: Преемственность и традиции в сохранении и изучении документального академического наследия». Но мне приятно, что хотя бы таким образом я могу поздравить Архив РАН в Санкт-Петербурге с тем, что без малого триста лет он сберегает документы культурного и научного наследия всемирного значения. Для меня огромная честь быть членом Организационного комитета конференции. Я восхищаюсь научной деятельностью Архива и безмерно счастлива сотрудничеству наших учреждений, благодаря которому уже вышли в свет несколько важных публикаций.

В этот раз Миллеровская конференция совпадает с празднованием 315-летия со дня рождения Герхарда Фридриха Миллера (1705–1783), создателя первого научного архива России. С нетерпением жду результатов научных исследований, которые станут предметом обсуждения на конференции.

В заключение хочу пожелать Вам плодотворных и творческих дискуссий, а также успехов в объединении научного сообщества.

Искренне Ваша,

*д-р Ивона Арабас,
заведующая научно-исследовательским центром
естествознания и медицины
Института истории науки
им. Людвига и Александра Биркенмайеров
Польской академии наук*

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО ЧЕРНОГОРСКОГО ИНСТИТУТА ИСТОРИИ

Уважаемые участники «Миллеровских чтений»!
Уважаемая госпожа доктор Ирина Владимировна Тункина!

В прошлом году Черногорский институт истории и Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук установили научный контакт и начали путь к многолетнему, как мы надеемся, сотрудничеству.

Российско-черногорские отношения уходят своими корнями в историческое прошлое. Для черногорского общества «русский фактор» имел большое значение. Черногорцам было чрезвычайно важно защититься от включения их территории, исторических и национальных традиций и ценностей в зону ислама и католицизма. В этом Черногория опиралась главным образом на помощь и политическую поддержку, т. е. покровительство, России. Поэтому «русский фактор» в Черногории имел ключевое значение для сохранения идентичности народа и одновременно являлся узловой точкой, в которой национально-освободительные процессы и процессы формирования государства и культурного преобразования получали новую историческую энергию.

В фондах петербургского архива хранится множество документов по истории и этнографии Черногории, языку и литературе черногорского народа, поэтому перед нами широкое поле деятельности к углублению знаний о нашей общей истории, которую мы надеемся осуществить, когда снова будут открыты границы между нашими государствами.

К сожалению, я не смог лично участвовать в работе конференции, однако в знак огромной благодарности организаторам за приглашение, а также отдавая должное большой научной значимости конференции, в качестве скромного вклада пришлю статью в сборник материалов конференции. Это будет для меня большой честью и утешением за то, что я не мог присутствовать лично.

Желаю вам успешной работы!

Со множеством искренних и теплых приветствий из Черногории.

*Директор Черногорского института истории
д-р Радослав Распопович*

**АРХИВНОЕ ДЕЛО
И ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ**

Т. Ю. Феклова
Санкт-Петербургский филиал Института истории
естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН

**АРХИВЫ ПЕКИНСКОЙ МАГНИТНО-МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКОЙ
ОБСЕРВАТОРИИ АКАДЕМИИ НАУК В СОБРАНИИ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ФИЛИАЛА АРХИВА
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

В 1848 г. на территории Русской духовной миссии в Пекине (Китай) была построена русская Магнитно-метеорологическая обсерватория. В 1866 г. она была передана под юрисдикцию Санкт-Петербургской академии наук. Большая часть архивов этой обсерватории была уничтожена в ходе восстания ихэтуаней в Китае (1900) и «культурной революции» (1966–1976). СПбФ АРАН удалось сохранить ряд документов, отражающих историю этого уникального, но незаслуженно забытого учреждения.

Ключевые слова: Академия наук, магнитно-метеорологическая обсерватория, Пекин, архив.

T. Yu. Feklova
St. Petersburg Branch of S. I. Vavilov Institute for the History
of Science and Technology of the RAS

**ARCHIVES OF THE BEIJING MAGNETIC AND
METEOROLOGICAL OBSERVATORY OF THE
ACADEMY OF SCIENCES IN THE COLLECTION OF
THE ST. PETERSBURG BRANCH OF THE RAS ARCHIVE**

In 1848 on the territory of the Russian Orthodox Mission in Beijing (China) the Russian Magnetic and Meteorological Observatory was built. In 1866 it was transferred under the jurisdiction of the Academy of Sciences. A major part of the observatory archives was burned during the Yihetuan rebellion (1900) and the Chinese cultural revolution (1966–1976). SPbB ARAS was able to preserve a number of documents reflecting the history of this unique and undeservingly forgotten institution.

Key words: Academy of Sciences, magnetic and meteorological observatory, Beijing, archive.

Вызовы современности предопределили направление внешней политики России в сторону динамично и эффективно развивающихся стран Дальнего Востока. В этой связи важно вспомнить историю уникального учреждения — Магнитно-метеорологической обсерватории Императорской академии наук, работавшей в Пекине (Китай) с 1848 по 1914 г., а также историю уникальных исторических данных, находящихся в собрании СПбФ АРАН.

Историография

Истории Русской духовной миссии в Китае в XIX в., истории экспедиций Академии наук в Китай в XIX столетии посвящен ряд трудов, среди которых особо стоит отметить работы П. Е. Скачкова и В. С. Мясникова¹, А. И. Ипатовой², О. Клаба³ и многих других.

Настоящая статья касается вопросов научного изучения Санкт-Петербургской академией наук Китая, истории российской Магнитно-метеорологической обсерватории в Пекине (ПММО) во второй половине XIX в. и документов ПММО в архиве Академии наук в Санкт-Петербурге.

История Пекинской магнитно-метеорологической обсерватории

В 1819 г. в Академии наук был разработан план по строительству на территории Русской духовной миссии (РДМ) в Пекине астрономической обсерватории. Академия наук надеялась привлечь китайских ученых к совместной работе и уже через них рассчитывала увеличить влияние российской политики при китайском дворе.

В середине XIX в. появляются и начинают распространяться новые научные дисциплины: метеорология и изучение земного магнетизма. Известный английский ученый Э. Сэбин в 1830-х гг. провозгласил «магнитный крестовый поход» и призвал правительство Великобритании создать несколько магнитно-метеорологических обсерваторий для изучения земного магнетизма. Ориентируясь на международные научные тенденции, в Санкт-Петербургской академии наук было принято решение заменить научную направленность планируемой обсерватории с астрономической на магнитно-метеорологическую. Однако в обсерватории проводились и отдельные астрономические наблюдения.

В 1848 г. на территории Русской духовной миссии в Пекине была учреждена первая европейская Магнитно-метеорологическая обсерватория в Китае (обсерватория Зи-ка-вей (Шанхай) была основана французскими миссионерами только в 1873 г.). Ее астрономическое положение было определено членом РДМ И. А. Гошкевичем (в архивных документах встречается другое написание фамилии: Гашкевич) в 1841 г. ($116^{\circ}28''$,6 вост. долготы по

¹ Скачков П. Е., Мясников В. С. (сост.). Русско-китайские отношения, 1689–1916. Официальные документы. М., 1958.

² Ипатова А. И. Деятельность Российской духовной миссии в Китае // Отечественные записки. 2008. № 3 (42). С. 320–331.

³ Clubb O. E. China and Russia. The “Great Game”. New York ; London, 1971.

Гринвичу и 39°56",8 сев. широты). В число основных задач, стоящих перед обсерваторией, помимо классических измерений климатических показателей (температура воздуха, атмосферное давление, осадки, облачность и пр.), входило и исследование земного магнетизма.

В истории Пекинской магнитно-метеорологической обсерватории выделяются три основных этапа:

1. *Начальный.* Обсерватория в Пекине была организована с нуля. Однако лучшие специалисты, отправленные туда в качестве директоров, их высокий уровень и инструменты, заказанные у ведущих специалистов в Германии, России и Англии, таких как Г. К. Брауэр, Г. И. Гейслер, Д. Арнольд, обеспечили с первых лет работы обсерватории высокий уровень наблюдений.

2. *Расцвет обсерватории.* В 70-х гг. XIX в. в России метеорология получает широкое развитие. Создаются специальные унифицирующие инструкции. Обсерватория в Пекине и ее станции в Сибири, Китае и Монголии выстраиваются в современную (на тот момент) сеть магнитно-метеорологических станций и обсерваторий, связанных единым инструментарием и едиными методиками наблюдений.

3. *Заключительный.* Мировые события, отсутствие финансирования и обрыв связей с центром привели к уничтожению обсерватории.

В 1866 г. Пекинская магнитно-метеорологическая обсерватория была передана под юрисдикцию Санкт-Петербургской академии наук⁴. Работа обсерватории продолжалась вплоть до 1900 г., когда в ходе восстания ихэтуаней в Китае подворье Русской духовной миссии подверглось разграблению и разрушению⁵. Однако через три года Магнитно-метеорологическая обсерватория Академии наук в Пекине была восстановлена, пусть и не в полном объеме. До 1915 г. данные, полученные в ходе работы обсерватории, поступали в Главную геофизическую обсерваторию им. А. И. Воейкова, однако Октябрьская революция 1917 г. в России разорвала налаженные связи между Россией и Китаем, финансирование обсерватории прекратилось, и она была ликвидирована.

Большая часть архивов Пекинской обсерватории оказалась уничтожена в ходе восстания ихэтуаней и китайской «культурной революции» (1966–1976), поэтому архивные данные обсерватории, сохранившиеся в Санкт-Петербурге, имеют особое значение для изучения истории как этого уникального учреждения, так и развития метеорологии в Дальневосточном регионе.

Материалы ПММО в СПбФ АРАН

Архивное наследие Пекинской магнитно-метеорологической обсерватории в основном отразилось в четырех главных архивохранилищах Санкт-Петербурга: Российском государственном историческом архиве (РГИА), Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН), Российской национальной библиотеке (РНБ) и библиотеке Главной геофизической обсерватории им. А. И. Воейкова (ГФО).

⁴ СПбФ АРАН. Ф. 337. Оп. 1. Д. 30. Л. 12 об.

⁵ Ушаков В. А., Петрова А. А. Восстание ихэтуаней в Китае в отображении иностранных наблюдателей // Общество. Среда. Развитие. 2016. № 4. С. 19–23.

Расцвет обсерватории в Пекине связан с именем Генриха Александровича Фритше, в 1866 г. назначенного ее новым директором. Наравне с директором ГФО Генрихом Ивановичем Вильдом Фритше стал одним из инициаторов и сподвижников развития российской метеорологии.

Основные материалы, нашедшие отражение в собрании СПбФ АРАН, подразделяются на следующие категории:

1. Биографические материалы директоров Пекинской магнитно-метеорологической обсерватории Г. А. Фритше, К. К. Неймана, Д. А. Пещурова.

2. Административно-хозяйственные и финансовые материалы Пекинской обсерватории: перечни инструментов, книг, находящихся в обсерватории, шнуровые книги последнего директора обсерватории Г. А. Фритше с записями о заработной плате директора и служащих обсерватории.

3. Документы станций ПММО, расположенных на территории Монголии и Китая (Урга, Цзилун, Хэй-шуэй и т. д.).

Рассмотрим их более подробно.

В связи с тем, что Пекинская магнитно-метеорологическая обсерватория в 1866 г. вошла в состав Академии наук, часть документов, касающихся истории ПММО, отразилась в фонде 703 (фонд Главной астрономической обсерватории в Пулкове). Это, прежде всего, документы по организации астрономических исследований в Китае, по организации топографических и астрономических работ по уточнению границы между Россией и Китаем. Г. А. Фритше до назначения его на должность директора Пекинской обсерватории служил вычислителем в Пулковской обсерватории⁶. Соответственно, вся информация о его послужном списке также хранится в фонде Пулковской обсерватории.

Административно-хозяйственные и финансовые материалы Пекинской обсерватории находятся в фонде 4 (Административно-хозяйственное управление ленинградских учреждений АН СССР). В состав фонда вошли поистине уникальные документы: шнуровые книги, заполненные лично директором ПММО Г. А. Фритше. В шнуровых книгах записаны все поступающие инструменты, размер жалования сотрудников обсерватории⁷ и все расходы, связанные с жизнедеятельностью обсерватории (покупки книг, ремонт зданий).

Во второй половине XIX в. на территории Китая и Монголии, до 1911 г. входившей в состав империи Цин, помимо Пекинской обсерватории, функционировали шесть магнитно-метеорологических станций, также входивших в огромную сеть магнитно-метеорологических станций и обсерваторий, подчиненных Академии наук. Эта сеть охватывала обширную территорию и простиралась от Хельсинки (Финляндия) до Цзилуна (Тайвань) и являлась в XIX столетии самой протяженной сетью магнитно-метеорологических станций в мире. Материалы, отражающие информацию по станциям, входившим в состав Пекинской обсерватории, находятся в фонде 337 (Главная геофизическая обсерватория им. А. И. Воейкова). В фонде содержатся документы о наблюдателях, работавших на этих станциях, инструментах, с помощью которых проводились наблюдения⁸, и сами результаты исследований.

⁶ СПбФ АРАН. Ф. 703. Оп. 3. Д. 143. — Личное дело Г. А. Фритше.

⁷ СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 110. Д. 29. — Книга прихода и расхода денежных сумм Пекинской обсерватории. 1882 г.

⁸ СПбФ АРАН. Ф. 337. Оп. 1. Д. 369. — Переписка с Пекинской обсерваторией.

Отдельные материалы, касающиеся работы Пекинской обсерватории, содержатся в фонде 2⁹ (Канцелярия Президиума АН СССР), фонде 38 (личный фонд М. А. Рыкачева — метеоролога, физика, академика АН), фонде 187 (личный фонд Б. С. Якоби — физика, академика АН), фонде 210 (личный фонд Г. И. Вильда — физика, метеоролога, академика АН).

Заключение

Россия и Китай имеют долгую историю межгосударственного взаимодействия. С 1713 по 1955 г. в Пекине работала Русская духовная миссия. В 1848 г. на территории Северного подворья миссии была построена Магнитно-метеорологическая обсерватория. Она стала «якорной» для ряда магнитно-метеорологических обсерваторий и станций в Сибири, Китае и Монголии. В ходе работы обсерватории и ее станций был накоплен уникальный фактический материал, полностью не оцененный до сих пор.

Архивные материалы, находящиеся в СПбФ РАН, отразили многообразие научной, административно-хозяйственной и финансовой деятельности обсерватории и являются уникальными источниками для изучения истории деятельности Академии наук в Китае, а также истории метеорологии в Дальневосточном регионе.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН СССР — Академия наук Союза Советских Социалистических Республик
ГФО — Главная геофизическая обсерватория им. А. И. Воейкова
ПММО — Пекинская магнитно-метеорологическая обсерватория
РГИА — Российский государственный исторический архив
РНБ — Российская национальная библиотека
РДМ — Русская духовная миссия
СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1864). Д. 23.
СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 110. Д. 29.
СПбФ АРАН. Ф. 337. Оп. 1. Д. 30, 369.
СПбФ АРАН. Ф. 703. Оп. 3. Д. 143.
Ипатова А. И. Деятельность Российской духовной миссии в Китае // Отечественные записки. 2008. № 3 (42). С. 320–331.
Скачков П. Е., Мясников В. С. (сост.) Русско-китайские отношения, 1689–1916. Официальные документы. М., 1958.
Ушаков В. А., Петрова А. А. Восстание ихэтуаней в Китае в отображении иностранных наблюдателей // Общество. Среда. Развитие. 2016. № 4. С. 19–23.
Clubb O. E. China and Russia. The “Great Game”. New York ; London, 1971.

⁹ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1864). Д. 23. — О покупке китайской библиотеки. 1864–1867 гг.

Р. Распопович
Институт истории Черногории, Цетине

**АРХИВНАЯ СЛУЖБА В ЧЕРНОГОРИИ — УСТАНОВЛЕНИЕ
ПРАКТИКИ ХРАНЕНИЯ ДОКУМЕНТОВ И ПРИНЯТИЕ
ПРАВИЛ О РАБОТЕ АРХИВОВ В XIX В.**

В опубликованных работах по теме развития архивной службы рассматриваются среди прочего многовековые традиции архивных учреждений, существовавших на территории современной Черногории, а также приводятся примеры сохранившихся архивных документов. Данная статья посвящена более позднему историческому периоду и области, где в геополитическом смысле зародилось современное черногорское государство. Этот период начинается с правления митрополитов из династии Петровичей (Petrović), продолжается до международного признания Черногории в 1878 г. и далее до 1918 г. Наряду с анализом практики ведения делопроизводства в XIX в. особое внимание уделено нормативному регулированию архивной деятельности. Введение правовых норм было результатом расширения знаний в области создания специализированных учреждений, в задачи которых входит сохранение не только документов, имеющих историческое значение, но и являющихся результатом нормативной работы государственных органов, особенно после обретения Черногорией независимости в 1878 г.

В статье рассматривается порядок хранения важных документов в Черногории, который в течение долгого времени не соответствовал архивным стандартам. С развитием первых архивных учреждений возникла необходимость регламентировать их деятельность и порядок работы нормативными актами.

Ключевые слова: архивы, нотариальный архив, епископ Петр I, епископ Петр II, князь Данило, князь Никола, инструкции по работе государственных архивов, законы.

R. Raspopović
Institute of the History of Montenegro, Cetinje

**ARCHIVAL SERVICE IN MONTENEGRO — ESTABLISHING THE
PRACTICE OF PRESERVING DOCUMENTS AND ADOPTING THE
RULES ON THE WORK OF ARCHIVES IN THE 19TH CENTURY**

The published works on the topic of the archival service development examine, among other things, the centuries old tradition of archival institutions that existed on the territory of today's Montenegro, providing the examples of

preserved archival documents. This paper focuses on a more recent historical period and an area where, in a geopolitical sense, the establishment of the modern Montenegrin state originated. The period begins with the reign of the Petrović dynasty Metropolitans, continues until the international recognition of Montenegro in 1878, and lasts until 1918. In addition to the analysis of the record-keeping practices in the 19th century, special attention was paid to the normative regulation of archival activity. The introduction of legal regulations was the result of the awareness development concerning the necessity to establish specialised institutions that would deal not only with the preservation of the documents of historical significance, but also those resulting from the regular work of state bodies, especially after Montenegro's independence in 1878.

The paper deals with the manner of preserving important documents in Montenegro, which did not meet archival standards for a long time. With the development of the first archival institutions, the need arose to regulate their activities and the manner of work by normative acts.

Key words: archives, registries, notary offices, Bishop Peter I, Bishop Peter II, Prince Danilo, Prince Nikola, instructions on the work of the State Archives, laws.

В работах из области архивоведения, относительно молодой научной дисциплины в Черногории, при рассмотрении архивной службы упоминается, помимо прочего, долгая, вековая традиция существования учреждений архивного типа. В этом контексте в качестве самых ранних подобных учреждений упоминаются придворные архивы, нотариальные и дворянские архивы, церковные архивы и др. При этом важным для раскрытия данной темы является тот факт, что отдельные территориальные части нынешней Черногории в определенных исторических эпохах принадлежали различным государствам, функционируя в соответствии с юридическими системами данных государств¹. С этим непосредственно связаны также оценки характера, способности организации, работы и уровня развития самых первых форм архивной деятельности на территории нынешней Черногории. Несомненно, самые первые формы данной деятельности появлялись на территориях, которые тогда принадлежали другим государствам, а сейчас находятся в составе Черногории. Естественно, в организации и функционировании власти в этих странах в течение веков происходили значительные изменения, касающиеся не только правительственного и административного аппаратов и их работы на всех уровнях, но также практики организованного хранения официальных архивных документов.

¹ Соответственно, в приморской части современной Черногории ситуация по хранению архивных документов была совсем иная, нежели в ее внутренней части. В Которе и других приморских городах очень рано начался процесс перевода архивной службы в ведение государства, при котором нотариус, бывший до этого частным, стал «первым архивистом фонда, сформировавшегося его усилиями...». Таким образом, в Которе уже довольно рано работали образованные нотариусы, прибывшие из университетских центров Италии, иногда уже со званием нотариуса, полученным от императора или папы. Последние подписывались как «*imperiali auctoritate*» или как «*auctoritate sacri Lateranensis palatii*». См.: Милошевић М. 40 година историјског архива у Котору // Ахивски записи 3. Цетиње, 1990. С. 12.

Конечно, все упомянутые ранние исторические периоды, относительно которых можно говорить о существовании практики организованного, институционального хранения официальных документов на территории нынешней Черногории, требуют особого исследовательского подхода и тщательного анализа с точки зрения архивоведения как профессии и исторической науки. Однако в центре внимания настоящего исследования находится не данный вопрос, а вопрос хранения архивных документов в более поздний исторический период на территории, которая в геополитическом смысле является изначально связанной с созданием современного черногорского государства. Данный период начинается с правления митрополитов династии Петровичей и заканчивается международным признанием Черногории как государства. В таких временных и пространственных границах появилась практика хранения официальных документов, положенная в основу нормативных правовых актов, регулирующих создание первых архивных учреждений в Черногории. Обзор данной практики говорит о пути развития современных способов организации и защиты архивных документов, а также соответствующих правовых актов, сделавших такое отношение к официальным документам обязательным.

Избрав данный подход, мы начнем свою статью с обзора существования и деятельности церковных архивов в рамках церковной и светской юрисдикции Цетиньской митрополии. Речь идет о религиозном учреждении, которое после подчинения Зеты Османской империей в 1499 г., являлось единственным центром не только духовного обновления, но и народного сопротивления и создания аппарата земной власти. Из нее (Цетиньской митрополии) вырос весь институциональный организм современного черногорского государства; ее ценности являются частью исторического наследия современной Черногории. Ее учреждения, элементы работы светской направленности, а также принимаемые предписания постепенно нормировали функционирование разных областей общественной жизни в стране. Государственный аппарат, сформировавшийся в практике функционирования митрополии в качестве центра духовной власти, содержал в себе внешние элементы теократической формы правления. Тем не менее факт того, что цетиньские митрополиты являлись носителями не только духовной, но и светской власти, сделал возможным ускоренное совершенствование государственного механизма через усвоение правового наследия современных обществ. Пространство для прогресса в этом направлении расширялось достижением новых результатов в национально-освободительной борьбе черногорцев. Увенчанием этих вековых национально-освободительных усилий стали освобождение Черногории из-под власти Османской империи и обретение ею государственной самостоятельности и суверенной власти на Берлинском конгрессе 1878 г.

Однако, прежде чем посвятить больше внимания вопросам, связанным с этим поворотным моментом в поздней истории Черногории, мы вкратце рассмотрим работу более ранней «архивной службы» в Черногории, основанной на церковных архивах и епископских канцеляриях. В первую очередь мы имеем в виду способ хранения, а затем и архивации документов в рамках деятельности Цетиньской митрополии.

I

Учитывая высокое духовное и мирское значение Черногорско-Приморской митрополии, очевидно, что зачатки организованного хранения архивных документов следует искать в митрополичьих канцеляриях. Вопреки низкому уровню их институциональной организации, данный термин нам кажется самым подходящим, хотя в митрополии не существовало «канцелярии» в современном значении данного понятия. На самом деле речь идет о деятельности отдельных лиц, которые вместе с владыками как их секретари вели переписку с иностранными дворами и отдельными личностями и издавали объявления и прокламации всему народу Черногории или отдельным черногорским племенам. Предполагалось, что большинство этих документов после их обнародования, вопреки своему невеликому объему, должны были сохраняться.

Потребность в более последовательном соблюдении данной практики особым образом проявилась во время правления владыки Даниила Петровича. Тогда же были сделаны первые крупные шаги в сторону международного признания страны и установления политических связей Черногории с Россией. Приезд в 1711 г. в Черногорию российских посланников Михаила Милорадовича и Ивана Лукавчевича, доставивших грамоту русского царя Петра Великого, для Черногории был исторически значимым событием². Прибытие послов из России и принесение ими царской грамоты Петра Великого не только пробудили надежды на освобождение от османского ига с помощью мощного православного царства, но также являлись актом признания Черногории наравне с остальными православными государствами на Балканах. Поэтому царское письмо стало документом, имеющим огромное историческое значение, не только в качестве нового образца в отношениях Черногории с одной из великих держав, благодаря достигнутому ею результатам в национально-освободительной борьбе против османской власти, но и по другим причинам. Письмо это также стало мощным стимулом для продолжения национально-освободительной борьбы, более решительной и более уверенной, с крепкой опорой на осознание всеславянской общности народов, и направленной на защиту этнических и национальных ценностей, в первую очередь путем сохранения православной веры как одной из важнейших связующих составляющих в общественной жизни славянских народов.

Битва при Царевом Лазе в 1712 г. стала подтверждением новой освободительной энергии среди черногорцев, как и причиной нападения на Черногорию Чупрлица в 1714 г. и ее очередного великого страдания³. Пересечение

² Оригинальные грамоты Петра Великого черногорцам от 3 марта 1711 г. и 9 июля 1715 г. хранились «в Цетиньском монастыре, дабы впервые быть опубликованными лишь Симой Милутиновичем в 1835 году в его *Истории Черногории*» (*Мижушковић С. Његош и архиви // Архивист, орган савеза друштва архивиста Југославије. Година XVIII, свеска 1–2. Београд, 1968. С. 28*).

³ Масштабное нападение боснийского визиря Нуман-паши Чупрлица на Черногорию было возмездием за поражение в 1712 г. в битве при Царевом Лазе. Черногория была «растоптана и опустошена». Последствия исчерпанности воинских ресурсов и полного падения боевого духа черногорцев были без малого катастрофическими. См.: *Томић Ј. Поход Нуман-паше Ђуприлића на Црну Гору 1714 // Глас Српске краљевске академије CXLVII. Београд, 1932. С. 48–78*.

указанных событий стало причиной очень важного посещения владыкой Даниилом русского царя Петра Великого в 1714 г.⁴ В итоге остались важные письменные акты, которые требовали тщательного хранения, не только как значимые политические документы, но и как свидетельства финансовой помощи, оказанной Черногории. Данные письменные источники по своему содержанию и значению опережали свое время, став для современных исследователей частью весьма значительного исторического наследия Черногории.

Более содержательные политические связи были установлены в периоды правления владык Саввы и Василия и посещения ими Петербурга и Венеции⁵. Так увеличивалось количество значимых документов, которые нужно было хранить. Грамоты, полученные в результате их миссий или через посланников российского и других дворов⁶, а также грамоты от правивших впоследствии российских императриц Елизаветы Петровны и Екатерины II являлись не только поощрением и стимулом для продолжения национально-освободительной борьбы черногорцев, но также часто содержали в себе инструкции о конкретных задачах в плане организации общественной жизни в стране. Кроме того, при последующих посещениях российского двора черногорские митрополиты брали с собой уже имеющиеся грамоты русских правителей, чтобы легче добиться исполнения своих политических требований, основанных на содержании этих грамот. После этого они возвращали их в Черногорию, где они продолжали храниться как значимая часть исторического наследия, получившая в наше время очень большую важность для понимания истории Черногории.

Первый шаг в развитии учреждений государственной власти сделал владыка Петр I Петрович Негош. Во время его правления был принят первый письменный закон в Черногории — *Стега*⁷, один экземпляр которого до сих

⁴ *Распопович Р.* Первые официальные визиты черногорцев к российскому двору: миссия владыки Даниила 1715 г. // Черногорцы в России. М., 2011. С. 10–28.

⁵ Владыка Савва прибыл в Петербург 10 апреля 1743 г., откуда обратно в Черногорию отбыл в конце мая 1744 г. В свою очередь, владыка Василий прибыл в Венецию 5 мая 1744 г. Обе миссии оказались успешными. То, что в 1744 г. два первых лица Черногории одновременно были приняты высокими политическими представителями при дворах двух великих держав, вопреки тому, что процесс создания государства все еще не доходил до уровня основных органов центральной власти, являлось редкостью даже для дипломатической практики более развитых стран. См.: *Павићевић Б.* Владика Сава Петровић у Русији 1743–1744. године // *Историјски часопис*. Књ. XIX–XV. Београд, 1963–1965. С. 96; *Зборник докумената из историје Црне Горе (1685–1782) / спремнио за штампу др Јевто М. Миловић. Цетиње, 1956. С. 174; Станојевић Г.* Митрополит Василије Петровић и његово доба 1740–1766. Београд, 1978. С. 81.

⁶ Наряду с миссиями русских посланников — полковника Пучкова, подпоручика Тарасова и капитана Георгия Мерка — во время Степана Малого, важной также была миссия австрийского посланника Паудича после установления политических связей Черногории с Австрией в 1777 г. См.: *Ђорђевић В.* Црна Гора и Аустрија у XVIII веку. Београд, 1912. С. 25–59.

⁷ В рамках подготовки вооруженного сопротивления против Махмут-паши Бушатлии, накануне битвы под Мартиничами, Черногорское собрание 1 июля 1796 г. в первую очередь приняло решение в форме присяги, где впервые были подтверждены единство черногорского и брдянского народов и готовность черногорцев «бороться за свою независимость, как и за независимость братьев брдян». В духе решения от 1 июля 1796 г. Черногорское собрание приняло письменный закон — *Стегу*, состоящую из шести статей. На экземпляре, хранящемся в Цетине, в Придворном архиве,

пор хранится в Цетине, в Музее двора короля Николы. Кроме того, 8 октября 1798 г. на скупщине был принят *Законник общий черногорский и брданский*, вернее, его первые 16 статей. Остальные положения данного кодекса, то есть статьи 17–33, приняли пять лет спустя на скупщине черногорских старейшин, состоявшейся 17 августа 1803 г. На скупщине 8 октября 1798 г. было сформировано Правительство суда черногорского и брданского, т. н. *Кулук*. Это оказалось первым государственным учреждением с характером центрального органа власти, которое объединяло в себе законодательную, исполнительную и судебную функции⁸.

При Правительстве действовала Народная канцелярия, возглавляемая секретарем. В ее составе было еще несколько лиц, имеющих примерно одинаковые компетенции. Через эту свою «службу» Народная канцелярия публиковала решения о созыве Общечерногорского собрания и о военной мобилизации. Кроме того, ее «чиновники» имели право разрешать мелкие судебные споры не только среди самих черногорцев, но и между черногорцами и австрийскими подданными⁹. Народная канцелярия также участвовала в поддержании внешнеполитических контактов через передачу полномочий черногорским представителям, отправляемым в другие страны¹⁰.

Все вышесказанное подводит нас к выводу, что вместе с развитием органов светской власти, возглавляемых митрополитами династии Петровичей, увеличивалось также количество официальных документов, которые, в свою очередь, были очень важны для функционирования основных рычагов власти и для внешнеполитических отношений страны.

Прогресс в построении государственного аппарата, имевший место в период правления Петра II Петровича Негоша, во многих отношениях повлиял на усиление институциональной системы и тем самым на степень важности решений, принимавшихся при работе ее органов. При Петре II Петровиче Негоше был основан Сенат¹¹ — орган, в компетенции которо-

стоит та же дата, что и у данного решения. См.: *Бојовић Ј.* Законодавни рад митрополита Петра I Петровића до доношења законика 1798. године // Правни зборник I–IV. Титоград, 1980. С. 195–196. Стега впервые была опубликована М. Медаковичем в издании: *Медаковић М.* Повестница Црне Горе са закоником од најстаријег времена до 1830. Земун, 1850. С. 39–42; а затем М. Драговичем в издании: *Драговић М.* Русија и Црна Гора // Гласник српскога ученог друштва. Кн. 65. Београд, 1886. С. 131–134. После этого было еще несколько изданий. Самое новое, в котором, наряду с транскрипциями, опубликованы переводы Стеги на русский, французский и английский языки, было подготовлено Р. Распоповичем: *Распоповић Р.* Стега, најстарији црногорски законски споменик. Подгорица, 2008.

⁸ *Петровић Р.* Законик Петра I владыке црногорског. Историјско-правна расправа // Записи, св. 1–6. Цетиње, 1929. С. 156.

⁹ *Аншаков Ю. П.* Черногория — славянская твердыня. Жизнь общества, становление государства // История Балкан. Век восемнадцатый. М., 2004. С. 380.

¹⁰ Там же.

¹¹ Правительствующий Сенат был основан в конце 1831 г. с помощью российских посланников Ивана Вукотича и Матфея Вучичевича, которые, благодаря налаженным контактам с владыкой Петром I Петровичем, в августе 1831 г. прибыли в Черногорию. О формировании Сената Негош 6 декабря 1831 г. сообщил российскому консулу в Дубровнике Иеремию Гагичу, а в следующем году президентом и вице-президентом Сената именовал Ивана Вукотича и Матфея Вучичевича соответственно (*Јовановић Ј.* Улога Вукотича и Вучићевића у Црној Гори // Историјски записи, књ. 7. Цетиње, 1951. С. 294; *Пејовић Ђ.* Црна Гора у доба Петра I и Петра II. Београд, 1981. С. 88).

го находилась законодательная, исполнительная и судебная власть. Также были основаны *гвардии* (местные органы судебной власти) и *перьяники* (изначально лейб-гвардия владыки, а позже и орган исполнительной власти, приводивший в исполнение принимаемые решения). Введение налогообложения подразумевало развитие соответствующих «налоговых органов», которые изначально действовали с применением грубой силы¹², а также администрации, для ведения учета о собранной сумме налогов. До нас дошла Негошева *Книга даций* (налогов) за период 1843–1851 гг.¹³ Также в качестве музейного экспоната хранится Негошева касса, использованная при совершении первых денежных дел, то есть платежных операций в стране. Для этого определялись особые лица — казначеи. Сохранились правила об их работе, также представляющие собой важный архивный документ¹⁴.

Прославившийся, прежде всего, благодаря стихотворным произведениям, Петр II Петрович Негош был не только гениальным поэтом. Он внес огромный вклад в организацию государственного аппарата светского характера. Петр II Петрович Негош построил первый «государственный дом», в который из Цетиньского монастыря были перенесены Сенат и другие органы власти, включая Народную канцелярию, где преимущественно велась административная работа, становившаяся все более и более организованной¹⁵. Вывод об этом можно сделать на основании того факта, что в 1837 г. был принят протокол Правительствующего Сената. Существовал также *Исходящий журнал*, в котором хранились копии писем сенаторов и владык, отправленных другим государствам¹⁶.

Внимание Негоша к хранению государственных документов можно проиллюстрировать цитатами из «Истории Черногории» Милаковича, где указано, что в 1834 г. владыка повелел «исследовать и рассмотреть цетиньский архив... избрав из него по своему усмотрению самое важное, а что-то, как то царские грамоты и некоторые очень важные письма, забрал себе, остальное

¹² В сборе налогов в 1834 г. вместе с исполнительными органами принимал участие сам владыка Петр II. Это было необходимо, чтобы более решительно преодолеть сопротивление и собрать налог со всего народа. В отдельных племенах сборы налогов сопровождались кровопролитием. При участии Петра II налог был собран в Мартиничах, Заграде, Загараче, Чеве, Цуцах, Велестове, Бъелицах, Чекличах и других поселениях.

¹³ Црногорски законици 1796–1916: правни извори и политички акти од значаја за историју државности Црне Горе : зборник докумената. Књ. 1–5 / приредили Б. Павћевић и Р. Расповић. Књ. 1. Подгорица, 1998. С. 142–153.

¹⁴ Инструкцию для работы государственного казначея Д. Милаковича от 17 (29) августа 1837 г. владыка Петр II озаглавил: «Инструкция Господину казначею Милаковичу». Она состояла из 12 пунктов. См.: *Вуксан Д.* Први министар финансија владике Рада // Ловћенски одјек, бр. 7–8. Цетиње, 1925. С. 8–10; Црногорски законици 1796–1916: правни извори и политички акти од значаја за историју државности Црне Горе... Књ. 1. С. 125–127.

¹⁵ В литературе есть свидетельства того, что архивные документы, кроме как в помещениях Цетиньского монастыря, хранились также в Народной канцелярии, находившейся «в одном ветхом доме, покрытом соломой». См.: *Архивски фондови и збирке у Републици Црној Гори.* Цетиње, 2001. С. 12.

¹⁶ *Павћевић Б.* Стваране црногорске државе. Београд, 1955. С. 240.

же передал Милаковичу для хранения в Канцелярии...»¹⁷. Вопреки известному уважительному отношению владыки к старым документам, о котором можно узнать из его записей по окончании работы в итальянских архивах во время подготовки к писанию пьесы «Самозванец Степан Малый», а также из предисловия к данному произведению, где он пишет о состоянии старых документов в Черногории¹⁸, существуют тексты, свидетельствующие о недостаточной заботе владыки Петра II о хранении старых писем и документов¹⁹. Интересно также свидетельство Вука Врчевича о решении, принятом владыкой Петром II в последние годы его жизни: сохранить архивные документы, «как и некоторые стародревние рукописные церковные книги, отправив их через специально назначенного человека в белградскую библиотеку, зная, что там они будут наиболее тщательно храниться и смогут послужить на пользу Ученому обществу Сербии»²⁰.

После смерти Петра II Негоша и смуты в доме Петровичей, вызванной борьбой за власть²¹, новым правителем Черногории с титулом князя в 1852 г. в Петербурге российским императором Николаем I был провозглашен

¹⁷ В продолжении Милакович пишет: «Прочее, что находилось в архиве, было положено в две корзины, которые до 1893 года, — а в них до этого и государственные копии разных писем, — хранились в монастыре цетинском, когда все это было перенесено в новый двор, построенный в Цетине тем же владыкой» (*Милаковић Д.* Историја Црне Горе. У Задру, 1856. Прим. на с. VIII).

¹⁸ «Документов у нас можно найти мало, ибо из-за нехватки бумаги часто даже страницы священных книг использовались в качестве кульков, поэтому и о Степане в Цетине не нашлось ничего, кроме данного листка от игумена Мркоевича, факсимиле которого здесь привожу» (*Петар II Петровић Његош.* Лажни цар Шћепан Мали // Српска књижевна задруга. Књ. 65. Београд; Нови Сад, 1969. С. 3).

¹⁹ Такую информацию сообщает секретарь владыки Милорад Медакович. По его утверждению, при перенесении архивных документов в новый двор владыка приказал уничтожить много бумаг, находившихся на чердаке в Цетинском монастыре, однако распоряжение это Медакович приводит не как очевидец, а с чужих слов. Таким образом, приведенное свидетельство вызвало полемику между двумя секретарями владыки, Милаковичем и Медаковичем, в которую включились также Матия Бан и — позже — Любомир Дуркович-Якшич. См.: *Мијушковић С.* Његош и архиви // Архивист: орган савеза друштава архивиста Југославије. Београд, 1968. Година XVIII, свеска 1–2. С. 27.

²⁰ *Врчевић В.* Живот Петра II Петровића Његоша, владике црногорскога. Књиге Матице српске, бр. 46. Нови Сад, 1914. С. 199; *Мијушковић С.* Његош и архиви. С. 28. В «Историји сербских библиотека» на с. 47 написано: «Известно, что Негош также заботился о старых рукописях, и перед своей смертью, в 1851 году, он отправил некоторые из них особому человеку в Белграде, поскольку считал, что их лучше всего хранить в библиотеке и что Общество сербской литературы будет ими пользоваться» (*Дурковоћ-Јакшић Љ.* Историја српских библиотека 1801–1850. Завод за издавање уџбеника социјалистичке републике Србије. Београд, 1963. С. 47).

²¹ Весьма драматическая ситуация в Черногории была вызвана борьбой за власть, которая тогда развернулась в доме Петровичей. Владыка Петр II своим наследником обозначил в завещании «Данило, сына Станко», своего племянника. Кроме всего своего имущества он оставил ему «владычество, как издревле узаконено в Черногории», а своего брата, Перо Томова, назначил «наставлять Данило во всем словно своего сына, пока Данило не станет способным сам народом править». Однако решением черногорской скупщины от 9 ноября 1851 г. новым правителем был избран брат владыки, Перо Томов. См.: *Павићевић Б.* Данило I Петровић Његош, књаз црногорски и брдски 1851–1860. Београд, 1990. С. 30.

Данило Станков²². Таким образом, Черногория перестала быть государством, которым правят церковные иерархи, и встала в один ряд с новыми светскими государствами на Балканах. Провозглашение Черногории княжеством привело к усилению ее политического потенциала и фактической правосубъектности. Не хватало только международного признания, чтобы Черногория могла считаться субъектом международного права.

Провозглашение светского государства стало крупным стимулом для развития государственного аппарата и институтов фактической власти. Князь Данило запустил процесс постройки государственного механизма, который должен был полностью контролировать внутреннюю жизнь страны. При этом целью работы по усовершенствованию государственного аппарата было скорейшее получение международного признания Черногории. Попытки, совершаемые для этого по окончании Крымской войны, на Парижском конгрессе, не дали желаемых результатов²³. Действия, которые он предпринимал с данной целью, представляют собой отдельную тему, однако здесь следует сказать, что они свидетельствуют о большом прогрессе в укреплении государственного организма Черногории, становящейся все более заметной на международном уровне.

Что касается внутренней ситуации в стране, прогресс в развитии состоял в реформе государственного аппарата, инновациях в организации армии и в организации работы Сената. Но самым крупным вкладом в развитие и современную организацию государства в Черногории стал *Законник Данило I, князя и государя свободной Черногории и Брды*, известный как *Законник князя Данило*²⁴. Данный кодекс представил ряд инноваций в сфере уголовно-правовой защиты личного, то есть частного, имущества, а также в области нормативного урегулирования условий для дальнейшего экономического развития страны в связи с налогами, введением таможенных пошлин и облегчением торговых отношений.

Прогрессом в развитии государственного аппарата и учреждений государственной власти обусловлено также непрерывное развитие практики, обсуждаемой в нашей работе, а именно практики хранения официальных документов и их соответствующей классификации. Несомненно, прогресс в сфере урегулирования общественных отношений в стране в виде принятия

²² Провозглашение Черногории княжеством произошло в Петербурге. На приеме у российского императора Данило Петрович был 27 июня 1852 г. См.: *Павићевић Б.* Проглашење Данила Станкова Петровића за књаза Црне Горе 1852 // *Историјски записи* LX. 1987. С. 85.

²³ Князь Данило ожидал, что на Парижском конгрессе в 1856 г. Черногория получит независимость. Этого не произошло из-за неспособности России, потерпевшей поражение в Крымской войне, играть более активную роль в работе конгресса и из-за ее недовольства профранцузской политикой черногорского двора. См.: *Ђоровић В.* *Историја Југославије*. Београд, 1989. С. 500.

²⁴ Об огромном значении принятия данного кодекса для создания государства в Черногории свидетельствуют оценки исследователей: «Данное событие можно считать заключительным актом общественно-экономического процесса, который вследствие особой общественно-экономической структуры и особого международного положения в Черногории длился около ста лет» (*Павићевић Б.* *Стварање црногорске државе*. С. 294).

новых правовых норм, касающихся работы государства, законодательных и судебных инстанций, повлиял также на увеличение количества документов, которые нужно было соответствующим образом архивировать и хранить. Данная потребность, как и понимание значения хранения официальной документации самим князем Данило, привела к введению современных критериев в обращении с документами, имеющими характер архивных материалов. Всю эту работу князь Данило доверил своему секретарю Вуку Врчевичу. Приступая к выполнению новых задач, Врчевич записал слова, с которыми князь Данило доверил ему данную должность: «Вот тебе все акты и остальные бумаги в комнате господина Милаковича²⁵, ибо он, по всей видимости, в Черногорию уже не вернется; пусть мои слуги перенесут их в твою комнату, изучи их и поступи с ними как знаешь, поскольку я, будучи новым, во всем этом не разбираюсь, и времени у меня нет»²⁶.

Согласно авторам, подробно занимавшимся вопросом истории архивоведения в Черногории, Вук Врчевич посвятил этому делу около трех месяцев. С материалами, полученными от князя, он объединил документы времен Петра I Петровича Негоша. Выполнив систематизацию рукописей, он пронумеровал их, классифицировал в хронологическом порядке, сгруппировал и поместил на отдельные полки, сделав их, таким образом, доступными. По мнению некоторых исследователей, работа Врчевича является «первой архивной работой с архивными материалами», а сам он считается «первым государственным архивистом в Черногории»²⁷.

В последующий период кроме усовершенствования государственного аппарата в исполнительной, законодательной и судебной сферах, с целью их согласования с изменившейся международной позицией страны, поменявшей свой статус с фактического на официально признанный субъект международного права, потребовался ряд других реформ.

Во время правления князя Николы самой значительной считается реформа государственного управления 1874 г., хотя после обретения страной независимости на Берлинском конгрессе были осуществлены также многие другие преобразования. После реформы, проведенной в 1874 г. в рамках аппарата центральной власти, у Сената осталась лишь судебная функция высшего суда в стране. «Для других государственных дел были основаны отдельные управления — военное, финансовое, образовательное, управление внутренних дел и княжеская канцелярия внешних дел»²⁸. Разумеется, с новой формой организации власти увеличилось количество канцелярской работы и служебных актов — и тем самым обязанностей, связанных с их хранением. С уверенностью можно говорить о большой потребности в архивной работе, особенно если учесть то, что этой реформе предшествовала еще одна, в апреле 1868 г. Из-за своей большой значимости она была назва-

²⁵ Димитрие Милакович (6 октября 1805, Шуме, Герцеговина — 27 августа 1858, Дрезден) — сербский литератор, историк и издатель, секретарь Петра II Петровича Негоша и князя Данило.

²⁶ Врчевић В. Огранци за историју Црне Горе. Св. I. Цетиње, 1950. С. 30.

²⁷ Вакіћ М. Архивистика. Podgorica, 2007. С. 71.

²⁸ Вукчевић М. Дервиш-паша и управне реформе у Црној Гори // Записи. Књ. VI. Цетиње, 1930. С. 292–299.

на «началом черногорской конституционности»²⁹. Было установлено обязательство собирать все государственные доходы в государственную казну, находящуюся под контролем комитета из трех членов — председателя Божо Петровича, казначея Джуро Матановича и контролера по па́ Иљи Пламенаца. Никакие расходы из государственной казны не могли совершаться без разрешения комитета. Понятно, что такое «урегулирование финансового положения» в стране подразумевало ведение регулярного учета государственных доходов и расходов, что опять-таки касалось организованного хранения документов³⁰.

После обретения независимости Черногория должна была начать масштабные государственные реформы с целью модернизации государственного аппарата. Такая потребность появилась с изменением государственного статуса страны, требующего более высокого уровня организации и развития институтов власти. Не только официальные представители Черногории сами осознавали это; представители других стран, в особенности России, советовали им приспособиться к новой ситуации.

Реформы, проведенные 20 марта 1879 г., не сопровождались соответствующим нормативно-правовым актом. Они были осуществлены таким образом, что в этот день князь издал указ о новом устройстве государственного управления³¹. В обращении князя к народу сообщалось об упразднении Сената и основании новых органов для выполнения задач государственной власти. Функции, выполняемые прежде Сенатом, были переданы трем новым органам — Государственному совету, Министерству и Великому суду.

Государственный совет, помимо консультативной роли, наделили также правом законодательной деятельности в виде составления основных законов и рассмотрения предложений законов, выдвинутых министрами. Орган, в руках которого была сконцентрирована исполнительная власть, носил название Министерства. Оно состояло из нескольких отделов: 1) внешних дел, 2) внутренних дел и строительства, 3) образования, 4) правосудия, 5) финансов и 6) военного отдела³². Реформа, однако, подразумевала, что отделы будут возглавлять министры, так что на практике данные подразделения вскоре стали именоваться министерствами³³. Министерство не имело характера настоящего правительства, хотя в его составе были министры для отдельных

²⁹ В ходе реформы 1868 г. осуществили классификацию и инвентаризацию имущества Правительства, Цетиньского монастыря и Церкви в Черногории, а также личного имущества князя. Был утвержден гражданский лист — годовая зарплата князя, а также денежное содержание для дочери князя Данило. Цетиньской митрополии было поручено управление церковным имуществом и годовыми дотациями из России (*Стојановић П.* Настајање међународног субјективитета Црне Горе // *Анали Правног факултета у Београду.* Јул-август 1977. С. 497).

³⁰ Там же.

³¹ Глас Црногорца. Бр. 8. Цетиње, 1879. 10. март.

³² Архив Црне Горе (следует: АЦГ), фонд Министерства иностранных дјела (следует: МИД) 1879; Архив Черногории, фонд Министерства иностранных дел, 1879 г., документ № 110.

³³ Каждая административная единица (отдел) должна была иметь свою печать с гербом Черногории и названием управления. См.: *Проект реформи државне управе 1879, 21. марта 1879 // Црногорски законици 1876–1916: правни извори и политички акти од значаја за историју државности Црне Горе.* Књ. 2. С. 18–26.

сфер государственного управления. Также первый министр — председатель правительства — не выбирался³⁴. Министерство не являлось отдельным органом, заседания которого проводились на регулярной основе. Министры одновременно были членами Государственного совета. В качестве «исполнителей закона» они отвечали только перед князем.

Третьим органом, основанным в рамках реорганизации, был Великий суд, состоявший из председателя и четырех членов. Этот орган судил за преступления, вынесение приговоров по которым не входило в компетенцию уездных судов, а также, в рамках апелляционного судопроизводства, пересматривал решения последних.

Проведенные реформы представляли собой первый шаг к изменению «патриархальной структуры» управления. Однако, несмотря на утверждение принципа разделения властей, само по себе это не означало радикального сдвига к более современному образу функционирования системы управления. Но работа в данном направлении будет продолжаться в последующие годы путем дальнейшего институционального развития высших органов власти³⁵.

II

Новый статус государства кроме описанных перемен со временем приводит и к правовому урегулированию других, ранее не упорядоченных областей общественной жизни. Одной из таких впервые урегулированных областей являлись как раз способ основания и образ работы архивных учреждений с целью хранения и защиты архивных документов. Учитывая все вышесказанное, ясно, что с повышением степени государственного развития и усовершенствованием государственного аппарата в Черногории все более выраженной становилась потребность в принятии правовых актов с целью основания и организации работы архивов — они, впрочем, уже существовали, но их работа не была юридически урегулирована, а, скорее, являлась следствием практической нужды в организованном хранении документов, почти достигшем через разные импровизированные учреждения уровня

³⁴ Г. Вукович об этом пишет: «В марте 1879 года разные государственные ведомства были возглавлены министрами. Первого министра среди них не было» (*Вуковић војвода Гавро*. Германија и Црна Гора // Записи. Књ I. Цетиње, 1927. Јул — децембар. С. 100).

³⁵ Государственные реформы, начатые в 1879 г., продолжились в следующие годы — 1902–1903, 1905, 1914. Реформы, принятые в Николин день 1902 г., подразумевали «пакет законов»: 1) закон о княжеском правительстве и Государственном совете; 2) закон о государственных гражданских служащих; 3) закон о судебной власти; 4) закон об устройстве судов в Княжестве; 5) закон о гражданской компетенции судов; 6) закон об уголовной компетенции судов. Все указанные акты вступили в силу 1 января 1903 г. Также в Николин день 1905 г. была принята Конституция Княжества Черногория, благодаря чему оно стало парламентской монархией. В 1914 г. был принят закон о королевском правительстве и Государственном совете. См.: Црногорски законици 1796–1916: правни извори и политички акти од значаја за историју државности Црне Горе. Књ. 2. С. 482–633. Закон о Краљевској влади иуређењу државних надлештава. Цетиње, 14. мај 1914.

настоящих архивов³⁶. Однако официально утвержденного статуса у них тогда еще не было. Поэтому данную сферу деятельности представлялось необходимым юридически урегулировать, довести ее до стандартов архивных учреждений других стран того времени.

Первые правовые акты в данной области, которые увидели свет лишь в конце XIX в., значительно позже введения начальной, а потом и более развитой практики хранения документов, относятся к категории самых ранних нормативных документов в сфере организации архивной службы в Черногории. Их принятие и практическое применение заложили основу первого Государственного архива. Его основной задачей было хранение архивных документов, появлявшихся во все больших количествах в работе канцелярий и регистратур различных государственных учреждений.

Поскольку до 1895 г. не имелось предписаний о работе архивной службы, защите и хранении архивных источников, данная деятельность, по всей видимости, опиралась на способ работы, принципы архивистики и стандарты европейских архивов того времени. Правовой пробел, долгое время существовавший в данной области в юридической системе Черногории, повлиял на современность подхода в юридическом урегулировании данной сферы. Поскольку вплоть до упомянутого года в Черногории не существовало никаких письменных правил относительно хранения архивных документов или способа организации и функционирования архивной службы, получается, что архивной службы в собственном смысле слова не существовало³⁷.

С изменением в 1878 г. статуса государства все более выраженной становилась потребность в основании особого учреждения для хранения государственной корреспонденции, в первую очередь с истекшим правовым сроком действия, но необходимой для дальнейшего выполнения различных государственных дел. В литературе подчеркивается, что осознание этой потребности обострилось «после празднования 400-летия Ободской типографии в 1893 г., когда нужно было собрать книги, напечатанные в Типографии Црноевича, а также разные другие памятники и музейные предметы», и что именно тогда «была осознана необходимость основания государственного архива»³⁸.

Так, в августе 1895 г. по инициативе князя Николы была принята *Инструкция по организации Государственного архива*³⁹. Текст инструкции, по «высочайшему указу Его Высочества Князя и Господина Николы Перво-

³⁶ Так, Димитрие Милакович в кратком обзоре материалов, использованных им при составлении монографии, помимо прочего, приводит «Рукопись черногорского владыки Петра I», хранящуюся, по его словам, «в архиве в Цетине и содержащую краткую историю Черногории» (*Милаковић Д. Историја Црне Горе. С. V*).

³⁷ Поэтому архивные материалы, относящиеся к более ранним периодам, будучи лишены соответствующей плановой защиты, были подвержены расточению. Вследствие черногорско-турецких войн, разорения Цетине, сожжения Цетинского монастыря, «в котором находились документы еще со времен Неманичей», множество бесценных архивных материалов оказалось уничтоженными. См.: *Пејовић Ђ. Развитак просвете и културе у Црној Гори 1852–1916. Цетиње, 1971. С. 275.*

³⁸ Там же.

³⁹ Црногорски законици 1796–1916: правни извори и политички акти од значаја за историју државности Црне Горе. Књ. 2. С. 347–351.

го»⁴⁰, как говорится в конце самого документа, был написан Филипом Якобом Ковачевичем, преподавателем и хранителем придворной библиотеки. Речь идет об общем подзаконном акте, подписанном его автором Ковачевичем. Это косвенно указывает на одновременность обоих процессов — основания государственной библиотеки и основания государственного архива. О том, что связь между процессами основания двух учреждений действительно имела место с точки зрения хронологии и лиц, руководивших данными работами, свидетельствует выписка из документа, где с похвалой говорится о работе князя Николы по стабилизации внутренней ситуации в стране и, помимо прочего, о том, что он «упорядочил библиотеку, канцелярию, акты и протоколы»⁴¹. На основании данного свидетельства напрашивается вывод, что Инструкция по организации Государственного архива свою обязательную силу получала от авторитета власти и воли князя Николы I, а не от лица, ее составившего и подписавшего.

В Инструкции прежде всего прописывается цель основания Государственного архива. В нем нужно «сохранить рукописи от тления изнутри и от уничтожения извне; организовать их так, чтобы их можно было с легкостью просматривать, обращаться с ними, контролировать их и ими пользоваться; составить ключ для каталогов архива, с помощью которого рукописи при необходимости можно будет легко и быстро найти»⁴².

Чтобы эта цель оказалась достигнута, надо было осуществить некоторые действия.

В Инструкции указано, что документ необходимо сначала очистить от пыли и «вложить в обложку», на которой делалась выписка из текста документа, или же текст переписывался полностью. Документы, вставленные в обложки, следовало сначала составить в месячные связки, а затем в годовые тетради. Помесячные связки и годовые тетради помещались потом в шкафы архива с соответствующим обозначением⁴³. Для оригинальных рукописей основное обозначение имело следующую форму:

Книга Черногорского Государственного Архива

Отделение: ____

№: ____⁴⁴

Мы уже отметили, что Инструкция обязывает переписывать рукопись полностью или делать из него короткую выписку. Документ полностью переписывался в тех случаях, если оригинал был загрязнен, порван, написан карандашом, изгрызен или же если он начал распадаться, то есть находился «на любой грани внутреннего тления». В обратном случае, если рукопись находилась в хорошем состоянии, составлялась только выписка. На обложке рукописи обозначалось, что было сделано — переписывание или выписка.

⁴⁰ Там же. С. 350.

⁴¹ Вукова преписка. Књ. 7. Београд, 1913. С. 256.

⁴² Црногорски законици 1796–1916: правни извори и политички акти од значаја за историју државности Црне Горе. Књ. 2. С. 347.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же. С. 348.

Переписывание должно было являться идентичным оригиналу, язык и орфографию запрещалось менять. То, что нельзя было с точностью прочесть, нельзя было и переписывать, чтобы переписчик не угадывал произвольно содержание рукописи⁴⁵.

Выписки должны были быть короткими, но достаточно ясными, чтобы читатель из них мог извлечь основную информацию о самой рукописи. На переписчика возлагалась обязанность по требованию исполнителя по организации Государственного архива представить отчет о том, сколько рукописей и из каких отделений он переписал, сколько выписок сделал, а также «сколько рукописей ему не удалось переписать или сделать из них выписку»⁴⁶.

Кроме того, рукописи в Государственном архиве обозначались годом, месяцем, а также названием отделения архива, к которому они относились. Аналогично государственной организации того времени, архив был разделен на шесть отделений:

отделение I: бумаги, касающиеся церкви, школы и образования;

отделение II: судебные бумаги;

отделение III: финансовые бумаги;

отделение IV: бумаги, касающиеся внутреннего государственного управления;

отделение V: военные бумаги;

отделение VI: политико-дипломатические бумаги⁴⁷.

Каждое из перечисленных отделений должно было иметь свой собственный каталог, в котором записывались порядковый номер рукописи, название отделения, номер тетради, где она хранится, краткое содержание и, наконец, выписка из текста и возможные примечания в связи с документом.

В целях легкого и быстрого нахождения документов Инструкция предполагала составление «ключа для каталогов. Он должен был быть разделен на тридцать букв, с прибавлением тех, которых в азбуке не было (например, X, Y). Под соответствующей буквой в каталог вносились имена лиц, события и места, упоминаемые в документах, вместе с обозначением, под которым документ хранился в архиве»⁴⁸.

Особым образом предписывалось составление обозначения документа, которое должно было содержать номер отделения, порядковый номер документа и обозначение тетради, где хранится рукопись.

В конце Инструкции указывается способ заимствования документов из архива. На основании того, как сформулирована данная часть текста, можно сделать вывод, что выносить документы из архива разрешалось, поскольку предписывалось ведение *Дневника заимствований из Государственного архива*, чтобы не забыть, где рукопись находится, «а также, если нужно, чтобы отдельных пользователей предупредить о возвращении документа». В дневнике записывались обозначение заимствованного документа, номер

⁴⁵ Црногорски законици 1796–1916: правни извори и политички акти од значаја за историју државности Црне Горе. Књ. 2. С. 349.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же.

отделения, номер каталога, день заимствования и подпись пользователя. При возвращении рукописи хранитель архива должен был записать день возвращения и собственноручно подписаться, подтверждая возвращение документа⁴⁹.

Инструкция по работе Государственного архива представляла собой единственный полный акт такого рода, принятый в течение первого периода независимости Черногории.

Кроме того, существовало несколько сопутствующих правовых актов, непосредственно или косвенно касавшихся работы Государственного архива или же его работы в условиях более поздних реформ государственного управления.

Наиболее важным из этих документов является дополнение к Инструкции под названием: «Начин и средства по којијема ће се извршити Упутство за уређење Држ. Архиве» (*Способ и средства выполнения Инструкции по организации Государственного архива*)⁵⁰. Дополнения были составлены в Цетине 29 августа 1895 г.⁵¹ Их автором также является Филип Якоб Ковачевич. Касались они организации выполнения архивных работ и их разделения «между доверенным лицом, управителем и работниками, которые с одинаковым правом могли призывать друг друга к исполнению обязанностей»⁵². При этом подразумевалось, что все эти работы находятся «под непосредственным надзором князя»⁵³.

Два этих документа создали нормативные и организационные предпосылки для основания и работы Государственного архива и установили способ его деятельности. В литературе в качестве года основания Государственного архива в Черногории приводится 1895 г.

Два этих правовых акта относятся к числу важнейших документов по современной организации архивной службы. Они оставались в силе вплоть до конца первого периода независимости Черногории. Однако сами по себе они не могли решительно повлиять на организацию работы данной службы. Подчеркивается, что, вопреки их принятию, Государственный архив «по большей части не был организован в соответствии с Инструкцией 1895 года»⁵⁴. Однако такие возражения не уменьшают значимости шага, сделанного в направлении перевода архивной службы в ведомство государства и основания первого «центрального» государственного учреждения по хранению документов.

Институциональное развитие государственного аппарата и дальнейшая нормативная деятельность, а также проводимые государственные реформы, повлияли и на улучшение работы архивной службы. Это влияние состояло в принятии правовых норм, которые прямо не касались организации архивной службы, но тем не менее относились к архивной деятельности. Регулируя

⁴⁹ Архивско одељење Цетинских музеја (АОЦМ). Фонд Николе I. Документ от 17 августа 1895.

⁵⁰ *Jovičević S., Milunović L. Propisi o arhivskoj službi u Knjaževini Crnoj Gori. Cetinje, 2002. С. 33.*

⁵¹ Там же. С. 35.

⁵² *Пејовић Ђ. Развитак просвјете и културе у Црној Гори 1852–1916. С. 276.*

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же.

работу разных частей государственного управления, данные нормы имели следствием улучшение организации и работы архивной службы в Черногории.

Так, например, *Министерским указом от 11 декабря 1896 г.* была учреждена служба приставов при Великом суде и окружных капитанствах. Указ предписывал правила получения и хранения ежедневных отчетов, отправляемых данным органам, а также «хранения и архивации документов, остающихся в канцеляриях, и отчасти отправки документов, предназначенных для других органов и лиц»⁵⁵. В том же приказе, во втором разделе, регулируется архивация документов. В первой статье данного раздела (ст. 26) указано: «Все судебные протоколы и документы, были ли они получены извне или составлены в суде, если не будут возвращены или отправлены другим органам или лицам, должны храниться в самой канцелярии суда, в выделенном для этого архиве»⁵⁶. В следующих статьях (всего была 21 статья) предписывалась процедура хранения документов в рамках службы приставов Великого суда и окружных капитанствах.

В контексте данного способа развития архивной службы надо упомянуть и о шаге, совершенном в рамках государственных реформ 1902 г., а конкретнее — в рамках принятия *Основного государственного закона о Княжеском правительстве и Государственном совете*. В статье 3 данного закона устанавливаются министерства, составляющие правительство, а в продолжении более подробно регулируются их ведомства и их работа. Для темы нашего исследования важно, что в статье 28 данного закона предписывается каждому министерству иметь свой отдельный архив. Кроме того, по истечении десяти лет министерства должны были собрать все государственные документы «из центральных управлений и передать их в Государственный архив, в определенные для этого помещения, в которых у каждого ведомства имеется свое отделение»⁵⁷. В последнем пункте данной статьи предписывается, что «начальники каждого из отделений должны хранить документы Государственного архива в порядке и выдавать их для использования в соответствии с особым постановлением»⁵⁸.

Идентичное решение содержится и в Законе о королевском правительстве от 14 мая 1914 г. В нем тоже предусматривалось, что у каждого министерства должны быть свой архив и архивный работник⁵⁹.

Вопреки несомненному прогрессу в развитии архивной службы в данный период, в литературе встречаются оценки, согласно которым ее работа не была до конца устроена и что она не обеспечивала надлежащую полную защиту документов, а также их правильное использование, особенно для

⁵⁵ Зборник судских закона, наредба и међународних уговора по судској струци за Књажевину Црну Гору. Књ 1 : 1893–1903. Цетиње, 1903. С. 60.

⁵⁶ Там же. С. 69.

⁵⁷ Црногорски законици 1796–1916: правни извори и политички акти од значаја за историју државности Црне Горе. Књ. 2. С. 588.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Статья 9 данного закона предписывала: «Для ведения работы министры должны иметь достаточное число подведомственных служащих — начальников, заместителей начальников и инспекторов, которые подготавливают дела в министерстве для последующего решения, а также секретарей, бухгалтеров, архивистов и делопроизводителей, которые выполняют канцелярскую работу» (Глас Црногорца. 1914. 17. мај).

научных целей. Так, Душан Вуксан пишет, что у пользователей архива была «плохая привычка при переписывании из Цетиньского архива забирать и переписанный текст, и оригинал...»⁶⁰.

Гораздо более печальные последствия для работы архива имели пожары. Так, в 1897 г. пожар, охвативший часть Бильярдды, где находился Великий суд, нанес огромный ущерб архиву⁶¹. После пожара король Никола перенес часть архивных материалов до 1860 г. в свой дворец⁶².

Есть также данные о том, что еще один пожар в Бильярде в 1906 г. нанес ущерб архиву Великого суда, «больше всего приговорам и протоколам приговоров»⁶³.

Но самые тяжелые утраты сохранявшиеся архивные материалы претерпели в годы Первой мировой войны. В связи с этим Перо Шоч в работе, к которой мы уже обращались, пишет, что 6 января 1916 г., покидая Черногорию, король Никола сначала добрался до Шкодры. На дальнейшем пути к Медове его застигли австрийские бомбардировщики. «Чтобы уменьшить груз корабля и быстрее добраться до Медовы», судно «с предметами со двора, прицепленное к кораблю, было откреплено. В нем, помимо прочего, находились ценные архивные материалы»⁶⁴. Далее автор пишет, что данный архив с р. Бояны был возвращен в Шкодру и передан ее губернатору, который, в свою очередь, отправил его князю Мирко в Подгорицу.

Известно, что большая часть архивных документов, находящихся в архивных службах Черногории, перед ее капитуляцией была закопана в Цетинье в парке двора. Извлекли их оттуда лишь в 1923 г. Из-за долгого нахождения в таких условиях множество материалов было утрачено или существенно повреждено⁶⁵.

Все вышесказанное говорит о бурных событиях XVIII и XIX вв., результатом которых стали успехи черногорцев в национально-освободительной борьбе и в построении и развитии институтов государственной власти. Второй из этих двух процессов повлиял на появление многочисленных документов разного характера. Благодаря этому возникло осознание потребности в организации специальной службы, которая должна была заниматься хранением документов не только крупного исторического значения, но и появлявшихся при регулярной работе государственных органов, особенно после обретения Черногорией независимости в 1878 г. Тогда остро встала необходимость в нормировании вопроса систематического хранения архивных документов.

Тем не менее вследствие общественных процессов различного характера, происходивших в течение этого времени, значительную часть архивных документов, значимых для изучения истории Черногории, вопреки всем прилагаемым усилиям, спасти не удалось.

⁶⁰ *Шоћ П.* Прилози за културну историју Црне Горе. Цетинье, 1939. С. 18.

⁶¹ Там же. С. 20.

⁶² Там же.

⁶³ *Пејовић Ђ.* Развитак просвјете и културе у Црној Гори 1852–1916. С. 278.

⁶⁴ *Шоћ П.* Прилози за културну историју Црне Горе. С. 26.

⁶⁵ Там же.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Архив Црне Горе (АЦГ), фонд Министарства иностраних дјела (МИД) 1879.
Архивско одјелјење Цетињских музеја (АОЦМ). Фонд Николе I. Документ от 17 августа 1895.
- Аншаков Ю. П.* Черногория — славянская твердыня. Жизнь общества, становление государства // История Балкан. Век восемнадцатый. М., 2004.
- Архивски фондови и збирке у Републици Црној Гори. Цетиње, 2001.
- Бојовић Ј.* Законодавни рад митрополита Петра I Петровића до доношења законика 1798. године // Правни зборник I–IV. Титоград, 1980.
- Вакић М.* Arhivistika. Podgorica, 2007.
- Врчевић В.* Живот Петра II Петровића Његоша, владике црногорскога. Књиге Матице српске, бр. 46. Нови Сад, 1914.
- Врчевић В.* Огранци за историју Црне Горе. Св. I. Цетиње, 1950.
- Вукова преписка. Књ. 7. Београд, 1913.
- Вуковић војвода Гавро.* Германија и Црна Гора // Записи. Књ. I. Цетиње, 1927. Јул — децембар.
- Вуксан Д.* Први министар финансија владике Рада // Ловћенски одјек, бр. 7–8. Цетиње, 1925.
- Вукчевић М.* Дервиш-паша и управне реформе у Црној Гори // Записи. Књ. VI. Цетиње, 1930.
- Глас Црногорца. Бр. 8. Цетиње, 1879. 10. март.
- Глас Црногорца. 1914. 17. мај.
- Драговић М.* Русија и Црна Гора // Гласник српскога ученог друштва. Кн. 65. Београд, 1886. С. 131–134.
- Дурковић-Јакшић Љ.* Историја српских библиотека 1801–1850. Завод за издавање уџбеника Социјалистичке Републике Србије. Београд, 1963.
- Ђорђевић В.* Црна Гора и Аустрија у XVIII веку. Београд, 1912.
- Закон о Краљевској влади и уређењу државних надлештава. Цетиње, 14. мај 1914.
- Зборник докумената из историје Црне Горе (1685–1782) / спремио за штампу др Јевто М. Миловић. Цетиње, 1956.
- Зборник судских закона, наредаба и међународних уговора по судској струци за Књажевину Црну Гору. Књ. 1 : 1893–1903. Цетиње, 1903.
- Јовановић Ј.* Улога Вукотића и Вучићевића у Црној Гори // Историјски записи. Књ. 7. Цетиње, 1951.
- Јовићевић С., Милуновић Л.* Propisi o arhivskoj službi u Knjaževini Crnoj Gori. Cetinje, 2002.
- Медаковић М.* Повестница Црне Горе са закоником од најстаријег времена до 1830. Земун, 1850.
- Мијушковић С.* Његош и архиви // Архивист : орган савеза друштава архивиста Југославије. Београд, 1968. Година XVIII, свеска 1–2.
- Милаковић Д.* Историја Црне Горе. У Задру, 1856.
- Милошевић М.* 40 година историјског архива у Котору // Ахивски записи 3. Цетиње, 1990.
- Павићевић Б.* Владика Сава Петровић у Русији 1743–1744. године // Историјски часопис. Књ. XIX–XV. Београд, 1963–1965.
- Павићевић Б.* Данило I Петровић Његош, књаз црногорски и брдски 1851–1860. Београд, 1990.
- Павићевић Б.* Проглашење Данила Станкова Петровића за књаза Црне Горе 1852 // Историјски записи LX. 1987.
- Павићевић Б.* Стварање црногорске државе. Београд, 1955.
- Пејовић Ђ.* Црна Гора у доба Петра I и Петра II. Београд, 1981.

- Пејовић Ђ.* Развитак просвјете и културе у Црној Гори 1852–1916. Цетиње, 1971.
- Петар II Петровић Његош.* Лажни цар Шћепан Мали // Српска књижевна задруга. Књ. 65. Београд ; Нови Сад, 1969.
- Петровић Р.* Законик Петра I владике црногорског. Историјско-правна расправа // Записи. Св. 1–6. Цетиње, 1929.
- Распоповић Р.* Первые официальные визиты черногорцев к российскому двору: миссия владыки Даниила 1715 г. // Черногорцы в России. М., 2011.
- Распоповић Р.* Стега, најстарији црногорски законски споменик. Подгорица, 2008.
- Станојевић Г.* Митрополит Василије Петровић и његово доба 1740–1766. Београд, 1978.
- Стојановић П.* Настајање међународног субјективитета Црне Горе // Анали Правног факултета у Београду. 1977. Јул-август.
- Томић Ј.* Поход Нуман-паше Ђуприлића на Црну Гору 1714 // Глас Српске краљевске академије СХLVII. Београд, 1932.
- Ђоровић В.* Историја Југославије. Београд, 1989.
- Црногорски законици 1796–1916: правни извори и политички акти од значаја за историју државности Црне Горе : зборник докумената. Књ. 1–5 / приредили Б. Павићевић и Р. Распоповић. Подгорица, 1998.
- Шоћ П.* Прилози за културну историју Црне Горе. Цетиње, 1939.

*А. В. Востриков
Научная библиотека СПбГУ*

**ФОТОГРАФИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ И СЛУШАТЕЛЬНИЦ
С.-ПЕТЕРБУРГСКИХ ВЫСШИХ ЖЕНСКИХ КУРСОВ ИЗ ФОНДА
Ф. Ф. ЗЕЛИНСКОГО (СПБФ АРАН): ИСТОРИЯ СЪЕМКИ
ПО ПИСЬМАМ ИЗ ФОНДА И. А. ШЛЯПКИНА (РО ИРЛИ)**

Выявленные в фонде И. А. Шляпкина в РО ИРЛИ письма О. С. Эльманович позволили уточнить атрибуцию хранящейся в фонде Ф. Ф. Зелинского в СПбФ АРАН фотографии преподавателей и слушательниц С.-Петербургских Высших женских (Бестужевских) курсов, уточнить состав участников, обстоятельства и точную дату съемки (23 марта 1908 г.).

Ключевые слова: С.-Петербургские Высшие женские (Бестужевские) курсы, групповая фотография, О. С. Эльманович, И. А. Шляпкин, Ф. Ф. Зелинский.

*A. V. Vostrikov
Scientific Library of St. Petersburg State University*

**A PHOTOGRAPH OF PROFESSORS AND STUDENTS OF
THE ST. PETERSBURG HIGHER COURSES FOR WOMEN FROM
THE TADEUSZ ZIELIŃSKI COLLECTION (SPbB ARAS):
HISTORY OF A PHOTO SHOOT BASED ON LETTERS
FROM THE ILYA SHLYAPKIN COLLECTION (MANUSCRIPT
DIVISION OF THE INSTITUTE OF RUSSIAN LITERATURE)**

The letters of Olga Elmanovich discovered in the Ilya Shlyapkin Collection in the Manuscript Division of the Institute of Russian Literature have made it possible to shed light on the origin of the photograph of professors and students at the St. Petersburg Higher (Bestuzhev) Courses for Women held in the Faddey Zelinsky (Tadeusz Zieliński) Collection in the St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences and to specify the participants, the circumstances and its exact date (March 23, 1908).

Key words: St. Petersburg Higher (Bestuzhev) Courses for Women, group photograph, Olga Elmanovich, Ilya Shlyapkin, Tadeusz Zieliński.

История С.-Петербургских Высших женских (Бестужевских) курсов (ВЖК) в последнее время часто привлекает внимание исследователей. При этом многочисленные фотоматериалы, сохранившиеся в государственных и частных архивах, обычно используются только как иллюстрации. Между тем в отдельных случаях фотография может быть полноценным историческим источником.

У девушек, поступивших на ВЖК в 1903 г., курсовая жизнь сложилась со многими осложнениями: в январе 1905 г. курсы (как и другие высшие учебные заведения) были закрыты, и нормальная учеба возобновилась только с осеннего семестра 1906 г.; иногородние курсистки большей частью разъехались по домам, петербурженки могли принимать участие в занятиях, частным образом организованных некоторыми профессорами на дому. Кроме того, в 1906 г. на курсах ввели новую, «предметную» систему обучения, и девушки оказались разделенными по разным группам, семинариям и потокам. Первые поступившие в 1903 г. оканчивали ВЖК весной 1908 г., и тогда родилась идея сделать групповую фотографию на память об общем начале курсовой жизни.

Одним из организаторов съемки выступила О. С. Эльманович. Ольга Спиридоновна Эльманович родилась в Варшаве в 1886 г. Ее отец Спиридон Дмитриевич Эльманович (1844 или 1845 — не ранее 1916) окончил Смоленскую духовную семинарию, а затем, в 1869 г., восточный факультет С.-Петербургского университета (по санскрито-персидскому разряду), после чего преподавал в учебных заведениях Царства Польского, с начала XX в. занимал должности директора варшавских гимназий. При этом он не оставлял и научных занятий, был членом Общества русских ориенталистов, а в 1913 г. в качестве первого выпуска трудов Общества издал свой перевод с санскрита древнеиндийского памятника «Законы Ману». Ольга Спиридоновна окончила III Варшавскую женскую гимназию и в 1903 г. поступила на историко-филологическое отделение ВЖК, которое окончила в 1909 г. (группа русской филологии, подгруппа литературы), а потом продолжила обучение в группе философии, окончила его в 1911 г. и была по представлению проф. И. И. Лапшина оставлена на один год при курсах для продолжения научных занятий. С 1911 г. О. С. Эльманович поступила на службу в библиотеку ВЖК на должность помощницы библиотекаря; выступила в качестве переводчицы¹; в 1914 г. сдала единые экзамены при университете с получением диплома I степени (зачетное сочинение «Эстетика Шиллера»²); в 1911–1917 гг. одновременно с работой в библиотеке ВЖК преподавала в средних учебных заведениях (в частности, в женских гимназиях О. М. Петерсон и Л. И. Нехорошевой, мужской 3-й гимназии, Петроградском сиротском институте императора Николая I, Александринском сиротском женском профессиональном училище и др.). О судьбе О. С. Эльманович после 1917 г. достоверных сведений не обнаружено³.

¹ Шуппе В. Солипсизм / пер. О. Эльманович // Новые идеи в философии. Сб. 6. СПб., 1913. С. 99–136.

² РО ИРЛИ. Ф. 341. Оп. 1. Д. 600.

³ См.: Библиотека Бестужевских курсов: Историческая хроника в свидетельствах и документах / сост. А. В. Востриков. СПб., 2009. С. 114–115, 124; С.-Петербургские Высшие женские курсы за 1910–1911 г. СПб., 1912. С. 69, 272; Власко Н. К. Переводчик с санскрита «Законов Ману» С. Д. Эльманович. Биографические сведения // Евразийский союз ученых (ЕСУ). Исторические науки. 2016. № 1 (22). С. 126–128. Кроме того, О. С. Эльманович неоднократно упоминается в записях 1911–1916 гг. в «Записках о виденном и слышанном» ее подруги по ВЖК Е. П. Казанович (ОР РНБ. Ф. 326. Д. 17–19); в фонде Е. П. Казанович сохранились и две фотографии О. С. Эльманович (ОР РНБ. Ф. 326. Д. 420 и 421).

Во время учебы на курсах О. С. Эльманович неоднократно выступала в качестве инициатора различных культурных мероприятий. Так, в апреле-мае 1907 г. она была «членом распорядительного комитета» экскурсии слушательниц ВЖК в Москву и вела переговоры с И. А. Шляпкиным о его возможном участии — сначала письменно, а потом и приезжала к Шляпкину в его усадьбу в Белоостров⁴. Видимо, отчасти благодаря уже установившемуся личному контакту со Шляпкиным спустя год О. С. Эльманович взяла на себя обязанность пригласить его для съемок на групповой фотографии. Первоначально предполагалось просто переговорить с профессором при встрече на курсах, однако «поймать» его не удалось и пришлось прибегать к услугам почты. 20 марта 1908 г. И. А. Шляпкину в его белоостровскую усадьбу была послана телеграмма:

«Слушательницы поступления 1903 года обращаются с нижайшей просьбой не отказать в любезности принять участие в выпускной группе с профессорами в воскресенье 23 час дня Флигге [так!] Морская 15

Эльманович десятая линия 31»⁵.

На следующий день О. С. Эльманович продублировала приглашение письмом:

«21/III 1908.

Глубокоуважаемый Илья Александрович!

Отсутствие Вашего ответа на посланную вчера телеграмму дает мне смелость беспокоить Вас еще раз. Мне поручили просить Вас об участии в нашей выпускной (1903 г.) группе вместе с профессорами в воскресенье 23/III в 1 ч. дня в фотографии Рейссерта и Флигге [так!], Морская № 15. Упустив, к крайнему моему сожалению, под влиянием ложных слухов об экзамене у Вас 19 в среду, время Вашего ухода с Курсов, принуждена вновь обратиться к Вам письменно с той же нижайшей просьбой от лица наших слушательниц поступления 1903 г. Приношу свои извинения, но думаю, что письменным обращением менее обеспокою Вас.

Мы ускорили срок нашего снимания по случаю Вашего отъезда; было бы более чем жаль, если бы группа вышла без Вас.

⁴ См. письма О. С. Эльманович к И. А. Шляпкину (РО ИРЛИ. Ф. 341. Оп. 1. Д. 2337. Л. 1, 12–13); см. также: Профессор И. А. Шляпкин в зеркале его корреспондентов. I. Письма А. А. Громова / публикация А. В. Вострикова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2020 г. (в печати).

⁵ РО ИРЛИ. Ф. 341. Оп. 1. Д. 2337. Л. 6. Согласно отметке, телеграмма была отправлена в 7 ч. 55 мин. утра. Телеграфист переврал фамилию адресата: «Шляпин» — однако телеграмма дошла по назначению. Названное фотоателье было основано Елизаветой Бальтазаровной Флиге (1858–1924) и ее зятем Максимом Павловичем Рейссертом в 1901 г., располагалось первоначально в д. 5 по Большой Морской ул., в 1908 г. переехало в д. 15 по той же улице, а с 1912 г. до закрытия, видимо, в 1916 г. — в д. 27 все по той же Большой Морской. Фотографии, сделанные в ателье, отмечались специальным штампом. См.: «Рейссерт и Флиге», фотоателье // Стереоскоп : [Электронный ресурс]. URL: <https://stereoscop.ru/photograph/рейссерт-и-флиге-фотоателье> (дата обращения: 25.09.2021).

Если же Вам слишком затруднительно исполнить нашу искреннюю просьбу, то не откажите в любезности разрешить вставить в общую группу Вашу карточку с прошлогодней фотографии у того же Флигге со слушательницами 1902 г. В крайнем случае это будет маленьким утешением.

Очень прошу не отказать мне в ответе: Ваше отсутствие будет вменено в вину мне, как приглашавшей. Не говорю уже об сожалении всех занимавшихся у Вас.

С искренним уважением

О. Эльманович. [...]»⁶.

Съемка, по всей видимости, состоялась в срок, но И. А. Шляпкин все-таки не смог на ней присутствовать⁷. Одна из отпечатанных фотографий сохранилась в фонде Ф. Ф. Зелинского в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской Академии наук⁸.

На фотографии запечатлены 85 человек: 25 профессоров и преподавателей, 2 бывшие слушательницы, впоследствии принятые в штат преподавателей, и 58 слушательниц 1903 г. поступления.

Преподаватели:

во втором ряду (снизу) сидят (слева направо): Иван Иванович Лапшин, Сергей Михайлович Середонин, Эдвин Давидович Гримм, Вера Викторовна Петухова, Фаддей Францевич Зелинский, Николай Иванович Кареев, директор курсов Виктор Андреевич Фаусек, Иван Михайлович Гревс, Ольга Антоновна Добиаш-Рождественская, Федор Александрович Браун, Дмитрий Константинович Петров и Дмитрий Николаевич Овсяннико-Куликовский;

в третьем ряду стоят: Яков Лазаревич Барсков, Михаил Васильевич Клочков, Александр Германович Вульфийус, Василий Васильевич Сиповский, Михаил Иванович Ростовцев, Сергей Константинович Булич, Евгений Августович Лёве, Дмитрий Власьевич Айналов, Андрей Александрович Ларонд и Антон Владимирович Карташев;

в четвертом ряду крайний слева стоит Михаил Александрович Полиевктов; кроме того, в верхнем ряду при печати добавлены фотографии Ильи Александровича Шляпкина и Сергея Федоровича Платонова.

Крайней справа во втором ряду сидит Софья Ивановна Протасова, выпускница 1903 г., принята на ВЖК преподавателем в 1909 г. Во втором сверху ряду посередине, над В. В. Сиповским и М. И. Ростовцевым, стоит Татьяна Матвеевна Глаголева, выпускница 1907 г., которая была принята преподавателем осенью 1908 г.

⁶ РО ИРЛИ. Ф. 341. Оп. 1. Д. 2337. Л. 4–5.

⁷ И. А. Шляпкин уехал за границу 30 марта 1908 г. См.: Николаев С. И. И. А. Шляпкин в работе над собранием сочинений А. П. Сумарокова // Russian Literature. Vol. 75, Iss. 1–4. 1 January – 15 May 2014. P. 447.

⁸ СПбФ АРАН. Ф. 977. Оп. 1. Д. 47. Л. 1. Фотография была представлена на виртуальной выставке: Преподаватели и слушательницы историко-филологического факультета Высших женских (Бестужевских) курсов. 1908 г. / подготовили: Е. Ю. Басаргина, Е. Н. Груздева, А. В. Востриков // Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук. Выставки online. 24 марта 2020 г. URL: <http://tanar.spb.ru/rus/vystavki/id/876/> (дата обращения: 25.09.2021).

Преподаватели и слушательницы историко-филологического факультета Высших женских (Бесслужевских) курсов. Петербург. Фотоателье «Рейсерт и Флиге» на Большой Морской ул., д. 15. 1908 г. (СПбФ АРАН. Ф. 977. Оп. 1. Д. 47. Л. 1)

Представленную фотографию передала в архив дочь Ф. Ф. Зелинского Людмила Фаддеевна Бенешевич (1888–1967) в 1966 г. По ее воспоминаниям, фотография висела в доме Зелинских на стене. Вероятно, она была подарена профессору ученицами; это объясняет тот факт, что в надписи на паспорту перечислены только фамилии курсисток: вероятно, предполагалось, что коллег по преподаванию он знает и без подсказки.

Фамилии слушательниц в надписи на паспорту соотнесены с расстановкой на изображении. Мы расположили указанные фамилии в алфавитном порядке и произвели сверку со списками окончивших ВЖК⁹; в тех случаях, когда соответствие не вызывало сомнений, после фамилии в скобках указаны имя, отчество, специальность и год окончания курсов; если идентификация подтверждается другими фотографиями, фамилия выделена жирным шрифтом.

В подписи на паспорту указаны фамилии 47 слушательниц:

Ананианц (Ананьянц, Лусик Керасимовна; всеобщая история, 1909), Аничкова (Евгения Николаевна; русская история, 1910), Антонова (Александра Михайловна; русская история, 1909), Бондарева, **Брюллова** (Брюллова-Шаскольская, Надежда Владимировна; всеобщая история, 1908), Буравчинская (Нина Васильевна; русская история, 1908), А. Быкова, Варв. Быкова (Варвара Васильевна; всеобщая история, 1910), М. Винблад, Гаген-Торн (Анна Оскаровна; русская история, 1910), Глаголева (Глаголева-Данини, Софья Михайловна; всеобщая история, 1910), **В. Глинка** (Глинка-Щербакова, Вера Сергеевна; русская история, 1909), Горунович (Мария Ивановна; русская литература, 1910), Гофман (Вера Людвиговна; русская история, 1908), Гребенщикова (Александра Петровна; русская литература, 1910), Закс (Ольга Матвеевна; всеобщая история, 1909), З. Иванова (Зинаида Александровна; русская история, 1910), Ильяшенко (Мария Ивановна; русская история, 1908), Колобова (Чаплыгина-Колобова, Елена Викторовна; всеобщая история, 1910), Кривдина (Валентина Евгеньевна; русская история, 1909), Кримечицкая, Кусовникова (Вусович-Кусовникова, Зиновия Алексеевна; всеобщая история, 1909), Лобкова (Александра Порфирьевна; русская история, 1908), **М. И. Максимова** (Мария Ивановна; всеобщая история, 1909), Малевич (Софья Степановна; всеобщая история, 1910), З. Мальцева (Зинаида Павловна; всеобщая история, 1913), Е. И. Мартышкина (Евгения Ивановна; русская история, 1910), **С. В. Меликова** (Меликова-Толстая, Софья Венедиктовна; всеобщая история, 1909), Миколадзе (Микеладзе, Ольга Артемьевна; русская история, 1911), Огиевич (Валентина Игнатьевна; русская история, 1910), Омеляненко (Антонина Иосифовна, впоследствии по мужу Бём; всеобщая история, 1908), Е. И. Платонова (Елизавета Игнатьевна; всеобщая история, 1910), Прыгова (Любовь Ивановна; русская история, 1909), Самсон-ф.[он]-Гиммельсьтерне, Симашко (Симашко-Тимошко, Ольга Викентьевна; русская история, 1912), Суворова, Тарутина (Юлия Николаевна; русская история, 1909), Успенская, **Флоровская** (Клавдия Васильевна;

⁹ Бестужевка в цифрах = Bestuževki en chiffres: к 130-летию юбилею Санкт-Петербургских Высших женских курсов (1878–1918 гг.) / [сост. О. Б. Вахромеева]. СПб., 2008; сведения дополнительно проверены по ежегодным отчетам ВЖК.

всеобщая история, 1909), Фогельсон (Блюма Израилевна; русская история, 1909), Хохрякова (Татьяна Николаевна; русская литература, 1909), Черепнина (Елена Петровна; русская история, 1908; русская литература, 1909), Черняк (Лидия Семеновна; философия, 1908), Чурсина (Надежда Всеволодовна; русская история, 1908), Шапирова (Татьяна Борисовна, впоследствии по мужу Лозинская; всеобщая история, 1909), Швейкина (Анна Алексеевна; русская филология, 1908), Эльманович (Ольга Спиридоновна; русская литература, 1909; философия, 1911).

Кроме того, изображения 11 курсисток, видимо, неизвестных тем, кто составлял подпись на паспорту, сопровождаемы знаками вопроса; таким же знаком вопроса обозначена и Т. М. Глаголева, стоящая вместе со слушательницами.

Снятая 23 марта 1908 г. фотография была представительна, хотя далеко не полна. На ней присутствуют более половины профессоров и преподавателей историко-филологического отделения Бестужевских курсов: 24 из 40¹⁰. Отсутствие других преподавателей (в том числе таких заметных и уважаемых, как, например, И. А. Бодуэн де Куртенэ, Н. С. Карцов, Н. А. Котляревский и Н. О. Лосский) объяснялось, скорее всего, их занятостью в назначенное для съемки время¹¹. Администрация курсов представлена только директором — профессором зоологии В. А. Фаусеком.

Обычно около половины поступивших слушательниц выдерживали полный курс наук и получали свидетельства об окончании ВЖК. Точнее определить затруднительно: такая статистика никогда не велась, в списках выпускниц год поступления не указывался. В 1903 г. на историко-филологическое отделение ВЖК было принято 485 девушек. Однако можно предположить, что среди них, вследствие произошедших революционных событий в стране и нарушений в деятельности учебных заведений, в частности, отсеивать мог быть существенно больше. Для сравнения приведем количество окончивших ВЖК по историко-филологическому факультету: в 1908 г. — 139 слушательниц; в 1909 г. — 106; в 1910 г. — 147¹². Таким образом, можно предположить, что для съемки на фотографии собралось не более половины от общего числа девушек, поступивших в 1903 г. и в 1908 г. учившихся на 4-м выпускном или на других курсах.

¹⁰ См.: С.-Петербургские Высшие женские курсы за 1907–1908 г. СПб., 1909. Вторая паг. С. 6–8.

¹¹ Впрочем, нам известен и случай принципиального отказа от участия в групповой фотографии. В архиве И. А. Шляпкина сохранилось аналогичное приглашение, посланное ему слушательницей Терезией Людвиговной Рейтлингер 10 мая 1902 г.:

«Многоуважаемый Илья Александрович,

в понедельник 13-го группа слушательниц IV курса (человек 50) предполагает сняться в здании Курсов от 12 — 1 ч. — и просит Вас сняться вместе с нами. Надеемся, что Вы не откажете исполнить нашу просьбу».

Под текстом рукою И. А. Шляпкина приписано: «Отказался наотрез: это все — юдофилы. Не был и Платонов» (РО ИРЛИ. Ф. 341. Оп. 1. Д. 2037. Л. 7).

¹² См.: Общество для доставления средств Высшим женским курсам. Отчет за 1903–1904 г. СПб., 1905. С. 70; С.-Петербургские Высшие женские курсы за 1907–1908 г. Вторая паг. С. 16; С.-Петербургские Высшие женские курсы за 1908–1909 г. СПб., 1910. С. 55; С.-Петербургские Высшие женские курсы за 1909–1910 г. СПб., 1911. С. 95.

Из 40 идентифицированных нами слушательниц 10 окончили ВЖК в 1908 г., 15 — в 1909 г., 12 — в 1910 г., 1 — в 1911 г., 1 — в 1912 г. и 1 — в 1913 г.; кроме того, двое впоследствии дополнительно получили диплом по второй специальности. С 1906 г. на ВЖК была введена «предметная» (иногда ее также называли «университетской») система обучения, одновременно тем, кто поступил раньше этого срока, было предоставлено право выбора: окончить курсы по старой, «курсовой» системе или же перейти на новую. В 1907 г. окончивших историко-филологическое отделение по предметной системе были единицы, и их даже не учли в статистике; в 1908 г. их было 40 против 88, в 1909 г. — 85 против 21, а начиная с 1910 г. уже подавляющее большинство оканчивало по предметной системе. Для многих из поступивших в 1903 г. выбор предметной системы означал потерю года во имя более широкого охвата изучаемых предметов и более серьезной работы на практических занятиях¹³. В свете этого интересно отметить, что среди идентифицированных нами на фотографии слушательниц нет ни одной, окончившей по старой, «курсовой» системе. Можно предположить, что инициаторами съемки выступили как раз наиболее активные «предметницы», первые участницы организованных в 1906–1907 гг. предметных семинариев. Для многих из них занятия вышли за пределы учебных программ: восемь из присутствующих на фотографии впоследствии (в 1908–1910 гг.) по представлению профессоров были оставлены при курсах «для продолжения научных занятий» — Н. В. Брюллова-Шаскольская, З. А. Вусович-Кусовникова, С. М. Глаголева-Данини, М. И. Максимова, С. В. Меликова-Толстая, К. В. Флоровская, Т. Б. Шапирова и О. С. Эльманович.

Связи между профессорами и преподавателями, руководителями семинариев, и их ученицами на Бестужевских курсах имели большое значение — может быть, даже большее, чем в университете. Интересно отметить, как эти связи фиксировались визуально. Обе преподавательницы, В. П. Петухова и О. А. Добиаш-Рождественская (в прошлом выпускницы ВЖК), сидят рядом со своими (бывшими) руководителями — Ф. Ф. Зелинским и И. М. Гревсом соответственно. Действующие слушательницы и оставленные при курсах выпускницы также стремились занять место поближе к «своему» профессору; так, О. С. Эльманович стоит над И. И. Лапшиным, Т. М. Глаголева — над В. В. Сиповским; вероятно, список таких «пар» может быть продолжен.

¹³ Впоследствии 1903/04 учебный год воспринимался как «последний нормально протекший год до введения автономии» (С.-Петербургские Высшие женские курсы за 1914–1915 г. Пг., 1916. С. 31), а поступившие в 1903 г. рассматривались как последние представители «старых» курсов. Ср. в дневнике Е. П. Казанович запись разговора с И. А. Шляпкиным о предстоящем экзамене:

«— [...] я же очень засиделась на Курсах, и надо мне их поскорее кончать.

— Вы 1903 года? — спросил Шл[япкин].

— Ну нет, еще не до такой степени поздняя. Я 1906.

Неужели могут быть еще с 1903 года? Бедняжки!» (ОР РНБ. Ф. 326. Д. 17. Л. 37 об.; запись от 1 декабря 1911 г.).

Последняя слушательница 1903 г. поступления училась на физико-математическом отделении в 1913/14 учебном году (см.: С.-Петербургские Высшие женские курсы за 1913–1914 г. Пг., 1915. Вторая паг. С. 166).

Таким образом, представленную фотографию можно считать не просто памятником курсовой жизни, но документом, отражающим становление нового, «университетского» типа преподавания на Бестужевских курсах.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВЖК — С.-Петербургские Высшие женские (Бестужевские) курсы
ОР РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки
РО ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом)
РАН
СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- ОР РНБ. Ф. 326. Д. 17–19, 420–421.
РО ИРЛИ. Ф. 341. Оп. 1. Д. 600, 2037, 2337.
СПбФ АРАН. Ф. 977. Оп. 1. Д. 47.
Бестужевка в цифрах = *Bestuzhevki en chiffres: к 130-летию юбилею Санкт-Петербургских Высших женских курсов (1878–1918 гг.)* / [сост. О. Б. Вахромеева]. СПб., 2008.
Библиотека Бестужевских курсов: Историческая хроника в свидетельствах и документах / сост. А. В. Востриков. СПб., 2009.
Власко Н. К. Переводчик с санскрита «Законов Ману» С. Д. Эльманович. Биографические сведения // Евразийский союз ученых (ЕСУ). Исторические науки. 2016. № 1 (22). С. 126–128.
Николаев С. И. И. А. Шляпкин в работе над собранием сочинений А. П. Сумарокова // *Russian Literature*. Vol. 75, Iss. 1–4. 1 January – 15 May 2014.
Общество для доставления средств Высшим женским курсам. Отчет за 1903–1904 г. СПб., 1905.
Профессор И. А. Шляпкин в зеркале его корреспондентов. I. Письма А. А. Громова / публикация А. В. Вострикова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2020 г. (в печати).
С.-Петербургские Высшие женские курсы за 1907–1908 г. СПб., 1909.
С.-Петербургские Высшие женские курсы за 1908–1909 г. СПб., 1910.
С.-Петербургские Высшие женские курсы за 1909–1910 г. СПб., 1911.
С.-Петербургские Высшие женские курсы за 1910–1911 г. СПб., 1912.
С.-Петербургские Высшие женские курсы за 1913–1914 г. Пг., 1915.
С.-Петербургские Высшие женские курсы за 1914–1915 г. Пг., 1916.
Шуппе В. Солипсизм / пер. О. Эльманович // Новые идеи в философии. Сб. 6. СПб., 1913. С. 99–136.
Преподаватели и слушательницы историко-филологического факультета Высших женских (Бестужевских) курсов. 1908 г. / подготовили: Е. Ю. Басаргина, Е. Н. Груздева, А. В. Востриков // Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук. Выставки online. 24 марта 2020 г. URL: <http://tanar.spb.ru/rus/vystavki/id/876/> (дата обращения: 25.09.2021).
«Рейссерт и Флиге», фотоателье // Стереоскоп. URL: <https://stereoscop.ru/photograph/рейссерт-и-флиге-фотоателье> (дата обращения: 25.09.2021).

Н. Д. Светозарова

Санкт-Петербургский государственный университет

**НАУЧНЫЕ ОТЧЕТЫ, ДНЕВНИКИ И ВОСПОМИНАНИЯ
КАК ВАЖНЫЕ ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ ПРИ РАБОТЕ
С АРХИВНЫМИ ФОЛЬКЛОРНЫМИ МАТЕРИАЛАМИ**

Роль научных отчетов, дневниковых записей и литературно обработанных воспоминаний для анализа архивных материалов рассматривается в статье на примере фольклорных и диалектологических экспедиций, предпринятых в начале XX в. исследователями языка и песенного фольклора немецких колонистов в СССР (отчеты В. М. Жирмунского, книга Г. Бахмана, 1920-е гг.), еврейского фольклора (диссертация С. Д. Магид, 1930-е гг.) и языка и фольклора хантов (дневник В. Штейница, 1935 г.).

Ключевые слова: архивные материалы, фольклор, экспедиции 1920–30-х гг. в России.

N. D. Svetozarova

St. Petersburg State University

**SCIENTIFIC REPORTS, DIARIES AND MEMOIRS AS
IMPORTANT AUXILIARY SOURCES IN THE COURSE OF
WORK WITH ARCHIVAL FOLKLORE MATERIALS**

The role of scientific reports, diary entries and literary processed memoirs for the analysis of archival materials is considered in the article on the example of folklore and dialectological expeditions undertaken at the beginning of the 20th century by the researchers of language and song folklore of German colonists in the USSR (V. M. Zhirmunsky's reports, H. Bachmann's work, 1920s), Jewish folklore (S. Magid's dissertation, 1930s), and Khanty folklore and language (V. Steinitz' diary, 1935).

Key words: archival materials, folklore, expeditions of 1920–1930s in Russia.

Наиболее ценные и важные материалы, привезенные из фольклорно-диалектологических экспедиций, как правило, являются основой публикаций участников, организаторов, инициаторов экспедиций. При благоприятных условиях это происходит непосредственно после завершения экспедиционной поездки, когда еще свежи в памяти воспоминания о ней.

Параллельно с этим материалы, в том числе и те, которые по разным причинам не вошли в публикации, что нередко составляет значительную или даже большую их часть, готовятся для помещения их в архив. Нередко, однако, публикации по собранным материалам отсутствуют или недостаточно подробны, и исследователям последующих времен приходится работать только с архивными материалами, где нет многих важных для описания экспедиции и ее результатов деталей — таких, например, как описание условий поездки, более детальные сведения об обстановке, в которой происходили записи, дополнительные сведения об информантах и многое другое. В такой ситуации особое значение приобретают дополнительные источники информации об экспедиции. Автору этой статьи, лингвисту по основной специальности, довелось в разные годы работать с тремя коллекциями фольклорных материалов (тексты и фонографические записи), собранных на территории СССР в 1920–30 гг. Это:

- коллекция еврейского фольклора Софьи Давыдовны Магид¹;
- записи фольклора хантов Вольфганга Штейница²;
- записи песенного фольклора немцев-колонистов Виктора Максимо-вича Жирмунского и его учеников³.

Чрезвычайно интересные и ценные в научном отношении материалы, собранные в этих экспедициях, либо не были в силу разных причин опубликованы (материалы С. Д. Магид), либо опубликованы далеко не полностью. К счастью, в архивах сохранились дополнительные материалы, которые и использовались в моей работе по восстановлению истории поездок и характеристике собранного в них материала. В данной публикации мне хочется привлечь внимание к источникам четырех типов:

- диссертационное исследование (Магид);
- экспедиционный дневник (Штейниц);
- научные отчеты об экспедициях (Штейниц, Жирмунский);
- воспоминания о поездках в форме художественного произведения (книга писателя Германа Бахмана, участника одной из экспедиций Жирмунского).

¹ *Магид С. Д.* Баллада в еврейском фольклоре : диссертация (машинопись); *Светозарова Н. Д.* Музыковед и фольклорист С. Д. Магид (1892–1954) // Из истории еврейской музыки в России. Вып. 2. СПб., 2006. С. 309–334.

² *Steinitz W.* Tagebuchaufzeichnungen von der Expedition zu den Ostjaken, Juli bis Oktober 1935 // *Steinitz W.* Ostjakologische Arbeiten. Bd. IV. Budapest ; Berlin ; Den Haag, 1980. S. 397–432; *Штейниц В.* Дневниковые записи об экспедиции к осякам (хантам): июль — октябрь 1935 года / пер. с нем. Н. В. Лукиной. Ханты-Мансийск, 2010; *Светозарова Н. Д.* Фонографические валики Вольфганга Штейница в Фонограммархиве Пушкинского Дома // Вопросы уралистики — 2009 : науч. альм. СПб., 2009. С. 422–425.

³ *Жирмунский В. М.* Итоги и задачи диалектографического исследования немецких поселений СССР // Советская этнография. 1933. № 2. С. 84–112; *Светозарова Н. Д.* Фольклорно-диалектологические экспедиции В. М. Жирмунского и его «Архив немецкой народной песни» // Русская германистика : ежегодник Российского союза германистов. Т. 2. М., 2006. С. 137–147; *Её же.* Герман Бахман и его книга «Поездка в немецкие колонии Березанского района». СПб., 2015.

*Диссертация Софьи Давыдовны Магид
(1892–1954)*

Софья Давыдовна Магид — выдающийся ученый, фольклорист, музыковед, собиратель и исследователь песенного фольклора разных этносов, чье значение по-настоящему стало ясно лишь через много лет после смерти. Ее место в отечественной фольклористике и этномузыковедении сопоставимо с другими великими еврейскими фольклористами: А-ским, Береговским. Уникальна роль С. Д. Магид в проведении экспедиций в места бытования еврейского песенного фольклора и инструментальной музыки.

Свою первую фольклорную экспедицию Софья Магид провела еще в 1928 г. — это была поездка на Волынь с целью записи еврейских народных песен и инструментальной музыки. В 1930 г. состоялась ее вторая экспедиция по Волыни. В 1931 г. по приглашению Института по изучению народов (ИПИНА) она принимала участие в экспедиции в Могилевский район, где записывала белорусские и еврейские народные песни. Всего с 1931 по 1941 г. С. Д. Магид провела более 10 экспедиций, в том числе две — на Украину, три — в Белоруссию, а также в Азербайджан, Карелию, и записала около 2000 напевов разных народов и большое количество текстов. Занималась С. Д. Магид и собиранием русского песенного фольклора. Ею был подготовлен к печати сборник «Песни Псковщины».

В 1938 г. Софья Давыдовна Магид завершила работу над кандидатской диссертацией «Баллада в еврейском фольклоре», в основу которой легли записи, сделанные ею на Украине и в Белоруссии. Защита прошла 1 июля 1939 г. в Институте языка и мышления им. Н. Я. Марра. Официальными оппонентами выступили такие известные специалисты, как кандидат искусствоведческих наук З. В. Эвальд и доктор этнографических наук Е. Г. Кагаров. Отзывы на диссертацию были представлены также членом-корреспондентом Академии наук СССР языковедом и литературоведом В. М. Жирмунским, доктором филологических наук М. К. Азадовским и кандидатом искусствоведческих наук Е. В. Гиппиусом. Работа Софьи Давыдовны получила высокую оценку; 19 декабря 1939 г. на заседании Института языка и мышления С. Д. Магид была утверждена в ученой степени кандидата филологических наук. Как это обычно случалось с кандидатскими диссертациями в СССР, текст ее главного научного труда опубликован не был, но он сохранился в Фонограммархиве Института русской литературы РАН (Пушкинский Дом), а также в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки. Материалом для этого труда послужили записи еврейских баллад, записанные самой исследовательницей на фонографические валики, большая часть которых хранится в Фонограммархиве Пушкинского Дома. В тексте диссертации дается подробный анализ музыкальной и текстовой сторон этих уникальных записей, а также приводятся интересные сведения о бытовании баллад и об их исполнителях.

*Дневники Вольфганга Штейница
(Wolfgang Steinitz, 1905–1967)*

Известный немецкий языковед, фольклорист, лексикограф, вице-президент Академии наук ГДР (1954–1963), В. Штейниц в 1930-е гг. занимался исследованием хантыйского языка и совершил экспедицию на Обь, в Остяко-Вогульский округ, к остякам (хантам), во время которой он записывал на фонографические валики местный фольклор и вел дневник. В этом замечательном историческом документе автор фиксирует среди прочего имена информантов, беседы с ними, даты, содержание и условия производимых им собственноручно записей на фонограф. Дневник сохранился и был опубликован (на немецком языке и в сокращении) в собрании трудов ученого⁴. Валики же считались утерянными, но на самом деле сохранились в Фонограммархиве и впервые были описаны только через 70 лет⁵.

Дневник начинается сообщением о прибытии в полдень 30 июля 1935 г. в Шеркалы, где ученого встречал один из его информантов Кирилл Маремьянин, и о последующей поездке на моторной лодке по Оби в Лохтоткурт, о первой прогулке по деревне, насчитывавшей тогда 15 домов. Там уже работал этнограф Никольский. На следующий день Штейниц с Маремьяниным и Никольским отправляются на лодке в другую деревню, к матери информанта. Далее следует описание дома, семьи, еды. В тот же вечер Штейниц проводит следующий сеанс записи на фонограф («Медвежья песня» в исполнении Мити Дунаева), на следующее утро проводится расшифровка этой записи.

В. Штейниц описывает в своем дневнике сеансы проведенных им фонографических записей, перечисляет и характеризует своих информантов, объясняет названия песен, оценивает качество звука. Так что внимательное изучение этого документа, как и написанного ученым «Отчета» и рукописного каталога, дает возможность исследователям уточнить многие важные детали.

Первую запись на фонограф В. Штейниц сделал уже на следующий день после приезда в Лохтоткурт, 31 июля 1935 г. Последние песни были зафиксированы Штейницем там же в день его вынужденного отъезда, 22 (или — судя по тексту дневника — 21) октября 1935 г. Таким образом, записи на фонограф обрамляют историю пребывания замечательного исследователя хантыйского языка на Сибирской земле.

По стилю дневник очень лаконичен, похож скорее на протокол, поэтому на 35 страницах опубликованного текста умещается очень богатая фактическая информация. Еще больше ценных подробностей содержит полный текст дневника.

В 2010 г. сокращенный вариант дневника был издан в России в переводе на русский язык, сделанном известной исследовательницей языка и культуры хантов Н. В. Лукиной⁶.

⁴ *Steinitz W.* Tagebuchaufzeichnungen von der Expedition zu den Ostjaken, Juli bis Oktober 1935...

⁵ *Светозарова Н. Д.* Фонографические валики Вольфганга Штейница...

⁶ *Штейниц В.* Дневниковые записи об экспедиции...

*Научные отчеты В. М. Жирмунского
(1891–1971)*

В 1926–1930 гг. профессор Ленинградского университета Виктор Максимович Жирмунский, к тому времени уже известный литературовед и германист, организовал и осуществил ряд комплексных фольклорно-диалектологических экспедиций в немецкие колонии Ленинградской области, Украины, Крыма и Закавказья. Жирмунский, его сотрудники и ученики (Альфред Штрём, Элинора Иогансон, Лев Зиндер, Татьяна Сокольская, Сандухт Акулянц и др.) записывали как диалектологический материал, так и тексты бытовавших у колонистов немецких народных баллад и песен, а также их мелодии (фиксируя их на фонографические валики и восковые пластинки). Привезенные из экспедиций ручные записи фольклора перепечатывались на машинке, каталогизировались и, вместе с полученными по обмену с коллегами Жирмунского песнями из колоний на Волге, составили «Архив немецкой народной песни в Ленинграде». Объем проделанной за короткое время работы был поистине огромным: удалось собрать около 4000 текстов и более 1000 мелодий. Диалектный материал содержал более 1000 анкет, содержащих фразы Г. Венкера и специально составленные словарные списки.

Тщательно продуманная и прекрасно организованная В. М. Жирмунским работа была прервана в начале 1930-х гг. в связи с резко ухудшившейся политической обстановкой: летом 1930 г. состоялись последние экспедиции, а в 1933 г. вышла в свет последняя статья Жирмунского по этой тематике, под характерным названием: «Итоги и задачи диалектографического исследования немецких поселений СССР». Итоги оказались подведены, а поставленные в статье новые задачи решить уже не было возможности. В дальнейшем Жирмунский практически не писал ни об экспедициях, ни о собранном материале.

Богатейшие экспедиционные материалы, лишь небольшая часть которых была представлена В. М. Жирмунским в публикациях, ученый предусмотрительно перенес в конце 1930-х гг. в Рукописный отдел и в Фонограммархив Пушкинского Дома, где они пролежали невостребованными до 1990-х гг., когда началась работа над ними⁷. Среди этих материалов сохранились и подробные научные отчеты инициатора и руководителя всех экспедиций, позволяющие восстановить в подробностях задачи и маршруты экспедиций, состав их участников, имена информантов, количество и характер записанных песен⁸.

⁷ Светозарова Н. Д. Фольклорно-диалектологические экспедиции В. М. Жирмунского...

⁸ Светозарова Н. Д. Отчеты об экспедициях как уникальный источник информации (на материале фольклорно-диалектологических экспедиций В. М. Жирмунского) // *Magister Dixit* : научно-педагогический журнал Восточной Сибири. 2013. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otchety-ob-ekspeditsiyah-kak-unikalnyy-istochnik-informatsii-na-materiale-folklorno-dialektologicheskikh-ekspeditsiy-v-m-zhirmunskogo/viewer> (дата обращения: 01.10.2021)

*Книга Германа Бахмана
(Hermann Bachmann, 1888–1951)*

Особое место в истории фольклорно-диалектологических экспедиций В. М. Жирмунского занимает один удивительный исторический документ, представляющий собой редкий в истории науки факт: одна из поездок была подробно описана ее участником в литературном произведении. Так случилось, что одним из ближайших соратников Жирмунского оказался музыкант и писатель, учитель и директор школы в колонии Гросслибенталь — Герман Бахман. Он был приглашен Жирмунским прежде всего как музыкант, для записи (нотировки) мелодий немецких песен, и сопровождал ученого в нескольких поездках по Украине. И Бахман написал буквально по следам экспедиции 1927 г. замечательную книгу: «Поездка в немецкие колонии Березанского района», изданную на немецком языке в Харькове уже в 1929 г.⁹ К счастью, это редкое издание имеется и в личной библиотеке В. М. Жирмунского, и в Российской национальной библиотеке. В 1974 г. «Поездка...», вместе с другой книжкой Бахмана, была переиздана в Германии¹⁰, а в 2003 г. переведена на английский¹¹, напечатана, а также размещена в Интернете. В 2015 г. путевые заметки Бахмана были переведены на русский язык и изданы вместе с биографией писателя и подробными комментариями¹².

Структура книги соответствует жанру путевых заметок. Названия всех глав, за исключением одной, соответствуют названиям колоний. Книга дает прекрасное представление о жизни и быте немецкой колонии в СССР в начале XX в. Несколько цитат могут дать представление о содержании и стиле этого уникального литературного документа.

Очень интересны замечания Г. Бахмана о репертуаре и характере исполняемых колонистами песен и об отношении к ним.

«Большинство исполненных песен были народными песнями, которые пели еще в Германии, но значительно измененными. Однако несколько песен возникло уже в самом Раштатте. Такие песни парни пели неохотно, так как их содержание прямо касалось местных людей и событий. Так, здесь исполняют “Раштаттскую песню”, в которой поется про людишек, известных своими неблагоприятными поступками».

Г. Бахман рассказывает и о поисках певцов, о приемах общения исследователей с информантами и о тех сложностях, с которыми сталкивались собиратели при записи бытующих у колонистов песен:

⁹ *Bachmann H.* Durch die deutschen Kolonien des Beresaner Gebietes. Charkow, 1929.

¹⁰ *Bachmann H.* Durch die deutschen Kolonien des Beresaner Gebietes. Kolonischteg-schichtla. Bearbeitet und mit einem Vorwort versehen von Joseph Schnurr. Stuttgart, 1974.

¹¹ *Bachmann H.* Through the German Colonies of the Beresan District and Colonist Tales / foreward by J. Schnurr ; translated with commentaries by R. Wagner, Ph. D. ; Germans from Russia Heritage Collection. Fargo, ND, 2003.

¹² *Светозарова Н. Д.* Герман Бахман и его книга «Поездка в немецкие колонии Березанского района».

«В своем обращении к ним я начал издалека, заявив, что я тоже колонист из соседней колонии Рорбах. Затем я им объяснил, почему мы с профессором ездим по деревням, рассказав, что мы уже побывали в Раитатте, похвалил раитаттских певцов, назвал пару тамошних песен и, пропев несколько мелодий, спросил у них, поют ли эти песни и у них, в Ватерлоо.

Лед был сломан: мои парни осмелели. Через несколько минут подошли и другие, среди них главный запеваля, и мы пошли в дом, где остановились. Парни до того разошлись, что решили продемонстрировать мне свое уменье. Отстав от меня на несколько шагов, они громко, во всю глотку запели песню “Берлин – красивый город”».

«На обратном пути я обратился к одному парню, на которого обратил внимание из-за очков и несколько более толкового вида. <...> Он отнесся ко мне очень доброжелательно, пообещав познакомить меня с лучшими певцами деревни.

Однако когда наступил вечер и обещанные певцы должны были бы уже явиться, мой парень пришел один и с недовольным видом сообщил, что ребята не желают идти, так как боятся. Они утверждают, что эти двое приехали, чтобы составить список певцов, и тогда их оштрафует райисполком, запретивший пение на улицах».

В книге имеются и прекрасные примеры описания пения, звучавшего в колонии:

«До сих пор в моих ушах звучит это пение во всех подробностях. Оно действительно звучало поистине по-колонистски. <...>

Весь хор ведет запеваля. Он один энергично поет первые слова строфы, затем песню мощно подхватывают остальные 6–8 певцов. Первый голос берет обычно так высоко, что возникает ощущение, что он вот-вот сорвется. Но с “хорошим” запеваляю такого не бывает. В том и состоит первое условие его славы, что он превосходит высотой тона всех обыкновенных людей. Второе важное условие, которое он должен выполнить, это превосходить всех своих певцов силой тона. А каждый из них в свою очередь старается достичь максимальной силы звучания. <...> Некоторые певцы обычно, после того как запеваля протяжно пропоет последний звук строфы, еще раз сильным голосом повторяют последний слог».

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГДР — Германская Демократическая Республика
ИПИИ — Институт по изучению народов СССР при АН СССР
СССР — Союз Советских Социалистических Республик

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Жирмунский В. М.* Итоги и задачи диалектографического исследования немецких поселений СССР // Советская этнография. 1933. № 2. С. 84–112.
- Магид С. Д.* Баллада в еврейском фольклоре : диссертация (машинопись).
- Светозарова Н. Д.* Герман Бахман и его книга «Поездка в немецкие колонии Березанского района». СПб., 2015.
- Светозарова Н. Д.* Фонографические валики Вольфганга Штейница в Фонограммарииве Пушкинского Дома // Вопросы уралистики — 2009 : науч. альм. СПб., 2009. С. 422–425.
- Светозарова Н. Д.* Фольклорно-диалектологические экспедиции В. М. Жирмунского и его «Архив немецкой народной песни» // Русская германистика : ежегодник Российского союза германистов. Т. 2. М., 2006. С. 137–147.
- Светозарова Н. Д.* Музыковед и фольклорист С. Д. Магид (1892–1954) // Из истории еврейской музыки в России. Вып. 2. СПб., 2006. С. 309–334.
- Светозарова Н. Д.* Отчеты об экспедициях как уникальный источник информации (на материале фольклорно-диалектологических экспедиций В. М. Жирмунского) // Magister Dixit : научно-педагогический журнал Восточной Сибири. 2013. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otchety-ob-ekspeditsiyah-kak-unikalnyy-istochnik-informatsii-na-materiale-folklorno-dialektologicheskikh-ekspeditsiy-v-mzhirmunskogo/viewer> (дата обращения: 01.10.2021)
- Штейниц В.* Дневниковые записи об экспедиции к осякам (хантам): июль — октябрь 1935 года / пер. с нем. Н. В. Лукиной. Ханты-Мансийск, 2010.
- Bachmann H.* Durch die deutschen Kolonien des Beresaner Gebietes. Charkow, 1929.
- Bachmann H.* Durch die deutschen Kolonien des Beresaner Gebietes. Kolonischtegschichtla. Bearbeitet und mit einem Vorwort versehen von Joseph Schnurr. Stuttgart, 1974.
- Bachmann H.* Through the German Colonies of the Beresan District and Colonist Tales / foreward by J. Schnurr ; translated with commentaries by R. Wagner, Ph. D. ; Germans from Russia Heritage Collection. Fargo, ND, 2003.
- Steinitz W.* Tagebuchaufzeichnungen von der Expedition zu den Ostjaken, Juli bis Oktober 1935 // Steinitz W. Ostjakologische Arbeiten. Bd. IV. Budapest ; Berlin ; Den Haag, 1980. S. 397–432.

М. Ю. Киселев

Архив Российской академии наук

МОСКОВСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ АРХИВА АКАДЕМИИ НАУК СССР В 1945 Г.

Представлена информация о работе Московского отделения Архива Академии наук СССР в 1945 г.: участии в подготовке торжественной сессии, посвященной 220-летию Академии наук, выставки о деятельности Академии наук СССР в Москве в годы войны; научном описании фондов личного происхождения и фондов академических учреждений; выдаче документов во временное пользование и обслуживании исследователей в читальном зале; подготовке тематических и биографических справок; использовании документов отделения для восстановления народного хозяйства, городов и объектов культурного наследия; подготовке перечней документов по техническим наукам (механике, гелиотехнике, энергетике), геологии и химии; контроле за состоянием текущего делопроизводства в учреждениях и организациях. Данная информация позволит расширить источниковедческую базу по истории академического архива как составной части истории архивного дела в СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., может быть использована в исследовательских и образовательных целях.

Ключевые слова: Московское отделение, Архив Академии наук СССР, история, Великая Отечественная война.

М. Yu. Kiselev

Archive of the Russian Academy of Sciences

MOSCOW BRANCH OF THE ARCHIVE OF THE USSR ACADEMY OF SCIENCES IN 1945

The article presents the information on the activities of the Moscow Branch of the Archive of the USSR Academy of Sciences in 1945: preparing a ceremonial session dedicated to the 220th anniversary of the Academy of Sciences as well as exhibitions on the activities of the USSR Academy of Sciences in Moscow during the war time; making scientific descriptions of personal funds and those of academic institutions; transferring documents for temporary use and servicing researchers in the reading room; preparing thematic and biographical inquiry information; using the documents of the branch for the recovery of the national economy, cities and cultural heritage sites; preparing lists of documents on technical sciences (mechanics, solar engineering, energy), geology and chemistry; controlling the state of current record keeping in institutions and organizations. The information provided will allow to expand the source base on the history of the academic archive, as an integral part of the history of archiving in the USSR

during the Great Patriotic War of 1941–1945, and can be used for research and educational purposes.

Key words: Moscow branch, Archive of the USSR Academy of Sciences, history, Great Patriotic War.

Московское отделение Архива АН СССР (с 1963 г. Архив АН СССР) было организовано в 1934 г. в связи с переездом Академии наук в Москву. История Московского отделения Архива в годы Великой Отечественной войны недостаточно изучена, исключение составляют исследование Н. М. Осиповой¹ и публикации автора², в которых содержатся отдельные сведения о его деятельности в первые годы войны. Обратимся к сохранившимся в Архиве РАН документам о работе Московского отделения Архива АН СССР в 1945 г.³

Плановые задания Московским отделением в 1945 г. были выполнены не в полном объеме, поскольку практически с весны сотрудников задействовали в подготовке материалов для академических учреждений и Секретариата АН СССР, связанных с проведением торжественной сессии, посвященной 220-летию Академии наук. Были подготовлены материалы по Юбилейному комитету 1925 г., составлены краткие исторические справки для Института права, Института мирового хозяйства и мировой политики, Энергетического института и др. для подготовки их истории к юбилею. По запросам Института русского языка и Института математики составлялись списки академиков по отдельным отраслям науки со дня основания Академии наук. По заданию Отдела специальных работ были составлены списки академиков на 1725, 1825, 1916 и 1925 гг. и членов-корреспондентов на 1825 г.

Значительную работу провели сотрудники отделения для подготовки выставки, организованной директором Архива АН СССР Г. А. Князевым: организовано выявление документов по деятельности Академии наук в Москве, главным образом в период Великой Отечественной войны; в ведущих институтах и Лаборатории научно-прикладной фотографии и кинематографии (ЛАФОКИ) отбирались материалы и фотографии о деятельности научных учреждений; организовано копирование карты экспедиций Совета по изучению производительных сил (СОПС) за 1930–1945 гг., направленной в Ленинград. Заведующим Московским отделением Ф. Д. Гетманом в Доме ученых была организована выставка о деятельности Комиссии АН СССР помощи семьям фронтовиков Академии наук СССР и Военно-шефской комиссии при Президиуме АН СССР в 1943–1945 гг.

¹ Осипова Н. М. Архив Академии наук СССР в 1941 г. // Осипова Н. М. Архив АН СССР (1917–1941 гг.): проблемы организации, комплектования, хранения и использования документации научных учреждений : дис. ... канд. ист. наук. М., 2000. С. 228–233.

² Киселев М. Ю. Из истории архивного дела в России: Московское отделение Архива Академии наук СССР в 1941 г. // Научная мысль: традиции и инновации : сб. науч. трудов. Магнитогорск, 2018. Вып. 7. С. 77–82; *Его же*. Московское отделение Архива Академии наук СССР в годы Великой Отечественной войны // Сборник статей Международной научно-практической конференции «Великая Отечественная война и проблемы национальной безопасности современной России». Оренбург, 23–25 апреля 2020 г. Оренбург, 2020. С. 160–163; *Его же*. Московское отделение Архива Академии наук СССР в 1942 г. // История и архивы. 2020. № 2. С. 112–122.

³ АРАН. Ф. 7-м. Оп. 1-1945. Д. 123. Л. 1–5.

Серьезной проблемой при приеме документов на хранение являлась катастрофическая нехватка помещений: большинство из принятых 5500 условных единиц хранения личных фондов ученых хранились на полу и на шкафах. Следует принять во внимание, что это были документы академиков В. И. Вернадского и П. Л. Чебышёва, членов-корреспондентов Д. Н. Ушакова и Г. Э. Зенгера, Казанского и Ташкентского административно-хозяйственных управлений. В начале года одну из комнат, которая должна была использоваться для архивохранилища, отобрали по распоряжению Управления делами АН СССР.

Несмотря на проблемы с помещениями, сотрудниками отделения было проведено научное описание (более 3500 единиц хранения) фондов академиков Ю. В. Готье, О. Ю. Шмидта, В. П. Волгина и Д. М. Петрушевского, почетного члена АН И. А. Каблукова; разобраны материалы Международного генетического конгресса, Лечебно-бытового и Научно-программного отделов Президиума, Института автоматики и телемеханики, редакции журнала «Математический сборник», Распорядительного бюро академического коллектива в Боровом. Создана алфавитная картотека работников академических учреждений, утвержденных в звании старших научных сотрудников за 1934–1943 гг.

Большая работа проводилась сотрудниками отделения по использованию документов: во временное пользование было выдано 397 единиц хранения в Управление кадров, Секретариат, Отдел специальных работ, Почвенный институт, Совет филиалов и баз, Комиссию по истории техники АН СССР, Научный комиссариат вооружения, академику Н. Г. Бруевичу. В читальном зале отделения работали 47 исследователей, которым было выдано 608 единиц хранения. Среди исследователей можно отметить членов-корреспондентов Х. С. Коштыянца и Т. П. Кравца, писателя С. Я. Штрайха. Темы, по которым проводились исследования, были следующие: история академических учреждений и деятельность академиков; труды физика П. Н. Лебедева, очерки истории физиологии в России, переписка братьев Ковалевских, история электротехники, И. И. Мельников как великий биолог-дарвинист.

В 1945 г. отделением было выдано 127 «научных и практических» справок: академикам И. П. Бардину, Н. Г. Бруевичу, С. П. Обнорскому и члену-корреспонденту Х. С. Коштыянцу; отделам центрального аппарата АН СССР; Энергетическому институту, Институту общей химии, Институту общей неорганической химии, Издательству, Академстрою, Географическому обществу. Справки также выдавались по запросам Совнаркома СССР, Военной академии им. Жуковского, Белорусской академии наук, Академии педагогического воспитания (о порядке выборов действительных членов Академии наук). Запросы касались в основном уточнений из истории учреждений (основание, структура, деятельность), постановлений СНК СССР по жилищным вопросам, об обучении в аспирантуре, об увековечении памяти и юбилеях ученых (Д. И. Менделеева, И. П. Павлова, К. А. Тимирязева, А. П. Карпинского). Биографических справок было выдано 603, из которых 93 — отрицательные; в основном справки выдавались для подтверждения ученой степени и ученого звания с целью получения дипломов за период войны.

Наибольший интерес представляет информация об использовании документов Московского отделения Архива АН СССР для восстановления народного хозяйства, городов и объектов культурного наследия. В 1945 г.

в отделение поступила информация из отдела государственных архивов Управления НКВД по Воронежской области об использовании 16 фотокопий документов для музея «Прошлое и настоящее Воронежа»⁴. Творческая мастерская Академии архитектуры СССР сообщала, что 16 фотокопий по г. Воронежу, направленные отделением, «предшествовали и нашли свое отражение в нашем проекте планировки нового Воронежа»⁵.

Московское отделение направляло негативы объектов из фотоархива ЛАФОКИ АН СССР для применения в народно-хозяйственных целях: в городской совет г. Харькова отправлен негатив проекта кондитерской фабрики «Октябрь», который мог быть использован при восстановительных работах в г. Одессе. В городские советы Ессентуков, Железноводска, Кавказских Минеральных Вод, Пятигорска были направлены негативы проектов, перспектив строительства, генеральных планов, планов водоснабжения. В центральный архив Наркомата путей сообщения предоставили негативы проектной сети железных дорог Северного Кавказа, технического проекта устройства подъемного моста через Днепр у г. Кременчуга, проект Дарницкого моста у г. Киева⁶. К концу 1945 г. негативы различных объектов от Московского отделения Архива получили 26 ведомств, учреждений и организаций⁷.

В инициативном порядке сотрудники отделения подготовили и направили в АН СССР сведения о материалах (перечни документов) по техническим наукам (механике, гелиотехнике, энергетике), геологии и химии, которые хранились в фондах и могли быть использованы в народно-хозяйственных целях⁸.

Московское отделение продолжало комплекс работ по контролю за состоянием текущего делопроизводства в учреждениях и организациях АН СССР. Проведено 90 инспекторских проверок, в процессе которых оказывалась помощь в подготовке номенклатур дел в соответствии с классификатором 1938 г.⁹ и передаче дел на постоянное хранение в отделение. Одновременно проводилось обследование условий хранения и учета архивных документов, организации охраны и сохранности документов, особенно за период Великой Отечественной войны, проводились консультации по всем вопросам архивного дела.

Одной из проблем, которая не позволяла Московскому отделению Архива АН СССР работать более эффективно, являлась недостаточная обеспеченность помещениями: архивохранилища оказались заполнены на 100%; помещение газового убежища, выделенное под архивохранилище, не было отремонтировано и оснащено стеллажами. Заведующий Ф. Д. Гетман писал: «Ненормальная теснота создает тяжелые условия работы, снижая нормы выработки по ряду работ, и, с другой стороны, способствует разведению крыс и мышей, так как затрудняет меры борьбы с ними»¹⁰.

⁴ АРАН. Ф. 7-м. Оп. 1-1945. Д. 132. Л. 50.

⁵ Там же. Л. 54.

⁶ Там же. Л. 56–71.

⁷ Там же. Л. 97–101.

⁸ Там же. Л. 11–48.

⁹ Систематическая таблица научной и деловой документации (делопроизводства) учреждений АН СССР. Л., 1938.

¹⁰ АРАН. Ф. 7-м. Оп. 1-1945. Д. 123. Л. 5.

Самоотверженный труд архивистов Московского отделения Архива АН СССР был высоко оценен правительством страны. Заведующий отделением Ф. Д. Гетман был награжден орденом «Знак Почета», медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» были награждены Ф. Д. Гетман, ученый секретарь З. Н. Нагорова и старшие научные сотрудники А. Н. Прокофьева и Л. К. Куванова, медалью «За оборону Москвы» — А. Н. Прокофьева.

В заключение отметим, что в 1945 г., как и в годы войны, архивисты Московского отделения Архива АН СССР в непростых условиях осуществляли весь комплекс работ по обеспечению сохранности, учету, научному описанию и использованию документальных комплексов Архивного фонда Академии наук СССР. При этом особое внимание уделялось выявлению и предоставлению ведомств, учреждениям и организациям архивных документов, хранящихся в Московском отделении, которые могли быть использованы для восстановления народного хозяйства страны и объектов культурного наследия. Необходимо отметить постоянный и действенный контроль за всей деятельностью Московского отделения со стороны директора Архива АН СССР Г. А. Князева¹¹. Представленная информация позволит расширить источниковедческую базу по истории академического архива как составной части истории архивного дела в СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., может быть использована в исследовательских и образовательных целях.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН СССР — Академия наук Союза Советских Социалистических Республик
АРАН — Архив Российской академии наук
ЛАФОКИ — Лаборатория научно-прикладной фотографии и кинематографии АН СССР
НКВД — Народный комиссариат внутренних дел
СНК — Совет народных комиссаров
СОПС — Совет по изучению производительных сил

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- АРАН. Ф. 7-м. Оп. 1-1945. Д. 123, 132, 134.
Киселев М. Ю. Из истории архивного дела в России: Московское отделение Архива Академии наук СССР в 1941 г. // Научная мысль: традиции и инновации : сб. науч. трудов. Магнитогорск, 2018. Вып. 7. С. 77–82.
Киселев М. Ю. Московское отделение Архива Академии наук СССР в годы Великой Отечественной войны // Сборник статей Международной научно-практической конференции «Великая Отечественная война и проблемы национальной безопасности современной России». Оренбург, 23–25 апреля 2020 г. Оренбург, 2020. С. 160–163.
Киселев М. Ю. Московское отделение Архива Академии наук СССР в 1942 г. // История и архивы. 2020. № 2. С. 112–122.
Осипова Н. М. Архив АН СССР (1917–1941 гг.): проблемы организации, комплектования, хранения и использования документации научных учреждений : дис. ... канд. ист. наук. М., 2000.
Систематическая таблица научной и деловой документации (делопроизводства) учреждений АН СССР. Л., 1938.

¹¹ АРАН. Ф. 7-м. Оп. 1-1945. Д. 134. Л. 1–28.

Е. Н. Груздева
Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

БИБЛИОТЕКА И АРХИВ АКАДЕМИКА Ф. Е. КОРША (К ИСТОРИИ БЫТОВАНИЯ ФОНДОВ)

В статье рассказывается история передачи наследниками книг академика Ф. Е. Корша в библиотеки Академии наук и Московского университета, а также прослеживается судьба личного архива ученого. Раскрываются причины того, почему наследие Ф. Е. Корша оказалось рассредоточено между несколькими научными учреждениями Москвы и Санкт-Петербурга.

Ключевые слова: Ф. Е. Корш, научное наследие, личный фонд, Библиотека Академии наук.

E. N. Gruzdeva
St. Petersburg Branch of the Archive of the RAS

LIBRARY AND ARCHIVE OF ACADEMICIAN F. E. KORSH (TO THE HISTORY OF ARCHIVAL COLLECTIONS)

The article describes the history of transfer of F. E. Korsh's books from his descendants to the libraries of the Academy of Sciences and Moscow University. It also reveals the fate of his scientific heritage and explains why his personal papers were distributed among different research centers of Moscow and St. Petersburg.

Key words: F. E. Korsh, scientific heritage, personal fond, Library of the Academy of Sciences.

После кончины академика Ф. Е. Корша перед членами семьи встал вопрос о том, как распорядиться библиотекой ученого и его архивом. Для того чтобы принять взвешенное решение, следовало сначала разобрать бумаги и книги. Академик А. А. Шахматов в письмах к старшей дочери Корша Елене Федоровне, часто выполнявшей при отце секретарскую работу, а теперь возглавившей разборку оставшихся после него бумаг, предлагал подумать о том, не обратиться ли «теперь же к известным... корреспондентам Федора Евгеньевича с просьбой доставить Вам (хотя бы только для снятия копий) его письма? Быть может, Вам удалось бы собрать интересные его письма и со временем издать их. Письма ученого содержания, несомненно, издала бы

и Академия»¹. По-видимому, А. А. Шахматов говорил об этом с некоторыми петроградскими коллегами, ибо в конце марта он переслал Елене Федоровне полученное от ихтиолога Л. С. Берга письмо с приложенным к нему письмом Ф. Е. Корша, чтобы та приобщила его к архиву отца². Наследники академика прислушались к совету А. А. Шахматова³.

Пример бережного отношения к эпистолярному наследию продемонстрировал и великий князь Константин Константинович. Едва получив печальную весть, он обратился к А. А. Шахматову с письмом: «Царство небесное и вечная память почившему. В нем я лишился внимательного судьи и советчика. У него должно быть осталось немалое число писем и записок от меня. Мне очень хотелось бы получить их полностью, как объясняющие поводы написания хранящихся у меня многочисленных писем покойного. Все это вместе составит довольно любопытный архив. Не похлопочете ли Вы о возвращении мне моих письменных обращений к Федору Евгеньевичу?»⁴. Желание великого князя было удовлетворено: Е. Ф. Корш разыскала его письма среди бумаг отца, подобрала в хронологическом порядке и вернула автору⁵.

Просьбу вернуть оригиналы писем или снятые с них копии, обращенную к бывшим корреспондентам отца, Е. Ф. Корш сопровождала пояснением, что предполагается издание трудов и научной переписки ученого. Подобный проект горячо поддержал филолог-классик Г. Э. Зенгер, обещавший разыскать и собрать воедино все письма, которые получил от Ф. Е. Корша за годы дружеской переписки. «Копии с них я сниму лично со всею тщательностью, — писал Г. Э. Зенгер, — и предоставляю Вам их текст полностью, отметив лишь красными чернилами те места, которые просил бы пропустить в печати. Помимо того, я присоединю несколько деловых примечаний...»⁶.

¹ РО РГБ. Ф. 465. Карт. 29. Д. 22. Л. 27 об. — Письмо А. А. Шахматова к Е. Ф. Корш от 08.03.1915.

² Там же. Л. 31. — Письмо от 26.03.1915. Присланное письмо Ф. Е. Корша к Л. С. Бергу сохранилось: РО РГБ. Ф. 465. Карт. 11. Д. 2.

³ В апреле 1915 г. Е. Ф. Корш сообщила А. А. Шахматову: «Кое с кем из папиных корреспондентов я уже снеслась относительно предоставления мне возможности скопировать его письма и заручилась их согласием, с остальными спишусь теперь...» (СПбФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 749. Л. 35).

⁴ РО РГБ. Ф. 465. Карт. 29. Д. 22. Л. 19. — Письмо А. А. Шахматова к Е. Ф. Корш от 19.02.1915.

⁵ СПбФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 749. Л. 27. — Письмо Е. Ф. Корш к А. А. Шахматову от 26.02.1915. Эти письма теперь входят в состав личного фонда вел. кн. Константина Константиновича (ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 108. — Письма за 1906–1915 гг., 77 л.). В фонде отложились и письма самого Ф. Е. Корша к августейшему корреспонденту (Там же. Д. 376. — Письма за 1900–1915 гг., 104 л.). Значительная часть этой переписки опубликована, см.: «Носитель пушкинских преданий». Переписка великого князя Константина Константиновича с академиком Ф. Е. Коршем. 1900–1915 гг. / подгот. текста и коммент. Т. А. Лобашковой // Контекст: Литературно-теоретические исследования. М., 2013. С. 207–291. Однако Е. Ф. Корш в 1915 г. обнаружила не все письма великого князя; некоторая, значительно меньшая их часть осталась среди бумаг и впоследствии распределась между личным фондом академика (АРАН. Ф. 558. Оп. 4. Д. 451) и фондом Коршей (РО РГБ. Ф. 465. Карт. 15. Д. 129).

⁶ РО РГБ. Ф. 465. Карт. 26. Д. 54. Л. 5–5 об. — Письмо Г. Э. Зенгера к Е. Ф. Корш от 09.11.1915.

Свое обещание академик исполнил уже через полгода, в мае 1916 г. прислав копии 24 писем и обещая поискать еще те, которые пока не нашлись⁷. Он же выступил посредником между Е. Ф. Корш и вдовой вице-президента Академии наук П. В. Никитина, которая переслала Елене Федоровне 13 писем Ф. Е. Корша к П. В. Никитину за 1896–1907 гг.⁸

Так «всем миром» старались максимально пополнить личный и научный архив ученого. Даже была высказана мысль, что Академия наук могла бы оказать помощь в поиске корреспондентов Ф. Е. Корша, сделав «публикацию в газетах с приглашением ко всем адресатам писем Ф. Е. сообщить их текст в подлежащую Комиссию»⁹. В то же время Г. Э. Зенгер обращал внимание Е. Ф. Корш на возможность возникновения при необдуманных публикациях писем неэтичных ситуаций и предостерегал от повторения подобных ошибок: «Недавний пример С. И. Соболевского, опубликовавшего резкие отзывы А. Н. Шварца о целом ряде лиц, находившихся даже в хороших отношениях к покойному и поныне здравствующих¹⁰, не может не побудить к осторожности»¹¹. Бесцензурно опубликованные письма больно задели не одного человека, в том числе и самого Г. Э. Зенгера, на что он заметил: едва ли Александр Николаевич Шварц «желал, чтобы после него произвели такой скандал»¹². Поскольку Ф. Е. Корш был известным острословом, то и к его письмам требовалось особое внимание издателей. Например, Г. Э. Зенгер отмечал, что в одном из писем Ф. Е. Корш «не совсем дружелюбно» отозвался о В. В. Латышеве и было бы жаль, если бы это письмо было опубликовано без сокращений¹³.

Обнародование архива ученого, особенно до истечения разумных «сроков давности», таило и другие возможные последствия. Тот же Г. Э. Зенгер заметил, что «после публикации писем Ф. Е-ча ко мне я буду принужден

⁷ РО РГБ. Ф. 465. Карт. 26. Д. 54. Л. 14, 17. — Письмо Г. Э. Зенгера к Е. Ф. Корш от 20.05.1916. Копии писем, присланные в 1916 г. Г. Э. Зенгером, сохранились и входят в состав архива Коршей (Там же. Карт. 11. Д. 12). Оригиналы же писем (этих и также тех, которые были обнаружены позднее) находятся в личном фонде Г. Э. Зенгера (АРАН. Ф. 504. Оп. 4. Д. 123–131).

⁸ РО РГБ. Ф. 465. Карт. 26. Д. 54. Л. 18, 20–20 об. — Письма Г. Э. Зенгера к Е. Ф. Корш от 08.06 и 20.06.1916. Однако вместо упомянутых 13 писем в фонде Ф. Е. Корша имеются только восемь (АРАН. Ф. 558. Оп. 4. Д. 237).

⁹ РО РГБ. Ф. 465. Карт. 26. Д. 54. Л. 6 об. — Письмо Г. Э. Зенгера к Е. Ф. Корш от 09.11.1915.

¹⁰ Имеется в виду написанный С. И. Соболевским пространственный некролог А. Н. Шварца, в котором обильно цитировались письма, адресованные автору и сохраненные им. В самом начале очерка С. И. Соболевский оговорил: «Думаю, что я не оскорблю дорогой для меня памяти А. Н-ча, опубликовав эти выдержки из его писем: в этом я руководюсь примером самого А. Н-ча <...>. К тому же, А. Н-ч и при жизни не боялся высказывать свои мысли: тем менее, думаю, он был бы против опубликования их после смерти» (*Соболевский С. И.* Александр Николаевич Шварц. М., 1916. С. 81. (Отд. отд. из прилож. к I ч. Отчета Имп. Московского университета за 1915 г.).

¹¹ РО РГБ. Ф. 465. Карт. 26. Д. 54. Л. 13. — Письмо Г. Э. Зенгера к Е. Ф. Корш от 13.04.1916.

¹² РО РГБ. Ф. 465. Карт. 26. Д. 54. Л. 19. — Письмо Г. Э. Зенгера к Е. Ф. Корш-Кречетович от 08.06.1916.

¹³ РО РГБ. Ф. 465. Карт. 26. Д. 54. Л. 18. — Письмо Г. Э. Зенгера к Е. Ф. Корш-Кречетович от 08.06.1916.

выступить печатно с возражениями против некоторых его соображений о моих [научных] мнениях <...> разумеется, полемика моя будет оборонительная», для чего Г. Э. Зенгер, в свою очередь, просил вернуть его ответные письма, сохранившиеся в бумагах Ф. Е. Корша¹⁴.

Пользуясь советами и рекомендациями ученых, Елена Федоровна Корш постепенно разбирала оставшийся архив отца, в чем ей помогал профессор Московского университета А. А. Грушка — один из учеников Ф. Е. Корша. Однако гораздо более значительной по объему частью наследия академика были книги.

Для разрешения вопросов с научной библиотекой Корши обращались за советами к А. А. Шахматову, который возглавлял I (Русское) отделение Библиотеки Академии наук. Собранные на протяжении многих лет книги Ф. Е. Корша были бы полезным и желанным приобретением для любой библиотеки. Причем в неразрозненном виде это собрание могло иметь не только научную, но и мемориальную ценность, а в научных учреждениях существовала практика приема на разных условиях библиотек известных ученых и писателей. Но для того, чтобы вести переговоры о судьбе книг Ф. Е. Корша, надо было сначала составить их каталог. Об этом и писал А. А. Шахматов Елене Федоровне: «Отделение русского языка и словесности просит Вас составить каталог библиотеки Федора Евгеньевича. Посылаю Вам образцы карточек <...> Отделение уплатит Вам по 4 коп. <...> Весьма желательно иметь каталог к середине апреля. <...> Таким путем библиотека Федора Евгеньевича может быть отправлена в хорошие руки»¹⁵. Е. Ф. Корш с готовностью взялась за выполнение этого поручения: «Составление каталога папиной библиотеки является для меня в данное время самым желательным делом»¹⁶. Однако ее смущали отсутствие опыта и слабое представление, как правильно заполнять библиографические карточки: даже присланные примерные их образцы были трех различных типов. В ответ на просьбу дать более четкие рекомендации А. А. Шахматов ей посоветовал «разделить все книги на русские, инославянские, восточные и западноевропейские, давая каждой из четырех категорий самостоятельную нумерацию»¹⁷.

Разбор библиотеки занял полтора месяца. «Я все это время усердно занимаюсь библиотекой при помощи Щепкина¹⁸, который мне предсказывает, что я к сроку не кончу, т. к. книг очень много. Делаю эту работу с большим удовольствием, потому что многие книги, которые часто были в руках папы, для меня живые существа; некоторые из них откладываю в сторону, чтобы описать потом, в надежде на то, что со временем легче будет от них

¹⁴ РО РГБ. Ф. 465. Карт. 26. Д. 54. Л. 15 об. — Письмо Г. Э. Зенгера к Е. Ф. Корш-Кречетович от 20.05.1916.

¹⁵ РО РГБ. Ф. 465. Карт. 29. Д. 22. Л. 25 – 25 об. — Письмо А. А. Шахматова к Е. Ф. Корш от 28.02.1915.

¹⁶ СПбФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 749. Л. 29. — Письмо Е. Ф. Корш к А. А. Шахматову от 05.03.1915.

¹⁷ РО РГБ. Ф. 465. Карт. 29. Д. 22. Л. 27. — Письмо А. А. Шахматова к Е. Ф. Корш от 08.03.1915.

¹⁸ Щепкин Вячеслав Николаевич (1863–1920) — славист, лингвист и историк древнерусского искусства, профессор Московского университета, хранитель Московского исторического музея, чл.-корр. ИАН (1913).

отказаться...»¹⁹ — писала она в разгар работы, а в середине апреля с радостью сообщала, что «завтра-послезавтра каталог будет закончен», «дни и ночи сидела над каталогом и, слава Богу, умудрилась просрочить очень немного», при этом признавалась, что без помощников работа затянулась бы и до мая²⁰. По-видимому, Корши рассчитывали, что основную часть библиотеки заберет Академия наук: Елена Федоровна оговаривала, что «не включила в число книг, предназначенных для Академии, ни Отчетов, ни Записок, ни Известий Академии²¹, чтобы не задержать каталога, не затруднять Академию разборкой того, что там есть в избытке.., но Поржезинский²² высказал предположение, что б. м. некоторые распроданные экземпляры Академия охотно взяла бы <...>. Если Отделению не понадобится ничего из академических изданий, можно будет распределить их между Диалектологической комиссией и семинарской библиотекой Московского университета. Словарь академический²³ я оставила у нас <...>, равно как и Пушкина²⁴»²⁵. Некоторые книги по классической филологии и Тихонравовское издание «Слова о полку Игореве»²⁶ тоже было решено оставить в семье, «на тот случай, если будут издаваться... труды [Ф. Е. Корша. — Е. Г.], чтобы предоставить их тогда в распоряжение лиц, которым будет поручено редактирование, т. к. эти книги испещрены его пометками»²⁷.

А. А. Шахматов в ожидании писал в Москву: «Тотчас по получении каталога, его изучат в нашей Библиотеке, затем, быть может, еще в нескольких учреждениях. Постараюсь, чтобы всю библиотеку Вашу разобрали. Книги Вы вышлете по требованию. Возможно, что дело все-таки затянется и что раньше осени Вам не удастся освободиться от книг. Академических изданий мы не возьмем; распорядитесь ими в Москве»²⁸. Упоминание других

¹⁹ СПбФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 749. Л. 31 – 31 об. — Письмо Е. Ф. Корш к А. А. Шахматову от 24.03.1915.

²⁰ Там же. Л. 33 – 33 об. — Письмо от 18.04.1915.

После получения каталога на заседании ОРЯС 2 мая 1915 г. было постановлено: «За работу по каталогу библиотеки Ф. Е. Корша <...> уплатить г-же Е. Ф. Корш сто тридцать пять рублей» (СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 162. Л. 336). А. А. Шахматов в письме Елене Федоровне обещал, что в соответствии с желанием наследников ни в какие другие библиотеки, кроме академической, обращаться не будет, и отметил: «Каталог составлен очень хорошо» (РО РГБ. Ф. 465. Карт. 29. Д. 22. Л. 39).

²¹ Речь идет о периодических изданиях Академии наук.

²² Поржезинский Виктор Карлович (1870–1929) — лингвист, историк балтийских и славянских языков, профессор Московского университета.

²³ Имеется в виду «Словарь русского языка, составленный Вторым отделением ИАН», работа над которым была начата еще в 1890-е гг., а в XX в. в подготовке этого издания принимал активное участие и Ф. Е. Корш.

²⁴ Трудно однозначно сказать, о каком издании идет речь, т. к. Ф. Е. Корш не только имел собрание книг поэта, но и участвовал в подготовке издаваемой Академией с 1903 г. пушкиноведческой серии «Пушкин и его современники. Материалы и исследования».

²⁵ СПбФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 749. Л. 34 об. — 35. — Письмо Е. Ф. Корш к А. А. Шахматову от 18.04.1915.

²⁶ Слово о полку Игореве. Изд. Н. С. Тихонравовым. М., 1866.

²⁷ СПбФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 749. Л. 36 – 36 об. — Письмо Е. Ф. Корш к А. А. Шахматову от 18.04.1915.

²⁸ РО РГБ. Ф. 465. Карт. 29. Д. 22. Л. 35. — Письмо А. А. Шахматова к Е. Ф. Корш от 21.04.1915.

библиотек, которые смогут что-то приобрести, руководствуясь каталогом, смутило Коршей: «Наше главное желание отдать библиотеку в хорошие руки, независимо от того, получим ли мы за нее что-нибудь или нет. Папа собирал ее с такой любовью, что мы не можем смотреть на нее как на статью дохода. <...> Мы решили предложить ее Академии как учреждению, любимому папой, дробить же ее нам бы очень не хотелось. Мы ничего не имеем против того, чтобы Академия приняла от нас библиотеку <...> безвозмездно, лишь бы книги не разошлись по разным рукам. В крайнем случае восточный отдел можно было бы предложить Лазаревскому институту, хотя и это менее желательно, чем оставить их в Академии»²⁹. Ссылаясь на желание самого Ф. Е. Корша, наследники настаивали на сохранении цельности его книжного собрания.

Одной из причин бесплатной передачи библиотеки Академии была надежда увеличить шансы назначения вдове «усиленной» пенсии. Пенсия, назначаемая вдовам³⁰, была по сравнению с жалованьем академика весьма скромным обеспечением и могла оказаться недостаточной для совместной жизни Е. С. Корш, ее дочери Марии, отличавшейся слабым здоровьем, и малолетнего внука, которому еще надо было дать образование³¹. Корши обращались по этому поводу к А. А. Шахматову, и тот обещал им возможное содействие, подчеркивая, что пожертвование вдовой архива и библиотеки «дало бы Академии формальное основание подкрепить новой просьбой ее ходатайство об усиленной пенсии Евдокии Самойловне»³².

В конце августа 1915 г. в Петроград поступило заявление от Е. С. Корш: «С согласия своих детей, сына и дочерей покойного Федора Евгеньевича Корша, я, его вдова, выражаю желание пожертвовать Императорской Академии наук библиотеку Федора Евгеньевича Корша на следующих основаниях: 1. Библиотека должна храниться в особых шкапах имени Ф. Е. Корша в I Отделении Библиотеки. 2. Она не должна быть разрозниваема. 3. В общем каталоге академической библиотеки должны быть указания на эти книги, для того чтобы они стали доступны для общего пользования. 4. Все расходы по упаковке и перевозке библиотеки из Москвы в Петроград берет на себя Императорская Академия наук»³³. Еще раньше Елена Федоровна Корш сообщила А. А. Шахматову о том, что бумаги отца почти разобраны. Однако, составляя для матери заявление на передачу в Академию библиотеки, она не

²⁹ СПбФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 749. Л. 38–39. — Письмо Е. Ф. Корш к А. А. Шахматову от 28.04.1915.

³⁰ Так, вдова академика Ф. Ф. Фортунатова, умершего 20.09.1914, получила пенсию в 300 руб. (РО РГБ. Ф. 465. Карт. 29. Д. 22. Л. 35 об. — Письмо А. А. Шахматова от 21.04.2015). Забегая вперед, отметим, что такую же пенсию Министерство народного просвещения назначило и Е. С. Корш.

³¹ Елена Федоровна, другая дочь Коршей, в 1915 г. вышла замуж и жила отдельно от матери.

³² РО РГБ. Ф. 465. Карт. 29. Д. 22. Л. 45 об. — Письмо А. А. Шахматова к Е. Ф. Корш от 24.08.1915.

³³ РО РГБ. Ф. 465. Карт. 29. Д. 21. Л. 3–3 об. — Заявление Е. С. Корш о дарении библиотеки. Черновик. Полный текст письма вдовы в Академию наук приведен в тексте протокола Общего собрания ИАН 3 октября 1915 г., § 176 (СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 162. Л. 83).

упомянула вместе с книгами и архив, чего, по-видимому, ожидал А. А. Шахматов³⁴. Свое решение Е. Ф. Корш объяснила тем, что в отношении бумаг ей не было понятно, «какие условия мы должны ставить. Важно, конечно, чтобы и архив можно было предоставить для общественного пользования, т. к. там есть много материала, которого нельзя будет издать, но который будет полезен при составлении разными лицами научных работ»³⁵. А. А. Шахматов всегда оставлял за наследниками право принимать решения, подчеркивал, что «если даже Вы передадите архив Федора Евгеньевича нам, Вы всегда сохраните свободу распоряжаться его произведениями помимо Академии»³⁶, и предложил отложить вопрос об архиве до декабря, когда рассчитывал сам приехать в Москву: «Мы поговорили бы о тех частях архива, которые могли бы быть напечатаны, а также о наиболее целесообразном его помещении»³⁷.

Рассмотрения Академией заявления о пожертвовании библиотеки пришлось ждать до начала октября, тогда же было получено письмо неперменного секретаря ИАН С. Ф. Ольденбурга: «Милостивая государыня Евдокия Самойловна, Конференция Имп. Академии наук, заслушав заявление Ваше от 29 августа в заседании Общего собрания 3 октября, постановила выразить Вам глубокую благодарность Академии за принесение Вами ей в дар библиотеки академика Федора Евгеньевича Корша. Все четыре условия, поставленные Вами, будут исполнены Академией»³⁸. Эта новость попала в печать, где также давалось яркое описание книжного собрания ученого: «Библиотека Ф. Е. Корша содержит свыше 3 500 названий и около 8 000 томов на русском, венгерском, татарском, персидском, монгольском, арабском, еврейском и других языках. Большинство книг библиотеки служило для научных занятий покойного академика и представляет собою большую научную ценность. В этом отношении выделяется большое собрание книг по литературе мусульманского Востока. Разнообразен и богат также отдел по классической филологии и славянскому языковедению»³⁹.

Приняв решение о передаче библиотеки в Петроград, Корши стали выяснять, как организовать перевозку. Еще весной Елена Федоровна писала: «Нам никогда не приходилось отправлять подобного рода грузов, поэтому мама в недоумении, как отправить, чтобы было практичнее. Говорят, что ящики теперь большая редкость, так что будто бы и с этой стороны встретим затруднения»⁴⁰. А. А. Шахматов советовал не торопиться с отправкой книг, т. к. время было неспокойное: военные неудачи 1915 г., хотя и не нарушили

³⁴ В письмах А. А. Шахматова архив и библиотека всегда упоминались вместе, напр.: РО РГБ. Ф. 465. Карт. 29. Д. 22. Л. 43, 45.

³⁵ СПбФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 749. Л. 43 – 43 об. — Письмо Е. Ф. Корш к А. А. Шахматову от 29.08.1915.

³⁶ РО РГБ. Ф. 465. Карт. 29. Д. 22. Л. 23. — Письмо А. А. Шахматова к Е. Ф. Корш от 27.02.1915.

³⁷ Там же. Л. 45 об. — Письмо А. А. Шахматова к Е. Ф. Корш от 24.08.1915.

³⁸ РО РГБ. Ф. 465. Карт. 28. Д. 15. Л. 6. — Письмо на бланке неперменного секретаря ИАН от 06.10.1915.

³⁹ Библиотекарь. 1915. Вып. 3–4. Разд. «Хроника русского библиотечного дела». С. 419–420.

⁴⁰ СПбФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 749. Л. 34 – 34 об. — Письмо Е. Ф. Корш к А. А. Шахматову от 18.04.1915.

мирной жизни столицы, все же вселяли тревогу. Однако значительное сокращение средств и удорожание жизни в условиях войны заставили Е. С. Корш сдать одну комнату квартирантам, и книги мужа стали стеснять⁴¹. А. А. Шахматов предложил уложить книги в ящики и сдать на склад для хранения. Но склады в Москве были переполнены, и Академия наук обратилась к ректору Московского университета с просьбой принять на временное хранение ящики с книгами. Правление Московского университета постановлением от 17 сентября 1915 г. «выразило согласие на временное помещение в Московском университете пожертвованной... библиотеки покойного академика, с тем, чтобы перевозка книг в университет и впоследствии в Академию была произведена за счет Академии»⁴², о чем А. А. Шахматов известил Коршей⁴³. Ввиду этого он просил заказать ящики и, уложив в них книги, переслать в университет⁴⁴. Расходы Академия обещала оплатить.

Корши начали упаковку книг. Но вскоре стало ясно, что это предприятие грозит быть весьма затратным: «Ящики мама купила по 1 р. 25 к., относительно же упаковки Евгений справлялся в специальных перевозочных заведениях, и ему ответили, что берут за одну упаковку без ящиков и перевозки 6 р. 50 к. с ящика, а ведь ящиков будет не менее 15, а то и больше; получается такая возмутительная сумма...»⁴⁵. И здесь А. А. Шахматов нашел способ помочь. Он писал Евдокии Самойловне: «Посылаю служителя библиотеки Петра Субочева. Он уложит книги, Вами пожертвованные, наймет ломовых и доставит ящики в Университет. Денег ему дано достаточно. Он уплатит и за приобретенные уже ящики»⁴⁶. Академический служитель исполнил поручение, и уже 11 октября 1915 г. Корши получили расписку о приеме книг Московским университетом⁴⁷.

В 1915 г. никто не мог предположить, что «временное хранение» растянется почти на 10 лет. Однако в Академии наук не забыли о подаренном ей собрании⁴⁸. Когда после переезда Библиотеки АН в новое просторное здание появилась возможность принять новые фонды, началось активное

⁴¹ Там же. Л. 42 об. – 43. — Письмо Е. Ф. Корш к А. А. Шахматову от 29.08.1915.

⁴² СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 17. Д. 102. Л. 41. — Отношение Правления Московского университета от 23.09.1915.

⁴³ РО РГБ. Ф. 465. Карт. 21. Д. 13. Л. 1–2. — Извещение семьи Коршей о решении Правления Московского университета.

⁴⁴ РО РГБ. Ф. 465. Карт. 29. Д. 22. Л. 49. — Письмо А. А. Шахматова к Е. Ф. Корш от 26.09.1915.

⁴⁵ СПбФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 749. Л. 44 – 44 об. — Письмо Е. Ф. Корш к А. А. Шахматову от 08.10.1915.

⁴⁶ РО РГБ. Ф. 465. Карт. 29. Д. 21. Л. 2. — Письмо А. А. Шахматова к Е. С. Корш от 10.10.1915.

⁴⁷ РО РГБ. Ф. 465. Карт. 21. Д. 13. Л. 3. — Расписка библиотекаря Московского университета о приеме библиотеки Ф. Е. Корша.

⁴⁸ В 1920 г., сочувствуя нуждавшейся вдове Ф. Е. Корша, А. А. Шахматов изыскал возможность оказать ей материальную поддержку. ОРЯС на заседании 21 апреля 1920 г. постановило выплатить Е. С. Корш 8500 руб. «за уступленные ею... книги» (СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 168. Л. 187 об.). В письме же, сообщая об этом, А. А. Шахматов пояснял: «Другого нет способа, как выдать их (деньги. — Е. Г.) в качестве уплаты за книги. У меня нашелся каталог русских книг библиотеки Федора Евгеньевича. Этот список будет приложен к Вашему счету» (РО РГБ. Ф. 465. Карт. 29. Д. 21. Л. 5, 6).

комплектование. Тогда-то на заседании Библиотечной комиссии и был поднят вопрос о желательности перевозки библиотеки Ф. Е. Корша из Москвы⁴⁹. Директор БАН Н. К. Никольский обратился в Правление РАН с просьбой принять необходимые меры⁵⁰. Правление дало поручение своему агенту в Москве выяснить на месте вопрос о возможности отправки книг⁵¹. Согласно полученным сведениям, ящики с книгами находились в сохранности и вывезти их можно было в любое время, но требовалось предъявить расписку, выданную университетским библиотекарем в 1915 г., или какой-нибудь документ с указанием точного числа ящиков. Как оказалось, «в кладовой стоят 19 ящиков, но заведующий библиотекой помнит, что их было 15 шт. Документов же нет. Придется ждать расписку из Академии»⁵². Однако в Академии расписку тоже найти не смогли. Когда же вопрос все-таки удалось уладить⁵³, 7 марта 1925 г. была выписана доверенность уполномоченному Правления АН СССР в Москве, которому поручалось принять и перевезти в Ленинград пожертвованные книги Ф. Е. Корша⁵⁴.

Наконец долгожданная библиотека прибыла в Ленинград⁵⁵, о чем на заседании Общего собрания РАН сообщил директор Библиотеки АН, назвав и количество полученных ящиков — 19⁵⁶. Ящики, весившие 76 пудов, поставили в цокольном этаже, а в августе они были вскрыты, книги распакованы, подняты на второй этаж⁵⁷ и размещены по шкафам в комнате № 26. В конце 1925 г. большая часть помещений второго этажа⁵⁸ принадлежала I (Русскому) Отделению БАН⁵⁹, в том числе и три кабинета с книжными собраниями академиков Ф. Е. Корша (ок. 4,5 тыс. библиотечных единиц), А. А. Шахматова (8,5 тыс. библиотечных единиц) и А. А. Куника (свыше 15 тыс. библиотечных единиц), занимавшими соответственно кабинеты № 26, 25 и 24⁶⁰. С каждым именованным фондом работали по несколько сотрудников. Приведем сводный отчет, написанный, по-видимому, руководителем работ В. В. Михайловой 7 июня 1927 г.:

⁴⁹ СП6Ф АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1924). Д. 2. Л. 6 об. — Протокол от 23 сентября 1924 г. (§ 6).

⁵⁰ СП6Ф АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1924). Д. 5. Л. 174–174 об. — Отношение БАН в Правление РАН от 31.10.1924.

⁵¹ СП6Ф АРАН. Ф. 4. Оп. 1. Д. 202. Л. 242. — Журнал заседания Правления РАН от 03.11.1924 (§ 16).

⁵² СП6Ф АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1924). Д. 5. Л. 176–177 об. — Справка уполномоченного представителя в Москве З. В. Шишкевич о библиотеке Ф. Е. Корша. 20–21.11.1924.

⁵³ Возможно, внести ясность помогли Корши, у которых сохранился их экземпляр расписки.

⁵⁴ СП6Ф АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1925). Д. 3. Л. 37.

⁵⁵ С 26 января 1924 г. Петроград стал называться Ленинградом.

⁵⁶ СП6Ф АРАН. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 174. Л. 18. — Протокол заседания ОС РАН от 04.04.1925 (§ 53). В Отчете АН СССР за 1925 г. ошибочно указано, что поступили 18 ящиков с книгами, см.: Отчет о деятельности АН СССР за 1925 г., составленный непрременным секретарем акад. С. Ф. Ольденбургом. Л., 1926. С. 41.

⁵⁷ СП6Ф АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1925). Д. 3. Л. 268. — Служебная записка зав. II Отделением БАН о расходах на переноску библиотеки Корша. 25.08.1925.

⁵⁸ Сейчас в БАН этот этаж считается третьим.

⁵⁹ В 1925 г. Библиотека АН насчитывала шесть отделений: I (Русское), II (Иностранное), III (Славянское), IV (Рукописное), V (Картографическое) и VI (Читальный зал со справочным подотделом).

⁶⁰ См. брошюру: Библиотека. Л. [: Изд. АН СССР], 1925.

«Отчет о работах по разборке библиотеки акад. Ф. Е. Корша.
С 24/V по 5/VI с. г. закончена опись книг на русском языке; всего
с предыдущими 1313 названий (№ 1313 а и б) — 1329 библиотечных единиц;
закончена опись академических изданий, всего 272 назв. — 300 библиотечных ед.;
составлена опись академической периодики — 44 назв. — 107 библиотечных ед.;
составлена опись разных периодич. изданий на русск. яз. —
141 назв. — 207 библиотечных ед.
Переданы в Славянское отделение 514 библиотечных ед.;
в Иностран. отд-ие 1699 библиотечных ед.;
в Азиатский музей 343 библиотечных ед.;
в Отд-ие картографии 2 библиотечных ед.;
в Рукописное отд-ие 4 библиотечных ед. и мелкие заметки
акад. Ф. Е. Корша⁶¹;
дополнительно в Отд-е Читального зала 65 библиотечных ед.;
предварительно в Отделение Читального зала было передано 175 библиотечных ед.
Вся наличность библиотеки акад. Ф. Е. Корша 4745 библиотечных единиц.
7/VI 27 г. В. В. Михайлова»⁶².

Нетрудно заметить, что книги были распределены между разными отделениями БАН⁶³, и тем самым Академия наук нарушила два из условий дарителя — библиотека не должна быть разрозниваема и должна храниться в особых шкафах имени Ф. Е. Корша. Однако в 1920–30-е гг. подобной участи не избежали и другие частные собрания, в том числе и уже упоминавшиеся крупные библиотеки А. А. Шахматова и А. А. Куника⁶⁴.

⁶¹ Можно предположить, что «мелкие заметки» — это отдельные листочки с выписками, зарисовками и одиночные письма, обнаруженные при разборе книг. Подобные находки были и у Е. Ф. Корш, составлявшей в 1915 г. каталог отцовской библиотеки. Она такие записочки вынимала и складывала, помечая, из какой книги они изъяты (СПбФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 749. Л. 36). Сохранили их и в БАН. В 1931 г. в ходе кампании по реорганизации работы библиотеки, когда многие книги и рукописи из БАН были переданы в другие учреждения, из Рукописного отдела в Архив АН по акту от 22 апреля 1931 г. поступили личные архивы и собрания бумаг ряда ученых, в том числе и Ф. Е. Корша (СПбФ АРАН. Ф. 7. Оп. 1. Д. 33. Л. 6–9). В Архиве небольшое собрание разрозненных бумаг вошло в состав разряда (коллекции) «Персоналия», в котором хранятся отдельные документы, относящиеся к жизни и деятельности членов АН и других ученых (СПбФ АРАН. Р. V–K. Оп. 9. Д. 1–12).

⁶² СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1925). Д. 27. Л. 35.

⁶³ В годовом отчете АН СССР за 1927 г. упомянуто лишь о передаче «около 500 томов книг» в III Славянское отделение (Отчет о деятельности АН СССР за 1927 г., составленный и. о. неперменного секретаря акад. А. Е. Ферсманом. Л., 1928. С. 57), о перемещениях прочих изданий (и каких именно) свидетельствуют сохранившиеся в архиве списки, например 240 библиотечных ед. изданий справочного характера (в т. ч. различных словарей), переданных в Читальный зал (СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1927). Д. 31. Л. 64–67).

⁶⁴ В настоящее время сотрудниками БАН ведутся работы по реконструкции разрозненных личных библиотек (см., напр.: *Ермошина Е. В.* Книжные коллекции, библиотеки и собрания в Основном фонде БАН // Петербургская библиотечная школа. 2018. № 2 (62). С. 49–50), восстановлению их каталогов, выявлению и описанию инскриптов (см., напр.: *Кульматова Т. В.* Автографы на изданиях из Академического собрания БАН (академик Ф. Е. Корш: даритель и адресат) // Петербургская библиотечная школа. 2017. № 4 (60). С. 33–36).

Итак, из Москвы в Ленинград было перевезено более 4,5 тыс. книг. Но в семье Коршей осталась еще значительная часть изданий, которые Елена Федоровна Корш отобрала в 1915 г.: книги по пушкинистике, академические издания и др. Через полвека, в 1964 г., их пожелала приобрести Научная библиотека МГУ⁶⁵, и М. Ф. Корш-Келлат, младшая дочь академика, передала университету сначала 240 книг⁶⁶, а в мае — еще около 130 книг⁶⁷. Сегодня указанные издания составляют в Отделе редких книг и рукописей НБ МГУ одну из личных библиотек — коллекцию Ф. Е. Корша, насчитывающую 413 библиотечных единиц.

Рукописный архив Ф. Е. Корша тоже имеет свою историю. Как уже было сказано, в 1915 г. наследники отложили решение о передаче архива Академии наук. По-видимому, они так ничего и не предприняли и документы оставались в семье. В 1918 г. от новой власти даже удалось получить «охранную грамоту» на библиотеку, архив и вещи, принадлежавшие академику⁶⁸. О бумагах снова вспомнили только в конце Великой Отечественной войны, когда в связи с 30-летием со дня смерти Ф. Е. Корша Отделение русского языка и литературы АН СССР готовило специальное заседание его памяти. Тогда к детям ученого обратился вице-президент Академии наук В. П. Волгин с просьбой передать архив отца в Академию наук. Он писал: «...Уже давно установилась традиция, согласно которой после смерти действительных членов и членов-корреспондентов Академии наук их личные архивы передаются оставшимися близкими родственниками или знакомыми на вечное хранение в Академию наук. Таким образом увековечивается память о наших ученых, а их архивные научные материалы используются в интересах науки»⁶⁹. Пока шло обсуждение этого предложения, наследники согласились предоставить во временное пользование письма А. А. Шахматова к Ф. Е. Коршу для осуществления их публикации в сборнике, посвященном А. А. Шахматову⁷⁰.

М. Ф. Корш-Келлат, являвшаяся в то время хранительницей архива, передала письма в Московское отделение⁷¹ Архива АН СССР по акту от

⁶⁵ РО РГБ. Ф. 465. Карт. 22. Д. 20. Л. 1. — Письмо из Научной библиотеки МГУ. 09.01.1964.

⁶⁶ Там же. Л. 2. — Расписка в получении книг.

⁶⁷ ОРК НБ МГУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6. Л. 1. — Акт о передаче М. Ф. Корш-Келлат иностранных книг Ф. Е. Корша. 15.05.1964.

⁶⁸ РО РГБ. Ф. 465. Карт. 21. Д. 17. Л. 1. — Охранная грамота, выданная Народным комиссариатом по просвещению 23.09.1918.

⁶⁹ РО РГБ. Ф. 465. Карт. 26. Д. 10. Л. 1. — Письмо В. П. Волгина к Ф. Е. Корш-Кречетович. Январь, 1945. Такие же письма получили М. Ф. Корш-Келлат и Евг. Ф. Корш (Там же. Д. 11 и 12).

⁷⁰ Сборник в честь А. А. Шахматова был задуман и начал готовиться еще в конце 1930-х гг.; в 1945 г. к изданию вернулись после длительного перерыва, вызванного войной, пересмотрели его концепцию, и теперь в планах редакции стояло издание статей и материалов в 2 томах, где во второй том должна была войти переписка А. А. Шахматова с Ф. Ф. Фортунатовым и Ф. Е. Коршем. Однако был издан только первый том: А. А. Шахматов, 1864–1920: сб. статей и материалов / под ред. акад. С. П. Обнорского; АН СССР. М.; Л., 1947. (Труды Комиссии по истории Академии наук СССР / под общ. ред. акад. С. И. Вавилова; вып. 3).

⁷¹ В связи с переездом в 1936 г. центрального аппарата АН СССР в Москву было создано Московское отделение Архива АН СССР (МО Арх. АН). В 1963 г. дирекция Архива АН СССР была также переведена в Москву, а ленинградская часть архива, в свою очередь, стала отделением.

25 октября 1945 г.⁷² Принявший документы заведующий отделением Ф. Д. Гетман переслал их в Ленинград, и уже 9 ноября 1945 г. в Архиве АН были получены 323 письма и 4 визитные карточки А. А. Шахматова, которые, согласно резолюции директора Г. А. Князева, присоединили к архиву А. А. Шахматова, к описи возвращенных писем под № 72⁷³. Через два года от М. Ф. Корш-Келлат был прислан еще комплект писем за 1912–1914 гг., отсутствовавших в числе ранее переданных и, очевидно, недавно отысканных. Новые документы также были присоединены к фонду А. А. Шахматова, к той же описи, но уже под № 73⁷⁴. С письмами активно работали: снимали копии, готовили их к публикации, о чем свидетельствуют сохранившиеся материалы. Задуманное издание не состоялось, но оригиналы писем бывшим владельцам возвращены не были, так как к тому времени научный архив Ф. Е. Корша наследники передали Академии наук. В конце 1948 г. М. Ф. Корш-Келлат представила в МО Арх. АН подготовленные ею 1) список документов отца, отобранных к передаче и предварительно систематизированных в 20 пачках, и 2) список более 300 корреспондентов Ф. Е. Корша с указанием числа их писем⁷⁵. Оценочная комиссия, рассмотрев эти списки, составила акт, в котором отметила, что «архив академика Ф. Е. Корша, состоящий из рукописей научных трудов, переписки, писем к нему, ученых лекций и материалов для научных работ, представляет исключительно большую научную ценность», что значительная часть материалов является неопубликованной, и посчитала «целесообразным приобрести архив акад. Ф. Е. Корша для АН СССР, оценивая его в пятнадцать тыс. руб. (15 000 руб.)»⁷⁶.

Документы поступили в архив 21 января 1949 г., и из них был образован личный фонд академика Ф. Е. Корша — фонд № 558⁷⁷. В ходе его научной обработки вспомнили о пересланных в 1945 г. в Ленинград письмах А. А. Шахматова и попросили их вернуть. В 1956 г. 323 письма и 4 визитные карточки были возвращены в МО Арх. АН⁷⁸, но те письма, которые приняли дополнительно в 1947 г., так и остались в Ленинградском архиве, в фонде А. А. Шахматова⁷⁹.

В семье остались в основном биографические и семейные документы, а также обширное поэтическое наследие Ф. Е. Корша. По-видимому, дочери не считали нужным передавать эти материалы в государственные архивы.

⁷² РО РГБ. Ф. 465. Карт. 22. Д. 17. Л. 1. — Акт о передаче писем М. Ф. Корш-Келлат в МО Архива АН СССР (во временное пользование). 25.10.1945.

⁷³ СПбФ АРАН. Дело фонда 134. Л. 23. — Сведения о поступлении документов № 54. 09.11.1945.

⁷⁴ СПбФ АРАН. Дело фонда 134. Л. 26. — Сведения о поступлении документов № 83. 08.12.1947.

⁷⁵ АРАН. Дело фонда 558. Л. 23–27.

⁷⁶ РО РГБ. Ф. 645. Карт. 22. Д. 19. Л. 1–2. — Акт оценочной комиссии от 03.12.1948.

⁷⁷ АРАН. Дело фонда 558. Л. 1. — Сведения о поступлении № 595/8. 21.01.1949. Сразу же началась научно-техническая обработка фонда и были сформированы 1208 единиц хранения, см. обзорное издание: Корш Федор Евгеньевич (фонд 558) / сост. Л. К. Куванова // Архив Академии наук СССР: Обзорное архивных материалов. Т. IV / под ред. Г. А. Князева, Г. П. Блока, Т. И. Лысенко. М.; Л., 1959. С. 208–211. (Труды Архива АН СССР; вып. 16).

⁷⁸ СПбФ АРАН. Дело фонда 134. Л. 28. — Акт о возвращении документов. 10.11.1956.

⁷⁹ СПбФ АРАН. Ф. 134. Оп. 4. Д. 29.

Лишь одну пачку рукописей отца М. Ф. Корш-Келлат передала весной 1964 г. вместе с книгами в Научную библиотеку МГУ⁸⁰. Там и сейчас находится не-большой, насчитывающий всего 7 ед. хранения архив Ф. Е. Корша, наиболее ценной частью которого являются 17 писем А. А. Фета (1887–1890 гг.)⁸¹.

После кончины Марии Федоровны⁸² ее сын, А. И. Богданов, передал оставшуюся часть бумаг деда в Отдел рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина, где еще со времен Румянцевского музея хранились материалы его прадеда Е. Ф. Корша. В 1968 г. в этот фонд вошли документы академика Ф. Е. Корша, а впоследствии его пополняли бумаги и некоторых других представителей семьи⁸³. Корпус документов Федора Евгеньевича Корша в составе фонда насчитывает около 900 ед. хранения.

Так прихотливо сложилась история документов и книг крупного ученого, филолога и востоковеда Ф. Е. Корша. Волею наследников, направляемой порой внешними обстоятельствами, некогда единые архив и библиотека оказались рассредоточены между несколькими ведомствами и учреждениями двух российских столиц.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН СССР — Академия наук Союза Советских Социалистических Республик
АРАН — Архив Российской академии наук
БАН — Библиотека Академии наук
ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации
ИАН — Императорская академия наук
МО Арх. АН — Московское отделение Архива Академии наук СССР
ОРК НБ МГУ — Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки Московского государственного университета
ОРЯС — Отделение русского языка и словесности
ОС РАН — Общее собрание Российской академии наук
РО РГБ — Рукописное отделение Российской государственной библиотеки
СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

АРАН. Дело фонда 558.
ОРК НБ МГУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6.
РО РГБ. Ф. 465. Карт. 11. Д. 2.
РО РГБ. Ф. 465. Карт. 21. Д. 13, 17.
РО РГБ. Ф. 465. Карт. 22. Д. 17, 19, 20.
РО РГБ. Ф. 465. Карт. 26. Д. 10–12, 54.
РО РГБ. Ф. 465. Карт. 28. Д. 15.
РО РГБ. Ф. 465. Карт. 29. Д. 21, 22.

⁸⁰ ОРК НБ МГУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6. Л. 1. — Акт о передаче М. Ф. Келлат книг и рукописей Ф. Е. Корша. 15.05.1964.

⁸¹ ОРК НБ МГУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1.

⁸² М. Ф. Корш умерла 21 июля 1965 г., ее старшая сестра Е. Ф. Корш — в 1951 г.

⁸³ См. подробное обозрение фонда: *Зейфман Н. В.* Архив Коршей // Записки отдела рукописей. [Ежегодник ГБЛ]. Вып. 48. М., 1990. С. 85–152.

- СПбФ АРАН. Дело фонда 134.
СПбФ АРАН. Р. V–К. Оп. 9. Д. 1–12.
СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 162, 168, 174.
СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 17. Д. 102.
СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 1. Д. 202.
СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1924). Д. 5.
СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1925). Д. 3.
СПбФ АРАН. Ф. 7. Оп. 1. Д. 33.
СПбФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 749.
СПбФ АРАН. Ф. 134. Оп. 4. Д. 29.
СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1924). Д. 2.
СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1925). Д. 27.
СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1927). Д. 31.
- А. А. Шахматов, 1864–1920 : сб. статей и материалов / под ред. акад. С. П. Обнорского ; АН СССР. М. ; Л., 1947. (Труды Комиссии по истории Академии наук СССР / под общ. ред. акад. С. И. Вавилова ; вып. 3).
Библиотека. Л. [: Изд. АН СССР], 1925.
- Ермошина Е. В.* Книжные коллекции, библиотеки и собрания в Основном фонде БАН // Петербургская библиотечная школа. 2018. № 2 (62). С. 49–50.
- Зейфман Н. В.* Архив Коршей // Записки отдела рукописей. [Ежегодник ГБЛ]. Вып. 48. М., 1990. С. 85–152.
- Корш Федор Евгеньевич (фонд 558) / сост. Л. К. Куванова // Архив Академии наук СССР: Обзор архивных материалов. Т. IV / под ред. Г. А. Князева, Г. П. Блока, Т. И. Лысенко. М. ; Л., 1959. С. 208–211. (Труды Архива АН СССР ; вып. 16).
- Кульматова Т. В.* Автографы на изданиях из Академического собрания БАН (академик Ф. Е. Корш: даритель и адресат) // Петербургская библиотечная школа. 2017. № 4 (60). С. 33–36.
- «Носитель пушкинских преданий». Переписка великого князя Константина Константиновича с академиком Ф. Е. Коршем. 1900–1915 гг. / подг. текста и коммент. Т. А. Лобашковой // Контекст: Литературно-теоретические исследования. М., 2013. С. 207–291.
- Отчет о деятельности АН СССР за 1925 г., составленный неперменным секретарем акад. С. Ф. Ольденбургом. Л., 1926.
- Отчет о деятельности АН СССР за 1927 г., составленный и. о. неперменного секретаря акад. А. Е. Ферсманом. Л., 1928.
- Соболевский С. И.* Александр Николаевич Шварц. М., 1916. (Отд. отт. из прилож. к I ч. Отчета Имп. Московского университета за 1915 г.).

Т. В. Кульматова, А. С. Лоу
Библиотека Российской академии наук

**МРАМОРНАЯ БУМАГА В РУССКОМ ПЕРЕПЛЕТЕ
(МАТЕРИАЛЫ К ИСТОРИИ И ПРОБЛЕМЫ ОПИСАНИЯ)**

Декоративная мраморная бумага используется в русском переплете начиная с XVII в., являясь его важным конструктивным и декоративным элементом. Однако до сих пор она не стала предметом серьезного изучения. При ее описании используется только два термина: «мраморная бумага» и «бумага “павлинье перо”», в то время как существуют десятки ее разновидностей. В статье собраны некоторые материалы по истории бытования мраморной бумаги в России. Предлагается инструкция по ее описанию.

Ключевые слова: декоративные бумаги, мраморная бумага, переплет.

T. V. Kulmatova, A. S. Lotz
Library of the Russian Academy of Sciences

**MARbled PAPER IN RUSSIAN BINDING
(MATERIALS TO THE HISTORY AND DESCRIPTION PROBLEMS)**

Decorative marbled paper has been used in Russian binding since the 17th century, being an important structural and decorative element. However, it has not yet been a subject of serious study. Only two terms are used to describe it: «marbled paper» and «peacock feather paper», while there are dozens of its varieties. The article contains some materials on the history of marbled paper in Russia. Instructions for its description are offered in the article.

Key words: marbled paper, decorative paper, binding.

Мраморная бумага — одна из разновидностей декоративных бумаг, используемых в книжном переплете в качестве конструктивного и декоративного элемента: на крышках, форзацах, на месте корешка тонких брошюр и оттисков, на книжных футлярах и др. Несмотря на то, что она является и важной и привлекательной частью переплета, в России до сих пор нет капитального труда, ей посвященного. Из современных исследователей мраморной бумаге уделяют внимание М. Б. Золотова¹ и А. И. Маркова. В своем каталоге

¹ *Золотова М. Б.* Форзацы в индивидуальных отечественных переплетах XVIII — первой трети XIX века // Румянцевские чтения — 2018 [: в 3 ч.]. М., 2018. Ч. 1. С. 306–311; *Ее же.* Декоративные бумаги в русских переплетах XVIII в. // Румянцевские чтения — 2011 : материалы Междунар. науч. конф. (19–21 апр. 2011 г.) : в 2 ч. / РГБ. М., 2011. Ч. 1. С. 156–160.

«Книжные переплеты генерала А. П. Ермолова»² А. И. Маркова впервые приводит исторические названия мраморных бумаг с использованием французской терминологии. В рамках мероприятий Международной школы реставрации в Томске 24 августа 2020 г. прозвучал ее доклад «Декоративная бумага в русских переплетах XVIII — начала XX в.: основные техники и типы декора, области применения в переплетном деле».

При изучении и описании особенностей экземпляров исследователи обычно сосредотачивают свое внимание на других элементах переплета. Это имеет свои объяснения. Несмотря на то, что мраморная бумага являлась важной частью переплета и во многом определяла его эстетические достоинства, она, как правило, не изготавливалась переплетчиком. «Мраморная окраска обрезов...», — читаем у Л. Н. Симонова, — редко производится самими переплетчиками, а поручается ими большею частью особым специалистам, которые одним и тем же способом окрашивают под мрамор не только обрезы книг, но и бумагу и, при достаточной работе, могут исполнять ее очень недорого — гораздо дешевле, чем она обходится в мастерской переплетчика»³. Кроме того, в отличие от переплетного дела, искусство мраморирования было совершенно утрачено после 1917 г.

В России привозная европейская мраморная бумага появляется во второй половине XVII в. Ее называют «пестрой», а также «цветеной волнистой», в XVIII в. чаще «турецкой волнистой» или просто «турецкой» бумагой. Последнее название, видимо, указывает на происхождение от немецкого: только в Германии она называлась турецкой — *Turkisch Papier* (в Англии — *Old Dutch*, во Франции — *Reigne d'Arc*). Возможно, это говорит о том, что в Россию поставлялась именно немецкая мраморная бумага. Известно, что Франция и Англия работали в основном на внутренний рынок, Германия же производила много декоративных бумаг на вывоз. Со второй половины XVIII в. начинает также употребляться название «мраморная бумага» (от лат. *marbog* и греч. *marbogos*). Со временем в русском языке (в отличие от европейских) в слове «мрамор» произошла замена звуков (метатеза), и «мрамор» превратился в «мрамор» — русскому человеку так удобнее было произносить. Уже в 1793 г. в «Словаре Академии Российской» приводятся два варианта употребления этого слова.

В предыдущей статье⁴ мы высказали предположение, что наиболее ранний образец привозной мраморной бумаги выявлен на форзацах подносного экземпляра Симеона Полоцкого царевичу Алексею — сочиненной и преподнесенной им в 1667 г. поэмы «Орел Российский»⁵. Однако проведенный экспертный осмотр экземпляра коллегами из

² Маркова А. И. Книжные переплеты генерала А. П. Ермолова / науч. ред. И. Л. Велюкочная. М., 2020.

³ Симонов Л. Н. Переплетное мастерство и искусство украшения переплета. Художественные стили, чистка, исправление и хранение книг / при содействии переплетной мастерской Э. Ро. СПб., 1897. С. 143.

⁴ Наука и библиотека : сб. науч. трудов. Вып. 1 / БАН. СПб. (В печати).

⁵ НИОР БАН. Собрание Петра Великого. Шифр: П I А № 1; *Симеон Полоцкий. Орел российский* / изд. подгот. Л. И. Сазоновой ; Ин-т мировой лит. РАН, Б-ка РАН. М., 2015.

научно-исследовательских отделов — рукописей, редкой книги, консервации и реставрации фондов (НИОКИРФ, НИОРК и НИОР БАН)⁶ — позволил сделать заключение о том, что хотя в целом переплет соответствует эпохе, но турецкая волнистая бумага на форзацах может быть более позднего происхождения. Пока на сегодняшний день самым ранним экземпляром, на крышках которого использована мраморная, а именно турецкая волнистая бумага, с уверенностью можно считать рукописную книгу «Хронограф 1620 г.» из Архангельского собрания РО БАН (д. 425)⁷. Известно, что рукопись была переплетена «в 1696 г. в картон, оклеенный пестрой гляцевитой бумагой», в связи с чем в книге была сделана полистная запись: «Сия книга живоначальная Троицы Антониева Сийскаго монастыря казенная, а в 204-м⁸ году апреля в (число не написано. — В. П.[окровская]) день, по указу преосвященнаго Афанасия, архиепископа Холмогорскаго и Важескаго, вынята из монастырской же старой книги, глаголемой Хронографа, и в сей переплет вновь переплетена его архиерейским иждивением и милостивым снисканием»⁹.

Самое раннее упоминание мраморной бумаги, найденное нами среди опубликованных документов, относится к 1675 г. и связано с организацией в Москве первого общественного театра. Осенью 1675 г. решено было поставить шесть комедий. Тексты всех комедий были переплетены. «В нынешнем во [7]184 году ... переплетал в Посолской приказ иноземец [капитан] Яган Элкур: <...> 7 книг переплетено и в том числе 4 в красной сафьян, по обрезу и на досках травки золотом, а 3 книги в пеструю бумагу ... боярин Артемон Сергеевич Матвеев ... приказал иноземцу Ягану Элгузе ... дать в приказ 15 рублей»¹⁰. Известно, что для 12-летнего Петра I в 1684 г. были приобретены за границей переплетные инструменты и материалы, в т. ч. «волнистая бумага»¹¹. Упоминание от 1689 г. находим в «Розыскных делах о Федоре Шакловитом и его сообщниках», сторонниках царевны Софьи. В деле о князьях В. В. и А. В. Голицыных, в описи и оценке их имущества, упоминается «Поставец о пяти уступех крашеной... А в нем: 4 книги печатных, печати киевския, О дарех Духа Святаго великим государем; оклеены бумагою цвеченою волнистою. Цена 13 алт. 2 д.». «В его же князь Васильеве другой столовой неотделанной полате, что над поварнею ... Книга в полдсть, писанная: Похвала благочестивым царем, — сложение иеромонаха

⁶ Автор приносит благодарность М. Ю. Гордеевой, Л. Б. Беловой, Л. Л. Ветровой, А. Р. Джигоевой, В. В. Неклюдову.

⁷ Автор приносит благодарность главному библиотекарю НИОР БАН Людмиле Борисовне Беловой, которая указала на этот экземпляр.

⁸ До календарной реформы Петра I в 1700 г. летоисчисление велось по византийскому календарю, от сотворения мира. 7204 г. (- 5508) соответствует 1696 г.

⁹ Описание Рукописного отдела БАН СССР. Т. 3, вып. 1 / сост.: В. Ф. Покровская, А. И. Копанев, М. В. Кукушкина, М. Н. Мурзанова. Изд. 2-е, доп. М.; Л., 1959. С. 238.

¹⁰ Московский театр при царях Алексее и Петре. Материалы, собранные С. К. Богоявленским / изд. Император. Общества истории и древностей российских при Московском ун-те. М., 1914. С. 66.

¹¹ Хотеев П. И. Немецкие переплетчики на службе в Петербургской Академии наук (1724–1770) // Немцы Санкт-Петербурга: наука, культура, образование. СПб., 2005. С. 80.

Антония Русаковского, в бумаге волнистой. Цена 6 д.». В нижней же казенной палате «Календарик прошлых лет, в волнистой бумаге, на немецком языке. Цена 10 д.»¹².

В делах Переплетной палаты Академии наук середины XVIII в., сохранившихся в СПбФ АРАН, приводятся сведения о закупках мраморной бумаги. Так, в «Ведомости израсходованным в Переплетной палате материалам в 1752–53 гг.» значится: «Бумаги турецкой за 5 стоп — 20 р. 80 к.»¹³ (т. е. за 2400 листов), а за 1753 г.: «Турецкой бумаги за 3 стопы 2 дести — 10 р. 90 к.»¹⁴, т. е. 1488 листов. Из заказа Комиссией Академии наук в 1771 г. вольному переплетчику Ивану Попову, в книжную лавку: «...все оныя книги переплести в волнистую бумагу», «Немецких разных книг в осмуху в турецкую бумагу каждая по 8 к. — 56 к.»¹⁵. «Для переплетной палаты выписать <...> из заморья волнистой турецкой бумаги шестнадцать стоп [т. е. 28 800 листов]... Августа 9 дня 1761 г.»¹⁶. Как видим, в середине XVIII в. мраморная бумага еще закупалась за границей. К сожалению, в «репортах мастера переплетного художества» не указывались ни страна, ни поставщик-изготовитель, ни продавец. Однако мы узнаём цену и объемы закупок: 1 стопа мраморной бумаги (480 листов) стоила 4 руб. 16 коп., 1 лист обходился меньше копейки (0,86 коп.), в год уходило не менее 3–5 стоп бумаги, а закупалось сразу на несколько лет вперед (16 стоп).

К середине XVIII в. мраморная бумага начинает производиться на писчебумажных фабриках. Вероятно, одной из первых стала фабрика петербургского купца Василия Елизаровича Ольхина (1712(?)–1786), выходца из заонежских крестьян. В 1751 г. он открыл фабрику игральных карт. В 1753 г. в Александровской слободе (Белоостров) построил бумажную фабрику, и к 1800 г. 55 % бумажных мануфактур принадлежало Ольхиным¹⁷. На страницах газеты «Санкт-Петербургские ведомости» за 1764 г. встречаются объявления такого рода: «На Адмиралтейской стороне идучи от гостиного двора от овощной линии в рынок железных рядов, от угла в пятой лавке фабрики Василья Ольхина, продаются повольною ценою разных манеров бумажные шпалеры, *цветная разных колеров называемая Турецкая*, картузная, оберточная и пишчая бумага, да перловая крупа»¹⁸. В лавке В. Е. Ольхина также продавались краски, политура и квасцы — материалы, необходимые для изготовления декоративных бумаг.

В книготорговых объявлениях, публиковавшихся в течение XVIII в. на страницах «Санкт-Петербургских ведомостей», нередко упоминается

¹² Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках / изд. Археографической комиссии [: в 4 т. Т. 4]. СПб., 1893. Стб. 32, 9, 56.

¹³ СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 7. Д. 60. Л. 5 – 5 об.

¹⁴ Там же. Л. 6.

¹⁵ СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 7. Д. 56. Л. 8–9.

¹⁶ СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 7. Д. 61. Л. 13.

¹⁷ *Гущин Б. А.* О петербургских купцах и промышленниках, выходцах из Заонежья // Кижский вестник. Петрозаводск, 2011. Вып. 13. С. 13–25.

¹⁸ Санктпетербургские ведомости. 1764.04.09.07; 09.07.07; 11.09.08. Автор приносит благодарность Станиславу Юрьевичу Нечаеву, научному сотруднику НИОБИБ БАН, за помощь в работе.

«переплет в турецкую бумагу». Так, в 1773 г. переплетчик Андрей Томас продавал «Lettre a Monseigneur Visconti...» «в турецкой бумаге по 75 к. и без переплету 65 к.». Десять лет спустя, в 1783 г., Г. Клостерман продавал «Недоросля» «по 80 коп., а в Турецкой бумашке по 1 рублю» (то есть мягкая обложка из мраморной бумаги в 1770–80 гг. стоила 10–20 коп.). Возможно, это была уже отечественная мраморная бумага с фабрики Ольхина.

В 1780–1790-х гг. появляются первые руководства по изготовлению мраморной бумаги. Уже в 1778 г. в периодическом издании «Сельской житель» появилась заметка от издателя «В пользу любопытных, и таких деревенских жителей, которые не любят препровождать время в праздности, но имеют склонность всегда в чем-нибудь упражняться, мог бы я сообщить известие об одном деле, которое между прочими делами может иногда служить им весьма малым и легким трудом делать пеструю, или паче сказать, мраморную разноцветную и такую бумагу, которою можно оклеивать книги, внутренности ларчиков, футляры, бумажные коробочки, и другое тому подобное. И так, ежели кому угодно, и о сем знать похочется, то я не премину ему рассказать, когда мне о том знать дано будет»¹⁹. Однако охотников не сыскалось, и статья на страницах издания так и не появилась.

Видимо, первое руководство было опубликовано в «Экономическом магазине» Н. Новикова в 1781 г.²⁰, в статье «Вещица для детей». Оно было переиздано в 1794 г. священником Иоанном Алексеевым во всеобщем историческом словаре «Пространное поле, обработанное и плодоносное»²¹. Позже эти материалы были включены Павлом Константиновичем Симиони (1859–1939) в «Опыт сборника сведений по истории и технике книгопереплетного художества на Руси», изданный в 1903 г.²² В издании описывалось приготовление «грунта» (воды с загустителем), красок (с использованием пигментов: для желтой — рахпигмента, синей — крутика, красной — бакана флорентинского, голубой — крутика с мелом, зеленой — крутика с рахпигментом), описывалось лощение уже готовой мраморной бумаги. Сам же процесс мраморирования излагался очень кратко, автор отмечал, что «узры сии как лучше сделать, может догадаться уже и сам художник». Из чего мы заключаем, что искусство мраморирования в это время продолжает оставаться не вполне освоенным. Уже известны материалы и инструменты, но о самом процессе представление смутное.

В 1787 г. в «Словаре коммерческом...» был помещен перевод (или пересказ — следует еще сопоставить тексты) Василия Левшина статьи

¹⁹ Сельской житель. 1778. Лист № 33 (ноября 17 дня). С. 110–111.

²⁰ Вещица для детей // Экономический магазин. 1781. Ч. 6, № 28. С. 17–27.

²¹ Способ делать пеструю, или Турецкую бумагу // Пространное поле, обработанное и плодоносное, или Всеобщий исторический оригинальный словарь, из наилучших авторов, как российских, так и иностранных, выбранный, сочиненный, и по азбучным словам расположенный п. п. священником Иоанном Алексеевым. М., 1794. Т. 2, ч. 1. С. 864–867.

²² Симиони П. К. Опыт сборника сведений по истории и технике книгопереплетного художества на Руси, преимущественно в до-Петровское время, с XI-го по XVIII-ое столетие включительно. Тексты. Материалы. Снимки / собр. и примеч. снабдил Павел Симиони. [СПб.], 1903. С. 195–197 (ОЛДП; 122).

о мраморной бумаге из энциклопедии Дидро и Д'Аламбера²³. Эта статья написана более обстоятельно. Кое-что автор добавил от себя. Но и здесь мы не встречаем подробного пошагового описания техники создания мраморных бумаг, классификации уже существовавшего в то время многообразия узоров. Автор ограничивается следующим: «Можно оным [гребнем] вывести волны, подобие пламени, разные жилы и проч. или нечаянным поведением руки произвести странные смеси. Таковым способом можно делать бесчисленные разнообразности на бумаге сего роду; но нет ничего удивительнее маленьких почти глазу неприметных жилочек, производимых движением сего гребня». Возникает ощущение, что описание составлено человеком, наблюдавшим со стороны, не посвященным в процесс мраморирования или хотя бы записывающим со слов мастера: в XVIII в. мастера неохотно делились секретами своего ремесла.

В 1791 г. московский издатель Андрей Гордеевич (Гордианович) Решетников издает в своей типографии книгу «Любопытный художник и ремесленник» (М., 1791), в которой публикует статью «О делании волнистой и мраморной бумаги». Он также приводит описание пигментов, процесса приготовления красок, «гумми драгантовой воды», инструментов, дает описание процесса создания мраморной бумаги с использованием гребня: «...от верхняго с левой руки угла, до нижняго на правую руку красною краскою из редка, потом промеж оной синею начинать от левой руки с нижняго третьяго угла до верхняго четвертаго угла, а желтою по немного между ими изредка попрыскать; и когда таким образом весь ящик ... красками изпестрен будет, то возьми тот проволочной гребень... проводи им с верху до дна в низ, то и будут краски растягиваться между собою вместе и стоять волнами; и всякия фигуры какия кто пожелает чрез проволочку сего гребня можно сделать» (с. 164). Особо описывались приготовление бумаги, сушка на веревках и лощение. «Когдаж оне совершенно просохнут, то должно их глянцевать, нарочно сделанною для сего деревянною лощилкою, или на плите кремнем на картошной лощильне, натирая по немного Грецким ее мылом» (с. 165).

Однако только во второй половине XIX в. в России происходит заметное развитие искусства мраморирования. Об этом сообщает В. И. Анисимов: «Только в нынешнем веке, именно в шестидесятих годах, окрашивание “под мрамор” достигло совершенства. С тех пор во всех крупных переплетных введено это окрашивание и поручено специальным рабочим, производящим его с изумительным искусством»²⁴.

В 1875 г. в приложении к журналу «Технический сборник» выходит брошюра П. Волкова «Обойное производство и производство окрашенных

²³ Словарь коммерческий, содержащий Познание о товарах всех стран, и названиях вещей главных и новейших, относящихся до Коммерции, также до Домостроительства; познание Художеств, Рукоделий, Фабрик, Рудных дел, Красок, пряных Зелий, Трав, дорогих Камней и проч. Переведен с Французского языка Васильем Левшиным. М., 1787. Ч. 1. С. 268–277.

²⁴ Анисимов В. И. Книжный переплет: краткий конспект по истории и технике переплетного дела, с рисунками на отдельных листах. СПб., 1921. С. 50.

бумаг»²⁵, в которой целый раздел — «Приготовление окрашенных бумаг для переплетного дела и др. целей (Papiers de Fantasia)» — посвящен декоративным бумагам, в частности «разноцветному или пестрому мрамору иначе называемому Турецкою бумагою». Автор упоминает несколько ее сортов — «лондонский, турецкий, агатовый, кожаный, карарский, Воссю, Phantasia-Marmor, Мароккский, Греческий и др.» и сообщает, что «способы приготовления мраморовидных бумаг изобретены по большей части в Германии». Как видим, в 1870-х гг. на русском рынке декоративных бумаг было сильно немецкое влияние. Со знанием дела П. Волков описывает технологию изготовления мраморных бумаг: приготовление «мраморирующей воды» (воды с добавлением трагакантовой камеди), поведение красок на ней, описывает разные способы «приготовления пестрых бумажных мраморов», к сожалению, не называя их. Но по описанию узнаются: пятицветный «Турецкий камень», по добавлению скипидара — «Стормонт» (Stormont). Автор останавливается на тонкостях окрашивания и просушки листа. Отдельное внимание уделяет «гребенным или мароккским мраморам», изготавливаемым с помощью гребня или, точнее, бороны, зубья которой расположены в шахматном порядке (возможно, имеются в виду мраморные бумаги, известные сейчас как «Павлин» и «Букет»), упоминает использование квадратной бороны. Описывает процесс изготовления бумаг, которые в настоящее время принято называть псевдомраморными, когда рисунок создается не на воде, а на доске, с которой снимается отпечаток, или на самой бумаге. В работе приводятся таблицы с вклеенными образцами бумаг, среди них два — мраморной бумаги: один образец подписан «Гребенчатая», другой — типичная «турецкая» волнистая бумага — «Мароккский (гребенный мрамор)» (правда вместо традиционных пяти только три цвета: красный, синий и белый, без желтого и зеленого).

Начиная со второй половины XIX в. активно развивается бумагокрасильное производство. В Петербурге, например, в 1900-е гг. функционировала бумагокрасильная фабрика «Хромо» (Обводный канал, 90), вырабатывавшая бумагу «крашеную, золоченую, мраморную, печатную и др.»; на ней было занято 14 рабочих. Владельцем ее был немецкий подданный Виктор Викторович Шварц. На 5-й линии Васильевского острова, в д. 68, находилась бумагокрасильная фабрика «Л. Берниц и Ко», которая вырабатывала «крашеную, золоченую, мраморную и т. п. бумагу» с числом рабочих 42²⁶.

В 1897 г. врачом Л. Н. Симоновым при содействии переплетной мастерской Эдуарда Ро издается книга «Переплетное мастерство и искусство украшения переплета». Один из разделов посвящен «мраморированию книжных обрезов» (автор замечает, что таким же образом окрашиваются и листы бумаги). По всему видно, что производство мраморных бумаг к концу XIX века начинает процветать. Но после 1917 г. традиция резко прерывается.

²⁵ Волков П. Обойное производство и производство окрашенных бумаг (Papiers de Fantasia). По Экснеру. С одной таблицей чертежей, с 42 образцами обоев и 30 образцами Papiers de Fantasia / изд. ред. журн. «Технический сборник». СПб., 1875. С. 12–18. Автор приносит благодарность Анна Кервинен, которая указала на этот источник.

²⁶ Список фабрик и заводов Российской империи / сост. по офиц. сведениям Отд. пром-сти М-ва торговли и пром-сти под ред. В. Е. Варзара. СПб., 1912. С. 124, 129.

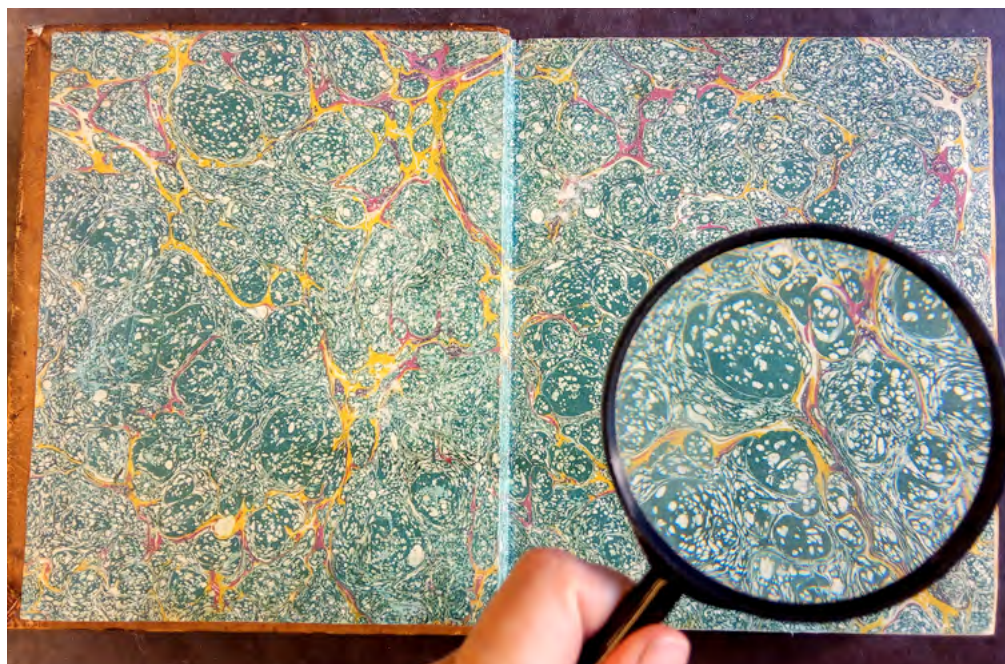
Турецкая волнистая бумага на форзацах конволюта газеты «Санктпетербургские ведомости» за 1757 г.

Мраморная бумага Турецкий камень на форзацах издания 1801 г. из Императорской Эрмитажной русской библиотеки

Мраморная бумага Турецкий камень на форзацах издания 1798 г.
из юношеской библиотеки Александра I

Мраморная бумага Стормонт на форзацах издания 1822 г.
из библиотеки вел. кн. Елены Павловны в Михайловском дворце

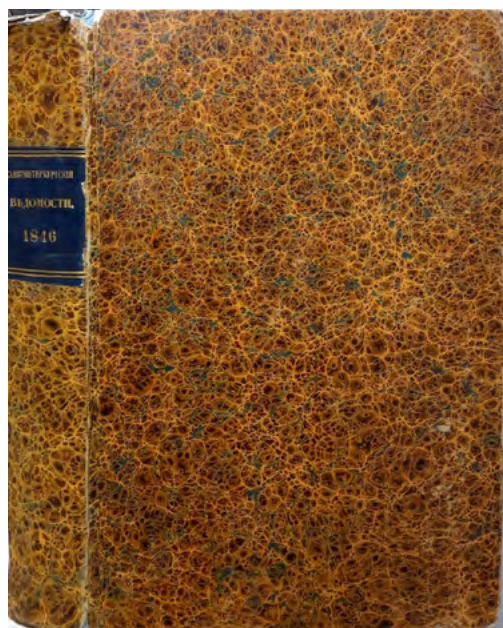
Мраморная бумага Французский завиток
на форзацах книги 1770 г. издания

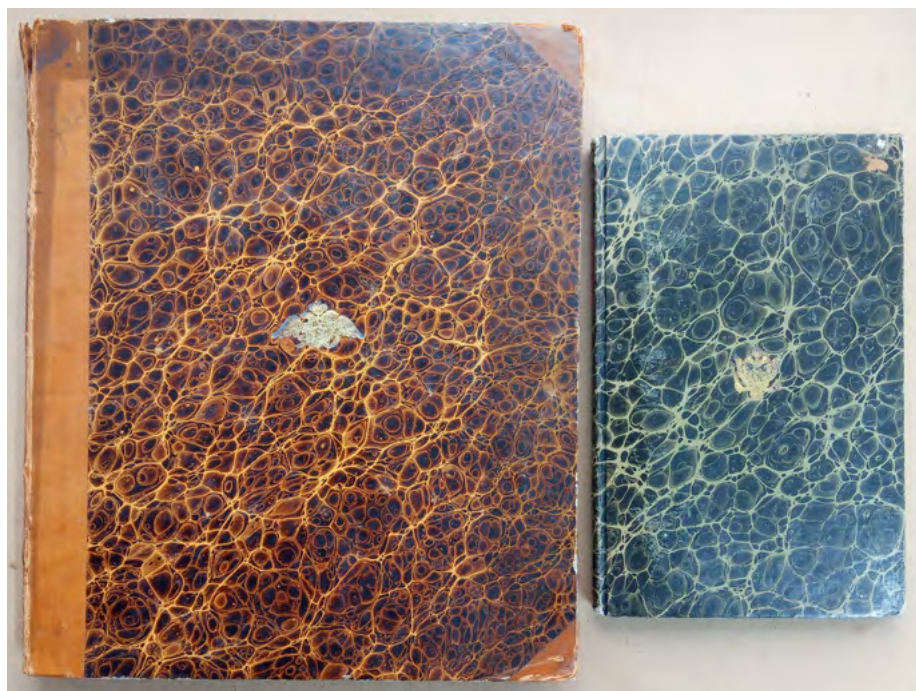
Мраморная бумага Гравель (или Битый мрамор)
на цельнобумажном переплете месяцеслова за 1829 г.

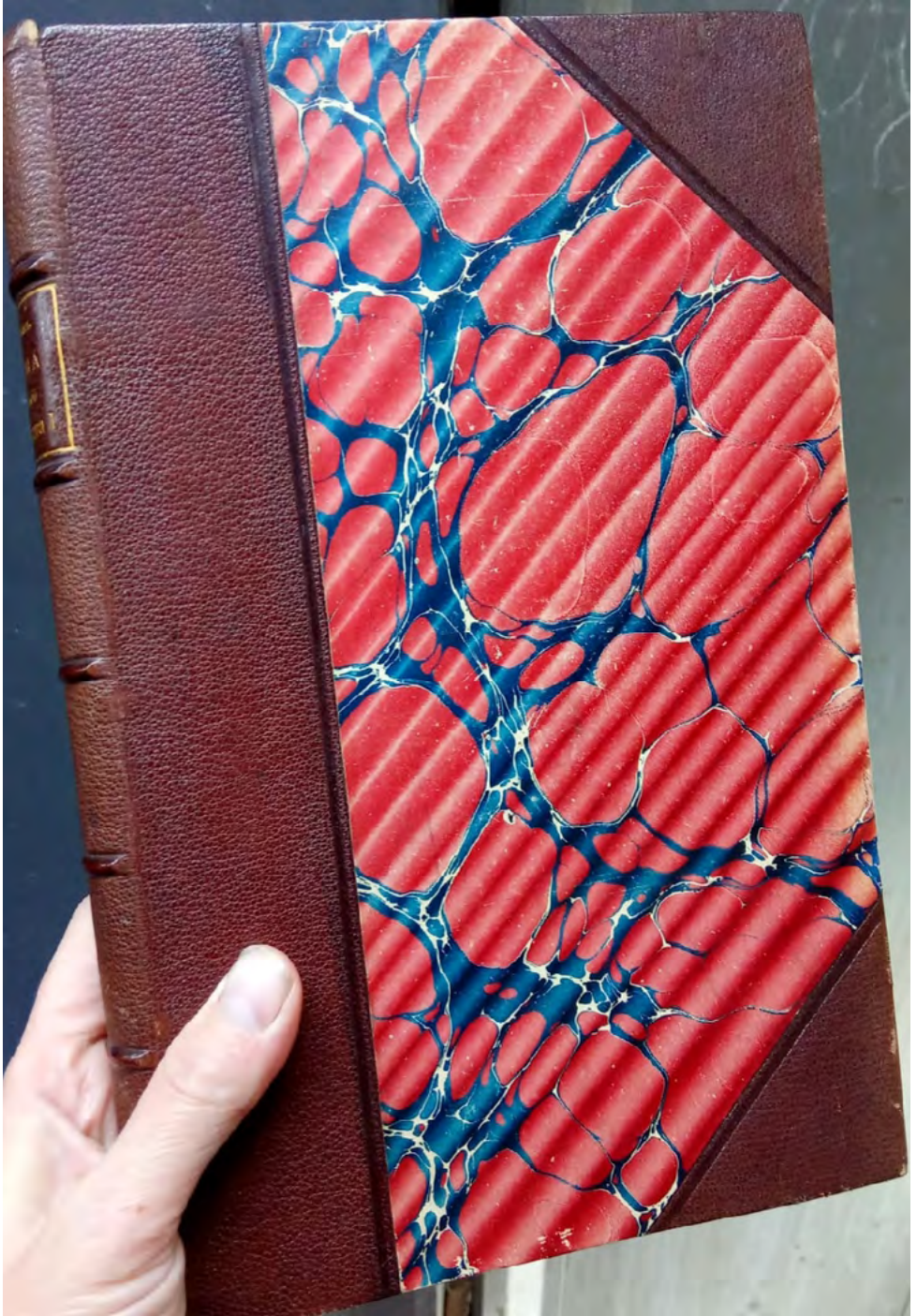
Мраморная бумага Павлин на крышках и форзацах
полукожаного переплета издания 1905 г.

Мраморная бумага Французская ракушка на цельнобумажном переплете конволюта газеты «Санктпетербургские ведомости» за 1846 г.

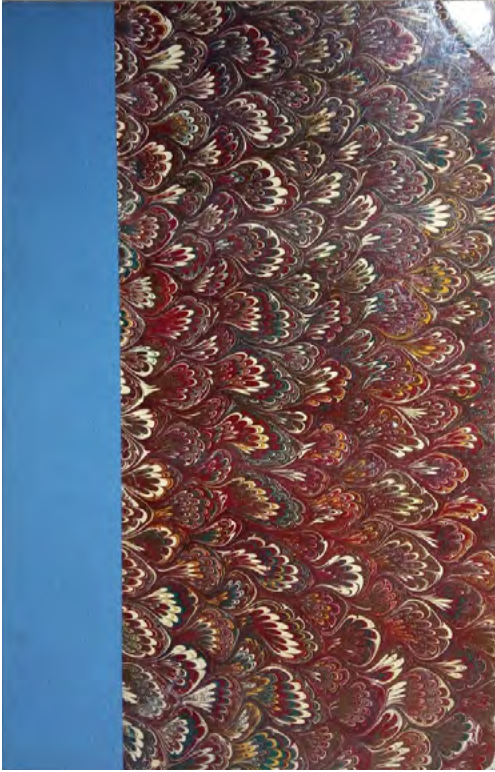
Мраморная бумага Французская ракушка на крышках полукожаного переплета с суперэклибрисом БАН. Издания 1833 и 1791 гг.

Мраморная бумага Испанская волна

Мраморная бумага Испанский муар на крышках полукожаного переплета
издания 1910 г. из библиотеки Н. П. Лихачева

Мраморная бумага Букет
на крышках составного полутканевого
переплета издания 1903 г.

Мраморная бумага
Тигровый глаз

Сегодня нам приходится констатировать неутешительный факт отсутствия русской терминологии в области мраморных бумаг, отсутствия знаний об их существующем многообразии, об их исторических названиях, особенностях создания. При описании переплета исследователи обычно используют следующие наименования: «мраморная бумага» и «бумага “павлинье перо”». Если первое носит самый общий характер и позволяет только выделить мраморные бумаги как вид среди декоративных, то второе является результатом стихийного образного осмысления характерного мотива, созданного с использованием гребня. Он действительно иногда напоминает яркие перья павлина или, скорее, жар-птицы. Но вот что любопытно: у мастеров бумаг с названием «павлинье перо» нет. Есть мраморная бумага с названием «павлин», или «павлиний хвост» (Pfauepennvogel, Peacock), которое означает совершенно конкретный рисунок, один из множества, возникший в конце XVIII в. и появившийся в русском переплете в конце XIX столетия. Реже авторы используют исторические русские названия XVII–XVIII вв.: «пестрая бумага» и «турецкая волнистая бумага» (И. В. Хмелевских в каталоге «Библиотека Петра Великого»). Оба названия, хотя и являются историческими, тоже носят общий характер. Наконец, встречаются и такие обозначения: «форзацы из цветной (крашеной) бумаги XVIII в.». Вероятно, именно поэтому национальный библиографический ресурс НЭБ рекомендует в описании ограничиваться самым общим термином «мраморная бумага».

Сведения о разновидностях мраморных бумаг (англ. — паттернах, фр. — мотивах) можно почерпнуть на сайте библиотеки Вашингтонского университета, в цифровой коллекции декоративных бумаг²⁷, а также в ряде иностранных публикаций²⁸. Но лучше всего, когда есть свой собственный консультирующий мастер мраморной бумаги, который мог бы: вести ознакомительный курс, изготавливать бумагу для реставрации, участвовать в описании редких и владельческих экземпляров, в создании цифровой коллекции декоративных бумаг, выявлять, исследовать, описывать имеющиеся в фондах образцы.

Нам представляется необходимым составление руководства-определителя по описанию мраморных бумаг в русском переплете.

Предлагаем план описания

1. Указать место расположения бумаги: крышки переплета, форзац, нахзац, обрез, место корешка, футляр. Например: *На форзацах мраморная бумага.*

2. Дать историческое название. Например: *На форзацах мраморная бумага «испанская волна».*

²⁷ URL: <https://content.lib.washington.edu/dpweb/patterns.html> (дата обращения: 28.09.2021) (в поисковой строке достаточно набрать слова: «Washington library, paper patterns»).

²⁸ Wolfe R. J. Marbled Paper: Its History, Techniques, and Patterns. With Special Reference to the Relationship of Marbling to Bookbinding in Europe and the Western World. 2nd ed. New Castle, Delaware, 2018; Woolnough C. W. The whole art of marbling as applied to paper, book-edges, etc. London, 1881; Haemmerle A. Buntpapier: Herkommen, Geschichte, Techniken, Beziehungen zur Kunst / unter Mitarbeit von Olga Hirsch. München, 1961.

3. Указать группу, к которой относится образец (предлагаем деление по инструментам): мраморная бумага, выполненная с использованием а) только кисти; б) гребня; в) шила; д) комбинированная. Например: *На форзацах мраморная бумага «испанская волна», выполненная с помощью только кисти.*

Как определить группу? Первую группу, с использованием только кисти («турецкий камень»), можно определить по статичности рисунка; его основными элементами являются пятна округлой формы разной величины, между которыми могут быть прожилки (сжавшиеся и вытянувшиеся первые краски). Бумаги с использованием гребня определяются по наличию таких элементов, как арки, дуги, напоминающие перья, чешую, крылья («турецкая волнистая бумага»). Бумаги с использованием шила характеризуются отсутствием статичных пятен; их рисунок динамичен, складывается из тонких линий: либо прямых, либо волнистых, либо спиральных, закрученных в виде завитка («французский завиток»). Комбинированная группа сочетает в себе вышеназванные элементы.

Может показаться, что п. 3 излишний, несет избыточную информацию. Но именно описание группы поможет в том случае, если определение названия вызывает затруднение, а также в случае описания бумаг, которые получились у мастеров в ходе эксперимента, импровизации, в качестве проб и не вполне соответствуют любому из известных мотивов (особенно характерно для современных бумаг).

Конечно, для точного определения и группы, и названия нужен каталог! Он есть на сайте Вашингтонской библиотеки (см. сноску 27 на с. 97 наст. изд.).

4. В некоторых случаях желательно приводить название базового рисунка (паттерна, мотива), ставшего фоном для основного, просматриваемого сквозь основной, включенного в основной рисунок. Например, «французский завиток» может быть на основе «турецкого камня», а может быть на основе «нонпарели». Впечатление от рисунков будет разным.

5. Цветовая гамма. Перечислить цвета в алфавитном порядке. Либо в порядке нанесения красок — в случае, когда это возможно (трудность представляет гребень). Либо по элементам (цвет фона, прожилок, пятен).

6. Страна-производитель (если возможно определить, например, по водяным знакам на бумаге). Пока нам удалось установить производителя только в отношении одного издания. Им оказалась Ашаффенбургская фабрика. Дизайн был создан художником Paul Kersten (1865–1943) около 1900 г.²⁹

В своем докладе о декоративных бумагах, уже упомянутом нами, А. И. Маркова коснулась темы «Прекрасные несовершенства»: в русском переплете XVIII в. часто встречаются мраморные бумаги с особенностями. Сегодня такие особенности заказчик скорее счел бы за дефект и выбрал бы другую бумагу. Но в то время к ним относились иначе: они прощались, бумаги и с ними казались прекрасными. Возможно, и мастера, и заказчики не были еще так взыскательны.

²⁹ Источником послужило след. изд.: Marks P. J. M. An Anthology of Decorated Papers: A Sourcebook for Designers. London, 2015. P. 197, 199.

На какие особенности следует обращать внимание при изучении и описании мраморной бумаги в переплете.

1. Кусочки. Одной из характерных особенностей форзацев XVIII в. является использование кусочков. Мраморная бумага долго являлась привозной, была довольно редка и представляла собой ценность. И если на форзац листа не хватало, переплетчик надставлял его кусочками, достраивал. Если было возможно, подбирали так, чтобы рисунок соответствовал. Так что иногда такие вставки не бросаются в глаза. Но встречаются кусочки из разных бумаг, отличающихся и по цветовой гамме, и даже по рисунку.

2. Бывало, что «резали по красоте», т. е. обрезают лист в самой красивой части, например по завиткам. Вероятно, это было продиктовано экономией: если вырезать красивое место из середины листа, то на другой лист не хватит.

3. Обязательно следует смотреть и форзац, и нахзац: они могут отличаться. Встречаются экземпляры, в которых они выполнены из разных бумаг. Даже если они выполнены из одной бумаги, могут быть интересные отличия, например дополнение «французский завиток» или узор шилом.

4. Направление рисунка. В разных экземплярах мраморные листы с аналогичным рисунком могут располагаться по-разному — либо горизонтально, либо вертикально — и оставлять совершенно разное впечатление.

5. Разнонаправленный (зеркальный) рисунок может быть в пределах одного экземпляра (на форзаце и нахзаце) и даже в пределах одного форзаца — на левой и правой сторонах. Например, если на форзаце из «турецкой волнистой бумаги» арки устремлены дугами вверх, то на нахзаце — вниз. Это следует рассматривать скорее как прием переплетчика, может быть, моду того времени, так как эта особенность встречается часто.

6. Особенности, которые у современных мастеров считаются браком или недочетом, в то время были обычным делом, нормой: на них не обращали внимания. Иногда эти небольшие изъяны придают книгам особое очарование. К ним относятся следующие:

а) «Край ванны» (лотка). Когда по краям форзацного листа (как правило, с наружных сторон, а не у корешка книги) рисунок слабеет, делается более редким, растянутым, невнятным, теряется общий ритм и проступает основа — белый лист бумаги. Такое случается, если мастер не уделил достаточного внимания краям рисунка при нанесении красок на воду и пространство по краям, у бортиков осталось незаполненным. Однако эти края никогда не срезались и сегодня продолжают красоваться на форзацах и крышках переплетов.

б) Пузырьки воздуха и сгустки краски. Иногда на рисунке просматриваются сгустки краски или, наоборот, прорывы в красочном слое, небольшие белые пятнышки, появившиеся в результате попадания воздуха между бумагой и красочным слоем при наложении на него листа для снятия оттиска.

в) «Песочек». Краски составляли из натуральных труднорастворимых пигментов. Если пигмент не растворялся как следует, не успевал отстояться, краска «песочила», как говорят современные мастера, т. е. была неравномерной, с крупинками нерастворившегося пигмента. Эти крупинки видны на некоторых листах — мастер спешил, у него не было времени на размешивание и отстаивание пигмента.

г) Дефекты в самом рисунке, нарушение общего ритма, произошедшие оттого, что дрогнула рука или что-то пошло не так.

7. Свободный лист форзаца из мраморной бумаги может быть сдублирован, т. е. подклеен белым защитным листом (двойной форзац), а может быть не сдублирован. В последнем случае нам представляется возможность увидеть обратную сторону мраморного листа. Что же мы можем увидеть?

- 1) Следы краски, т. е. рабочая «кухня» мастера.
- 2) Лист довольно тонкий — как правило, это обычная бумага верже (с полосочками), плотностью не более 80 г/м.
- 3) Филиграни — и по ним можно выяснить, это бумага отечественного производства или привозная, примерное время изготовления мраморного листа.

8. По наблюдению А. И. Марковой, на крышках переплета иногда встречается мраморная бумага, выполненная на макулатурных листах: сквозь «мраморный» рисунок проступают печатные или рукописные знаки, слова, фрагменты таблиц.

9. Лощеная, вощенная бумага или нет, матовая, без глянцевого блеска. Во время бытования «турецкой волнистой бумаги» было принято придавать ей глянцевитый блеск с помощью вощения или лощения специальным лощильным зубом (из агата). Однако в начале XIX в. стала популярна матовая мраморная бумага Stormont, чуть позже — Gravel без блеска и глянца. Позже в XIX столетии вновь вошли в моду лощеные бумаги.

10. В XVIII в. использовали только белую бумагу, в XIX в. стали использовать и цветную, например желтую, зеленую, оранжевую для мраморной бумаги «французская ракушка». Ее можно отчетливо увидеть в местах износа бумаги. Как правило, она является цветом прожилок.

В заключение отметим, что описание мраморной бумаги в составе переплета, как нам кажется, должно стать обязательной частью описания особенностей экземпляра. Знание исторической последовательности мраморных бумаг поможет при атрибуции, определении времени активного бытования экземпляра, создания переплета, в изучении и описании владельческих экземпляров и личных библиотек.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

НИОР БАН. Собрание Петра Великого. Шифр: П I А № 1.
СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 7. Д. 56, 60, 61.

Анисимов В. И. Книжный переплет: краткий конспект по истории и технике переплетного дела, с рисунками на отдельных листах. СПб., 1921.

Бумага мраморная, или Турецкая // *Словарь коммерческий, содержащий Познание о товарах всех стран, и названиях вещей главных и новейших, относящихся до Коммерции, также до Домостроительства; познание Художеств, Рукоделий, Фабрик, Рудных дел, Красок, пряных Зелений, Трав, дорогих Камней и проч.* Переведен с Французского языка Васильем Левшиным. М., 1787. Ч. 1. С. 268–277.

[В пользу любопытных...] // *Сельской житель.* 1778. Лист № 33 (ноября 17 дня). С. 110–111.

Вещица для детей // *Экономический магазин.* 1781. Ч. 6, № 28. С. 17–27.

Волков П. Обойное производство и производство окрашенных бумаг (Papiers de Fantasie). По Экснеру. С одной таблицей чертежей, с 42 образцами обой

- и 30 образцами *Papiers de Fantasia* / изд. ред. журн. «Технический сборник». СПб., 1875. С. 12–18.
- Гущин Б. А. О петербургских купцах и промышленниках, выходцах из Заонежья // Кижский вестник. Петрозаводск, 2011. Вып. 13. С. 13–25.
- Золотова М. Б. Декоративные бумаги в русских переплетах XVIII в. // Румянцевские чтения — 2011 : материалы Междунар. науч. конф. (19–21 апр. 2011 г.) : в 2 ч. / РГБ. М., 2011. Ч. 1. С. 156–160.
- Золотова М. Б. Форзацы в индивидуальных отечественных переплетах XVIII — первой трети XIX века // Румянцевские чтения — 2018 [: в 3 ч.]. М., 2018. Ч. 1. С. 306–311.
- Маркова А. И. Книжные переплеты генерала А. П. Ермолова / науч. ред. И. Л. Великодная. М., 2020.
- Московский театр при царях Алексее и Петре. Материалы, собранные С. К. Богоявленским / изд. Император. Общества истории и древностей российских при Московском ун-те. М., 1914.
- Описание Рукописного отдела БАН СССР. Т. 3, вып. 1 / сост.: В. Ф. Покровская, А. И. Копанев, М. В. Кукушкина, М. Н. Мурзанова. Изд. 2-е, доп. М. ; Л., 1959.
- Розыскные дела о Федоре Шаковитом и его сообщниках / изд. Археографической комиссии [: в 4 т. Т. 4]. СПб., 1893.
- Санктпетербургские ведомости. 1764.04.09.07; 09.07.07; 11.09.08.
- Симеон Полоцкий. Орел российский / изд. подгот. Л. И. Сазоновой ; Ин-т мировой лит. РАН, Б-ка РАН. М., 2015.
- Симони П. К. Опыт сборника сведений по истории и технике книгопереплетного искусства на Руси, преимущественно в до-Петровское время, с XI-го по XVIII-ое столетие включительно. Тексты. Материалы. Снимки / собр. и примеч. снабдил Павел Симони. [СПб.], 1903. (ОЛДП ; 122).
- Симонов Л. Н. Переплетное мастерство и искусство украшения переплета. Художественные стили, чистка, исправление и хранение книг / при содействии переплетной мастерской Э. Ро. СПб., 1897.
- Список фабрик и заводов Российской империи / сост. по офиц. сведениям Отд. пром-сти М-ва торговли и пром-сти под ред. В. Е. Варзара. СПб., 1912.
- Способ делать пеструю, или Турецкую бумагу // Пространное поле, обработанное и плодоносное, или Всеобщий исторический оригинальный словарь, из наилучших авторов, как российских, так и иностранных, выбранный, сочиненный, и по азбучным словам расположенный п. п. священником Иоанном Алексеевым. М., 1794. Т. 2, ч. 1. С. 864–867.
- Хотеев П. И. Немецкие переплетчики на службе в Петербургской Академии наук (1724–1770) // Немцы Санкт-Петербурга: наука, культура, образование. СПб., 2005. С. 80–86.
- Haemmerle A. Buntpapier: Herkommen, Geschichte, Techniken, Beziehungen zur Kunst / unter Mitarbeit von Olga Hirsch. München, 1961.
- Marks P. J. M. An Anthology of Decorated Papers: A Sourcebook for Designers. London, 2015.
- Wolfe R. J. Marbled Paper: Its History, Techniques, and Patterns. With Special Reference to the Relationship of Marbling to Bookbinding in Europe and the Western World. 2nd ed. New Castle, Delaware, 2018.
- Woolnough C. W. The whole art of marbling as applied to paper, book-edges, etc. London, 1881.

От ред. коллегии: В ходе конференции «Миллеровские чтения — 2020» А. Лоц и Т. Кульматова провели мастер-класс по изготовлению традиционных рисунков мраморной бумаги. Видеозапись мастер-класса доступна для просмотра в сети Интернет: https://www.youtube.com/watch?v=dCZgk5dm_Ys&t=186s (начинается примерно с 20-й минуты ролика). Отдельные образцы полученных рисунков представлены на форзацах настоящего издания.

Е. П. Тихонова
Зоологический институт РАН

НАУЧНЫЙ АРХИВ ЗООЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА РАН (К 50-ЛЕТИЮ СО ДНЯ ОСНОВАНИЯ)

В данной работе приведена история создания Научного архива Зоологического института Российской академии наук, указаны основные этапы его формирования и особенности комплектования документами. Описаны проблемы и основные достижения подразделения в течение полувековой истории, рассмотрены планы и перспективы дальнейшего развития.

Ключевые слова: Зоологический институт РАН, научный архив, юбилей.

E. P. Tikhonova
Zoological Institute of the RAS

SCIENTIFIC ARCHIVE OF THE ZOOLOGICAL INSTITUTE OF THE RAS (TO THE 50TH ANNIVERSARY OF ITS FOUNDATION)

The paper presents the creation history of the scientific archive as part of the Zoological Institute of the Russian Academy of Sciences, the main stages of its formation and peculiarities of document compilation. It also describes the main achievements and problems of the division during the half-century history and considers plans and prospects for further development.

Key words: Zoological Institute of the RAS, scientific archive, anniversary.

В 2020 г. Научный архив Зоологического института РАН отметил свое пятидесятилетие. Полвека — это солидный возраст. Можно оглянуться назад и оценить пройденный путь. Что было сделано за это время? Какие достигнуты успехи? И что предстоит сделать в будущем? Попробуем ответить на все эти вопросы. Но сначала немного предыстории.

Документы по деятельности Зоологического музея за период с 1893 по 1928 г. были сданы на хранение в Архив Академии наук в начале 1930-х гг. после утверждения «Положения об Архиве Академии наук» в ноябре 1930 г. Эти материалы составили фонд Зоологического музея¹. Фонд пополнялся до начала 1950-х гг.

¹ Стулов П. М. Зоологический музей (ЗМ) (фонд 55) // Архив Академии наук СССР: Обзорение архивных материалов. Т. I. Л., 1933. С. 44–45.

Начиная с 1952 г. из-за дефицита площадей Архив АН перестал принимать документы от учреждений Академии наук, в том числе от Зоологического института, и они стали накапливаться в стенах ЗИН. Когда документов набралось достаточно большое количество, стало понятно, что необходимо организовать их хранение. Сначала было решено хранить документы в лабораториях и структурных подразделениях института. В связи с этим 8 октября 1963 г. был выпущен приказ с назначением ответственных за хранение научной и другой документации по отделам².

Через несколько лет директор Зоологического института академик Борис Евсеевич Быховский³ решил централизовать хранение документов и организовать во вверенном ему институте Научный архив. Первым заведующим нового подразделения стала Ше Ен Сен. 23 марта 1970 г. она была принята на должность младшего научного сотрудника, заведующего Научным архивом Зоологического института АН СССР⁴. Эту дату мы считаем днем основания Научного архива ЗИН. Ен Сен, кореянка, после окончания в 1961 г. Хабаровского педагогического института работала старшим научно-техническим сотрудником в Институте русской литературы АН СССР и имела опыт архивной работы. Она сразу же принялась за систематизацию и описание документов ЗИН. В течение следующего 1971 г. были закончены ремонт перекрытий и косметическая отделка в комнатах пятого этажа административного корпуса и выделены два кабинета для Научного архива института⁵. Так в нашем учреждении зародилась новая структурная единица — Научный архив.

Ен Сен заведовала архивом в течение 30 лет. За это время удалось проделать огромную работу. Все поступившие в архив документы по деятельности Зоологического института были структурированы и разделены на восемь тематических групп, согласно которым составлялись описи дел. Семь из них продолжают пополняться до настоящего времени. В 1975 г. был начат разбор фотоархива института, выделено 9 разделов и записано 274 номера в книгу поступлений фотографий⁶. Проводилась также работа по описанию личных фондов сотрудников института.

² НА ЗИН РАН. Ф. 1. Оп. 5. Д. 104. Л. 239–240. — Приказ № 154-а по Зоологическому институту АН СССР от 08.10.1963 г.

³ Быховский Борис Евсеевич (1908–1974) — зоолог, паразитолог, доктор биологических наук (1956), академик АН СССР (1964), заместитель директора (1942–1962), директор (1962–1974) Зоологического института АН СССР.

⁴ НА ЗИН РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 13. Л. 50. — Приказ № 32 по Зоологическому институту АН СССР от 23.03.1970 г.

⁵ НА ЗИН РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 422. Л. 52. — Отчет о результатах научно-исследовательских работ и научно-организационной деятельности за 1971 г. на 112 л.

⁶ Слепхова Н. В., Тихонова Е. П. Зримый образ истории Зоологического музея и института в музейных выставках и Научном архиве ЗИН РАН: проблемы и решения // Миллеровские чтения — 2018: Преемственность и традиции в сохранении и изучении документального академического наследия : материалы II Международной научной конференции, 24–26 мая 2018 г., Санкт-Петербург / сост. и отв. ред. д. и. н. И. В. Тункина. СПб., 2018. С. 364–371. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; вып. 14).

В настоящее время Научный архив ЗИН хранит документы по научно-организационной деятельности Зоологического института. Это организационно-распорядительные документы, документы по личному составу, личные дела и личные карточки сотрудников, личные дела аспирантов, аттестационные дела о защите кандидатских и докторских диссертаций, а также научные документы — книги поступлений коллекций. О составе хранящейся в архиве документации было доложено на конференции «Зоологические коллекции России в XVIII–XXI вв.: научный и социально-политический контекст», состоявшейся на базе Зоологического института РАН в ноябре 2009 г.⁷, и на Международной научной конференции «Фундаментальная наука: проблемы изучения, сохранения и реставрации документального наследия», проходившей в Москве, в Архиве РАН, в июне 2013 г.⁸

Все документы, хранящиеся в архиве, имеют высокую востребованность. Запрашивают справки административные структуры института — дирекция, отдел кадров, бухгалтерия. Обращаются сотрудники в поисках биографических данных о своих коллегах для написания юбилейных и мемориальных статей. Приходят письма с запросами из других учреждений, других городов и стран.

На основании хранящихся в Научном архиве ЗИН материалов был подготовлен целый ряд статей о международных научных связях Зоологического института: изучено научное сотрудничество ЗИН с Индией⁹, Францией¹⁰, Японией¹¹, Нидерландами¹², Австралией¹³ и Великобританией¹⁴.

В течение последних нескольких лет ведется работа по розыску сведений о жизни и деятельности Зоологического института и его сотрудников

⁷ Тихонова Е. П. Архив Зоологического института РАН как источник сведений об истории института // Зоологические коллекции России в XVIII–XXI вв.: научный и социально-политический контекст / ред.-сост. Н. В. Слепкова. СПб., 2012. С. 345–359.

⁸ Тихонова Е. П. Организация архивного дела в Зоологическом институте РАН // Фундаментальная наука: проблемы изучения, сохранения и реставрации документального наследия : материалы Международной научной конференции / отв. ред. В. Ю. Афиани. М., 2013. С. 241–246.

⁹ Слепкова Н. В., Крылов П. И., Тихонова Е. П. Сотрудники Зоологического института РАН в Индии — эпизоды научного общения // Санкт-Петербург — Индия. История и современность. СПб., 2009. С. 361–386. (Серия «Санкт-Петербург и мир»).

¹⁰ Слепкова Н. В., Смирнов А. В., Тихонова Е. П. Сотрудничество Зоологического института РАН с зоологами Франции // Санкт-Петербург — Франция. Наука, культура, политика. СПб, 2010. С. 576–596. (Серия «Санкт-Петербург и мир»).

¹¹ Тихонов А. Н., Тихонова Е. П. Взаимовыгодный обмен: сибирские мамонты едут в Японию, а японские ученые в Сибирь // Санкт-Петербург — Япония: XVIII–XXI вв. СПб., 2012. С. 232–238. (Серия «Санкт-Петербург и мир»).

¹² Тихонова Е. П., Тихонов А. Н. Научные связи Зоологического института РАН с Нидерландами во второй половине XX — начале XXI вв. // Санкт-Петербург — Нидерланды: XVIII–XXI вв. СПб., 2013. С. 216–229. (Серия «Санкт-Петербург и мир»).

¹³ Слепкова Н. В., Тихонова Е. П. Сотрудничество Зоологического института с зоологами Австралии: эпизоды взаимодействия // Санкт-Петербург — Австралия. СПб., 2014. С. 251–279. (Серия «Санкт-Петербург и мир»).

¹⁴ Тихонова Е. П., Слепкова Н. В., Тихонов А. Н. Научные контакты Зоологического института АН СССР с учеными Великобритании (1950-е — 1980-е гг.) // Санкт-Петербург — Великобритания. XVIII–XXI вв. СПб., 2014. С. 427–453. (Серия «Санкт-Петербург и мир»).

в период Великой Отечественной войны и в предвоенные годы. Планируется написание книги. Некоторые материалы уже обнародованы. Так, в апреле 2015 г. на отчетной научной сессии Зоологического института по итогам работ 2014 г. был сделан доклад о работе Ленинградской группы в период Великой Отечественной войны¹⁵ и об отборе персоналий для справочно-биографического раздела будущей монографии¹⁶. О Зоологическом институте в блокадные годы (1941–1944 гг.) был представлен доклад на XL Международной годичной конференции Санкт-Петербургского отделения Российского национального комитета по истории и философии науки и техники РАН «Научный Санкт-Петербург: к 295-летию Российской академии наук» в октябре 2019 г.¹⁷ В электронном сборнике Архива РАН «Архивный поиск» в 2019 г. опубликована статья «Структура, штат и тематика исследований в Зоологическом институте АН СССР накануне Великой Отечественной войны (1937–1940 гг.)»¹⁸. Коллективом авторов (Бродская Н. К., Дунаева Ю. А., Пржиборо А. А., Тихонова Е. П.) подготовлена и в 2020 г. сдана в печать книга воспоминаний о военном времени сотрудников Зоологического института «...Войны трагическая запись...».

Несомненна значимость сохранения документов по личному составу. Так, по материалам Научного архива ЗИН 2018 г. в *Russian Journal of Theriology* был напечатан некролог¹⁹ о заведующем лабораторией млекопитающих Игоре Михайловиче Фокине²⁰. О непростой, со взлетами и падениями, судьбе Николая Тихоновича Золотарева²¹ и его супруге Лидии Антоновне

¹⁵ Тихонова Е. П. Работа Ленинградской группы (1942–1944 гг.) // Зоологический институт АН СССР в войну 1941–1945 гг.: Отчетная научная сессия по итогам работ 2014 г., 14–16 апреля 2015 г. : тезисы докладов / ЗИН РАН. СПб., 2015. С. 30–32.

¹⁶ Дунаева Ю. А. Зоологический институт АН СССР в войну 1941–1945 гг. Отбор персоналий для справочно-биографического раздела будущей монографии // Там же. С. 14–15.

¹⁷ Тихонова Е. П. Блокадные годы Зоологического института АН СССР (1941–1944 гг.) // Наука и техника: Вопросы истории и теории : материалы XL Международной годичной конференции Санкт-Петербургского отделения Российского национального комитета по истории и философии науки и техники РАН «Научный Санкт-Петербург: к 295-летию Российской академии наук» (28 октября – 1 ноября 2019 года). Вып. XXXV. СПб. ; Саратов, 2019. С. 139–140.

¹⁸ Тихонова Е. П. Структура, штат и тематика исследований в Зоологическом институте АН СССР накануне Великой Отечественной войны (1937–1940 гг.) // Архивный поиск : сб. науч. ст. и публ. / отв. ред. С. А. Лиманова ; Архив РАН. Вып. 2. М., 2019. С. 54–70.

¹⁹ Tikhonova E. P., Abramov A. V., Tikhonov A. N. Obituary. Igor Mikhailovich Fokin (1933–2017) // *Russian Journal of Theriology*. 2018. Vol. 17 (2). P. 108–112.

²⁰ Фокин Игорь Михайлович (1933–2017) — зоолог, морфолог, эколог, специалист по локомоции мелких млекопитающих. Кандидат биологических наук (1971). Заведующий лабораторией млекопитающих Зоологического института (1980–1999). Автор около 50 публикаций, в том числе двух монографий.

²¹ Золотарев Николай Тихонович (1905–1949) — зоолог, специалист по млекопитающим. Окончил Лесотехническую академию (1930). Ученый секретарь Зоологического института (1933–1935). Кандидат биологических наук (1935). Специалист-зоолог ЗИН (1935–1936). Участник Великой Отечественной войны. Награжден орденом Красной Звезды (1944) и медалями «За оборону Ленинграда» (1943), «За взятие Берлина» (1945), «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1946).

Золотаревой²² было доложено на Всероссийской научно-практической конференции «Документальное наследие России: проблемы теории и практики. К 100-летию государственной архивной службы России» (Москва, июнь 2018 г.)²³. В 2019 г. в «Трудах Зоологического института» вышла статья к столетию со дня рождения Нураевой (Урусовой) Гульсюмы Хусяиновны²⁴. Более пятидесяти лет своей жизни посвятила она беззаветному служению науке и сохранению коллекционных фондов остеологического отделения лаборатории териологии²⁵.

Очень большое значение имеет работа по комплектованию архива документами личного происхождения, образовавшимися в процессе жизни и деятельности научного сотрудника. Эти материалы представляют особую ценность для истории науки. В них содержатся как биографические документы, так и документы творческой, научной и служебной деятельности (неопубликованные рукописи, письма, полевые дневники, литературные произведения, записные книжки, воспоминания, фотографии и рисунки). Материалы личных фондов относятся к числу важнейших исторических источников, так как содержат сведения о видных деятелях науки. В 2013 г. было сделано предварительное описание личных фондов Анатолия Ивановича Аргиропуло²⁶ и Бориса Степановича Виноградова²⁷, хранящихся в Научном архиве Зоологического института РАН. По этим материалам был сделан доклад на Международной научной конференции «Миллеровские чтения: к 285-летию Архива Российской академии наук» (Санкт-Петербург,

²² Золотарева Лидия Антоновна (1906–?) — старший лаборант лаборатории энтомологии ЗИН (1944–1965). Награждена медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1946), «За трудовое отличие» (1954).

²³ Тихонова Е. П. Документальные источники о сотрудниках Зоологического института АН СССР Н. Т. и Л. А. Золотаревых // Документальное наследие России: проблемы теории и практики. К 100-летию государственной архивной службы России : материалы Всероссийской научно-практической конференции. Москва, Архив РАН, 8 июня 2018 г. / отв. ред. В. П. Козлов ; отв. сост. И. Н. Ильина. М., 2018. С. 362–371.

²⁴ Нураева (Урусова) Гульсюма Хусяиновна (1920–2008) — лаборант Зоологического музея и лаборатории млекопитающих (1937–1999). Награждена медалями «За оборону Ленинграда» и «Ветеран труда».

²⁵ Тихонова Е. П., Саблина С. А. Наша Матушка. К 100-летию со дня рождения Гульсюмы Хусяиновны Нураевой (Урусовой) (15 июля 1920 г. — 14 октября 2008 г.) // Труды Зоологического института РАН. 2019. Т. 323, № 1. С. 45–60.

²⁶ Аргиропуло Анатолий Иванович (1908–1942) — зоолог, палеонтолог, специалист по систематике и морфологии млекопитающих и блох Arhaniaptera. Кандидат биологических наук (1936). Старший научный сотрудник Зоологического института АН СССР (1937–1942). Автор 60 научных статей и книг.

²⁷ Виноградов Борис Степанович (1891–1958) — зоолог, основатель Ленинградской школы териологии, специалист в области систематики, морфологии, сравнительной анатомии, палеонтологии, экологии и зоогеографии грызунов. Доктор биологических наук (1934), профессор (1939). Заведующий отделением млекопитающих (1928–1958), заведующий отделом позвоночных (1934–1958) ЗИН АН СССР. Профессор и заведующий кафедрой зоологии позвоночных Ленинградского государственного университета (1945–1958). Награжден орденом Красной Звезды и медалями «За оборону Ленинграда» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

апрель 2013 г.)²⁸. На основании документов из личного фонда Владимира Ивановича Жадина²⁹ была опубликована статья об озере Байкал³⁰.

В Архиве ЗИН РАН имеется и фотоархив. Он содержит большое количество фотографий. Это и музейные экспонаты, и портреты сотрудников, работавших в институте, и групповые снимки, сделанные во время конференций, на праздновании юбилеев, в экспедициях и т. д. Кроме того, есть большой неразобранный и неописанный массив негативов на стеклянных фотопластинках. В 2018 г. была проведена большая подготовительная работа для организации учета и хранения фотофонда ЗИН. Разработаны принцип учета фотодокументов, порядок присвоения им идентификационных номеров и шифров, составлены вспомогательные списки. Был усовершенствован перечень разделов. Их число увеличилось до 18. Многие из них имеют подразделы. Результаты этой работы доложены на Миллеровских чтениях «Преемственность и традиции в сохранении и изучении документального академического наследия» (май 2018 г.)³¹ и на XIII Всероссийской научно-практической конференции «Электронные ресурсы библиотек, музеев, архивов» (ноябрь 2018 г.)³².

Фотографические материалы Научного архива ЗИН неоднократно использовались при подготовке выставок, которые проводились в институте по случаю памятных дат или юбилеев. Например, в 2010 г. открылась выставка к 65-летию Победы. На ней были представлены фотографии работников ЗИН, принимавших участие в военных действиях в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.), а также портреты сотрудников, погибших во время войны и блокады³³. Для выставки «Династия Романовых и Зоологический музей Императорской Академии наук», прошедшей в институте в 2013 г.³⁴,

²⁸ Тихонова Е. П. Предварительное описание личных фондов А. И. Аргиропуло и Б. С. Виноградова, хранящихся в Научном архиве Зоологического института РАН // Миллеровские чтения: К 285-летию Архива Российской академии наук : сб. науч. статей по материалам Международной научной конференции, 23–25 апреля 2013 г., Санкт-Петербург / отв. ред. И. В. Тункина. СПб., 2013. С. 397–402. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; вып. 4).

²⁹ Жадин Владимир Иванович (1896–1974) — зоолог, гидробиолог, малаколог. Доктор биологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР, заведующий гидробиологическим отделом (1936–1960) и лабораторией пресноводной и экспериментальной гидробиологии (1960–1966) Зоологического института АН СССР.

³⁰ Рижинашвили А. А., Тихонова Е. П. Судьба озера Байкал в центре международного внимания (переписка трех гидробиологов — Дж. Э. Хатчинсона, М. М. Кожова и В. И. Жадина) // Вопросы истории естествознания и техники. 2017. Т. 38, № 4. С. 643–661.

³¹ Слепкова Н. В., Тихонова Е. П. Зримый образ истории Зоологического музея...

³² Тихонова Е. П. Создание электронной базы данных фотодокументов в Зоологическом институте Российской академии наук // Информационное обслуживание в век электронных коммуникаций: XIII Всероссийская научно-практическая конференция «Электронные ресурсы библиотек, музеев, архивов», 1–2 ноября 2018 года, Санкт-Петербург : сб. материалов. СПб., 2018. С. 126–131.

³³ Слепкова Н. В. Выставка к 65-летию Победы в Зоологическом музее Зоологического института РАН // Историко-биологические исследования. 2010. Т. 2, № 4. С. 97–105.

³⁴ Слепкова Н. В. Выставка «Династия Романовых и Зоологический музей Императорской Академии наук» // Историко-биологические исследования. 2013. Т. 5, № 4. С. 120–132.

были подобраны материалы из книг поступлений коллекций, которые позволили показать вклад императорской семьи в дело пополнения коллекционного фонда Зоологического музея. На выставке «ЗИН за работой», открытой осенью 2017 г. в честь 185-летнего юбилея Зоологического института, также использовались фотографические материалы Научного архива. Однако основной массив фотографий для выставки был получен от сотрудников, работающих ныне в институте. После окончания выставки эти фотографии дополнили фотофонд Научного архива ЗИН³⁵.

Подводя итог, можно сказать, что Научный архив Зоологического института проделал большой путь от истоков к своему современному состоянию. Кроме текущей архивной работы по согласованию номенклатуры дел, приему и описанию вновь поступающих из структурных подразделений документов, проведению экспертизы ценности, составлению описей, учету, созданию научно-справочного аппарата и страхового фонда, обеспечению сохранности документов, выдаче справок социально-правового и тематического характера Научный архив ЗИН проводит большую научную работу — принимает участие в выставках и конференциях, публикует материалы архива в научных журналах и сборниках.

Весной 2020 г. в Зоологическом институте была оборудована новая комната для хранения архивных документов. Это стало замечательным подарком к юбилею Научного архива ЗИН. Мы надеемся, что и в дальнейшем Научный архив ЗИН будет развиваться, пополняться новыми материалами, в нем будут работать исследователи и изучать историю такого замечательного научного учреждения, как Зоологический институт Российской академии наук.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН СССР — Академия наук Союза Советских Социалистических Республик
ЗИН РАН — Зоологический институт Российской академии наук
НА ЗИН РАН — Научный архив Зоологического института РАН
СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива РАН
СПбФ ИИЕТ РАН — Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники РАН

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

НА ЗИН РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 422.
НА ЗИН РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 13.
НА ЗИН РАН. Ф. 1. Оп. 5. Д. 104.
Дунаева Ю. А. Зоологический институт АН СССР в войну 1941–1945 гг. Отбор персоналий для справочно-биографического раздела будущей монографии // Отчетная научная сессия по итогам работ 2014 г., 14–16 апр. 2015 г. : тезисы докладов / ЗИН РАН. СПб., 2015. С. 14–15.
Рижинашвили А. Л., Тихонова Е. П. Судьба озера Байкал в центре международного внимания (переписка трех гидробиологов — Дж. Э. Хатчинсона, М. М. Кожова и В. И. Жадина) // Вопросы истории естествознания и техники. 2017. Т. 38, № 4. С. 643–661.

³⁵ Слепкова Н. В., Тихонова Е. П. Зримый образ истории Зоологического музея...

- Слепкова Н. В. Выставка «Династия Романовых и Зоологический музей Императорской Академии наук» // Историко-биологические исследования. 2013. Т. 5, № 4. С. 120–132.
- Слепкова Н. В. Выставка к 65-летию Победы в Зоологическом музее Зоологического института РАН // Историко-биологические исследования. 2010. Т. 2, № 4. С. 97–105.
- Слепкова Н. В., Крылов П. И., Тихонова Е. П. Сотрудники Зоологического института РАН в Индии — эпизоды научного общения // Санкт-Петербург — Индия. История и современность. СПб., 2009. С. 361–386. (Серия «Санкт-Петербург и мир»).
- Слепкова Н. В., Смирнов А. В., Тихонова Е. П. Сотрудничество Зоологического института РАН с зоологами Франции // Санкт-Петербург — Франция. Наука, культура, политика. СПб, 2010. С. 576–596. (Серия «Санкт-Петербург и мир»).
- Слепкова Н. В., Тихонова Е. П. Зримый образ истории Зоологического музея и института в музейных выставках и Научном архиве ЗИН РАН: проблемы и решения // Миллеровские чтения — 2018: Преемственность и традиции в сохранении и изучении документального академического наследия : материалы II Международной научной конференции, 24–26 мая 2018 г., Санкт-Петербург. СПб., 2018. С. 364–371. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; вып. 14).
- Слепкова Н. В., Тихонова Е. П. Сотрудничество Зоологического института с зоологами Австралии: эпизоды взаимодействия // Санкт-Петербург — Австралия. СПб., 2014. С. 251–279. (Серия «Санкт-Петербург и мир»).
- Стулов П. М. Зоологический музей (ЗМ) (фонд 55) // Архив Академии наук СССР: Обзорение архивных материалов. Т. I. Л., 1933. С. 44–45.
- Тихонов А. Н., Тихонова Е. П. Взаимовыгодный обмен: сибирские мамонты едут в Японию, а японские ученые в Сибирь // Санкт-Петербург — Япония: XVIII–XXI вв. СПб., 2012. С. 232–238. (Серия «Санкт-Петербург и мир»).
- Тихонова Е. П. Архив Зоологического института РАН как источник сведений об истории института // Зоологические коллекции России в XVIII–XXI вв.: научный и социально-политический контекст / ред.-сост. Н. В. Слепкова. СПб., 2012. С. 345–359.
- Тихонова Е. П. Блокадные годы Зоологического института АН СССР (1941–1944 гг.) // Наука и техника: Вопросы истории и теории : материалы XL Международной годичной конференции Санкт-Петербургского отделения Российской национальной комиссии по истории и философии науки и техники РАН «Научный Санкт-Петербург: к 295-летию Российской академии наук» (28 октября — 1 ноября 2019 года). Вып. XXXV. СПб. ; Саратов, 2019. С. 139–140.
- Тихонова Е. П. Документальные источники о сотрудниках Зоологического института АН СССР Н. Т. и Л. А. Золотаревых // Документальное наследие России: проблемы теории и практики. К 100-летию государственной архивной службы России : материалы Всероссийской научно-практической конференции. Москва, Архив РАН, 8 июня 2018 г. / отв. ред. В. П. Козлов ; отв. сост. И. Н. Ильина. М., 2018. С. 362–371.
- Тихонова Е. П. Организация архивного дела в Зоологическом институте РАН // Фундаментальная наука: проблемы изучения, сохранения и реставрации документального наследия : материалы Международной научной конференции / отв. ред. В. Ю. Афиани. М., 2013. С. 241–246.
- Тихонова Е. П. Предварительное описание личных фондов А. И. Аргиропуло и Б. С. Виноградова, хранящихся в Научном архиве Зоологического института РАН // Миллеровские чтения: к 285-летию Архива Российской академии наук : сб. науч. ст. по материалам Международной научной конференции, 23–25 апреля 2013 г., Санкт-Петербург / отв. ред. И. В. Тункина. СПб., 2013. С. 397–402. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; вып. 4).
- Тихонова Е. П. Работа Ленинградской группы (1942–1944 гг.) // Зоологический институт АН СССР в войну 1941–1945 гг.: Отчетная научная сессия по итогам работ 2014 г., 14–16 апреля 2015 г. : тезисы докладов / ЗИН РАН. СПб., 2015. С. 30–32.

- Тихонова Е. П.* Создание электронной базы данных фотодокументов в Зоологическом институте Российской академии наук // Информационное обслуживание в век электронных коммуникаций: XIII Всероссийская научно-практическая конференция «Электронные ресурсы библиотек, музеев, архивов», 1–2 ноября 2018 года, Санкт-Петербург: сб. материалов. СПб., 2018. С. 126–131.
- Тихонова Е. П.* Структура, штат и тематика исследований в Зоологическом институте АН СССР накануне Великой Отечественной войны (1937–1940 гг.) // Архивный поиск: сб. науч. ст. и публ. / отв. ред. С. А. Лиманова; Архив РАН. Вып. 2. М., 2019. С. 54–70.
- Тихонова Е. П., Саблина С. А.* Наша Матушка. К 100-летию со дня рождения Гульсюмы Хусяиновны Нураевой (Урусовой) (15 июля 1920 г. — 14 октября 2008 г.) // Труды Зоологического института РАН. 2019. Т. 323, № 1. С. 45–60.
- Тихонова Е. П., Слепкова Н. В., Тихонов А. Н.* Научные контакты Зоологического института АН СССР с учеными Великобритании (1950-е — 1980-е гг.) // Санкт-Петербург — Великобритания. XVIII–XXI вв. СПб., 2014. С. 427–453. (Серия «Санкт-Петербург и мир»).
- Тихонова Е. П., Тихонов А. Н.* Научные связи Зоологического института РАН с Нидерландами во второй половине XX — начале XXI вв. // Санкт-Петербург — Нидерланды: XVIII–XXI вв. СПб., 2013. С. 216–229. (Серия «Санкт-Петербург и мир»).
- Tikhonova E. P., Abramov A. V., Tikhonov A. N.* Obituary. Igor Mikhailovich Fokin (1933–2017) // Russian Journal of Theriology. 2018. Vol. 17 (2). P. 108–112.

Д. Д. Сластунов
Ботанический институт им. В. Л. Комарова РАН

ПРИМЕНЕНИЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЙ БАЗЫ ДАННЫХ ПОЧЕРКОВ БОТАНИКОВ ДЛЯ АТРИБУТИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ГЕРБАРНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ

Использование иллюстрированных баз данных с веб-интерфейсом, содержащих высококачественные сканы первоисточников и, в первую очередь, образцы почерков ученых, является неотъемлемой частью современного исследовательского процесса. В статье рассматриваются подходы к организации подобной базы данных на основе сканов гербарных образцов Ботанического института им. В. Л. Комарова РАН и сканов исторических документов Архива РАН. Использование подобной базы данных в рамках гербария высших растений БИН РАН показало высокую эффективность ее применения, но для повышения качества исследований, очевидно, необходимо расширение охвата первоисточников.

Ключевые слова: ботаника, гербарий, база данных, образцы почерка.

D. D. Slastunov
V. L. Komarov Botanical Institute of the RAS

ILLUSTRATED HANDWRITING DATABASE AS A TOOL FOR ATTRIBUTION OF HISTORICAL HERBARIUM COLLECTIONS

The use of illustrated databases with a web interface, containing high-quality document scans and, above all, scientists' handwriting samples, is an integral part of the modern research process. The article discusses approaches to organizing such a database based on scanned copies of herbarium specimens from the Komarov Botanical Institute of the RAS and historical documents from the RAS Archive. The practice of using such a database of vascular plants herbarium of the Botanical Institute of the RAS has shown its high efficiency, however to improve the research quality, it is obviously necessary to expand the coverage of sources.

Key words: botany, herbarium, database, handwriting samples.

Изучение образцов гербарных ботанических коллекций XVIII–XX вв., обширно представленных в фондах Ботанического института им. В. Л. Комарова РАН (БИН РАН), практически невозможно без знания почерков и маршрутов экспедиций ботаников рассматриваемого периода, так как

зачастую гербарные образцы крайне слабо аннотировались. Традиция подробного текстового описания авторов и места сбора на этикетке гербарного листа не выработалась в полной мере даже в XX в. При работе с подобными образцами складывается впечатление, что авторы сборов, зачастую именитые ботаники, думали, что нескольких слов описания вполне достаточно для идентификации происхождения и авторства образца. Они совершенно не учитывали будущее развитие ботаники и течение времени. В настоящее время объемы хранения гербария высших растений БИН РАН насчитывают около 6 млн образцов, значительная часть из которых слабо аннотирована.

Гербарный образец в ботанике является основополагающим документом; по нему изучаются не только характеристики конкретных видов растений, но и сама история ботанической науки. В настоящее время работа со старинными гербарными образцами зачастую настолько трудоемка, что выполнять ее может только небольшое количество высококвалифицированных специалистов, обладающих обширными знаниями по истории ботаники. По этой причине, вместе с огромным количеством таких образцов, фактически выведенных из научного оборота, из него исключается и научное наследие значительного периода отечественной ботаники.

Подобная проблема довольно тривиальна и характерна и для других областей науки; также существует и набор современных технических методов, позволяющих заметно облегчить работу с такими коллекциями, но в ботанике в настоящий момент технические инструменты используются мало.

Основной идеей, предлагаемой автором, является создание иллюстрированной базы данных по почеркам и маршрутам отечественных ботаников XVIII–XX вв. При этом, чтобы стать хорошим рабочим инструментом, база должна удовлетворять нескольким критериям. Она должна поддерживать быстрые поисковые запросы, многопользовательское онлайн-редактирование, иметь возможность получения обратной связи от пользователей по каждому образцу, а также иметь развитую архитектуру, позволяющую выполнять сложные запросы, поддержку векторных картографических данных и пр.

Структура данных в ней должна быть максимально приближена к той, которой пользуются профильные специалисты в реальности. Например, часто в подобных системах допускается приведение только одной точки зрения на образец, хотя в реальной жизни по поводу одного и того же образца может быть несколько мнений — относительно его авторства и датировки.

Также важным моментом являются возможность обеспечения гибких связей между разнородными массивами данных и выстраивание технологического процесса их обработки. Например, стандартным методом установления приблизительного места сбора гербарного образца с известной датой сбора является сопоставление этой даты с известным маршрутом экспедиции собранного образца ботаника. Бывает, что дата сбора, маршрут или авторство уточняются по косвенным данным уже после первоначального атрибутирования образца и эту работу делают уже не те специалисты, что первоначально расшифровывали гербарные этикетки. Для того чтобы все эти данные легче складывались в ясную картину, необходимо применение архитектуры, поддерживающей множественные ссылочные связи между разнородными данными.

Ключевые моменты данного подхода уже испробованы автором вместе с коллегами при создании базы данных гербария высших растений БИН РАН (herbariumle.ru). Архитектура базы разрабатывалась около двух лет, при этом целью разработки было ее максимальное приближение к реальной модели данных, постоянно используемой ботаниками. В результате удалось довольно удачно связать гербарные образцы с их поливариантными определениями, таксономией, административным и ботанико-географическим районированием, топонимикой, литературными источниками и списком персоналий в единую непротиворечивую структуру.

Изложение данных в подобной структуре позволяет выявлять ранее остававшиеся в тени несоответствия, исправлять многие банальные ошибки в описаниях и в целом стимулирует научно-исследовательскую работу в данном направлении.

Для повышения точности атрибутирования база, очевидно, требует включения в себя как можно большего количества первоисточников — сканов почерков ботаников исследуемого периода, как с установленным, так и с не установленным авторством, для дальнейшего их анализа совместно с имеющимися сканами гербарных образцов. В будущем возможно применение алгоритмов машинного обучения для облегчения идентификации трудно идентифицируемых образцов. Для этого все загружаемые сканы должны иметь одинаково высокое качество.

Составление такого набора данных невозможно без организации сотрудничества разнородных учреждений, имеющих в той или иной степени «архивный» профиль. Специалисты БИН РАН заинтересованы во включении в их научный оборот материалов образцов почерков ботаников, хранящихся в Архиве РАН и других архивных учреждениях, а архивы, в свою очередь, заинтересованы в максимально точном атрибутировании своих фондов. Надеюсь, что подобное сотрудничество удастся со временем организовать на административном уровне, ведь отсутствие налаженных современных каналов связи между учреждениями значительно замедляет научные исследования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Сластунов Д. Д., Сытин А. К., Рязанова Л. В. Компьютерные методы анализа фенетических признаков и их применение в систематике однолетних астрагалов // Социально-экономические технологии. 2018. № 4. С. 40–48
- Сытин А. К. и др. База данных и электронный многоходовый ключ для определения однолетних астрагалов (*Astragalus* L., Fabaceae): методы и итоги // Ботаника в современном мире. Труды IV съезда Русского ботанического общества. Махачкала, 2018. Т. 1. С. 89–91.
- Bosch V. et al. Computer-assisted transcription of a historical botanical specimen book: organization and process overview // Proceedings of the First International Conference on Digital Access to Textual Cultural Heritage. New York, 2014. С. 125–130.
- Stauffer M., Fischer A., Riesen K. Keyword spotting in historical handwritten documents based on graph matching // Pattern Recognition. 2018. Т. 81. С. 240–253.
- Stauffer M. et al. Cross-evaluation of graph-based keyword spotting in handwritten historical documents // International Workshop on Graph-Based Representations in Pattern Recognition. Cham, 2019. С. 45–55.

М. В. Тихонова
Санкт-Петербургский институт истории РАН

**АНАЛИЗ ВОСТРЕБОВАННОСТИ ФОНДОВ АРХИВА
СПБ ИИ РАН: СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ
И ПЕРСПЕКТИВЫ ОЦИФРОВКИ**

Оцифровка архивных фондов в виде перевода в электронный вид исторических документов и формирования баз данных на основе архивных описей имеет своей целью продлить жизнь подлинников, обеспечить их максимальную сохранность. Обеспечение системности в организации этого процесса в перспективе будет способствовать наведению порядка в фондовом учете, упрощению поиска документов, сохранению ветхих оригиналов, переходу к предоставлению архивных услуг в электронном виде. В процессе оцифровки архивы сталкиваются с рядом проблем. Цель статьи — обозначить эти проблемы, а также перспективы их решения на примере анализа востребованности фондов Архива СПб ИИ РАН.

Ключевые слова: архивный документ, оцифровка, сканирующее оборудование, Научно-исторический архив СПб ИИ РАН.

М. V. Tikhonova
St. Petersburg Institute of History of the RAS

**DEMAND ANALYSIS FOR THE COLLECTIONS OF
THE SCIENTIFIC AND HISTORICAL ARCHIVE OF
THE ST. PETERSBURG INSTITUTE OF HISTORY OF THE RAS:
CURRENT PROBLEMS AND DIGITIZATION PROSPECTS**

Digitization of archival collections by creating electronic version of historical documents and forming databases based on archival inventories, is aimed at extending the life of the originals and ensuring their maximum safety. Providing consistency in organizing this process in the future will help to bring order in record-keeping, simplify the documents search, preserve old originals, and move to digitizing archival services. In the process of digitization, archives face a number of problems. The purpose of the article is to identify these problems, as well as the prospects for their solution by analyzing the demand for the collections of the Scientific and Historical Archive of St. Petersburg Institute of History of the RAS.

Key words: archival document, digitization, scanning equipment, Scientific and Historical Archive of the St. Petersburg Institute of History of the RAS.

Фонды Русской и Западноевропейской секций Научно-исторического архива Санкт-Петербургского института истории РАН имеют большую историческую ценность, отражая разнообразные стороны политической, социально-экономической и духовной российской и европейской истории. Ежегодно Читальный зал Архива посещает более 150 исследователей из России, стран СНГ и дальнего зарубежья (Германия, Польша, Франция, Италия, Бельгия и др.), подавляющее большинство которых — учащиеся и сотрудники учебных заведений, институтов РАН и учреждений культуры, представители религиозных и общественных организаций.

Оцифровка фондов как процесс перевода в электронный вид исторических документов и формирование баз данных на основе архивных описей позволяют продлить жизнь подлинников, обеспечить их максимальную сохранность. Системный подход к этому процессу способствует наведению порядка в фондовом учете, упрощению поиска документов, снижению нагрузки на сотрудников и времени при отработке запросов исследователей, сохранению ветхих оригиналов, переходу к предоставлению архивных услуг в электронном виде.

Из-за недостатка финансирования подавляющее большинство архивов используют оцифровку для решения разовых, узких задач. По аналогии с внедрением множества программных продуктов под каждую мелкую задачу такая оцифровка получила название «лоскутной»¹. Например, в связи с юбилеем значимой для субъекта РФ личности и при получении финансирования сканируются отдельные документы и фонды, что на данный момент слабо отражается на общей эффективности работы архива, так как суммарный объем переведенных в электронный вид документов составляет доли процента от общего объема фондов. Но и эту работу надо проводить на постоянной основе, параллельно добиваясь продвижения длительных программных бюджетов с точки зрения развития архивных услуг и онлайн-сервисов. В соответствии с программой развития Института истории на 2019–2023 гг. одним из направлений обозначена дигитализация исторических источников и информации о них, составления машиночитаемой базы данных по составу фондов и коллекций и виртуального путеводителя по Архиву СПБИИ РАН².

Существует условное представление о фондах архивного учреждения как о пирамиде, основной объем которой составляют непосредственно документы, а малую часть на вершине — научно-справочный аппарат (описи), обеспечивающий навигацию по фондам и поиск требуемых дел и документов³. Первоочередная оцифровка описей также является приоритетной

¹ *Притула П.* Сканирование архива: как оцифровываются архивные документы // *CNews* : [интернет-издание]. 2016, 21 янв. URL: https://scan.cnews.ru/articles/2016-01-21_kak_skanirovat_arhivy_i_otsifrovyvat_arhivnye_dokumenty (дата обращения: 29.09.2021).

² Программа развития Федерального государственного бюджетного учреждения науки Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук на 2019–2024 гг. URL: http://www.spbiiran.nw.ru/wp-content/uploads/2014/03/161_СПБИИ-ПР_opt.pdf (дата обращения: 29.09.2021).

³ *Притула П.* Сканирование архива...

задачей Архива Института истории, поскольку ее успешное завершение позволит создать для исследователей простой и удобный поиск по фондам, облегчит внутреннюю архивную деятельность и позволит перейти к предоставлению ряда услуг (например, услуги по предварительному заказу документов) в электронном виде. Создание же полной электронной версии архива требует грамотного распределения человеческих и финансовых ресурсов. Поэтому обычной практикой во многих архивах является создание Перспективного плана оцифровки, включающего в себя перечень названий фондов в порядке утвержденной очередности, с указанием количества единиц хранения, предполагаемых сроков выполнения работ с ежегодным мониторингом и редактированием этого плана. В связи с этим при определении приоритетов при оцифровке фондов Архива СПБИИ РАН стоит опереться на количественные показатели. В соответствии с правилами Читального зала Архива каждый исследователь предоставляет отношение от организации (или личное заявление), где указывает тему своего научного интереса. Сведения о номерах дел и фондах отражаются в индивидуальных для каждого читателя листах использования. Статистическая обработка этих документов за 2017–2019 гг. позволяет получить данные об информационном интересе читателей и выбрать первоочередные фонды для оцифровки.

Динамика запросов документов из фондов Архива СПБИИ РАН за 2017–2019 гг.

№ п/п	Название фонда / коллекции	№ фонда	Общее кол-во заказанных дел		
			2017	2018	2019
1	Коллекция актовых книг Археографической комиссии	2	10	7	49
2	Александров Свирский монастырь	3	2	0	32
3	Антониев Сийский монастырь	5	10	0	18
4	Архангелогородская губернская канцелярия	10	11	16	23
5	Коллекция рукописей Археографической комиссии	11	7	4	14
6	«Акты П. М. Строева»	12	4	17	34
7	Воронцовы	36	20	57	58
8	Походная канцелярия князя А. Д. Меншикова	83	11	7	46
9	Коллекция рукописных книг	115	29	33	87
10	Успенский Тихвинский монастырь	132	151	215	371
11	Коллекция актов до 1613 г.	174	4	4	11
12	Иверский Валдайский монастырь	181	6	5	58
13	Коллекция Н. П. Лихачева	238	50	48	52
14	Комиссия по изданию писем и бумаг Петра Великого	270	3	32	55
15	Издательский фонд	276	9	6	8

Примечание: источник — собственная обработка данных статистического учета читательских листов.

Из сводной таблицы требований читателей за 2017–2019 гг. видно, что наиболее востребованными являются документы из фондов 36, 83, 115, 132, 181, 238, 270. В последние годы увеличился интерес к фондам монастырей, архиерейских домов и церквей, в частности к архивным материалам Александра Свирского, Антониева Сийского, Успенского Тихвинского монастырей, которые содержат огромное количество жалованных грамот, купчих, духовных, челобитных и других документов, отражающих различные стороны монастырской жизни. Стоит отметить, что в 2019 г в Институте истории началась оцифровка фонда 132 — Успенского Тихвинского монастыря (19 074 ед. хранения).

В 2022 г. в России будет отмечаться 350-летие со дня рождения Петра I. В рамках мероприятий, посвященных этому событию, планируются научные конференции, выставки, а также издание сборников архивных документов. В фондах Института истории находятся коллекции документов Петра Великого, возрастающий интерес к которым, наряду с неудовлетворительным физическим состоянием бумаги (осыпаются края), обуславливает их приоритет при формировании очереди по оцифровке.

Кроме планирования очередности дигитализации архивных документов актуальной является задача систематизации и хранения уже оцифрованных описей и документов. Необходимо добиться полного соответствия системы хранения отсканированных файлов на компьютере с каталогом описей на бумажных носителях. Это обеспечит быстрый поиск необходимых исследователю документов. В соответствии с приказом Федерального архивного агентства хранение электронных документов в архиве осуществляется в двух экземплярах, один из которых является основным, другой — рабочим. При этом хранить их нужно в разных помещениях с соблюдением рекомендованного для таких носителей температурно-влажностного режима⁴.

Теперь рассмотрим некоторые особенности сканирования и индексирования архивных документов и описей. В отличие от тиражируемых книг в архивах почти каждый документ уникален. Оператор сканирования должен увидеть особое состояние документа (ветхость, повреждения, уход текста в корешок, особую шивку и т. д.) и оперативно настроить оборудование, либо передать документ на реставрацию. Особенности документов предъявляют высокие требования и к оборудованию. Для архивных документов можно использовать исключительно бесконтактную сканирующую технику — планшетные и планетарные сканеры. Причем сканер должен обладать высочайшими характеристиками разрешения, цветопередачи и контрастности, так как велико наличие неконтрастных, угасающих текстов и изображений. В Институте истории сканирование документов осуществляется с помощью планшетных сканеров формата А3. В ближайшее время запланировано приобретение еще одного сканирующего устройства.

⁴ Приказ Федерального архивного агентства (Росархив) № 24 от 2 марта 2020 г. «Об утверждении Правил организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов в государственных и муниципальных архивах, музеях и библиотеках, научных организациях»: [Электронный ресурс]. URL: http://archives.ru/sites/default/files/prikaz-24_2020_pravila.pdf (дата обращения: 29.09.2021).

Подводя итог, можно констатировать, что создание электронной версии архива является финансово емким и трудозатратным процессом. Но тем не менее его организация на сегодняшний момент — это требования, которые предъявляют к архивам современные реалии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Приказ Федерального архивного агентства (Росархив) № 24 от 2 марта 2020 г. «Об утверждении Правил организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов в государственных и муниципальных архивах, музеях и библиотеках, научных организациях» : [Электронный ресурс]. URL: http://archives.ru/sites/default/files/prikaz-24_2020_pravila.pdf (дата обращения: 29.09.2021).
- Притула П.* Сканирование архива: как оцифровываются архивные документы // СNews : [интернет-издание]. 2016, 21 янв. URL: https://scan.cnews.ru/articles/2016-01-21_kak_skanirovat_arhivy_i_otsifrovyvat_arhivnye_dokumenty (дата обращения: 29.09.2021).
- Программа развития Федерального государственного бюджетного учреждения науки Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук на 2019–2024 гг. : [Электронный ресурс]. URL: http://www.spbiiran.nw.ru/wp-content/uploads/2014/03/161_СПБИИ-ПР_opt.pdf (дата обращения: 29.09.2021).

*А. А. Федорова
Санкт-Петербургский филиал Института истории
естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН*

**ФЕНОМЕН ПОПУЛЯРНОСТИ ПУБЛИЧНЫХ
ЦИФРОВЫХ АРХИВОВ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫХ
УЧРЕЖДЕНИЙ РАН НА ПРИМЕРЕ ВИРТУАЛЬНЫХ
ПЛОЩАДОК БОТАНИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА**

В условиях мирового тренда на тотальную цифровизацию немалое внимание в академическом сообществе уделяется проблемам оцифровки архивных данных. Вместе с тем чаще всего дискуссии о необходимости создания цифровых архивов ведутся в применении к нуждам самого академического сообщества, подразумевая под собой создание баз данных, целевой аудитории которых являются представители академической науки. В основу данной статьи заложен кейс использования противоположной стратегии цифровизации архивов, направленный в первую очередь на широкую аудиторию вне академического сообщества. Автором рассматривается феномен активной вовлеченности аудитории пользователей социальных сетей в процесс формирования виртуальных архивов аудиовизуальных и текстовых источников, в их обсуждение и распространение. На примере профильных сообществ, созданных сотрудниками Ботанического сада БИН РАН, описываются способы использования и каталогизации экспонатов музейного комплекса, нацеленные на популяризацию коллекции живых растений среди массовой аудитории. Благодаря использованию автоматизированных систем анализа контента и аудитории сообществ, можно получить сравнительные данные об эффективности стратегий цифрового публичного архивирования, его возможностях и перспективах. В качестве отдельного аспекта трактовки цифрового архивирования естественно-научных материалов на площадках социальных сетей рассматривается влияние мер социальной изоляции и социального дистанцирования на популяризацию данных материалов.

Ключевые слова: цифровые архивы, оцифровка, социальные сети, БИН РАН, целевая аудитория, визуальные материалы.

A. A. Fedorova
St. Petersburg Branch of S. I. Vavilov Institute for the
History of Science and Technology of the RAS

POPULARITY PHENOMENON OF PUBLIC DIGITAL ARCHIVES OF NATURAL SCIENCE INSTITUTIONS OF THE RAS ON THE EXAMPLE OF THE BOTANICAL INSTITUTE SOCIAL NETWORK PAGES

In the context of the global trend towards total digitalization, considerable attention is paid to the problems of digitizing archival data in the academic community. At the same time, most often discussions about the need to create digital archives are conducted in relation to the needs of the academic community itself, implying the creation of databases, the target audience aims at representatives of academic science. This article is based on the case of using the opposite digitization strategy, aimed primarily at a wide audience outside the academic community. The article examines the phenomenon of social network users' active involvement into archives of audio-visual and text sources, in their discussion and dissemination. Using the example of specialized communities created by the staff of the BIN RAS Botanic Garden, the author describes ways to use and catalog the Museum complex's exhibits aimed at popularizing the collection of living plants among a mass audience. Thanks to the use of automated systems for analyzing the content and audience of communities, the article provides comparative data on the effectiveness of digital public archiving strategies, its capabilities and prospects. As a separate aspect of the digital archiving interpretation, the influence of social isolation measures and social distance on the popularization of these materials is considered.

Key words: digital archives, digitization, social networks, BIN RAS, target audience, visual materials.

Современные темпы развития цифрового общества неизбежно приводят к трансформации классических методов и ресурсов накопления научной информации. Несмотря на то, что бумажные архивы и иные «материальные» формы коллекций на протяжении столетий оставались одним из основных первоисточников научно-исследовательской деятельности, в реалиях конца XX — начала XXI столетия все чаще речь заходит о необходимости оцифровки имеющихся архивных материалов и создании «банка данных» электронных документов. Еще в 1995 г. Концепция информатизации архивного дела России, утвержденная Росархивом, обозначала среди основных целей данного процесса достижение высокого уровня защиты информационных ресурсов, создание эффективной сети межведомственной коммуникации и, конечно, упрощение доступа пользователей к архивной информации.

Между тем последняя из отмеченных целей, применительно к архивам фондов Академии наук, по сей день трактуется академическим сообществом с точки зрения внутренней пользы данного процесса, выраженного в создании доступной базы оцифрованных источников «учеными для ученых». Так, даже в аннотациях проектов по оцифровке научных архивов, поданных

за последние годы в российские фонды грантовой поддержки, чаще всего фигурируют именно формулировки вида «полученные цифровые материалы будут интересны специалистам в области...», что прямо свидетельствует об изначально заданных ограничениях целевой аудитории оцифрованных источников РАН. Значит ли это, что только представители академической науки могут в полной мере являться «потребителями» цифровых архивов? На наш взгляд, подобный подход несправедливо исключает из числа возможных пользователей цифровых коллекций представителей массовой аудитории, интересующихся наукой или отдельными ее направлениями на непрофессиональном уровне.

С учетом этого в основу нашего обзора заложен кейс использования противоположной стратегии подбора целевой аудитории оцифрованных архивов — направленный в первую очередь на массовую публику вне академического сообщества. Даже при первичном анализе репрезентации учреждений Академии наук в виртуальном пространстве можно отметить, что такого подхода придерживаются, прежде всего, естественно-научные институты РАН, экспонирующие архивы собственных фондов в общедоступных музейных коллекциях. В связи с тем, что для подобных учреждений (таких как, например, Зоологический или Палеонтологический институты РАН) популяризация науки имеет ключевое значение наравне с собственно академическими разработками, именно они активно публикуют оцифрованные материалы в открытом доступе на страницах собственных сайтов или социальных сетей. В данном случае речь идет как о видео- и фотофиксации отдельных экспонатов коллекций, так и о распространении цифровых копий монографий, сборников и статей по тематике работы института. Однако, говоря о подобных кейсах презентации архивных материалов в социальных сетях, нельзя не задаться вопросом: в какой мере подобного рода деятельность может соответствовать классической трактовке труда архивистов?

В качестве наиболее показательного примера эффективного использования виртуальных площадок в качестве публичного архива, на наш взгляд, следует отметить социальные сети Ботанического института им. В. Л. Комарова РАН. По состоянию на сегодняшний день читателями страницы Ботанического института в сетях «ВКонтакте» и Instagram являются немногим более 100 тыс. индивидуальных пользователей.

По состоянию на конец августа 2020 г. архив сообщества Ботанического института в сети «ВКонтакте» состоит из пяти неравномерно представленных направлений, поддающихся автоматизированному учету:

- 128 альбомов, содержащих суммарно 54 800 фотографий, среди которых можно выделить ряд тематических групп (фотофиксация мероприятий и выставок коллекционных растений, ежегодные обзоры постоянных экспозиций ботанического музея, оцифрованные архивные фотографии БИН РАН, альбомы творческих композиций, посвященных экспозиционным образцам);
- 189 видеозаписей, фиксирующих работу сотрудников института, элементы экспозиции, тематические записи средств массовой информации и лекционные материалы. Из них 55 видеозаписей были созданы самими сотрудниками института:

- 33 документа, в том числе 25 оцифрованных книг по ботанике (включая 4 дореволюционных издания);
- 19 научно-популярных статей сотрудников института, также сопровождаемых иллюстративными материалами;
- информативная лента («стена сообщества»), содержащая 3676 сообщений (из них 1545 — собственные посты, включающие новости института и динамично обновляемую летопись его событий, и 2131 — «перепосты» фото- и видеоматериалов участников сообщества, неаффилированных с Ботаническим институтом).

Несмотря на то, что не все описанные категории материалов несут в себе непосредственную научную ценность, они выступают одновременно механизмом популяризации научной деятельности посредством создания комплекса понятных неспециалистам визуальных элементов и базой для дальнейших научных изысканий с опорой на цифровые свидетельства состояния коллекций института и его работы.

Менее очевидной архивной функцией социальных сетей Ботанического института выступает возможность ретроспективно отследить вовлеченность аудитории в результаты трудов его сотрудников. Исходя из информации о так называемых лайках и перепостах за весь период существования сообщества, исследователи имеют возможность проследить и задокументировать коммуникативные практики взаимодействия между представителями академической науки и пользователями-неспециалистами. Так, согласно нашим подсчетам, в среднем 10,2 тыс. участников сообщества Ботанического института активно следят за деятельностью его сотрудников и составляют ядро целевой аудитории научно-популярных материалов о ботанике. На наш взгляд, подобные цифры свидетельствуют о высоком потенциале публичных цифровых архивов естественно-научных учреждений.

Интересно, что популярность социальных сетей Ботанического института значительно возросла в период введения карантинных ограничений в марте 2020 г. Общий охват аудитории с марта по май указанного года вырос с 87 до 100 тыс. человек, ядро целевой аудитории визуальных и лекционных материалов на странице Ботанического института в сети «ВКонтакте» также расширилось более чем на 15 %, а количество позитивных оценок пользователей увеличилось на 26 %. К концу карантина сокращение этих показателей оказалось незначительным: не более 12 % от изначального прироста. Таким образом, нельзя не отметить, что накопленные архивы цифровых материалов о работе Ботанического института и экспонатах Ботанического сада оказались весьма востребованными в среде массовой аудитории.

Вдохновляющий пример успешного создания общедоступного цифрового архива БИН РАН, с нашей точки зрения, позволяет говорить об интересе массовой аудитории к подобного рода материалам и широких возможностях коммуникативных практик между учеными и неспециалистами.

**ИСТОРИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ
XVIII–XX вв.**

Н. В. Карева
Институт лингвистических исследований РАН
Е. Г. Пивоваров
Санкт-Петербургский филиал Института истории
естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН

**«ДОЛОМОНОСОВСКИЙ» ПЕРИОД
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ДИДАКТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ:
НЕМЕЦКИЕ ШКОЛЫ В НАЧАЛЕ XVIII в.**

Самые ранние сведения о преподавании немецкого языка русским учащимся связаны с деятельностью приходских школ в Немецкой слободе в Москве. В 1703 г. И. Э. Глюк был назначен директором школы по типу немецких «академических гимназий». Позднее в Петербурге открылись аналогичные московским училища при лютеранских церквях. Немецкий язык учили в Московской инженерной школе, петербургской Морской академии, хирургической школе Петербургского сухопутного госпиталя, Академической гимназии.

Ключевые слова: немецкий язык, немецкие школы, преподавание иностранных языков.

N. V. Kareva
Institute for Linguistic Studies of the RAS
Е. G. Pivovarov
St. Petersburg Branch of S. I. Vavilov Institute for the
History of Science and Technology of the RAS

**«PRE-LOMONOSOV» PERIOD OF THE RUSSIAN
DIDACTIC TRADITION: GERMAN SCHOOLS AT
THE BEGINNING OF THE 18TH CENTURY**

Teaching German to Russian students was initiated by the German Quarter parish schools in Moscow. In 1703, J. E. Glück became the first director of the institution, similar to German «academic gymnasiums». Later, analogous schools were opened at Lutheran churches in St. Petersburg. German was taught at Moscow Engineering School, St. Petersburg Naval Guard Academy, Surgical School of St. Petersburg Military Hospital, Gymnasium of the Academy of Sciences.

Key words: the German language, German schools, teaching foreign languages.

За последние двадцать лет появилось несколько обобщающих работ, в которых рассматриваются разные аспекты формирования традиции преподавания немецкого языка в Западной Европе¹ и России² в эпоху Просвещения. С начала XVIII в. его начали изучать в целом ряде московских, петербургских и провинциальных учебных заведений. Самые ранние сведения о преподавании немецкого русским учащимся связаны с деятельностью приходских школ в Немецкой слободе в Москве³. Их было четыре — две лютеранские, одна реформаторская (голландская) и одна католическая⁴. О работе последней известно больше всего⁵. Иезуиты периодически отправляли отчеты представителю Ватикана в Вене⁶. Из них видно, что учениками становились не только дети католиков, но и представители русской (православной) знати. В «Кратком описании московской миссии и ее настоящего положения до 1706 г.» о школе написано так: «...отцы миссионеры, около шести лет тому назад, завели открытую школу и сначала стали наставлять в науках и нравственности весьма немногих своих домашних, но обучали с таким успехом, что московские бояре и князья, возбужденные молвою о столь великих успехах, почти массами отдавали отцам миссионерам своих сыновей для обучения»⁷.

Для учащихся проводились уроки музыки, пения и Закона Божьего; организовывались театрализованные представления. Они изучали латынь, математику и немецкий язык — именно он привлекал в школу русских дворянских детей, которых готовили к дипломатической службе. Один из преподавателей школы пастор Иван Берула (Johannes Berula) писал в Вену 11 января 1701 г.: «Я кроме латинского языка вскоре начну учить также и немецкому, который, как вижу, русским желательно знать не менее латинского»⁸. В письме

¹ Glück H. Die Fremdsprache Deutsch im Zeitalter der Aufklärung, der Klassik und der Romantik. Wiesbaden, 2013.

² Koch K. Deutsch als Fremdsprache in Rußland des 18. Jahrhunderts. Berlin ; New York, 2002; Хомеев П. И. Немецкая книга и русский читатель в первой половине XVIII века. СПб., 2008; Андреев А. Ю. Русские студенты в немецких университетах XVIII — первой половины XIX века. М., 2005.

³ О знакомстве русских людей с немецким языком до начала XVIII в. см.: Glück H. Deutsch als Fremdsprache in Europa vom Mittelalter bis zur Barockzeit. Berlin ; New York, 2002. S. 276–283. О первых московских лютеранских школах XVII в. см.: Цветаев Д. В. Первые немецкие школы в Москве и основание придворного немецко-русского театра. Варшава, 1889.

⁴ О немецких школах в Москве в первой четверти XVIII в. (1701–1715 гг.): документы московских архивов, собранные С. А. Белокуровым и А. Н. Зерцаловым / с предисловием С. А. Белокурова. М., 1907; Ковригина В. А. Немецкая слобода Москвы и ее жители в конце XVII — первой четверти XVIII в. М., 1998. С. 297–312; Schmäcker-Breloer M. (Hrsg.) Grammatica Russica Hamburgensis. Kommentierte Edition der Handschrift Cod. slav. 9 der Staats- und Universitätsbibliothek Hamburg. Köln ; Weimar ; Wien, 2001. S. 15; Любжин А. И. История русской школы императорской эпохи. Т. I : Русская школа XVIII столетия. Кн. I. М., 2014. С. 298–301; Rjéoutski V. Die französische Sprache in der Adelserziehung der Regierungszeit Peters I: Professionelle Sprache oder Charakteristikum der sozialen Identität // Adel und Mehrsprachigkeit in der Frühen Neuzeit. Ziele, Formen und Praktiken des Erwerbs und Gebrauchs von Fremdsprachen. Hrsg. von H. Glück, M. Häberlein und A. Flurschütz da Cruz. Wiesbaden, 2019. S. 188–190.

⁵ Флоровский А. В. Латинские школы в России в эпоху Петра I // XVIII век : сб. 5. М. ; Л., 1962. С. 316–335.

⁶ Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII века. СПб., 1904.

⁷ Там же. С. 130–131, 315–316.

⁸ Там же. С. 60, 258.

от 16 февраля того же года он докладывал о конфликте с преподавателями Славяно-греко-латинской академии: «Монахи угрожают мне, что будут хлопотать перед светлейшим царем, чтобы все мои ученики понуждены были посещать их школы. Чтобы этого не случилось, я принял меры, — начал учить моих учеников кроме латинского языка еще и немецкому языку, который светлейший царь любит, а киевские монахи не знают»⁹. В 1705 г. все русские учащиеся покинули школу: одни отправились в армию, другие продолжили образование за границей. В последующее десятилетие школа продолжила свою деятельность, но в более скромных масштабах. Речь шла уже не о подготовке дипломатов, а о начальном обучении языкам будущих чиновников¹⁰.

О работе лютеранских школ до нас дошло меньше сведений. Известно, что в одной из них учительствовал Иоганн-Вернер Паус (Johann Werner Paus)¹¹. Уроженец саксонского города Зальцунгена, выпускник Галльского университета, он прибыл в Россию в 1702 г. и написал о своем путешествии подробный отчет¹². «Ректор» другой школы, Николай Швиммер (Nicolaus Schwimmer), почти два года обучал сыновей дьяков Посольского приказа немецкому, голландскому, шведскому языкам и латыни. В декабре 1703 г. его назначили переводчиком при после А. А. Матвеева, и он уехал в Голландию. Ученики Швиммера попали к Иоганну Эрнсту Глюку, открывшему в Москве школу по типу немецких «академических гимназий»¹³. В это учебное заведение вскоре перешел работать и Паус.

Биографии и педагогической деятельности пастора Глюка, «подвижника латышского и русского просвещения», посвящено немало исследований¹⁴.

⁹ Там же. С. 61, 260.

¹⁰ Флоровский А. В. Латинские школы в России... С. 327–328.

¹¹ О жизни и филологической деятельности Пауса см.: *Перетц В. Н.* Историко-литературные исследования и материалы : в 3 т. СПб., 1900–1902. Т. 3. 1902. С. 142–254; *Winter E.* Ein Bericht von Johann Werner Paus aus dem Jahre 1732 über seine Tätigkeit auf dem Gebiete der russischen Sprache, der Literatur und der Geschichte Rußlands // *Zeitschrift für Slawistik*. 1958. Vol. 3. S. 744–746; *Huterer A.* Die Wortbildungslehre in der Anweisung zur Erlernung der Slavonisch-Russischen Sprache (1705–1729) von Johann Werner Paus. München, 2001. S. 20–41; *Schmücker-Breloer M.* Grammatica Russica Hamburgensis... P. 25–26; *Алексеева Н. Ю.* Паузе // Три века Санкт-Петербурга : энциклопедия. Т. 1 : Осьмнадцатое столетие. Кн. 2 : Н – Я. СПб., 2003. С. 94–95; *Stammerjohann H.* (ed.). *Lexicon Grammaticorum: A Bio-Bibliographical Companion to the History of Linguistics* : in 2 vol. Tübingen, 2009. S. 1137–1138.

¹² *Winter E.* «Die Beschreibung der Reise aus Sachsen nach Moscau 1701/1702» von J. W. Paus // *Zeitschrift für Slawistik*. 1959. Vol. 4 (1). S. 264–271.

¹³ *Кулябко Е. С. М. В.* Ломоносов и учебная деятельность Петербургской Академии наук. М. ; Л., 1962. С. 25.

¹⁴ *Пекарский П. П.* Наука и литература в России при Петре I : в 2 т. Т. 1 : Введение в историю просвещения в России XVIII столетия. СПб., 1862. С. 126–132; *Перетц В. Н.* Историко-литературные исследования... С. 72–86; *Pönike H.* Johann Ernst Glück. Ein Widerstandskämpfer im Zeitalter der Frühaufklärung im Nordosten Europas // *Kirche im Osten. Studien zur osteuropäischen Kirchengeschichte und Kirchenkunde. In Verbindung mit dem Ostkircheninstitut herausgegeben von R. Stupperich.* Band 13. Göttingen, 1970. S. 104–132; *Толоров В. Н.* Эрнст Глюк, немецкий подвижник латышского и русского просвещения // *Балто-славянские исследования*. 1984. М., 1986. С. 243–261; *Glück J. E.* Grammatik der russischen Sprache / Herausgegeben und mit einer Einleitung versehen von H. Keipert, B. Uspenskij und V. Živov. Köln ; Weimar ; Wien, 1994. P. 19–26; *Glück H., Polanska I.* Johann Ernst Glück (1654–1705): Pastor, Philologe, Volksaufklärer im Baltikum und in Russland. Wiesbaden, 2005. S. 264; *Любжин А. И.* История русской школы... С. 381–408.

Он родился в г. Веттин (Саксония), изучал восточные языки и теологию в университетах Виттенберга, Альтенбурга и Лейпцига. В 1673 г. Глюк оказался в Лифляндии, где стал вести проповедническую деятельность. Он ратовал за открытие школ для местных жителей и русских раскольников и для этого составил переводы на русский язык неких «школьных книг». К сожалению, эти материалы погибли в августе 1702 г. при взятии Мариенбурга войсками Б. П. Шереметева, а сам переводчик попал в плен.

Его отправили в Москву, где он был взят «для государева дела» — то есть стал преподавать. Пасторы-иезуиты доносили в Вену, что «лютеранская школа [Швиммера]... превращена... в немецкую школу, чтобы в ней учились немецкому языку сыновья писцов и переводчиков»¹⁵. Назначение в марте 1703 г. И. Э. Глюка директором новой школы описывалось так: «Так как школы у русских шли не так удачно, как им хотелось бы, то еретики посоветовали светлейшему царю пригласить какого-то, взятого в плен из Ливонии проповедника, назначенного старшим пастором в Мариенбурге, разглашая, что это второй Соломон. Вследствие этого князь Меншиков (первый любимец светлейшего царя) основал лютеранскую академию, дал ей много тысяч на библиотеку, на жалование лютеранским учителям и проч. и назначил для этого заведения огромный каменный дворец»¹⁶.

И. Э. Глюк разработал для своей школы широкую учебную программу по различным предметам. В его «Каталоге учителей и наук» фигурировали арифметика, география, философия, этика, «политика» (история), латинская риторика, поэтическое наследие Вергилия и Горация, картезианская философия, греческий, сирийский, еврейский, халдейский, французский, латинский и немецкий языки, основы верховой езды, а также «телесное благолепие и complements»¹⁷. Для преподавания этих дисциплин Глюк подобрал учителей и начал переводить необходимые учебники, но в 1705 г. умер, не успев завершить начатое. Ректором школы стал Паус.

Школа просуществовала еще десять лет, но общеобразовательная программа значительно сократилась¹⁸. Связано это было в первую очередь с тем, что в отличие от приходских школ, существовавших на средства общины, «гимназия» И. Э. Глюка получала финансирование из казны. Ею последовательно управляли Посольский приказ, Ижорская канцелярия, Монастырский приказ и приказ Печатного дела¹⁹. Переходы из одного ведомства в другое сопровождались изменениями в составе учеников и учителей, а также в программе обучения и в характере учебного заведения в целом²⁰. После смерти Глюка в школе обострились конфликты между

¹⁵ Письма и донесения иезуитов о России... С. 186, 362.

¹⁶ Там же. С. 185, 361.

¹⁷ Пекарский П. П. Наука и литература в России... С. 130.

¹⁸ Луппов С. П. Книга в России в первой четверти XVIII века. Л., 1973. С. 24–25; Fedyukin I. The Enterprisers: The Politics of School in Early Modern Russia. Oxford, 2019. P. 50–51.

¹⁹ Сычев-Михайлов М. В. Из истории русской школы и педагогики XVIII века. М., 1960. С. 66; Хотеев П. И. Немецкая книга и русский читатель... С. 65; Любжин А. И. История русской школы... С. 407.

²⁰ Ковригина В. А. Немецкая слобода Москвы... С. 317.

преподавателями²¹. Многие из них переехали в Петербург. К 1710 г. учебное заведение из «гимназии» превратилось в школу для преподавания иностранных языков, а осенью 1715 г. было закрыто²².

В начале XVIII в. в Петербурге открылись училища при лютеранских церквях (Peterkirche на Невском пр., Annenkirche на Кирочной ул., Реформатской церкви на р. Мойке и Katharinenkirche на Большом пр. В. О.) — своеобразные реплики московских лютеранских школ²³. В 1711 г. в Тобольске при поддержке галльских пиетистов открылась школа, организованная пленными шведскими офицерами²⁴. Кроме того, немецкий язык учили в основанной в 1712 г. Московской инженерной школе, в открытой в 1715 г. петербургской Морской академии²⁵ и в появившейся годом позже хирургической школе Петербургского сухопутного госпиталя²⁶.

Наконец, с конца 1720-х гг. крупным центром преподавания немецкого языка в России стала открывшаяся в 1726 г. Академическая гимназия в Петербурге. С самого начала углубленное изучение иностранных языков рассматривалось как ее основная составляющая. Регламент Л. Л. Блюментроста предполагал изучение немецкого и латыни с первого класса, позже вводились другие иностранные языки. При этом немецкий был одним из наиболее важных предметов, так как большинство учителей гимназии составляли приехавшие в Петербург немцы²⁷ и преподавание практически всех предметов велось на немецком языке²⁸.

²¹ Там же. С. 325–329; Koch K. Deutsch als Fremdsprache in Rußland... S. 177; Schmücker-Breloer M. Grammatica Russica Hamburgensis... P. 26–27.

²² Рыжов А. Н. Образование в «немецких» школах Москвы в первой четверти XVIII в. // Вопросы образования. 2007. № 2. С. 368–369.

²³ Amburger E. Die deutschen Schulen in Rußland mit besonderer Berücksichtigung St. Petersburgs // F. V. Keiser, B. Stasiewski (Hrsg.) Deutscher Einfluss auf Bildung und Wissenschaft im Östlichen Europa. Köln ; Wien, 1984. S. 2–9; Ульянов Н. П. Петришуле — старейшая школа Петербурга // Немцы и развитие образования в России / отв. ред. Г. И. Смагина. СПб., 1998. С. 129; Хомеев П. И. Немецкая книга и русский читатель... С. 67.

²⁴ А. Ш. Шведская школа в Тобольске в царствование Петра Великого // Журнал Министерства народного просвещения. 1857. Ч. ХCV. Июль. Отд. 3. С. 30–50; Winter E. Halle als Ausgangspunkt der Deutschen Russlandkunde im 18. Jahrhundert. Berlin, 1953. S. 303–312; Луппов С. П. Книга в России... С. 25; Хомеев П. И. Немецкая книга и русский читатель... С. 67; Черказьянова И. В. Школа пленных шведов в Тобольске: опыт культурных контактов в Германии и России // Немцы в России: российско-немецкий диалог. СПб., 2001. С. 155–168, и др.

²⁵ Сукновалов А. Е. Чему и как обучали в петербургской Морской академии при Петре I (Из истории школы в России XVIII века) // Ленинградский педагогический институт. Ученые записки. 1956. Т. 13 : Исторический факультет. Вып. 2. С. 123–145.

²⁶ Луппов С. П. Книга в России... С. 16, 20–23; Хомеев П. И. Немецкая книга и русский читатель... С. 67–68.

²⁷ Rjéoutski V. Migrants and language learning in Russia (late seventeenth — first part of eighteenth century) // Paedagogica Historica. 2018. Vol. 54, № 6. P. 698.

²⁸ Keipert H. Der Fremdsprachenunterricht in der Frühzeit der Petersburger Akademie-Gymnasiums // Polata Knigopisnaia. 1987. Vol. 16. S. 70–71; Кох К. Преподавание немецкого языка как иностранного в России XVIII в. // Немцы и развитие образования в России / отв. ред. Г. И. Смагина. СПб., 1998. С. 36–37; Koch K. Deutsch als Fremdsprache in Rußland... S. 131.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеева Н. Ю.* Паузе // Три века Санкт-Петербурга : энциклопедия. Т. 1 : Осьмнадцатое столетие. Кн. 2 : Н — Я. СПб., 2003. С. 94–95.
- Андреев А. Ю.* Русские студенты в немецких университетах XVIII — первой половины XIX века. М., 2005.
- А. Ш.* Шведская школа в Тобольске в царствование Петра Великого // Журнал Министерства народного просвещения. 1857. Ч. ХСV. Июль. Отд. 3. С. 30–50.
- Ковригина В. А.* Немецкая слобода Москвы и ее жители в конце XVII — первой четверти XVIII в. М., 1998.
- Кох К.* Преподавание немецкого языка как иностранного в России XVIII в. // Немцы и развитие образования в России / отв. ред. Г. И. Смагина. СПб., 1998. С. 35–47.
- Кулябко Е. С. М. В.* Ломоносов и учебная деятельность Петербургской Академии наук. М. ; Л., 1962.
- Луппов С. П.* Книга в России в первой четверти XVIII века. Л., 1973.
- Любжин А. И.* История русской школы императорской эпохи. Т. I : Русская школа XVIII столетия. Кн. I. М., 2014.
- О немецких школах в Москве в первой четверти XVIII в. (1701–1715 гг.): документы московских архивов, собранные С. А. Белокуровым и А. Н. Зерцаловым / с предисловием С. А. Белокурова. М., 1907.
- Пекарский П. П.* Наука и литература в России при Петре I : в 2 т. Т. 1 : Введение в историю просвещения в России XVIII столетия. СПб., 1862.
- Перетц В. Н.* Историко-литературные исследования и материалы : в 3 т. СПб., 1900–1902. Т. 3. 1902.
- Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII века. СПб., 1904.
- Рыков А. Н.* Образование в «немецких» школах Москвы в первой четверти XVIII в. // Вопросы образования. 2007. № 2. С. 368–382.
- Сукновалов А. Е.* Чему и как обучали в петербургской Морской академии при Петре I (Из истории школы в России XVIII века) // Ленинградский педагогический институт. Ученые записки. 1956. Т. 13 : Исторический факультет. Вып. 2. С. 123–145.
- Сычев-Михайлов М. В.* Из истории русской школы и педагогики XVIII века. М., 1960.
- Топоров В. Н.* Эрнст Глюк, немецкий подвижник латышского и русского просвещения // Балто-славянские исследования. 1984. М., 1986. С. 243–261.
- Ульянов Н. П.* Петришуле — старейшая школа Петербурга // Немцы и развитие образования в России / отв. ред. Г. И. Смагина. СПб., 1998. С. 129–137.
- Флоровский А. В.* Латинские школы в России в эпоху Петра I // XVIII век : сб. 5. М. ; Л., 1962. С. 316–335.
- Хотеев П. И.* Немецкая книга и русский читатель в первой половине XVIII века. СПб., 2008.
- Цветаев Д. В.* Первые немецкие школы в Москве и основание придворного немецко-русского театра. Варшава, 1889.
- Черказьянова И. В.* Школа пленных шведов в Тобольске: опыт культурных контактов в Германии и России // Немцы в России: российско-немецкий диалог. СПб., 2001. С. 155–168.
- Amburger E.* Die deutschen Schulen in Rußland mit besonderer Berücksichtigung St. Petersburgs // F. V. Keiser, B. Stasiewski (Hrsg.) Deutscher Einfluss auf Bildung und Wissenschaft im Östlichen Europa. Köln ; Wien, 1984. S. 1–26.
- Glück H.* Deutsch als Fremdsprache in Europa vom Mittelalter bis zur Barockzeit. Berlin ; New York, 2002.
- Glück H.* Die Fremdsprache Deutsch im Zeitalter der Aufklärung, der Klassik und der Romantik. Wiesbaden, 2013.
- Glück H., Polanska I.* Johann Ernst Glück (1654–1705): Pastor, Philologe, Volksaufklärer im Baltikum und in Russland. Wiesbaden, 2005.
- Glück J. E.* Grammatik der russischen Sprache / Herausgegeben und mit einer Einleitung versehen von H. Keipert, B. Uspenskij und V. Živov. Köln ; Weimar ; Wien, 1994.

- Fedyukin I.* The Enterprisers: The Politics of School in Early Modern Russia. Oxford, 2019.
- Huterer A.* Die Wortbildungslehre in der Anweisung zur Erlernung der Slavonisch-Russischen Sprache (1705–1729) von Johann Werner Paus. München, 2001.
- Keipert H.* Der Fremdsprachenunterricht in der Frühzeit der Petersburger Akademie-Gymnasiums // *Polata Knigopisnaia*. 1987. Vol. 16. S. 68–82.
- Koch K.* Deutsch als Fremdsprache in Rußland des 18. Jahrhunderts. Berlin ; New York, 2002.
- Pönike H.* Johann Ernst Glück. Ein Widerstandskämpfer im Zeitalter der Frühaufklärung im Nordosten Europas // Kirche im Osten. Studien zur osteuropäischen Kirchengeschichte und Kirchenkunde. In Verbindung mit dem Ostkircheninstitut herausgegeben von R. Stupperich. Band 13. Göttingen, 1970. S. 104–132.
- Rjéoutski V.* Migrants and language learning in Russia (late seventeenth — first part of eighteenth century) // *Paedagogica Historica*. 2018. Vol. 54, № 6. P. 691–703.
- Rjéoutski V.* Die französische Sprache in der Adelserziehung der Regierungszeit Peters I: Professionelle Sprache oder Charakteristikum der sozialen Identität // Adel und Mehrsprachigkeit in der Frühen Neuzeit. Ziele, Formen und Praktiken des Erwerbs und Gebrauchs von Fremdsprachen. Hrsg. von H. Glück, M. Häberlein und A. Flurschütz da Cruz. Wiesbaden, 2019. S. 179–202.
- Schmücker-Breloer M.* (Hrsg.) *Grammatica Russica Hamburgensis*. Kommentierte Edition der Handschrift Cod. slav. 9 der Staats- und Universitätsbibliothek Hamburg. Köln ; Weimar ; Wien, 2001.
- Stammerjohann H.* (ed.). *Lexicon Grammaticorum: A Bio-Bibliographical Companion to the History of Linguistics* : in 2 vol. Tübingen, 2009.
- Unbegaun B.O.* (Hrsg.) *Drei russische Grammatiken des 18. Jahrhunderts*. Nachdruck der Ausgaben von 1706, 1731 und 1750. München, 1969.
- Winter E.* Halle als Ausgangspunkt der Deutschen Russlandkunde im 18. Jahrhundert. Berlin, 1953.
- Winter E.* Ein Bericht von Johann Werner Paus aus dem Jahre 1732 über seine Tätigkeit auf dem Gebiete der russischen Sprache, der Literatur und der Geschichte Rußlands // *Zeitschrift für Slawistik*. 1958. Vol. 3. S. 752–778.
- Winter E.* «Die Beschreibung der Reise aus Sachsen nach Moscau 1701/1702» von J. W. Paus // *Zeitschrift für Slawistik*. 1959. Vol. 4 (1). S. 264–271.

С. В. Власов
Санкт-Петербургский государственный университет
С. С. Волков
Институт лингвистических исследований РАН
Л. В. Московкин
Санкт-Петербургский государственный университет

ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ ИОАННА ДАНИЭЛЯ ШУМАХЕРА

В статье рассматривается деятельность И. Д. Шумахера по организации подготовки и издания учебников и учебных пособий по немецкому, французскому и русскому языкам для учеников академической гимназии в Санкт-Петербурге. Проанализированные документы показывают, что именно он в 1728–1733 гг. был инициатором и организатором этой работы.

Ключевые слова: учебники, учебные пособия, словари, немецкий язык, французский язык, русский язык, И. Д. Шумахер.

S. V. Vlasov
St. Petersburg State University
S. S. Volkov
Institute for Linguistic Studies of the RAS
L. V. Moskovkin
St. Petersburg State University

LINGUODIDACTIC PROJECT OF JOHANN DANIEL SCHUMACHER

The article discusses J. D. Schumacher's activities on preparing and publishing textbooks and study guides in German, French and Russian for the students of the St. Petersburg Academic Gymnasium. The analyzed documents show that it was J. D. Schumacher who initiated and organized this work in 1728–1733.

Key words: textbooks, study guides, dictionaries, German, French, Russian, J. D. Schumacher.

1. Введение

Деятельность И. Д. Шумахера (1690–1761), одного из руководителей Императорской академии наук в первые 30 лет ее существования, всегда вызывала неоднозначные оценки. Одни ученые полагали, что И. Д. Шумахер тормозил

развитие Академии и препятствовал продвижению ее русских сотрудников. Другие, напротив, считали указанную деятельность исключительно позитивной, подчеркивая вклад Шумахера в развитие Академии и ее подразделений, в частности библиотеки. Как бы то ни было, очевидно, что И. Д. Шумахер — один из наиболее заметных сотрудников Императорской академии наук, оказавших влияние на ее деятельность.

Иоганн Даниэль Шумахер в 1711 г. окончил Страсбургский университет и защитил в нем магистерскую диссертацию. В 1714 г. он приехал в Россию и через некоторое время был назначен заведующим Кунсткамерой и библиотекой Петра I. По поручению царя Шумахер стал одним из организаторов Императорской академии наук. В 1724 г. он поступил на службу в Академию и возглавил ее канцелярию. Более 30 лет он являлся фактическим руководителем Академии наук, создал при ней типографию, книжную лавку, мастерские, основал академическую библиотеку, был одним из создателей ее первых каталогов и одним из авторов описания коллекций Кунсткамеры.

Многие аспекты деятельности И. Д. Шумахера освещены в научной литературе. Довольно подробно описаны его работа по организации Академии наук¹, книгоиздательская деятельность², деятельность по созданию академической библиотеки³, академического архива⁴, книжной лавки⁵. Изучены вопросы противостояния И. Д. Шумахера и отдельных сотрудников Академии наук⁶, в том числе опубликован ряд материалов «следственного дела

-
- ¹ Пекарский П. П. Отчет о занятиях в 1863–1864 годах по составлению истории Академии наук // Записки Императорской Академии наук. Т. 7. Прилож. 4. СПб., 1865. С. 1–72; Пекарский П. П. История Императорской Академии наук в Петербурге. Т. 1. СПб., 1870; История библиотеки Академии наук СССР (1714–1964). М. ; Л., 1964; Копелевич Ю. Х. Основание Петербургской академии наук. Л., 1977; Пономарева В. В. Академия наук и становление научного знания в России // Общественные науки и современность. 1999. № 5. С. 5–16; Лепехин М. П. Шумахер Иоганн Даниил // Иностранные специалисты в России в эпоху Петра Великого. Биографический словарь выходцев из Франции, Валлонии, франкоязычных Швейцарии и Савойи: 1682–1727 / под ред. В. С. Ржеуцкого и Д. Ю. Гузевича, при участии А. Мезен. М., 2019. С. 615–635.
- ² Юферов Д. В., Соколов Г. Н. Академическая типография. 1728–1928. Л., 1929; Петров А. Н., Царт И. Д. Первая Академическая. К 250-летию типографии издательства «Наука». Л., 1977; Толичев Д. В. Книгоиздательская деятельность Петербургской Академии наук и М. В. Ломоносов. Л., 1988.
- ³ Савельева Е. А., Леонов В. П. У истоков Академической библиотеки // Вопросы истории естествознания и техники. 1999. № 2. С. 27–40; Савельева Е. А. Иоганн Даниэль Шумахер и библиотека Академии наук // Петербургская Академия наук в истории академий мира : в 4 т. Т. 1. СПб., 1999. С. 82–89; Столяров Ю. Н. Первый российский государственный библиотекарь Иоганн-Даниил Шумахер: к 300-летию со дня рождения // Столяров Ю. Н. Избранное. 1960–2000 годы. М., 2001. С. 473–491.
- ⁴ Тункина И. В. Хранители академической памяти (XVIII — первая треть XX в.): Очерки истории Санкт-Петербургского академического архива. СПб., 2016.
- ⁵ Бочагов А. Д. Книжная палата Академии наук. 1728–1740. СПб., 1893.
- ⁶ Билярский П. С. (сост.) Материалы для биографии Ломоносова. СПб., 1865; Ламанский В. И. Ломоносов и Петербургская академия наук. М., 1865; Ломоносов М. В. Записка о необходимости преобразования Академии наук // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений : в 11 т. М. ; Л., 1950–1983. Т. 10 : Служебные документы. Письма. 1734–1765 гг. 1957. С. 32–72; Ломоносов М. В. Краткая история о поведении Академической канцелярии в рассуждении ученых людей и дел с начала сего корпуса до нынешнего времени // Там же. С. 267–316; Ломоносов М. В. Ответ на вопросы Следственной

о советнике Академии наук Шумахере»⁷. Однако такой аспект его деятельности, как организация подготовки и издания учебников и учебных пособий по русскому и иностранным языкам, пока еще системно не рассматривался.

В научной литературе имеется ряд работ, в которых показана роль Шумахера в подготовке и издании Вейсманнова лексикона⁸, «Грамматики французской и русской»⁹. При этом в целом его лингводидактический проект не был исследован. В некоторых описаниях учебников, изданных в Академии наук в первые годы ее существования, например в монографии К. Кох¹⁰, имя И. Д. Шумахера даже не упоминается.

2. Методология исследования

Целью данной статьи является рассмотрение деятельности И. Д. Шумахера как организатора подготовки и издания учебников и учебных пособий по иностранным языкам и русскому языку как иностранному для учеников академической гимназии. Основным материалом исследования послужили документы, опубликованные в десятитомном издании «Материалы для истории Императорской Академии наук».

3. Результаты исследования

3.1. *Предпосылки появления лингводидактического проекта И. Д. Шумахера.* Проект подготовки и издания учебников и учебных пособий по иностранным языкам и русскому языку как иностранному для учеников академической гимназии, в которой регулярные учебные занятия начались с 1726 г., возник не случайно. Отметим следующие предпосылки его появления:

- нехватка учебной литературы, вызвавшая необходимость создания собственных учебников для академической гимназии;
- создание в 1727 г. академической типографии, которая позволяла издавать учебники. В том же году было подтверждено право Академии наук иметь собственную типографию¹¹;

комиссии по делу о злоупотреблениях И. Д. Шумахера // Там же. С. 171–172; Кулябко Е. С. М. В. Ломоносов и учебная деятельность Петербургской академии наук. М.; Л., 1962; Турнаев В. И. Национальная тенденция в развитии Петербургской Академии наук в конце 1720 — начале 1740 годов // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2006. Вып. 1 (52). Сер.: Гуманитарные науки (история). С. 18–24.

⁷ Иванов П. Следственное дело о советнике Академии наук Шумахере : [ист. очерк]. М., 1860.

⁸ Миллер Г. Ф. История Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге / пер. Б. А. Старостина // Миллер Г. Ф. Избранные труды. М., 2006. С. 481–647; Биржакова Е. Э. Вейсманнов лексикон — иноязычно-русский словарь нового типа // Русская лексикография XVIII века. СПб., 2010. С. 62–73.

⁹ Власов С. В., Московкин Л. В. «Грамматика французская и русская» 1730 года: проблема авторства // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2017. № 5. С. 115–124.

¹⁰ Koch K. Deutsch als Fremdsprache im Rußland des 18. Jahrhunderts. Berlin ; New York, 2002.

¹¹ Материалы для истории Императорской Академии наук : в 10 т. СПб., 1885–1900. Т. 1. 1885. С. 303.

- мысль о том, что продажа изданных учебников может приносить доход. Несомненно, Шумахер учитывал, что школьные учебники будут востребованы не только в гимназии, но и за ее пределами. С 1728 г. издания Академии наук рассылались книготорговцам в Москву и европейские страны, а также продавались в академической книжной лавке;
- распоряжение президента Академии наук Л. Л. Блюментроста от 4 января 1728 г. о передаче его полномочий И. Д. Шумахеру на время его отсутствия¹². Это распоряжение, действие которого продолжалось до 1733 г., давало И. Д. Шумахеру возможность самостоятельно определять издательскую деятельность Академии.

В 1728 г. под руководством Шумахера начинается работа по подготовке учебников и учебных пособий для академической гимназии. Она велась в нескольких направлениях: во-первых, для начального обучения в 1728–1729 гг. были напечатаны немецкие и латинские азбуки, не сохранившиеся до наших дней¹³; во-вторых, создавались учебники и учебные пособия по немецкому, французскому языкам и русскому языку как иностранному; в-третьих, создавались учебные пособия, которые могли использоваться при обучении разным языкам. Рассмотрим конкретные примеры.

3.2. *Учебные пособия по немецкому языку.* Немецкий язык в академической гимназии играл особую роль, так как был не только преподаваемым языком, но и языком обучения в низших классах. Именно поэтому созданию учебника немецкой грамматики и немецко-русского словаря И. Д. Шумахер уделял большое внимание.

Написание грамматики было поручено учителю немецкого языка М. Шванвицу в первой четверти 1728 г. В письме Шванвица к Шумахеру от 21 января 1728 г., где он просит о прибавке к жалованью за переводы, он еще не упоминает о работе над грамматикой¹⁴. Однако сам Шумахер пишет в письме к московскому книготорговцу В. Киприанову от 4 апреля 1728 г. о том, что в академической типографии печатается «немецкая и российская грамматика» (без указания имени ее автора)¹⁵. В письме к обер-секретарю Сената И. К. Кирилову от 27 июня 1728 г. он указывает, что немецкая грамматика скоро будет готова (также без указания имени автора)¹⁶.

Вероятно, летом 1728 г. в типографии был напечатан первый лист этой грамматики и выслан Кирилову. Кирилов в письме Шумахеру от 8 октября 1728 г. указывает, что возвращает этот лист с исправлениями ряда русских слов, которые сделал «учитель, знающий латинскую, греческую и словенскую грамматику, риторику и философию», и просит присылать остальные листы («потетрадно»), заверяя при этом, что этот учитель может исправить и их¹⁷. В ответном письме Кирилову от 28 октября 1728 г. Шумахер пишет, что он показал эти исправления автору грамматики «господину

¹² Там же. С. 345.

¹³ Там же. С. 700.

¹⁴ Там же. С. 354.

¹⁵ Там же. С. 371.

¹⁶ Там же. С. 386.

¹⁷ Там же. С. 403–404.

Швановицу»¹⁸. Это было подтверждением того, что немецкую грамматику в 1728 г. составлял именно М. Шванвиц.

В уже упомянутом письме И. Д. Шумахера В. Киприанову от 4 апреля 1728 г. отмечалось, что в академической типографии печатается немецкий и российский лексикон, также без указания имен его составителей¹⁹. 20 января 1729 г. в Сенат и в Москву был послан первый лист словаря, в котором наряду с немецкой и русской имелась еще и латинская часть, а также дано определение напечатать 2500 экземпляров этого словаря²⁰. В отчете Академии наук, направленном в Сенат 27 декабря 1729 г., было указано, что над немецко-латинско-русским словарем работали И. И. Ильинский, И. С. Горлицкий, М. П. Сатаров, С. М. Коровин, корректуру немецких слов провел А. Б. Крамер, корректуру русских — В. Е. Адодуров. В. Б. Штирмер подготовил реестр русских слов²¹.

Этот словарь, известный как «Вейсманнов лексикон», рассылался разным лицам, среди которых был и В. Н. Татищев. В письме к И. Д. Шумахеру от 8 сентября 1732 г. он благодарит за присланный ему словарь и пишет, что другой части, которая начинается с русских слов, и грамматики он не получил²². Это означает, что предполагалось также создать русско-немецкий или русско-немецко-латинский словарь. Кроме того, существовали экземпляры немецко-латинско-русского словаря без приложения русской грамматики. Ту же просьбу В. Н. Татищев повторяет в письме от 30 ноября 1732 г.²³

Таким образом, в 1728–1731 гг. создавался комплекс учебных пособий по немецкому языку, причем И. Д. Шумахер выступал в качестве руководителя и координатора этого проекта. Его роль как руководителя коллектива составителей словаря подробно описана в «Истории Академии наук» Г. Ф. Миллера²⁴.

3.3. Учебные пособия по французскому языку. Французский язык в академической гимназии не играл такой важной роли, как немецкий и латинский, но тем не менее он был востребован теми учениками, кто в дальнейшем собирался поступать не в университет, а на гражданскую или военную службу. В 1729 г. И. Д. Шумахер разворачивает работу по созданию учебного комплекса по французскому языку.

6 февраля 1729 г. переводчику С. М. Коровину направляется распоряжение перевести на русский язык «диалогус на французском языке»²⁵, 17 апреля 1729 г. ему же дается распоряжение о переводе на русский язык «дикционария Посажорова»²⁶ — словаря И. Л. Фриша «Nouveau dictionnaire des

¹⁸ Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. 1. С. 405–406.

¹⁹ Там же. С. 371.

²⁰ Там же. С. 441.

²¹ Там же. С. 602–603.

²² Там же. С. 179.

²³ Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. 2. 1886. С. 199.

²⁴ Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. 6. 1890; Миллер Г. Ф. История Императорской Академии наук... С. 481–647.

²⁵ Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. 1. С. 449.

²⁶ Там же. С. 484.

passagers françois-allemand et allemand-françois, oder Neues französisch-teutsches und deutsch-französisches Wörter-Buch» (Leipzig, 1712).

26 июня 1729 г. переводчику И. С. Горлицкому было дано задание перевести на французский язык «взятую у шпрахмейстера Декомбеля французского диалекта грамматику»²⁷.

В отчете Академии наук Сенату от 27 декабря 1729 г. отмечается, что И. С. Горлицкий перевел грамматику Ш.-А. Декомбля, а С. М. Коровин — французский лексикон И. Л. Фриша²⁸. О результатах перевода «диалогуса» не сообщается. Однако ни грамматика Ш.-А. Декомбля в переводе И. С. Горлицкого, ни французско-русский словарь, подготовленный С. М. Коровиным, не были напечатаны — вероятно, из-за нехватки финансирования.

3.4. *Учебные пособия по русскому языку как иностранному.* Русский язык в документах первых лет работы Академии наук не рассматривался в качестве преподаваемого языка, однако он был нужен как студентам и гимназистам нерусского происхождения, так и иностранцам, приезжающим в Россию на службу. Именно поэтому в качестве приложения к Вейсманнову лексикону была издана на немецком языке грамматика русского языка «Anfangs-Gründe der Russischen Sprache» без указания имени автора (1731). В те же годы в типографии Академии наук издали и анонимный учебник русского языка «Грамматика французская и русская» (1730), однако в настоящей статье он не рассматривается, так как был написан по заказу стороннего лица (французского виноторговца Эмбера) и не предназначался для обучения в академической гимназии²⁹.

Авторство анонимной грамматики русского языка, приложенной в Вейсманнову лексикону, легко устанавливается по «Истории Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге» Г. Ф. Миллера и по отчету 1732 г. главного переводчика Академии наук И. В. Паузе³⁰. Автором был В. Е. Адодуров. Поскольку известна роль Шумахера в создании Вейсманнова лексикона, очевидно, что именно он являлся и организатором подготовки «Anfangs-Gründe der Russischen Sprache», а В. Е. Адодуров трудился под его руководством.

3.5. *Многоязычные учебные пособия.* В типографии Императорской академии наук издавались трехязычные и четырехязычные учебные пособия, которые могли использоваться в обучении разным языкам. Кроме уже упомянутого Вейсманнова лексикона, содержавшего немецкую, латинскую и русскую части, были изданы: в 1732 г. — «Латино-российская и немецкая словесная книга» (четвертое издание тематического словаря Э. Копиевича)

²⁷ Там же. С. 499.

²⁸ Там же. С. 603.

²⁹ Власов С. В., Московкин Л. В. «Грамматика французская и русская»... С. 115–124.

³⁰ Власов С. В., Волков С. С., Московкин Л. В. «История Академии наук» Г. Ф. Миллера как источник данных о начальном этапе русской филологии // Миллеровские чтения — 2018: Преемственность и традиции в сохранении и изучении документального академического наследия : материалы II Международной научной конференции, 24–26 мая 2018 г., Санкт-Петербург / сост. и отв. ред. д. и. н. И. В. Тункина. СПб., 2018. С. 69–76. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; вып. 14).

и в 1738 г. — учебное пособие «Школьные разговоры» (латинско-русско-немецко-французский разговорник). Источником «Школьных разговоров» послужил раздел «Colloquia» из латинской грамматики И. Ланге «Verbeserte und Erleichterte Lateinische Grammatica» (Berlin, 1707). На немецкий язык диалоги Ланге перевел И. Э. Фишер, на русский язык — М. Шванвиц, на французский — Ж.-Н. Демиль.

С 1733 г. по приказу президента Академии наук Г. К. фон Кейзерлинга И. Д. Шумахер уже не курировал работу академической типографии³¹ и, возможно, не имел непосредственного отношения к созданию «Школьных разговоров», однако очевидно, что разработка этого пособия велась в традициях инициированного им лингводидактического проекта.

Таким образом, в 1720–30-х гг. в Императорской академии наук был подготовлен ряд учебных книг для нужд академической гимназии. Из них опубликованы только четыре:

- Die Teutsche Grammatica. Aus unterschiedenen Auctoribus zusammen getragen und Der Russischen Jugend zum Besten herausgegeben von dem Informatore der Teutschen Sprache bey dem St. Petersburgischen Gymnasio. Немецкая грамматика. Из разных авторов собрана и российской юности в пользу издана от учителя немецкого языка при Санкт-Петербургской гимназии. [СПб.]: Напечатана в типографии Академии наук, 1730 (2-е изд. 1734);
- Teutsch-Lateinisch- und Russisches Lexikon, samt denen Anfangs-Gründen der Russischen Sprache. Zu allgemeinem Nutzen bey der Kayserl. Academie der Wissenschaften zum Druct befördert. Немецко-латинский и русский лексикон, купно с первыми началами русского языка к общей пользе при Императорской Академии наук печатию издан. St. Petersburg: Gedruckt in der Kayserl. Academie der Wissenschaften Buchdruckerey, 1731;
- Lateinisch-Rußisch und deutsches Vocabularium. Латино-российская и немецкая словесная книга. [СПб.: Тип. Акад. наук], 1732;
- Colloquia scholastica — Школьные разговоры — Schul-Gespräche — Dialogues. St. Petersburg: Gedruckt bey der Kayserl. Academie der Wissenschaften, 1738.

Выводы

1. И. Д. Шумахер был непосредственным организатором подготовки и издания учебников и учебных пособий по немецкому, французскому и русскому языкам, а также словарей для учеников академической гимназии. Этот лингводидактический проект осуществлялся с 1728 до (по меньшей мере) 1733 г.

2. В 1720–30-х гг. состоялась публикация четырех учебных книг. Некоторые из подготовленных рукописей не были опубликованы и до сих пор не обнаружены. Причины отказа от их издания неизвестны; скорее всего, они не были напечатаны из-за нехватки финансирования.

³¹ Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. 2. С. 412.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Биларский П. С.* (сост.) Материалы для биографии Ломоносова. СПб., 1865.
- Биржакова Е. Э.* Вейсманнов лексикон — иноязычно-русский словарь нового типа // Русская лексикография XVIII века. СПб., 2010. С. 62–73.
- Бочагов А. Д.* Книжная палата Академии наук. 1728–1740. СПб., 1893.
- Васильев В. И.* Издательская деятельность Академии наук в ее историческом развитии : в 2 кн. Кн. 1. М., 1999.
- Власов С. В., Волков С. С., Московкин А. В.* «История Академии наук» Г. Ф. Миллера как источник данных о начальном этапе русской филологии // Миллеровские чтения — 2018: Преемственность и традиции в сохранении и изучении документального академического наследия : материалы II Международной научной конференции, 24–26 мая 2018 г., Санкт-Петербург / сост. и отв. ред. д. и. н. И. В. Тункина. СПб., 2018. С. 69–76. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; вып. 14).
- Власов С. В., Московкин А. В.* «Грамматика французская и русская» 1730 года: проблема авторства // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2017. № 5. С. 115–124.
- Иванов П.* Следственное дело о советнике Академии наук Шумахере : [ист. очерк]. М., 1860.
- История библиотеки Академии наук СССР (1714–1964). М. ; Л., 1964.
- Копелевич Ю. Х.* Основание Петербургской академии наук. Л., 1977.
- Кулябко Е. С. М. В. Ломоносов и учебная деятельность Петербургской академии наук.* М. ; Л., 1962.
- Ламанский В. И.* Ломоносов и Петербургская академия наук. М., 1865.
- Лепехин М. П.* Шумахер Иоганн Даниил // Иностранные специалисты в России в эпоху Петра Великого. Биографический словарь выходцев из Франции, Валлонии, франкоязычных Швейцарии и Савойи: 1682–1727 / под ред. В. С. Ржеуцкого и Д. Ю. Гувезича, при участии А. Мезен. М., 2019. С. 615–635.
- Ломоносов М. В.* Записка о необходимости преобразования Академии наук // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений : в 11 т. М. ; Л., 1950–1983. Т. 10 : Служебные документы. Письма. 1734–1765 гг. 1957. С. 32–72.
- Ломоносов М. В.* Краткая история о поведении Академической канцелярии в рассуждении ученых людей и дел с начала сего корпуса до нынешнего времени // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений : в 11 т. М. ; Л., 1950–1983. Т. 10 : Служебные документы. Письма. 1734–1765 гг. 1957. С. 267–316.
- Ломоносов М. В.* Ответ на вопросы Следственной комиссии по делу о злоупотреблениях И. Д. Шумахера // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений : в 11 т. М. ; Л., 1950–1983. Т. 10 : Служебные документы. Письма. 1734–1765 гг. 1957. С. 171–172.
- Материалы для истории Императорской Академии наук : в 10 т. СПб., 1885–1900. Т. 1. 1885; Т. 2. 1886; Т. 6. 1890.
- Миллер Г. Ф.* История Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге / пер. Б. А. Старостина // Миллер Г. Ф. Избранные труды. М., 2006. С. 481–647.
- Пекарский П. П.* История Императорской Академии наук в Петербурге. Т. 1. СПб., 1870.
- Пекарский П. П.* Отчет о занятиях в 1863–1864 годах по составлению истории Академии наук // Записки Императорской Академии наук. Т. 7. Прилож. 4. СПб., 1865. С. 1–72.
- Петров А. Н., Царт И. Д.* Первая Академическая. К 250-летию типографии издательства «Наука». Л., 1977.
- Пономарева В. В.* Академия наук и становление научного знания в России // Общественные науки и современность. 1999. № 5. С. 5–16.
- Савельева Е. А.* Иоганн Даниэль Шумахер и библиотека Академии наук // Петербургская Академия наук в истории академий мира : в 4 т. Т. 1. СПб., 1999. С. 82–89.
- Савельева Е. А., Леонов В. П.* У истоков Академической библиотеки // Вопросы истории естествознания и техники. 1999. № 2. С. 27–40.

- Столяров Ю. Н.* Первый российский государственный библиотекарь Иоганн-Даниил Шумахер: к 300-летию со дня рождения // Столяров Ю. Н. Избранное. 1960–2000 годы. М., 2001. С. 473–491.
- Тункина И. В.* Хранители академической памяти (XVIII — первая треть XX в.): Очерки истории Санкт-Петербургского академического архива. СПб., 2016.
- Турнаев В. И.* Национальная тенденция в развитии Петербургской Академии наук в конце 1720 — начале 1740 годов // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2006. Выпуск 1 (52). Сер.: Гуманитарные науки (история). С. 18–24.
- Тюличев Д. В.* Книгоиздательская деятельность Петербургской Академии наук и М. В. Ломоносов. Л., 1988.
- Юферов Д. В., Соколов Г. Н.* Академическая типография. 1728–1928. Л., 1929.
- Koch K.* Deutsch als Fremdsprache im Rußland des 18. Jahrhunderts. Berlin ; New York, 2002.

С. Ю. Нечаев
Библиотека Российской академии наук,
Институт физики Земли им. О. Ю. Шмидта

РЕЗЮМЕ НАШИХ ЗНАНИЙ О ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЯХ 1737 г. НА КАМЧАТКЕ И КУРИЛЬСКИХ ОСТРОВАХ

Представлен анализ редких изданий, ранее опубликованных архивных документов и до сих пор не использованных материалов из «портфелей Г. Ф. Миллера» и других фондов СПбФ АРАН и РГАДА, в которых даны описания катастрофических землетрясений и огромного цунами у берегов Камчатки и Северо-Курильских островов. В результате пересмотра делается вывод об искажении информации от источника к источнику, что влияет на интерпретацию данных в каталогах землетрясений и специальных исследованиях.

Ключевые слова: исторические землетрясения, землетрясения 1737 г., цунами, Курило-Камчатская зона, С. П. Крашенинников, Г. Ф. Миллер, Великая Северная экспедиция.

S. Yu. Nechaev
Library of the Russian Academy of Sciences, O. Yu. Schmidt
Institute of Physics of the Earth of the RAS

SUMMARY OF OUR KNOWLEDGE ON THE EARTHQUAKES OF 1737 IN KAMCHATKA AND THE KURIL ISLANDS

The article presents an analysis of rare books, published archival documents and unused materials from «the Portfolios of G. F. Müller» as well as other collections of the St. Petersburg Branch of the RAS Archive and the Russian State Archive of Ancient Acts, all describing catastrophic earthquakes and a huge tsunami off the coast of Kamchatka and the Northern Kuril Islands. As a result of the revision, it is concluded that information is distorted from source to source, which affects data interpretation in earthquake catalogs and special studies.

Key words: historical earthquakes, 1737 earthquakes, tsunami, Kuril-Kamchatka trench, S. P. Krasheninnikov, G. F. Müller, Great Northern Expedition.

Феноменально, но Степан Петрович Крашенинников, будучи в 1737 г. студентом Петербургской академии наук и первым исследователем на Камчатке, в силу стечения обстоятельств задокументировал сильнейшее сейсмическое событие в регионе за весь XVIII в. В новейшей истории возможным

аналогом той катастрофы является событие 4 ноября 1952 г. у берегов Камчатки и Курильских островов¹, когда спровоцированная мощным землетрясением волна цунами разрушила несколько населенных пунктов и унесла жизни более двух тысяч человек. По некоторым оценкам², максимальное значение магнитуды составило $M = 9.0$.

Для землетрясений 1737 г., как отметила А. А. Годзиковская³, можно только «назначить» параметры экспертным путем, «исходя из накопившегося опыта по макросейсмическим обследованиям сильнейших землетрясений региона второй половины XX в.», что связано с неполнотой имеющихся у специалистов исторических данных. Эту лакуну позволяют восполнить архивные документы из «портфелей Г. Ф. Миллера» и других фондов СПбФ АРАН и РГАДА, о чем предварительно уже сообщалось⁴. Фактически здесь представлено резюме (источниковедческих) знаний автора, которое может служить дополнительным материалом к сообщениям С. П. Крашенинникова в его главном труде «Описание земли Камчатки» (1755) и архивным рапортам разных лиц 1737–1738 гг., рассматриваемым ниже.

Уже в самый переезд на Камчатку, с 4 по 14 октября 1737 г., С. П. Крашенинников «окунается» в экстремальную природу полуострова. Судно с пророчащим названием «Фортуна» внезапно дало течь (после недавней починки в Охотском порту), и команда была вынуждена сбросить за борт 400 пудов груза «без всякого разбору». Вдобавок, после тихой погоды, с неделю бушевал «прежестокый» северный ветер, и покрытую волнами «Фортуну» 14 октября выкинуло к устью Большой реки, где и спаслись счастливо: «У моря жили мы по 21 число того месяца, ожидая лодок из [Большерецкого] острогу в балаганах и барабарах, а в то время происходило беспрестанное почти земли трясение, но понеже оно там легко было, то мы шатаясь ходя, причитали трясение нашей слабости, что от морского качания ходить не можем; однако вскоре узнали, что мы ошибались в мнении, ибо пришедшие из Курил, которые застали нас у моря, сказали, коим образом было в тех местах и ужасное трясение, и странное наводнение...»⁵.

Данный случай интересен в том числе дальнейшим описанием злоключений С. П. Крашенинникова из его первого камчатского (общего пятого) рапорта к И. Г. Гмелину и Г. Ф. Миллеру от 14 ноября — каких вещей он лишился среди сброшенного за борт груза: «...одна сума, в которой была

¹ Никонов А. А. Курильская катастрофа полвека назад // Природа. 2003. № 1. С. 48–54.

² Лаборатория математического моделирования цунами ИВМиМГ СО РАН (tsun.sccc.ru/tsun_hp.htm).

³ Годзиковская А. А. Каталог макросейсмических описаний землетрясений Камчатского региона за доинструментальный период наблюдений (XVIII–XIX вв.). М., 2009. В электронной версии этого каталога компактно представлен цитатный материал из ряда источников, обсуждаемых в данной статье, а также специальных исследований. URL: <http://www.wdcb.ru/sep/seismology/method/Kamchatka/index.ru.html> (дата обращения: 06.10.2021).

⁴ Нечаев С. Ю. Бумаги о необычных и экстремальных явлениях XVIII века в «портфелях Г. Ф. Миллера» // Необычные и экстремальные явления XVIII века : сб. науч. тр. Вып. 2. СПб., 2019. С. 90–151.

⁵ Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. С приложением рапортов, донесений и других неопубликованных материалов. М. ; Л., 1949. С. 530–531.

серая бумага, пять дестей⁶ писчей бумаги... а осталось серой бумаги только пять дестей...»⁷. Таким образом, студент остался без значительного количества писчей бумаги, которая была ему необходима для ежедневных записей научных наблюдений. Тем не менее, как и подобает будущему настоящему ученому, он сохранил при себе необходимые приборы и документы.

Все это можно было бы посчитать «голым фактом», если бы не уникальные архивные листы, обнаруженные в одном из разрядов СПбФ АРАН⁸. Опись разряда содержит «материалы, относящиеся к Камчатской экспедиции», а в указанном деле представлена копия «Инструкции томскому конному казаку Петру Саламатову о чинении в Томске метеорологических наблюдений, 1734–1735 гг.», по-видимому, выданная студенту в качестве образца для подобных исследований на Камчатке. Между тем в последних и незаполненных столбцах данной таблицы (число, время суток, барометр, термометр, направление ветра, погода) рукой С. П. Крашенинникова наскоро сделаны несколько примечательных записей.

Первая запись содержит сведения о сильном землетрясении и цунами невероятной высоты у берегов Северо-Курильских островов: «Чрез пришедших с Курильских островов людей уведомился я, что сего октября 6 дня на оных островах было великое земли трясение, которое началось в 8 часах пр[ед] п[олуднем]⁹ [а проходило оно валами в ¼ часа один подле другого, а на другой]¹⁰ и так сильно было, что от него балаганы падали. Онаго трясения было три вала, а на другой вал приходил в ¼ часа, а проходил в полчетверти часа. После прошествия каждого вала прибывало с моря воды с великим шумом сажень на 30, которая, нимало не стояв, опять в море уходила». Как мы знаем, первые сведения об этой катастрофе С. П. Крашенинников получил между 14 и 21 октября после крушения «Фортуны» в районе устья Большой реки. А учитывая его акцент на утрате большого количества писчей бумаги во время плавания до Камчатки, можно предположить, что данная заметка, выполненная на не связанных с ней листах, является аутентичным свидетельством, записанным там же на берегу. Впрочем, текст сообщения не противоречит данным «Описания земли Камчатки», как и последовавшему 14 ноября рапорту Крашенинникова из Большерецкого острога, а только подчеркивает дату и время события.

По-видимому, начиная со второй остальные заметки выполнены в Большерецке: «Сего дня¹¹ чрез прибывших с Авачи реки людей уведомился я, что сентября в последних числах имеющаяся на Аваче горелая сопка сильно гремела, по громе вскоре и земля тряслася, а из сопки поднялася туча и пошла на О, из которой песку пало на землю 4¹² вершка». В «Описании земли Камчатки» и во втором камчатском (общем шестом) рапорте от 29 августа 1738 г.

⁶ Десть — мера или счет писчей бумаги (24 листа) (Словарь русского языка XVIII в.).

⁷ Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки... С. 555.

⁸ СПбФ АРАН. Р. I. Оп. 13. Д. 11. Л. 134–139.

⁹ То есть «в третьем часу пополуночи».

¹⁰ Заключенный в скобки текст в рукописи зачеркнут.

¹¹ Не представляется возможным установить точную дату. Судя по остальным сообщениям, запись сделана между 22 октября и 5 ноября (?).

¹² Начало слова «д[ва?] исправлено на «4».

С. П. Крашенинников такими же словами опишет сентябрьское извержение (вместе с землетрясением?) Ключевского вулкана, правда, узнав об этом только 10 апреля 1738 г. (см. ниже). По его же данным, извержение Авачинской сопки происходило «летом» 1737 г., «из которой пало на землю пеплу так много, что им около лежащие места на вершок или больше покрыло»¹³. Согласно обнаруженной заметке, извержение Авачинской сопки продолжалось до сентября (наряду с Ключевской?), создается также представление о масштабах выбросов пепла. В опубликованных материалах Крашенинникова об этих фактах не сообщается.

Следующие две записи датированы и заполнены по метеорологической таблице:

«5 [ноября?], 12 п[олдень], [барометр] 2800, [термометр] 140¹⁴, [ветер] 00. Небо светлое. Часа за три перед сим из [Ключевской?] горелой сопки поднялась туча, которою и солнце закрыло. Из оной тучи за час перед сим пало пеплу на землю вершка на два, а приплывшие сверху люди сказывали что в то¹⁵ незадолго перед тем, как туча из сопки поднялась, слышали от сопки небольшой гром. Помянутая туча пошла на *NO*».

«15 [ноября?], 12 п[олдень], [барометр] 2770, [термометр] 145. Между *S* и *O* переменный в[етер]. Небо инде светлое, а инде густыми облаками покрытое. Чрез пришедших из Уки¹⁶ людей известился я, что из тучи, которая 5 дня сего м[еся]ца [ноября?] из горелой сопки поднялась, того ж дня на Уке и дале сажи¹⁷ пеплу пало на вершок, а инде и больше».

Приведенные сведения неизвестны среди опубликованных материалов С. П. Крашенинникова¹⁸, хотя некоторые его сочинения взяты из этого архивного разряда. Использованное дело обобщенно и кратко описал А. И. Андреев¹⁹, не касаясь процитированных листов.

10 апреля 1738 г., как записано во втором камчатском рапорте С. П. Крашенинникова, были получены сведения о сентябрьском извержении Ключевского вулкана и сильном землетрясении 3 октября того же 1737 г. в Нижнекамчатске. О событиях доложил прапорщик Черепанов, прибывший из Нижнего Камчатского острога в Большерецк. Этот документ обнаружен в «портфелях Г. Ф. Миллера» (РГАДА) и публикуется впервые — «Реляция из Камчатки от прапорщика Черепанова, полученная в 1738 году»²⁰:

¹³ Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки... С. 563.

¹⁴ Градус Делиля.

¹⁵ Зачеркнуто в рукописи.

¹⁶ Ука — река на северо-востоке Камчатки.

¹⁷ Зачеркнуто в рукописи.

¹⁸ Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки...; С. П. Крашенинников в Сибири. Неопубликованные материалы. М.; Л., 1966.

¹⁹ Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири. Вып. 2 : XVIII век (первая половина). М.; Л., 1965.

²⁰ РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Портф. 528. Ч. 1. Ед. хр. 3. Л. 1. В заголовке дела ошибочно написано «1733 года».

«Прошлого 1737 году сентября против 23 числа вверх по Камчатке реке, разстоянием от Нижнего камчатского острогу восемьдесят верст, Горелая сопка горела огнем вся до подножия во всю ночь до утра, а как стал быть денной свет, то огнем гореть перестала и стала быть по прежнему, токмо пошел из нее дым. Да того ж [1]737 году октября против 3 числа во втором часу ночи²¹ в Нижнем же остроге было земное тресение три раз[a]. Ходила земля так, как на море валы ходят, от которого тресение балаганы и печи в ызбах падали, и в колокола звонила, а потом чрез целой год земля треслась по вся дни и ночи, токмо меньше того...».

Документ не датирован и не подписан, а предложение, завершающее лист, оканчивается точкой с запятой; возможно, «реляция» в фонде Г. Ф. Миллера сохранилась не полностью. Сообщение прапорщика Черепанова расходится с записанным Крашенинниковым с его слов: 1) извержение Ключевского вулкана в «Описании земли Камчатки» и в рапорте отнесено к 25 сентября и изложено в деталях²², что предполагает дополнительные источники Крашенинникова, как и возможную неточность в копировании рукописных «3» и «5»; 2) согласно «Описанию земли Камчатки», землетрясение в Нижнекамчатске было «23 октября», тогда как в рапорте обозначена дата «3 октября», как и у Черепанова, притом что описание события практически идентично в трех вариантах. В статье сейсмологов, посвященной событиям 1737 г.²³, по данным Крашенинникова сделан вывод «об одном сильном землетрясении по старому стилю в октябре 1737 г., вызвавшем высокую интенсивность сотрясений в Нижне-Камчатске», но принимается дата «23 октября (4 ноября)». Последнее становится неочевидным, ввиду обнаружения архивной копии «реляции» прапорщика Черепанова.

Последовавшее затем грандиозное сейсмическое событие 6 (17) октября 1737 г. у берегов Камчатки и Курильских островов занесено в зарубежные и отечественные исторические каталоги землетрясений. Для полноты информации необходимо реконструировать использованную в них литературу, как и первоисточники привлекаемых в каталогах источников, а также материалы других малоизвестных изданий.

В каталоге К. фон Хоффа «Chronik der Erdbeben und Vulcan-Ausbrüche» (1840) дается ссылка на одну из собственных работ с привлечением классического труда Ч. Лайеля «Принципы геологии» (1830), в котором сведения заимствованы из книги 1768 г. астронома Ж. Шапп д'Отроша²⁴, тогда прославившегося резким неприятием действительной жизни в России. К последнему тому его «Путешествия в Сибирь» в качестве «приложения» добавлен перевод на французский язык «Описания земли Камчатки». В каталоге Р. и Дж. Маллетов «The Earthquake Catalogue» (1858) используются

²¹ То есть «пополудни в седьмом часу».

²² Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки... С. 210, 568.

²³ Чебров В. Н., Раевская А. А. Землетрясения Камчатки 1737 года // Вестник КРАУНЦ. Науки о Земле. 2011. № 2. Вып. 18. С. 220–229.

²⁴ *Chappe d'Auteroche. Voyage en Sibirie, fait par ordre du roi en 1761, contenant la description du Kamtchatka...* Т. II. Paris, 1768. P. 340–341.

аналогичные источники, а из статьи А. Ф. Постельса²⁵ взяты сведения об активизации Авачинской сопки в «сентябре» 1737 г. (но цитата относится к ее «летнему» возгоранию). Статья российского минералога содержит ретроспективные данные об извержениях камчатских вулканов, в качестве источника используется труд Крашенинникова. Только в каталоге А. Перрея²⁶ дается практически полный список вероятных землетрясений 1737 г. с переводом дат в новый стиль. Автор ссылается на «Описание земли Камчатки» (на французский перевод?) и публикацию кругосветного путешествия Г. А. Эрмана²⁷. Немецкий естествоиспытатель, в свою очередь, имел при себе оригинальное русское издание «Описания земли Камчатки» 1755 или 1786 г.

В «Каталоге землетрясений Российской империи» (1893) И. В. Мушкетова и А. П. Орлова сведения Крашенинникова дополнены комментариями А. Перрея²⁸. Последний привлекает издание аббата А. Ф. Прево «Общая история путешествий» (1768)²⁹, где представлено идентичное описание землетрясения, но с датой «6 декабря». Аббат Прево цитирует И. Г. Гмелина, который в 1751–1752 гг. первым опубликовал результаты Второй Камчатской экспедиции. А. Перрей не смог найти сочинения И. Г. Гмелина в библиотеке Дижона и усомнился в достоверности события, но все же включил его в каталог. Перевод фрагмента из книги аббата Прево выполнен И. В. Мушкетовым и А. П. Орловым по каталогу А. Перрея: «...Гмелин, по возвращении из Красноярска, нашел еще письмо из Иркутска, содержащее известие о землетрясении, бывшем 6-го декабря 1737 г. в Курильской земле и на соседних островах. Отчет этот, посланный из Охотска 28-го ноября 1738 г., был составлен генерал-майором Скорняковым-Писаревым»³⁰. Копия этого документа обнаружена в «портфелях Г. Ф. Миллера» (СПбФ АРАН) и публикуется впервые³¹:

«В прошлом [1]737-м году ноября 6 дня в Курильской землице и на островах трясение земли великое было, над морем утесы разсыпались многия и огненное знамение и тресота в море была, а вдали же и расседины в некоторых местах учинились, и жилища иноземческие

²⁵ *Postels A.* Bemerkungen über die vulkane der halbinsel Kamtschatka, gesammelt auf einer Reise um die Welt in den Jahren 1826 bis 1829... // Mémoires présentés à l'Académie Impériale des Sciences de Saint-Petersbourg par divers savans, et lus dans ses assemblées. T. II. St.-Petersbourg, 1833. P. 11–28.

²⁶ *Perrey A.* Documents sur les tremblements de terre et les phénomènes de volcaniques dans l'archipel des Kouriles et au Kamtschatka. Lyon, 1863. P. 62–63.

²⁷ *Erman A.* Reise um die Erde durch Nord-Asien und die beiden Oceane in den Jahren 1828, 1829 und 1830. Bd. III. Berlin, 1848. S. 328–362.

²⁸ В российском каталоге допущена опечатка в записи самостоятельного события № 682 от «4-го октября (н. ст.)» со ссылкой на каталог А. Перрея (Мушкетов, Орлов). Должна быть указана дата «4 ноября 1737 г.», как и в каталоге (Perrey), что является переводом в новый стиль маловероятного события «23 октября». См.: *Мушкетов И. В., Орлов А. П.* Каталог землетрясений Российской империи. СПб., 1893. С. 160; *Perrey A.* Documents sur les tremblements de terre... P. 62.

²⁹ *Prévost Abbé.* Continuation de l'histoire générale des voyages ou collection nouvelle... T. XVIII. Paris, 1768. P. 401.

³⁰ *Мушкетов И. В., Орлов А. П.* Каталог землетрясений Российской империи. С. 161.

³¹ СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 5. Д. 60. Л. 50.

балаганы попадали, и вода от моря сходила необычно при прежних, например, вверх сажен в тритцать, и камень из моря на берег выметывало, например, пудов по 100 и боле[e], и оною же водою близ моря у ясашных иноземцов по их обыкновению барабары и балаганы, то есть на столбах шалаша, понесло и в море унесло, и байдары же, которыми в море промышляют бобров и протчих зверей, приломало, а сети бобровья и рыбные многия в море унесло. И в Курильской же землице и на островах байдар и сетей у ясашных мужиков осталось малое число. Из Охоцка, ноября 28 дня 1738 году. От Григорья Писарева Скорнякова репорт».

Сообщение дополняет описание С. П. Крашенинникова новыми фактами, но вызывает ряд вопросов: 1) дата «6 ноября» перекликается с действительной датой «6 октября», как и с датировкой «6 декабря» аббата Прево якобы по материалам И. Г. Гмелина (см. ниже); 2) говорится о выбрасывании волной каменных глыб весом «более 100 пудов» (более 1600 кг), тогда как у А. Перрея и в российском каталоге речь идет о «100 фунтах» (~ 45 кг); 3) от кого Г. Г. Скорняков-Писарев мог получить сведения в Охотске? На последний вопрос отвечают документы РГАДА³², которые представляют собой копии донесений из Сибирского приказа в Правительствующий сенат от 31 августа 1739 г. с идентичным описанием землетрясения, полученным Г. Г. Скорняковым-Писаревым «в присланных с Камчатки из Большерецкого острога от посланных для збору в казну Ея Императорского Величества ясак-зборщиков Андрея Шергина и протчих репортах в канцелярию Охоцкого порта»³³. На эти документы указал советский историк наук о Земле и источниковед Л. А. Гольденберг, но именно в отношении деятельности А. Шергина и его сподвижников: «Все физико-географические явления, как правило, не оставались без внимания пытливых и наблюдательных землепроходцев и мореплавателей»³⁴.

В упомянутом программном труде И. Г. Гмелина «Путешествие по Сибири» (1752)³⁵ на самом деле сообщается о землетрясении 1737 г. в «зимнем месяце» (*wintermonat*), который аббат Прево самовольно превратил в «6 декабря». Еще в одном издании 1765 г. швейцарского библиотекаря и географа С. Энгеля³⁶ «зимний месяц» И. Г. Гмелина трансформировался в «7 ноября». Все это указывает скорее на то, что зарубежные авторы так или иначе соотносили событие с датой Крашенинникова, книга которого в то время уже была переведена на несколько западноевропейских языков³⁷. При этом в опубликованном из «портфелей Г. Ф. Миллера» (СПбФ АРАН) донесении в Сенат И. Г. Гмелина и Г. Ф. Миллера от 14 февраля 1739 г.³⁸

³² РГАДА. Ф. 248. Оп. 21. Кн. 1361. Л. 181, 181 об., 184, 185, 185 об.

³³ Там же. Л. 181, 185.

³⁴ Гольденберг Л. А. Между двумя экспедициями Беринга. Магадан, 1984. С. 68.

³⁵ Gmelin I. G. Reise durch Sibirien von dem Jahr 1738 bis zu ende 1740. Т. III. Göttingen, 1752. S. 515.

³⁶ Engel S. Memoires et observation geographiques et critiques... Lausanne, 1765. P. 75.

³⁷ Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки... С. 13.

³⁸ Briefe und Dokumente 1739 (G. W. Steller). Halle, 2001. S. 28.

фигурирует дата «6 октября» и в точности передано описание землетрясения из первого камчатского рапорта Крашенинникова. Покинувший Россию в 1747 г. И. Г. Гмелин, вполне вероятно, имея на руках копии рапортов С. П. Крашенинникова и Г. Г. Скорнякова-Писарева, впоследствии не смог определиться с датой и просто обозначил «зимний» сезон события. По тексту второго камчатского рапорта Крашенинникова точно устанавливается, что один из очевидцев землетрясения А. Шергин 27 октября находился в Большерецке³⁹, то есть рапортовать в Охотск о землетрясении «6 ноября» на Курильских островах он никак не мог. Таким образом, ошибка в записи «6 ноября» вместо «6 октября» могла быть допущена в канцелярии Охотского порта или даже самим Г. Г. Скорняковым-Писаревым. Поэтому любые даты рассматриваемого события, кроме даты «6 октября» (по старому стилю), следует считать историческим курьезом.

Резюмируя, можно констатировать, что анализ данных о сильных землетрясениях 1737 г. далеко не завершен. Приведенные примеры в очередной раз демонстрируют, как одно катастрофическое событие приобретает несколько датировок, «то есть в каталоге появляется дополнительный ложный очаг большой магнитуды с самостоятельной параметрической строкой»⁴⁰. Не поддается логическому объяснению и указанная С. П. Крашенинниковым (или Г. В. Стеллером) высота цунами после землетрясения 6 (17) октября — «30 сажень» (~ 60 м)⁴¹, снова «всплывающая» в документах, опубликованных в данной статье. Возможно, удастся обнаружить другие архивные материалы, которые позволят углубить наши знания о землетрясениях на Камчатке и Курильских островах.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ИВМиМГ СО РАН — Институт вычислительной математики и математической геофизики Сибирского отделения РАН
 КРАУНЦ — Камчатская региональная ассоциация «Учебно-научный центр»
 РАН — Российская академия наук
 РГАДА — Российский государственный архив древних актов
 РГО — Русское географическое общество
 СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Портф. 528. Ч. 1. Ед. хр. 3. Л. 1.
 РГАДА. Ф. 248. Оп. 21. Кн. 1361. Л. 181, 181 об., 184, 185, 185 об.
 СПбФ АРАН. Р. I. Оп. 13. Д. 11. Л. 134–139.
 СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 5. Д. 60. Л. 50.

³⁹ Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки... С. 560.

⁴⁰ Годзиковская А. А. Каталог макросейсмических описаний землетрясений Камчатского региона...

⁴¹ Быкасов В. Е. Новая интерпретация данных С. П. Крашенинникова о землетрясении и цунами 1737 года // Известия РГО. 2012. Т. 144, вып. 6. С. 62–75; Чуян Г. Н., Быкасов В. Е. К вопросу о высоте цунами 1737 года на острове Беринга // Вестник РАН. 2013. Т. 83, № 4. С. 307–312.

- Андреев А. И.* Очерки по источниковедению Сибири. Вып. 2 : XVIII век (первая половина). М. ; Л., 1965.
- Быкасов В. Е.* Новая интерпретация данных С. П. Крашенинникова о землетрясении и цунами 1737 года // Известия РГО. 2012. Т. 144, вып. 6. С. 62–75.
- Годзиковская А. А.* Каталог макросейсмических описаний землетрясений Камчатского региона за доинструментальный период наблюдений (XVIII–XIX вв.). М., 2009. URL: <http://www.wdcb.ru/sep/seismology/method/Kamchatka/index.ru.html> (дата обращения: 06.10.2021).
- Гольденберг Л. А.* Между двумя экспедициями Беринга. Магадан, 1984.
- Крашенинников С. П.* Описание земли Камчатки. С приложением рапортов, донесений и других неопубликованных материалов. М. ; Л., 1949.
- Мушкетов И. В., Орлов А. П.* Каталог землетрясений Российской империи. СПб., 1893.
- Нечаев С. Ю.* Бумаги о необычных и экстремальных явлениях XVIII века в «портфелях Г. Ф. Миллера» // Необычные и экстремальные явления XVIII века : сб. науч. тр. Вып. 2. СПб., 2019. С. 90–151.
- Никонов А. А.* Курильская катастрофа полвека назад // Природа. 2003. № 1. С. 48–54.
- С. П. Крашенинников в Сибири.* Неопубликованные материалы. М. ; Л., 1966.
- Чебров В. Н., Раевская А. А.* Землетрясения Камчатки 1737 года // Вестник КРАУНЦ, Науки о Земле. 2011. № 2. Вып. 18. С. 220–229.
- Чуян Г. Н., Быкасов В. Е.* К вопросу о высоте цунами 1737 года на острове Беринга // Вестник РАН. 2013. Т. 83, № 4. С. 307–312.
- Briefe und Dokumente 1739 (G. W. Steller).* Halle, 2001. (Quellen zur Geschichte Sibiriens und Alaskas aus russischen Archiven. Bd. III).
- Chappe d'Auteroche.* Voyage en Sibérie, fait par ordre du roi en 1761, contenant la description du Kamtchatka... Т. II. Paris, 1768.
- Engel S.* Memoires et observation geographiques et critiques... Lausanne, 1765.
- Erman A.* Reise um die erde durch Nord-Asien und die beiden Oceane in den jahren 1828, 1829 und 1830. Bd. III. Berlin, 1848.
- Gmelin I. G.* Reise durch Sibirien von dem Jahr 1738 bis zu ende 1740. Т. III. Göttingen, 1752.
- Perrey A.* Documents sur les tremblements de terre et les phénomènes de volcaniques dans l'archipel des Kouriles et au Kamtschatka. Lyon, 1863.
- Postels A.* Bemerkungen über die Vulkane der halbinsel Kamtschatka, gesammelt auf einer Reise um die Welt in den Jahren 1826 bis 1829... // Mémoires présentés à l'Académie Impériale des Sciences de Saint-Pétersbourg par divers savans, et lus dans ses assemblées. Т. II. St.-Pétersbourg, 1833. P. 11–28.
- Prévost Abbé.* Continuation de l'histoire générale des voyages ou collection nouvelle... Т. XVIII. Paris, 1768.

*В. С. Соболев
Санкт-Петербургский филиал Института истории
естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН*

ПЛАВАНИЕ КОРАБЛЕЙ ОТРЯДА М. ШПАНБЕРГА 1739 г. (ПО МАТЕРИАЛАМ ВАХТЕННЫХ ЖУРНАЛОВ)

Перед Морским отрядом Второй Камчатской экспедиции правительством России была поставлена задача в ходе плавания достичь берегов Японии. Отряду, состоявшему из трех парусных кораблей под командой капитана М. Шпанберга, в результате очень трудного и продолжительного плавания в 1739 г., впервые в истории России, удалось достичь берегов Японии. Вахтенные журналы этих кораблей, хранящиеся в фондах Российского государственного архива Военно-Морского Флота (РГАВМФ), являются уникальным источником по истории освоения и научного исследования русского Дальнего Востока. В них содержатся весьма ценные и интересные, самые первые достоверные сведения о природных условиях Японии, о первых контактах с населением и т. д. В результате этой экспедиции было положено начало взаимному познанию двух народов и двух соседних стран.

Ключевые слова: Вторая Камчатская экспедиция, Морской отряд капитана М. Шпанберга, вахтенные журналы кораблей, первые достоверные сведения о Японии.

*V. S. Sobolev
St. Petersburg Branch of S. I. Vavilov Institute for the
History of Science and Technology of the RAS*

SAILING OF THE SHIPS OF M. SPANBERG'S DETACHMENT OF 1739 (BASED ON LOGBOOKS' MATERIALS)

The Russian government assigned the Naval Detachment of the Second Kamchatka Expedition to reach the shores of Japan during the voyage. The detachment, consisting of three sailing ships under the command of Captain M. Spanberg, as a result of a very difficult and long voyage in 1739, for the first time in the history of Russia, managed to reach the shores of Japan. The logbooks of these ships, stored in the Russian State Naval Archive, are a unique source on the history of the development and scientific research of the Russian Far East. They contain most valuable, interesting and the first reliable information about the natural conditions of Japan, as well as the first contacts with the population, etc. As a result of this expedition, the beginning of mutual acquaintance of the two peoples and two neighboring countries was laid.

Key words: Second Kamchatka Expedition, Marine Detachment of Captain M. Shpanberg, ship logbooks, the first reliable information about Japan.

Одной из основных задач Второй Камчатской экспедиции было плавание к берегам Японии. Правительством императрицы Анны Иоанновны указанная задача формулировалась вполне конкретно — «сыскание к Японии пути». Это было поручено отряду капитана Мартына Шпанберга. В состав отряда входило три корабля: бригантин «Архангел Михаил», которой командовал сам М. Шпанберг; пакетбот «Святой Гавриил» под командой лейтенанта В. Вальтона и дубель-шлюпка «Надежда» под командой мичмана А. Шельтинга. Корабли в 1739 г. совершили успешное плавание к берегам Японии. Экспедиция проходила в крайне сложных погодных условиях: постоянные штормы, туманы и сильные течения, часто изменявшие свое направление. Корабли достигли островов Уруп и Хоккайдо, русские люди впервые побывали на территории соседнего государства, впервые удалось установить контакты с местным населением, были собраны и первые достоверные сведения о Японии, уточнены существовавшие географические карты данного региона.

Следует отметить, что царское правительство придавало исключительно важное значение результатам экспедиции к берегам Японии. В начале 1740 г. президент Адмиралтейской коллегии Н. Головин получил доношения В. Беринга и М. Шпанберга о плавании в Японию, были доставлены также и некоторые «вещественные доказательства» успеха экспедиции: раковины, ветви деревьев, цветы. Глава Кабинета министров А. Волюнский доложил об этом императрице Анне Иоанновне. В связи с важностью события последовал указ императрицы все доношения и вещи немедленно передать в Кабинет министров. Одновременно с этим Кабинетом министров было дано указание членам Адмиралтейской коллегии о том, чтобы о данном факте «никому не объявляли и содержали то секретно».

Таким образом, имперская верховная власть придавала особую государственную значимость результатам экспедиции к берегам Японии, считала необходимым сохранять секретность сделанных открытий. Это обуславливалось и стремлением к возможным новым территориальным приобретениям и к возможным будущим успехам морской торговли. Видимо, лавры, достигнутые на данном поприще рядом европейских государств, волновали некоторые государственные умы в столице Российской империи. Кроме того, нельзя забывать и тот факт, что успешное плавание отряда М. Шпанберга стало одним из оправданий больших затрат государства на Вторую Камчатскую экспедицию.

В фондах Российского государственного архива Военно-Морского Флота хранятся вахтенные журналы всех кораблей отряда М. Шпанберга. Указанные архивные документы уникальны по своему характеру и достаточно объективны по содержанию. В журналах вахтенными офицерами велись ежедневные записи обо всех важных событиях, происходивших на кораблях. Причем записи производились непосредственно за происшедшими событиями, и данное обстоятельство повышает достоверность этих исторических источников.

Эти документы представляют для исследователей особый интерес и значимость потому, что являются одними из наиболее интересных сохранившихся и известных сегодня источников по истории Второй Камчатской

экспедиции. Рукописные тексты журналов представляют характерный образец служебной скорописи первой половины XVIII в., это обуславливает сложность их прочтения и транскрипции.

Нами были изучены вахтенные журналы трех кораблей — «Архангел Михаил», «Святой Гавриил» и «Надежда» — за 1739 г. При этом тщательно исследованы все записи, в которых имеются хоть какие-либо сведения, свидетельствующие о достижении конечной цели экспедиции. Полученная информация была обобщена и проанализирована. В результате проведенной научной систематизации мы посчитали возможным весь полученный фактический материал подразделить на несколько основных групп по предметному признаку. В данной статье мы попытаемся изложить этот материал по двум вопросам:

- описание природных условий;
- сведения этнографического характера;

Описание природных условий

Прибывшие к берегам Японии русские моряки не без основания считали себя первооткрывателями неведомых территорий. Поэтому они полагали, что их внимания и фиксации заслуживают все, пусть даже и незначительные, природные явления. Так, 19 июня 1739 г. в вахтенном журнале пакетбота «Святой Гавриил» появилось описание очередной стоянки корабля невдалеке от японского берега: «Залив, в который впадают три малые речки. В середине стоит большой город, а на восточной стороне залива малая деревня. Земля здесь весьма плодородна, содержит множество рогатого скота, лошадей и полевых птиц...»¹.

Любопытно, на наш взгляд, продолжение этой записи, где вахтенный офицер как бы пытался дать ответ на конкретный вопрос инструкции, полученной моряками из Петербурга, о разыскании «несметных богатств» на вновь открытых островах (по понятным причинам данное обстоятельство представляло для царского правительства сугубый интерес). Видимо, в связи с подобной постановкой вопроса в журнале и было отмечено: «Но если на сей же земле много золота и жемчуга, винограда и сорочинского пшена² и других фруктов, но всего по краткости времени осмотреть было невозможно»³.

Несколькими днями позже в журнал того же корабля было помещено описание посещения моряками другого острова. На землю направили шлюпку за пресной водой и «для описи» (т. е. описания природных особенностей острова). В тот день моряки привезли с земли на борт корабля ценные «трофеи»: «несколько трав, 2 жемчужных раковины, ветвь дерева и с фруктом, еще ветвь с перцем...»⁴. Скорее всего, именно об этих предметах и было доложено главой Кабинета министром А. Волыньским императрице Анне Иоанновне.

Русские моряки занесли в вахтенные журналы и впервые полученные сведения по топонимике вновь открытых территорий. Так, 12 июля 1739 г.

¹ РГАВМФ. Ф. 913. Оп. 1. Д. 38. Л. 186.

² Здесь имелся в виду рис.

³ РГАВМФ. Ф. 913. Оп. 1. Д. 38. Л. 186.

⁴ Там же. Л. 188 об.

вахтенный офицер дубель-шлюпки «Надежда» отметил: «Увидели мы остров — это “Нючима”. Да на правой стороне остров расстоянием с полторы мили голландской от нас. По рассказу жителей другой тот остров, имянуемый “Дейкунжир”»⁵. Интересные сведения содержатся в журнале бригаантини «Архангел Гавриил» после посещения ее моряками 4–5 июля 1739 г. острова под названием «Фигурный». В первый день направленные на берег моряки привезли бочку пресной воды, и с их слов было занесено в журнал следующее описание природных условий острова: «На том острове растет лес березовый, и еловый, и жимолосник, и на подобие вереса, токмо другога роду, и трава слаткая, и сарана, и смородина, и протчие травы, которых за неведение написать неведомо»⁶.

На другой день привезли «з берегу виноградную ветвь и цветов разных»; кроме того, «видели на том острове людей 7 человек и собаку, которую оне ловили и не изловили...»⁷. Надо полагать, островитяне хотели собачку съесть, но на сей раз эта попытка успехом не увенчалась.

Отметим, что русскими моряками предпринимались попытки проведения первых гидрографических исследований у берегов Японии. Так, в журнале бригаантини «Архангел Михаил» имеется запись от 6 июля 1739 г. о том, что «штурману Петрову повелено осмотреть онога Фигурного острова губу, вымерять в ней глубину и удобна ли она губа быть гаванью для отстою»⁸. Эти действия следует расценивать как попытки обеспечить безопасность будущих плаваний русских кораблей к берегам Японии. Истории было угодно распорядиться так, что через 120 лет присутствие русских военных кораблей в этих японских бухтах стало практически постоянным и будущим поколениям русских моряков оказались полезны результаты, полученные той далекой экспедицией 1739 г.

Сведения этнографического характера

У русских моряков вызвали живой интерес образ жизни, характерные привычки, быт населения вновь открытых территорий, то есть этнографические особенности. Поэтому в вахтенных журналах об этом также были сделаны соответствующие записи. Так, вахтенный офицер дубель-шлюпки «Надежда» 23 июня 1739 г. отразил в журнале свои первые впечатления от встречи с представителями населения: «Платье на них бумажное, стеганое, а сверху того покрывается травяными скрепами, ради мокроты и шляп травяных. Ходят без штанов. Волосы убраны на верх головы и завязаны»⁹.

9 июля 1739 г. восемь японцев побывали на борту бригаантини «Архангел Михаил». Об этом событии также сделана подробная запись в вахтенном журнале. Впечатления русских моряков от этой встречи оказались яркими: на их взгляд, японцы были «сходны по персоне Курильских народов и ходят в платье долгом и пестром и нашитом на них камка разныя и босы ходят, и по

⁵ РГАВМФ. Ф. 913. Оп. 1. Д. 47. Л. 26 об.

⁶ РГАВМФ. Ф. 913. Оп. 1. Д. 38. Л. 76 об.

⁷ Там же. Л. 77 об.

⁸ Там же. Л. 78 об.

⁹ РГАВМФ. Ф. 913. Оп. 1. Д. 47. Л. 17.

ногам и по всему телу волос, и бороды у них великия, продолговатые, черные. У некоторых в ушах имеются кольца серебряные»¹⁰.

Особый, можно сказать профессиональный, интерес русские моряки проявили к морским судам, на которых плавали японцы. Так, 17 июня 1739 г. вахтенный офицер пакетбота «Святой Гавриил» отметил в журнале: «Увидели мы 39 судов, идущих от земли, которые почел я за купеческие. Каждое с одной мачтой и четырехугольным парусом. На некоторых судах паруса были полосатые — белые с синим, на других — все белые»¹¹. Через день, 19 июня 1739 г., в этом же журнале появилась новая запись на эту же тему: «...подошло более 100 судов. Все оные суда имеют четырехугольные, ровные бумажные паруса длиной окло 30 футов, а шириной окло 15¹². Длина самих судов окло 30 футов, а ширина окло 10 и весьма остры с носу и с кормы. В штиль ходят на 4-х веслах весьма быстро»¹³. Наверное, опыт японцев в этом плане был весьма интересен для русских моряков, так как Япония, будучи островным государством, имела глубокие морские традиции.

Известно, что русские моряки неоднократно высаживались на берег с целью пополнения своих запасов пресной воды, продовольствия и дров. Однако при этом они старались не входить в японские селения из-за опасения возникновения возможных конфликтов. Поэтому они с интересом наблюдали за японскими населенными пунктами с некоторого расстояния. Так, на бригантине «Архангел Михаил» 18 июня 1739 г. записали в журнале: «...в четырех местах видели жильё и близь того их жилья насеяно было видно хлеба, а какого тож неизвестно»¹⁴. То есть за дальностью расстояния моряки не смогли определить, чем были засеяны эти поля.

Некоторые черты в поведении японцев вызвали удивление у русских людей. Так, во время упоминавшейся выше встречи на борту бригантин «Архангел Михаил» 9 июля 1739 г. японцы, увидев на корабле живого петуха, «стали на колени перед ним и принося руки ко лбу кланялись жестоко»¹⁵. Наверное, отдельные моменты поведения и быта русских моряков также удивляли жителей японских островов. Полагаем, что одним из положительных результатов экспедиции М. Шпанберга стало то, что было положено начало взаимному познанию двух народов и двух различных культур.

В заключение представляется вполне возможным сделать вывод о том, что вахтенные журналы кораблей, участвовавших во Второй Камчатской экспедиции, являются интересным и ценным источником по ее истории. Полагаем, что в будущем следует продолжить более глубокое изучение этих архивных документов и их публикацию.

Список источников

РГАВМФ. Ф. 913. Оп. 1. Д. 38, 47.

¹⁰ РГАВМФ. Ф. 913. Оп. 1. Д. 38. Л. 81 об.

¹¹ Там же. Л. 185.

¹² 1 фут равен 30 см — следовательно, размер парусов был 9 × 4,5 м.

¹³ РГАВМФ. Ф. 913. Оп. 1. Д. 38. Л. 186.

¹⁴ Там же. Л. 60 об. — 61.

¹⁵ Там же. Л. 81 об.

А. К. Сытин
Ботанический институт им. В. Л. Комарова РАН

**BIBLIOTHECA BOTANICA:
ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ БОТАНИЧЕСКОЙ БИБЛИОТЕКИ
АКАДЕМИКА ИОГАННА АММАНА (1707–1741)***

По сохранившемуся реестру восстановлен состав ботанических книг из личной библиотеки академика Санкт-Петербургской академии наук Иоганна Аммана. Количество и содержание книг отражают начало специализации ботаники и ее обособления от медицины. Шесть книг Линнея в личном пользовании Аммана свидетельствуют о диалоге оппонентов во время становления линнеевского метода.

Ключевые слова: XVIII век, архивные фонды, реконструкция ботанической библиотеки, Амман, метод Линнея.

А. К. Sytin
V. L. Komarov Botanical Institute of the RAS

**BIBLIOTHECA BOTANICA:
RECONSTRUCTION EXPERIENCE OF THE BOTANICAL LIBRARY
OF ACADEMICIAN JOHANN AMMAN (1707–1741)**

A set of botanical books has been restored in accordance with the preserved register of the personal library of Johann Amman, academician of the St. Petersburg Academy of Sciences. The number and contents of the books reflect the beginning of specialization of botany and its separation from medicine. The six books by Linnaeus in Amman's personal use indicate the dialogue between the opponents during the formation of the Linnaean method.

Key words: 18th century, archival collections, reconstruction of the botanical library, Amman, Linnaeus method.

Иоганн Амман, 26-летний уроженец г. Шафхаузен в Швейцарии, 27 февраля 1733 г. заключил контракт с Петербургской АН и занял должность профессора ботаники и натуральной истории. Через три года на 2-й линии Васильевского острова он основал Ботанический сад Петербургской академии наук (1736). Обосновывая это проект, Амман доказывал, что сад

* Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 20-011-42010 (Петровская эпоха).

«необходимо надобен для заводу, севу и рассаживания из многих европейских краев, а особливо из Казани, из Астрахани, из Сибири и из Китая в Академию наук присланных семян... также и ради обучения молодых людей ботанике»¹. В 1740 г. он просил администрацию построить в саду оранжерею «для рощения и размножения присылаемых из Сибири от профессоров Камчатской экспедиции трав и деревьев»². В фондах Санкт-Петербургского филиала Архива РАН сохранились рукописные каталоги живых коллекций Ботанического сада.

Сочинение «*Stirpium rariorum in Imperio Rutheno sponte provenientium icones et descriptions collectae. Instar supplementi ad Commentar. Acad. Scient. Imper. 1739*» (Собрание рисунков и описаний редких растений, искони произрастающих в Российской империи. Вместо приложения к Комментариям имп. Акад. Наук, 1739) является наиболее крупной работой Аммана. В нем описано 285 видов растений, в том числе собранных И. Буксбаумом (Амман был редактором томов его «*Plantarum minus cognitarum*»), найденных Д. Г. Мессершмидтом, И. Г. Гmeliном и Г. В. Стеллером в Сибири, И. Г. Гейнцельманом в Поволжье и южном Предуралье. Вместе с И. Г. Гmeliным Амман готовил первый том каталога коллекций Натурального кабинета Кунсткамеры «*Musei imperialis Petropolitani Vol. I*» (1745). Не ограничиваясь лишь кабинетными занятиями, Амман на натуре изучал флору окрестностей Петербурга и собирал гербарий³.

Переписка И. Аммана обширна и велась на латинском, русском, французском, немецком и английском языках. Среди его корреспондентов П. А. Демидов — любитель ботаники, богатейший промышленник и благотворитель, с которым Амман обменивался семенами редких оранжерейных растений. До последних дней Амман вел оживленную переписку с Хансом Слоаном (Лондон), регулярный обмен письмами происходил с Я. Т. Клейном (Данциг), И. Ф. Гроновиусом (Лейден), И. Г. Гейнцельманом (Уфа и Самара), А. А. Риндером (Оренбург и Самара)⁴.

И. Амман был хорошо знаком с европейской традицией организации ботанических садов и естественно-научных коллекций — он учился в Лейдене у знаменитого профессора медицины и одного из влиятельнейших ботаников своего времени Германа Бургаве. «*Index Alter Plantarum Quae In Horto Academico Lugduno-Batavo Aluntur*» (Лейден, 1720) последнего был одним из наиболее часто цитируемых сочинений того времени. По рекомендации Бургаве И. Амман стал одним из кураторов огромной коллекции сэра Ханса Слоана в Лондоне, впоследствии ставшей основой Британского музея (естественной истории). Таким образом, приняв предложение Петербургской АН, Амман привнес в развитие русской ботаники влияние

¹ Лукина Т. А. Ботанический сад Петербургской Академии наук во второй половине XVIII века // Из истории биологических наук. Вып. 1. М. ; Л., 1966. С. 118.

² Там же.

³ Караваев М. Н. Старейшая коллекция растений Санкт-Петербургской флоры (сборы акад. И. Аммана в начале XVIII века) // Бюллетень МОИП. Отд. биол. 1969. Т. 74, вып. 4. С. 148–150.

⁴ Переписка Аммана хранится в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН: СПбФ АРАН. Р. I. Оп. 74-а.

голландской и английской научных школ. Возможно, согласно последней, в расположении растений в каталоге «Herbarium Ammanianum» в «*Musei imperialis Petropoltani Vol. 1 Pars 2*» (1745) отдано предпочтение системе Джона Рэя⁵, тогда как расположение гербария в петербургской Кунсткамере следовало системе Турнефора, о чем Амман докладывал собранию академиков 24 января 1735 г.⁶

Необходимость постоянного обращения к ботаническим справочникам являлась частью практики медиков, ботаников и садовников в первой половине XVIII столетия. Это обуславливалось не только потребностью в идентификации растений, но и сложностью ботанической номенклатуры: названия растений состояли из длинных полиномиалов с перечислением многочисленных эпитетов родового названия. Нередко приводились синонимы названий, использованные несколькими авторами, — словом, «the labyrinth of pre-Linnaean terminology», по выражению Брайса (W. J. Bryce), требовал постоянного обращения к литературе. Цитирование первоисточников в ботанических трудах определялось набором книг, окружавших автора. Он мог быть довольно обширен, если работа создавалась вблизи академических библиотек, или ограничен, когда автор находился в полевых условиях экспедиции.

Литература по медицине и ботанике, используемая для обучения, была столь же богата и разнообразна. Количество книг для студентов созданного при Академии университета требовало оптимального пространства для их хранения. В Петербурге, где И. Амман читал лекции, эти книги помещались в знаменитом «Боновом доме», приобретенном у Карла фон Бреверна в 1739 г. Академией наук за 1500 руб. «для содержания академического ботанического огорода, на сохранение и ращение в нем разных семян и трав и для содержания ботанических книг на обучение молодых людей»⁷.

Крупные сочинения ботаников долинеевского периода нередко содержали библиографический раздел, посвященный использованным источникам. Образец такого рода справочника содержит работа Турнефора «*Elemens de botanique, ou Methode pour connoître les plantes. I*» (1704), где приведены сокращения, удобные для цитирования, а потому ставшие почти каноническими. Линней посвятил источникам специальный труд «*Bibliotheca Botanica*» (Ботаническая библиотека), изданный отдельной книгой (1736); соответствующий раздел имеется и в его «Философии ботаники». Единственная крупная работа И. Аммана «*Stirpium rariozum...*» специального раздела по использованным источникам не имеет. Тем не менее в тексте имеются ссылки на труды и «отцов ботаники», каковыми были признанные авторитеты Каспар Баугин или Турнефор, и коллег по Петербургской академии, в том числе еще не опубликованный пятый том

⁵ Bryce W. J. A Botanist's Paradise. The Establishment of Scientific Botany in Russia in the Eighteenth Century. Royal Horticultural Society. 2008. P. 91.

⁶ Летопись Российской Академии наук : в 4 т. СПб., 2000–2007. Т. 1 : 1724–1802. 2000. С. 150.

⁷ Пекарский П. П. История Императорской Академии наук в Петербурге. Т. 1. СПб., 1870. С. 496.

«Восточных центурий» Буксбаума; цитируются рукописные дневники Мессершмидта и Гмелина, нередко упоминается и «знаменитый Линней».

После безвременной смерти Иоганна Аммана в возрасте 34 лет, последовавшей 4 декабря 1741 г., в отсутствие прямых наследников (его жена Анна-Елисавета, урожденная Шумахер, скончалась вскоре после свадьбы), делами об имуществе покойного занимались академик И. Вейтбрехт и иностранный купец И. Штегелин. В Ботанический сад был передан гербарий в «двенадцати ящиках и более нежели в пяти тысячах трав состоящих», оцененный в 400 руб.⁸ В Академическую библиотеку поступили книги Аммана по списку, заверенному Иоганном Таубертом⁹ (ил. 1 на цв. вкл.). Предварительный анализ этого списка показал следующие результаты.

Из содержащихся в списке 104 наименований книг по содержанию можно распределить их по следующим разделам, указав соответственно количество книг: ботаника — 23, зоология — 5, естествознание — 2, география и путешествия — 4, минералогия — 1, химия — 2, физика — 1, философия — 3, медицина — 15, фармакогнозия — 4. Книги разного содержания — 23. Таким образом, книги по естественным наукам и медицине составляют больше половины списка, меньшую часть — книги разного содержания, в том числе по философии, магии и т. д.

Среди естественно-научной литературы очевидно преобладают ботанические книги, что отражает интересы и специализацию И. Аммана. Выяснение состава этих книг является темой настоящей публикации. При изучении рукописного текста возникали определенные трудности, связанные как с неразборчивостью почерка, так и с сомнениями в идентификации названия книги по краткому обозначению его в манускрипте. Однако ряд названий удалось установить с большой долей вероятности. Мы указываем порядковый номер по списку Тауберта и русское обозначение названия, приведенное составителем списка, заключив его в кавычки — «...». Затем следуют название предполагаемого издания и краткий комментарий о его авторе.

«№ 25. Лобеля книга о травах» — неясно, какая именно из нескольких книг «о травах», написанных Лобелем, имелась у И. Аммана. Возможно, это была изданная в Антверпене «*Plantarum seu stirpium icons*» (1581) или «*Icones stirpium, seu plantarum tam exoticarum*», изданная там же (1591). Иллюстрации в них, заимствованные главным образом у самого влиятельного ботаника того времени Карла Клузия (1525–1609), вызвали немало критических отзывов за диковинные изображения растений. Впоследствии отмечалась ценность попытки Лобеля расположить растения в соответствии с родством и наблюдений ботанико-географического характера.

Лобель (Лобелиус), Маттиас (Lobelius, Matthias de l'Obel; 1538–1616) — фламандский ботаник, обучавшийся в университете Монпелье, закончивший жизнь в Англии.

«№ 23. Трага травник на немецком языке» — *New Kreuterbuch von Unterscheidt, Würckung und Namen der Kreuter, so in teutschen Landen*

⁸ Анфертьева А. Н. Иоганн Амман в Санкт-Петербургской Академии наук // Швейцарцы в Петербурге. СПб., 2002. С. 323.

⁹ СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 81. Л. 173–175.

wachsen / von Hieronymus Bock. Straßburg, 1546. Это самая старинная книга в собрании И. Аммана. Однако известна и другая книга Бока (Трагуса): «*New Kreutterbuch von underscheydt, Würckung und Namen der Kreutter*», иллюстрированная 570 раскрашенными гравюрами, также изданная в Страсбурге в 1577 или 1580 г. (ил. 2 на цв. вкл.).

Бок, Иероним (Bock, Hieronymus; 1498–1554), называемый Трагус, — один из ранних немецких ботаников XVI в. Исследователь истории ботаники Эдуард Ли Грин полагал, что Бок внес заметный вклад в развитие ботаники тем, что в известной степени стал первооткрывателем значимости тычинки и пестика в структурной морфологии цветка, что позволяет считать его предвозвестником концепции Линнея¹⁰.

«№ 50. Табернемонтана Фигуры трав». «*Neww Kreutterbuch*» — изображение и описание трав Северной Европы и их лекарственных свойств. Наиболее значимо третье издание 1613 г., отредактированное Каспаром Баугином.

Табернемонтанус, Якоб Теодор (Tabernaemontanus, Jacobus Theodorus; 1522(?)–1590) — ученик и продолжатель исследований Бока. По совету последнего придал книге карманный формат, немало способствовавший ее популярности.

«№ 90. Баугина Реэстр плантов Базеля».

Баугин, Каспар (Bauhin, Caspar; 1560–1624) в капитальной сводке «*Pinax Theatri Botanici*» (Базель, 1623) упорядочил ботаническую номенклатуру и свел в синонимы названия растений, употреблявшиеся его предшественниками. И. Амман неоднократно цитировал это произведение как «С. В. Р.» — согласно общепринятой аббревиатуре.

«№ 22 Додонея История трав».

Додунс, Ремберт (Dodonaeus (Dodoens), Rembert; 1517–1585) — бельгийский ботаник, в своем сочинении «*Frugum Historia*» (1552) разделил растения на шесть групп. Одну из них составляли грибы. Додунс одним из первых понял необходимость создания естественной системы растений.

«№ 38. Германа Рай голанской».

Германн, Пауль (Hermannus, Paulus; 1646–1695) — профессор ботаники в Лейдене и директор Лейденского ботанического сада. Имеется в виду «*Paradisus Batavus*» Пауля Германна — посмертно изданная в 1698 г. книга (2-е изд. в 1705). Цейлонские растения в гербарии Германна представляли исключительную ценность и были куплены Д. Петивером для лондонской коллекции Ханса Слоана.

«№ 12. Петивера травник английской».

Петивер, Джеймс (Petiver, James; 1663–1718) — английский натуралист, член Лондонского королевского общества (1695). В 1711 г. приобрел в Лейдене коллекции Пауля Германна (Hermannus, Paulus) для Ханса Слоана. Последним, незадолго до смерти Петивера, приобретен его личный гербарий, который хранится в Британском музее (естественной истории). Его основной труд: *Petiver, J. Museum Petiverianum*. 8 vols. (1695–1703). Сочинения Петивера нередко цитировал Линней.

¹⁰ Лебедев Д. В. Очерки по ботанической историографии (XIX — начало XX в.). Л., 1986. С. 147.

«№№ 33–34. Турнефорта путешествие на восток два вольмина».

Турнефор, Жозеф Питтон де (Tournefort, Joseph Pitton de; 1656–1708) — профессор ботаники в Коллеж де Франс. Совершил путешествие по странам Леванта, а также побывал в Турции и на Кавказе (1700–1702). Посмертное описание этого путешествия — «*Relation d'un voyage du Levant*» (Paris, 1717) в двух томах («два вольмина»), помечено двумя номерами в списке книг Аммана, составленном Таубертом. Другое сочинение, имевшееся в библиотеке Аммана, — «№ 94. Турнефорт Школа ботаническая» («*Schola Botanica*») — каталог растений парижского ботанического сада, изданный в Амстердаме в 1691 г.

Большое значение для развития ботанической систематики имело сочинение Турнефора «*Elémens de botanique, ou Méthode pour connoître les Plantes*» (3 vol. Paris, 1694) — прежде всего с точки зрения упорядочения представления о роде как таксономической категории.

«№ 39. Боссо Фигуры в описании редких трав Сицилии» («*Vocco[ne] Paulus Icones & descriptiones rare plante della Siciliae, Melitae, Galliae, Italiae. Oхonii 1674*»).

Бокконе, Пауло (Voccone, Paulo; 1633–1703) — итальянский монах ордена цистерцианцев, много путешествовавший по Южной Европе.

«№ 13. Шейхцер травник».

Шейхцер, Иоганн Якоб (Scheuchzer, Johann Jakob; 1672–1733) — швейцарский естествоиспытатель, член Лондонского королевского общества (1703). Важнейшими работами являются исследование злаков «*Agrostographia sive... historia, authore Johanne Scheuchzera*», изданное в Цюрихе (Tiguri, 1719), а также описание его путешествия по Швейцарии.

«№ 26. Брейна собрание редких трав».

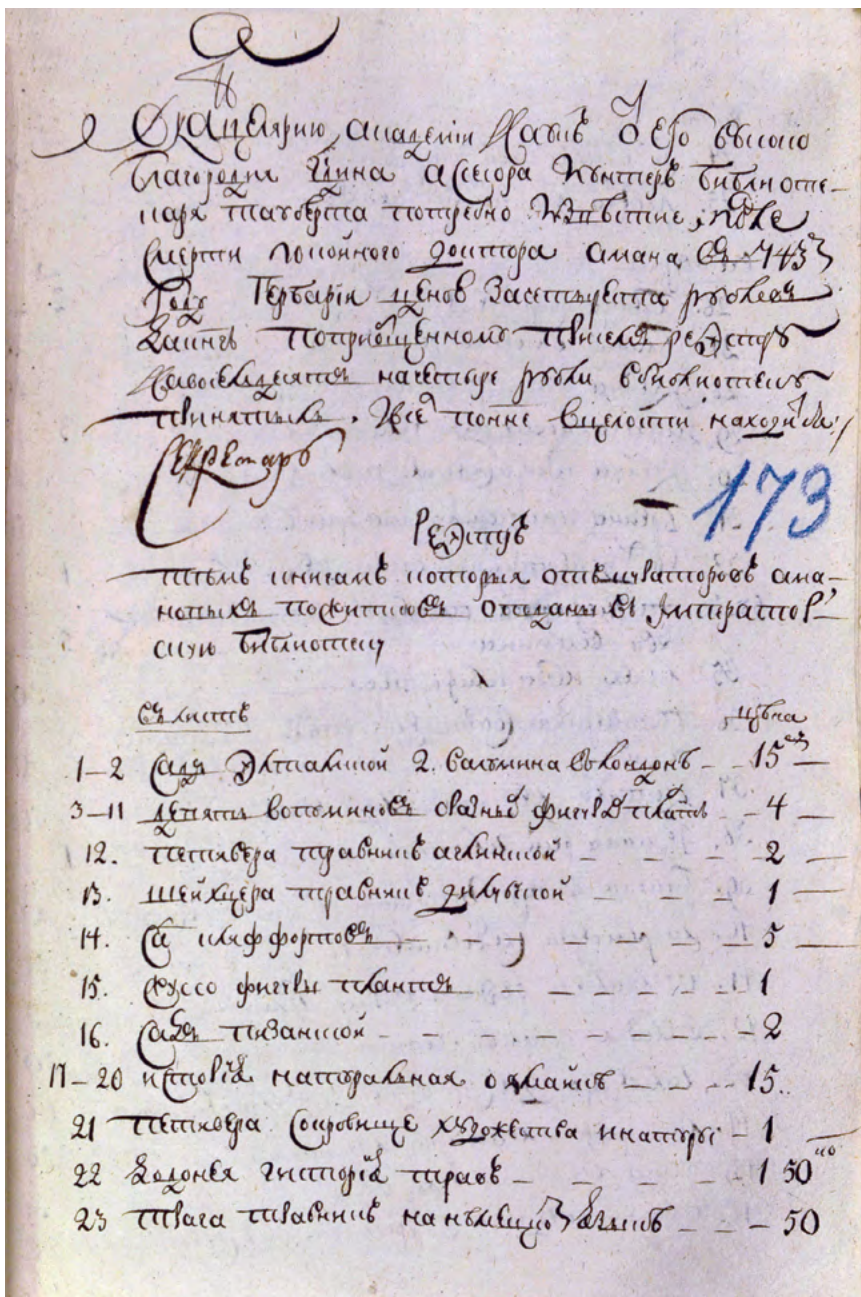
Видимо, имеется в виду книга о растениях капской флоры Иоганна Филиппа Брейна (Breune, Johann Philipp; 1680–1764), сына Якоба Брейна (1637–1697). Отец и сын являлись владельцами знаменитого Натурального кабинета в Данциге (Гданьск), в котором, в частности, работал молодой Д. Г. Мессершмидт. И. Амман состоял в переписке с Брейном. Брейн был корреспондентом Слоана, членом Лондонского королевского общества (1703) и академии «Леопольдина» (1715).

Жителем Данцига был и знаменитый натуралист — Якоб Теодор Клейн (Klein, Jacob Theodor; 1685–1759), уроженец Кёнигсберга, иностранный почетный член Петербургской АН (1756). В библиотеке И. Аммана имелись две его книги: «№ 28. “Натуральная история о рыбах”» — это «*Historia piscum naturalis*» (1740), а также «№ 30. Изображение камней» — видимо, это «*Sciographia lithological curiosa, seu: Lapidum figuratorum pomeclator...*» (1740). Клейн устроил небольшой ботанический сад в Данциге. О его интересе к растениям говорит сочинение о молочаях «*An Tithymaloides*» (1730).

«№ 79. Ройена Флора лейденская».

Ройен, Адриан ван (Rouen, Adriaan van; 1704–1779) — профессор ботаники Лейденского университета. Его книга «*Florae leydensis prodromus, exhibens plantas quae in Horto academico Lugduno-Batavo aluntur*» ([Leiden], 1740) была одним из первых сочинений, где принята линнеевская бинарная номенклатура.

К статье А. К. Сытина
 «BIBLIOTHECA BOTANICA: опыт реконструкции
 ботанической библиотеки академика Иоганна Аммана (1707–1741)»

Ил. 1. Список книг из библиотеки Иоганна Аммана
 (СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 81. Л. 173)

Namen vnd Wirkung. I Theil.

207.
ccvii

Innerlich.

Dieser Gürtel in wein gesotten vñ dauon gedruncken/ zermalt de stein/ Stein.
Für in auß/ vnd sol ein gewis experiment sein. Welche distillieren ein
schön wasser auß diesem kraut/ vnd brauchens zu gedachten presten.

Äusserlich.

Belappen kraut zerstoffen/ oder in wein gesotten/ vñ auff alle hitzige
presten gelegt/ vertreibt den schmerzen/ vñ legt die hitz/ dient seer wol Hitzige pre-
sten.
Podagra.
zum hitzigen podagra / vbergelegt.
Das kraut wenig od vil nach dem ein weinfass groß oder klein ist/ in den
weyden zähnen seygen wein gehengt/ bringt den selbst in kurzem tagen
wider zu recht.

Von Dertzen Violon. Cap. CXC

Wir wollen wir
der an die blü-
men/ vñnd erstlich
von den lieblichen
wolriechende schwar-
zen violen sagen/ der
selben sind zwei ge-
schlecht/ zam vñnd
wild/ die edelste vñnd
zamen tragen ganz
schwarz braune
blümlin / etliche
ganz schneeweis/ d
findt man gar selten
dise zwu riechen bede
wol. Die dritten wild
den violen tragen
bloufarbe blümlin/ on
geruch / dise violen
zam vñnd wild ha-
be alle einerlei kraut/
runde bleetter / schier
wie die Haselwurz
oder wie die Grund-
reben/ oder Ephew-
laub/ das kraut staz-
dert auff dem grund
wie das Erdbeer-
kraut on stengel/ die
vñnd iij

Sunda vides
len.
Forme.

Violon wachsen an kleinen nacketen stelen / die sind wie nez sädert

Ил. 2. Страница из книги Иеронима Бока (Трагуса) «Kreutterbuch...»
(Страсбург, 1580)

Ил. 3. Фронтиспис из книги Карла Линнея «Hortus Cliffortianus» (Амстердам, 1737).

На нем в образе лучезарного бога Аполлона изображен сам Линней в окружении аллегорических персонажей и символов. Книга — шедевр ботанической литературы, содержащий многие роды и виды растений, описанные Линнеем, с их гравированными изображениями работы художников G. D. Ehret и J. Wandelaar

Ил. 4. Карл Линней. Flora Lapponica. Амстердам, 1737.
Эта книга — результат путешествия К. Линнея по Лапландии в 1732 г.
В ней описано 534 вида растений

Особый корпус составляют сочинения Карла Линнея (Linnaeus, Carl von; 1707–1778):

«№ 35. Линнея Сад Клиффортов» — «Hortus Cliffortianus» — совместный труд Линнея и мастера ботанической иллюстрации Георга Эрета (в гравюрах Яна Ванделаара). Этот шедевр создан на средства Георга Клиффорта, банкира и одного из директоров Ост-Индской компании, и содержит описание живых растений, произрастающих в частном ботаническом саду Клиффорта в Гартекампе. Особый раздел посвящен ботанической литературе (Bibliotheca Botanica Cliffortiana) (ил. 3 на цв. вкл.).

«№ 62. Линнея Система Натура» — «*Systema naturae, sive Regna tria naturae. Systematice proposita per Classes, Ordines, Genera & Species*» (Lugduni Batavorum, 1735).

«№ 63. его же Критика ботаническая» — «*Critica botanica, in qua nomine plantarum generica, specifica et varianta examini subjunctur; selectiora confirmantur indigna rejunctur; simulque doctrina circa denominationem plantarum traditur; seu Fundamentorum botanicorum*» (Leiden, 1737).

«№ 64. его же Роды Плант» — «*Genera plantarum*» (Lugduni Batavorum, 1737).

«№ 65. его же Короллариум» — «*Corollarium genera plantarum, exhibens genera plantarum sexaginata, addenda prioribus characteribus, expositis in generis plantarum. Accedit Methodus Sexualis*» (Leiden, 1737).

«№ 66. его же Флора лапландская» — «*Flora Lapponica, exhibens plantas per Lapponiam crescentes, secundum systema sexuale*» (Amsterdam, 1737). Эта книга с автографом И. Аммана и частью дарственной надписи К. Линнея хранится в Библиотеке Ботанического института им. В. Л. Комарова РАН. Е. Г. Бобров приводит отрывок из письма Аммана (ноябрь 1737 г.): «По твоей системе к одному и тому же классу относятся растения, которые ничего, кроме числа тычинок и пестиков, не имеют общего и во всех прочих частях различнейшие»¹¹ (ил. 4 на цв. вкл.).

Имеется лишь одна книга по садоводству: «№ 40. Лауремберга Садовничество».

Лауремберг, Петер (Lauremberg, Peter; 1585–1639) — «*Horticultura libris II. comprehensa huic nostro coelo et solo accomodata*» (1632).

Две книги посвящены описанию географии и природы Швейцарии, что естественно для Аммана-швейцарца, рожденного в Шафхаузене на Рейне, где шумит знаменитый водопад: «№ 101. Вагнера История натуральная Швейцарии».

Вагнер, Иоганн Якоб (Wagner, Johann Jacob; 1641–1695) — «*Historia naturalis Helvetiae curiosa: in VII. sectiones compendiosè digesta Impensis*» (Joh. Henrici Lindinneri, 1680), а также «№ 56. Галера Путь Швейцарской» — Albrecht Haller «*Iter Helveticum*» (Göttingen, 1740).

Галлер, Альбрехт фон (Haller, Albrecht von; 1708–1777) — швейцарский анатом, физиолог и натуралист. Исследователь флоры Альп. Одним из первых обратил внимание на изменчивость растений в зависимости от условий произрастания. Его образцовый свод источников — «Bibliotheca botanica».

¹¹ Бобров Е. Г. Карл Линней. Л., 1970. С. 247.

Qua scripta ad rem herbariam facientia a rerum initiis recensentur» (Vol. 2. 1771–1772) — представлял уже другую, послелиннеевскую эпоху.

«В Канцелярию Академии наук

Означенные в сем реестре книги покойного доктора Аммана ценной на восемьдесят четыре рубли приняты в Библиотеку в 1742 году и все налицо находятся; а что касается до Гербария ево, который взят в Кунсткамере в 1743 году, то из онаго при большем в Академических палатах пожаре сгорели первые девять классов, а прочие все налицо находятся кроме немного числа трав, кои при выносе растеряны, но которые также как и не малая часть згоревших из привезенных мною из Лондона и от Кавалера Слоана в подарок присланной коллекции укомплектованы быть могут. Иван Тауберт»¹².

Подводя итог анализа ботанической части библиотеки Иоганна Аммана, отметим, что состав книг указывает на начало специализации в области ботаники и постепенной дифференциации ее от медицины. Шесть книг К. Линнея в личном пользовании И. Аммана, при откровенном несогласии его с линнеевским методом, свидетельствуют о диалоге оппонентов. Деятельность Аммана как координатора связей по обмену семенами растений, книгами, разнообразной эпистолярной информацией способствовала возрастающему значению Петербурга как одного из ведущих центров мировой ботаники.

Автор благодарит сотрудников Санкт-Петербургского филиала Архива РАН за всемерную помощь в предоставлении документов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 81.

Анфертьева А. Н. Иоганн Амман в Санкт-Петербургской Академии наук // Швейцарцы в Петербурге. СПб., 2002. С. 321–325.

Бобров Е. Г. Карл Линней. Л., 1970.

Караваев М. Н. Старейшая коллекция растений Санкт-Петербургской флоры (сборы акад. И. Аммана в начале XVIII века) // Бюллетень МОИП. Отд. биол. 1969. Т. 74, вып. 4. С. 148–150.

Лебедев Д. В. Очерки по ботанической историографии (XIX — начало XX в.). Л., 1986.

Летопись Российской Академии наук : в 4 т. СПб., 2000–2007. Т. 1 : 1724–1802. 2000.

Пекарский П. П. История Императорской Академии наук в Петербурге. Т. 1. СПб., 1870.

Лухина Т. А. Ботанический сад Петербургской Академии наук во второй половине XVIII века // Из истории биологических наук. Вып. 1. М. ; Л., 1966. С. 117–141.

Bruse W. J. A. Botanist's Paradise. The Establishment of Scientific Botany in Russia in the Eighteenth Century. Royal Horticultural Society. 2008.

¹² СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 81. Л. 175.

Т. Г. Фруменкова

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

**Источники по истории
Московского воспитательного дома
в «портфелях Г. Ф. Миллера» в РГАДА**

Статья посвящена анализу источников по истории Московского воспитательного дома, сохранившихся в «портфелях Г. Ф. Миллера». Это, прежде всего, набросок исторической справки со сведениями по начальной истории благотворительного учреждения и рукописные тексты инструкций главному надзирателю и служащим воспитательного дома.

Ключевые слова: главный надзиратель, воспитательный дом, историческая справка, инструкция.

T. G. Frumenkova

A. I. Herzen State Pedagogical University of Russia

**SOURCES ON THE HISTORY OF THE MOSCOW FOUNDLING
HOME IN THE «PORTFOLIOS OF G. F. MÜLLER» IN
THE RUSSIAN STATE ARCHIVE OF ANCIENT ACTS**

The article is devoted to the analysis of sources on the history of the Moscow foundling home, preserved in the «Portfolios of G. F. Müller». This is, first of all, a sketch of a historical reference with information on the initial history of the charity institution and handwritten texts of instructions to the chief supervisor and employees of the foundling home.

Key words: chief supervisor, foundling home, historical reference, instructions.

Служба академика Г. Ф. Миллера на посту главного надзирателя Московского воспитательного дома была непродолжительной (1 января 1765 — 27 марта 1766)¹, но нашла отражение в документах заведения. В фонде 199 РГАДА («Портфели Г. Ф. Миллера») сохранилось восемь дел с материалами

¹ *Фруменкова Т. Г.* Г. Ф. Миллер — главный надзиратель Московского воспитательного дома // Миллеровские чтения: К 285-летию Архива Российской академии наук : сб. науч. статей по материалам Международной научной конференции, 23–25 апреля 2013 г., Санкт-Петербург / отв. ред. И. В. Тункина. СПб., 2013. С. 68, 73. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; вып. 4).

о службе историка в воспитательном доме. Среди них имеется и несколько оригинальных источников.

Прежде всего, это набросок «О состоянии Московского воспитательного дома. 1764–1766 гг.» — историческая справка о создании учреждения. Многие сведения, содержащиеся в этом историческом сочинении, также известны из других документов, но некоторые подробности событий 1763–1766 гг. собрал и сообщил только второй по счету главный надзиратель благотворительного заведения. Документ написан по-русски и имеет авторскую правку.

Справка открывается панегириком в адрес Екатерины II и ее деяний, типичным для современных императрице авторов. Не совсем обычно лишь то, что сочинение написано историком немецкого происхождения. Соотечественники Г. Ф. Миллера — историк А. Л. Шлёцер и протестантский богослов и педагог, директор училища при лютеранской церкви Св. Петра в Петербурге А. Ф. Бюшинг, которым проект Генерального плана воспитательного дома в 1763 г. был представлен на отзыв, — отнесли к нему критически. Шлёцеру не нравились сама идея воспитательных домов, масштабность замысла и недостаточное знакомство с проблемами физического воспитания и вскармливания найденнейшей².

А. Ф. Бюшинг считал невозможным реализовать планы создания «новой породы» людей в стране, не имеющей системы образования. Он утверждал, что в этом деле не следует рассчитывать на иностранцев. По его убеждению, «наставники народа должны принадлежать к нему же; поэтому он советовал принять меры для приготовления учителей из русских, учредить учительские семинарии, отправлять молодых людей для обучения за границу»³.

В отличие от них, Г. Ф. Миллер заявлял, что «между достопамятными происшествиями... владения Екатерины II, матери Отечества, несравненной мудростию и человеколюбием государыни, числится по достоинству премилосердно призрение Ее Величества к бедным несчастнорожденным младенцам, не токмо к избавлению их от погибели, но к снабдению же избавленных добрым воспитанием и обучением, дабы сделались полезными обществу человеческого членами»⁴. Автор сомневался, что «сие похвальное учреждение» кому-либо неизвестно, а «если кто об этом не довольно знает, то читать может книжку “Учреждение воспитательного дома”». Он не мог не упомянуть «о удивительных сего дома в столь краткое время успехах... Слухи о том, до отдаленных стран Европы дошедшие, толикою нам честь и похвалу приобрели, что сомневаться можно, громкие ли действия российских в прошедшие времена орудий всеобщую российскую славу больше умножали? Или паче сие препохвальное учреждение славу российскую в высшую степень не возводит ли?»⁵.

² Шлёцер А. Л. Общественная и частная жизнь Августа Людвиг Шлёцера, им самим описанная. Пребывание и служба в России, от 1761 до 1765 г. Известия о тогдашней русской литературе // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. 1875. Т. 13. С. 134–135.

³ Брикнер А. Г. Антон-Фридрих Бюшинг // Исторический вестник. 1886. Т. 25, № 7. С. 17–18.

⁴ РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Ед. хр. 394. Ч. 1. Д. 1. Л. 2.

⁵ Там же. Л. 2 об.

Г. Ф. Миллер подчеркивал, что воспитательный дом был «узаконен единственно на общих подаяниях», и императрица с наследником выделили ему значительные суммы. «Толь прещедрые примеры», по мнению историографа, побудили к пожертвованиям представителей духовенства, дворянства и жителей городов, «да что всего чрезвычайнее, явились в Голландии, в Женеве и в Берлине от иностранных человеколюбцев примеры нескудного к воспитательному дому благодеяния». Заявив, что «благодарность требует объявить подробно о сих подателях и о числе денег, ими пожертвованных», Миллер включил в справку список тех, кто сделал наиболее значительные подаяния, а также список опекунов и попечителей⁶.

Интересный раздел справки посвящен строениям воспитательного дома. Историк приводит несколько причин, которые были положены в основу поиска участка для размещения благотворительного учреждения. Автор утверждает, что для него потребовалось место «в середе города» (последние три слова были зачеркнуты в ходе редакторской правки). Дальнейший текст поясняет, что выбиралось место, во-первых, «для удобного приносу детей в середе Москвы, не в дальнем от середины города, на краю берегу реки Москвы», во-вторых, «для удобного привозу туда всяких материалов, припасов и дров». В-третьих, нужно было пространство «довольно обширное, дабы огромному каменному зданию с принадлежащими строениями вместиться». В-четвертых, место требовалось «порозжее⁷, дабы не нужно было закупать под оное с большим иждивением много жительских дворов, которые бы еще ломанием своим напрасного труда и иждивения причинили»⁸.

Историк дает точные сведения о расположении и особенностях подобранного участка. Место «сыскано и назначено было ниже Кремля и Китай-города от стены Китая, но понеже оное стеною Белого города разделено было надвое, которая и берег реки Москвы, там, где с Китаем соединяется, закрывала: то надлежало испросить Высочайшее соизволение сию стену разобрать, дабы от оной в строительстве было с пользою». Камень из стены Белого города предполагалось использовать для строительства. Екатерина приказала разобрать стену Белого города полностью как «излишнюю, мешающую проезду из Белого в земляной город», и материалы передать в воспитательный дом «для строения цейхауза». Позднее было заключено соглашение о том, что от воспитательного дома до Тверских ворот Белый город разбирают работники воспитательного дома, «а оттуда до Кремля — артиллерия» (служители артиллерийского ведомства).

Участок имел серьезный недостаток: «Правда, что положение забранного места низкое, и почти ежегодно от прибылой воды реки Москвы большей частью подтопляемо было, чего ради на оном и строение прежде не заводилось, но токмо был овощной огород, Васильевским садом называемый», а также «каменный пороховой и гранатный магазин», о чем сообщает вставка на полях. Это неудобство «рассудилось прекратить сперва осыпью,

⁶ Там же. Л. 2 об. – 17 об.

⁷ Порожнее, незастроенное.

⁸ РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Ед. хр. 394. Ч. 1. Д. 1. Л. 18.

а затем возвышением самого места с копанием рвов и каналов, чему уже и с успехом доброе учинено начало». Защищая сделанный выбор, академик напомнил, что «построены в других странах Европы целые пространные города» в местах, подтопляемых водой. Эти трудности, по его мнению, преодолеваются человеческими трудами «в ожидании большой из того ожидаемой пользы. Так и здесь рассуждать должно. Едва ли не сыщется в свете место, которое бы одними своими выгодами, без всяких притом неудобностей, хвалиться могло»⁹.

Г. Ф. Миллер рассказал и о начале строительных работ: «Между тем, что зимою с 1763 на 1764 год начато каменное строение, некоторое число материалов заготовлено и за нужное почли построить на первый случай несколько деревянных домов, а других в округе Васильевского сада лежащих купить, дабы было где жить людям и где держать детей, коих принятие далее отложить милосердное намерение не позволяло. Определена на то и Варварская школа близ Варварских ворот лежащая¹⁰, и школьники с учителями выведены на другое место, построены на пороховом магазине один верхней да другой возле него нижней апартанмент, верхней апартанмент над гранатным магазином¹¹, куплены, но уже в 1765 г. деревянные дома Шокуровой и Лодыженской, да каменный Серикова, над коим верхней же апартанмент деревянный для главного надзирателя». В справку попал и рассказ о проекте здания воспитательного дома. Чувствуется, что автор во всех подробностях знает, о чем пишет, и не владеет только точной математической информацией. Очерк вполне мог служить пояснительной запиской к чертежам здания, опубликованным к 100-летию воспитательного дома¹². Для цифр в тексте оставлены пропуски: «Каменному воспитательного дома строению определена была, как следует, с уступкою от берега реки Москвы на... саженьх длиною... шириною... вышиною... кроме фундамента и погребов... сажень, фронтон из реки Москвы, а главный крылец с двора. От оногo по обеим сторонам и с уступкою против ширины того середнегo дома, два флигеля квадратами, лицевые и задние стороны длиною... сажень, а боковые... сажень, шириною те и другие... сажень. К каждому квадрату с двора одные ворота. Как середний дом, так и флигель, по внешней архитектуре казаться будут в три апартанмента, дабы тем больше детей с их приставниками и хожатыми в оных уместиться могло. Для детей назначены упомянутые два флигеля, один для мужеского, а другой для женского полу. В среднем доме имеет быть две церкви, присутственный покой опекунского совета, жительство главного надзирателя, эконома с его помощниками, школы и пр. В погребах под средним домом

⁹ РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Ед. хр. 394. Ч. 1. Д. 1. Л. 18 об.

¹⁰ Вставка на полях: «как в месте, для воспитательного дома назначенном». — Т. Ф.

¹¹ В тексте сделана вставка: «Присутственные места для опекунского совета, контора для строения, дом для госпиталя бедных родильниц — все деревянные, потому что только на время служить имеют». Вставка на полях с другой стороны листа: «На сем основании рассудилось после в 1765 году продать деревянное строение». Край листа оборван, несколько слов отсутствует. — Т. Ф.

¹² Чертежи: Генеральный план воспитательного дома в конце XVIII столетия // Материалы для истории Императорского Московского воспитательного дома. Вып. 1. М., 1863.

и под флигелями кухни и пекарни. Для мытья платья и для прочих служеб, также для жительства потребных при доме служителей, ремесленных людей и художников, коими девки по их возрасту обучены быть имеют, назначены строения особливые каменные связи, начиная от реки Москвы по обеим квадратам и в расстояниях от оных на... сажень» с тем, чтобы остались одни проезжие ворота с улицы Солянка, а «внутри от сих ворот по обеим сторонам дороги даже до квадрата положено быть увеселительным садам детям для гульбища. Все сие место под воспитательный дом со всеми принадлежащими строениями... сажень квадратных занимать будут»¹³.

Следующей частью справки стал краткий рассказ о церемонии открытия воспитательного дома 21 апреля 1764 г., закладке каменного здания и начале приема детей, за которым следует очередной краткий панегирик императрице — «несравненному действию призрения Ея Величеством несчастно-рожденных младенцев, избавившихся от погибели, а, напротив того, всеми способами к зделанию их полезными общества членами»¹⁴.

К справке приложены ведомости о приеме и убыли детей в 1764–1766 гг. по месяцам и даже по неделям, сведения о количестве питомцев в каждом отделении (до переезда в новое здание в доме имелось несколько небольших отделений), о младенцах, появившихся на свет в родильном госпитале, о необычных фактах благотворительности. В «портфели Миллера» попали и многие документы того периода, когда академик был главным надзирателем. Скорее всего, эта подборка писем не была случайной. Письма освещали вопросы, особенно интересовавшие главного надзирателя, такие как переписка февраля 1765 г. по вопросу о возможности принимать в дом детей в возрасте трех лет и старше. Конечно, волновали Г. Ф. Миллера его конфликты с надзирателями К. Селентином и супругами Гаузерами, а также с работавшими на строительстве дома каменщиками¹⁵.

Кроме того, в «портфелях Миллера» хранится несколько вариантов инструкций главному надзирателю и другим служащим, написанных на немецком и русском языках. Г. Ф. Миллер прибыл в Москву и «в должность вступил» 21 марта 1765 г. В течение первых месяцев новой службы он оставался в Петербурге. Именно тогда Миллер и подготовил инструкцию главному надзирателю. Инструкции, без сомнения, разрабатывались по заданию главного попечителя И. И. Бецкого. В основе идеологии Просвещения, поклонником которой Бецкой являлся, лежало убеждение в необходимости внедрения хороших законов, которые должны были обеспечить преобразование государства под скипетром просвещенного монарха¹⁶. Известный ученый занял пост главного надзирателя в том числе и с целью разработки инструкций.

В «портфелях» сохранилось по меньшей мере три варианта инструкции главному надзирателю. Первые наброски выглядят несовершенными. Суть

¹³ РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Ед. хр. 394. Ч. 1. Д. 1. Л. 19.

¹⁴ Там же. Л. 20.

¹⁵ РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Ед. хр. 394. Ч. 1. Д. 1. Л. 43–47; Д. 2. Л. 4–33; Д. 4. Л. 1–4; Ед. хр. 394. Ч. 2. Д. 1. Л. 1–143; Д. 2. Л. 1–22; Д. 3. Л. 1–24.

¹⁶ Каменский А. Б. От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII в. Опыт целостного анализа. М., 2001. С. 404–405.

должности главного надзирателя по первому варианту инструкции состояла в том, чтобы «всегда ближайшее смотрение иметь над всем воспитательного дома исполнением по Генеральному плану, а сверх того подробные дела до оной весьма пространной должности принадлежат содержаться». Кроме обязанностей по организации работы и контроля над работой служащих и низших служителей главному надзирателю вменялось повседневное наблюдение за физическим и нравственным воспитанием питомцев. Обязанности по отношению к детям детализированы. Они позволяют историкам получить сведения о повседневной жизни дома, которые Г. Ф. Миллер, вероятно, узнал от И. И. Бецкого, возможно, познакомившего историка со своей перепиской с московскими опекунами. Главный надзиратель должен был следить за чистотой, свежим воздухом, «умеренной теплотой», платьем, пищей, мылом, «холщовыми приборами», за утренним умыванием «подрослых» детей, «вычесыванием» их волос, за тем, чтобы ребята «после еды умывались, зубы ополаскивали», чтобы «в кровати гадина никакая не заводилась». Детей полагалось «отваживать от упрямства и злости, а приводить всеми способами к послушанию и кротости»¹⁷.

Текст инструкции был получен в Москве 28 февраля 1765 г.; опекуны отправили его в Петербург с примечаниями уже 3 марта. Степенью обобщения текст значительно отличается от предварительных вариантов. Несколько первых обширных статей излагали общие полномочия главного надзирателя: «Надлежит ему всегда в памяти содержать, что... он представляет здесь общего отца, верного опекуна, пожалеющего попечителя, который всякие нужды к пользе каждого и ко всему учреждению принадлежащие исправлять, и всякий вред и убыток отвращать должен». Ему полагалось «жить во оном доме в назначенных для него покоях», наблюдать «все основательные во всем доме правильные порядки», заседать в опекунском совете. Следуя общему правилу «чего себе не хочешь, другому не желай», главный надзиратель должен был руководить чиновниками и низшими служителями, заключать договоры подряда, отвечать за «все строения, починки и материалы», ведать материальными ценностями, следить за заполнением шнуровых книг с записью подаяний, давать разрешение на дополнительные расходы, о необходимости которых сообщал эконому, осматривать склады съестных припасов и платья. Ему вменялось в обязанность следить за точным исполнением правил приема младенцев, за сбережением их здоровья, отвечать за воспитание и образование детей («в детские сердца... вкоренять... любовь к добродетели с благопристойными нравами», давать наставление питомцам «словесной и письменной российской грамоте, в рисовании, в арифметике», «взрослых детей, особливо женского полу», обучать «экономии, науке о сложении мира и о причинах естественных вещей, чтоб их предостеречь от суеверий»), для старших питомцев создавать учебные мануфактуры, нанимать ремесленников и художников и контролировать их работу. Главный надзиратель наблюдал за письмоводством, вел журнал воспитательного дома, следил за ведением многочисленных списков: поступающих детей и родильниц, служителей, приходов и расходов, вещей,

¹⁷ РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Ед. хр. 394. Ч. 1. Д. 5. Л. 43–47.

сделанных учениками ремесленников и мастеров¹⁸. Обязанностей оказалось так много, что Г. Ф. Миллеру пришлось вести дневник своих занятий¹⁹.

Инструкции эконому и главной надзирательнице соответствовали правилам, предписанным главному надзирателю. Эконому полагалось ежедневно обходить все помещения, следить, чтобы никто не курил табака и не оставлял свечей, а также «нечаянно» заходить в «каморы» и в церковь. Ему поручался надсмотр над работниками, «смотрение магазинов (складов. — Т. Ф.)», по приказам главного надзирателя полагалось «погрешности в них исправлять», закупать материалы для фабрик и мастерских. Эконом должен был «взрослых детей по очереди определять на домашние работы». Он отвечал за наличие в доме запасов платья и дров, следил за чистотой и качеством продуктов. Эконому поручались сбор платежей с арендаторов, наблюдение за садом и огородом, а также непосредственное ведение всех книг и составление списков, находившихся под контролем главного надзирателя.

Между главным надзирателем и главной надзирательницей существовало своеобразное разделение труда. Главной надзирательнице вручался «реестр всему ходячему в воспитательном доме», то есть поручалось его движимое имущество. Ей полагалось требовать от главного надзирателя «все материальные потребности для детей до 4 лет» и вручалось попечение над детьми обоего пола в возрасте до 10 лет. Она несла ответственность за организацию в доме женских рукоделий, сама должна была кроить и шить, а также организовать шитье и починку белья и одежды в доме. Ей нужно было следить за наличием в доме «потребной пряжи», за прядильными работами, вязанием и плетением. Первоначально она выполняла и обязанности кастелянши, следила за чистотой белья и одежды, отвечала за его перемену, а также за организацию «мытья белья», то есть стирки, отбраковывала ветхое белье. Она «имела смотрение» за служительницами женского пола, наблюдала за их питанием. Ей полагалось каждый день посещать родильный госпиталь и следить за состоянием лазаретов²⁰.

Доработка инструкций московскими опекунами не уменьшает заслуг Г. Ф. Миллера. Подготовленные им документы Бецкой использовал при составлении второй и третьей частей Генерального плана воспитательного дома, принятых в 1767 г. Они послужили основой для написания рекомендаций другим служащим воспитательных домов, действовавших до начала XX в.

Таким образом, источники по истории Московского воспитательного дома, сохранившиеся в «портфелях Миллера», расширяют представления историков о начальной истории невиданного в России благотворительного учреждения, а также о правилах, по которым работали его служащие в царствование Екатерины II. Значительную их часть Г. Ф. Миллер подготовил в 1765–1766 гг., когда служил главным надзирателем воспитательного дома. Эти рукописи позволяют дополнить сложившийся образ академика новыми красками.

¹⁸ РГИА. Ф. 759. Оп. 10. Д. 334. Л. 52 – 62 об.

¹⁹ РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Ед. хр. 394. Ч. 1. Д. 3.

²⁰ РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Ед. хр. 394. Ч. 1. Д. 5. Л. 33 – 37 об.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Ед. хр. 394. Ч. 1. Д. 1–5.
РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Ед. хр. 394. Ч. 2. Д. 1–3.
РГИА. Ф. 759. Оп. 10. Д. 334.
Брикнер А. Г. Антон-Фридрих Бюшинг // Исторический вестник. 1886. Т. 25, № 7. С. 17–18.
Каменский А. Б. От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII в. Опыт целостного анализа. М., 2001.
Материалы для истории Императорского Московского воспитательного дома. Вып. 1. М., 1863.
Фруменкова Т. Г. Ф. Миллер — главный надзиратель Московского воспитательного дома // Миллеровские чтения: К 285-летию Архива Российской академии наук : сб. науч. ст. по материалам Международной научной конференции, 23–25 апреля 2013 г., Санкт-Петербург / отв. ред. И. В. Тункина. СПб., 2013. С. 68–74. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; вып. 4).
Шлёцер А. Л. Общественная и частная жизнь Августа Людвига Шлёцера, им самим описанная. Пребывание и служба в России, от 1761 до 1765 г. Известия о тогдашней русской литературе // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. 1875. Т. 13.

И. Арабас
Институт истории науки Польской академии наук
Л. Д. Бондарь, Л. Г. Чехович
Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

**БОТАНИЧЕСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ НАТУРАЛЬНОГО
КАБИНЕТА КНЯГИНИ АННЫ ЯБЛОНОВСКОЙ XVIII в.:
СВИДЕТЕЛЬСТВА СОВРЕМЕННОКОВ, АРХИВНЫЕ РУКОПИСИ
И ЗАМЕТКИ АКАДЕМИКА В. М. СЕВЕРГИНА***

Публикация представляет архивные источники (в том числе впервые вводимые в научный оборот благодаря осуществленному фотовывалению угасшего текста) и опубликованные данные о ботанической части знаменитого Натурального кабинета польской княгини Анны Яблоновской XVIII в. Собрание А. Яблоновской было одной из уникальных польских естественно-научных коллекций, содержало образцы всех местных растений, а также доступные образцы экзотических деревьев и трав. Отдельную значимость коллекции придавал научный подход к ее организации, принимавшей во внимание разработанную к тому времени ботаническую классификацию. Была обособлена часть коллекции, связанная с медицинским, фармакологическим использованием растений. Неотъемлемой составляющей стали сады, расположенные в двух резиденциях княгини — в Семятыче и Коцке. Факт наличия сада при дворцах польской знати в XVIII столетии не был явлением уникальным, однако в случае садов А. Яблоновской отличительными чертами являлись научный подход к их организации и использование новых технологий выращивания растений. А. Яблоновская не принадлежала к научным кругам своего времени, но и дилетантом ее назвать нельзя; авторы обозначают ее статус как исследователь-любитель.

Ключевые слова: Анна Яблоновская, Натуральный кабинет, ботаническая коллекция, ботанический сад.

* Работа Л. Д. Бондарь выполнена в рамках проекта РФФИ № 20-011-42010 (Петровская эпоха).

I. Arabas
Institute for the History of Science of the Polish Academy of Sciences
L. D. Bondar, L. G. Chekhovich
St. Petersburg Branch of the Archive of the RAS

**BOTANICAL COLLECTION OF THE NATURAL CABINET OF
PRINCESS ANNA JABŁONOWSKA OF THE 18TH CENTURY:
EVIDENCE OF CONTEMPORARIES, ARCHIVAL MANUSCRIPTS
AND NOTES OF ACADEMICIAN V. M. SEVERGIN**

The publication presents archival sources (including those ones, that are first introduced into scientific circulation owing to the photo-identify of the extinct text) and published data on the botanical part of the famous Natural Cabinet of the Polish Princess Anna Jablonowska of the 18th century. The collection of Jablonowska was one of the unique Polish natural science collections, containing specimens of all local plants, as well as available samples of exotic trees and herbs. The scientific approach gave a special significance to the collection organization, which was based on the botanical classification developed by that time. A part of the collection related to medical and pharmacological use of plants was isolated. The gardens, located in two residences of Princess — Siemiatycze and Kock, became an integral part of the collection. The fact that there was a garden at the palaces of the Polish nobility in the 18th century wasn't a unique phenomenon, but in the case of Jablonowska's gardens, the scientific approach to their organization and the use of new technologies for growing plants were outstanding. Jablonowska did not belong to the scientific circles of her time, but she could not be called a dilettante either; the authors indicate her status as an amateur researcher.

Key words: Anna Jablonowska, Natural Cabinet, botanical collection, botanical garden.

Княгиня Анна Паулина Яблоновская (*Anna Paulina Jabłonowska*; 1728–1800) была одной из самых известных представительниц польской знати второй половины XVIII в. Еще в 1916 г. польский ботаник Юзеф Ростафинский (*Józef Thomasz Rostafiński*; 1850–1928) в своей статье, посвященной ботаническим исследованиям княгини, писал: «Если когда-нибудь придет время, что исторические исследования обратятся у нас к истории культуры, две женщины дождутся монографии в первую очередь: из иностранок — Бона¹, а из полек — не кто иной, как Анна из князей Сапегов княгиня Яблоновская»².

А. Яблоновская, происходившая из дома Сапегов, в 1750 г. обвенчалась с Яном Яблоновским (*Jan Kajetan Jabłonowski*; 1699–1764), будущим воеводой Брацлавским, человеком намного старше ее, но через 14 лет овдовела и уже в качестве единовластной хозяйки стала организовывать

¹ Имеется в виду Бона Сфорца д'Арагона (*Bona Sforza d'Aragona*; 1494–1557) — королева Польши и великая княгиня Литовская (1518–1556); заложила сады на Вавеле — на территории краковской резиденции польских королей.

² *Rostafiński J. Księżna wojewodzina braclawska jako przyrodniczka // Księga pamiątkowa ku czci Bolesława Orzechowicza. T. 2. Lwów, 1916. S. 280.*

хозяйственную деятельность в семейном имении в Коцке³ и в Семятыче⁴, унаследованном после супруга. Благодаря своим передовым хозяйственным технологиям она вскоре прославилась среди современников.

Со времен Ю. Ростафинского много работ было посвящено этим хозяйственным занятиям А. Яблоновской, однако до последнего времени практически не изученными оставались интересы княгини, связанные с коллекционерской деятельностью. Между тем А. Яблоновская была в свое время широко известна как создатель и хранитель крупной коллекции, получившей название Натуральный кабинет. После смерти княгини коллекция была куплена российской казной для передачи ее в Московский университет, что состоялось в 1802 г.; в Москве коллекция погибла в пожаре 1812 г.⁵ В соответствии с названием большую часть кабинета составляли естественно-научные коллекции, представленные экспонатами из трех царств природы: минералами, растениями, животными⁶. Ботаническая составляющая коллекции имела свои особенности, что и будет представлено ниже.

Уже Ю. Ростафинский характеризовал А. Яблоновскую как знатока природы, однако с того времени из публикации в публикацию, включая самую полную биографию княгини⁷, повторяется мотив о невыясненных истоках ее естественно-научного образования, не являвшегося распространенным явлением в кругу аристократии того времени. А. Ю. Ролле не без основания считает, что интерес княгини к естественно-научным вопросам, а также коллекционированию, формировался под влиянием ее отчима, бывшего кузеном супруга княгини, Юзефа Яблоновского (*Józef Aleksandr Jabłonowski*; 1711–1777), который в своем дворце в Лаховце на Вольни⁸ собрал, похоже, первую на польских землях музейную коллекцию — *Museum Jablonovianum*⁹. При замке был сад «с клумбами экзотических растений

³ Польск. *Kock*; в настоящее время — город в Люблинском воеводстве.

⁴ Семятыче, или Семятичи; польск. *Siemiatycze*; в настоящее время — город в Подляском воеводстве.

⁵ *Арабас И., Бондарь Л. Д.* Источники по изучению Натурального кабинета княгини Анны Яблоновской в фондах Санкт-Петербургского филиала Архива РАН // Миллеровские чтения — 2018: Преемственность и традиции в сохранении и изучении документального академического наследия : материалы II Международной научной конференции, 24–26 мая 2018 г., Санкт-Петербург / сост. и отв. ред. д. и. н. И. В. Тункина. СПб., 2018. С. 263–278. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; вып. 14).

⁶ Имелась еще одна часть, названная Искусственным кабинетом и включавшая в себя нумизматические, археологические и этнографические экспонаты: *Арабас И., Бондарь Л. Д.* Искусственный кабинет княгини Анны Яблоновской в Семятыче: польская «кунсткамера» XVIII века // Кунсткамера (в печати); *Arabas I., Bondar L., Czechowicz L.* Nie tylko kurs historii naturalnej. Księżnej Anny Jabłonowskiej zbiór wszystkich przedmiotów dociekań rozumu człowieka // *Кварталник истории науки и техники*. 2021. Т. 66, № 1. С. 137–160.

⁷ *Bergerówna J.* Księżna pani na Kocku i Siemiatyczach (działalność gospodarcza i społeczna Anny z Sapiehów Jabłonowskiej). Lwów, 1936.

⁸ Польск. *Łachowce*; в настоящее время — деревня в Люблинском воеводстве.

⁹ *Betlej A.* Polish Art Collections in Brühl's Time. The Case of the Collection of Joseph Alexander Jabłonowski // *Heinrich Graf von Brühl (1700–1763). Ein sächsischer Mäzen in Europa. Akten der internationalen Tagung zum 250. Todesjahr* / Hrsg. von U. Ch. Koch, Ch. Ruggero. Dresden, 2017. P. 449–461.

и цветами большой цены, привезенными из Голландии», которыми довольно основательно занималась также юная А. Яблоновская уже в 1745 г.¹⁰ Сохранившаяся переписка А. Яблоновской со своим отчимом свидетельствует о большом внимании, уделявшимся последним своей воспитаннице¹¹.

А. Яблоновская также могла воочию познакомиться с многочисленными, модными в Европе того времени кабинетами естественной истории и ботаническими садами с экзотическими растениями во время двух поездок 1751–1755 и 1769–1771 гг. Первая была свадебным путешествием, и к тому времени у княгини уже имелся опыт занятия садом в Лаховце. Вторая же, вероятно, была предпринята в целях приобретения садоводческого опыта и в поиске предметов для Натурального кабинета в Семятыче. В этой поездке ее, тогда уже вдову, сопровождал капитан Генрик Грейбнер (*Henryk Greybner*), будущий опекун кабинета в Семятыче¹².

Главным источником знаний о составе коллекции княгини А. Яблоновской в Семятыче на протяжении более 200 лет оставались свидетельства современников, сохранившиеся в печатных работах¹³. Однако в 2008 г. в СПбФ АРАН были обнаружены две описи кабинета, составленные при его покупке российской казной с небольшой временной разницей, но уже после смерти княгини: одна — на французском языке¹⁴, другая — на русском¹⁵. Если сохранность франкоязычного документа оказалась удовлетворительной, то 50 % русскоязычной описи отличались к моменту ее обнаружения крайне неудовлетворительным физическим состоянием: чернила очень сильно выцвели, и текст фактически угас. В ряде мест он читался с большим сомнением, иногда был практически совсем нечитаемым.

Весной 2020 г. благодаря сотрудничеству СПбФ АРАН с Институтом истории науки Польской академии наук в ЛКРД СПбФ АРАН удалось осуществить фотовыявление угасшей части документа. Съемка проводилась методом видимой люминесценции, который позволяет выявлять слабоконтрастные и невидимые тексты, выполненные железо-галловыми, кампешевыми, ализариновыми и хромовыми чернилами. Текст исследуемой рукописи написан железо-галловыми (железистыми, или орешковыми) чернилами коричневого цвета, изготовленными из сульфата железа и танинов, полученных из галлов (чернильных орешков — продукта жизнедеятельности личинок представителей семейства орехотворок). Долгое время такие чернила

¹⁰ *Dr. Antoni J. [Rolle A. J.] Opowiadania*. Ser. 4. Warszawa, 1884. S. 338.

¹¹ *Targosz K. Kolekcjonerki XVIII wieku — Anna Jabłonowska i Teofila Konstancja Morawska i ich zbiory przyrodnicze // Kobieta epok dawnych w literaturze, kulturze i społeczeństwie / red. I. Maciejewska, K. Stasiewicz. Olsztyn, 2008. S. 315; Betlej A. Sibi, Deo, posteritati. Jabłonowscy a sztuka w XVIII wieku. Kraków, 2010. S. 155–330.*

¹² *Arabas I. et al. Ocalałe z moskiewskiej pożogi: materialne ślady świetności przyrodniczej kolekcji księżnej Anny Jabłonowskiej // Cenne, Bezcenne, Utracone. 2013. № 1–4. S. 53.*

¹³ *Арабас И., Бондарь Л. Д. Источники по изучению... С. 263–266.*

¹⁴ СПбФ АРАН. Р. IV. Оп. 1. Д. 148. Л. 13–49 об. — *Exposé sommaire de l'état actuel du cabinet d'histoire naturelle formé a Siemiatycze en Podlasie par J. A. la feue Princesse Donairiere Jabłonowska Palatine de Braclaw. Née P. Sapieha. D'après le relevé qui en été fait en mois Août 1801.*

¹⁵ СПбФ АРАН. Р. IV. Оп. 1. Д. 148. Л. 113–140. — [Каталог Натурального кабинета из Семятыча]. Март 1802 г.

были стандартны для применения в письме — начиная с XVIII в. и вплоть до середины XX в.

Метод видимой люминесценции основывается на том, что при освещении документа фильтрованным (т. е. не содержащим видимых лучей) ультрафиолетовым светом возбуждается видимая люминесценция бумаги по всей толще его основы. В то же время компоненты чернил поглощают ультрафиолетовые лучи и гасят люминесценцию основы документа. Это в значительной степени объясняется присутствием гидроокиси железа в железо-галловых чернилах, а также наличием в составе таких чернил солей меди, алюминия, хрома и других металлов, которым свойственно высокое поглощение ультрафиолетовых лучей. В силу этого контраст яркости между фоном и чернильным текстом увеличивается настолько, что его можно наблюдать визуально.

Основными источниками ультрафиолетового освещения являются ртутно-кварцевые (ПРК) и люминесцентные лампы. Для выделения ближних ультрафиолетовых лучей из всего спектра излучения источников ультрафиолетовой радиации применяются светофильтры УФС-3 и УФС-4. Чтобы обеспечить попадание на фотографический слой только видимых лучей люминесценции, между объективом фотокамеры и фотоматериалом помещаются светофильтры желто-зеленого стекла, например ЖС-12. Во избежание попадания на документ нефильтрованного постороннего света съемка производится в затемненном помещении; эффект люминесценции регистрируется изопанхроматическими фотоматериалами.

В фотоаналитической группе ЛКРД методом видимой люминесценции за годы работы были выявлены и прочитаны сотни страниц рукописей разных времен. В их числе — греческие палимпсесты IX–XII вв. из коллекций БАН и ИВР РАН, тетради, дневники и рисунки А. С. Пушкина и альбомы лицейстов из собрания ИРЛИ РАН, автографы М. Ю. Лермонтова и письма М. И. Цветаевой к М. А. Волошину из РНБ, царские грамоты и многие другие документы из СПбФ АРАН.

Съемка исследуемого документа была проведена цифровой камерой *Canon*; источниками света служили лампы ПРК-4 с ультрафиолетовыми светофильтрами УФС-3; контроль резкости осуществлялся при люминесцентных лампах дневного света. Для каждой страницы условия экспонирования подбирались индивидуально, поскольку выцветание чернил оказалось неравномерным — очевидно, по причине их различной концентрации и нажима пера. Особенно бледными и малоконтрастными выглядят почти все записи на л. 113–117 и 119–123 об. Чернила, которыми пользовался автор, скорее всего, содержали большое количество железного купороса, цвет их — светло-коричневый. Тексты листов 117 об. — 118 об., 124 и 125 сохранились лучше, с более явным контрастом, эффект люминесценции здесь оказался сильнее, чем на других листах рукописи. Лучше всего люминесцируют строчки л. 126 и 126 об. — ярко и контрастно; чернила здесь имеют коричнево-черный цвет. Разные фрагменты текстов на одной и той же странице по-разному реагировали на свет УФ-ламп, но за счет длительных выдержек картина свечения выравнивалась, и на полученных снимках они выглядят почти одинаково и достаточно хорошо читаются.

Проведенное исследование и съемка позволили прочесть все содержимое русскоязычной описи Натурального кабинета, которая по своей структуре (но не по содержанию) не отличается от франкоязычного документа и включает в себя четыре раздела в соответствии с четырьмя отделами коллекции: Минеральный кабинет, Искусственный кабинет, царство растений, царство животных.

Третья часть русскоязычной описи, касающаяся ботанической коллекции, оказалась исключительно краткой (она занимает чуть более половины листа¹⁶), практически не дающей никакого представления о содержании экспонатов, но лишь об их количестве. Приведем ее полностью:

Царство растений

I.

Образцы деревьев, произрастающих в Польше в виде четвероугольных дощечек – 160.

Некоторые изделия из дерева – 22.

Иностраннных деревьев как в виде табличек, так и неправильными осколками – 212.

II.

Иностраннных плодов и семян – 838.

III.

Смол, камедей, листьев древесных и корней – 265.

IV.

Собрание морских растений, состоящее в следующем:

*Порода туры, или морской капусты, называемая *Alga saccharifera*.*

Картин со стеклами, имеющих квадратно до 15-ти дюймов, с таковыми же произведениями, числом – 18.

*Разноцветной морской капусты, называемой *fucus cartilagineus* – 19.*

*Прим.: под именем *figues et poires de mer*, сочинитель французского каталога разумеет, может быть, морских ежей, которые относятся к животному царству?*

Краткость этой части описи объяснима научными интересами ее составителей — академиков Василия Михайловича Севергина (1765–1826) и Александра Федоровича Севастьянова (1771–1824), направленных в 1802 г. в Смятыче для описи и сопровождения коллекции из поместья Яблоновских в Московский университет¹⁷. Притом что прочие части коллекции были описаны российскими академиками достаточно подробно, ботаническая часть, как видно, не вызвала специального интереса ученых.

¹⁶ СПбФ АРАН. Р. IV. Оп. 1. Д. 148. Л. 128.

¹⁷ Арабас И., Бондарь Л. Д. Источники по изучению...

Показательно в этом отношении содержание работы, опубликованной В. М. Севергиным в 1803 г. на основе путевых заметок, составленных им при проезде из Петербурга в Семьятыче и через Москву обратно¹⁸. Служебная поездка оказалась подходящим поводом для проведения наблюдений в западных областях империи и, очевидно, подтолкнула к организации на будущий год специальной экспедиции академика по российским губерниям, результаты которой были опубликованы в 1804 г.¹⁹

Во время своего путешествия В. М. Севергин тщательно записывал маршрут, отмечая даже самые незначительные населенные пункты, и внимательно фиксировал все факты, касающиеся вопросов минералогии и почвоведения. Ботанические же наблюдения имели свою специфику и обозначили основные вопросы, интересовавшие ученого в этом отношении.

Наблюдения академика над флорой по пути следования экспедиции сводились главным образом к описанию лесов. Фактически ни один участок дороги не ушел от его внимания. Вот пример такого описания. Повествуя о путешествии от г. Волмер²⁰ по направлению к Риге, академик указывает, что возвышенности там «поросли местами сосною, ольхою и можжевельником». О следующем участке дороги: «Лес был тот же, кроме что местами примешивался березник». Ближе к Риге появляются дополнительные уточнения: «Лес состоит из сосны, пихты, можжевельника, которой бывает от 12–20 футов вышиною и от 4 до 6 дюймов в поперечнике толщиною. Встречается здесь также береза, осина (из редка дуб), ольха, ясень, липа, илим, рябина, бук, дикия яблони и некоторыя другия»²¹. Подобными описаниями пронизаны все заметки, что позволяет довольно точно реконструировать состояние лесов по всему пути следования.

Оставаясь верным научным интересам, В. М. Севергин предлагал в книге свои гипотезы о соответствии типа почвы и произрастающих на ней деревьев. Так, об упомянутом выше участке дороги между Волмером и Ригой ученый пишет: «Весьма вероятно, что другия большия деревья, по причине зыбкости песков, не могли довольно твердо укорениться, чтобы составить прочныя леса». Аналогичного характера замечание В. М. Севергин записал относительно местности по пути из Вильны в Гродно; об отрезке дороги между Жермоною²² и Лидою он пишет: «И здесь подобно как по дороге к Риге, большия деревья редки, потому что не могут довольно укорениться». Другое замечание — о местности на подъезде к Новогрудку: «Таковая перемена в качестве леса против предыдущего означала кажется и близкую перемену почвы...». Наиболее «вдохновенное» заключение минералога записано о местах Минской губернии: «Мы можем уже заключить из

¹⁸ Севергин В. М. Записки путешествия по западным провинциям Российского государства, или Минералогическия, хозяйственныя и другия примечания, учиненныя во время проезда через оныя в 1802 году. СПб., 1803.

¹⁹ Севергин В. М. Продолжение записок путешествия по западным провинциям Российского государства, или Минералогическия, технологическия и другия примечания, учиненныя во время проезда через оныя в 1803 году. СПб., 1804.

²⁰ Современный латышский город Вольмар (латыш. *Volmiera*).

²¹ Севергин В. М. Записки... С. 24–25, 32.

²² В настоящее время — городок Жирмуны (белор. *Жырмуны*) в Вороновском районе Гродненской области в Беларуси.

предыдущего, что она составляет страну богатую лесом, какового ни в Литовской, ниже в других предшедших губерниях приметить не могли. Лес есть большею частию крупной сосновой, и сказывали мне, что есть также и дубы. Полей обработанных, вероятно по причине лесов, меньше нежели в Литовской губернии...». Далее выдвигает предположение, что здесь были пески, которые «смылись потом в другия соседственные страны. Кажется, что оставшаяся по смытии их сырая песчаноглинистая почва потому имеет здесь столь крупныя и многочисленныя леса, что лучше потом могла удерживать и разверзать семена древесныя и потом укоренить и сохранить самыя деревья»²³.

Интерес к лесам должен был иметь практическую, хозяйственную подоплеку, позволяя оценить обеспеченность отдельных регионов топливом. В одном месте своих заметок В. М. Севергин прямо уточняет, что городок Волмер «терпит нужду в дровах». Значительно позднее, при описании обратной дороги, ученый позволяет себе дать совет: «Из Смоленска в Бредихино продолжается мелкой ольшняк, подобной тому, какой я заметил по ту сторону Смоленска. Желательно, чтобы старались здесь воспитывать крупнейшия деревья, более пользы приносящия»²⁴.

Экономический интерес прослеживается и в других наблюдениях — над сельскохозяйственными рынками и возделываемыми сельскохозяйственными культурами. Так, в начале пути основное внимание ученого привлекали рынки и представленные на них сельскохозяйственные продукты: знаменитый Нарвский рынок, где торговали лесом с восточных берегов Чудского озера и «из стран Луги», льном из Пскова, а также коноплей и хлебом, которые доставляют «в чужие края»; Дерптский рынок с псковскими льном, коноплей и хлебом, рынок в городке Валка, где шла торговля Мар[и]енбургским²⁵ льном, а также льном и коноплей из окрестных мест²⁶.

Двигаясь на юго-запад, академик внимательно отмечал культивируемые растения, а в одном месте заметок позволил себе критику организации лифляндского хозяйства и предложил советы по «исправлению» чухонцев, а также по борьбе с заболоченностью почвы: «...если бы старались укреплять и связывать в разных местах зыбкие пески, чрез засеивание их такими растениями, кои на них произрастать, корнями своими опутывать, и после согнотия своего исправлять могут. Такие растения известны у ботаников под именем *Avena pubescens*²⁷, *Elymus arenarius*²⁸, *Dianthus arenaria*²⁹, *Carex arenaria*³⁰ и пр.»³¹. На всем пути следования академик записывал замечания о возделываемых сельскохозяйственных культурах и их урожайности. Так, сообщая о выращивании в Лифляндии ржи, ячменя, овса, пшеницы

²³ Севергин В. М. Записки... С. 24–25, 62–63, 131, 133.

²⁴ Там же. С. 24, 150.

²⁵ Мариенбург — современный город Алуксне (латыш. *Alūksne*).

²⁶ Севергин В. М. Записки... С. 7, 17, 21.

²⁷ *Avenula pubescens*, *Helictótrichon pubéscens* — овсец пушистый, овсец опушённый.

²⁸ Очевидно, имеется в виду *Lymus arenarius* — колосняк песчаный.

²⁹ *Dianthus arenarius* — гвоздика песчаная.

³⁰ *Carex arenaria* — осока песчаная.

³¹ Севергин В. М. Записки... С. 27.

и гречихи, добавляет: «Гороху мало, а чечевицы почти нет. Лучший лен есть здесь Мариенбургской. Коноплю получают из Литвы и России. Огородов мало, а садов еще меньше. Хмель большею частию покупают. Капусты и картофелей производят мало, хотя и много его употребляют». О Курляндии: «Лучшее, чрез удобрение усовершенное качество почты, есть причиною тому, что здесь кроме ржи сеют также много пшеницы...»³².

Довольно пространные наблюдения о Гродно записаны уже на обратной дороге из Семятыче: «Собственные естественные и хозяйством добываемая произведения находились в следующем состоянии. Картофели здесь есть, как и во всей Литве [Прим. В. М. Севергина: “Что сказано здесь, можно разуметь почти о всей той части Литвы, которую мы проезжали”]; но в недовольно большем количестве. Брюквы же наиболее, так как и свеклы; но капусты употребляют меньше. Огурцы водятся. На базары привозят довольно гороху и чечевицы; также шпинат, особливо много щавелю, петрушки и луку. Проса нет или очень мало; но ржи и пшеницы, так как льну и коноплю много. Лен различают ранний (praglec), позднейший (flowien) и высокий (wielkolen) с большими головками, которые есть обыкновенно лучший литовский лен. Конопель продают в семенах и в виде пеньки. Хотя хороших белых хлебов в Гродно мало; но в замену того пекут изящные ситные хлебы. Также и польские Обарзанки³³, похожие на Валдайские баранки, и булки, то есть продолговатые белые хлебцы не довольно белы. — Садоводство имеет охотников, чему пособляет и природа, ибо есть здесь местами довольно диких груш, слив, яблонь и барбарису. Дрова напротив того в Гродне дороги, по причине отдаленности лесов»³⁴.

Любопытно замечание о бытовом применении айра: «В Крупках (на границе Минской и Могилевской губерний. — И. А., Л. Б., Л. Ч.) видел я употребление корня болотного растения Айры, коим настаивают здесь водку, изрезав оной для сего в мелкие куски. Мне сказывали что сей корень особой целительной силы не имеет; но сообщает водке ароматический запах и вкус. Ребятишки выдирают его в здешних болотах»³⁵.

Экспедиция находилась в пути с февраля по июнь, в связи с чем у путешественников была возможность зафиксировать время начала полевых работ в разных местностях. Так, по дороге в Семятыче В. М. Севергин описал местность в районе Гродно, однако, поскольку возвращение домой происходило через значительный отрезок времени, в конце апреля, повествуя о своем пути, он сделал дополнительные замечания: «Из Гродно в Жидомлю³⁶ встречаются изредка мелкие можжевеловые кусты. На полях местами пахали, местами уже боронили. <...> Зеленеющая озимь стояла на четверть вышиною». По дороге из Лядов³⁷ в Красное³⁸: «Полей и лугов находится

³² Там же. С. 30–31, 36.

³³ Искаженное польское *obwarzanki*.

³⁴ Севергин В. М. Записки... С. 115–116.

³⁵ Там же. С. 133–134.

³⁶ В настоящее время — поселок Житомля Гродненской области в Беларуси.

³⁷ Ляды — в настоящее время поселок в Бобруйском районе Могилевской области в Беларуси.

³⁸ Красный — в настоящее время поселок в Смоленской области.

в изобилии. Местами пахали, местами боронили. В сие время сеяли здесь горох и лен»³⁹. Эти описания лесов и сельскохозяйственных культур хоть и не имеют непосредственного отношения к Семятыче, однако дают представление о природных условиях окружающих поместье земель.

Буквально лишь одно описание в путевых заметках В. М. Севергина касается собственно ботанического объекта. При посещении Вильны академик осмотрел университет и среди прочего — его ботанический сад: «Ботанический сад только начат. Он расположен в конце города близ строения медицинской коллегии, между городом и высокими песчаными холмами, где протекает маленькая речка. Господин профессор Юндзил⁴⁰ имеет смотрение за оным. Сей усердный к наукам муж сообщил ученому свету два ботанических сочинения на польском языке. [1]) *Opisanie Roslin Prowincyi w. x. L. naturalnie Rosnacyste wedlug ukladu Linneusza, przez X. R. S. jundzilla s. p. w Wilnie 1791*⁴¹. 2) *Botanica stosowana czyli wiadomosc o wlasnosciasci u uzyciu Roslin w Handlu, Ekonomice, Rekodzelch, o uch oyczyznie, mnozeniu, utrzymywaniu, wedlug ukladu Linneusza. Przez X. B. S. landzilla, Nistoryi Naturalney wice Professora. W Wilnie Rok 1. 1799*⁴². Известно, что славный Жилибер⁴³ был некогда также в Вильне профессором ботаники, так как знаменитый Форстер⁴⁴ натуральной истории»⁴⁵.

Таковы наблюдения, сделанные В. М. Севергиным в отношении флоры тех мест, где пролегал путь экспедиции. О собственно кабинете княгини А. Яблоновской, и в частности о ботанической части коллекции, — в книге буквально несколько фраз: «Сей кабинет расположен был в замке Семятыченском в четырех больших залах. Покойная Княгиня Анна Яблоновская, супруга бывшего Брацлавского воеводы, урожденная княгиня Сапега, обращала кажется внимание свое на все предметы упражнений разума человеческого <...> Собрание к прозябаемому царству принадлежащее состояло из брусочков разных дерев, также камедей, смол и бальсамов, некоторых семян и других плодов, большею частию европейских»⁴⁶. Некоторые сведения, находящиеся среди информации о минералогической части кабинета,

³⁹ Севергин В. М. Записки... С. 127, 142.

⁴⁰ Имеется в виду профессор Виленского университета, ботаник Станислав Бонифацы Юндзилл (польск. *Stanislaw Bonifacy Jundzill*, лит. *Stanislovas Bonifacas Jundzilas*; 1761–1847).

⁴¹ *Jundzill S. B. Opisanie roslin w Prowincyi W. X. L. naturalnie rosnych wedlug ukladu Linneusza. Wilno, 1791.*

⁴² *Jundzill S. B. Botanika stosowana czyli wiadomosc o wlasnosciasci u uzyciu roslin w handlu, ekonomice, rekodzielach, o ich Oyczyznie, mnozeniu, utrzymywaniu wedlug ukladu Linneusza. Wilno, 1799.*

⁴³ Имеется в виду французский медик и ботаник Жан-Эммануэль Жилибер (*Jean-Emmanuel Gilibert*; 1741–1814). Книга В. М. Севергина имеет также приложение — «Flora Grodnensis, или Роспись растениям, произрастающим в окрестностях города Гродно, собранным г. Жилибером и расположенным по Линнеевой системе»; данная роспись была получена, возможно, в Виленском университете: Севергин В. М. Записки... С. 173–224.

⁴⁴ Имеется в виду немецкий естествоиспытатель и этнограф Иоганн Георг Адам Форстер (*Johann Georg Adam Forster*; 1754–1794).

⁴⁵ Севергин В. М. Записки... С. 53–54.

⁴⁶ Там же. С. 77–78.

касаются палеоботаники: «Между окаменелостями большие куски окаменелых деревьев, и отпечатки растений...»⁴⁷.

Однако же свидетельствами книги В. М. Севергина и составленной им совместно с А. Ф. Севастьяновым описи не ограничивается информация, сохранившаяся о кабинете княгини А. Яблоновской и его ботанической коллекции. Упомянутая выше опись на французском языке оказалась в этой части значительно более подробной, чем та, что была составлена академиками. Ниже публикуется полностью фрагмент, содержащий перечень ботанических экспонатов в переводе на русский язык⁴⁸.

Часть вторая

Царство растений

Эта часть Натурального кабинета, собранного княгиней Анной Яблоновской, сопоставима с предыдущей⁴⁹, а также с той, что следует дальше⁵⁰, но кажется менее обширной.

Испытывая трудности, практически непреодолимые, возникающие при формировании гербария или коллекции растений, прежде всего, когда коллектор не ограничивается местными растениями, а стремится включить и дальние страны, княгиня, формируя эту часть Кабинета, полагала, что сможет восполнить лакуны гербария, поместив на свободных местах около шкафов, которые содержат образцы царства растений, систему растений Линнея, а в дополнение к этому – рисунки растений в натуральном виде. – Впрочем, изрядные теплицы сада княгини восполняют отчасти этот недостаток и могут рассматриваться в качестве дополнения к Кабинету. С другой стороны, поскольку княгиня предпочитала древностям прогресс, видимо, недостаток образцов в этой части кабинета она пыталась компенсировать богатством размещенной по ее распоряжению в этом зале среди царства растений огромной коллекции новых открытий из всего того, что называется морскими растениями, ранжированной просто в соответствии с их названиями, среди которых оказались продукты полипов, что значительно сокращает класс подлинных морских растений. Поскольку эти истинные или предполагаемые мотивы теперь неактуальны, приходится возвращать в царство животных большую часть того, что здесь условно называется морскими растениями, и дать описание только тех объектов, которые в этой части Кабинета, бесспорно, принадлежат царству растений.

⁴⁷ Там же. С. 82.

⁴⁸ Перевод выполнен авторами статьи.

⁴⁹ Минералогической – И. А., Л. Б., Л. Ч.

⁵⁰ Зоологической – И. А., Л. Б., Л. Ч.

1. Деревья

Здесь размещены главным образом объекты в виде квадратных плиток, изготовленных из разных пород дерева, а именно:

а. Около двухсот образцов всех местных сортов деревьев и кустарников⁵¹, т. е. с территорий, прежде входивших в Польское королевство; эти плитки, срезанные по-разному, как правило, соединяли с образцами, взятыми у корней. Полный перечень представлен не будет, укажем лишь некоторые немногие, являющиеся редкими.

б. Много изделий из дерева, редкого или изготовленных особым способом⁵².

в. Около двухсот пятидесяти образцов в виде квадратных плиток, некоторые из них в единственном экземпляре, из редкой древесины⁵³, привезенной из стран Латинской Америки и малоизвестной. Ниже будет представлен не полный перечень, здесь только то, что менее сомнительно в своей номенклатуре и является менее распространенным в коммерции, художественных промыслах и фармации.

Абупта из Индии.

Различная акация из Ямайки и Африки.

Красное дерево (акажу), названо дощечками из Кайенны.

Дерево-агути, или дерево-ящерица с французских островов.

Алоэ. Xylo-aloe. Agallochum из Индии.

Красное алоэ из Китая.

Апасоисои⁵⁴. Красное дерево, кровавое дерево из Кайенны.

Аквилария, вид древесного алоэ, называемый иначе орлиным деревом.

Асбест. Lignit arugum Indicum. Негорючее дерево из Индии.

Аспалатус (Aspalate) желтый, вид эбенового дерева с Ямайки.

Бамбук из Восточной Индии.

Асефетида (Benjoin) из Восточной Индии.

Шоколадное дерево из Мексики.

Кофейное дерево с Островов.

Левкадендрон (Saparouti, Sajeroutou), белое дерево из Малуку.

Каламба, вид алойного дерева.

Кампешевое дерево (Tamaïque).

Камфорное дерево из Борнео и Суматры.

Camdazoda.

Кокосовое дерево. Palma Indica coccifera.

Коралловое, или бессмертное дерево с Антильских островов.

⁵¹ Ср. первую запись первого раздела русскоязычной описи, где называется число 160.

⁵² Ср. вторую запись первого раздела русскоязычной описи, сообщающую о 22 изделиях из дерева.

⁵³ Ср. указание на число 212 в третьей записи первого раздела русскоязычной описи.

⁵⁴ Такое название красного дерева предлагает словарь: *Valmont de Bomare I. Ch. Dictionnaire raisonné universel d'histoire naturelle*. Т. 15. Paris, 1775. P. 17.

Ужовое дерево (*Couleuvre*). *Lignum serpentinum, colubrinum, Orphioxylon* из Восточной Индии.

Драцена, из которой получают вид смолы, именуемый «кровь дракона».

Эбеновое дерево черное, зеленое и других цветов.

*Endrachendrach*⁵⁵, или бессмертное дерево с Мадагаскара.

Erythroxyylon. Красное дерево из Америки.

Железное дерево (*Bois de Fer*). Сидероксилон из Америки.

Feroles, или мраморное дерево из Кайенны и с Антильских островов.

Genzola.

Пассифлора, вид красного эбенового дерева.

Гваякум. Этот кусочек представляет собой оттиск смолы. Иначе – Священное дерево.

Karuro.

*Lagetto*⁵⁶, или кружевное дерево из Гвианы.

Манго. Из Восточной Индии.

Marsenie.

Massenili.

*Bois nephretique*⁵⁷ из Новой Испании.

Орех, или *Cardentine* с острова Цейлон.

*Bois pourri*⁵⁸ из Индии.

*Bois puant*⁵⁹, или *lignum sterculinum*⁶⁰.

Квассия из Суринама.

Bois ragnones, Palos di ragnones из Америки.

Роза.

Сандал красный, желтый и разные другие виды.

Soldi (= *Pau de Soldi*) из Батавии. Кора и древесина.

II. Плоды из зарубежных стран.

Семена, зерна и некоторые растения⁶¹

Эти плоды и семена заключены примерно в 500 прозрачных банках, за исключением тех, которые из-за своего большого объема не могут поместиться или которые не нуждаются в этих мерах консервации. Самая большая часть происходит из наиболее далеких стран Восточной и Западной Индии. Следующий список содержит то, что показалось нам наиболее заслуживающим

⁵⁵ Под таким названием дерево описано в: *Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers* / ed. par D. Diderot, J. Le Rond d'Alembert. T. 5. Paris, 1755. P. 650.

⁵⁶ Корректное написание — *Lagetta*.

⁵⁷ *Guilandina toringa* L.

⁵⁸ Букв. «гнилое дерево».

⁵⁹ Букв. «смердящее дерево».

⁶⁰ Очевидно, *Anagyris foetida*.

⁶¹ Этот раздел является, по сути, росписью раздела II русскоязычного документа, называющего между тем точное число экспонатов — 838.

внимания. Буква «s.» означает «семена», «fr.» – плод, «pl.» – растение, «c.» – «кора», «r.» – «смола». Мы употребляли для описания как латинские ботанические выражения, так и слова из обычного французского языка⁶².

Acacia Americana non spinosa flore globoso albo, s.

Acacia Americana silana, s.

Acacia Indica Farnesiana, s.

Acacia Inga из Кайенны, сладкий горошек из Гвианы, *s.*

Acer Americanum. Клен, *s.*

Ahouai из Бразилии, *fr.*

Aposynum Americanum, s.

Aposynum Americanum amplo folio radice fibrosa, s.

Aposynum Americanum phoenicio flore, s.

Areca catechu. Орех, *fr.*

Artemisia Americana odoratissima, s.

*Astragalus*⁶³ *foliis Galegae, s.*

Astroides fungus undulatus major, pl.

Ate seu Guarnabapas, маленькая шишка, *fr.*

Atriplex frangifera Mexicana, s.

Aver-aver с Явы.

Avouira, или *Avoira*, кокосовое дерево из Гвинеи, *fr.*

Barnanier dessectu, pl.

Bosella rubra Americana, s.

Орех, который пророс в бутылке; видимо, плод ареки, *fr.*

Дерево *Canari* из Восточной Индии, *fr.*

Canna Indica latifolia flore luteo, s.

Canna Indica lutea, s.

Canna Indica rubra, s.

Caryophyllum sinense rubrum et album simplex, s.

Сырые грибы на *pietra*⁶⁴ *fungaria, pl.*

Chiquos (косточки), плод из Мексики, *fr.*

Брюква из Лапландии, *s.*

Плод аноны⁶⁵, «бычье сердце» из Америки, *fr.*

Хлопок с американских островов, *fr. u s.*

*Culilaba*⁶⁶, кора.

Dolie Aegyptiacum, вид фасоли.

Erica sinensis Bruyere из Китая.

Flos admirabilis ignotus, s.

Flos Africanus, s.

*Flos*⁶⁷ *Africanus major, s.*

⁶² Латинские термины в перечне оставлены на языке оригинала, переведен только французский текст.

⁶³ В документе – «*Astragalus*».

⁶⁴ Итал. *камень*.

⁶⁵ В документе – «*Corosselier*».

⁶⁶ Возможно, имеется в виду *Laurus Culilaba*.

⁶⁷ В документе – «*Flors*».

- Genista Hispanica*, испанский дрок – три вида, s.
Gens-ing, или *Ginseng*, или *Ging-seng*. Смола.
Geranium Africanum noctu olens, s.
Guajacum Brasilianum, fr.
Haemanthus puniccus, s.
Herculia (орех), fr.
Ежовый плод, или инжир из Бразилии.
Jasminum Indicum semper virens odoratum, s.
Lathyrus Indicus albus et ruber, s.
Lentilles из Канады, s.
Liscar-agap, называемый *solor*, кора.
Mahot хлопковый из Индии, плод.
Malva Africana arborescens semper florens, s.
Мандрагора, несколько настоящих корней и фальшивых, сло-
женных в виде грубых человеческих фигур.
Плод манго с дерева из Индии.
Moldavica Americana, s.
Moraca Iridioides, s.
Moraca Undulata, s.
Ninzip. Но это не точно.
Ухо Иуды с Явы, s.
Palma digitata fructu rotundo.
Дерево Папасосо из Кайенны, его семена, fr.
Pareira Brava, смола.
Persicaria orientalis, s.
Phascolus Americanus, s.
Phascolus Indicus, s.
Phascolus Indicus corallinus, s.
Phascolus Indicus variegatus, s.
Phytolacca Americana, s.
Pinus Cymbra.
Pinus larix sinensium, s.
Platanus orientalis, s.
Трава *Psoralea*⁶⁸, или парагвайский чай, pl.
Rhabarbarum rotundo folio, s.
Rheum palmatum, pl.
Rheum undulatum, pl.
Ricinus peruvianus.
Robinia rara, s.
Sabul, вид пальмы, fr.
Тамариск, кора.
Thuja orientalis, s.
Thuja sinensis, s.
Tilia Americana, s.
Тюльпан, pl.

⁶⁸ В документе – «Psoralia».

Vinca Indica, s.
Vinca rosea Americana, s.
Xeranthemum orientale floribus rubris, s.

III. Камеди, соки, масла, смолы.

Порошки из растений, листьев, цветов

Природные объекты, которые представлены в этом разделе, могут включить 320 наименований⁶⁹, почти все экзотические, иноземные, из отдаленных стран, а потому редкие. Мы воздержались от более детальных сведений, поскольку еще они довольно известны в фармацевтике и других областях производства, почти все они названы в двух предыдущих разделах.

IV. Морские растения⁷⁰

Этот раздел был бы более обширным, если бы мы не исключили все ошибочные морские растения, которые прежде были отнесены к царству растений, но затем признаны продуктами жизнедеятельности полипов, а соответственно, принадлежат царству животных. Что касается истинно морских растений, то почти нет позиции, которая бы не была представлена в этой коллекции. Укажем лишь несколько наиболее интересных.

*Alga saccharifera*⁷¹ с побережья Исландии⁷².

Все виды фукуса разных цветов⁷³.

Восемнадцать панелей под стеклом, размером около 15 квадратных дюймов, с наиболее красивыми фукусами, разнообразие которых представляет удивительное зрелище⁷⁴.

Морские груши, или фиги; несколько из них перемещены в царство животных⁷⁵.

⁶⁹ В соответствующем III разделе русскоязычной описи указано количество — 265.

⁷⁰ Этот раздел также соответствует IV разделу русскоязычного документа. Все соответствия позволяют предположить, что российские академики в описании ботанической части коллекции следовали франкоязычной описи, не предлагая иного способа классификации объектов. В других частях описи такой идентичности не отмечается. Это можно объяснить либо тем, что опись, составленная по имеющейся во французском документе структуре, не противоречила способу упаковки коллекции (русскоязычная опись составлялась, прежде всего, как сопроводительный документ для упаковки/распаковки коллекции), либо тем, что академики полностью приняли порядок описания своего франкоязычного предшественника, доверяя его квалификации и не видя для себя интереса к более глубокому изучению этой части коллекции.

⁷¹ В документе — «*saccharifera*».

⁷² Ср. первую запись в IV разделе русскоязычного документа.

⁷³ Ср. третью запись в IV разделе русскоязычного документа, отличающуюся только наличием количественного показателя — 19.

⁷⁴ Ср. вторую запись в IV разделе русскоязычного документа — единственный случай совпадения количественного показателя.

⁷⁵ Этой позиции перечня соответствует примечание русскоязычного документа.

Так, несмотря на лаконичность русскоязычной описи по сравнению с франкоязычной, эти два документа отчасти дополняют друг друга: информация о содержательной стороне коллекции, подробно представленной во франкоязычном документе, расширена в русскоязычном сведениями о количестве объектов, по крайней мере, на момент прибытия в Семятыче российских академиков.

Вместе с тем франкоязычный документ содержит два важных замечания.

Первое касается упоминания о размещенных в кабинете художественных изображениях экзотических растений (это было вызвано сложностями в получении соответствующих экспонатов, и к такому приему часто прибегали при устройстве подобного рода кабинетов), а также таблицах систематики растений, что свидетельствует о попытке преодоления любительского подхода и организации коллекции, обладающей научной ценностью.

Второе важное замечание касается сада княгини, который трактуется в качестве дополнения, приложения к Натуральному кабинету. Вновь обращает на себя внимание попытка систематизации и научного, методически обоснованного подхода к организации сада. В 1786 г. А. Яблоновской была издана книга «Порядок месячных работ садовника, расписанный на весь год и поделенный на месяцы»⁷⁶. Систематизация сведений, которую княгиня предприняла в этой книге, была важна, в первую очередь, для нее самой. В письме к сестре от 1780 г. именно так она писала о подготовленной рукописи: «Я это сделала для самой себя»⁷⁷. В основу книги были положены изыскания английского ботаника Ричарда Бредли (*Richard Bradley*; 1688–1732)⁷⁸; известны многочисленные попытки А. Яблоновской найти книгу этого ученого во французском переводе⁷⁹. Между тем А. Яблоновская подчеркивала, что ее книга не являлась простым переводом Р. Бредли, но была написана на основе многих французских работ⁸⁰. Помещенные в конце книги таблицы составлены, похоже, ею самой. В нескольких рукописных вариантах книга была готова уже в 1780 г.⁸¹, в 1786 г. была издана типографским способом в Семятыче, а годом позже — в Варшаве⁸².

Книга представляет собой инструкцию по выращиванию растений, в том числе экзотичных, в ее имениях в Семятыче и Коцке: свое имение в Коцке княгиня трактовала как летнюю резиденцию, на зимние же месяцы со всем своим двором она переселялась в Семятыче. В парке и оранжереях Коцка, на 13 гектарах, было посажено 590 видов кустарников и деревьев, в числе которых — североамериканские растения из Флориды, Каролины и Канады⁸³.

⁷⁶ *Jabłonowska A.* Porządek robót miesięcznych ogrodnika na cały rok wypisany i na miesiące podzielony. Siemiatycze, 1786 (Wyd. 2. Warszawa, 1787; Wyd. 3. Warszawa, 1792).

⁷⁷ *Bergerówna J.* Księżna pani... S. 54.

⁷⁸ *Bradley R.* New Improvements of Planting and Gardening: Both Philosophical and Practical. 5th ed. London, 1726.

⁷⁹ *Bergerówna J.* Księżna pani... S. 54.

⁸⁰ *Ibid.*

⁸¹ *Ibid.*

⁸² Ср.: *Hryniewiecki B.* Udział kobiety polskiej w rozwoju botaniki // *Czasopismo Przyrodnicze. Roczn. 7. 1933. Zesz. 1–3. S. 4–5.*

⁸³ *Bergerówna J.* Księżna pani... S. 31.

Благодаря княгине А. Яблоновской в близлежащих областях получили распространение такие виды растений, как клевер, вика, люцерна, картофель. Она культивировала новые виды злаков (датский овес, которым можно было засеивать песчаную почву, и египетскую рожь), знала лекарственные свойства многих растений, о чем писала в 5-м томе своей книги «Общий порядок для пользы моих управителей»⁸⁴, признанной ее главной печатной работой⁸⁵.

Важнейшей инновацией А. Яблоновской было введение разного рода тепличных приспособлений⁸⁶. В своих резиденциях княгиня содержала высокооплачиваемых садовников, в том числе иностранцев. В ее саду были организованы оранжереи и т. н. *trebhauzy*⁸⁷ — теплицы. Теплицы отапливались углем при помощи специально сконструированных печек и протянутых отопительных каналов; круглый год в них были свежие овощи. Кроме того, А. Яблоновская устраивала т. н. *inspekty* — парники, крытые посадки: семена овощей (сельдерея, порея, кольраби, капусты, брюквы, укропа, свеклы и т. д.) высевались с зимы и накрывались одеялами, матами из соломы, навозом. В одном из разделов своей книги, названном «Трактат о кустах, нуждающихся в теплице и оранжерее»⁸⁸, А. Яблоновская писала: «Кусты, растения и деревья, прибывшие из жаркой страны, обязательно нуждаются в парнике, сделанном из дубовой коры, особенно семена, которые присланы из тех стран, обязательно должны подвергнуться этому способу для проращивания, так что начну этот трактат с описания способа, как сделать парник из дубовой коры и каков должен быть его вид». Известно также, что в садах А. Яблоновской для высаживания рассады устраивались стеклянные колпаки («колокола»).

В. М. Севергин в своих записках тоже упоминает о саде в Семятыче: «Я заключу примечания мои о Семятыче еще тем, что климат здесь еще теплее, по тому что и самое сие место лежит еще южнее, нежели, те, кои мы до сих пор проезжали. От сего происходит, что уже в марте месяце и особливо в начале апреля, в довольно изрядном саду, принадлежащем к замку покойной княгини Яблоновской, распускались на вольном воздухе сирены, розы, каприфолии (кои выше роста человеческого), липы и дубы, кои в апреле месяце уже со всем одеты были листьями. Виноград и абрикосы произрастали на вольном воздухе. Сии последние уже увяли»⁸⁹.

Отметим, что в книге В. М. Севергина имеется несколько довольно эмоциональных «ландшафтных» описаний следующего характера: «Наконец приметить должно, что от самого Толочина до Смоленска ведет прекрасная аллея с обеих сторон дороги, усаженная березами, коих вид пленяет взор путешественника, а тень дает ему приятную прохладу». Далее, во время пребывания в Смоленске 7–13 мая: «Многочисленные сады довершают

⁸⁴ *Jablonowska A. Ustaw powszechnych dla dóbr moich rządców*. Т. 1–7. Warszawa, 1786; wyd. 2. Т. 1–8. Warszawa, 1787.

⁸⁵ *Żabko-Potopowicz A. Pionierzy postępu w rolnictwie polskim*. Warszawa, 1977. S. 46–49.

⁸⁶ См. об этом: *Bergerówna J. Księżna pani...* S. 82; *Żabko-Potopowicz A. Pionierzy...* S. 56.

⁸⁷ От нем. *Treibhaus* — «теплица».

⁸⁸ *Jablonowska A. Porządek robot...* Warszawa, 1787. S. 117–134.

⁸⁹ *Севергин В. М. Записки...* С. 111–112.

красоту сего города. <...> Близ крутого склона, идущего к Днепру, находится в городе глубокая долина, застроенная также домами с садами и огородами. Вид ее пленительный, напоминающий виды гор Швейцарских»⁹⁰. Еще одно описание — поместья под Смоленском, принадлежавшего, по словам В. М. Севергина, «некоей княгине Долгоруковой»⁹¹, с белой каменной церковью и домом при ней: «И к той и другому ведут прекрасные на лугах аллеи. Спускаясь с небольшого возвышения находит он (путешественник. — И. А., Л. Б., Л. Ч.) на лугах сих пасущихся тучных коров, красивых лошадей и жирных свиней. В лужах и озерах купаются и плавают многочисленные гуси и утки. Разсеянные ольховые и березовые рощи, и местами кривые навислые ивы прикрывают их своею тенью. Опрятные дома и веселые крестьяне означали довольство сего места. Я занимался еще сим прекрасным видом <...> не знал, чему более удивляться, прекрасному ли его местоположению или доброму в нем хозяйству»⁹².

Возвращаясь к теме сада княгини А. Яблоновской, приведем еще один пример сада, организованного в имении представителя польской знати. Тот же В. М. Севергин, сообщая о посещении Белостока, упоминает «замок ея светлости Кастеляновы Краковской»⁹³ (Madame de Cracovie) с пространном садом и зверинцем, коего приятное разположение, изящныя украшения и чистота пленяет всякого, кто там бывает. Сия почтенная особа позволяет гулять в нем всякому человеку с благопристойностию. Стечение людей в оном было многочисленно ввремя нашего здесь пребывания»⁹⁴.

Без сомнения, речь идет об имении великого гетмана Короны Королевства Польского, контркандидата Станислава Августа Понятовского (*Stanisław August Poniatowski*; 1732–1798) на польский трон Яна Клеменса Браницкого (*Jan Klemens Branicki*; 1689–1771), бывшего каштеляном Краковским в 1762–1771 гг. Резиденция Браницкого, известная как дворец Браницких, оказавшись после раздела Польши на землях Российской империи, была передана в пользование Института благородных девиц, для чего в его помещениях и саду была проведена фронтальная ревизия и составлена подробная опись. Эта опись, сделанная в 1837 г. и содержащая детальное описание этого дворца и сада, также сохранилась в документах российского архива — Научно-исторического архива СПбИИ РАН. При дворце Браницких содержался обширный сад, состоявший из двух частей — нижний и верхний сад. В описи имеются подробные сведения (по состоянию на 1837 г.) о самом саде, о его растениях, украшениях, строениях, о доме садовника, каменной застекленной оранжерее с системой ее отопления, каменной теплице для персиковых деревьев, «трепаузе», парниках, огороде,

⁹⁰ Там же. С. 144–145, 147.

⁹¹ Идентификация поместья требует уточнения; под Смоленском было несколько усадеб, а соответственно, и поместий, принадлежавших представителям рода Долгоруковых: Чижков А. Б., Гурская Н. Г. Смоленские усадьбы. Каталог с картой расположения усадеб. Смоленск, 2009.

⁹² Севергин В. М. Записки... С. 150–151.

⁹³ Кастелян, каштелян (*Kasztelan*) — должность в Польше; каштелян Краковский был высшим в иерархии представительства каштелянов в Сенате.

⁹⁴ Севергин В. М. Записки... С. 113.

«школе для фруктовых деревьев», а также об устройстве в каждой из двух частей сада зверинец, соответственно верхнего и нижнего⁹⁵.

Известно, что в саду А. Яблоновской тоже был организован зверинец. Вот как резюмируются естественно-научные занятия А. Яблоновской в работе А. Ю. Боченского, посвященной вопросам земельных отношений в Польше: «Естественные науки, ботаника и минералогия, были излюбленными занятиями высокой дамы. Ее сад был широко известен; также она написала книгу о редких растениях и садовых культурах. — Она собирала камни и минералы, из которых часть послала королю Станиславу Августу, который в лестном тоне письмом благодарил ее за “камни, собранные на польской земле польской дамой” и считал ее образцом всех дам всех времен. <...> Познания княгини в химии были поразительны. Зоологию она также не обошла вниманием: в резиденции княгини находился зверинец экзотических зверей и птиц»⁹⁶.

Так, описи Натурального кабинета княгини А. Яблоновской, сохранившиеся в СПбФ АРАН, наряду со свидетельствами современников позволяют оценить размер ботанической коллекции в Семятыче и осуществить достаточно конкретную реконструкцию ее содержания. Можно заключить, что собрание А. Яблоновской было одной из уникальных польских естественно-научных коллекций, содержало образцы всех местных растений, а также доступные образцы экзотических деревьев и трав. Отдельную значимость коллекции придавал научный подход к ее организации, принимавшей во внимание разработанную к тому времени ботаническую классификацию. Как опытный и успешный организатор хозяйственной деятельности княгиня не могла оставить в стороне вопросы фармакогнозии, обособив часть коллекции, связанную с медицинским, фармакологическим использованием растений. Неотъемлемой ботанической составляющей Натурального кабинета стали сады, расположенные в двух резиденциях княгини — в Семятыче и Коцке. Факт наличия сада при дворцах польской знати в XVIII в. не был явлением уникальным, однако в случае садов А. Яблоновской отличительными чертами являлись научный подход к их организации и использование новых технологий выращивания растений. А. Яблоновская не принадлежала к научным кругам своего времени, однако все изложенное выше позволяет утверждать, что и дилетантом в вопросах исследования мира растений ее называть нельзя. Позволим себе обозначить ее статус в вопросах ботанической науки как исследователь-любитель.

⁹⁵ Pałac Branickich w Białymstoku / oprac. K. Łopatecki, W. Walczak. T. 1. Wyd. 2. Białystok, 2018; T. 2. Białystok, 2015; Polonika ze zbiorów Petersburskiego Instytutu Historii Rosyjskiej Akademii Nauk w Sankt Petersburgu / opr. W. Walczak, M. R. Drozdowski, A. G. Przepiórka, K. Wiszowata-Walczak, W. Zielecka-Mikołajczyk. Białystok, 2019. (Ser. «Polonika — Polskie Towarzystwo Historyczne». T. 2–5).

⁹⁶ *Bocheński A. J.* Beitrag zur Geschichte der gutsherrlich-bäuerlichen Verhältnisse in Polen auf Grund archivalischer Quellen der Herrschaft Kock. Tl. 1. Krakau, 1895. S. 85.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БАН — Библиотека Российской академии наук
ИВР РАН — Институт восточных рукописей Российской академии наук
ИРЛИ РАН — Институт русской литературы Российской академии наук (Пушкинский Дом)
ЛКРД — Лаборатория консервации и реставрации документов
РНБ — Российская национальная библиотека
СПБНИИ РАН — Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук
СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

СПбФ АРАН. Р. IV. Оп. 1. Д. 148.

- Арабас И., Бондарь Л. Д.* Источники по изучению Натурального кабинета княгини Анны Яблоновской в фондах Санкт-Петербургского филиала Архива РАН // Миллеровские чтения — 2018: Преемственность и традиции в сохранении и изучении документального академического наследия : материалы II Международной научной конференции, 24–26 мая 2018 г., Санкт-Петербург / сост. и отв. ред. д. и. н. И. В. Тункина. СПб., 2018. С. 263–278. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; вып. 14).
- Арабас И., Бондарь Л. Д.* Искусственный кабинет княгини Анны Яблоновской в Семьятыче: польская «кунсткамера» XVIII века // Кунсткамера (в печати).
- Севергин В. М.* Записки путешествия по западным провинциям Российского государства, или Минералогическая, хозяйственные и другие примечания, учиненные во время проезда через оныя в 1802 году. СПб., 1803.
- Севергин В. М.* Продолжение записок путешествия по западным провинциям Российского государства, или Минералогическая, технологическая и другие примечания, учиненные во время проезда через оныя в 1803 году. СПб., 1804.
- Чижков А. Б., Гурская Н. Г.* Смоленские усадьбы. Каталог с картой расположения усадеб. Смоленск, 2009.
- Arabas I. et al.* Ocalałe z moskiewskiej pozogi: materialne ślady świetności przyrodniczej kolekcji księżnej Anny Jabłonowskiej // Cenne, Bezcenne, Utracone. 2013. № 1–4. S. 52–57.
- Arabas I., Bondar L., Czechowicz L.* Nie tylko kurs historii naturalnej. Księżnej Anny Jabłonowskiej zbiór wszystkich przedmiotów dociekań rozumu człowieka // Kwartalnik historii nauki i techniki. 2021. T. 66, № 1. S. 137–160.
- Bergerówna J.* Księżna pani na Kocku i Siemiatyczach (działalność gospodarcza i społeczna Anny z Sapiechów Jabłonowskiej). Lwów, 1936.
- Betlej A.* Sibi, Deo, posteritati. Jabłonowscy a sztuka w XVIII wieku. Kraków, 2010.
- Betlej A.* Polish Art Collections in Brühl's Time. The Case of the Collection of Joseph Alexander Jabłonowski // Heinrich Graf von Brühl (1700–1763). Ein sächsischer Mäzen in Europa. Akten der internationalen Tagung zum 250. Todesjahr / Hrsg. von U. Ch. Koch, Ch. Ruggero. Dresden, 2017. P. 449–461.
- Bocheński A. J.* Beitrag zur Geschichte der gutsherrlich-bäuerlichen Verhältnisse in Polen auf Grund archivalischer Quellen der Herrschaft Kock. Tl. 1. Krakau, 1895.
- Bradley R.* New Improvements of Planting and Gardening: Both Philosophical and Practical. 5th ed. London, 1726.
- Dr. Antoni J. [Rolle A. J.]* Opowiadania. Ser. 4. Warszawa, 1884.
- Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers / ed. par D. Diderot, J. Le Rond d'Alembert. T. 5. Paris, 1755.

- Hryniewiecki B.* Udział kobiety polskiej w rozwoju botaniki // *Czasopismo Przyrodnicze. Roczn. 7. 1933. Zesz. 1–3. S. 1–17 (oddz. otb.: Łódź, 1933).*
- Jabłonowska A.* Porządek robót miesięcznych ogrodnika na cały rok wypisany i na miesiące podzielony. *Siemiatycze, 1786 (Wyd. 2. Warszawa, 1787; Wyd. 3. Warszawa, 1792).*
- Jabłonowska A.* Ustaw powszechnych dla dóbr moich rządców. T. 1–7. Warszawa, 1786; wyd. 2. T. 1–8. Warszawa, 1787.
- Pałac Branickich w Białymstoku / oprac. K. Łopatecki, W. Walczak. T. 1. Wyd. 2. Białystok, 2018; T. 2. Białystok, 2015.
- Polonika ze zbiorów Petersburskiego Instytutu Historii Rosyjskiej Akademii Nauk w Sankt Petersburgu / opr. W. Walczak, M. R. Drozdowski, A. G. Przepiórka, K. Wiszowata-Walczak, W. Zielecka-Mikołajczyk. Białystok, 2019. (Ser. «Polonika — Polskie Towarzystwo Historyczne». T. 2–5).
- Rostafiński J.* Księżna wojewodzina braclawska jako przyrodniczka // *Księga pamiątkowa ku czci Bolesława Orzechowicza. T. 2. Lwów, 1916. S. 280–303.*
- Targosz K.* Kolekcjonerki XVIII wieku — Anna Jabłonowska i Teofila Konstancja Morawska i ich zbiory przyrodnicze // *Kobieta epok dawnych w literaturze, kulturze i społeczeństwie / red. I. Maciejewska, K. Stasiewicz. Olsztyn, 2008. S. 313–337.*
- Valmont de Bomare J. Ch.* Dictionnaire raisonné universel d'histoire naturelle. T. 15. Paris, 1775.
- Żabko-Potopowicz A.* Pionierzy postępu w rolnictwie polskim. Warszawa, 1977.

И. М. Щедрова
Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

ПРОЕКТЫ РЕКОНСТРУКЦИИ ЗДАНИЯ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ТИПОГРАФИИ В 40–90-Е ГГ. XIX В.

В 40–90-е гг. XIX в. Академия наук предпринимала попытки превратить свою типографию в современное высокодоходное полиграфическое предприятие, в том числе за счет расширения производственных площадей. Однако из-за отсутствия финансовых возможностей все созданные архитектурные проекты так и остались на бумаге.

Ключевые слова: академическая типография, Академия наук, Комитет правления АН, здание типографии АН, архитектор, проект.

I. M. Shchedrova
St. Petersburg Branch of the Archive of the RAS

RECONSTRUCTION PROJECTS OF THE ACADEMY OF SCIENCES' PRINTING HOUSE IN THE 40S – 90S OF THE 19TH CENTURY

In the 40s – 90s of the 19th century, the Academy of Sciences made attempts to turn its printing house into a modern highly profitable polygraphic enterprise, also by expanding production areas. However, due to lack of financial opportunities, all created architectural projects remained on paper.

Key words: Academy of Sciences' printing house, Academy of Sciences, Committee of the Board of the Academy of Sciences, premises of the Academy of Sciences' printing house, architect, project.

В 1826 г. типография Академии наук со всеми вспомогательными службами была переведена из бывшего дворца царицы Прасковьи Федоровны, со стрелки Васильевского острова, где размещалась с момента своего основания в 1727 г., в дом купца Е. Ф. Ганина на углу Большого проспекта и 9-й линии. Академия уступила обветшавший дворец Министерству финансов «под слом» и строительство на этом месте нового южного пакгауза для столичного порта¹. В качестве компенсации министерство обязалось снести старый деревянный флигель во дворе главного академического здания на берегу Большой Невы и на его месте построить для типографии новый дом. Строительство

¹ СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2-1825. Д. 91. Л. 150.

предполагалось осуществить в 1826–1827 гг.² Именно на эти два года, до момента завершения строительства, Министерство финансов в декабре 1825 г. и сняло дом Ганина для временного размещения академической типографии³. Здание вместе с небольшими вспомогательными деревянными постройками стояло на довольно просторном участке и представляло собой добротный двухэтажный особняк «на сводах», возведенный в 1808–1810 гг. по проекту архитектора А. Порто. Фасад, выходящий на Большой проспект, был украшен шестиколонным портиком, который завершался треугольным фронтоном. Дом строился для португальского купца и генерального консула Педро Лопеса. В начале 1820-х гг. его приобрел купец Е. Ф. Ганин⁴.

После небольшого косметического ремонта, проведенного под руководством академического архитектора Д. Е. Филиппова, типография, фигурная и словолитная палаты и инструментальные мастерские в марте 1826 г. на нескольких подводах были перевезены в подготовленный дом⁵.

Затянувшееся на несколько лет строительство нового здания для академической типографии на стрелке Васильевского острова потребовало еще дважды продлевать договор найма дома Ганина. За это время у руководства академии изменились планы на использование строящегося дома. Окончательно было принято решение о размещении в нем разросшихся коллекций академического музея, химической лаборатории и квартир для академиков. Выгодное же местоположение дома Ганина в относительной близости к основным академическим зданиям, а в особенности — наличие обширного «пустопорожнего места», на котором со временем можно было возвести жилые дома для размещения всех академических служащих, тем самым сократив расходы академии на наем жилья, явились поводом для обсуждения вопроса о приобретении дома в собственность академии⁶. Переговоры с наследниками купца Е. Ф. Ганина велись с 1828 г. и завершились торговой сделкой, заключенной 30 мая 1829 г., в соответствии с которой академия приобрела дом Ганина со всей прилегающей территорией за 120 000 руб.⁷

В 1829–1830 гг. на выделенные академией из экономической суммы 10 000 руб. каменное здание типографии подверглось частичной перестройке, в результате которой помещения цокольного этажа были приспособлены

² Басаргина Е. Ю. Сергей Семенович Уваров // Актуальное прошлое: взаимодействие и баланс интересов Академии наук и Российского государства в XVIII — начале XX в. Очерки истории : в 2 кн. / сост. и отв. ред. д. и. н. И. В. Тункина ; ФАНО России ; СПбФ АРАН. Изд. 2-е, испр. Кн. 1. СПб., 2018. С. 335–336; СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2-1825. Д. 51. Л. 10–11.

³ СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2-1825. Д. 91. Л. 60, 60 об.

⁴ Лапина Е. Б. Дом Д. П. Лопеса (Типография Академии наук) // Памятники архитектуры и истории Санкт-Петербурга. Василеостровский район / под ред. Б. М. Кирикова. СПб., 2006. С. 219–221; Никитенко Г. Ю., Соболев В. Д. Дома и люди Васильевского острова. М., 2007. С. 88, 89.

⁵ СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2-1825. Д. 91. Л. 114, 124, 174.

⁶ СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2-1828. Д. 76. Л. 4, 4 об., 6, 6 об.

⁷ Щедрова И. М., Тункина И. В., Долгополова Е. В. Очерки истории финансирования Императорской Санкт-Петербургской академии наук (1724–1862): 1803–1835 гг. // Актуальное прошлое: взаимодействие и баланс интересов Академии наук и Российского государства в XVIII — начале XX в. Очерки истории : в 2 кн. / сост. и отв. ред. д. и. н. И. В. Тункина ; ФАНО России ; СПбФ АРАН. Изд. 2-е, испр. Кн. 1. СПб., 2018. С. 614.

под жильем типографских служащих, частично перепланирован бельэтаж, а на главном фасаде, выходящем на Большой проспект, появился балкон. Во дворе сделали деревянные сараи⁸, в 1832–1834 гг. — возведен деревянный флигель для жилья служителей и хранения материалов⁹.

1830-е гг. стали временем интенсивного развития типографии. В 1829 г. было введено в действие новое Положение о типографии¹⁰. Был значительно расширен штат, предпринимались меры по подготовке собственных кадров наборщиков и печатников, повышению их материальной заинтересованности с целью сохранения в штате высококвалифицированных мастеров. Шел процесс технического оснащения типографии. Из-за границы выписывались новые шрифты и матрицы, приобретались скоропечатные станки, машина для растирания типографской краски. Для приведения в действие механических станков и для снабжения типографского дома неводской водой посредством проложенной подземной трубы в 1835 г. была приобретена и впервые установлена паровая машина мощностью 4 лошадиные силы¹¹. Для предотвращения несчастных случаев при усилении жара в дымовой трубе типографского дома от действия паровой машины устроена отдельно стоящая дымовая труба¹². В 1833 г. академическая типография расширилась за счет присоединения к ней типографии Департамента народного просвещения¹³, а в 1841 г., после введения Российской академии в состав Императорской академии наук в виде Отделения русского языка и словесности, ее типография также была передана в ведение академической типографии¹⁴.

В начале 1840-х гг. стало понятно, что возможности дома Ганина для удобного размещения и эффективной работы типографии были практически исчерпаны. Тесные, небольшие, слабоосвещенные и плохо проветриваемые помещения, большое количество к тому времени уже ветхих надворных деревянных сараев и пристроек требовали радикальной реконструкции и расширения площадей. Возможно, поводом к принятию решительных шагов в этом направлении послужил пожар, случившийся на территории типографии в ночь с 8 на 9 июня 1842 г. Загорелся деревянный сарай «позади деревянного и каменного надворных флигелей», в котором складировались разные типографские материалы: бочки с маслом, олифой и сажей, детали от скоропечатных станков, старые деревянные ручные станы, зимние оконные рамы и проч. Пожар был довольно быстро обнаружен. Служащие типографии, выскочившие на улицу, бросились спасать из огня имущество и даже кое-что успели спасти: несколько бочек с маслом и сажей. Подоспевшая полицейская пожарная команда быстро потушила огонь. В борьбе с пожаром принимал участие наследник престола — великий князь Александр Николаевич¹⁵.

⁸ СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2-1829. Д. 9. Л. 170.

⁹ СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 1. Д. 36. Л. 259–260.

¹⁰ СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2-1829. Д. 62. Л. 3–11, 17.

¹¹ СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2-1837. Д. 270. Л. 19, 19 об.

¹² Там же. Л. 51, 51 об.

¹³ Щедрова И. М., Тункина И. В., Долгополова Е. В. Очерки истории финансирования Императорской Санкт-Петербургской академии наук (1724–1862): 1803–1835 гг. С. 618.

¹⁴ СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2-1841. Д. 160. Л. 33.

¹⁵ СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2-1842. Д. 126. Л. 6–7.

Через полгода после этого инцидента академическим архитектором Д. Е. Филипповым был создан и передан в Комитет правления АН проект двухэтажной каменной пристройки к зданию академической типографии (ил. 1 на цв. вкл.). 16 марта 1843 г. вице-президент Академии кн. М. А. Дондуков-Корсаков извещал Комитет правления о том, что представленные им министру народного просвещения план, фасад и смета на новую постройку были переданы на рассмотрение в Главное управление путей сообщения и публичных зданий.

21 февраля 1843 г. проект, несколько измененный архитектором этого управления Р. А. Желязевичем, был утвержден императором Николаем I¹⁶. В соответствии с проектом первый этаж прямоугольного в плане здания и главный фасад на 9-ю линию должны были занять инструментальная и фигурная палаты (с квартирами инструментального и фигурного мастеров) и кладовые. В верхнем этаже планировалось разместить просторные помещения для типографии, конторы фактора и комиссара и квартиру фактора. Новое и старое здания типографии соединялись переходом на уровне второго этажа с проездом на уровне первого¹⁷ (ил. 2 на цв. вкл.).

Утвержденный проект император передал министру народного просвещения с просьбой в скорейшем времени представить смету к исполнению проекта в соответствии с утвержденными положениями. Составление новой сметы было поручено архитектору Д. Е. Филиппову¹⁸.

К маю 1843 г. архитектор Р. А. Желязевич передал в Академию в дополнение к уже имеющимся плану и фасаду нового здания составленные им еще два документа: схематичный план части Васильевского острова в Петербурге, где размещался участок со зданием типографии АН¹⁹, и план самого участка²⁰. В мае составленная Д. Е. Филипповым смета на сумму 42 372 руб. 62¼ коп. вместе со всеми чертежами была передана из Академии через министра народного просвещения на повторное рассмотрение в Главное управление путей сообщения и публичных зданий²¹. Но в конце июля того же года смету вновь возвратили в Академию на доработку с приложением замечаний, сделанных начальником управления, основанных на урочном положении, высочайше утвержденном 4 февраля 1843 г.²², а в ноябре передали еще и требование императора Николая I, согласно которому при представлении к утверждению проектов на возведение новых зданий и капитальные перестройки существующих требовалось прилагать всегда общие планы местности, где строения находятся или где предполагается их возвести²³.

Учтя все высказанные замечания и пожелания, 7 июля 1844 г. Д. Е. Филиппов представил в Комитет правления две сметы: одну — на разломку каменной стены, тянущейся по участку, принадлежащему Академии, вдоль

¹⁶ СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 1. Д. 61. Л. 731 об. — 734.

¹⁷ СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2-1843. Д. 231. Л. 12.

¹⁸ СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 1. Д. 61. Л. 731 об. — 734.

¹⁹ СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2-1843. Д. 231. Л. 162.

²⁰ Там же. Л. 161.

²¹ Там же. Л. 4, 13–47.

²² СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 1. Д. 62. Л. 712–715. § 1029.

²³ СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2-1843. Д. 120. Л. 1–1 об.

9-й линии, и вторую — на постройку на этом месте двухэтажного каменного флигеля. В пояснительной записке к сметам были указаны размеры двухэтажного на подвалах здания: длиной — 25, а высотой — $5\frac{1}{3}$ погонных сажень, «у кого нижний этаж весь на сводах, а в подвальном своды; под инструментальную мастерскую, фигурную палату и кладовые, с покрытием крыши железом». Строительство планировалось осуществлять в летние месяцы 1844–1846 гг. В первый год предполагалось закончить всю постройку «вчерне» и покрыть крышу железом. Во второй год — выполнить всю внутреннюю отделку, в третий — завершить фасадные работы (оштукатурить и выкрасить). Размер сметной суммы увеличился до 43 097 руб. 30 $\frac{3}{4}$ коп²⁴. Однако деньги на проект так и не были выделены.

Вопрос об увеличении производственных площадей типографии за счет надстройки дополнительного этажа над зданием типографии поднимался в Академии наук в 1868 г. К тому времени, по словам управляющего типографией Ф. Е. Нагеля, «Типография и Словолитня вступили в период полного своего развития, снискав за качество своей продукции известность и доверие». К началу 1870-х гг. типография могла печатать тексты на 325 языках, в том числе на 37 древних и восточных²⁵. В академическую типографию почти никогда не обращались с простыми работами; заказывали издания, которые содержали математический набор, трудные таблицы и разные восточные шрифты, «или же с изданиями роскошными и изящными, которые требуют большого умения и мастерства»²⁶. К 1868 г. в типографии действовала относительно новая паровая машина мощностью в 10 лошадиных сил, установленная в 1859 г.²⁷, которая приводила в действие семь новых современных скоропечатных станков и две вновь приобретенные глазировальные машины для сатинирования бумаги, а также обеспечивала паровым отоплением весь средний этаж главного типографского здания. На предприятии полностью обновили парк скоропечатных и ручных станков, приобрели две машины для нарезки бумаги и линеек. В словолитную палату вместо устаревших станков для ручной отливки были приобретены скороотливательные машины, закупались различные новые шрифты, пунсоны и матрицы, «гальванопластические принадлежности», посредством которых в словолитне было изготовлено 6000 матриц, приобретен «стереотипический снаряд для стереотипной работы», проведена новая водопроводная труба от набережной Большой Невы до дома типографии, в самом здании во всех трех этажах устроено газовое освещение в 200 горелок²⁸.

Все эти технические новшества с трудом размещались в тесном, обветшавшем, около пятнадцати лет не ремонтировавшемся особняке²⁹. Потребность в расширении производственных площадей стояла по-прежнему

²⁴ СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2-1843. Д. 231. Л. 66 – 157 об.

²⁵ История Академии наук СССР : в 3 т. / [гл. ред. акад. К. В. Островитянов] / Акад. наук СССР ; Ин-т истории естествознания и техники. М. ; Л. Т. 2. 1964. С. 452.

²⁶ СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2-1868. Д. 57. Л. 1–2.

²⁷ СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2-1859. Д. 68. Л. 14, 19.

²⁸ СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2-1859. Д. 68. Л. 14, 19; Оп. 2-1868. Д. 85. Л. 27.

²⁹ Последний ремонт проводился в 1853 г. См.: СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2-1853. Д. 43. Л. 116, 120, 120 об.

остро. Однако Комитет правления признал, что строительство дополнительного этажа будет возможно только «когда изыщутся потребные для того средства»³⁰. При этом собственных средств на проведение строительных работ у Академии не было. Суммы, ежегодно, с 1864 г., отпускавшейся из Государственного казначейства на содержание академической типографии по смете Министерства народного просвещения, едва хватало на покрытие текущих расходов. Размер ее зависел от размера ежегодного дохода типографии. После отмены календарной привилегии в 1865 г. и отказа со стороны Академии, по причине абсолютной нерентабельности, издавать свои календари (с 1870 г.) и печатать газету «Санкт-Петербургские ведомости» (с 1878 г.) доходы типографии значительно сократились. Это повлекло за собой и уменьшение выделяемой на ее содержание сметной суммы. Поэтому строительство вновь было отложено на неопределенный срок.

Несмотря на все накопившиеся проблемы, типография продолжала издавать научную литературу, причем издания ее отличались высочайшим качеством исполнения и изяществом. Благодаря этому в 1890-е гг. она считалась лучшим предприятием по изданию научной литературы в Российской империи. На I Всероссийской выставке печатного дела в Санкт-Петербурге в 1895 г. типография была удостоена почетного диплома³¹ (ил. 3 на цв. вкл.). При этом финансовое положение типографии являлось настолько бедственным из-за незначительного размера выделяемой на ее содержание сметной суммы, что с начала 1890-х гг. ей приходилось влезать в долги, беря деньги других сметных статей, для того чтобы приобрести необходимые новые шрифты и матрицы. В этих обстоятельствах ни о замене устаревающего и приходящего в негодность оборудования, ни тем более о расширении производственных площадей речи не могло идти³².

В середине 1890-х гг. проблему расширения типографии и превращения ее в современное высокодоходное предприятие попытался решить президент Академии наук вел. кн. К. К. Романов. Формальным поводом для возвращения к вопросу о положении типографии послужило заключение Фабричной инспекции, проводившей обследование здания типографии и условий труда и быта ее служащих в ноябре 1895 г. В результате проверки были вскрыты серьезные нарушения в организации производственного процесса и в условиях охраны труда. В частности, в заключении инспекции по вопросу организации производственных помещений отмечалось, что паровой котел, который приводит в движение паровую машину и отопливает все здание типографии, находится под помещением, где стоит машина. В соответствии с Правилами об устройстве, установке и содержании котлов, утвержденными в 1896 г., запрещалось устанавливать котлы под мастерскими, жилыми помещениями и такими помещениями, где обыкновенно находятся люди. Второй котел, приобретенный более тридцати лет назад, нуждался в капитальном ремонте, и инспекция запретила его эксплуатацию. Она потребовала, чтобы паровые котлы были выведены из

³⁰ СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 203. Л. 44 об.

³¹ СПбФ АРАН. Ф. 49. Оп. 1. Д. 384. Л. 1.

³² СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 203. Л. 45 об.

нынешнего помещения и установлены в особом, специально для них построенном здании³³.

Вопрос о состоянии типографии в свете замечаний Фабричной инспекции рассматривался на заседании Общего собрания Академии 5 октября 1896 г. Было решено собрать все необходимые справки по положению типографии и представить на обсуждение Общего собрания³⁴. На заседании 5 апреля 1897 г. непреходящий секретарь академик Н. Ф. Дубровин представил записку, составленную на основе заключения обследования Фабричной инспекции и мнения академического архитектора Р. Р. Марфельда, обследовавшего само типографское здание и подсчитавшего приблизительные расходы, требуемые для выполнения предписаний инспекции. В записке отмечалось, что на строительство специального помещения, переноску и установку двух котлов и паровой машины, приспособление новых помещений под паровую машину, приспособление старых помещений под наборную и т. д. потребуются немалые средства. Кроме того, назрела необходимость в замене одного из паровых котлов и самой паровой машины, поломка которых могла повлечь за собой приостановку в работе предприятия, а также в обновлении значительного количества устаревших скоропечатных станков. В отношении состояния самого здания типографии Р. Р. Марфельд сделал заключение, что старый дом, сооруженный на прочном гранитном фундаменте с толстыми кирпичными стенами, может свободно выдержать надстройку одного и даже двух этажей, если размеры последних будут не слишком велики. Кроме того, при типографии имелся двор площадью 773,23 кв. сажени, обнесенный каменной стеной с воротами по фасаду 9-й линии, с деревянным одноэтажным флигелем постройки начала 1830-х гг., нуждавшимся в капитальном ремонте. На месте флигеля и ограды Р. Р. Марфельд предложил построить новый современный дом, тем самым расширив производственные площади типографии³⁵.

Результатом обсуждения записки непреходящего секретаря стало распоряжение президента АН о создании специальной комиссии во главе с академиком К. С. Веселовским, в составе вице-президента Л. Н. Майкова, непреходящего секретаря Н. Ф. Дубровина, академиков М. И. Сухомлинова, А. П. Карпинского, П. В. Еремеева, В. В. Латышева, В. К. Ернштедта и заведующего типографией К. А. Зеленого, в качестве правителя дел комиссии, для исследования положения типографии. Комиссии было велено составить акт о состоянии типографии, ее инвентаря и производительной способности; проектировать постройки, обновление инвентаря и оборудования типографии, «для постановки ее на высоте современных требований»; составить смету необходимых на то расходов и войти в Министерство народного просвещения с представлением о необходимости обновления типографии и с просьбой исходатайствовать разрешение «обращать» определенное число лет поступающий чистый доход в распоряжение Академии на покрытие расходов по перестройке и обновлению. Результаты работы комиссии должны были быть внесены на обсуждение Общего собрания АН³⁶.

³³ Там же. Л. 45.

³⁴ СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 201. Л. 62 об.

³⁵ СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 203. Л. 44 – 51 об.

³⁶ Там же. Л. 42, 42 об.

По распоряжению комиссии заведующий типографией К. А. Зеленой составил акт о состоянии здания, инвентаря и «производственных способностей» предприятия. Характеризуя производственные помещения, он указывал на крайнюю их стесненность, недостаток освещения и отсутствие вентиляции воздуха. Так, он отмечал, что в помещениях наборной «недостаток света вредно отзывается на работающих, а близость этих трех комнат к машинному отделению, от которого они ничем не отделены, наполняет их тяжелой атмосферой и при отсутствии вентиляции вредно отзывается на здоровье работающих людей». Отсутствие вентиляции и как следствие — «вредный дурной воздух», свинцовые пары и пыль, а также полумрак и теснота, создавали недопустимые условия для работы в словолитной палате, размещенной в двух комнатах нижнего этажа. Такие же недостатки отмечались и в помещениях подъемного отделения. Оборудование — котлы, паровая машина, скоропечатные станы, «отливальные машины», прессы — в основной своей массе устарело и нуждалось либо в капитальном ремонте, либо в замене. Две кладовые для размещения коллекции уникальных шрифтов, то, чем всегда гордилась Академия наук, были слишком малы, также недопустимо малы, низки, темны и непроветриваемы являлись помещения для проживания, как женатых рабочих, так и холостых³⁷. Одновременно была составлена приблизительная смета на пополнение инвентаря типографии, включавшая в себя расходы по набору, печатанию, словолитне, брошюровочной и подъемной на сумму в 80 300 руб.³⁸ Академический архитектор Р. Р. Марфельд³⁹ составил приблизительную смету на расширение и переустройство здания типографии ИАН по 9-й линии Васильевского острова на сумму 330 456 руб. 87 коп. с пояснительной запиской и эскизами чертежей. В пояснительной записке указывалось, что расширение типографии предполагалось за счет строительства нескольких новых зданий, а также переустройства старого типографского дома и надстройки над ним третьего этажа. Предполагалось строительство трехэтажного, выходящего фасадом на 9-ю линию каменного наборного корпуса (ил. 4 на цв. вкл.), во дворе — двухэтажного машинного и трехэтажного жилого корпуса, примыкающего к границе с соседним участком, а также двух соединительных галерей между ними.

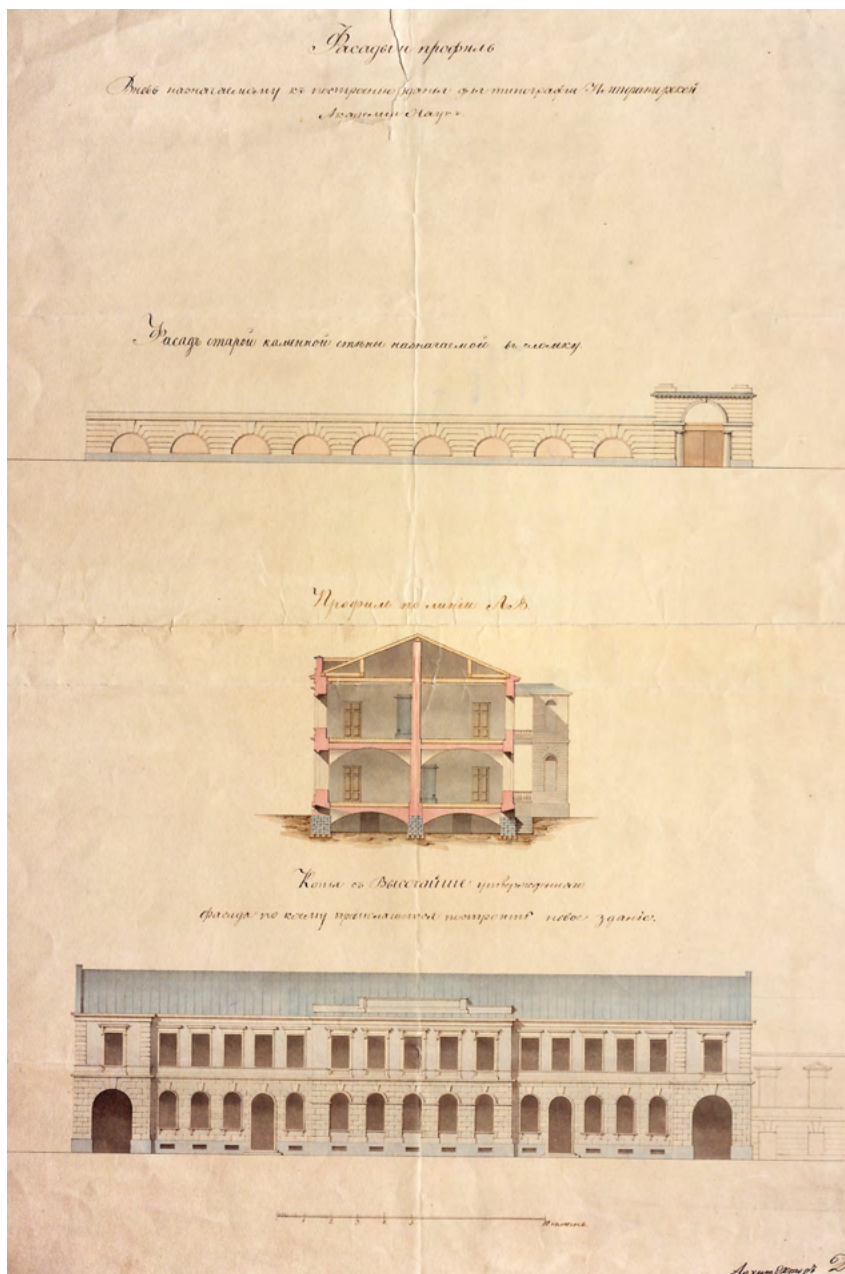
В первом этаже нового наборного корпуса должны были разместиться вестибюль и склад бумаги; во втором — один большой зал для наборной с двумя кладовыми для шрифтов (восточных и европейских), архив и клозет с курительной.

³⁷ СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2-1897. Д. 93. Л. 30 – 35 об.

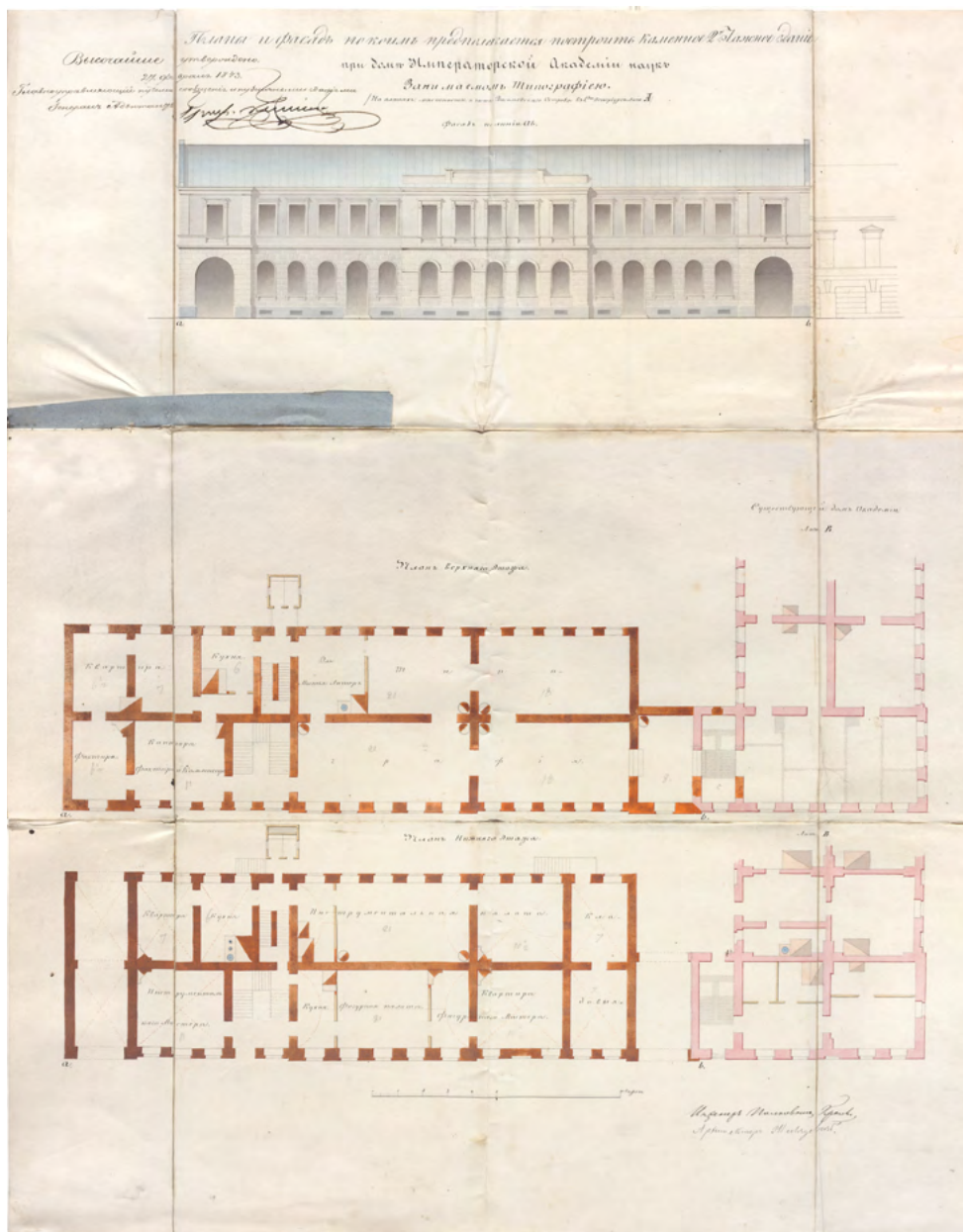
³⁸ Там же. Л. 10–11.

³⁹ В системе Академии наук архитектор Р. Р. Марфельд служил с 1885 по 1898 г. и руководил самыми разными строительными работами. По его проектам были возведены: здание для библиотеки в Таможенном переулке (1884–1886), каменная пристройка и деревянный дом при Главной физической обсерватории (1892), здание Библиотеки Академии наук (1914–1924); осуществлялась перестройка здания южного пакугаза на стрелке Васильевского острова для Зоологического музея АН (1895–1897). Под его наблюдением проводились работы по капитальному ремонту в зданиях АН. См.: *Груздева Е. Н.* От царской «кунст-каморы» до современной Кунсткамеры (по документам СПбФ АРАН); Архитектор Роберт Робертович Марфельд (1852–1921) [Справка] // [Электронные публикации Е. Н. Груздевой] / Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук. URL: <http://ranar.spb.ru/files/visual/Kunstkamera/Marfeld.pdf> (дата обращения: 11.10.2021).

К статье И. М. Щедровой
«Проекты реконструкции здания академической типографии
в 40–90-е гг. XIX в.»

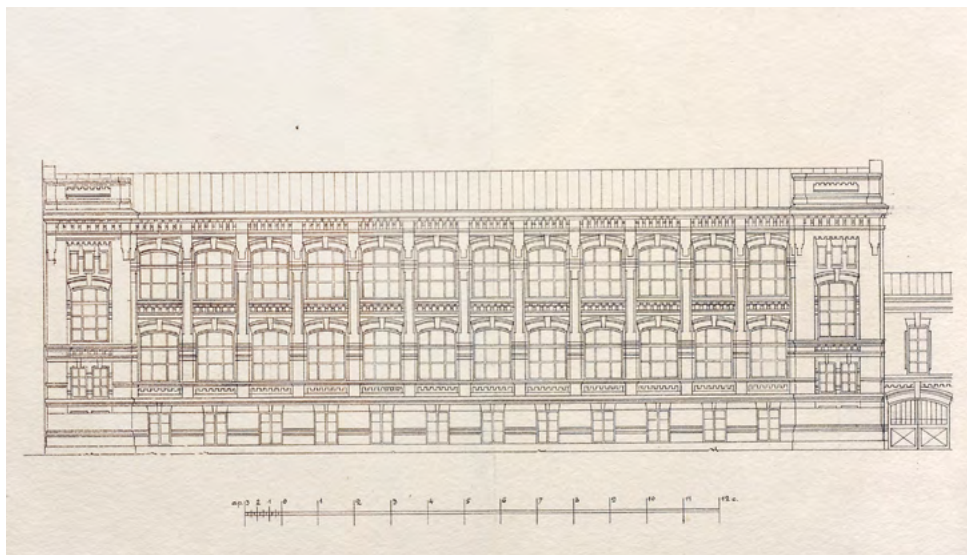
Ил. 1. Филиппов Д. Е. Фасады и профиль вновь назначаемому к построению зданию для Типографии Имп. Академии наук. 1843. Бумага, тушь, акварель, чернила (СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 22. Д. 59. Л. 7)

Ил. 2. Желязевич Р.А. План и фасад 2-этажного каменного дома, предполагаемого для строительства на участке Типографии Академии наук. 1843. Бумага, тушь, акварель, чернила (СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2-1843. Д. 231. Л. 12)

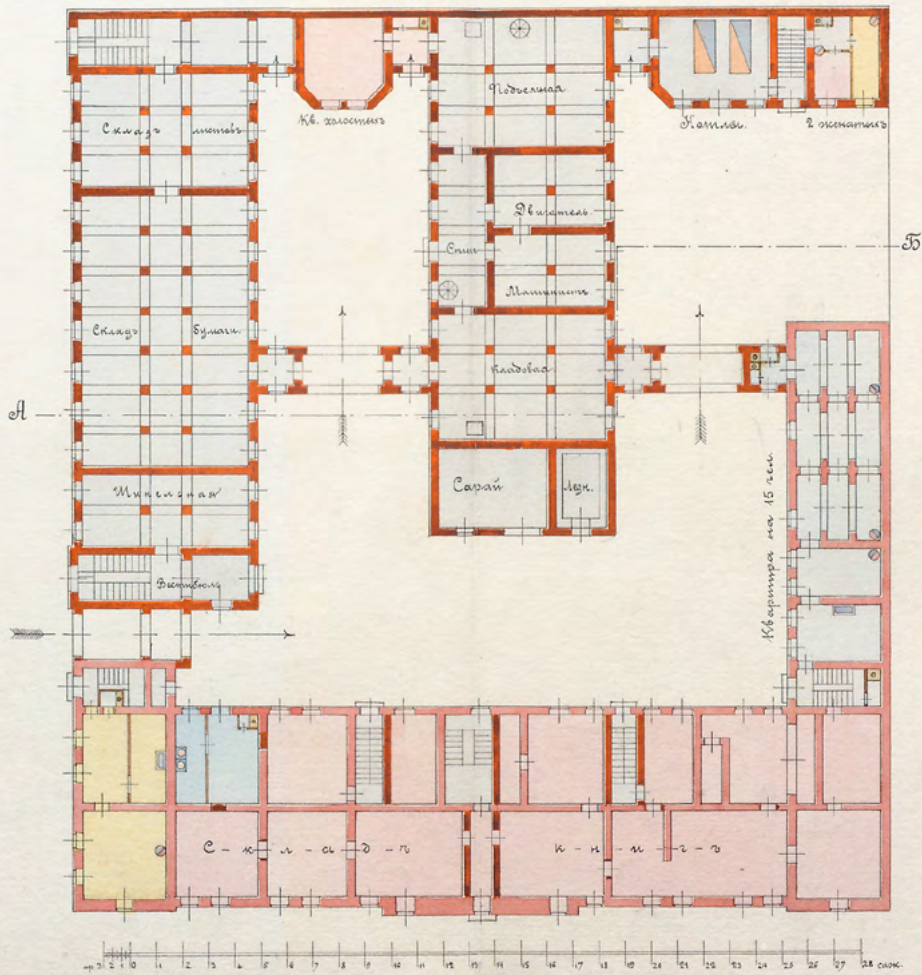
Ил. 3. Почетный диплом, выданный распорядительным комитетом I Всероссийской выставки печатного дела, организованной при Имп. Русском техническом обществе 15 июня 1895. Типографский оттиск (СПбФ АРАН. Ф. 49. Оп. 1. Д. 384. Л. 1)

Ил. 4. Марфельд Р. Р. Фасад трехэтажного каменного корпуса типографии, выходящего на 9-ю линию В.О. 1897. Бумага, тушь (СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2-1897. Д. 93. Л. 26)

Эскиз переустройства
 Типографии Императорской Академии Наук
 по 9-й лин. Вас. Остр. в С. П. Бурге.

План 1-го этажа.

Ил. 5. Марфельд Р. Р. Эскиз переустройства типографии Имп. Академии наук по 9-й линии В.О. в Санкт-Петербурге. План 1-го этажа. 1897 г. Бумага, тушь, акварель (СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2-1897. Д. 93. Л. 26 а)

В третьем этаже — зал для наборной, клозет и небольшой архив. Со старым домом типографии это здание соединялось двухэтажной соединительной частью с воротным проездом вниз, проходом и комнатой для доктора во втором этаже.

В первом этаже нового надворного машинного корпуса предполагалось разместить ручную счетную, слесарную, двигатель и подъемную. Все они располагались вокруг общего вестибюля с выходом во двор. Во втором этаже — один огромный зал для машины. К первому этажу примыкали сарай для макулатуры и ледник. Между южными концами наборного и машинного корпусов вдоль границы с соседним участком помещалась небольшая двухэтажная часть с казармой для холостых служащих в первом этаже и комнатой старшего мастера наверху. На другой стороне южного конца машинного корпуса находился трехэтажный жилой корпус на границе с соседним участком. В первом этаже — котельная и две квартирki для женатых служителей; во втором — смывная и кладовая; в третьем — четыре квартирki с общей кухней (ил. 5–7 на цв. вкл.).

Две соединительные галереи с коридором во втором этаже и большими арками в первом служили для сообщения северного конца машинного зала с наборной с одной стороны и с брошюровочной старого здания — с другой (ил. 8 на цв. вкл.).

В первом этаже старого здания начиная от воротного проезда с 9-й линии предполагалось разместить парадный вход с существующей лестницей на второй этаж и сохранить существующую уже квартиру в две комнаты с кухней и прачечной. Весь флигель по Большому проспекту отводился под склад готовых изданий АН. В надворном флигеле вдоль западной границы участка помещались казармы для 15 рабочих со столовой и кухней. Во втором этаже старого корпуса планировались вестибюль с входами в контору типографии, квартиру фактора и в новый наборный корпус. Предполагалось, что квартира фактора будет состоять из пяти комнат, с парадной, кухней, людской и двумя клозетами. Квартира заведующего — из шести комнат, с передней, кухней, ванной, людской и двумя клозетами. Здесь же в четырех залах планировалось разместить словолитню, с верхним светом в одном из них, и брошюровочную из четырех комнат, которые соединялись галереей с машинным залом. В надстроенном третьем этаже предполагалось поместить четыре квартирki. Третий этаж над западным корпусом вдоль границы участка предназначался для казармы на 25 рабочих.

Фундаменты для новых корпусов планировались из плиты на известковом растворе глубиной в 1,2 сажени. Стены должны были быть кирпичными, облицованными снаружи светло-желтым рижским кирпичом. Рижский кирпич выбран был для того, чтобы без употребления требующей постоянного ремонта штукатурки получить более светлые дворы, что невозможно при кирпичных фасадах красного цвета. Кровля — из оцинкованного железа. Отопление — водяное, низкого давления, вентиляция — полная в рабочих помещениях. Предполагались лифты в трех местах: в наборных и в машинно-гидравлических и узкоколейные рельсовые пути для соединения словолитни и наборной (через брошюровочную и соединительную галерею) с машинной⁴⁰.

⁴⁰ СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2-1897. Д. 93. Л. 12–25.

13 декабря 1897 г. все подготовленные материалы вместе с заключением комиссии о необходимости строительства новых зданий и обновления парка оборудования типографии как единственно возможном способе для превращения ее в современное предприятие, способное приносить ощутимый доход как самой Академии, так и казне, были представлены на обсуждение в Общее собрание⁴¹.

В заключении комиссии отмечалось, что Академия могла бы не запрашивать на реализацию этого проекта особого кредита на 330 тыс. руб. на строительство и 80 тыс. руб. на оборудование, если бы на протяжении восьми лет деньги, выручаемые типографией за исполнение частных заказов, причислялись бы, как это делается в других казенных типографиях, к ее специальным средствам для расходов на нужды типографии и если бы в течение этого же срока продолжался отпуск ежегодной суммы в размере 85 тыс. руб., назначенных на содержание типографии из Государственного казначейства⁴². Общее собрание согласилось с заключением комиссии, и 24 января 1898 г. президент АН К. К. Романов передал доклад комиссии с приложением на рассмотрение министра народного просвещения для возбуждения ходатайства перед Министерством финансов⁴³.

13 марта 1898 г. управляющий Министерством народного просвещения Н. П. Боголепов сообщил президенту, что получил отказ на обращение к министру финансов С. Ю. Витте с ходатайством о причислении средств, выручаемых типографией за частные заказы, к специальным средствам для расходов на нужды типографии с отпуском в то же время 85 тыс. руб. ежегодно на содержание типографии из сумм Государственного казначейства. С. Ю. Витте уведомил Н. П. Боголепова, что предполагаемый отказ казны в пользу типографии на будущее время от указанного источника дохода был бы равносителен возложению на казну совершенно нового расхода, в течение восьми испрашиваемых лет на общую сумму более 400 тыс. руб. Министерство финансов не могло позволить себе допустить такой расход средств, необходимых на «неотложные государственные надобности как по Министерству народного просвещения, так и по другим ведомствам»⁴⁴.

Результатом повторного обращения президента АН к министру народного просвещения 27 марта 1898 г. о необходимости возобновить ходатайство, поскольку отказ от него «ставил академию в весьма затруднительное положение»⁴⁵, стало распоряжение Николая II от 15 мая 1898 г. об отпуске из суммы Государственного казначейства 5000 руб. на заказ и постановку в типографии газомотора и на другие неотложные работы в типографии, переданное министром финансов С. Ю. Витте 18 мая 1898 г.⁴⁶

Таким образом, в 40–90-е гг. XIX в. Академия наук пыталась решить острейшую проблему расширения производственных площадей для своей типографии, которая задыхалась в тесном, не приспособленном для нужд

⁴¹ СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 203. Л. 79, 82–83.

⁴² СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2-1897. Д. 93. Л. 39–40 об.

⁴³ Там же. Л. 44–45.

⁴⁴ Там же. Л. 48–49.

⁴⁵ Там же. Л. 50, 51 об.

⁴⁶ Там же. Л. 67, 67 об.

современного полиграфического предприятия двухэтажном особняке постройки начала XIX столетия. Создавались интересные архитектурные проекты, однако отсутствие собственных средств, недостаточное государственное финансирование и нежелание власти пойти навстречу Академии для решения этой проблемы привели к тому, что эти проекты так и остались на бумаге, а типография АН вступала в новый XX в. с тяжелым багажом неразрешенных проблем, связанных с недостатком производственных площадей, устаревшим оборудованием, тяжелейшими условиями труда и быта своих служащих.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 201, 203.
СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 1. Д. 36, 61, 62.
СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2-1825. Д. 51, 91.
СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2-1828. Д. 76.
СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2-1829. Д. 9, 62.
СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2-1837. Д. 270.
СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2-1841. Д. 160.
СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2-1842. Д. 126.
СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2-1843. Д. 120, 231.
СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2-1853. Д. 43.
СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2-1859. Д. 68.
СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2-1868. Д. 57, 85.
СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2-1897. Д. 93.
СПбФ АРАН. Ф. 49. Оп. 1. Д. 384.

- Басаргина Е. Ю.* Сергей Семенович Уваров // Актуальное прошлое: взаимодействие и баланс интересов Академии наук и Российского государства в XVIII — начале XX в. Очерки истории : в 2 кн. / сост. и отв. ред. д. и. н. И. В. Тункина ; ФАНО России ; СПбФ АРАН. Изд. 2-е, испр. Кн. 1. СПб., 2018. С. 332–357.
- Груздева Е. Н.* От царской «кунст-каморы» до современной Кунсткамеры (по документам СПбФ АРАН); Архитектор Роберт Робертович Марфельд (1852–1921) [Справка] // [Электронные публикации Е. Н. Груздевой] / Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук. URL: <http://ganar.spb.ru/files/visual/Kunstkamera/Marfeld.pdf> (дата обращения: 11.10.2021).
- История Академии наук СССР : в 3 т. / [гл. ред. академ. К. В. Островитянов] / Акад. наук СССР ; Ин-т истории естествознания и техники. М. ; Л., Т. 2. 1964.
- Латина Е. Б.* Дом Д. П. Лопеса (Типография Академии наук) // Памятники архитектуры и истории Санкт-Петербурга. Василеостровский район / под ред. Б. М. Кирикова. СПб., 2006. С. 219–221.
- Никитенко Г. Ю., Соболев В. Д.* Дома и люди Васильевского острова. М., 2007.
- Щедрова И. М., Тункина И. В., Долгополова Е. В.* Очерки истории финансирования Императорской Санкт-Петербургской академии наук (1724–1862): 1803–1835 гг. // Актуальное прошлое: взаимодействие и баланс интересов Академии наук и Российского государства в XVIII — начале XX в. Очерки истории : в 2 кн. / сост. и отв. ред. д. и. н. И. В. Тункина ; ФАНО России ; СПбФ АРАН. Изд. 2-е, испр. Кн. 1. СПб., 2018. С. 465–662.

Е. Ф. Синельникова
Санкт-Петербургский филиал Института истории
естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН

ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ НАУЧНЫХ ОБЩЕСТВ 1917–1922 ГГ. В ЦГА СПб*

Главной задачей представителей научного сообщества в условиях острейшего кризиса 1917–1922 гг. являлось сохранение своего положения в государстве и обществе. Вместе с тем большую роль в формировании когнитивных и институциональных компонентов мобилизации интеллектуального потенциала страны в эти годы играла самоорганизация, одной из форм которой являлись научные общества. Их документальное наследие периода Гражданской войны, отложившееся в нескольких фондах ЦГА СПб, представляет собой один из важных источниковых комплексов по истории самоорганизации российской науки периода острого социально-политического и экономического кризиса первых послереволюционных лет.

Ключевые слова: научные общества, документальное наследие, история науки, самоорганизация российской науки, революция, Гражданская война.

E. F. Sinelnikova
St. Petersburg Branch of S. I. Vavilov Institute for the
History of Science and Technology of the RAS

DOCUMENTARY HERITAGE OF SCIENTIFIC SOCIETIES (1917–1922) IN THE CENTRAL STATE ARCHIVE OF ST. PETERSBURG

The main task of the scientific community in the crisis conditions of 1917–1922 was to preserve their position in the country and the society. At the same time, a large role in forming cognitive and institutional components of mobilizing the country's intellectual potential during these years was performed by self-organization, one of its forms being scientific societies. Their documentary heritage of the Civil War period, deposited in several collections of the Central State Archive of St. Petersburg, is one of the important source complexes on the history of self-organization of the Russian science during the socio-political and economic crisis of the first post-revolutionary years.

Key words: scientific societies, documentary heritage, history of science, self-organization of Russian science, revolution, Civil War.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках проекта № 18-011-00730.

В условиях острейшего кризиса 1917–1922 гг. главной задачей представителей научного сообщества являлось сохранение своего положения в государстве и обществе. Трагическое развитие событий после революции заставило ученых искать источники выживания, концентрируясь на решении жизненных внутренних, в первую очередь хозяйственных и финансовых проблем, посредством выстраивания диалога с новой властью. Причем не столько в диалоге с правительством, сколько с отдельными министерствами (наркоматами), а также с местными органами власти. Вместе с тем большую роль в формировании когнитивных и институциональных компонентов мобилизации интеллектуального потенциала страны в эти годы играла самоорганизация.

Одной из достаточно эффективных форм самоорганизации ученых являлись научные общества. Они занимали важное место в системе дореволюционной отечественной науки, способствуя формированию профессионального научного сообщества и повышению уровня общественной активности ученых, а также играли значимую роль в укреплении международных связей российской науки.

Некоторые научные общества самораспустились после революции, другие временно приостановили свою деятельность, третьи же продолжали работу как городские (Петроградское медицинское общество, Петроградское отоларингологическое общество, Философское общество при Петроградском университете и др.), так и крупные всероссийские научные общества, среди которых достаточно упомянуть Императорское Русское географическое общество, Императорское Русское историческое общество, Императорское Русское техническое общество и др. В этот период создавались и новые организации ученых, предмет специализации которых был востребован новой властью — применение новых технологий, медицина, исследование отдельных национальных культур, разработка вопросов марксизма и т. п. Например, в 1918–1922 гг. в Петрограде появились Российское общество радиоинженеров (1918), Научное общество марксистов (1919), Научное общество охраны материнства и младенчества (1920), Ленинградское терапевтическое общество им. С. П. Боткина (1921), Общество исследователей украинской истории, литературы и языка (1921), Петроградское физико-математическое общество (1921) и др.

Необходимо отметить, что Петроград продолжал занимать первое место в стране по численности ученых и их общественных организаций, что свидетельствовало о сохранении статуса главного научного центра.

В связи с этим особый интерес для исследования процессов самоорганизации российской науки в 1917–1922 гг. представляет документальное наследие научных обществ. Их документы отложились в нескольких фондах ЦГА СПб.

После Октябрьской революции научные общества оказались в ведении Народного комиссариата просвещения. Материалы его петроградских/ленинградских административных органов за период 1917–1925 гг. объединены в фонд 2555 ЦГА СПб¹. В первую очередь, это организационно-распоря-

¹ ЦГА СПб. Ф. 2555. — Ленинградское отделение Главного управления научных учреждений Академического центра Наркомата просвещения РСФСР (1917–1925 гг.).

дительные документы (распоряжения, указания, решения, постановления, циркуляры и т. п.), в том числе касающиеся деятельности научных обществ. Особый интерес представляют дела научных обществ города, хранящиеся в этом фонде. Несмотря на то, что документы не всех научных обществ, функционировавших в 1917–1922 гг., сохранились, а дела некоторых обществ к настоящему моменту «выбыли», т. е. утрачены, в фонде 2555 насчитывается более 60 дел научных обществ. Они содержат делопроизводственные материалы, переписку с научно-административными и другими властными органами, как местными, так и центральными, отчеты, сметы, уставы, протоколы и журналы заседаний, списки членов обществ, справки, докладные записки, запросы о субсидии и т. п. В этих документах зафиксирована текущая и планируемая работа, сформулированы проблемы и намечены пути их решения, отражены особенности взаимоотношения с административными властными органами.

Остановимся на некоторых документах, заслуживающих внимания. Например, тексты докладов председателя Русского технического общества П. И. Пальчинского «Восстановление экономической жизни, трудовая школа и Русское техническое общество» и дополнения к нему под названием «Схема практического приступа к проведению в школе трудового начала и организации самого труда», прочитанных на общих собраниях Общества 8 февраля и 15 февраля 1919 г. В целях реализации намеченных председателем Общества планов было решено в составе уже существующей Постоянной комиссии по техническому образованию создать специальную Комиссию по реформе технического и профессионального образования и по проведению трудового начала в школе². Тексты докладов П. И. Пальчинского представляют собой интересное свидетельство развития научно-педагогической мысли.

Достаточно информативным и важным источником по истории отечественной науки периода Гражданской войны являлись различные сведения, направляемые научными обществами в местные органы Наркомпроса. В частности, в марте 1921 г. Петроградское управление научными учреждениями (ПУНУ) обратилось к научным обществам Петрограда с просьбой сообщить дату последней регистрации и прислать действующие уставы³. Через несколько месяцев ПУНУ запросило у этих организаций «объяснительную записку о характере деятельности»⁴. Осенью того же года по всем научным обществам Петрограда были разосланы анкеты с просьбой сообщить точное название, адрес и телефон, дату основания, рассказать о задачах, организации управления обществом и т. п.⁵ Среди вопросов был и такой: «Изменения, произошедшие с 1917 г.: а) прежнее название, б) последовательное его преобразование, в) изменения в характере работ и в задачах»⁶. Также

² ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 58. Л. 130.

³ ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 59. Л. 39; Д. 182. Л. 7–7 об.; Д. 184. Л. 28.

⁴ ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 352. Л. 2.

⁵ ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 341. Л. 1–2; Д. 351. Л. 1–2; Д. 353. Л. 2–2 об.; Д. 354. Л. 2–3; Д. 355. Л. 3–4; Д. 356. Л. 1–2, 7–8; Д. 357. Л. 1–2; Д. 358. Л. 1–1 об.; Д. 361. Л. 1–2; Д. 909. Л. 1–3; Д. 910. Л. 1–2; Д. 11. Л. 1–5 об.; Д. 912. Л. 1–2; Д. 913. Л. 1–2.

⁶ ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 341. Л. 1 об.

в анкету вошли вопросы о наличии в обществе «комитетов служащих» (профсоюзных организаций) и «коллективов коммунистов» (партийных ячеек)⁷.

Отчетно-статистические данные, составленные научными обществами для выставок Наркомпроса в 1920–1921 гг., в том числе и по личному составу, также представлены в материалах рассматриваемого фонда⁸. Информация, зафиксированная в них, охватывает период с 1913 г., что позволяет проследить динамику численности состава членов научных обществ, а также изменения в формах и методах их деятельности.

Кроме того, документы научных обществ хранятся в фонде 1001 ЦГА СПб⁹ и также имеют большое значение для исследования самоорганизации науки в 1917–1922 гг. Более 50 дел этого фонда объединяют материалы по истории научных обществ: организационно-распорядительные, информационные и отчетно-статистические и проч.

В частности, заслуживающими внимания являются материалы Стола регистраций обществ, союзов и других объединений Административного подотдела Отдела управления Петрогубисполкома. Летом 1918 г. было принято постановление об обязательной регистрации общественных организаций в Петрограде¹⁰. Незарегистрированные исполкомами советов добровольные общества и союзы автоматически подлежали закрытию, а их имущество и оборудование передавались на баланс соответствующих ведомств.

Научные общества направляли в губисполком проект устава, заявление об утверждении устава вместе со списком учредителей за их подписями, и документы рассматривались на заседаниях специальной Междуведомственной комиссии при Административном подотделе. В ее состав входили представители губполитпросвета, Губчека, отдела юстиции губисполкома. Заседания происходили 2–5 раз в месяц. По решению комиссии документы обществ направлялись для заключения в тот наркомат или ведомство, к компетенции которых относилась область деятельности того или иного общества. Заключение должно было быть вынесено в недельный срок со дня отправки по следующим пунктам: а) известны ли Ведомству учредители как теоретики или практики дел, осуществление которых ставят своей задачей; б) признает ли Ведомство возможность достижения целей Обществом при настоящих политико-экономических условиях; в) в какой степени полезна деятельность /по уставу/ данного общества для Республики¹¹. Помимо обязательных ответов на предложенные вопросы, также было желательно более подробно изложить мнение ведомства по поводу существования общества. Заключение по научным обществам давал местный орган Наркомпроса.

Приведем несколько примеров таких заключений: «Русское астрономическое общество: учредители известны, как соответствующие делу лица. Являясь объединением всех деятелей по астрономии и геодезии, Русское

⁷ Там же. Л. 2.

⁸ ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 272.

⁹ ЦГА СПб. Ф. 1001. — Административный отдел исполкома Ленинградского губернского совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Ленинградской губернии (1917–1925 гг.).

¹⁰ ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 58. Л. 107.

¹¹ ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 6. Д. 1. Л. 10.

астрономическое общество содействует распространению и углублению знаний и научных организаций в данной области, как цели до настоящего момента. Состоит в ведении Петроградского управления научных учреждений. Существует с 1890 г.»¹²; «Российское минералогическое общество: учредители известны, как ученые исследователи. Занимаясь исследованием минеральных богатств и строением почвы России и распространяя сведения по части минералогии, геологии и палеонтологии, Минералогическое общество преследует цели, особенно важные для Республики в данный момент и вполне осуществимые. Состоит в ведении Петроградского управления научных учреждений. Является одним из старейших и серьезных обществ в России»¹³.

Следует также отметить, что, несмотря на подконтрольность медицинских обществ Наркомпросу, заключения о них давались Губернским отделом здравоохранения, при этом по поводу Юридического общества при Петроградском университете заключение давал Наркомюст.

После принятия положительного решения о регистрации общество вносилось в реестр обществ и союзов под текущим номером. Затем обществу выдавалось определение. Например: «1922 г. 22 апреля дня Административный подотдел Отдела управления Петрогубисполкома, рассмотрев заявление о регистрации Юридического общества и принимая во внимание, что целью вышеназванного общества является исключительно разработка теоретических и практических вопросов права и распространение юридических знаний, политического характера оно не имеет, что в уставе его не содержится параграфов, противоречащих декретам народных комиссаров или конституции РСФСР, почему препятствий к регистрации означенного общества не имеется, Административный подотдел Отдела управления Петрогубисполкома определил: внести в Реестр обществ и союзов “Юридическое общество” под № 50 в чем и выдано удостоверение. Основание: Протокол за № 8»¹⁴. А также удостоверение в регистрации: «Дано сие Административным подотделом Отдела управления Петрогубисполкома в том, что согласно определения подотдела от 22/IV 1922 г. общество под названием Юридическое общество Универ. наб., 7/9 внесено в реестр обществ и других объединений под № 50»¹⁵. Кроме того, обществу возвращался один экземпляр устава со штампом о регистрации.

Массив этих документов представляет большой интерес для исследователей, т. к. позволяет, помимо прочего, проанализировать реальную административную практику.

Окончание Гражданской войны и переход к НЭПу привели к значительной активизации научных обществ. У них появилась возможность расширить свою деятельность: вернуться к работе «в поле», вновь проводить профессиональные съезды. Со стороны власти эти мероприятия получали одобрение, и на их проведение выделялись дополнительные субсидии.

¹² ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 6. Д. 1. Л. 14 об.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. Д. 124. Л. 4. (Сохранены стиль и язык документа. — Е. С.).

¹⁵ Там же. Л. 2.

В заключение следует отметить, что документальное наследие научных обществ 1917–1922 гг., хранящееся в ЦГА СПб, является одним из важных источников комплексов по истории самоорганизации российской науки периода острого социально-политического и экономического кризиса первых послереволюционных лет.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

НЭП – Новая экономическая политика

ПУНУ – Петроградское управление научными учреждениями

ЦГА СПб – Центральный государственный архив Санкт-Петербурга

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 58, 59, 182, 184, 272, 341, 351–358, 361, 909, 910, 912, 913.

ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 6. Д. 1, 124.

М. В. Глеб

Институт истории Национальной академии наук Беларуси

**ИНСТИТУТ БЕЛОРУССКОЙ КУЛЬТУРЫ И БЕЛОРУССКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК: ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И НОВОВВЕДЕНИЯ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1920-х — НАЧАЛО 1930-х гг.)**

Основной темой статьи являются изучение преемственности и определение нововведений в деятельности первых научно-исследовательских учреждений академического типа в Беларуси: Института белорусской культуры и Белорусской академии наук. Рассматриваются процесс трансформации организационной структуры Академии, изменения в исследовательских планах, кадровой политике второй половины 1920-х — начала 1930-х гг.

Ключевые слова: история науки, Институт белорусской культуры, Белорусская академия наук, научно-исследовательский институт, планирование научной работы.

M. V. Hleb

Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus

**INSTITUTE OF BELARUSIAN CULTURE AND BELARUSIAN
ACADEMY OF SCIENCES: CONTINUITY AND INNOVATIONS
(2ND HALF OF 1920S — EARLY 1930S)**

The main topic of the article is the study of continuity and innovations in the activities of the first scientific research institutions of the academic type in Belarus: the Institute of Belarussian Culture and the Belarussian Academy of Sciences. The author considers the transformation process of the Academy's organizational structure, changes in research plans and personnel policy at the second half of the 1920s — early 1930s.

Key words: history of science, Institute of Belarussian Culture, Belarussian Academy of Sciences, research institute, planning of scientific work.

История Национальной академии наук Беларуси традиционно отсчитывается с 13 октября 1928 г., даты принятия постановления Центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров БССР о реорганизации Института белорусской культуры (ИБК) в Белорусскую академию наук (БАН). Однако некоторые из исследователей академической науки Беларуси отмечают, что в течение 1927–1928 гг. ИБК фактически являлся

академическим учреждением¹. Это демонстрирует ряд архивных документов, как официального уровня (устав ИБК 1927 г., в основу которого были положены нормы устава Академии наук СССР), так и эго-документы белорусских ученых.

Данное исследование посвящено сравнительному изучению организационного устройства и деятельности Института белорусской культуры и Белорусской академии наук. Целью работы является определение преемственности и нововведений в академической науке второй половины 1920-х — начала 1930-х гг. Основное внимание уделяется изменениям в принципах организации белорусских научно-исследовательских учреждений, их кадровой политике, выборе тематики исследовательской деятельности.

Белорусская академия наук в течение первого года своей работы практически не отличалась в своем организационном устройстве от своего предшественника. Все структурные подразделения — кафедры, комиссии, сектора — объединялись в рамках Отдела гуманитарных наук и Отдела природы и хозяйства². Так, в планах работы Института белорусской культуры на 1927–1928 гг. указывается, что в Отделе природы и хозяйства работали следующие подразделения: геологический институт, кафедры почвоведения, ботаники, зоологии, географии, антропологии, биологии, химии, комиссии по изучению промышленности, домашних ремесел, кооперации, Горы-Горецкое научное товарищество по изучению Беларуси³. Та же структура была заложена в основу Отдела природы и хозяйства на заседании Президиума БАН от 26 февраля 1929 г. Предусматривалось и появление новых исследовательских подразделений по мере увеличения численности сотрудников, однако в целом структура Академии сохранялась на следующие пять лет. Подобная сложная структура вполне устраивала руководство БАН, поскольку оно предполагало постепенное преобразование отдельных кафедр в институты в ходе следующих трех лет⁴. За счет постепенности реформирования создавался определенный переходный период для республики, испытывавшей явную нехватку научных кадров.

Преемственность в академической жизни также выразилась в том, что в 1929 г. Белорусской академией наук продолжали руководить коллегиальные органы, действовавшие в Институте белорусской культуры: Академический совет, советы отделов. Академический совет составляли 32 члена, к его функциям относились обсуждение планов работы Академии, заслушивание научных докладов и отчетов о зарубежных командировках. Особая роль отводилась ему в ходе избрания академиков, что было оговорено на заседании Президиума БАН в январе 1929 г. Рассмотрение кандидатур на должность действительных членов должно было проходить на уровне совета отдела, а утверждение закреплялось за Академическим советом⁵.

¹ Инстытут беларускай культуры / М. П. Касцюк, П. Ц. Петрыкаў, М. У. Токараў і інш. Мн., 1933. С. 23; *Сыцько К.* Што папярэднічала адкрыццю Беларускай акадэміі навук? // *Навука*. 13 студзеня 2020. С. 2.

² ЦНА НАН Беларусі. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2. Л. 6.

³ ЦНА НАН Беларусі. Ф. 67. Оп. 1. Д. 33. Л. 29.

⁴ ЦНА НАН Беларусі. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2а. Л. 20–22.

⁵ Там же. Л. 5.

Советы отделов также играли значительную роль в определении будущей структуры институтов Академии. В частности, Президиум должен был одобрить структуры будущих институтов согласно представленным советами материалам⁶. Таким образом, коллегиальные органы осуществляли контроль практически над всеми сторонами деятельности Академии наук в первый год ее существования. Отметим, что их работа проходила в полном соответствии с государственной политикой. Так, утверждая план исследований БАН на 1929–1930 гг., Академический совет постановил ввести в него темы методологического характера с целью перевода всей научно-исследовательской работы в стране на базу диалектического материализма⁷.

В 1929 г. академические ученые продолжали реализовывать планы исследований, составленные в Институте белорусской культуры в 1927–1928 гг. на следующую пятилетку. Однако принципы формирования планов ИБК были иными, нежели те, что начали составляться в рамках БАН с середины 1930-х гг. Судя по сохранившимся в академическом архиве документам, показывающим ход подготовки планов, ученые Института белорусской культуры сами могли определять перспективные темпы кадрового роста и масштабы будущих исследований. К примеру, для кафедры почвоведения на период с 1928 до 1932 г. предусматривался следующий штатный состав: заведующий, двое ученых специалистов, ассистент. Два аспиранта и технический работник должны были приступить к работе с 1929–1930 гг.⁸ При этом основной задачей кафедры на пять лет еще в рамках ИБК было определено составление почвенной карты Беларуси в масштабе трех верст. Эту же задачу подтвердил Академический совет БАН в 1929 г.⁹

Для кафедры географии ИБК было запланировано учреждение комиссии по составлению географического словаря с 1928–1929 гг., картографического бюро с 1929–1930 гг., бюро экономической географии с 1928–1929 гг., географического музея с 1931–1932 гг.¹⁰ Академический совет БАН в 1929 г. определил картографию как основное направление работы кафедры¹¹.

От Института белорусской культуры в первый год существования БАН сохранилось и основное направление исследований — изучение белорусской истории, культуры и языка. Об этом, в частности, свидетельствует список рукописных трудов, подготовленных академическими учеными и находившихся в издательстве БАН по состоянию на 10 мая 1930 г. Из 16 наименований 14 относились к работам по терминологии, этнографии, истории, литературоведению¹².

С одной стороны, значительное внимание уделялось систематическому исследованию белорусского языка, в том виде, в котором он был зафиксирован в литературных произведениях¹³. Одной из главных задач ученых

⁶ ЦНА НАН Беларуси. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2а. Л. 23.

⁷ ЦНА НАН Беларуси. Ф. 67. Оп. 1. Д. 36. Л. 119.

⁸ ЦНА НАН Беларуси. Ф. 67. Оп. 1. Д. 35. Л. 196.

⁹ ЦНА НАН Беларуси. Ф. 67. Оп. 1. Д. 36. Л. 119.

¹⁰ ЦНА НАН Беларуси. Ф. 67. Оп. 1. Д. 35. Л. 198.

¹¹ ЦНА НАН Беларуси. Ф. 67. Оп. 1. Д. 36. Л. 120.

¹² ЦНА НАН Беларуси. Ф. 67. Оп. 1. Д. 35. Л. 41.

¹³ ЦНА НАН Беларуси. Ф. 67. Оп. 1. Д. 33. Л. 4.

становилась разработка принципов реформирования белорусского правописания и орфографии. С другой стороны, на повестке дня стояло формирование научной терминологии на белорусском языке¹⁴.

Краеведческая направленность исследований обуславливала важную особенность структуры ИБК, заключавшуюся в существовании широкой сети корреспондентов. Они не являлись штатными сотрудниками, однако готовы были оказывать помощь первому белорусскому исследовательскому учреждению: проводить опросы, предоставлять сведения о традициях, быте и хозяйстве белорусов, передавать для публикации материалы по истории и культуре¹⁵. Таким образом, в частности, поддерживалась связь с языковедом Я. Станкевичем. Согласно его переписке с председателем Отдела гуманитарных наук С. М. Некрашевичем, в ИБК были готовы напечатать его труды по языковым особенностям Аль-Китаба, а также просили: «...калі ў Вас маюцца слоўнікавага характару матар’ялы з жывой беларускай мовы, просьба іх выслаць і арганізаваць збор новых»¹⁶.

Таким образом, в первый год своего существования БАН продолжала действовать в рамках структур Института белорусской культуры. Разрыв с интеллигентскими традициями начался в конце 1929 г. с отдельных решений по кадровым вопросам. Начинаясь кампания против «национал-демократов» поставила во главу угла политические взгляды ученых, как штатных сотрудников, так и внештатных корреспондентов ИБК. Об этом свидетельствует одно из первых решений, принятых БАН по политическому вопросу. Постановление Президиума БАН от 11 октября 1929 г. было посвящено статье Я. Станкевича «Дыспаляталізацыя І у беларускай мове», опубликованной в «Записках Отдела гуманитарных наук» в 1928 г.¹⁷ Внимание Президиума Академии, очевидно, вызвали критические публикации в республиканских газетах, вышедшие в начале октября 1929 г. Публикация статьи была признана политической ошибкой. Критика Президиума относилась не к ее содержанию, а к личности автора, «...патэнтаванага рэакцыянера і клерыкала, які ў апошнія гады цалкам запрадаўся польскаму фашызму»¹⁸. В значительной степени данное утверждение, скорее всего, было обусловлено деятельностью ученого, ставшего в 1928 г. депутатом польского Сейма. В постановлении также отмечалось: «Беларуская Акадэмія навук, створаная Вялікім Кастрычнікам, з’яўляецца Акадэміяй Савецкай Дзяржавы, а не якойсьці агульнанацыянальнай Акадэміяй. Наша абмылка няхай не радуе нацыянал-фашыстаў, няхай ня лічуць яны Беларускаю Акадэмію Навук “сваёй Акадэміяй”»¹⁹. Таким образом, разделение «советской» и «национально-демократической» науки стало новым для академических реалий мотивом.

В соответствии с этой линией начали осуществляться дальнейшие изменения в кадровом составе БАН. В августе 1930 г. по решению Президиума БАН были сняты с занимаемых должностей академики С. М. Некрашевич,

¹⁴ ЦНА НАН Беларусі. Ф. 67. Оп. 1. Д. 36. Л. 120.

¹⁵ ЦНА НАН Беларусі. Ф. 67. Оп. 1. Д. 5.

¹⁶ ЦНА НАН Беларусі. Ф. 67. Оп. 1. Д. 20. Л. 2.

¹⁷ ЦНА НАН Беларусі. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2. Л. 114.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. Л. 115.

Я. Ю. Лёсик и В. У. Ластовский. Причиной их увольнения назвали анти-советскую работу ученых²⁰. 26 декабря 1930 г. В. М. Игнатовский был снят с должности президента БАН с той же формулировкой. В Белорусской академии наук 1930-х гг. возможность стать ученым стала определяться как способностями отдельно взятой личности, так и общественно-политическими требованиями к соискателям данной позиции. Формально эти требования не отражались в официальных документах научных учреждений, однако представления о них можно составить из косвенных свидетельств, представленных в первую очередь в эго-документах²¹.

Ускоренными темпами проходила реорганизация структуры БАН. В соответствии с принципом единоначалия в конце 1929 г. были ликвидированы Академический совет и советы отделов²². От Академии требовалось перейти на принцип единоначалия.

В марте 1931 г. на заседании Президиума БАН было принято решение о реорганизации структуры Академии. Комиссии и кафедры объединялись и преобразовывались в систему научно-исследовательских учреждений, подчиненных в своей деятельности Президиуму²³. Централизация управления научной деятельностью была вызвана необходимостью скорейшей реализации процессов социалистического строительства. В частности, требовалось существенное расширение изучения предметов естественноведческого блока, что в ИБК и БАН в первый год ее существования продвигалось весьма низкими темпами. Это признавали сами научные сотрудники, стремившиеся включить в планы работы максимальное количество тем, возможных для исполнения при недостаточном кадровом и материальном обеспечении²⁴.

Новый подход к планированию научных тем был озвучен в сентябре 1930 г., когда в ходе заседания Президиума БАН приняли решение о разработке нескольких общих тем всеми академическими учреждениями²⁵. Первыми такими темами стали: «Критика буржуазных и националистических подходов в науке и политике», «Национальная культура и пролетариат», «Польша и Западная Беларусь», «Борьба с религией», «Теория и практика правого оппортунизма в БССР». Таким образом, тематика научных исследований приобретала идеологически направленный, ненаучный характер. Такой подход вел к сужению проблемного поля исследований, поскольку в качестве основного критерия выбора плановой тематики называлась «борьба за генеральную линию партии»²⁶.

Был осуществлен отказ от одной из приоритетных задач — формирования белорусской научной терминологии. В проекте постановления по результатам проверки БАН 1931 г. работа по подготовке научной терминологии

²⁰ ЦНА НАН Беларуси. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6. Л. 239.

²¹ Глеб М. В. Политика и наука в БССР конца 1920-х — начала 1930-х гг. в отражении эго-документов // Советский этап в истории Беларуси : сб. науч. ст. участников Республиканской научно-теоретической конференции. Минск, 5 декабря 2019 г. Мн., 2019. С. 43.

²² ЦНА НАН Беларуси. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2а. Л. 164.

²³ ЦНА НАН Беларуси. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8. Л. 150.

²⁴ ЦНА НАН Беларуси. Ф. 67. Оп. 1. Д. 36. Л. 119.

²⁵ ЦНА НАН Беларуси. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6. Л. 150.

²⁶ Там же.

отнесена к существенным недоработкам²⁷. При этом если Институт языкознания был раскритикован за создание терминологии на основе языковых традиций XIV–XVI вв., активное использование религиозных терминов при игнорировании советской и интернациональной терминологии, то в отношении Института химии сам факт разработки терминологии признали «вредительским»²⁸.

Соответственно изменениям в плановой тематике в октябре 1930 г. на заседании Президиума БАН была изменена структура краеведческих организаций БССР. В 1920-х гг. краеведческая работа в республике координировалась в первую очередь Центральным бюро краеведения, действовавшим в составе ИБК и БАН, и включала окружные, районные товарищества, кружки и упоминавшуюся выше сеть корреспондентов. Согласно принятому в 1930 г. решению, изменялись принципы устройства сети краеведческих организаций, переходивших в непосредственное подчинение исполнительной власти. Так, в районных центрах должны были действовать районные краеведческие, при городских советах — городские краеведческие товарищества. Сеть краеведческих кружков существенно расширялась: они должны были организовываться на предприятиях, в совхозах, колхозах, школах, техникумах, в высших учебных заведениях²⁹. Необходимость изменений в документе объяснялась, прежде всего, неподобающими классовым составом и исследовательскими установками краеведческих организаций. Таким образом достигались две цели. Краеведческая работа подчинялась новой цели: изучению культуры и быта трудовых масс в ходе социалистической реконструкции народного хозяйства БССР. С другой стороны, решалась одна из задач, ставших для академической науки приоритетной с 1929 г., а именно установление связей с широкими массами трудящихся. Об этом свидетельствуют планы работы БАН, которые с 1931 г. стали публиковаться в обобщенном виде. В частности, план работы кафедры этнографии на 1931 г. включал, в частности, комплексную экспедицию по р. Березина. В ходе экспедиции планировалось изучить следующие вопросы: «Лесарубы і плятагоны. Організацыя працы, эканоміка, тэхніка і бытавыя ўмовы раней і цяпер», «Рыбалоўства і процэс калектывізацыі рыбацкіх гаспадарак»³⁰. В ходе экспедиции также планировалось проводить среди колхозников, бедняков и середняков массовую работу посредством чтения научно-популярных докладов, популяризации экспедиционных исследований³¹. Прямая коммуникация ученого с пролетарскими массами впервые стала рассматриваться в качестве апробации результатов исследований.

Показателен тот факт, что в начале 1930-х гг., одновременно с изменениями в работе БАН, начался процесс размежевания ее истории с историей Института белорусской культуры. Деятельность ИБК, получавшая во второй

²⁷ Глеб М. Ідэалогія і навука: матэрыялы па правярцы Беларускай Акадэміі Навук у пачатку 1930-х гадоў // Rocznik Centrum Studiow Białoruskich / Гадавік Цэнтра Беларускіх Студыяў. 2020. Nr 5 / № 5. С. 259.

²⁸ Там же. С. 257.

²⁹ ЦНА НАН Беларусі. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6. Л. 96.

³⁰ ЦНА НАН Беларусі. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8. Л. 111.

³¹ Там же. Л. 142.

половине 1920-х гг. самые высокие оценки республиканского руководства, стала рассматриваться как враждебная социалистическому строю, подчиненная интересам «национал-демократов», процесс над которыми разворачивался в 1930–1931 гг.

В частности, как одно из проявлений антисоветского настроения ученых ИБК стала трактоваться Академическая конференция по реформе белорусского правописания и азбуки 1926 г. В ноябре 1926 г. газета «Звезда» разместила приветственные послания к участникам конференции, в том числе председателя СНК БССР И. А. Адамовича. Политик охарактеризовал конференцию как проходившую в интересах рабочих и крестьян³². Три года спустя та же газета заключила: «Беларуская акадэмічная канфэрэнцыя, скліканая ў 1926 годзе, і была некаторым чынам тым месцам, дзе нацыянал-дэмакраты прабавалі прадэманстраваць свае жывыя сілы ўнутры Савецкай Беларусі...»³³. В статье припомнили и отсутствие на конференции «духа партийности», и публикацию Институтом белорусской культуры трудов Я. Станкевича.

Традиция размежевания Института белорусской культуры и Белорусской академии наук как разных по своей природе организаций была закреплена в одном из первых трудов по истории БАН. Его авторами стали сотрудники БАН И. Ф. Шпилевский и Л. А. Бобрович. Тональность текста, имеющего не аналитический, а скорее идеологический характер, доказывает, что идея размежевания истории академической науки была обусловлена политическими обстоятельствами. Они вызвали отрицательную оценку ИБК — в первую очередь как «национал-демократической» организации: «Возложенные партией и советской властью задачи на Инбелкульт работники на деле не хотели проводить в жизнь, а занимались такими проблемами, какие для соцстроительства края почти что ничего не давали, или своей разработкой вредили социалистическому строительству...»³⁴.

Белорусская академия наук на начальном этапе своей деятельности взяла за основу организационную структуру, кадровую политику, планы работы, сформированные в рамках Института белорусской культуры. Дальнейшие изменения в БАН, по мнению ее руководства, должны были проходить в течение следующих 3–5 лет, в постепенной, эволюционной форме. Однако общественно-политические и экономические процессы в БССР, прежде всего курс на коллективизацию, свертывание белорусизации и раскручивание дела «Союза освобождения Беларуси», создали условия, с которыми модель ИБК вошла в противоречие. Первыми изменениями стали ликвидация коллегиальных органов, попытка формирования штата научных сотрудников, способных к увязке своего научного труда с партийными приоритетами. Новой для БАН стала необходимость добавить к традиционной популяризаторской работе прямое взаимодействие с социальными группами, не связанными с наукой. Примечательно, что реформы в Белорусской академии

³² Няхай жыве і развіваецца беларуская культура (Гутарка з старшынёю Савету Народных Камісараў БССР тав. Я. А. Адамовічам) // Звезда. 12 лістапада 1926. С. 1.

³³ Лісты рэнэгага // Звезда. 27 снежня 1929. С. 2.

³⁴ Шпилевский И. Ф., Бобрович Л. А. Белорусская академия наук на пороге второй пятилетки. Мн., 1933. С. 7.

наук сопровождалась своеобразным отрицанием деятельности Института белорусской культуры, создавшего основы для развития белорусской академической науки.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- ЦНА НАН Беларуси (Центральный научный архив Национальной академии наук Беларуси). Ф. 1. Оп. 1. Д. 2, 2а, 6, 8.
- ЦНА НАН Беларуси. Ф. 67. Оп. 1. Д. 5, 20, 33, 35, 36.
- Глеб М.* Ідэалогія і навука: матэрыялы па праверцы Беларускай Акадэміі Навук у пачатку 1930-х гадоў // Rocznik Centrum Studiow Białoruskich / Гадавік Цэнтра Беларускіх Студыяў. 2020. Nr 5 / № 5. С. 244–274.
- Глеб М. В.* Політыка і навука в БССР канца 1920-х — пачатку 1930-х гг. в отражении эго-документов // Советский этап в истории Беларуси : сб. науч. ст. участников Республиканской научно-теоретической конференции. Минск, 5 декабря 2019 г. Мн., 2019. С. 43–49.
- Инстытут беларускай культуры / М. П. Касцюк, П. Ц. Петрыкаў, М. У. Токараў і інш. Мн., 1933. С. 23.
- Лісты рэнэгага // Звязда. 27 снежня 1929. С. 2.
- Няхай жыве і разьвіваецца беларуская культура (Гутарка з старшынёю Савету Народных Камісараў БССР тав. Я. А. Адамовічам) // Звязда. 12 лістапада 1926. С. 1.
- Сыцько К.* Што папярэднічала адкрыццю Беларускай акадэміі навук? // Навука. 13 студзеня 2020. С. 2.
- Шпилевский И. Ф., Бобрович Л. А.* Белорусская академия наук на пороге второй пятилетки. Мн., 1933.

С. А. Лиманова
Архив РАН

ВЫБОР ДАТЫ ПРАЗДНОВАНИЯ 220-ЛЕТИЯ АКАДЕМИИ НАУК: К ПРЕДЫСТОРИИ «ЮБИЛЕЙНОГО» ВОПРОСА

Статья посвящена изучению обоснования выбора памятных дат в истории Академии наук на примере празднования в июне 1945 г. 220-летия ее существования. Анализируются записи Г. А. Князева, директора Архива АН СССР в Ленинграде (1929–1963), в которых содержатся сведения о выборе памятных дат при праздновании юбилеев Академии наук в XIX — начале XX в., а также организационные документы, отражающие подготовку аналогичных торжеств в первой половине XX столетия. Делаются выводы о влиянии академического, политического и общественного факторов на «юбилейный» вопрос.

Ключевые слова: торжества, датировка, юбилей, Академия наук, В. Л. Комаров, Г. А. Князев, Архив РАН.

S. A. Limanova
Archive of the Russian Academy of Sciences

HOW TO CHOOSE A CELEBRATION DATE? “JUBILEE QUESTION” ON THE EXAMPLE OF THE 220TH ANNIVERSARY OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

The article is devoted to the study of justification for choosing memorable dates in the history of the Russian Academy of Sciences on the example of celebrating the 220th anniversary of its existence in June 1945. The article analyzes the notes of G. A. Knyazev, director of the Archive of the USSR Academy of Sciences in Leningrad (1929–1963), which contain information on the choice of memorable dates when celebrating the anniversaries of the Academy of Sciences in the 19th — early 20th centuries, as well as organizational documents reflecting preparation of similar celebrations in the first half of the 20th century. Conclusions are drawn about the influence of academic, political and social factors on the “jubilee question”.

Key words: celebration, dating, jubilee, Russian Academy of Sciences, V. L. Komarov, G. A. Knyazev, Archive of the Russian Academy of Sciences.

Торжественная сессия в честь 220-летия Академии наук СССР прошла с 15 июня по 3 июля 1945 г. параллельно празднованию победы в Великой Отечественной войне¹. Одним из первых документальных свидетельств значимости такого научного торжества и необходимости его проведения стала стенограмма беседы В. Л. Комарова, президента АН СССР, с И. В. Сталиным, датированная ноябрем 1944 г., хотя вполне вероятно, что были и более ранние, предварительные обсуждения на этот счет. В. Л. Комаров называл 220-летие «знаменательной датой», апеллировал к прошедшему весной 1925 г. 200-летию Академии наук и делал вывод о своевременности «большого научного праздника», отметив его «громадное общественное значение»². Сталин согласился с тем, что «это необходимо сделать»³, подчеркнув обязательное условие — приглашение иностранных ученых.

Научные достижения являлись важным фактором Победы, а потому позволяли в полной мере продемонстрировать могущество Советского государства и преимущества советской науки. Был и еще один аргумент, который зафиксировал в дневнике Г. А. Князев, директор Архива АН СССР: празднование нужно было, «чтобы правительство могло наградить сотрудников А[кадемии] н[аук] орденами и т. д. <...> об этом намекнул сам И. В. Сталин в беседе с Комаровым»⁴. Таким образом, с одной стороны, празднование консолидировало советское общество, давало ему повод для радости и гордости, с другой — являлось громкой заявкой на главенствующую роль Советского Союза в послевоенном устройстве мира⁵. На фоне таких серьезных внутри- и внешнеполитических задач на второй план уходила условность выбранной даты празднования. Однако в самом начале подготовки этот вопрос являлся явно дискуссионным.

«Еще одна поездка в Москву, — записал Г. А. Князев в декабре 1944 г. — Вызывал президент по поводу предполагаемого празднования юбилея Академии наук. 220-летие основания минуло в текущем году; в будущем, 1945[-м], можно бы отмечать другую дату — 20-летие преобразования Академии наук во Всесоюзную (27 июля). На совещаниях с Бруевичем⁶, Волгиным⁷,

¹ Подробнее см.: Лиманова С. А. Победный парад советской науки // Родина. 2020. № 6. С. 122–125.

² Архив РАН (далее — АРАН). Ф. 277. Оп. 3. Д. 197. Л. 2–3.

³ Там же. Л. 2.

⁴ Князев Г. А. Дни великих испытаний. Дневники 1941–1945. СПб., 2009. С. 1034.

⁵ Об этом см.: Корзун В. П., Груздинская В. С. 220-летний юбилей АН СССР в победном 1945-м: сценарий празднования в социокультурном контексте эпохи // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: История России. 2020. Т. 19, № 2. С. 374–392; Куперштох Н. А. Образ науки в послевоенном мире: юбилейное заседание Президиума Академии наук СССР в июне 1945 г. // Всеобщая история. 2020. № 2. С. 3–11.

⁶ Бруевич Николай Григорьевич — специалист в области теории механизмов, машин и точной техники, академик АН СССР (1942), академик-секретарь Академии наук (1942–1949).

⁷ Волгин Вячеслав Петрович — историк, академик АН СССР (1930), неперменный секретарь Академии наук (1935), вице-президент Академии наук (1942–1953).

Вавиловым⁸, Черновым⁹, Зубовым¹⁰ и другими решили, что будет праздноваться 220-летие существования (подчеркнуто в документе. — С. Л.) Академии наук и 20-летие преобразования ее во Всесоюзную»¹¹. Актуальность празднования и его политический контекст в данном случае стали определяющими факторами, а дата торжества — «плавающей».

Обоснование выбора даты, даже несмотря на крайне сжатые сроки, в которые готовились торжества 1945 г., потребовало обращения к историческим сведениям о более ранних академических юбилеях. Г. А. Князев весьма скрупулезно относился к поиску необходимых данных, прекрасно ориентировался в документах, быстро и качественно проводил аналитическую работу — вот почему его активно привлекали к подготовке 220-летия Академии наук, регулярно вызывая из Ленинграда в Москву. Он активно участвовал в разработке программы торжества, написании докладных записок, организации выставки, подборе справочных материалов. Г. А. Князев создал «Краткий очерк истории АН СССР. 1725–1945 гг.»¹², ставший итогом десятилетней исследовательской работы. С самого начала исследования обращение к ключевым событиям истории Академии (с установлением их датировок по документам) являлось для него одной из приоритетных задач. В личном фонде В. Л. Комарова сохранились историческая справка, подготовленная Г. А. Князевым по празднованиям юбилеев Академии наук в XIX — начале XX в., и им же написанное на основании этой справки письмо Б. А. Шпаро, юристу, референту В. Л. Комарова.

Согласно изысканиям Г. А. Князева, Академия наук праздновала свое основание всегда позднее положенного срока. В имперский период с опозданием на два года — 50-летие в 1776 г., 100-летие в 1826 г. и 150-летие в 1876 г. В раннесоветское время с опозданием на год — 200-летие в 1925 г. При этом из дореволюционных наиболее торжественно отпраздновали 50-летний юбилей при Екатерине II и 100-летний юбилей при Николае I, на их подготовку отводилось несколько лет. В 1776 г. в ходе празднований была произнесена примечательная для своего времени речь академика И. А. Гюльденштедта «О продуктах России, могущих удержать всегда благоприятное равновесие внешней торговли»¹³. «На столетнем юбилее ограничились официальными речами <...> было заново отремонтировано главное здание в Петербурге. Большой конференц-зал был приведен в тот вид, который он сохранил и теперь (лепные работы, колонны, украшения, большой мраморный бюст Петра Первого и т. д.). 150-летний юбилей в 1876 г. прошел очень скромно»¹⁴.

⁸ Вавилов Сергей Иванович — физик-оптик, государственный и общественный деятель, академик АН СССР (1932), президент АН СССР (1945–1951).

⁹ Чернов А. Г. — помощник в аппарате президента АН СССР В. Л. Комарова.

¹⁰ Зубов И. В. — управляющий делами АН СССР.

¹¹ Князев Г. А. Дневники... С. 1035.

¹² Этот очерк был выпущен издательством «Наука» в 1945 г., затем дополненное издание в соавторстве с А. В. Кольцовым выходило в 1957 г. и 1964 г. Машинописный вариант очерка с отзывами И. И. Минца и М. Б. Митина хранится в Архиве РАН. См.: АРАН. Ф. 519. Оп. 1. Д. 612.

¹³ АРАН. Ф. 277. Оп. 3. Д. 198. Л. 17.

¹⁴ Там же.

Гораздо более подробно был охарактеризован 200-летний юбилей, который готовился заблаговременно и праздновался в 1925 г. с 5 по 14 сентября. В справке указывалось, где проходило торжественное собрание, кто присутствовал, какие речи прозвучали, какой была общая программа¹⁵. «Долго искали дату для юбилея, хотя таковая была ясна — 28 января 1724 г., — день основания (учреждения) Академии наук Петром Первым, но, пропустив ее, остановились на другой — “открытии” Академии в 1725 г.»¹⁶, — отметил Г. А. Князев.

Из возможных оставалось еще четыре даты: прием Екатериной I приехавших из-за границы академиков «первого призыва» в августе 1725 г.; первое торжественное публичное собрание Академии наук 27 декабря 1725 г.; назначение президентом Академии Л. Л. Блюментроста 7 декабря 1725 г.; первый записанный протокол Ученого совещания (конференции) 2 ноября 1725 г. Однако С. Ф. Ольденбург, непреременный секретарь Академии наук, в 1925 г. не остановился ни на одной из этих дат. В результате в извещениях от Академии о праздновании 200-летия появилась универсальная формулировка — «существования»¹⁷.

Хорошо зная предысторию вопроса, Г. А. Князев своевременно докладывал академику-секретарю Академии наук Н. Г. Бруевичу о наступлении 8 февраля (28 января по старому стилю) 1944 г. 220-летия с момента основания Академии наук Петром I. На что получил ответ: «220 лет не юбилейная дата»¹⁸. Если брать изначальное значение юбилея как торжества, отмечаемого каждые 50 лет, или более широкую трактовку, включающую и все последующие даты, кратные числу 25, то 220 лет действительно не является юбилеем — скорее, круглой датой. Однако к концу 1944 г. все же возникла необходимость «назначить» подходящее время для празднования 220-летия Академии наук.

Тогда Г. А. Князев предложил обратить внимание на то, что 25 июля¹⁹ 1925 г. постановлением правительства Российская академия наук была преобразована из республиканской во Всесоюзную. В самом конце напечатанного на машинке письма для Б. А. Шпаро от 30 ноября 1944 г. он от руки приписал: «Еще раз уточняю свое предложение праздновать одновременно 20-летний юбилей преобразования Академии наук во Всесоюзную и 220-летний юбилей открытия (начала) научной работы АН (13.XI²⁰) и 221 год основания АН, приурочив все это к дате 25 июля 1945 г., когда исполнится 20 лет объявления АН Всесоюзной»²¹.

¹⁵ По словам самого Г. А. Князева, ранее по этой теме он даже подготовил специальную статью для «Вестника Академии наук», однако она так и осталась в материалах редакции.

¹⁶ АРАН. Ф. 277. Оп. 3. Д. 198. Л. 17.

¹⁷ Там же. Л. 18.

¹⁸ Там же. Л. 6.

¹⁹ В первоначальном варианте именно 25 июля, в дальнейшем Г. А. Князев стал писать 27 июля.

²⁰ 2 ноября по старому стилю, т. е. датировка первого протокола Ученого совещания (конференции).

²¹ АРАН. Ф. 277. Оп. 3. Д. 198. Л. 7 об.

12 декабря 1944 г. Г. А. Князев отправил письмо уже самому В. Л. Комарову. Написанное после обмена мнениями с академиком В. П. Волгиным, Н. Г. Бруевичем, С. И. Вавиловым, при участии А. Г. Чернова и Б. А. Шпаро, оно содержало подробный план подготовительных мероприятий по празднованию 220-летия Академии наук. Первым пунктом значилось: «Юбилейные торжества Академии наук приурочить к середине мая 1945 г.»²², хотя Г. А. Князев не преминул в качестве комментария еще раз указать свою позицию по данному вопросу.

По большому счету, для организаторов торжеств привязка к конкретному числу оказалась не столь важной, достаточно было самого факта того, что в 1945 г. имелась возможность отметить 220-летие Академии наук. Это еще раз подтвердилось по мере приближения празднований. К маю месяцу не все удалось подготовить на должном уровне, поэтому срок корректировался еще несколько раз. В окончательном варианте даты переместились с середины мая на середину июня — начало июля 1945 г.

Из документов, подготовленных Г. А. Князевым, становится очевидным, что в первой половине XX столетия, как и в XIX в., исторические основания имели опосредованное влияние на выбор дат проведения «юбилеев» Академии наук. Их учитывали ровно в той степени, в которой они отвечали интересам текущего момента. В 1945 г. вывести чествование Академии наук и ученых на самый высокий государственный уровень удалось благодаря тому, что научное торжество стало частью масштабного общесоюзного и международного празднования Победы. Это подтверждается и программой празднований, выходящей за рамки сугубо научных мероприятий. Превалирующим являлся не академический, а политический фактор, которому сумели придать еще и важное общественное значение.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

АРАН. Ф. 277. Оп. 3. Д. 197, 198.

АРАН. Ф. 519. Оп. 1. Д. 612.

Князев Г. А. Дни великих испытаний. Дневники 1941–1945. СПб., 2009.

Корзун В. П., Груздинская В. С. 220-летний юбилей АН СССР в победном 1945-м: сценарий празднования в социокультурном контексте эпохи // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: История России. 2020. Т. 19, № 2. С. 374–392.

Куперштох Н. А. Образ науки в послевоенном мире: юбилейное заседание Президиума Академии наук СССР в июне 1945 г. // Всеобщая история. 2020. № 2. С. 3–11.

Лиманова С. А. Победный парад советской науки // Родина. 2020. № 6. С. 122–125.

²² АРАН. Ф. 277. Оп. 3. Д. 198. Л. 8.

**ПЕРСОНАЛИИ УЧЕНЫХ
В ИСТОРИИ НАУКИ XVIII–XX ВВ.**

*А. Ю. Скрыдлов
Санкт-Петербургский филиал Института истории
естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН*

**КОНЦЕПЦИЯ РАЙОНИРОВАНИЯ РОССИИ
В СТАТИСТИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИХ РАБОТАХ
АКАДЕМИКА К. И. АРСЕНЬЕВА (1789–1865)***

Статья посвящена изучению научного наследия академика К. И. Арсеньева — выдающегося статистика и географа, автора оригинальных трудов по экономическому районированию России. Его концепция разделения России на 10 «пространств» вызвала крупнейшую в дореформенной России научную дискуссию о статистике, нашла отклик в правительственных проектах реформ местного управления страны и трудах декабристов.

Ключевые слова: история статистики, К. И. Арсеньев, Е. Ф. Зябловский, районирование России, статистическая дискуссия.

*A. Yu. Skrydlov
St. Petersburg Branch of S. I. Vavilov Institute for
the History of Science and Technology of the RAS*

**THE CONCEPT OF ECONOMIC ZONING OF
RUSSIA IN ACADEMICIAN K. I. ARSENYEV'S
STATISTICAL AND GEOGRAPHICAL WORKS**

The article considers the scientific heritage of academician Konstantin I. Arseniev, an outstanding statistician and geographer, author of original works on the economic regionalization of Russia. His concept of dividing Russia into 10 areas caused a broad discussion on statistics in pre-reform Russia, and reflected in government local reform projects and Decembrists' works.

Key words: history of statistics, K. I. Arseniev, E. F. Zyablovsky, zoning of Russia, statistical discussion.

Обширность территории Российской империи, сложность и многоукладность экономического развития на определенном этапе развития общественных отношений обусловили потребность в научно обоснованном

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 20-011-00407.

разделении территории страны. Истоки учения о районировании можно отыскать уже в трудах ученых в XVIII в. В работах И. К. Кирилова, В. Н. Татищева, М. В. Ломоносова содержатся описания отдельных районов, а также некоторые экономико-статистические сведения об отдельных частях страны. Первые опыты обобщения и систематизации накопленных знаний в этой области относятся к первой четверти XIX в. и связаны с институционализацией географических и статистических исследований в Академии наук и университетах Российской империи. В период реформаторских поисков правительства Александра I и оживления общественной мысли концепции районирования становились особенно актуальными и накладывали свой отпечаток как на правительственные проекты переустройства местного управления, так и на программы реформ, готовившиеся членами тайных обществ. Центральная роль в постановке проблемы разделения России на экономические районы принадлежит Константину Ивановичу Арсеньеву, который разработал оригинальную концепцию разделения России на 10 «пространств», ставшую новаторской для своего времени и вызвавшую оживленную дискуссию внутри профессионального сообщества.

К изучению деятельности и анализу научного наследия К. И. Арсеньева не раз обращались как дореволюционные авторы¹, так и советские историки науки². В современной историографии его имя чаще всего встречается в обобщающих трудах по истории статистики и экономической географии³. Тем не менее в его биографии остается достаточно много белых пятен; это объясняется, прежде всего, необычной для ученого карьерной траекторией и невероятным многообразием направлений деятельности. Происходивший из семьи костромского священника, Арсеньев поступил сначала в городскую семинарию, а после ее окончания в 1806 г. в числе лучших учеников был направлен в Петербург для обучения в Педагогическом институте. После успешной сдачи выпускных экзаменов молодого ученого оставили в институте преподавать географию под руководством Е. Ф. Зябловского, который первоначально «покровительствовал Арсеньеву, но потом сделался его заклятым врагом». В источниках сохранились вполне житейские объяснения причин этой ссоры — Арсеньев отказался жениться на родственнице Зябловского⁴. Очевидно, что возникшая между учеными личная неприязнь

¹ Григорьев В. В. Императорский С.-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. СПб., 1870. С. 17–20; Пекарский П. П. О жизни и трудах Константина Ивановича Арсеньева. СПб., 1871; Исторические бумаги, собранные Константином Ивановичем Арсеньевым / приведены в порядок и изданы академиком П. Пекарским // Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук. Т. IX. СПб., 1872.

² Баранский Н. Н. Экономическая география. Экономическая картография. М., 1956; Перцик Е. Н. К. И. Арсеньев и его работы по районированию России. М., 1960; Птуха М. В. Очерки по истории статистики в СССР : в 2 т. М., 1955, 1959. Т. 2. 1959.

³ Демьяненко А. Н. Экономическое районирование: вопросы теории и истории. Ч. 1. Хабаровск, 2010; Взаимосвязи российской и европейской экономической мысли: опыт Санкт-Петербурга / под ред. И. И. Елисеевой и А. Л. Дмитриева. СПб., 2013; Ефимова М. Р. Сочетание практической, научной и педагогической деятельности — традиции отечественных статистиков // Вопросы статистики. 2015. № 4. С. 80–88.

⁴ Адрианов С. Арсеньев Константин Иванович // Русский биографический словарь : в 25 т. СПб., 1896–1918. Т. 2 : Алексинский — Бестужев-Рюмин. 1900. С. 317.

впоследствии еще больше обострила их научную дискуссию. После конфликта с Зябловским Арсеньев сблизился с К. Ф. Германом, который в это время преподавал в институте статистику. Герман, к этому времени уже признанный крупнейшим специалистом в области статистики в столице, в 1810–1811 гг. занимался организацией Статистического отделения при Министерстве полиции и предложил Арсеньеву взять на себя часть обязанностей в учреждении. Именно Германа Арсеньев впоследствии считал своим учителем и опирался на его теоретические работы в своей научной и преподавательской деятельности. По отзыву В. В. Григорьева, «даровитый и благородный молодой человек Арсеньев в преподавании своем шел по следам Германа, изумляя слушателей — по отзыву одного из них — полнотой, верностью и разнообразием своих знаний»⁵.

В 1816 г., параллельно с работой на историко-филологическом факультете Педагогического института, К. И. Арсеньев начал преподавать в Санкт-Петербургском инженерном училище, где сделался известным великому князю Николаю Павловичу, генерал-инспектору инженерной службы. По сведениям П. П. Пекарского, во время одного из посещений училища Николай Павлович «более получаса» слушал лекцию Арсеньева и остался доволен⁶. Покровительство великого князя, а затем — императора в дальнейшем стало важным фактором карьеры ученого. Обвиненный в ходе «дела профессоров» 1821 г. в критике самодержавной формы правления и крепостного права, Арсеньев вместе с другими коллегами был удален из Петербургского университета, однако благодаря благосклонности Николая Павловича сохранил право преподавать в Инженерном училище. Вскоре после восшествия на престол, в 1826 г., Николай I отправил в отставку Д. П. Рунича, а дело против Арсеньева и других профессоров было официально прекращено. Еще одним проявлением монаршего расположения стало назначение Арсеньева в 1828 г. преподавать историю и статистику наследнику престола Александру Николаевичу. Это событие имело большое значение для развития административной статистики в России. Арсеньев поставил перед императором вопрос об актуальных статистических материалах, опираясь на которые он сможет подготовить курс для наследника. В 1828 г. последовало распоряжение императора министру внутренних дел обеспечить Арсеньева всеми необходимыми сведениями, что привело к оживлению деятельности службы административной статистики⁷. В 1835 г. Николай I доверил Арсеньеву реорганизацию Статистического отделения МВД, которое под его руководством приобрело большую самостоятельность и опору на статистические комитеты в губерниях.

Административную и преподавательскую деятельность К. И. Арсеньеву удавалось успешно совмещать с плодотворной научной работой. Пик его научного творчества пришелся на переходный период становления статистической науки в России. Свои первые труды Арсеньев создавал под

⁵ Григорьев В. В. Императорский С.-Петербургский университет... С. 17.

⁶ Пекарский П. П. О жизни и трудах Константина Ивановича Арсеньева. С. 13–14, 26–27.

⁷ Елисеева И. И., Дмитриев А. Л. Очерки истории государственной статистики России. СПб., 2016. С. 9–30.

свежим впечатлением от лекций и работ своего учителя К. Ф. Германа в рамках государственоведения — раннего описательного направления статистической науки, а закончил карьеру уже после распространения в России идей А. Кетле и его школы. Предложенная Арсеньевым схема экономического районирования России также претерпевала изменения в разных его трудах, однако общие ее принципы, несмотря на критику, оставались неизменными.

Как уже отмечалось, идея существования районных различий между регионами Российской империи высказывалась в отечественной географической и статистической литературе с конца XVIII в. Первоначально страну предлагалось делить на широтные климатические зоны. Так, в 1793 г. С. И. Плещеев предложил деление России «естественно на три полосы: северную, среднюю и южную», описав климатические и хозяйственные особенности каждой из них⁸. Е. Ф. Зябловский в своих работах развил и уточнил идеи Плещеева, разделив страну на четыре климатические полосы и обозначив диапазон широт для каждой из них. В 1815 г. к проблеме районирования обратился и К. Ф. Герман, который посчитал, что «разделение по градусам до сего предмета не имеет достаточных оснований» и разделение следует проводить «из свойства земли и климата». Таким образом, труды К. И. Арсеньева по районированию находились в русле уже наметившейся дискуссии.

Вопрос о районировании нашел отражение в трех работах ученого, которые вышли в 1818 г.: «Краткая всеобщая география», «Обозрение физического состояния России» и «Начертание статистики»⁹. В основу выделения районов К. И. Арсеньев положил «сходство губерний между собой по климату, качеству земли, произведениям природы и промышленности», т. е. совокупность природных и хозяйственных признаков. Исходя из них, было предложено деление России на 10 «пространств» и представлена краткая характеристика каждого из них:

«Северное пространство объемлет все страны между Ботническим заливом и северными Уральскими горами. Отличительный характер сей чрезвычайно обширной полосы есть великое богатство в лесе, великая стужа и бесплодие земли.

Алаунское пространство включает страны, лежащие по отлогостям возвышенной плоскости Алаунской. И здесь леса покрывают великие полосы земли. Сие пространство можно почесть центром важнейшего естественного и искусственного водного сообщения. Земля здесь серая, сырая, требующая повсюду прилежного удобрения и не щедро награждающая труды земледельца.

Балтийское пространство включает все земли от южных берегов Финского залива до Литвы и Польши. Пустые крупнопесчаные земли затрудняют ход сельской промышленности в сем краю. Близость

⁸ Плещеев С. И. Обозрение Российской империи в нынешнем ее новоустроенном состоянии. СПб., 1793. С. 15–17.

⁹ Арсеньев К. И. 1) Краткая всеобщая география. СПб., 1818; 2) Начертание статистики Российского государства : в 2 ч. СПб., 1818–1819. Ч. 1. 1818; 3) Обозрение физического состояния России и выгод от того истекающих для народных промыслов ныне существующих. СПб., 1818.

к морю, удобство гаваней и судоходные реки споспешествуют благоденствию жителей.

Низменное пространство, заключающее Белоруссию и Литву. <...> Отсюда начинается земля, удобная для хлебопашества. Сельская промышленность, которой благоприятствует местное водное сообщение, находится здесь в лучшем состоянии, нежели в трех первых пространствах.

Карпатское пространство есть отлогость Карпатского хребта. Черный слой земли, прерываемый во многих местах солеными и песчаными степями, превосходные пастбища, орошаемые реками, разнообразие в естественных произведениях, удобные пути для внешних сухопутных и морских сообщений <...>

Степное пространство содержит степные земли, идущие от Азовского моря по подошве Кавказа до Каспийского моря. <...> Характер, отличающий сие пространство, <...> способность к распространению самых южных произведений, каковы шелк и виноград, и великий недостаток в лесах и лугах.

Окское пространство — центр всей Европейской России, средоточие <...> образования и распространенной городской промышленности, вместилище всех сокровищ, доставляемых внутренней торговлей. <...>

Волжское пространство идет от Саратова вверх до Ярославля. Обширные луга с превосходными пастбищами, способные к удобрению и удобренные земли, <...> промышленность сельская и городская, <...> удобство мены, доставляют этому пространству великие преимущества.

Уральское пространство, занимающее самый восток Европейской России, было бы <...> менее важно в системе политического управления России, если бы недра Уральских гор не доставляли оному великих источников для народной промышленности и не привлекали работающего класса людей. <...>

Сибирь заключается между Уральскими горами и Восточным океаном. Север новый суров, дик, не населен, бесплоден; юг обилен всем нужным, плодороден, обитаем <...>¹⁰.

Особое внимание К. И. Арсеньев уделил вопросу хозяйственных связей между районами, т. к. их экономика не могла развиваться, опираясь только на местные ресурсы. Ученый дал подробную характеристику рекам как главным торгово-транспортным артериям страны, которые связывают воедино разные хозяйственные территории¹¹.

Выход в свет серии статистико-географических работ К. И. Арсеньева вызвал необычайно оживленную реакцию в публичном пространстве. В 1818–1820 гг. на страницах нескольких журналов развернулась научно-политическая полемика о районировании, имевшая важное значение для

¹⁰ Арсеньев К. И. Начертание статистики Российского государства. Ч. 1. С. 22–26.

¹¹ Там же. С. 14–17.

развития статистики и географии. На стороне Арсеньева в этой дискуссии выступил журнал Н. И. Греча «Сын отечества», где в эти годы печатались члены тайных обществ и близкие к ним по общественно-политическим взглядам авторы. С критикой работ Арсеньева выступило издание «Дух журналов», которое редактировал Г. М. Яценков.

Дискуссия началась после публикации «Краткой всеобщей географии» — руководства для студентов Главного педагогического института, которое авторы «Сына отечества» встретили положительными рецензиями. К. И. Арсеньева хвалили за то, что он «не повторяет рабски сказанного прежними писателями о сей науке» и ищет новые подходы к ее изучению¹². Критический отзыв на работу последовал в июльском номере «Духа журналов», где анонимный рецензент опубликовал свои замечания. Автор осудил идею альтернативного разделения России не по градусам широты, а на 10 «пространств», т. к. «таким разделением не облегчается, а обременяется память учащихся». По мнению рецензента, «разделение на полосы и потому еще преимущественно, что оно основано на климате, от которого наиболее зависит плодородие или бесплодие, обилие и недостаток в естественных произведениях, а с сими обыкновенно сходствует и народная промышленность»¹³. Кроме общих методологических замечаний рецензент предъявил Арсеньеву претензии о полноте и точности фактических данных, закончив обзор работы намеком на политическую неблагонадежность автора. Отметив, что среди «примечательных городов» Франции Арсеньев упомянул Аррас — место рождения Робеспьера, он указал: «Если Робеспьер сделал примечательным в истории Аррас своим месторождением, тем паче известный корсиканец свое место. Почему же нет Аяччио в числе достопримечательных исторических городов? *<...>* Странный вкус издателя»¹⁵.

Попытки перевести дискуссию в политическую плоскость продолжились и в последующих критических заметках, которые печатались в «Духе журналов» на протяжении 1818–1819 гг. Среди прочих замечаний рецензента концепция районирования вызвала больше всего критики. К. И. Арсеньеву ставили в вину то, что он присвоил себе «право разделять государство по своему усмотрению», хотя «ни один географ не должен *<...>* разделять земли иначе, нежели как они разделены в политическом их бытии»¹⁶. На страницах «Сына отечества» Арсеньев отвечал на критику, принимая уточнения фактических данных, но отстаивая свою позицию по принципиальным вопросам¹⁷. После выхода первой части «Начертания статистики Российского государства» дискуссия разгорелась с новой силой. От проблемы

¹² Всеобщая география Арсеньева // Сын отечества. 1818. Ч. 46. № 24. С. 197–198.

¹³ Рецензия Всеобщей географии адъюнкт-профессора Арсеньева // Дух журналов. 1818. Ч. 29. Июль. С. 52.

¹⁴ Крупнейший город-порт о. Корсика Аяччио — родина Наполеона I Бонапарта.

¹⁵ Рецензия Всеобщей географии адъюнкт-профессора Арсеньева. С. 47–48.

¹⁶ Замечания существеннейшие о книге Арсеньева // Дух журналов. 1818. Ч. 30. Октябрь. С. 96.

¹⁷ Антикритика. Ответ на рецензию Всеобщей географии адъюнкт-профессора Арсеньева, помещенную в Духе журналов, месяц июль // Сын отечества. 1818. Ч. 48. № 37. С. 227–233; № 38. С. 270–280.

районирования оппоненты перешли к обсуждению предмета и методов статистической науки. Оппонент Арсеньева настаивал на том, чтобы статистик ограничивался описанием современного ему состояния государства, он «отнюдь не должен указывать, как что должно быть, а только изучать, как что есть <...>». Следовательно, проекты, даже самые основательные, не имеют места в статистике»¹⁸. В адрес Арсеньева вновь прозвучали упреки политического характера. Предложенное им разделение населения на производящий и непроизводящий классы, последний из которых ученый называл «тяжким бременем для государства», было подвергнуто резкой критике как «ложное и вредное»¹⁹.

В защиту статистических работ К. И. Арсеньева в «Сыне отечества» была опубликована обстоятельная заметка с «Замечаниями на рецензию, помещенную в „Духе журналов“ 1819 года, № 3»²⁰. Анонимный автор защищал право статистика анализировать действительность и высказывать свои предложения по ее улучшению: «Статистик не вредит своей науке, делая мимоходом замечания о том, <...> как бы могло что сделаться лучше. Ежели таковые замечания основательны, то они могут подать повод к полезным соображениям»²¹.

«Полезные соображения» К. И. Арсеньева относительно районирования России, очевидно, привлекли внимание будущих декабристов, некоторые из которых были авторами «Сына отечества». Карта экономических районов Арсеньева во многом совпадает с проектом разделения России на 10 областей и 3 удела, предложенным в «Русской правде» П. И. Пестелем. Хотя в Конституции Н. М. Муравьева предполагалось более дробное разделение страны — на 14 «держав» и 2 области, в обоих проектах в основу выделения регионов был положен экономический признак, который стал определяющим, наряду с национальным²². Одновременно с членами тайных обществ проекты разделения России на генерал-губернаторские (наместнические) округа разрабатывались представителями правящей элиты. Бóльшая их часть своей целью ставила совершенствование системы местного управления. Отдельные нормы наиболее известного из этих проектов — «Учреждения наместничеств» — легли в основу разрабатываемой под руководством Н. Н. Новосильцова в 1819–1820 гг. Государственной уставной грамоты

¹⁸ Рецензия на «Начертания статистики» Арсеньева // Дух журналов. 1819. Ч. 32. Кн. 3. С. 138.

¹⁹ Примечательно, что статистическая дискуссия 1818–1819 гг. происходила на фоне кадровых чисток в университетах империи. В 1816 г. в Харьковском университете по политическим мотивам от преподавания был отстранен профессор философии Й. Шад, в 1819 г. началась ревизия Казанского университета. В этом контексте указания на политическую неблагонадежность К. И. Арсеньева стали своеобразным прологом «дела профессоров» 1821 г. См.: Жуковская Т. Н. «Дело профессоров» 1821 г. в Санкт-Петербургском университете: новые интерпретации // Ученые записки Казанского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2019. Т. 161. Кн. 2–3. С. 96–111.

²⁰ Замечания на рецензию, помещенную в «Духе журналов» 1819 года, № 3 // Сын отечества. 1819. Ч. 52. № 10. С. 161–177; № 11. С. 210–222; Ч. 53. № 13. С. 17–36.

²¹ Замечания на рецензию, помещенную в «Духе журналов» 1819 года, № 3 // Сын отечества. 1819. Ч. 53. № 13. С. 19.

²² Демьяненко А. Н. Экономическое районирование... С. 67–68.

Российской империи. В первой редакции Уставной грамоты («Краткое изложение основ Конституционной хартии для Российской империи»), созданной к октябрю 1819 г., обозначено деление страны на десять наместничеств²³, многие из которых также совпадали с «пространствами» Арсеньева.

Таким образом, дискуссия вокруг статистико-географических трудов К. И. Арсеньева, развернувшаяся в печати в 1818–1819 гг., способствовала привлечению внимания к идее экономического районирования России. Концепция оказалась актуальна и перекликалась с проектами реформ в сфере местного управления конца 1810-х гг. Авторы проектов, как будущие декабристы, так и представители управленческой элиты, несомненно, были знакомы с ней и, вероятно, учитывали ее при определении возможных границ регионов. Схема районирования России дорабатывалась Арсеньевым на протяжении последующих десятилетий с учетом разнообразных материалов, которые он получил при подготовке курса статистики, и сведений, собранных во время его путешествий по стране. Итоговый вариант схемы был опубликован в 1848 г. в «Статистических очерках России», где, помимо 10 «пространств», ученый ввел деление губерний на микрорайоны²⁴. Система районирования Арсеньева во многом определила дальнейшее развитие районной экономической географии дореволюционной России.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Адрианов С.* Арсеньев Константин Иванович / Русский биографический словарь : в 25 т. СПб., 1896–1918. Т. 2 : Алексинский — Бестужев-Рюмин. 1900. С. 317–321.
- Антикритика. Ответ на рецензию Всеобщей географии адъюнкт-профессора Арсеньева, помещенную в Духе журналов, месяц июль // Сын отечества. 1818. Ч. 48. № 37. С. 227–233; № 38. С. 270–280.
- Арсеньев К. И.* Краткая всеобщая география. СПб., 1818.
- Арсеньев К. И.* Начертание статистики Российского государства : в 2 ч. СПб., 1818–1819. Ч. 1. 1818.
- Арсеньев К. И.* Обзорение физического состояния России и выгод от того истекающих для народных промыслов ныне существующих. СПб., 1818.
- Арсеньев К. И.* Статистические очерки России. СПб., 1848.
- Баранский Н. Н.* Экономическая география. Экономическая картография. М., 1956.
- Взаимосвязи российской и европейской экономической мысли: опыт Санкт-Петербурга / под ред. И. И. Елисеевой и А. Л. Дмитриева. СПб., 2013.
- Всеобщая география Арсеньева // Сын отечества. 1818. Ч. 46. № 24. С. 197–198.
- Григорьев В. В.* Императорский С.-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. СПб., 1870.
- Демьяненко А. Н.* Экономическое районирование: вопросы теории и истории. Ч. 1. Хабаровск, 2010.
- Елисеева И. И., Дмитриев А. Л.* Очерки истории государственной статистики России. СПб., 2016.

²³ *Чернов К. С.* Забытая конституция: «Государственная уставная грамота Российской империи». М., 2007; *Любезников О. А., Скрыдлов А. Ю., Н. Н. Новосильцов и А. Д. Балашёв:* разработка и реализация преобразований в системе местного управления при императоре Александре I // Клио. 2012. № 12. С. 108–115.

²⁴ *Арсеньев К. И.* Статистические очерки России. СПб., 1848.

- Ефимова М. Р.* Сочетание практической, научной и педагогической деятельности — традиции отечественных статистиков // Вопросы статистики. 2015. № 4. С. 80–88.
- Жуковская Т. Н.* «Дело профессоров» 1821 г. в Санкт-Петербургском университете: новые интерпретации // Ученые записки Казанского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2019. Т. 161. Кн. 2–3. С. 96–111.
- Замечания на рецензию, помещенную в «Духе журналов» 1819 года, № 3 // Сын отечества. 1819. Ч. 52. № 10. С. 161–177; № 11. С. 210–222; Ч. 53. № 13. С. 17–36.
- Замечания существеннейшие о книге Арсеньева // Дух журналов. 1818. Ч. 30. Октябрь. С. 59–98.
- Исторические бумаги, собранные Константином Ивановичем Арсеньевым / приведены в порядок и изданы академиком П. Пекарским // Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук. Т. IX. СПб., 1872.
- Любезников О. А. Скрыдлов А. Ю. Н. Н. Новосильцов и А. Д. Балашёв:* разработка и реализация преобразований в системе местного управления при императоре Александре I // Клио. 2012. № 12. С. 108–115.
- Пекарский П. П.* О жизни и трудах Константина Ивановича Арсеньева. СПб., 1871.
- Перцик Е. Н. К. И. Арсеньев и его работы по районированию России.* М., 1960.
- Плецев С. И.* Обзорение Российской империи в нынешнем ее новоустроенном состоянии. СПб., 1793.
- Птуха М. В.* Очерки по истории статистики в СССР : в 2 т. М., 1955, 1959. Т. 2. 1959.
- Рецензия Всеобщей географии адъюнкт-профессора Арсеньева // Дух журналов. 1818. Ч. 29. Июль. С. 20–28.
- Рецензия на «Начертания статистики» Арсеньева // Дух журналов. 1819. Ч. 32. Кн. 3. С. 17–40; Кн. 4. С. 41–80.
- Чернов К. С.* Забытая конституция: «Государственная уставная грамота Российской империи». М., 2007.

В. Н. Кудряшев
Томский государственный университет

О. П. Дорошенко
Томский институт переподготовки кадров и агробизнеса

АРХИВНОЕ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ КАК ОСНОВА ИСТОРИЧЕСКИХ ИЗЫСКАНИЙ Г. Е. КАТАНАЕВА

Статья посвящена источниковедческой деятельности официального историка Сибирского казачьего войска Г. Е. Катанаева. На основе архивных источников, которые впервые вводятся в научный оборот, показана работа Г. Е. Катанаева по выявлению и изучению документов центральных петербургских и московских архивов (Военно-ученого архива Главного штаба, Московского отделения Общего архива Главного штаба и Архива Министерства иностранных дел) в конце 80-х гг. XIX в. в целях создания исторического очерка службы Сибирского казачьего войска.

Ключевые слова: источниковедение, история Сибири, сибирское казачество, Г. Е. Катанаев, исторический очерк службы сибирского казачества.

V. N. Kudryashev
Tomsk State University

O. P. Doroshenko
Tomsk Institute of Personnel Retraining and Agribusiness

ARCHIVAL SOURCE STUDIES AS THE BASIS OF G. E. KATANAEV'S HISTORICAL RESEARCH

The article is devoted to the source research activity of G. E. Katanaev, official historian of the Siberian Cossack army. On the basis of archival sources, first introduced into scientific circulation, the authors show G. E. Katanaev's work on the detection and study of the documents stored in central St. Petersburg and Moscow archives (the Military Scientific Archive of the General Staff, the Moscow Branch of the Main Archive of the General Staff and the Archive of the Ministry of Foreign Affairs) in the late 80s of the 19th century to create a historical sketch on the service of the Siberian Cossack troops.

Key words: source studies, history of Siberia, Siberian Cossacks, G. E. Katanaev, historical essay on the service of the Siberian Cossacks.

Имя Г. Е. Катанаева как исследователя хорошо известно в среде профессионального научного сообщества. Его труды используются не только историками, но и учеными в других отраслях научных знаний. Но наиболее значим вклад Г. Е. Катанаева в изучение истории сибирского казачества. Источниковедческая работа Г. Е. Катанаева в исторической литературе оценивается положительно¹. В 1990-е гг. омским краеведом Е. Н. Евсеевым впервые дается высокая оценка источниковедческой работы Г. Е. Катанаева². С. М. Андреев признает большой вклад Г. Е. Катанаева в развитие знаний по истории края, который проявляется как в его опубликованных статьях, так и в собранных им архивных материалах³. Вместе с тем источниковедческая деятельность Г. Е. Катанаева до сих пор не являлась предметом специального изучения, поэтому данное исследование будет посвящено реконструкции и анализу источниковедческой работы Г. Е. Катанаева в 80-е гг. XIX в. на основе неопубликованных документов из его личного фонда в Историческом архиве Омской области (ИАОО. Ф. 366).

Интерес Г. Е. Катанаева к сибирской истории вообще и сибирского казачества в частности проявлялся с юных лет. Во время учебы в Сибирском кадетском корпусе и Петровской земледельческой и лесной академии он тщательно изучал печатные работы по истории и географии Сибири и даже работал над составлением каталога таких изданий. В 70-е гг. XIX в. исследователь сделал свои первые шаги на литературно-публицистическом поприще и в научных изысканиях. Постепенно он пришел к осознанию необходимости создания собственных исторических работ и с конца 80-х гг. XIX в. начал целенаправленно заниматься сбором материала по интересующей его проблематике. Как писал сам Г. Е. Катанаев, летом 1887 г. он «между прочим, занялся изучением истории службы своего войска»⁴ с целью создания «Исторического очерка службы сибирского казачества». Г. Е. Катанаев полагал издание своего труда приурочить к намеченным в 1890 г. торжествам по случаю 175-летия Сибирского казачьего войска. За недостатком архивного материала, а главным образом ввиду краткости времени, остающегося до юбилея, исследователь при составлении истории образования войска и службы сибирских казаков до 1700-х гг. планировал «довольствоваться только тем, что уже об этих казаках было напечатано в разных изданиях, и что так разбросано и нередко составляет такую библиографическую редкость, что сводка всего этого в одно сама собой потребует много времени»⁵. История же 1700-х гг. по плану Г. Е. Катанаева должна была явиться «плодом,

¹ *Колупаев Д. В.* Сибирское казачество во второй половине XIX века — 1850–1900 гг.: социально-экономическое развитие : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Иркутск, 2011. С. 11, 23, 29; *Шевченко С. В.* Сибирское линейное казачество и казахи Среднего жуза в XVIII — начале XIX в. : дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1997. С. 5–6.

² *Евсеев Е.* Патриарх казачьего войска // Омская старина : историко-краеведческий альманах. Омск, 1993. Вып. 1. С. 80–82.

³ *Андреев С. М.* Офицерское землевладение в Сибирском казачьем войске (середина XIX в. — 1916 г.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 1997. С. 11; *Его же.* Мордва в этническом составе сибирского казачества. По материалам Г. Е. Катанаева. 1890–1891 гг. // Архивный вестник. Омск, 1994. № 5. С. 26–29.

⁴ ИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 285. Л. 28.

⁵ ИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 98. Л. 56.

главным образом, архивных изысканий по документам, нигде еще не опубликованным, что само собою будет уже совершенной новостью»⁶.

Сам Г. Е. Катанаев описывал методы, используемые им в своих исторических исследованиях. Во-первых, он старался систематизировать и изучить всю вышедшую к тому времени литературу по истории сибирского казачества и Сибири вообще. Во-вторых, большое значение Г. Е. Катанаев изначально придавал работе с источниками. В своих изысканиях по истории сибирских казаков он широко использовал документы «Ежемесячных сочинений и переводов, к пользе и увеселению служащих» (издаваемых Академией наук в 1755–1764 гг.); пятитомного собрания «Актов исторических» (издаваемого Археографической комиссией в 1841–1842 гг.), а затем и «Дополнений к Актам историческим» (содержащих документы X–XVII вв.); «Чтений в Императорском Обществе истории и древностей российских»; документальные источники и литературные памятники «Русской исторической библиотеки»; материалы двухтомника «Памятники Сибирской истории XVIII века». Но Г. Е. Катанаев не довольствовался только опубликованными материалами. В целях сбора и изучения документов по истории края (законодательных, актовых, делопроизводственных и проч.) он тщательно исследовал фонды местных архивов: бывшего Главного управления Западной Сибири; Акмолинского областного правления; бывшего Корпусного штаба отдельного Сибирского корпуса; Войскового правления Сибирского казачьего войска и др. Первым из омских историков Г. Е. Катанаев обратился в центральные государственные и ведомственные архивы и библиотеки. Часто бывая в служебных командировках в Москве и Петербурге, он исследовал древлехранилище, научный архив и библиотеку Русского географического общества, Императорскую публичную библиотеку. В качестве служащего в Главном управлении казачьих войск Г. Е. Катанаев имел возможность пользоваться архивом этого управления.

Г. Е. Катанаев отмечал, что за четыре месяца подготовительной работы (с мая по начало сентября 1887 г.) «набралось уже до 300 писанных листов (1200 страниц) разного рода материалов в виде выписок из архивных документов, рукописей, напечатанных уже сочинений и т. п.»⁷. «Материал, оказывается, богатый, хотя и разбросанный крупницами то там, то здесь, — писал Г. Е. Катанаев. — Нужно подобрать эти крупницы»⁸. Но по мере все большего и большего ознакомления с архивными и печатными документами расширялись, как подчеркивал сам Г. Е. Катанаев, «и первоначальные задачи принятого мною на себя исследования»⁹. «Чем больше читаешь, — подчеркивал Г. Е. Катанаев, — тем больше меняются требования и интерес к делу»¹⁰.

Г. Е. Катанаев понимал, что для достижения цели и решения поставленных задач по составлению исторического очерка службы сибирского казачества «пособий Императорской Публичной библиотеки, географического

⁶ ИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 98. Л. 57.

⁷ ИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 285. Л. 29.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ ИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 98. Л. 50.

общества и архива Главного управления Казачьих войск окажется недостаточно, так как печатных материалов, например, по истории Сибирского войска за прошлое столетие очень мало»¹¹. Архив же Главного казачьего управления, как подчеркивал исследователь, «начинается только с 1834 г. и притом заключает в себе материалы по преимуществу военно-административного характера, не касаясь чисто военно-боевой службы казачьих войск, пограничных дел и т. д.»¹². Г. Е. Катанаев понимал, что «прошлое столетие из жизни войска в этом (да и во всех других) отношении совершенно не разработано»¹³, поэтому «трудно судить о степени участия в тех делах собственно сибирских или крепостных казаков»¹⁴. Г. Е. Катанаев делает вывод о необходимости обращения «к необработанным еще материалам, хранящимся нетронутыми в богатых архивах Главного штаба, Министерства иностранных дел (по Азиатскому департаменту, ведавшему всеми киргизами и среднеазиатскими делами в прежнее время) и в центральных государственных архивах, находящихся в Москве»¹⁵.

13 сентября 1887 г. Г. Е. Катанаев составил докладную записку начальнику Главного управления казачьих войск «О разрешении доступа в центральные Петербургские и Московские архивы для составления подробного исторического обозрения службы Сибирского казачьего войска в связи с историей поступательного движения России вглубь киргизских степей и Средней Азии»¹⁶. В ней он высказал просьбу «о просвещенном покровительстве к возможно-удовлетворительному выполнению»¹⁷ намеченных им историографических задач, о содействии в «сношении с подлежащими лицами и управлениями»¹⁸, о «свободном и доверчивом допуске к пользованию делами и документами Ученого архива, библиотеки и военнотопографического отдела Главного штаба, архива Азиатского департамента Министерства иностранных дел в Петербурге и государственных архивов в Москве»¹⁹. Для организации работы в архивах Г. Е. Катанаев просил «командировать его или уволить в отпуск на два-три летних месяца будущего года»²⁰.

Получив разрешение на отпуск, Г. Е. Катанаев летом 1888 г. переехал из Петербурга в Москву вместе с семьей (женой, двумя детьми и няней) и поселился «не в самой душной Москве»²¹, а на даче (за счет собственных средств) в имении Петровско-Разумовское, что потребовало, однако, «излишних расходов на продолжительные и дальние переезды»²² до архивов. «Пробыл я в Москве, — писал Г. Е. Катанаев, — семьдесят один день,

¹¹ ИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 285. Л. 31.

¹² Там же.

¹³ Там же. Л. 14.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. Л. 31.

¹⁶ Там же. Л. 1–31.

¹⁷ Там же. Л. 31.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ ИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 98. Л. 48.

²² Там же.

считаюсь все это время в отпуске (в том числе два месяца, так сказать, на законном основании и одиннадцать дней по молчаливому согласию начальства)»²³. Тридцать девять дней из них Г. Е. Катанаев посвятил занятиям в Московском отделении Общего архива Главного штаба (Лефортовском архиве) и пятнадцать — в Архиве Министерства иностранных дел (Московском главном архиве). «Глубоко сожалею, что никак нельзя было проработать больше, — писал Г. Е. Катанаев, — что просрочил против времени, установленного для высшей нормы отпусков во внутренних губерниях России. Не менее сожалею и о том, что в каждый из 54 дней, посвященных мною на занятия, тратилось на проезд из Петровско-Разумовского до архива и обратно (то есть совершенно непроизводительно) от 3-х до 4-х часов (в Иностраный архив — 3 и Главного штаба — 4). Выезжал я всегда в 8 часов утра и возвращался к 5-ти — 6-ти»²⁴.

Всего Г. Е. Катанаевым было отмечено к переписке и отчасти переписано 1687 полулистов. Он отмечал, что, как показал опыт, при переписке «нынешним писарским почерком»²⁵ это составит не менее 1550 листов, в том числе до 870 листов из архива МИД и до 680 — Главного штаба. «Не могу не сознаться при этом, — писал Г. Е. Катанаев, — что число подлежащих переписи листов значительно бы сократилось при более тщательном разборе документов и снятии их не полностью, а только в выписках более нужного, идущего по делу и существенного»²⁶. К сожалению, по признанию самого Г. Е. Катанаева, он не мог этого сделать, как по краткости времени, так еще и потому, что значительную часть этого времени отняло у него «хаотическое состояние архива Главного штаба»²⁷, где отыскивать нужные документы пришлось среди «почти миллиона разного рода дел с 500-ми к ним самым nepозволительным образом составленных описей»²⁸. «Временами я просто приходил в отчаяние среди этого хаоса, — вспоминал Г. Е. Катанаев. — Этим и объясняется тот странный с первого взгляда факт, что за 39 дней работы в Главном штабе я успел извлечь только 713 листов, а за 15 дней в МИД — 974!»²⁹ На весь громадный архив Главного штаба, по свидетельству Г. Е. Катанаева, приходилось «всего два чиновника, два же штатных писаря и два вольнонаемных, причем все они, за исключением заведующего архивом г. Арапова, народ полуграмотный»³⁰. «С писарями Московского архива Главного штаба, как и с самим архивом, просто мученье, — признавался Г. Е. Катанаев. — С листа здесь я плачу всего по 20 к., но зато же и бумаги они сколько переводят!»³¹ Совсем иное впечатление на Г. Е. Катанаева произвел архив МИД. «Архив Иностраный так благоустроен, — писал Г. Е. Катанаев, — что как по внешней обстановке, так и внутреннему

²³ ИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 98. Л. 47.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. Л. 48.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. Л. 49.

³¹ Там же.

порядку скорее может быть назван прекрасною библиотекой, чем канцелярским хранилищем дел. Барон Бюллер весьма любезно меня принял и дал своим служащим приказания оказывать мне в моих изысканиях всевозможное содействие <...> Переписчик, некто г. Цветков — человек уже опытный, давно занимающийся при архиве и хорошо разбирающий старинные рукописи. За верность снятия копий им <...> я не опасаясь, в руководителе он не нуждается»³². Г. Е. Катанаев очень сожалел, что недостаток времени не позволил ему более подробно ознакомиться с этим «драгоценным делом и книгохранилищем»³³. Особенно хотелось Г. Е. Катанаеву «поближе познакомиться с так называемыми “портфелями” знаменитого историографа Сибири Миллера»³⁴; впрочем, он «не терял надежды не в этом, так в будущем году их пересмотреть»³⁵.

В личном фонде Г. Е. Катанаева сохранились документы, составленные им по итогам работы в московских архивах. Это две ведомости, содержащие перечень дел и документов, с которых снимались копии для хранения в войсковом архиве Сибирского казачьего войска. Первая — «Ведомость делам и документам Московского архива Главного штаба»³⁶ — содержит перечень документов XVIII столетия (1744–1806 гг.). Ведомость сформирована в виде таблицы, где отражены номер по порядку, номер описи Московского архива, номер связки или книги, название дела, дата документа, число полулистов и «примечания». Всего ведомость содержит 167 дел, общим объемом — 713,5 полулиста. Вторая — «Ведомость по Главному архиву Министерства иностранных дел (в Москве)»³⁷ — также сформирована в виде таблицы, в которой отражены номер по порядку, название дела, дата документа, число полулистов и графа для «примечания». Систематизированная ведомость содержит восемь разделов: 1) «Зюнгорские дела» (1595–1748 гг.); 2) «Киргизские дела» (1739–1767 гг.); 3) «Китайские дела» (1764–1776 гг.); 4) «Калмыцкие дела» (1771–1772 гг.); 5) «Киргиз-кайсацкие дела» (1769–1773 гг.); 6) «Дела киргизской средней орды» (1775–1800 гг.); 7) «Дела по Сибирской линии об укреплении Сибирских границ» (1785–1796 гг.); 8) «Дела о Ташкентах» (1797–1800 гг.). Всего ведомость содержит 286 дел, общим объемом — 974 полулиста. Примечания к обеим ведомостям написаны Г. Е. Катанаевым собственноручно. В них он подчеркивает значимость того или иного события или факта, делает пояснения или отмечает необходимость сопоставить изложенные в документах события с другими источниками. Все это свидетельствует о критическом отношении исследователя и попытке объективного анализа документов.

Исторические изыскания Г. Е. Катанаева финансировались из войсковой казны. Сначала Войсковым хозяйственным правлением Сибирского казачьего войска ему было выделено на расходы по собиранию материалов по истории сибирского войска 600 руб., затем по его просьбе и представлению

³² Там же.

³³ Там же. Л. 48.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же. Л. 25–44.

³⁷ Там же. Л. 1–24.

выслано еще 500 руб. Г. Е. Катанаев вел учет финансовых расходов и издержек, фиксируя основные траты в записной книжке³⁸. Так, за 16 месяцев работы по сбору документов (с мая 1887 г. по начало сентября 1888 г.) было израсходовано 445 руб.: на покупку разного рода книг и карт — 17 руб.; на бумагу (простую, почтовую, пропускную), перья, карандаши, чернила и разного рода почтовые расходы по пересылке простых и заказных писем, посылок, денег (в Москву) и проч. — 39 руб. 28 коп. Разные путевые издержки (езда на извозчиках в библиотеки и архивы, на почтамт в Петербурге; проезд из Петербурга в Москву и обратно; проезд из Петровско-Разумовского в Архив Главного штаба в Лефортовском дворце и в Архив МИД) составили 67 руб. 25 коп.

Фиксировал в своих записях Г. Е. Катанаев и затраты на оплату труда писарей: писарю Главного управления казачьих войск Лушникову — 42 руб. 30 коп. (141 л. по 30 коп.); писарю Дорофееву — 4 руб. (15 л.); писарю Ученого архива Главного штаба — 10 руб. (28 л.); писарю библиотеки Главного штаба — 20 руб. (50 л.); писарям Главного штаба в Петербурге — 134 руб. 40 коп. (672 л. по 20 коп.), 9 руб. (36 л. по 25 коп.), 7 руб. 50 коп. (50 л. по 15 коп.), 33 руб. 45 коп. (226 л. по 15 коп.); в Московском архиве Главного штаба — 2 руб. (10 л. по 20 коп.), 25 руб. (100 л. по 25 коп.); в Московском архиве МИД — 33 руб. (82,5 л. по 40 коп.). Всего переписка архивных документов, снятие копий и выписки из других редких печатных книг и рукописей потребовали 321 руб. 35 коп. (1406 л. по 23 коп. в среднем за лист). Большое разнообразие в плате за лист переписи документов, рукописей и книг (от 15 до 50 коп.) Г. Е. Катанаев объясняет «качеством письма, уписистостью, легкостью или трудностью переписи (с одной стороны — печать, а с другой — крайне затруднительное чтение рукописей начала прошлого столетия), грамотностью переписчика и т. п.»³⁹. За переписку выявленных и отмеченных летом 1888 г. документов из московских архивов предстояло заплатить еще примерно 530 руб.

Но Г. Е. Катанаев подчеркивал, что ограничиться только тем, что им было намечено к переписке, и тем, что уже переписано было ранее (главным образом 30-е, 40-е и 50-е гг. XIX в.), никак нельзя. «Нужно обязательно, — писал он, — захватить еще весьма интересную эпоху в истории войска — десятые и двадцатые года текущего столетия»⁴⁰. Правда, Г. Е. Катанаев просил этим заняться, прежде всего, есаула Н. Г. Путинцева, который исследовал омские архивы, но планировал добавить к собранному им материалу из столичных архивов не менее 200 листов. Г. Е. Катанаев сетовал, что ввиду «недостатка ассигнованных на собирание материалов денег, придется из документов за 60-е и 70-е года текущего столетия и проч. делать уже только выписки и притом собственноручно»⁴¹, как он это делал по отношению к редким печатным книгам и рукописям, хранящимся в библиотеках Главного штаба, Императорского Русского географического об-

³⁸ ИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 98. Л. 45–46 об.

³⁹ Там же. Л. 50.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же.

щества, Императорской публичной библиотеке и др. А «стоимость своего личного труда по разборке архивных дел, чтению документов, отметки их к переписке, собственноручное (за невозможностью поручить этого дела другим) снятие копий и выписки из рукописей и редких печатных книг»⁴², по составлению карточек и снятию копий с документов, карт и планов местности, как подчеркивал сам Г. Е. Катанаев, он никогда не вводил в расчет войсковых финансовых затрат⁴³.

Таким образом, Г. Е. Катанаев выявил, собрал и систематизировал не только обширный, но и достаточно разнообразный архивный материал, который лег в основу всех его последующих исторических работ. Следует признать, что в работах Г. Е. Катанаева содержится большое количество фактического материала, а благодаря широкому кругу используемых источников, достоверность приводимых им исторических сведений очень высока. Значимость работ Г. Е. Катанаева, несомненно, повышает и то, что многие документы, которые он использовал, до нас не дошли, либо сохранились только в «списках» Г. Е. Катанаева. Безусловной заслугой историка можно считать введение в научный оборот новых комплексов источников и расширение проблематики научных изысканий по истории сибирского казачества.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что именно изучение архивных документов, их критическое осмысление и анализ позволили Г. Е. Катанаеву прийти к заключению, что современное ему Сибирское казачье войско «происходит по прямой линии от первых завоевателей Сибири, что оно действительно образовалось из переселенных по воле правительства на новые места сибирских городских казаков, и что начало его службы должно быть отнесено к началу службы этих последних»⁴⁴. Г. Е. Катанаев, ссылаясь на документы, доказывает, что «тождественность служебных задач и самого характера службы сибирских городских, сибирских линейных и просто сибирских казаков также не подлежит сомнению»⁴⁵.

Первым из казачьих историографов Г. Е. Катанаев в конце 80-х гг. XIX в. приходит к убеждению, что исторический период службы сибирских казаков «необходимо расширить и обратить из 175-летнего, как предполагалось ранее, в 300-летний»⁴⁶, а в числе заслуг сибирских казаков «перед престолом и отечеством считать завоевание не только одних киргизских степей и, частью, Туркестана, а всей Западной Сибири с включением в нее и этих степей»⁴⁷. Эти тезисы Г. Е. Катанаев излагает в своем письме (в форме докладной записки) Степному генерал-губернатору Г. А. Колпаковскому 25 сентября 1888 г. Впоследствии они получают дальнейшее развитие и подтверждение во всех исторических работах Г. Е. Катанаева, посвященных Сибирскому казачьему войску.

⁴² Там же. Л. 47.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же. Л. 56.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ИАОО — Исторический архив Омской области
МИД — Министерство иностранных дел

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 98, 285.

Андреев С. М. Мордва в этническом составе сибирского казачества. По материалам Г. Е. Катанаева. 1890–1891 гг. // Архивный вестник. Омск, 1994. № 5. С. 26–29.

Андреев С. М. Офицерское землевладение в Сибирском казачьем войске (середина XIX в. — 1916 г.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 1997.

Евсеев Е. Патриарх казачьего войска // Омская старина : историко-краеведческий альманах. Омск, 1993. Вып. 1. С. 80–82.

Колупаев Д. В. Сибирское казачество во второй половине XIX века — 1850–1900 гг.: социально-экономическое развитие : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Иркутск, 2011.

Шевченко С. В. Сибирское линейное казачество и казахи Среднего жуза в XVIII — начале XIX в. : дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1997.

О. П. Дорошенко

Томский институт переподготовки кадров и агробизнеса

**«ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК СЛУЖБЫ СИБИРСКОГО
КАЗАЧЕСТВА»: ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ ЗАМЫСЕЛ, ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ
ИСТОРИКО-НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ Г. Е. КАТАНАЕВА**

Статья посвящена историографической деятельности известного общественного и казачьего деятеля Г. Е. Катанаева. На основе архивных источников, которые впервые вводятся в научный оборот, реконструируются его концепция создания «Исторического очерка службы сибирского казачества», первоначальный замысел, цели и задачи историко-научных исследований Г. Е. Катанаева.

Ключевые слова: историография, история Сибири, сибирское казачество, Г. Е. Катанаев, «Исторический очерк службы сибирского казачества».

О. P. Doroshenko

Tomsk Institute of Personnel Retraining and Agribusiness

**«HISTORICAL ESSAY ON THE SERVICE OF THE SIBERIAN
COSSACKS»: ORIGINAL IDEA, GOALS AND OBJECTIVES OF
G. E. KATANAEV'S HISTORICAL AND SCIENTIFIC RESEARCH**

The article is devoted to the historiographical activity of a famous public and Cossack figure G. E. Katanaev. On the basis of archival sources, first introduced into scientific circulation, the author reconstructs G. E. Katanaev's concept of creating a «Historical Essay on the Service of the Siberian Cossacks», being his original idea, goals and objectives of historical and scientific research.

Key words: historiography, history of Siberia, Siberian Cossacks, G. E. Katanaev, «Historical Essay on the Service of the Siberian Cossacks».

Г. Е. Катанаев справедливо считается одним из самых интересных и значительных исследователей истории сибирского казачества. Еще в 1973 г. М. Б. Шейнфельд в своей монографии «Историография Сибири (конец XIX — начало XX в.)», отвергая общую концепцию истории казачества в трактовке Г. Е. Катанаева, признавал значение большого фактического материала в его работах о казаках-землепроходцах, историко-географическом и этнографическом изучении Сибири¹. Высокую оценку научные

¹ Шейнфельд М. Б. Историография Сибири. Красноярск, 1973. С. 285–287, 293–296, 298.

изыскания Г. Е. Катанаева получили и у современных исследователей. Так, С. В. Шевченко считает, что Г. Е. Катанаев занимает особое место среди дореволюционных историков сибирского казачества, а его исследования, несмотря на их тенденциозность и описательный характер, отличаются от предшествующих широкими обобщениями приводимых материалов². По оценке С. М. Андреева, публикации Г. Е. Катанаева особо выделяются в ряду работ историков конца XIX — начала XX в., положивших начало изучению истории Сибирского казачьего войска³. М. В. Штергер справедливо делает вывод, что работы Г. Е. Катанаева стоят на качественно новом уровне по сравнению с трудами других провинциальных историков того времени⁴. Но, несмотря на признание значительной роли Г. Е. Катанаева в исследовании истории сибирского казачества, его творческое наследие и историографическая деятельность до сих пор не были объектом специального исследования. Сохранившиеся в различных фондах документы личного происхождения позволяют достаточно достоверно реконструировать первоначальный замысел Г. Е. Катанаева по созданию «Исторического очерка службы сибирского казачества», определить цели и задачи его историко-научных изысканий, что и является предметом данного исследования.

Источником для исследования послужили, прежде всего, три документа. Первые два — из личного фонда Г. Е. Катанаева в Историческом архиве Омской области (ИАОО. Ф. 366): 1) Докладная записка члена комитета при Главном управлении казачьих войск войскового старшины Г. Е. Катанаева начальнику Главного управления казачьих войск «О разрешении доступа в центральные Петербургские и Московские архивы для составления подробного исторического обозрения службы Сибирского казачьего войска в связи с историей поступательного движения России вглубь киргизских степей и Средней Азии» от 13 сентября 1887 г.⁵; 2) Письмо (в форме служебной записки), написанное 25 сентября 1888 г. Г. Е. Катанаевым в Санкт-Петербурге и адресованное Степному генерал-губернатору Г. А. Колпаковскому⁶. Оба документа впервые вводятся в научный оборот. Третий документ — неопубликованное письмо Г. Е. Катанаева к Г. Н. Потанину от 30 января 1888 г., которое хранится в Отделе рукописей и книжных памятников (ОРКП) Научной библиотеки Томского государственного университета (фонд Г. Н. Потанина)⁷. В этих документах Г. Е. Катанаев излагает наряду с прочим и свои «намеченные к подробному исследованию исторические задачи»⁸.

Интерес Г. Е. Катанаева к сибирской истории вообще и сибирского казачества в частности пробуждается во время обучения в Сибирском

² Шевченко С. В. Сибирское линейное казачество и казахи Среднего жуза в XVIII — начале XIX в. : дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1997. С. 5–6.

³ Андреев С. М. Офицерское землевладение в Сибирском казачьем войске (середина XIX в. — 1916 г.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 1997. С. 5–6.

⁴ Штергер М. В. Провинциальная историческая мысль последней трети XIX — начала XX в. (по материалам Тобольска и Омска) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2003. С. 19–20.

⁵ ИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 285. Л. 1–31.

⁶ ИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 98. Л. 47–58 об.

⁷ ОРКП НБ ТГУ. Архив Г. Н. Потанина. Св. 115. Л. 323–324, 326–329.

⁸ ИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 285. Л. 31.

кадетском корпусе (1857–1866 гг.). Большое влияние на формирование такого интереса оказывают преподаватели корпуса: Е. И. Старков, широко известный в сибирском обществе своей историко-географической начитанностью и неподдельным патриотизмом, и Э. К. Зедергольм, выпускник историко-филологического факультета Московского университета, ученик историка С. М. Соловьева. Значительную роль в становлении научно-исследовательского интереса Г. Е. Катанаева сыграли и идеологи областничества — Г. Н. Потанин и Н. М. Ядринцев. Под их влиянием он начинает активно читать книги и статьи о Сибири. Во время учебы в Петровской земледельческой и лесной академии в Москве (1868–1872 гг.) Г. Е. Катанаев продолжает изучать историческую литературу. Более того, за время учебы он неоднократно ездил в Петербург — специально для занятий в Императорской публичной библиотеке. Г. Е. Катанаев тщательно изучает труды С. У. Ремезова, Г. Ф. Миллера, И. Э. Фишера, П. С. Палласа, И. И. Георги, П. И. Небольсина, А. Левшина, В. Вельяминова-Зернова, И. И. Завалишина, К. Риттера и многих других.

В 70-е гг. XIX в. Г. Е. Катанаев делает свои первые шаги на литературно-публицистическом поприще и в научных изысканиях. Вся дальнейшая научно-исследовательская работа Г. Е. Катанаева непосредственно связана с его общественной и профессиональной деятельностью. Будучи военным чиновником, Г. Е. Катанаев в силу своей служебной деятельности постоянно работает с документами, отражающими как историческое прошлое, так и настоящее Сибирского региона вообще и Сибирского казачьего войска в частности. С лета 1887 г. Г. Е. Катанаев занимается непосредственно изучением истории службы своего войска. Постепенно он приходит к осознанию необходимости создания собственных исторических работ и с конца 80-х гг. XIX в. начинает целенаправленно заниматься сбором материала по интересующей его проблематике.

Изучая историческую и военную литературу, Г. Е. Катанаев приходит к выводу, что немногочисленные печатные работы о сибирских казаках разбросаны по разным изданиям и зачастую составляют библиографическую редкость, а «сколько-либо основательных работ по истории сибирского казачества, к сожалению, до настоящего времени предпринято никем еще не было»⁹. «А между тем, — подчеркивает Г. Е. Катанаев, — история службы Сибирских казаков, насколько я о ней могу судить по известным мне данным, далеко небезынтересна, не только с точки зрения сословно-войсковой, или узко-полковой, но и с общеадминистративной или даже государственной; ибо, как по начальному происхождению, так и по дальнейшей своей судьбе, войско это — есть всецело продукт правительственной почина и разного рода (удачных и неудачных) административных мероприятий и опытов»¹⁰. Г. Е. Катанаев ставит перед собой цель «разобраться в прошлом этого войска и, сделав беспристрастную оценку прожитому им, постараться извлечь полезные наставления для грядущего»¹¹. Г. Е. Катанаев считает, что история «таких

⁹ Там же. Л. 1–1 об.

¹⁰ Там же. Л. 1 об.

¹¹ Там же. Л. 1.

обширных воинских групп, как казацкие войска, многозначительна, как с точки зрения государственных, так и чисто военно-служебных интересов»¹².

Г. Е. Катанаев задумывает создание «Исторического очерка службы сибирского казачества», полагая, что ему удастся написать «если не единственный, то, во всяком случае, самый полный очерк службы этого войска из числа немногих очерков подобного рода»¹³. Сам Г. Е. Катанаев оценивает задачу создания такого очерка как «довольно широкую, но <...> далеко не неосуществимую»¹⁴. Издать его он планирует к 1890 г., когда намечены торжества по случаю 175-летия Сибирского казачьего войска.

Всю службу Сибирского войска, как изначально полагает Г. Е. Катанаев, можно подразделить на три главнейших периода с составлением краткого перечня основных видов службы¹⁵. Первый период — с 1715 по 1808 г.: а) история занятия Россией Иртыша вверх от Оми и постройки сначала по нему, а затем по Ишимской и Кузнецкой (затем Бийской) линиям ряда укрепленных пунктов, обращенных впоследствии в казацкие станицы; б) история водворения в этих укреплениях т. н. крепостных, городовых и выписных из сибирских крестьян казаков, а также квартирования и постепенного оседания по тем же крепостям шести драгунских полков; в) история службы и охраны этими драгунами и казаками границ Пермско-Сибирского края от постоянных в то время хищнических набегов на мирные наши крестьянские поселения джунгар, калмыков, киргиз, башкирцев, а к концу периода — и от подвигавшихся с юга китайцев; г) история заселения крестьянами-землепашцами южных черноземных уездов Тобольской и Томской губерний (теперь, так сказать, житницы всей Сибири), куда до проведения Иртышско-Ишимской укрепленной линии русская колонизация из опасения хищных набегов среднеазиатских кочевников не двигалась целых 150 лет, ограничиваясь сначала только звероловным севером и крайним востоком Сибири. Второй период — с 1808 по 1861 г.: а) история охраны границ исключительно сибирскими казаками, обращенными тогда по случаю вывода из Сибири всех регулярных войск (во время Наполеоновских войн) в 10 полурегулярных конных полков и 3 конные же батареи; б) история вооруженного водворения этими полками и батареями русской власти и порядков в средней и большой киргизских ордах; в) история водворения сибирских казаков внутри киргизских степей и занятия ими здесь важнейших стратегических и коммуникационных пунктов. Третий период — с 1881 г. до конца 80-х гг. XIX в.: а) история постепенного применения к Сибирскому войску общеказацких законоположений и порядков отнесения службы; б) история участия сибирских казаков в среднеазиатских походах ... для покорения Ташкента, Кульджи, Хивы и Кокандского ханства; в) история службы на китайской границе и выселения под охраной казаков 50 тысяч бывших китайских подданных в Россию.

Служба, носимая казаками, как подчеркивает Г. Е. Катанаев, очень разносторонняя и «может быть поучительна в том или ином отношении при

¹² ИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 285. Л. 28.

¹³ Там же. Л. 1 об.

¹⁴ Там же. Л. 30.

¹⁵ Там же. Л. 1 об. — 3 об.

достаточно подробном и основательном ее изучении»¹⁶. Небезынтересной при ближайшем рассмотрении, по мнению Г. Е. Катанаева, окажется и военно-историческая сторона жизни войска, изучение которой могло бы дать богатый материал «для выводов и характеристики степных походов и войн»¹⁷. При этом он отмечает, что опубликованные немногочисленные статьи о военных походах сибирских казаков «писались главным образом не с военными целями и носят публицистический характер, а не строго фактический объективный»¹⁸. Г. Е. Катанаев планирует «попытаться исправить»¹⁹ это. Но не только в одних делах военного характера, как подчеркивает исследователь, заключалась служба сибирских казаков. «Эти же казаки, — пишет Г. Е. Катанаев, — проводившие <...> мечом русскую власть внутрь Средней Азии, были первыми и ближайшими проводниками в среду кочевников и начал русской культуры. Можно и должно (при более подробном изложении истории войска) привести массу данных, несомненно, доказывающих мощь влияния их в этом отношении (при всей, казалось бы, некультурности самих казаков). Вообще следует заметить, что подобно первым землепроходцам, присоединявшим к России Северную и Восточную Сибирь, известным под именем Сибирских, степные были первыми среднеазиатскими проходцами, но только уже более дисциплинированными и научно-подготовленными»²⁰.

Г. Е. Катанаев отмечает, что по мере все большего ознакомления с архивными материалами расширяются и первоначальные задачи его исследования. «Является желание, — пишет он, — проследить историю службы Сибирского войска, сравнительно с таковою же службою соседних войск Оренбургского и Уральского, ибо только сравнение с тем, что делалось в то же время у других, даст возможность оценить истинное значение событий, происходивших и происходящих в ограниченном круге фактов и явлений, составляющих предмет специального исследования. Является и другое желание — проследить в связи с частною историей Сибирского войска и общий ход поступательного движения России вглубь степей и Средней Азии»²¹. В военно-служебном отношении история сибирских казаков (как за то время, когда они были разбросаны по всей Западной Сибири, так и после того, как они оказались слиты в одну административную группу), по мнению Г. Е. Катанаева, «есть история поступательного движения России вглубь Западной Сибири, Киргизских степей и Средней Азии, история покорения разного рода сибирских инородцев, киргиз и среднеазиатских ханств»²².

Поэтому Г. Е. Катанаев первоначально намечает²³ три задачи: первая — написать подробный «Исторический обзор 175-летней службы Сибирского казачьего войска Государю и Отечеству»; вторая — составить подробный

¹⁶ Там же. Л. 3 об.

¹⁷ Там же. Л. 18.

¹⁸ Там же.

¹⁹ ИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 98. Л. 57.

²⁰ ИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 285. Л. 25, 26.

²¹ Там же. Л. 28 об. – 29.

²² ИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 98. Л. 52.

²³ ИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 285. Л. 29–31; ОРКП НБ ТГУ. Архив Г. Н. Потанина. Св. 115. Л. 323–324, 326–329.

и «Наглядный хронологический перечень событий в Западной Сибири (в том числе в Сибирском и Семиреченском казачьих войсках), Туркестане с Киргизскими степями и Оренбургском крае (в том числе в Оренбургском, Башкирском, Мещерякском и Уральском войсках) в связи с важнейшими из событий в России вообще и в Западной Европе с 1650 по 1885 год»; третья — составить Атлас (в 15 карт по периодам) поступательного движения России вглубь киргизских степей и Средней Азии с 1650 по 1885 г. В Атласе он планирует обозначить разными красками и условными знаками: а) районы распространения в каждый из 15 периодов племен, населявших и населяющих нынешние Оренбургский край, южную часть Западной Сибири, киргизские степи и Туркестан с Монголией (русских, башкир, ногаев, киргизов, джунгар, китайцев, бухарцев или сартов, туркмен и т. д.); б) группировку этих племен по государствам с обозначением наглядно степени зависимости и принадлежности их к этим государствам в каждый из периодов (территории и населенные пункты каждого из казачьих войск планировалось выделить особыми красками); в) маршруты или линии прохождения (в каждый из периодов) экспедиционных отрядов в рассматриваемом районе и места более крупных битв с неприятелем. Предполагалось изобразить это так, чтобы по начерченным линиям можно было судить не только о местах прохождения военных отрядов, но по возможности также о составе и силе их и степени участия того или иного из казачьих войск в отдельности; г) маршруты или линии движения торговых караванов, посольств и ученых экспедиций с обозначением степени участия в каждой из них того или иного из казачьих войск.

Работа Г. Е. Катанаева в архивах (прежде всего — в Архиве Министерства иностранных дел (Московском главном архиве), Военно-ученом архиве Главного штаба и Московском отделении Общего архива Главного штаба) расширяет не только территориальные, но и первоначальные хронологические рамки его исследований. Изучая прошлое сибирских казаков по архивным документам, исследователь приходит к выводу, «что в 1891-м году (а не в 1890) следует праздновать не 175-летие службы сибирских казаков, а, по крайней мере, 300 лет службы»²⁴, что «историю сибирских нынешних казаков никак нельзя отделять от истории бывших городовых тобольских, тарских, кузнецких, томских, тюменских, пелымских, сургутских и березовских казаков»²⁵. «Мы есть, — пишет Г. Е. Катанаев, — плоть от плоти этих казаков и кровь от крови их... Мы есть собрание всех этих казаков в несколько приемов почти без остатка, выселенных на территорию, занимаемую нынешним Сибирским войском, потому оно и названо Сибирским (а не среднеазиатским, как бы следовало), что в состав его вошли все состоявшие когда-то в Сибири под разными наименованиями казаки»²⁶. В 1891 г., по мнению Г. Е. Катанаева, исполнится ровно триста лет с того времени, как сибирские (тобольские) казаки совместно с другими служилыми людьми под начальством тобольского воеводы князя В. В. Кольцова-Мосальского (в 1591 г.) разбили «возобновившего было неприятные действия Кучума»²⁷. Именно

²⁴ ИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 98. Л. 50 об.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. Л. 52.

это событие Г. Е. Катанаев считает «первым удачным делом пришедших за три года пред тем волжского головы Чулкова из внутренней России казаков (городовых), после того, как дружина Ермака была совершенно уничтожена, и Сибирь пришлось снова завоевывать царскими войсками»²⁸. Разбитие Кучума в 1591 г. историк называет «первым завоевательным делом прочно осевших на Сибирской территории казаков» и «началом их службы»²⁹.

Таким образом, Г. Е. Катанаев в 1888 г. впервые выдвигает тезис о том, что «Сибирское казачье войско происходит по прямой линии от первых завоевателей Сибири, оно действительно образовалось из переселенных по воле правительства на новые места сибирских городовых казаков, и начало его службы должно быть отнесено к началу службы этих последних»³⁰, расширяя тем самым исторический период службы сибирских казаков и обращая его из 175-летнего в 300-летний. А чтобы это «искреннее (хотя и недавнее) убеждение»³¹ Г. Е. Катанаева не было воспринято, по его же собственному выражению, как «какая-либо псевдо-патриотическая подтасовка или историческая ересь»³², он ставит перед собой задачу подкрепить его «не подлежащими сомнению данными»³³ архивных изысканий.

«Во избежание риска быть не понятым, и чтобы не заменить истории казаков постоянными отступлениями и ссылками на то, что в это время делалось вообще в Сибири»³⁴, Г. Е. Катанаев планирует, предваряя издание «Исторического очерка службы сибирского казачества», выпустить в свет две-три статьи, «касающиеся не одних только казаков, но и прочих войск тогдашней Сибири и обстоятельств, дававших направление тем или иным мероприятиям, касавшимся казаков»³⁵. Так, чтобы не развивать в ущерб другим главу, касающуюся участия казаков в подавлении пугачевщины, Г. Е. Катанаев задумывает написать особую статью под названием «Сибирские войска в пугачевщину», что даст возможность в истории казаков специально коснуться их действий, делая на действия других войск только ссылки. Планирует Г. Е. Катанаев и большую статью под названием «Сибирские казаки-землеисследователи», полагая, что история, например, географических и других изысканий, производившихся сибирскими казаками, как в самой Сибири, так и в киргизских степях, Средней Азии и Китае, сама по себе так интересна и обширна, что раздроблять ее по главам общей истории казаков и тем более ставить ее в рамку «служебных» обязанностей казаков не следует. «Напечатать обе эти статьи отдельно (в “Военном сборнике”, “Русской старине” или “Историческом вестнике”) я считаю тем более необходимым, — пишет Г. Е. Катанаев, — что, касаясь времени и вопросов обще-интересных, они, так сказать, популяризируют наше прошлое и заслуги перед образованным обществом. История службы наших казаков, как и всякая

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. Л. 52 об.

³⁰ Там же.

³¹ Там же. Л. 56.

³² Там же. Л. 57.

³³ Там же.

³⁴ Там же. Л. 56 об.

³⁵ Там же. Л. 56.

специальная история или исследование, как бы оно хорошо не было написано, несомненно, найдет весьма ограниченный круг читателей. Появление таких обще-интересных (как мне кажется) статей сделает ее, хотя в некоторых частях, более доступною»³⁶.

Но, безусловно, не только для «образованного общества» Г. Е. Катанаев планирует создание своего исторического очерка. Одной из главнейших своих целей он считает популяризацию знания исторического прошлого сибирского казачества и в среде простых казаков. Понимая, что реализация этой цели потребует «особого труда», он вынашивает планы создания, собственно для казаков, «простонародного рассказа из казачьего быта»³⁷ и «истории в картинках»³⁸. Г. Е. Катанаев справедливо полагает, что «подробное» изучение истории службы Сибирского казачьего войска может быть не только интересным, но полезным и поучительным для современных ему сибирских казаков.

В заключение хотелось бы отметить, что первоначальный замысел Г. Е. Катанаева не был воплощен в действительности в полной мере и в запланированные сроки. Намеченные в конце 80-х гг. XIX в. план, цели и задачи явились лишь отправной точкой многолетних исторических изысканий Г. Е. Катанаева и определили вектор направления его работы по написанию истории Сибирского казачьего войска, ставшей делом всей его жизни.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ИАОО — Исторический архив Омской области
ОРКП НБ ТГУ — Отдел рукописей и книжных памятников Научной библиотеки Томского государственного университета

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 98, 285.

ОРКП НБ ТГУ. Архив Г. Н. Потанина. Св. 115. Л. 323–324, 326–329.

Андреев С. М. Офицерское землевладение в Сибирском казачьем войске (середина XIX в. — 1916 г.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 1997.

Шевченко С. В. Сибирское линейное казачество и казахи Среднего жуза в XVIII — начале XIX в.: дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1997.

Шейнфельд М. Б. Историография Сибири. Красноярск, 1973.

Штергер М. В. Провинциальная историческая мысль последней трети XIX — начала XX в. (по материалам Тобольска и Омска): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2003.

³⁶ ИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 98. Л. 57.

³⁷ Там же. Л. 57 об.

³⁸ Там же.

Т. П. Филиппова
ФГБУН ФИЦ «Коми научный центр УрО РАН»

**НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ АКАДЕМИКА Ф. Н. ЧЕРНЫШЕВА
КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ОСВОЕНИЯ
СЕВЕРНЫХ ТЕРРИТОРИЙ РОССИИ**

В статье раскрыто значение сохранившегося документального наследия академика Ф. Н. Чернышева для изучения истории освоения северных территорий России. На основе анализа источников показана история экспедиций, осуществленных под его руководством, представлен вклад ученого в развитие геологических исследований на Европейском Севере России.

Ключевые слова: европейский север России, Ф. Н. Чернышев, Геологический комитет, архив, источник, история науки.

T. P. Filippova
Federal Research Centre «Komi Scientific Centre of
the Ural Branch of the RAS»

**SCIENTIFIC HERITAGE OF ACADEMICIAN F. N. CHERNYSHEV
AS A SOURCE FOR THE DEVELOPMENT HISTORY OF
THE NORTHERN TERRITORIES OF RUSSIA**

The article shows the significance of academician F. N. Chernyshev's preserved documentary heritage for studying the development history of the Northern territories of Russia. On the basis of the sources analysis, the author shows the history of expeditions carried out under the scientist's leadership, and presents his contribution to the development of geological research in the European North of Russia.

Key words: European North of Russia, F. N. Chernyshev, Geological Committee, archive, source, history of science.

В настоящее время исторический опыт освоения Севера России, накопленный отечественной наукой, представляет большой интерес для изучения. Такое внимание связано, прежде всего, с усилением вектора государственной политики, направленного на решение проблем развития Арктики и районов Крайнего Севера. Одним из актуальных направлений данной тематики является изучение созидательной роли научного сообщества и отдельных ученых в исследовании этих территорий.

Имя геолога Феодосия Николаевича Чернышева (1856–1914) хорошо известно специалистам. Его биография получила широкую известность благодаря работам советских исследователей¹, в которых подробно проанализированы вехи жизни ученого и его основные достижения. Более тридцати лет научной и административной деятельности Ф. Н. Чернышева были связаны с Геологическим комитетом, первой государственной геологической службой страны. За годы работы в комитете осуществлены самые значительные экспедиционные исследования ученого на Урале, Тимане, Донбассе, Новой Земле, Кавказе и др., благодаря своим результатам навсегда вошедшие в историю геологического изучения страны. Экспедиции под руководством Ф. Н. Чернышева, как правило, были направлены на исследование труднодоступных и малоосвоенных территорий, одной из которых на тот момент являлся Европейский Север России. Интенсивные поиски и изыскания ученого положили начало планомерным исследованиям этого региона.

Важным для изучения научной биографии ученого является его богатое документальное наследие, бережно сохраненное в архивах, музеях и библиотеках страны. После кончины Ф. Н. Чернышева документы ученого остались на хранении в рукописном фонде библиотеки Геологического комитета (с 1930 г. — Центральная геологическая библиотека Главного геологоразведочного управления ВСНХ СССР). Отсюда в 1930-е гг. часть документов была передана в Ленинградское отделение Центрального исторического архива СССР (ныне — Российский государственный исторический архив), где включена в состав фонда № 58 «Геологический комитет при Горном департаменте» (1618 ед. хр., 1842–1925). Фонд был сформирован в 1920-е гг. и представляет собой обширную коллекцию документов о производстве геологических изысканий, топографических работ и об открытии полезных ископаемых на территории России в конце XIX — начале XX в. В состав фонда включены документы об организации Геологического комитета, переписка, научные труды геологов (сотрудников комитета), картографические материалы и др. Среди названных документов сохранились материалы экспедиций, проведенных под руководством Ф. Н. Чернышева (отчеты, палеонтологические заметки, таблицы метеорологических наблюдений, карты, дневники и др.). Другая часть документов ученого была передана в Архив АН СССР, где сформирован личный фонд ученого («Чернышев Феодосий Николаевич (1856–1914), геолог, академик АН. Ф. 252. 325 ед. хр. 1870–1922»), который сегодня хранится в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (СПбФ АРАН). Среди документов фонда — отчетные материалы и рукописи трудов ученого, подготовленные по итогам экспедиций, которыми руководил Ф. Н. Чернышев, а также объемная переписка с российскими и зарубежными коллегами. Некоторые документы (фотографии, дневники и др.), а также коллекции, собранные в результате экспедиционных работ Ф. Н. Чернышева, остались на хранении в Центральном научно-исследовательском геологоразведочном институте (ныне — Всероссийский научно-исследовательский

¹ Анисимов Ю. А., Оноприенко В. И. Феодосий Николаевич Чернышев: 1856–1914. М., 1985; Феодосий Николаевич Чернышев: Библиографический указатель и материалы к биографии / сост. В. А. Фейдер; под ред. К. И. Шафрановского. Л., 1961.

геологический институт им. А. П. Карпинского), в фондах Геологического музея, которому в 1930 г. было присвоено имя ученого.

К сожалению, сегодня мы не можем говорить о полной сохранности документальных свидетельств научной деятельности Ф. Н. Чернышева: некоторые источники утрачены. Поэтому не менее важную и информативную часть наследия ученого представляют его опубликованные работы (монографии, отчеты, статьи в периодических изданиях), дающие подробные сведения о его поисках и результатах.

Весомой составляющей наследия Ф. Н. Чернышева являются документы об истории его северных экспедиций и исследованиях, посвященных проблемам изучения Европейского Севера России, которые являются неотъемлемой частью истории освоения и геологического изучения этой территории. Включение этих сведений в научный оборот позволит расширить историческую картину исследования Севера.

Первой экспедицией Ф. Н. Чернышева в северные регионы России стала Тиманская экспедиция, организованная на средства Геологического комитета в 1889–1890 гг. К концу XIX в. Европейский Север России представлял собой малоизученную в геологическом отношении территорию. Осуществленные в течение XIX столетия немногочисленные экспедиции затрагивали лишь небольшие участки на огромном пространстве.

Именно в изучении Севера Ф. Н. Чернышев видел стратегическую задачу в закреплении роли России в Арктике. Ученый неоднократно в своих выступлениях в Горном департаменте подчеркивал необходимость и своевременность изучения северных территорий². В 1888 г. Ф. Н. Чернышев горячо поддержал ходатайство архангельского губернатора Н. Д. Голицына о проведении геологического изучения Печорского края, что стало одним из решающих факторов в организации Тиманской экспедиции³.

Перед Ф. Н. Чернышевым как руководителем экспедиции Геологическим комитетом была поставлена задача обследования северной и южной частей Тимана с целью геологического изучения этой территории и составления карт этих районов. Экспедиция стала самым значимым событием в изучении геологии Европейского Севера в XIX в. В течение двух лет участники экспедиции — Ф. Н. Чернышев, академик О. А. Баклунд, горный инженер Н. И. Лебедев, топограф Д. Е. Сергеев и др. — обследовали огромное пространство (свыше 150 тыс. кв. верст) от верховьев Вычегды до Северного Ледовитого океана.

Обширные сведения об организации и результатах экспедиции сохранили документы РГИА. Переписка Ф. Н. Чернышева за 1889–1890 гг. свидетельствует о проведении значительной подготовительной работы. Письма и телеграммы ученого содержат сведения о найме работников и проводников, выяснении информации о сроках открытия пароходного сообщения в Архангельской губернии, возможности найма оленей для передвижения экспедиции и оформлении разрешений от уездных исправников⁴.

² Анисимов Ю. А., Оноприенко В. И. Феодосий Николаевич Чернышев... С. 38.

³ РГИА. Ф. 58. Оп. 2. Д. 276. Л. 16–21.

⁴ Там же. Л. 110–114.

Ф. Н. Чернышев переписывался с исследователями, имевшими опыт в изучении этих территорий. Так, в фондах архива сохранилось письмо геолога, палеонтолога А. А. Штукенберга, адресованное Ф. Н. Чернышеву, о передаче результатов и материалов его экспедиции 1874 г. в район р. Печоры и на Северный Тиман⁵.

Большую ценность для изучения итогов Тиманской экспедиции представляют дневники Ф. Н. Чернышева. К сожалению, уникальное документальное наследие ученого сохранилось не полностью: 5 дневников за 1889 г. и 10 дневников за 1890 г. Предположительно 3 дневника безвозвратно утрачены⁶. В этих документах зафиксированы ход поисково-собирательской работы, геологические наблюдения, цифры замеров, зарисовки событий экспедиций, а также некоторые бытовые моменты. После смерти Ф. Н. Чернышева эти дневники остались в распоряжении Геологического комитета. В 1923 г. Научным советом комитета геологу К. Н. Паффенгольцу была поручена работа по составлению систематизированного материала по работе экспедиции на основе этих дневников. Подготовленный обзор, который сохранился в фондах РГИА, на сегодняшний день является одним из наиболее информативных источников о работе Тиманской экспедиции⁷.

Фонды РГИА располагают также уникальными картографическими документами Тиманской экспедиции, выполненными Ф. Н. Чернышевым (общие планы местности, карты течения рек, геологические разрезы, чертежи и т. д.), разного формата, на кальке и бумаге, с отметками признаков полезных ископаемых. Среди них геологические карты Южного Тимана (1889) и Северного Тимана (1890), карты систем рек (Пижма, Мезень, Ижма, Мыла и др.) (1889–1890), по которым проходили маршруты исследований.

Объемные сведения о работе экспедиции сохранили также публикации ее участников. Несомненно, большое значение имели работы Ф. Н. Чернышева⁸, которые представили «много интересных, совершенно новых данных по геологии, орогидрографии, палеонтологии, тектонике и географии Тимана»⁹ и долгое время сохраняли большое теоретическое и практическое значение. На основе собранного фаунистического материала им была написана монография «Верхнекаменноугольные брахиоподы Урала и Тимана»¹⁰, где был описан и проанализирован обширный палеонтологический материал, собранный ученым на Урале и Тимане. Главные итоги экспедиции освещены в работе Ф. Н. Чернышева «Орографический очерк Тимана»¹¹, которая вышла уже после его смерти, в 1915 г., в серии «Труды Геологического

⁵ РГИА. Ф. 58. Оп. 2. Д. 276. Л. 167 об. – 173.

⁶ РГИА. Ф. 58. Оп. 2. Д. 277. Л. 5.

⁷ Там же.

⁸ Чернышев Ф. Н. 1) Сведения о работах, произведенных Тиманской экспедицией в 1890 г. // Известия Геологического комитета. 1890. Т. IX, № 8. С. 205–213; 2) Тиманские работы, произведенные в 1889 г. (Предварительный отчет). СПб., 1890; 3) Тиманские работы, произведенные в 1890 г. (Предварительный отчет) // Известия Геологического комитета. 1891. Т. X, № 4. С. 95–147, и др.

⁹ Геологическая изученность СССР. Т. 5 : Коми АССР. Сыктывкар, 1962. С. 76.

¹⁰ Чернышев Ф. Н. Верхнекаменноугольные брахиоподы Урала и Тимана. СПб., 1902.

¹¹ Чернышев Ф. Н. Орографический очерк Тимана // Труды Геологического комитета. 1915. Т. 12, № 1. С. 1–136.

комитета». Окончил составление очерка геолог К. И. Богданович — на основе опубликованных статей и дневников экспедиций ученого.

В 1900 г. была опубликована геологическая карта Тимана, составленная Ф. Н. Чернышевым¹². По словам руководителя Геологического комитета А. П. Карпинского, она «чрезвычайно изменяла прежние представления о строении этого края»¹³.

После окончания Тиманской экспедиции Ф. Н. Чернышев планировал дальнейшее исследование островов Арктического бассейна. В течение 1880–90-х гг. он занимался сбором материалов об этом регионе. Особое внимание ученого было приковано к архипелагу Новая Земля, который к концу XIX в. оставался малоизучен в геологическом отношении. Ф. Н. Чернышев собирал сведения об островах, изучал рукописи и дневники К. Д. Носилова, К. М. Бэра, А. Лемана, которые содержали практически весь накопившийся к тому времени опыт и результаты исследования Новой Земли. Проанализировав имеющуюся информацию, в 1885 г. Ф. Н. Чернышев опубликовал статью «Сведения о нахождении полезных ископаемых на Новой Земле»¹⁴, где дал критический анализ литературных источников об изучении архипелага. К 1894 г. им была подготовлена еще одна обобщающая работа, посвященная изучению Новой Земли¹⁵.

В 1895 г. по ходатайству архангельского губернатора А. П. Энгельгардта на средства Геологического комитета была организована экспедиция на Новую Землю под руководством Ф. Н. Чернышева — с целью геологического изучения и поиска полезных ископаемых, необходимых для развития северного пароходства. В число ее участников вошли астроном А. А. Кондратьев, консерватор И. А. Морозевич, а также спутник Ф. Н. Чернышева на Тимане Василий Иглин. В течение двух месяцев экспедиционной работы были проведены топографическая съемка, геологические и географические исследования архипелага, что позволило впервые составить общее представление о геологическом строении Новой Земли. Экспедиция стала одной из самых результативных в истории исследования архипелага в XIX в., сформировав интерес к его дальнейшему подробному изучению.

Важными источниками о работе этой экспедиции являются документы Ф. Н. Чернышева, сохранившиеся в РГИА. Среди них — переписка ученого, картографические материалы, описание коллекций, дневниковые записи, позволяющие реконструировать ход и маршрут экспедиции, трудности, с которыми пришлось столкнуться ее участникам. Первоначально Ф. Н. Чернышев предполагал посетить Маточкин Шар, Крестовую губу, затем Малые Кармакулы, отсюда перейти на остров Южный. Однако повреждение судна «Джигит» во время шторма не позволило членам экспедиции обследовать

¹² Чернышев Ф. Н. Геологическая карта Тиманского края (на 3 листах), масштаб 1 : 420 000. СПб., 1900.

¹³ Феодосий Николаевич Чернышев: Библиографический указатель... С. 59.

¹⁴ Чернышев Ф. Н. Сведения о нахождении полезных ископаемых на Новой Земле // Известия Геологического комитета. 1886. Т. IV, № 10. С. 411–414.

¹⁵ Чернышев Ф. Н. О геологическом строении Новой Земли // Записки Императорского Санкт-Петербургского минералогического общества. 2 сер. СПб., 1894. Т. XXXI. С. 389.

территорию Новой Земли по предполагаемому маршруту¹⁶. Несмотря на непредвиденные сложности, участники смогли осмотреть западную часть пролива Маточкин Шар. В августе 1895 г. на собачьих упряжках Ф. Н. Чернышев совершил переход на «карскую сторону» Новой Земли по долинам рек Малая Кармакулка и Ершова, обследовал берега залива Абросимова. После возвращения на западный берег были обследованы залив Пуховый, губа Безымянная, северный берег полуострова Гусиная Земля.

К сожалению, работа Новоземельской экспедиции была мало освещена в публикациях ученого. В фондах СПбФ АРАН сохранились рукописи трудов, отчетов, сообщений об итогах экспедиции, подготовленных ученым для публикации и выступлений в Геологическом комитете и Императорском Русском географическом обществе¹⁷. В 1896 г. в трудах «Императорского Русского географического общества» была опубликована единственная работа Ф. Н. Чернышева, посвященная итогам Новоземельской экспедиции¹⁸.

Деятельность Ф. Н. Чернышева по изучению северных и арктических территорий на этом не прекратилась. В 1899–1901 гг. он руководил составом русской экспедиции по градусным измерениям на полярном архипелаге Шпицберген, проводимой совместно со Швецией. Ему удалось собрать богатые материалы из верхнекаменноугольных месторождений, имеющих сходство с отложениями Севера России. Ценные сведения о работе этой экспедиции хранят фонды СПбФ АРАН. В личном фонде ученого и фонде № 13 «Комиссия Академии наук по градусному измерению на островах Шпицбергена» (121 ед. хр. 1898–1929) отложились подготовительные материалы, переписка, отчеты, зарисовки, фотографии Ф. Н. Чернышева. Большой интерес представляют дневники и путевые зарисовки ученого¹⁹. Они сохранили живую историю хода экспедиции. Каждодневные записи зафиксировали условия, состав экспедиции, описания объектов исследований. Вопросы организации и проблемы осуществления экспедиции затрагиваются в переписке Ф. Н. Чернышева с другими участниками: О. А. Баклундом, А. С. Васильевым, А. Д. Педашенко и др. В письмах отражены обсуждение научных проблем, вопросы организационной подготовки²⁰.

В 1903 г. Ф. Н. Чернышев был назначен директором Геологического комитета. Административная деятельность не давала возможности выезжать в далекие экспедиции. Тем не менее ученый продолжал работу по изучению Европейского Севера. В РГИА сохранилась переписка Феодосия Николаевича с заведующим естественно-исторической станцией в Усть-Цильме (Архангельская губерния) А. В. Журавским, который в течение 1904–1906 гг. проводил геологические исследования территории Большеземельской тундры. Ф. Н. Чернышев поддержал идею молодого начинающего исследователя по изучению этого района, привлек средства Императорской академии

¹⁶ РГИА. Ф. 58. Оп. 2. Д. 275.

¹⁷ СПбФ АРАН. Ф. 252. Оп. 1. Д. 5, 6.

¹⁸ [Чернышев Ф. Н.] Новоземельская экспедиция 1895 года. Сообщение Ф. Чернышева. Перепечатано по распоряжению Императорского Русского географического общества из т. 32 «Известий общества». СПб., 1896.

¹⁹ СПбФ АРАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 84–86.

²⁰ Там же. Д. 40, 78.

наук и Императорского Санкт-Петербургского минералогического общества для финансирования его экспедиций, а также оказывал консультации по маршрутам исследований, обрабатывал собранные коллекции. Полученные результаты позволили существенно дополнить и итоги северных экспедиций Ф. Н. Чернышева²¹.

Имя Феодосия Николаевича Чернышева будет всегда неразрывно связано с освоением Европейского Севера России. Его неутомимые научные поиски поставили изучение этой территории совершенно на новый уровень. Документальное наследие ученого является неотъемлемой частью истории познания Севера и позволяет увидеть сложность и многогранность этого процесса.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

РГИА. Ф. 58. Оп. 2. Д. 275–278.

СПбФ АРАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 40, 78, 84–86.

СПбФ АРАН. Ф. 252. Оп. 1. Д. 5, 6.

Анисимов Ю. А., Оноприенко В. И. Феодосий Николаевич Чернышев: 1856–1914. М., 1985.

Геологическая изученность СССР. Т. 5 : Коми АССР. Сыктывкар, 1962.

Феодосий Николаевич Чернышев: Библиографический указатель и материалы к биографии / сост. В. А. Фейдер ; под ред. К. И. Шафрановского. Л., 1961.

Чернышев Ф. Н. Верхнекаменноугольные брахиоподы Урала и Тимана. СПб., 1902.

Чернышев Ф. Н. Геологическая карта Тиманского кряжа (на 3 листах), масштаб 1 : 420 000. СПб., 1900.

[*Чернышев Ф. Н.*] Новоземельская экспедиция 1895 года. Сообщение Ф. Чернышева. Перепечатано по распоряжению Императорского Русского географического общества из т. 32 «Известий общества». СПб., 1896.

Чернышев Ф. Н. О геологическом строении Новой Земли // Записки Императорского Санкт-Петербургского минералогического общества. 2 сер. СПб., 1894. Т. XXXI.

Чернышев Ф. Н. Орографический очерк Тимана // Труды Геологического комитета. 1915. Т. 12, № 1. С. 1–136.

Чернышев Ф. Н. Сведения о нахождении полезных ископаемых на Новой Земле // Известия Геологического комитета. 1886. Т. IV, № 10. С. 411–414.

Чернышев Ф. Н. Сведения о работах, произведенных Тиманской экспедицией в 1890 г. // Известия Геологического комитета. 1890. Т. IX, № 8. С. 205–213.

Чернышев Ф. Н. Тиманские работы, произведенные в 1889 г. (Предварительный отчет). СПб., 1890.

Чернышев Ф. Н. Тиманские работы, произведенные в 1890 г. (Предварительный отчет) // Известия Геологического комитета. 1891. Т. X, № 4. С. 95–147.

²¹ РГИА. Ф. 58. Оп. 2. Д. 278. Л. 8–12 об.

К. Г. Шишкина
Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

**ФИЛОЛОГ-СЛАВИСТ, ЧЛЕН-КОРРЕСПОНДЕНТ АН
АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ МИХАЙЛОВ (1859–1927) — ДРУГ
И КОЛЛЕГА АКАДЕМИКА Е. Ф. КАРСКОГО ПО ВАРШАВСКОМУ
УНИВЕРСИТЕТУ (ПО МАТЕРИАЛАМ СПбФ АРАН)***

Статья посвящена переписке двух ученых-славистов — Е. Ф. Карского и А. В. Михайлова, друзей и коллег по Варшавскому университету. Письма Е. Ф. Карского к А. В. Михайлову хранятся в СПбФ АРАН и охватывают период 1895–1927 гг. Дан краткий обзор писем и выделены основные темы. Переписка ученых не только носит деловой характер, но и содержит сведения биографического характера и является важным источником информации по изучению истории науки и образования на рубеже XIX–XX вв.

Ключевые слова: член-корреспондент А. В. Михайлов, академик Е. Ф. Карский, корреспонденция ученых, СПбФ АРАН.

K. G. Shishkina
St. Petersburg Branch of the Archive of the RAS

**ALEXANDER V. MIKHAILOV (1859–1927),
PHILOLOGIST, CORRESPONDING MEMBER OF
THE ACADEMY OF SCIENCES, FRIEND AND COLLEAGUE
OF ACADEMICIAN E. F. KARSKY AT WARSAW UNIVERSITY
(BASED ON THE MATERIALS OF SPbB ARAS)**

The article is devoted to the correspondence between two slavic scholars — E. F. Karsky and A. V. Mikhailov, friends and colleagues at the University of Warsaw. E. F. Karsky's letters to A. V. Mikhailov, stored in St. Petersburg Branch of the RAS Archive, cover the period of 1895–1927. The author gives a brief overview of the letters and highlights the main topics. The scientists' correspondence is not only of a business nature, but also contains biographical data and is an important source of information on studying the history of science and education at the turn of the 19th — 20th centuries.

Key words: corresponding member A. V. Mikhailov, academician E. F. Karsky, correspondence of scientists, SPbB ARAS.

* Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант № 18-011-00539.

Александр Васильевич Михайлов (1859–1927) — выдающийся филолог-славист, историк русской литературы, член-корреспондент РАН (1922). Ученый внес большой вклад в исследование текстов славянской Библии и выпустил полный текст книги Бытия с вариантами по всем известным древнейшим спискам этой книги. А. В. Михайлов поддерживал научные связи и состоял в переписке со многими отечественными и зарубежными филологами-славистами и литературоведами. Среди корреспондентов ученого — профессора различных отечественных и зарубежных университетов. С некоторыми из них А. В. Михайлов поддерживал не только деловые, но и дружеские отношения. В их числе его друг и коллега по Императорскому Варшавскому университету — Евфимий Федорович Карский (1860–1931), филолог-славист, основатель белорусистики, академик Императорской академии наук (1916).

В СПбФ АРАН хранится переписка Е. Ф. Карского с А. В. Михайловым. В личном фонде А. В. Михайлова имеется 17 писем Е. Ф. Карского к нему за 1895–1927 гг. и одно письмо его супруги — Софии Николаевны Карской. Обратных же писем А. В. Михайлова к Е. Ф. Карскому не сохранилось, но в личном фонде Е. Ф. Карского есть одно письмо Надежды Александровны Михайловой, супруги А. В. Михайлова, за 1927 г.

В 1884 г. А. В. Михайлов окончил историко-филологический факультет Московского университета и был оставлен при нем профессором Н. С. Тихонравовым в качестве министерского стипендиата для подготовки к профессорскому званию. В 1888 г. А. В. Михайлов выдержал магистерский экзамен, а год спустя был отправлен в заграничную командировку для ознакомления с методами преподавания и курсами по славяноведению профессора Венского университета академика И. В. Ягича и др., а также для изучения греческих и славянских рукописей и старопечатных книг в библиотеках Западной Европы. По возвращении из-за границы в 1892 г. А. В. Михайлов был направлен в командировку для работы в древлехранилищах Москвы, Санкт-Петербурга и некоторых провинциальных городов с целью изучения библейских рукописей. В феврале 1895 г. он был определен лектором русского языка в Императорский Варшавский университет¹. С этого периода начинаются его знакомство и переписка с Е. Ф. Карским.

В 1893 г. Е. Ф. Карский был зачислен на должность лектора русского языка в Варшавский университет, а в 1894 г. — утвержден экстраординарным профессором по кафедре русского и церковнославянского языков². Очевидно, А. В. Михайлов написал ему письмо о своем назначении лектором в Варшавский университет, поскольку Е. Ф. Карский в письме от 11 апреля 1895 г. желает новому лектору успехов в занятиях, сообщает о состоянии лектуры русского языка в Варшавском университете, а также дает рекомендации по преподаванию курса для разных групп студентов. Е. Ф. Карский направляет А. В. Михайлову свои программы курса, объясняя ситуацию и задачи, которые теперь стоят перед ним как новым лектором русского языка: «Разные Ваши недоумения по части лектуры мне очень понятны, так как 2½ года тому

¹ СПбФ АРАН. Ф. 292. Оп. 1. Д. 6. Л. 1–2 об.

² Ляпунов Б. М. Очерк жизни и деятельности академика Е. Ф. Карского // Известия Академии наук СССР по Отделению общественных наук. 1932. № 3. С. 168–169.

назад они являлись и у меня. Лектура русс. языка существует только в Варш. университете, но не существует никаких определенных программ преподавания; учреждена эта лектура тогда, когда в университет поступали лица, учившиеся в польских заведениях и поэтому плохо знавшие русский язык. Теперь дело изменилось: везде в гимназиях здесь тот же уровень познаний, что и в Империи, поэтому и задачи лектора несколько иные: надо не только совершенствовать студентов в русском языке, но и сообщать им кое-что новое, в сравнении с тем, что они вынесли из гимназии. Поэтому и курс Ваш для студентов, будучи общеобразовательным, в некоторых отделах даже элементарным, в то же время должен быть выше гимназического, служа более научным уяснением его»³.

В 1904 г. А. В. Михайлов был удостоен степени магистра за диссертацию «К вопросу о литературном наследии святых Кирилла и Мефодия в глаголических хорватских миссалах и бревиариях». В 1905 г. он был назначен экстраординарным профессором⁴.

В начале 1905 г. по всей Российской империи отмечаются революционные движения. В январе в Варшаве также стали происходить забастовки и волнения среди рабочих. Вследствие беспорядков в городе прекратились занятия в учебных заведениях, подведомственных Министерству народного просвещения, в том числе и в Варшавском университете. Речь шла о временной приостановке занятий, но ситуация в стране все ухудшалась. Обострились отношения и в научной, академической среде. В марте было принято решение о закрытии Варшавского университета, все студенты были уволены⁵.

В мае 1905 г. А. В. Михайлов находится на своей подмосковной даче в селе Медведково⁶. В письме от 14 мая Е. Ф. Карский сообщает ему об обстановке в Варшаве и университете: «У нас в городе опять было начались беспорядки, но своего рода: разбивали в течение 2–3 дней на глазах полиции и, вероятно, не без ее согласия сначала разные притоны, потом квартиры “niewiast”⁷; ломали мебель, били посуду, потрошили подушки и перины — все это при большом стечении публики на самых людных улицах; доходило дело даже до раздевания этих дам и издевательства над ними. Жутко становилось при виде того, что делалось. Наконец вчера полиция спохватилась, и снова зашагали патрули по Варшаве. В университете пока все благополучно. Все наши филологи отказались держать экзамены весной... будут держать только юристы...»⁸.

О дальнейшей обстановке в университете и о том, как шли дела у А. В. Михайлова, мы узнаем из письма Е. Ф. Карского от 6 июня 1905 г. к своему коллеге профессору Московского университета М. Н. Сперанскому. Карский сообщает: «В Университете дела обстоят не лучше Вашего: пришло было распоряжение экзаменовывать желающих выпускных студентов сейчас же

³ СПбФ АРАН. Ф. 171. Оп. 2. Д. 40. Л. 1 – 1 об.

⁴ Волков В. А., Куликова М. В., Логинов В. С. Московские профессора XVIII – начала XX веков. М., 2006. С. 166–167.

⁵ Карский А. А. Академик Е. Ф. Карский. Биография : в 2 т. Т. 1. Минск, 2019. С. 447–455.

⁶ СПбФ АРАН. Ф. 171. Оп. 2. Д. 40. Л. 6.

⁷ Niewiast (польск.) — женщина.

⁸ СПбФ АРАН. Ф. 171. Оп. 2. Д. 40. Л. 4–5.

(весной). Мы подумали и решили, что экзаменовать их можно, но следует требовать знание полного курса (как если бы он весь был прочитан); на нашем факультете нашлось было двое охотников, но, рассмотрев программы, убоялись и отложили экзамены на осень. У юристов и естественников экзамены и сейчас идут... С 1-го июля А. И. Смирнов будет в отставке. А. В. Михайлов, ставши магистром, получил звание “экстраординарного профессора русского языка”, вместо прежнего “лектора русс. языка”. В настоящее время он на даче возле Москвы (Медведково) и занимается в Рум[янцевском] музее, все оканчивает свою диссертацию»⁹.

6 сентября 1905 г. Е. Ф. Карский был избран ректором Варшавского университета. Предпринимались попытки открыть университет, но из-за бойкота студентов и обстановки в городе открытие несколько раз переносилось. В итоге пришлось университет снова закрыть¹⁰.

Летом 1906 г. А. В. Михайлов также находится на своей даче под Москвой. Е. Ф. Карский в письме к нему от 22 июля сообщает: «Покойным деканом Ист.-фил. факультета Моск. у-та мне предложено было занять у них кафедру русс. языка; я ответил, что мог бы быть у них нештатным преподавателем, но окончательного слова не дал. Теперь факультет у них будет в другом составе, и желание факультета мне не известно. Пока остаюсь в Варшаве в надежде нести общие тяготы. Прошений о поступлении в у-т имеется пока около 20, да и то от евреев. Занятий, очевидно, у нас не будет, но окончательное решение придется сделать около 2–4 сентября, когда и устроим совет. К этому времени, думаю, Вам нужно приехать... но Надежде Александровне с Вашим богоданным семейством нужно остаться в Москве. Спешите с окончанием Вашей работы, деньги есть»¹¹.

Положение дел в Варшавском университете все более ухудшается, и становятся необходимыми проведение заседания Совета и присутствие на нем А. В. Михайлова, о чем Е. Ф. Карский ему сообщает в письме от 21 августа 1906 г.: «У нас дела обстоят следующим образом. На совещании в СПбурге постановлено не открывать варшавских высших учебных заведений, а министр в беседе со мной и Садовским высказался, что нас за ненадобностью уволят за штат; политехников уже уволили. Министр только желает, чтобы мы сами ходатайствовали об увольнении за штат, так как нам “надо уйти с честью и демонстративно”. Я еле упробил его подождать постановления нашего Совета по этому предмету; о дне заседания Вы будете уведомлены, только сообщите своевременно московский Ваш адрес. Что касается переноса у-та в другой город, то министр сказал, что он вполне разделяет эту идею; но “перенос может состояться тогда, когда ни меня ни Вас не будет на службе”, сказал Кауфман. Таким образом: 1) положение очень серьезное, 2) на заседание Вам нужно будет приехать, 3) жить следует в Москве, 4) работу спешите окончить, так как после увольнения за штат денег на печатанье не получите...»¹². Также Е. Ф. Карский отмечает, что в университете никаких

⁹ СПбФ АРАН. Ф. 172. Оп. 1. Д. 141. Л. 20–21 об.

¹⁰ *Карский А. А.* Академик Е. Ф. Карский... С. 458–466.

¹¹ СПбФ АРАН. Ф. 171. Оп. 2. Д. 40. Л. 7.

¹² Там же. Л. 8–9.

новых назначений не будет производиться, а в гимназиях уже начались занятия, и «вообще в Варшаве теперь жить опасно»¹³. Через неделю Е. Ф. Карский снова отправляет письмо А. В. Михайлову, где просит его приехать на заседание Совета: «День Совета пока не назначен, но люди опытные советуют сначала устроить несколько частных совещаний. Поэтому желательно было бы Ваше присутствие в начале сентября»¹⁴.

Очевидно, на заседании Совета профессора решили не подавать заявления об отставке, а настаивать на переводе университета в какой-нибудь крупный город России. Власти ничего не предпринимали. Только с начала 1908/09 учебного года Императорский Варшавский университет открылся для студентов 1-го курса. С 6 сентября 1908 г. Е. Ф. Карский был переизбран ректором на второй срок. В этой должности он проработал до 2 ноября 1910 г. и вышел в отставку, но продолжил читать лекции в Варшавском университете¹⁵.

В 1913 г. А. В. Михайлов по защите докторской диссертации «Опыт изучения текста книги Бытия. Паремийная редакция» в Санкт-Петербургском университете был утвержден в звании ординарного профессора. В сентябре 1914 г. он вышел в отставку и поселился в Москве¹⁶.

В письме от 12 ноября 1914 г. Е. Ф. Карский сообщает А. В. Михайлову, что ему положены жалованье за август и сентябрь 1914 г. и другие выплаты. Кроме того, Е. Ф. Карский ходатайствует о назначении ему пенсии по отставке, в связи с чем пишет: «Сейчас был в у-те и в Округе навел о Вас справки. Извещение об отставке Вам уже послано. Что же касается представления о пенсии, то оно еще не сделано, да и все Ваше дело в Округе затеряно. Они советуют сделать новое (подчеркнуто в документе. — К. Ш.) представление из Университета о назначении Вам пенсии (как это всегда делалось в мое ректорство)...»¹⁷. По поводу пенсии в следующем году А. В. Михайлов получает два письма: одно — из Министерства народного просвещения (№ 2181 от 19 февраля 1915 г.), а другое — от ректора Варшавского университета (№ 3434 от 3 марта 1915 г.). В них сообщается о назначении ему пенсии в размере оклада полного жалованья, производившегося ему по штату университета (3000 руб.), а также об ассигновании этой пенсии со дня увольнения его от службы¹⁸.

После переезда в Москву А. В. Михайлов преподавал в Московском университете (1915–1922), Костромском (1920–1923) и Смоленском (1923–1924) педагогических институтах. Состоял членом Московского археологического общества (1914) и различных комиссий. В то же время он не прекращал своих занятий в библиотеках и делал доклады в московских учебных обществах. В 1915 г. А. В. Михайлов был удостоен Ломоносовской премии за книгу «Опыт изучения текста книги Бытия»¹⁹.

¹³ СПбФ АРАН. Ф. 171. Оп. 2. Д. 40. Л. 8–9.

¹⁴ Там же. Л. 11.

¹⁵ Карский А. А. Академик Е. Ф. Карский... С. 477, 487–488, 505.

¹⁶ Карский Е. Ф. А. В. Михайлов: (Некролог) // Известия по русскому языку и словесности Академии наук СССР. 1928. Т. I. Кн. 1. С. 252.

¹⁷ СПбФ АРАН. Ф. 171. Оп. 2. Д. 40. Л. 14–14 об.

¹⁸ СПбФ АРАН. Ф. 171. Оп. 1. Д. 129. Л. 42; Д. 131. Л. 20–20 об.

¹⁹ Волков В. А., Куликова М. В., Логинов В. С. Московские профессора... С. 166–167.

В 1916 г. Е. Ф. Карский был избран ординарным академиком Императорской академии наук²⁰, после чего в 1917 г. он переезжает в Петроград. В 1922 г. Е. Ф. Карский рекомендует А. В. Михайлова в члены-корреспонденты Академии наук²¹ и составляет записку об его ученых трудах²². А. В. Михайлов был избран членом-корреспондентом Академии наук по Отделению русского языка и словесности (Протокол Общего собрания АН № XI § 214 от 2 декабря 1922 г.)²³. С этого времени он стал печатать свои статьи в «Известиях Отделения русского языка и словесности» (ИОРЯС)²⁴, редактированием которых с 1920 г. занимался Е. Ф. Карский²⁵.

В переписке между учеными за 1924–1927 гг. в основном обсуждаются следующие вопросы: назначение академической пенсии А. В. Михайлову; публикация его статей в сборнике ИОРЯС и пересылка корректур; обмен научными материалами и изданиями, а также пересылка их другим ученым, в том числе за границу.

В ноябре 1924 г. А. В. Михайлов обращается в Отделение русского языка и словесности с просьбой поддержать перед Центральной комиссией по улучшению быта ученых (ЦКУБУ) его ходатайство о переводе его по получению академического обеспечения из III категории в IV, так как с октября III категория лишается обеспечения, а получаемой им пенсии в 35 руб. недостаточно для прожития. На заседании ОРЯС от 25 ноября принимается решение поддержать ходатайство²⁶. В письме от 2 декабря 1924 г. Е. Ф. Карский дает А. В. Михайлову некоторые разъяснения по этому поводу: «Полная профессорская пенсия у Вас в Москве 70 р., у нас в провинции — 60 р. Ее получают даже жены профессоров — вдовы. Был сегодня я у В. М. Истрина и решили, согласно Вашему письму к нему, ходатайствовать через непременно секретаря Ольденбурга о назначении Вам академич. обеспечения ЦКУБУ по 4 категории, т. к. это обеспечение +35 больше полной пенсии. В крайности Вы будете просить назначить полную пенсию в 70 р., ссылаясь на наше ходатайство, т. к. этим делом занимается то же ЦКУБУ»²⁷.

Следует отметить, что на протяжении всей переписки ученых прослеживаются теплые дружеские отношения между их семьями. В своих письмах Е. Ф. Карский с супругой Софией Николаевной передают привет А. В. Михайлову и его супруге Надежде Александровне. К некоторым письмам мужа С. Н. Карская добавила свои слова с приветствиями и пожеланиями супругам Михайловым и даже отправила им отдельное письмо, в котором она интересовалась их жизнью и писала о том, что очень бы хотела с ними повидаться и пообщаться²⁸.

²⁰ СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 238. Л. 83.

²¹ *Карский Е. Ф.* А. В. Михайлов: (Некролог). С. 252–253.

²² СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 244. Л. 59 об.

²³ Там же. Л. 42.

²⁴ *Карский Е. Ф.* А. В. Михайлов: (Некролог). С. 252.

²⁵ СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 242. Л. 237 об.

²⁶ СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 247. Л. 190 об.

²⁷ СПбФ АРАН. Ф. 171. Оп. 2. Д. 40. Л. 16–16 об.

²⁸ СПбФ АРАН. Ф. 171. Оп. 2. Д. 39. Л. 1–1 об.

В 1926 г. Е. Ф. Карский, узнав о болезни А. В. Михайлова, в письме от 3 ноября дает ему свою рекомендацию: «Очень грустно читать, что Вы болеете, но думаю что Ваша анги́на, также легко пройдет, как и появилась: ведь Вы человек воздержанный; только не ездите в Кисловодск, т. к. он анги́н у не вылечивает»²⁹.

10 августа 1927 г. А. В. Михайлов умер. Очевидно, что Карские выразили соболезнования вдове покойного. Поскольку она в письме к Е. Ф. Карскому от 1 ноября 1927 г. благодарит его и супругу за внимание к ней и пишет о себе: «Живу я хорошо в материальном отношении и плохо в смысле скуки и тоски по умершему. Что делать: Надо терпеть. Такова воля Божия. Желаю Вам всего хорошего, а главное здоровья»³⁰. К письму Н. А. Михайлова прилагает автобиографию мужа со своими дополнениями. А. В. Михайлов писал ее еще в 1913 г. по просьбе Императорского Московского археологического общества. Эта автобиография вошла в некролог, составленный Е. Ф. Карским. В нем ученый, подчеркивая трудолюбие и преданность науке А. В. Михайлова, пишет: «Всю свою жизнь покойный посвятил науке и умер за корректурой статей, предназначенных для “Известий”...»³¹.

Письма Е. Ф. Карского к другу и коллеге А. В. Михайлову содержат некоторые биографические сведения, не встречающиеся в других источниках, а главное — отражают отношение ученых к событиям, происходящим в их педагогической и научной жизни. Таким образом, переписка является важным источником информации по изучению науки и образования на рубеже XIX–XX вв.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 238, 242, 244, 247.

СПбФ АРАН. Ф. 171. Оп. 1. Д. 129, 131.

СПбФ АРАН. Ф. 171. Оп. 2. Д. 39, 40.

СПбФ АРАН. Ф. 172. Оп. 1. Д. 141.

СПбФ АРАН. Ф. 292. Оп. 1. Д. 6.

Волков В. А., Куликова М. В., Логинов В. С. Московские профессора XVIII — начала XX веков. М., 2006.

Карский А. А. Академик Е. Ф. Карский. Биография : в 2 т. Т. 1. Минск, 2019.

Карский Е. Ф. А. В. Михайлов: (Некролог) // Известия по русскому языку и словесности Академии наук СССР. 1928. Т. I. Кн. 1. С. 250–254.

Ляпунов Б. М. Очерк жизни и деятельности академика Е. Ф. Карского // Известия Академии наук СССР по Отделению общественных наук. 1932. № 3. С. 167–192.

²⁹ СПбФ АРАН. Ф. 171. Оп. 2. Д. 40. Л. 23.

³⁰ СПбФ АРАН. Ф. 292. Оп. 1. Д. 6. Л. 2 об.

³¹ *Карский Е. Ф.* А. В. Михайлов: (Некролог). С. 250.

Е. Н. Груздева
Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

НЕРЕАЛИЗОВАННЫЙ ПРОЕКТ Е. А. МАСАЛЬСКОЙ (К ИСТОРИИ «ИНГИГЕРДЫ»)

Статья рассказывает об одном эпизоде из биографии Е. А. Масальской — ее занятиях переводами скандинавских саг и написании статьи о шведской принцессе Ингигерде, ставшей второй женой киевского князя Ярослава Мудрого. Однако, несмотря на приложенные усилия автора, опубликовать исследование ни в России, ни в Финляндии не удалось.

Ключевые слова: скандинавские саги, переводные исторические источники, Ингигерда, А. А. Шахматов, Е. А. Масальская.

E. N. Gruzdeva
St. Petersburg Branch of the Archive of the RAS

INCOMPLETE PROJECT BY E. A. MASALSKAYA (TO THE HISTORY OF «INGEGERD»)

The article illustrates an episode of E. A. Masalskaya's biography, devoted to translating Scandinavian sagas and writing an article about Princess Ingegerd of Sweden, the second spouse of Grand Prince Yaroslav the Wise of Kiev. However, despite all the efforts made by Masalskaya to publish her work in Russia and Finland, she never succeeded in it.

Key words: Scandinavian sagas, translated historical sources, Ingegerd, A. A. Shakhmatov, E. A. Masalskaya.

Евгения Александровна Масальская-Сурина (урожд. Шахматова) (1862–1940) до недавнего времени была известна лишь как историк-генеалог, издавшая актовые и личные документы родового архива¹, и мемуаристка, автор воспоминаний о ее старшем брате академике А. А. Шахматове². Вместе

¹ *Масальская-Сурина Е. А. «Из семейной хроники» : [Очерки] [в 3 вып.]. М., 1907–1908.*

² *Масальская Е. А. Повесть о брате моем А. А. Шахматове. Ч. 1 : Легендарный мальчик. М., 1929. Переизд.: Масальская Е. А. Воспоминания о моем брате А. А. Шахматове. М., 2012 (включает также ранее не публиковавшиеся части мемуаров: «При родителях» — об истории рода Шахматовых и «Путь к Академии» — о творческом становлении ученого).*

с тем ее собственная биография оставалась в тени. Ситуация изменилась после того, как в 2016 г. норвежский исследователь Т. П. Лёнгрен обнаружила в Осло, в архиве слависта О. Брока, безымянную рукопись, которую атрибутировала как неизвестную часть воспоминаний Е. А. Масальской. Изучив документы московских архивов, где в РГАЛИ отложился семейный архив Шахматовых-Масальских³, Т. П. Лёнгрен опубликовала найденную рукопись⁴, сопроводив ее первой подробной биографической статьей об авторе⁵.

По свидетельству самой Е. А. Масальской, когда она, овдовев, поселилась вместе с семьей брата в Петрограде, последний предложил ей переводить скандинавские саги. Владея несколькими иностранными языками (немецким, французским, английским, итальянским, латинским), она и раньше занималась переводами⁶. Однако исландские королевские саги и оценка их в контексте древнейших русско-скандинавских отношений были для нее совершенно новым направлением деятельности. А. А. Шахматов в начале 1917 г. даже обращался к норвежскому филологу О. Броку с просьбой помочь сестре в этих занятиях⁷.

А. А. Шахматов в своих историко-литературных исследованиях русских летописей использовал данные лингвистики, этнографии, фольклора, археологии, исторической географии. Он был готов обратиться и к любым новым источникам или опробовать оригинальные методические подходы. Так, по свидетельству С. П. Розанова⁸, А. А. Шахматов предлагал ему заняться легендами летописей и для примера дал работу А. Н. Гилярова⁹. С. П. Розанов заинтересовался задачей, «даже начал составлять список этих легенд, но обстоятельства тогдашней жизни сначала отодвинули эту работу на задний план», а на фоне революционных событий о ней и вовсе забыли¹⁰.

Скальдическая поэзия, чья историческая достоверность часто вызывала сомнения, все больше привлекала внимание ученых. Вообще в начале XX в. идея расширения источниковой базы исследований за счет публикации переводов европейских документов витала в воздухе. Так, скандинавистом К. Ф. Тиандером были отобраны и изданы сказания о призвании варягов,

³ Российский государственный архив литературы и искусства (далее — РГАЛИ). Ф. 318.

⁴ *Масальская-Сурина Е. А.* История с географией. М., 2019.

⁵ *Лёнгрен Т. П.* Е. А. Масальская-Сурина и ее воспоминания // Е. А. Масальская-Сурина. История с географией. С. 6–30.

⁶ Например, ее переводы с французского языка дневников фрейлины А. А. Толстой (РГАЛИ. Ф. 318. Оп. 2. Д. 42–43).

⁷ *Лёнгрен Т. П.* «Прошу не гневаться моим вопросам»: диалог переводчика с носителем языка (из переписки О. Брока с А. А. Шахматовым) // *Poljarnej Vestnik: Norwegian Journal of Slavic Studies*. 2016. Vol. 19. S. 60.

⁸ Розанов Сергей Павлович (1870 — не ранее 1948) — историк древнерусской литературы, археограф.

⁹ Возможно, А. А. Шахматов предлагал применить источниковедческий метод А. Н. Гилярова, представленный автором на примере интерпретации диалогов Платона для получения достоверных сведений о софистах. См.: *Гиляров А. Н.* Источники о софистах. Платон как исторический свидетель. Опыт историко-философской критики. Т. 1: Методология и свидетельства о философии. Киев, 1891. С. 30–31.

¹⁰ РГАЛИ. Ф. 318. Оп. 1. Д. 299. Л. 2–2 об. — Письмо С. П. Розанова Е. А. Масальской от 20–21.10.1936.

сохранившиеся в северогерманских хрониках¹¹. Саги на русском языке издавались и ранее, в XIX столетии, и в начале XX в.¹², но они охватывали лишь часть известных древних текстов и не имели специальных комментариев. В самом начале XX в. в Академии наук обсуждалась идея издания переводов древних скандинавских саг, имеющих отношение к России¹³. Но этот предложенный Ф. А. Брауном проект тогда не осуществился¹⁴, и слависты не получили необходимых им текстов для сопоставления с русскими летописями. Когда принималось решение отказаться от проекта, А. А. Шахматов, по свидетельству сестры, «присоединился к общему мнению, но все-таки на этом совсем не успокоился. Варяжский вопрос всегда крайне интересовал его <...>, не говоря об исследованиях сводов и летописей»¹⁵. Доступными методами он проверял положения «норманнской теории» и накопившиеся доводы за и против, склоняясь к поддержке позиции норманистов¹⁶.

Е. А. Масальская, занимаясь генеалогическими изысканиями, собирала сведения о родственниках умершего мужа, но постепенно (и, вероятно, не без влияния брата) перенесла внимание на тему, ставшую впоследствии «единственным ее интересом», а именно: Рюрик и все ветви, относящиеся к нему¹⁷. Возможно, тогда А. А. Шахматов и предложил ей обратиться к исландским королевским сагам. По словам Е. А. Масальской, он привлек ее «внимание к образу одной из самых замечательных женщин столь любимого им периода истории Руси XI века, к Ингигерде, шведской королеве, ставшей супругой киевского великого князя Ярослава Мудрого, совершенно неизвестной в истории. С этой целью он принес оба тома *Antiquités Russes*¹⁸ и просил меня выбрать из них все, что найдется об Ингигерде, а попутно и о том, что ему было так дорого и нужно — о древней Руси»¹⁹. Знание латыни позволяло Е. А. Масальской работать с названным датским изданием — двухтомной антологией «Русские древности, из исторических памятников исландцев и древних скандинавов», где тексты были напечатаны в оригинале и в латинском переводе, а комментарии — на французском языке.

¹¹ *Тиандер К. Ф.* Датско-русские исследования : в 3 т. СПб. (Пг.), 1912–1915. Т. 3 (Гл. VII : Скандинавское переселенческое сказание). 1915.

¹² См.: *Джаксон Т. Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе. Тексты, переводы, комментарии. Изд. 2-е. М., 2012. С. 26–29.

¹³ *Лященко А. И.* «Eymundar Saga» и русские летописи // Известия АН СССР. Сер. VI. 1926. Т. 20. Вып. 12. С. 1065; *Джаксон Т. Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе... С. 29.

¹⁴ *Свердлов М. Б.* Ф. А. Браун — исследователь скандинавских источников по истории Древней Руси // Скандинавский сборник. Таллин, 1976. Вып. XXI. С. 221–225.

¹⁵ РГАЛИ. Ф. 318. Оп. 1. Д. 9а. Л. 1. — [Предисловие Е. А. Масальской к ее работе об Ингигерде].

¹⁶ Например, см. работы: *Шахматов А. А.* 1) Сказание о призвании варягов // Известия ОРЯС. 1904. Т. IX. Кн. 4. С. 284–365; 2) Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908; 3) Повесть временных лет. Т. I. Пг., 1916; 4) Древнейшие судьбы русского племени. Пг., 1919.

¹⁷ *Масальская-Сурина Е. А.* История с географией. С. 486.

¹⁸ *Antiquités russes d'après les monuments historiques des Islandais et des anciens scandinaves*, editées par la Société Royale des Antiquaires du Nord / C. C. Rafn (ed.). 2 Vols. Copenhagen, 1850–1852.

¹⁹ РГАЛИ. Ф. 318. Оп. 1. Д. 9а. Л. 1 об. — [Предисловие Е. А. Масальской к ее работе об Ингигерде].

По ходу работы переводчица сообщала брату интересные фрагменты, «и каждая крупница, находящаяся в сагах о древней Руси, казалась ему драгоценной». А. А. Шахматов задумал «собрать все, что только возможно <...>. С этой целью он списался с О. И. Броком, профессором Университета в Осло, прося его помочь разыскивать в древних скандинавских документах следы древней истории Руси. Горячо отозвался северный друг и в ответном письме сообщал, что уже разыскал специалиста — старика, который за самое скромное вознаграждение взялся перерыть все архивы в Скандинавии и Дании, отыскивая все то, что было связано с древней Русью и не попало в *Antiquités Russes*»²⁰. Осуществлению этих планов помешали Первая мировая война и русские революции, сильно затруднившие международные связи.

В 1919 г. Ф. А. Браун предложил Академии наук вернуться к старому проекту об «исследовании и переводе саг, целиком или частично касающихся России, Византии и Востока», и их издании²¹. Отделение русского языка и словесности, посчитав такое издание весьма нужным, внесло его в смету 1920 г.²² Работы были начаты и к весне переведена первая сага, отобранная Ф. А. Брауном²³. К этому времени уже значительно продвинулась в своих трудах и Е. А. Масальская — ею были переведены пять исландских саг²⁴, собран большой объем материалов из скандинавских печатных и архивных источников, а также начато самостоятельное исследование об Ингигерде — жене русского князя Ярослава Мудрого.

Когда в августе 1920 г. А. А. Шахматов заболел, сестра читала ему саги Эдмунда, Ингвара, Магнуса, Олафа. «Лежа в постели в предсмертной болезни, он часами слушал чтение переведенных мной саг, подстрочно проверяя перевод по изданию Вахтера на немецком и Морриса на английском

²⁰ РГАЛИ. Ф. 318. Оп. 1. Д. 9а. Л. 1 об.

²¹ СПбФ АРАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1086. Л. 13–14. Ф. А. Браун планировал привлечь к проекту в качестве переводчиков своих бывших студентов — «на первом плане Елену Александровну Рыздзевскую, хорошо овладевшую древнеисландским языком и уже много поработавшую в этой области» (Там же. Л. 13 об.). Последняя изучала историко-археологические материалы в музеях и архивах Швеции и Норвегии и имела собственные исследования по скандинавским древностям. О ней см.: *Анохин Г. И.* Вклад Е. А. Рыздзевской в советскую скандинавистику // *Скандинавский сборник*. Таллин, 1970. Т. 15. С. 177–186; *Груздева Е. Н.* Елена Александровна Рыздзевская // *Вестник Герценовского университета*. 2009. № 6. С. 65–68.

²² СПбФ АРАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1086. Л. 12. — Письмо к Ф. А. Брауну с уведомлением о решении ОРЯС. 07.10.1919. После отъезда Ф. А. Брауна из России и этот проект не был реализован.

²³ В апреле 1920 г. Е. А. Рыздзевская, собираясь на время уехать из голодного Петрограда, писала А. А. Шахматову: «Федор Александрович, уезжая за границу, просил передать Вам, что одна сага переведена мною и увезена им с собою; наполовину она проредактирована им. Надеюсь, я буду продолжать эту работу, когда он вернется. Черновик перевода остался в моем портфеле в Эрмитаже, в Отделении археологии России» (СПбФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 1324. Л. 1–1 об. — Письмо от 24.04.1920). Несомненно, Е. А. Масальская знала и о проекте Ф. А. Брауна, и о переводческой работе Е. А. Рыздзевской, с которой была лично знакома.

²⁴ Рукописи переводов находятся в РГАЛИ: Ф. 318. Оп. 1. Д. 4–9, 10, 14. В описи фонда указано, что переводы были сделаны с немецкого языка, но сама Е. А. Масальская писала: «...я успела перевести несколько саг из великолепного издания *Antiquités Russes* (с латинского)» (РГАЛИ. Ф. 318. Оп. 2. Д. 18. Л. 1), хотя пользовалась и немецкими изданиями.

языках²⁵. <...> И как ему хотелось выздороветь скорее, чтобы приняться за новую работу, с каким нетерпением он брался за перо и почти накануне роковой для него операции, унесшей его, уже ослабевшей за две недели болезни рукой пытался написать введение к 1-й из читавшихся саг — саге Олафа Тригвессона²⁶.

После кончины А. А. Шахматова Е. А. Масальская приостановила свои археографические работы, понимая, что без поддержки брата не сможет сделать научно ценного исследования. Однако к истории Ингигерды она спустя несколько лет вернулась: ее не отпускала мысль, что покоривший ее исторический персонаж оставался совершенно неизвестен ни в России, ни за границей. Она решила использовать накопленный материал и написать об Ингигерде.

В 1920-е гг. русские историки активно осваивали скандинавские источники. Большую статью об известиях о древней Руси опубликовал Ф. А. Браун²⁷, сравнительным анализом саг и русских летописей увлекся А. И. Лященко²⁸, северные документы изучали молодые ученые²⁹. Работая над своим очерком, общаясь с учеными — бывшими коллегами и учениками А. А. Шахматова, Е. А. Масальская не могла не знать об этих исследованиях. В 1923 г. на заседании Общества любителей древней письменности (ОЛДП) она, желая привлечь внимание к своей героине, реферировала часть своей работы «Ингигерда и Сага Эймунда»³⁰. Вероятно, были и другие подобные попытки, но живого интереса в научном сообществе они не вызвали, и Е. А. Масальской

²⁵ Издания, которые использовал А. А. Шахматов: Snorri Sturluson's *Weltkreis* (Heimskringla) übersetzt und erläutert von Dr. Ferdinand Wächter, Außerordentlichen Professor bei der philosophischen Facultät zu Jena. II Bd. Leipzig, 1835–1836; *The Stories of the Kings of Norway called the Round of the World* (Heimskringla), by Snorri Sturluson. Done into English out of the Icelandic by William Morris and Eiríkr Magnússon. 4 Vols. London, 1893–1905. (The Saga Library. Vol. III–VI).

²⁶ РГАЛИ. Ф. 318. Оп. 1. Д. 9а. Л. 2 об. — 3. — [Предисловие Е. А. Масальской к ее работе об Ингигерде].

²⁷ Braun F. *Das historische Russland im nordischen Schrifttum des X.–XIV. Jahrhunderts* // Festschrift Eugen Mogk zum 70. Geburtstag. Halle, 1924. S. 150–196.

²⁸ Напр.: Лященко А. И. 1) «Eymundar saga» и русские летописи. С. 1061–1086; 2) Сага про Олафа Тригвессона й літописне оповідання про Ольгу // Україна. 1926. Кн. 4. С. 3–23.

²⁹ Имеются в виду сотрудники академической Русско-византийской комиссии В. А. Брим и Е. А. Рыдзевская. Их работы были посвящены вопросам отражения русско-византийских торговых и политических связей в скандинавских источниках: Брим В. А. Происхождение термина «Русь» // Россия и Запад : ист. сб. [Прг.] 1923. № 1. С. 5–10. На заседаниях Комиссии делались доклады на темы: «Пути руссов по Волге к Черному морю», «Рунические надписи в Византии» (В. А. Брим); о клятвенных формулах в договорах и аналогиях в скандинавской литературе, «О военных отношениях Руси и скандинавов к Византии по греко-римским договорам и сагам» (Е. А. Рыдзевская). См.: Барынина О. А. Отечественное византиноведение на рубеже эпох: Русско-византийская комиссия (1918–1930 гг.). СПб., 2010.

³⁰ Краткий отчет о деятельности Общества древней письменности и искусства за 1917–1923 годы. [Л.,] 1925. С. 7. Некоторые доклады, читавшиеся ОЛДП, были весьма близки к теме Е. А. Масальской, как, например, сообщение А. И. Лященко о саге про Олафа Тригвессона. Досадуя, что пропустила заседание с этим выступлением, Е. А. Масальская просила автора дать ей возможность познакомиться с его рукописью (СПбФ АРАН. Ф. 156. Оп. 2. Д. 276. Л. 1–1 об.).

пришлось признать: «...когда я говорила или читала о ней, я встречала полное игнорирование и равнодушие»³¹. Этот фактор, очевидно, способствовал некоторому охлаждению к работе, а семейные дела и события вокруг публикации первой книги воспоминаний о брате³² и вовсе отвлекли ее от истории Ингигерды.

В начале 1930-х гг. Е. А. Масальская решила оставить семью брата и переселиться в Дом престарелых ученых. Перебирая накопившиеся бумаги, она снова вернулась к старой рукописи. Желание видеть эту работу напечатанной заставило ее предпринять еще одну попытку.

Не веря в то, что встретит отклик у советских издателей, Е. А. Масальская решила обратиться в Финляндию к давним коллегам и друзьям ее брата — профессорам-славистам Гельсингфорского университета. Она написала письмо к Велью Мánсикка³³, хотя сама и не была с ними знакома. В письме подчеркивала, что много работала над очерком «по указанию и настоянию брата», что без его руководства не сможет придать ученую ценность этому труду, и просила поместить свой «дилетантский рассказ» в каком-нибудь журнале. Письмо содержало и откровенное признание: «Цель моя очень проста, мне хочется получить хоть небольшой гонорар на Торгсин, чтобы им помочь той семье, к которой и Вы, и уважаемый проф. Миккола³⁴ всегда относились так сердечно и внимательно...»³⁵. Меркантильное упоминание о гонораре позволяет сделать вывод о крайне трудном материальном положении Е. А. Масальской. Давний знакомый Шахматовых П. Л. Маштаков³⁶ свидетельствовал: «Уже 25 лет, как я вращаюсь в кругу интересов семьи Алексея Александровича, а по смерти его мне пришлось быть как бы опекуном их. Особенно я сблизился с Евгенией Александровной, которая во многих отношениях напоминает Алексея Александровича. За последние 2 года положение Евгении Александровны материальное сильно пошатнулось, теперь почти катастрофическое (по-видимому, ей удалось вырвать последние 800 руб. из-за границы, да и то в виде небольших присылок³⁷, вот и все). Можете себе представить настроение человека, всю жизнь привыкшего другим помогать, а теперь не только лишеного этой возможности, но и не имеющего около себя никого, кто мог ей помочь или от кого она могла бы принять помощь. Нужно сказать откровенно, что и окружающие ее люди настолько привыкли к ее помощи, что готовы отнять у нее последние крохи...»³⁸.

³¹ СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 375. Л. 2 об. — Письмо Е. А. Масальской С. Ф. Ольденбургу. 14.12.[1932].

³² См.: Масальская-Сурина Е. А. История с географией. С. 17–25, 534–550.

³³ Мánсикка Вильо Йоханнес (в России — Велио Петрович) (1884–1947) — финский филолог, диалектолог, фольклорист.

³⁴ Миккола Иосиф Юлиус (Иосиф Андреевич) (1866–1946) — финский языковед, славист.

³⁵ РГАЛИ. Ф. 318. Оп. 2. Д. 18. Л. 1–2 об.: Письмо Е. А. Масальской к В. Мансикке. Черновик. 30–31.03.1932.

³⁶ Маштаков Петр Лазаревич (1872–1942) — филолог, преподаватель гимназий, библиотечкарь, сотрудник ОРЯС и словарных комиссий АН.

³⁷ Речь идет о деньгах, вырученных за бывшее имение под Вильно, доходы от которого, и без того скромные, год от года сокращались.

³⁸ РО РГБ. Ф. 369. Карт. 300. Д. 34. Л. 15–15 об. — Письмо П. Л. Маштакова В. Д. Бонч-Бруевичу. 05.05.1932.

По-видимому, из Финляндии был получен положительный ответ, и воодушевленная Е. А. Масальская писала В. Д. Бонч-Бруевичу³⁹ об «Ингигерде»: здесь ее «печатать не придется, слишком ветхозаветна, но находятся любители, которые хотят ее напечатать за границей. Для этого, конечно, надо разрешение Волгина⁴⁰, а для этого необходимо ее проверить, дополнить и в особенности исправить выписки, что я сейчас и делаю, перепутанные во время машинописи»⁴¹. В работе над рукописью ей помогал П. Л. Маштаков, взявший на себя редакторские и организаторские функции: доставал бумагу, находил переписчиц, проверял комментарии.

В ответ на просьбу В. Д. Бонч-Бруевича⁴² Е. А. Масальская летом 1932 г. переслала в Москву в недавно организованный Центральный литературный музей⁴³ почти весь свой архив: семейные и имущественные документы Шахматовых и Масальских-Суриных, сохранившуюся переписку, свои переводы, выписки, черновики и воспоминания, — отправленный сундук с бумагами весил 5 пудов.

К концу года работа с рукописью «Ингигерды» была почти завершена. В. Д. Бонч-Бруевич просил прислать ему копию статьи для ознакомления и обещал подумать, нельзя ли ее будет где-нибудь напечатать: «Я очень ревнив к нашим русским авторам и всегда хочу, чтобы их работы прежде всего печатались бы у нас, в России. Пускай иностранцы лучше переводят наши работы, чем мы будем читать работы наших ученых в иностранных изданиях»⁴⁴. Ленинградцы живо откликнулись на это предложение: П. Л. Маштаков считал, что было бы желательно «хоть некоторую часть, именно, касающуюся сношений или, точнее, передвижений нормандских князей по Восточной Европе (впоследствии Руси), — напечатать и здесь, но где? и под каким соусом?»⁴⁵. Е. А. Масальская также отдавала предпочтение публикации в России: «Напечатать за границей для меня равносильно навсегда потерять

³⁹ Бонч-Бруевич Владимир Дмитриевич (1873–1955) — советский партийный и государственный деятель. Давнее знакомство с А. А. Шахматовым и рекомендации последнего побудили Е. А. Масальскую обратиться в трудной ситуации к нему за помощью. Впоследствии между В. Д. Бонч-Бруевичем и ею установилась доверительная дружеская переписка.

⁴⁰ Для отправки рукописи за границу надо было получить одобрение ее идейной направленности у неперменного секретаря АН СССР.

⁴¹ РГАЛИ. Ф. 318. Оп. 1. Д. 151. Л. 95 об. — Письмо Е. А. Масальской к В. Д. Бонч-Бруевичу. Черновик. 17.04.1932.

⁴² Там же. Л. 6. — Письмо В. Д. Бонч-Бруевича Е. А. Масальской. 23/27.05.1932.

⁴³ О деятельности В. Д. Бонч-Бруевича по собиранию архивов см., напр.: *Межова К. Г.* Деятельность В. Д. Бонч-Бруевича по собиранию документов личного происхождения // Советские архивы. 1973. № 3. С. 37–42; *Матханова Н. П.* В. Д. Бонч-Бруевич и «академическое дело»: помощь репрессированным историкам // Сибирская ссылка : сб. науч. ст. Иркутск, 2017. С. 519–535. Об организации и судьбе Центрального литературного музея см.: *Горяева Т. М.* Одна из оригинальнейших и замечательных реализаций, осуществленная в СССР. (К 70-летию РГАЛИ) // Отечественные архивы. 2011. № 2. С. 27–39.

⁴⁴ РГАЛИ. Ф. 318. Оп. 1. Д. 151. Л. 14. — Письмо В. Д. Бонч-Бруевича Е. А. Масальской. 09.12.1932.

⁴⁵ РО РГБ. Ф. 369. Карт. 300. Д. 34. Л. 21–22. — Письмо П. Л. Маштакова В. Д. Бонч-Бруевичу. 16.12.1932.

из виду книгу, особенно в данном случае “Ингигерду”...»⁴⁶. О том же она писала и в Академию наук С. Ф. Ольденбургу: «Скажу откровенно, если бы в настоящее время наше прошлое, наша история не была бы всем ненавистна, я была бы счастлива видеть здесь напечатанной мою рукопись, чтобы советские ученые сконфузили ученых Запада, и еще раз — хоть маленький свет, но опять то был бы “lux ex oriente”⁴⁷. Но так как это невозможно, то я запросила проф[ессоров] Миккола и Мансикка»⁴⁸.

Была к тому же одна проблема, которая волновала Е. А. Масальскую: еще весной 1932 г. В. Мансикка, сообщая о готовности финских коллег поддерживать публикацию статьи, писал, что у них нет корректоров и специалистов, поэтому приглашал саму Е. А. Масальскую приехать в Хельсинки на время печатания книги, обещал всяческое содействие в организации визы и проживания⁴⁹. Это требование выезда в Финляндию приводило ее в уныние. «Вы еще не понимаете, что это вещь невозможная!! как бы мне это самой ни было желательно!» — писала она И. А. Миккола и просила, если возможно, напечатать ее статью в каком-нибудь журнале или отослать в Осло к О. Брокку, не сомневаясь, что «лучший друг Алексея Александровича не откажется ее пристроить»⁵⁰.

Однако рукопись надо было сначала переслать в Хельсинки. Выясняя, каким способом это можно сделать, Е. А. Масальская получала разные советы: одни уверяли, «что можно послать прямой почтой, заказной бандеролью. Другие советуют пересылать через Волгина, третьи — через ВОКС⁵¹... ВОКС отказывает, словом, толку никакого не могу добиться, а потерять рукопись не хочется»⁵². В итоге решила отправлять через ВОКС, но процесс сильно затянулся из-за большого количества рукописей, ожидающих цензуры, и только в конце августа 1933 г. из Москвы было получено уведомление об отправке посылки. «Главное сделано, рубикон перешагнуто...»⁵³ — резюмировала Е. А. Масальская. Оставалось дожидаться оценки финских ученых.

Наконец пришло письмо от В. Мансикка, который назвал статью «ценным научным трудом», подтвердил намерение ее издать и снова настаивал на приезде автора «для составления окончательной редакции работы и ее напечатания»⁵⁴. Впечатление Е. А. Масальской от этого письма было двойственным. С одной стороны, не могла не радовать лестная оценка ее труда: «На это, в сущности, я плохо надеялась, потому что все думалось,

⁴⁶ РГАЛИ. Ф. 318. Оп. 1. Д. 151. Л. 98. — Письмо Е. А. Масальской В. Д. Бонч-Бруевичу. 27.12.1932.

⁴⁷ Lux ex oriente (лат.) — свет с востока.

⁴⁸ СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 375. Л. 3. — Письмо Е. А. Масальской С. Ф. Ольденбургу. 14.12.[1932].

⁴⁹ Там же. Л. 3 об. — Письмо Е. А. Масальской С. Ф. Ольденбургу. 14.12.[1932].

⁵⁰ РГАЛИ. Ф. 318. Оп. 2. Д. 21. Л. 1. — Письмо Е. А. Масальской к И. А. Миккола. 01.01.[1933].

⁵¹ ВОКС — Всесоюзное общество культурной связи с заграницей.

⁵² СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 375. Л. 1 — 1 об. — Письмо Е. А. Масальской С. Ф. Ольденбургу. 14.12.[1932].

⁵³ РО РГБ. Ф. 369. Карт. 299. Д. 43. Л. 31 об. — Письмо Е. А. Масальской В. Д. Бонч-Бруевичу. 28.08.1933.

⁵⁴ РГАЛИ. Ф. 318. Оп. 1. Д. 249. Л. 1. — Письмо В. Мансикка Е. А. Масальской. 09.11.1933.

что я ломлюсь в открытые двери, потому что я не допускала, чтобы все это, неизвестное нашим историкам, не было хорошо известным именно в стране скандинавских саг». С другой стороны, она осознавала, что невозможность ее выезда в Хельсинки может помешать изданию «Ингигерды», и признавалась В. Д. Бонч-Бруевичу: по мнению финнов, «паспорт для ученой цели мне, несомненно, дадут. Но я уверена в противном, денег на паспорт не имею и считаю разумнее сидеть дома, в своем уголке. Но т. к. они все винят меня за то, что я “не хочу” к ним ехать, я рискну спросить и, получив отказ, сошлюсь на него. Этим все и кончится, а мне достаточно знать, как отнеслись к ней скандинавские ученые, ибо здесь считали это за непроверенные басни»⁵⁵. Павшая духом Е. А. Масальская посчитала «Ингигерду» еще раз «похороненной».

Настойчивость финских профессоров, вероятно, была обусловлена не только отсутствием «знатоков по этому вопросу», но и особыми требованиями самой Е. А. Масальской. Отправляя рукопись «Ингигерды», она просила «только не переводить ее, а т. к. русского шрифта для печатания, оказывается, в Helsinki нет, то рискнула просить написать латинским шрифтом, ссылаясь на незнание языков (финского, шведского и т. п.)»⁵⁶. Редактирование статьи также не могло не вызывать трудностей, ибо перечень основных источников и «самые необходимые примечания по страницам для помещения их внизу страниц под текстом» автор выслала вдогонку рукописи отдельным письмом⁵⁷. В Хельсинки никто не брал на себя работу с русскоязычной и столь своеобразно представленной рукописью⁵⁸.

Вопрос о приезде автора и участии в подготовке публикации, по-видимому, обсуждался в течение всего 1934 г., но так и не разрешился. Наконец Е. А. Масальская потеряла терпение и вовсе отказалась от публикации в Финляндии: «Я просила рукописи моей *не печатать*⁵⁹, потому что я надеюсь со временем ее напечатать здесь: мне неприятно было бы ее прочесть на чуждом языке, о чем я и думала раньше, но хотела, чтобы они как специалисты мне поправили, дополнили, но они уверяют, что сами ничего не знают... и посылают то в Швецию, то в Норвегию... Я и махнула на них рукой, просила о ней больше не хлопотать и меня к печатанию не ждать, раз навсегда»⁶⁰. В ответном вежливом письме В. Мансикка подчеркнул, что работа о сагах ему «импонирует начитанностью и важными историко-литературными результатами», что это мнение разделяют другие его коллеги-ученые, что «на-

⁵⁵ РО РГБ. Ф. 369. Карт. 299. Д. 43. Л. 46–46 об. — Письмо Е. А. Масальской В. Д. Бонч-Бруевичу. 16.11.1933.

⁵⁶ РО РГБ. Ф. 369. Карт. 299. Д. 43. Л. 15. — Письмо Е. А. Масальской В. Д. Бонч-Бруевичу. 12.05.1933.

⁵⁷ РГАЛИ. Ф. 318. Оп. 2. Д. 18. Л. 3. — Письмо Е. А. Масальской к В. Мансикка. Черновик. Б. д.

⁵⁸ Следует учесть и немалый объем рукописи, хотя, по словам Е. А. Масальской, она сократила ее сначала до 170 листов машинописи, а затем, «зная, как печатать теперь вообще и везде затруднительно», сократила еще почти наполовину (РГАЛИ. Ф. 318. Оп. 2. Д. 21. Л. 1).

⁵⁹ Здесь и далее сохранены авторские подчеркивания, выделенные курсивом.

⁶⁰ РО РГБ. Ф. 369. Карт. 300. Д. 1. Л. 22 об. — Письмо Е. А. Масальской В. Д. Бонч-Бруевичу. 14.01.1935.

ука обогатилась бы новым прекрасным трудом, если бы где-нибудь нашлись средства» для ее напечатания, но в Финляндии этих средств нет⁶¹.

На этом история «Ингигерды» не закончилась. Е. А. Масальская обратилась к уже упоминавшемуся историку древнерусской литературы С. П. Розанову, автору ряда подобных статей⁶². Он в 1930 г. был арестован по «Академическому делу» и находился в исправительно-трудовом лагере на Кольском полуострове, в ноябре 1935 г. его досрочно освободили, хотя и без права покинуть место заключения. Туда, на Колу, Е. А. Масальская и отправила свою рукопись, очевидно, прося дать советы по подготовке к публикации.

Еще не получив текста, С. П. Розанов указал автору задачу, выполнение которой считал необходимым: «Вам не писали, как там, в Швеции, есть материалы по этому вопросу? Ведь это необходимо для Вашей работы, и если есть возможность запросить хотя бы об имеющейся там литературе по вопросам, соприкасающимся с личностью Ингигерды, то нужно запросить. Насколько я помню, личность Ингигерды облеклась уже в такой сложный легендарный покров, что для снятия его нужно большое научное искусство, а прежде всего необходимо быть в курсе всех имеющихся материалов, когда по крайней мере Вас не упрекнут в том, что Вы не потрудились даже собрать эти материалы. Фантазировать можно, но каждый шаг этой фантазии должен быть обоснован *на критически очищенных* материалах... <...> Так вот, не найдете ли Вы возможным узнать об имеющихся в Швеции или в шведской литературе материалах, а я пока стал бы изучать собранный Вами здесь материал? Обещайте им перевести потом все на немецкий язык!»⁶³. После прочтения рукописи С. П. Розанов отметил, что в работе представлены «главным образом материалы по истории начала русского государства, материалы настолько обширные, что Ирина⁶⁴ в них тонет. А так как перед Вами основным пунктом все-таки была Ирина, то получилась дисгармония в общем изложении этих двух тем: для истории государства Ирина — негармонично развитый один из ее эпизодов, а для Ирины эта история — слишком большая, поглощающая ее рама»⁶⁵. Он дал совет разделить эти две темы, сосредоточиться на личности Ингигерды и еще поработать с литературой, тем более что заметил неясности, пропуски в тексте и цитатах⁶⁶. Беспокоясь об оставшейся в Финляндии рукописи Е. А. Масальской, С. П. Розанов

⁶¹ РГАЛИ. Ф. 318. Оп. 1. Д. 249. Л. 2. — Письмо В. Мансикка Е. А. Масальской. Копия 13.12.1934. Подлинник находится в: РО РГБ. Ф. 369. Карт. 300. Д. 1. Л. 23.

⁶² Напр.: *Розанов С. П.* 1) Евпраксия-Адельгейда Всеволодовна (1071–1109) // Известия АН СССР. Сер. VII. Отд. гуманитар. наук. 1929. № 8. С. 617–646; 2) Евфимия Владимировна и Борис Коломанович: Из европейской политики XII в. // Известия АН СССР. Сер. VII. Отд. гуманитар. наук. 1930. № 8. С. 585–599; № 9. С. 649–671.

⁶³ РГАЛИ. Ф. 318. Оп. 1. Д. 299. Л. 1 об. – 2 об. — Письмо С. П. Розанова Е. А. Масальской. 20–21.10.1936.

⁶⁴ В письмах Е. А. Масальская звала свою героиню Ингигердой, а название рукописи звучит: «Ирина, супруга Ярослава Мудрого по скандинавским источникам» (РГАЛИ. Ф. 318. Оп. 1. Д. 1–2, 2а).

⁶⁵ РГАЛИ. Ф. 318. Оп. 1. Д. 299. Л. 3. — Письмо С. П. Розанова Е. А. Масальской. 14.11.1936.

⁶⁶ РГАЛИ. Ф. 318. Оп. 1. Д. 299. Л. 3 об., 6–6 об. — Письма С. П. Розанова Е. А. Масальской. 14.11.1936, 08.03.1937.

настаивал на том, что ее «необходимо вытребовать и как можно скорее <...>, иначе возможно злоупотребление этим Вашим трудом»⁶⁷.

Прислушалась ли Е. А. Масальская к этим советам или приняла какое-то иное решение, судить трудно из-за отсутствия информации. Последнее, что нам известно, — краткое упоминание П. Л. Маштакова: «Пишу для Евгении Александровны маленькое предисловие к ее “сагам”, которые она все-таки надеется пустить в ход»⁶⁸. Однако ей так и не довелось ничего опубликовать. Переводы саг и «Ингигерда» остались неизвестны и не востребованы. Хотя переводческая и исследовательская работа Е. А. Масальской была, по ее признанию, скорее дилетантской, но в свое время, наверное, могла дать много нового материала и идей для историков. Как знать, возможно, и сегодня специалисты могли бы найти в сохранившихся архивных рукописях оригинальные детали или новые грани того, что считается уже познанным.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (Москва)
РО РГБ — Рукописный отдел Российской государственной библиотеки (Москва)
СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

РГАЛИ. Ф. 318. Оп. 1. Д. 1–14, 151, 249, 299.

РГАЛИ. Ф. 318. Оп. 1. Д. 9а.

РГАЛИ. Ф. 318. Оп. 2. Д. 18, 21, 42, 43.

РО РГБ. Ф. 369. Карт. 299. Д. 43.

РО РГБ. Ф. 369. Карт. 300. Д. 1, 34.

СПбФ АРАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1086.

СПбФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 1324.

СПбФ АРАН. Ф. 156. Оп. 2. Д. 276.

СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 375.

Анохин Г. И. Вклад Е. А. Рыдзевской в советскую скандинавистику // Скандинавский сборник. Таллин, 1970. Т. 15. С. 177–186.

Барынина О. А. Отечественное византиноведение на рубеже эпох: Русско-византийская комиссия (1918–1930 гг.). СПб., 2010.

Брим В. А. Происхождение термина «Русь» // Россия и Запад : ист. сб. [Пг.] 1923. № 1. С. 5–10.

Гиляров А. Н. Источники о софистах. Платон как исторический свидетель. Опыт историко-философской критики. Т. 1 : Методология и свидетельства о философии. Киев, 1891.

Горяева Т. М. Одна из оригинальнейших и замечательных реализаций, осуществленная в СССР. (К 70-летию РГАЛИ) // Отечественные архивы. 2011. № 2. С. 27–39.

⁶⁷ РГАЛИ. Ф. 318. Оп. 1. Д. 299. Л. 6 об. — Письмо С. П. Розанова Е. А. Масальской. 08.03.1937.

⁶⁸ РО РГБ. Ф. 369. Карт. 300. Д. 34. Л. 26. — Письмо П. Л. Маштакова В. Д. Бонч-Бруевичу. 17.09.[1937].

- Груздева Е. Н. Елена Александровна Рыздзевская // Вестник Герценовского университета. 2009. № 6. С. 65–68.
- Джаксон Т. Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе. Тексты, переводы, комментарии. Изд. 2-е. М., 2012.
- Краткий отчет о деятельности Общества древней письменности и искусства за 1917–1923 годы. [Л.,] 1925.
- Лённгрэн Т. П. «Прошу не гневаться моим вопросам»: диалог переводчика с носителем языка (из переписки О. Брока с А. А. Шахматовым) // Poljarnyj Vestnik: Norwegian Journal of Slavic Studies. 2016. Vol. 19. С. 51–67.
- Лённгрэн Т. П. Е. А. Масальская-Сурина и ее воспоминания // Е. А. Масальская-Сурина. История с географией. М., 2019.
- Лященко А. И. Сага про Олафа Триггвасона й літописне оповідання про Ольгу // Україна. 1926. Кн. 4. С. 3–23.
- Лященко А. И. «Eumundar Saga» и русские летописи // Известия АН СССР. Сер. VI. 1926. Т. 20. Вып. 12. С. 1061–1086.
- Масальская Е. А. Повесть о брате моем А. А. Шахматове. Ч. 1 : Легендарный мальчик. М., 1929.
- Масальская Е. А. Воспоминания о моем брате А. А. Шахматове. М., 2012.
- Масальская-Сурина Е. А. «Из семейной хроники» : [Очерки] [в 3 вып.]. М., 1907–1908.
- Масальская-Сурина Е. А. История с географией. М., 2019.
- Матханова Н. П. В. Д. Бонч-Бруевич и «академическое дело»: помощь репрессированным историкам // Сибирская ссылка : сб. науч. ст. Иркутск, 2017. С. 519–535.
- Межова К. Г. Деятельность В. Д. Бонч-Бруевича по собиранию документов личного происхождения // Советские архивы. 1973. № 3. С. 37–42.
- Розанов С. П. Евпраксия-Адельгейда Всеволодовна (1071–1109) // Известия АН СССР. Сер. VII. Отд. гуманитар. наук. 1929. № 8. С. 617–646.
- Розанов С. П. Евфимия Владимировна и Борис Коломанович: Из европейской политики XII в. // Известия АН СССР. Сер. VII. Отд. гуманитар. наук. 1930. № 8. С. 585–599; № 9. С. 649–671.
- Свердлов М. Б. Ф. А. Браун — исследователь скандинавских источников по истории Древней Руси // Скандинавский сборник. Таллин, 1976. Вып. XXI. С. 221–225.
- Тиандер К. Ф. Датско-русские исследования : в 3 т. СПб. (Пг.), 1912–1915. Т. 3 (Гл. VII : Скандинавское переселенческое сказание). 1915.
- Шахматов А. А. Древнейшие судьбы русского племени. Пг., 1919.
- Шахматов А. А. Повесть временных лет. Т. I. Пг., 1916.
- Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908.
- Шахматов А. А. Сказание о призвании варягов // Известия ОРЯС. 1904. Т. IX. Кн. 4. С. 284–365.
- Antiquités russes d'après les monuments historiques des Islandais et des anciens scandinaves, editées par la Société Royale des Antiquaires du Nord / C. C. Rafn (ed.). 2 Vols. Copenhagen, 1850–1852.
- Braun F. Das historische Russland im nordischen Schrifttum des X.–XIV. Jahrhunderts // Festschrift Eugen Mogk zum 70. Geburtstag. Halle, 1924. S. 150–196.
- Snorri Sturluson's Weltkreis (Heimskringla) übersetzt und erläutert von Dr. Ferdinand Wächter, Außerordentlichen Professor bei der philosophischen Facultät zu Jena. II Bd. Leipzig, 1835–1836.
- The Stories of the Kings of Norway called the Round of the World (Heimskringla), by Snorri Sturluson. Done into English out of the Icelandic by William Morris and Eiríkr Magnússon. 4 Vols. London, 1893–1905. (The Saga Library. Vol. III–VI).

Е. С. Кравцова
Санкт-Петербургский институт истории РАН

**«В ОБЛАСТИ ИСТОРИИ СПЕЦИАЛИЗИРОВАЛСЯ
НА ТЕМАХ “РОССИКИ”»: С. А. АННИНСКИЙ —
ПОЧТИ ЗАБЫТЫЙ ИСТОРИК ИЗ 30-х гг. XX в.**

В отечественной историографии недостаточное внимание уделяется историку-латинисту С. А. Аннинскому, чей научный расцвет пришелся на 30-е гг. XX в. и чью карьеру и жизнь оборвала Великая Отечественная война. Результаты исследования, изложенные в статье, позволяют сделать предварительный вывод о высокой значимости деятельности Аннинского в таких областях, как довоенные советские архивоведение, палеография, медиевистика.

Ключевые слова: «Россика», С. А. Аннинский, Б. Д. Греков, ЛОИИ, «Академическое дело».

E. S. Kravtsova
St. Petersburg Institute of History of the RAS

**«IN THE FIELD OF HISTORY I SPECIALIZED IN “ROSSICA”»:
S. A. ANNINSKY, AN ALMOST
FORGOTTEN HISTORIAN OF THE 1930s**

In the Russian historiography insufficient attention is paid to the historian Sergey Anninsky, whose peak of scientific activity happened in the 1930s and whose life and career were interrupted by the Great Patriotic War. The results of the research presented in the article allow to draw a preliminary conclusion about the high significance of S. Anninsky's activity in such areas as pre-war Soviet archival science, paleography and medieval studies.

Key words: «Rossica», S. A. Anninsky, B. D. Grekov, Leningrad Branch of the Institute of History, «Academic Trial».

В отечественной историографии первой половины XX в. несложно найти белые пятна и серые зоны. Причины тому — и недостаточность архивного материала, и восприятие прошлого сквозь призму идеологии. Во второй половине XX столетия этот период представлялся временем естественного угасания дореволюционных историков и появления молодых советских ученых, развернувших основную деятельность после Великой Отечественной войны. В постсоветский период историки науки вернули в историографию имена

великих представителей «старой школы», репрессированных и/или намеренно забытых. Но для создания полноценного историографического нарратива необходимо обратить внимание на тех, кто, с одной стороны, сформировался в «старой школе», с другой — не испытывал видимых проблем с институционализацией в советской науке. Эта статья посвящена Сергею Александровичу Аннинскому (1891–1942/1943), в предвоенные годы — ведущему специалисту одного из интереснейших направлений в отечественной исторической науке, «Россика»¹, чьи выдающиеся исследования и переводы не были востребованы в послевоенный период. В 70-е гг. XX в. ему была посвящена мемориальная заметка В. Т. Пашуто², В. Д. Алпатова раскрыла состав его фонда в архиве Ленинградского отделения Института истории (ЛОИИ)³. Об Аннинском есть подробная справка на сайте СПбИИ РАН⁴.

Сергей Александрович родился 13 октября 1891 г. в Сызрани, Симбирская губерния. Продолжая семейную традицию — его отец, А. И. Аннинский, преподавал в гимназиях латинский и русский языки⁵, — в 1909 г. поступил в Императорский Санкт-Петербургский историко-филологический институт. После окончания института в 1913 г. Сергей Александрович преподавал в гимназиях Петрограда латинский язык, историю и греческий язык. Но в 1918 г. Аннинский, несмотря на то, что вступил в профсоюз работников просвещения и с перерывами преподавал до 1927 г., начинает новую карьеру — архивную.

Помощник архивиста в Едином государственном архивном фонде (ЕГАФ), с 1918 г. С. А. Аннинский стал хранителем архива библиотеки Департамента духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел (ДДДИИ МВД). В 1919–1920 гг. он проходит Архивные курсы при Петроградском археологическом институте по специальности «архивоведение и палеография», начинает обработку вверенного ему фонда. Стремительная карьера приводит его в 1929 г. на должность председателя Комиссии по обследованию архива Синода, частью которого был архив библиотеки ДДДИИ МВД. Но в том же году Аннинский увольняется из штата Ленинградского центрального исторического архива (ЛЦИА) по собственному

¹ Взгляд иностранцев на Россию и историю России. Термин ведет свое происхождение от названия одной из коллекций Публичной библиотеки в Санкт-Петербурге (ныне РНБ). URL: http://nlr.ru/nlr_visit/RA2336/kolleksiya-rossika (дата обращения: 18.10.2021).

² Пашуто В. Т. Советский археограф С. А. Аннинский // Археографический ежегодник за 1969 год. М., 1971. С. 179–183. Заметка составлена на основе воспоминаний С. Н. Вайс, личного дела Аннинского, хранящегося в СПбФ АРАН (Ф. 133. Оп. 3. Д. 77) и личного фонда Аннинского в архиве ЛОИИ (Архив СПбИИ РАН. Ф. 268).

³ Алпатова В. Д. Обзор фондов ученых-историков, погибших во время блокады Ленинграда (По материалам Архива ЛОИИ СССР АН СССР) // Археографический ежегодник за 1973 г. М., 1974. С. 242–243.

⁴ URL: <http://www.spbiiran.nw.ru/anninsky-s-a/> (дата обращения: 18.10.2021). Автор М. Н. Румынская кроме личного дела ссылается на СПбФ АРАН: Ф. 133. Оп. 3. Д. 20; Оп. 1. Д. 1557, 1625. Биографическая часть данной статьи также опирается на эти фонды.

⁵ А. И. Аннинский также занимался вопросами армянской истории: Аннинский А. 1) Древние армянские историки как исторические источники. Одесса, 1899; 2) История армянской церкви (до XIX в.). Кишинев, 1900.

желанию. С 1 января 1930 г. он переходит на должность ученого хранителя Рукописного отдела Библиотеки Академии наук (РО БАН), а с 1 января 1931 г. — на ту же должность в Музей книги, документа и письма (МКДП).

В дневнике Г. А. Князева, советского историка, директора Архива АН СССР, С. А. Аннинский упоминается несколько раз. Князев знал Аннинского с 1918 г., «по службе в Центрархиве»⁶. Отмечая высокий уровень Аннинского как профессионала, Князев его основной личной чертой указывал карьеризм: «очень умело обходил все Сциллы и Харибды», вызывал «нарекания» коллег тем, что выстроил доверительные отношения с уполномоченной Центрархива в Ленинграде А. И. Раевой⁷. Почему Аннинский оставляет «удобный» архив ради Академии наук, где в 1929 г. начинается цикл репрессий, известных как «Академическое дело» (1929–1931)? Статья, посвященная следствию над хранителями архива Священного синода в составе ЕГАФ в марте — августе 1929 г., может пролить свет на обстоятельства, при которых происходил переход Аннинского из одной системы в другую⁸.

В 1925 г. архив библиотеки ДДДИИ МВД перевозят в здание бывшего Синода. Архив у С. А. Аннинского принимает К. Я. Здравомыслов, высококвалифицированный архивист, служивший в архиве и библиотеке Священного синода до революции. Приемка происходит без сверки и актов⁹. В 1928 г. в помещении прежнего хранения (в Ленинградском губернском архивном бюро) находят несколько папских булл. Против Здравомыслова и его бывшего помощника Н. В. Туберозова в марте 1929 г. заводится дело о хищениях из архива Синода, в том числе — 73 из 99 папских булл из архива библиотеки ДДДИИ МВД. На основе в том числе показаний Аннинского следствие сочло деятельность Туберозова и Здравомыслова «вредительской» и препятствующей борьбе с «религиозным дурманом»¹⁰. На них была возложена ответственность за пропажу грамот. Аннинский, несмотря на то, что буллы были обнаружены в здании, где они хранились до 1925 г. под его ответственностью, избежал обвинения¹¹.

С чем бы ни был связан новый поворот в карьере С. А. Аннинского, с 1 января 1930 г. он, ученый хранитель, начинает работу в РО БАН, испытывающем острую нехватку квалифицированных кадров. Причиной кадрового голода в структурах Академии наук стало «Академическое дело». Рукописный отдел был обновлен почти на 100 процентов¹². Ученый нового

⁶ URL: <https://prozhitto.org/note/343173> (дата обращения: 18.10.2021).

⁷ Краткую характеристику А. И. Раевой см.: *Раскин Д. И.* Организация управления петроградскими (ленинградскими) государственными архивами в 1918–1945 гг.: система, учреждения, люди // *История и архивы.* 2019. № 2. С. 57.

⁸ *Корнева Н. М., Крапивин М. Ю.* Следственное дело сотрудников Ленинградского центрального исторического архива (март — август 1929 г.) // *Петербургский исторический журнал.* 2015. № 2. С. 141–150.

⁹ Там же. С. 148.

¹⁰ Там же. С. 150.

¹¹ При свертках наличия в 1940 и 1945 гг. все буллы, кроме одной, были найдены. Ныне хранятся в РГИА: Ф. 821. Оп. 141–143 (*Корнева Н. М., Крапивин М. Ю.* Следственное дело... С. 149).

¹² *Анфертьева А. Н.* Рукописное отделение Библиотеки Академии наук в 1924–1931 гг. // *Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописей БАН.* СПб., 2013. С. 30–31.

типа — и хранитель, и активный общественник¹³ — Аннинский по поручению администрации организует перевозку в помещения БАН Музея палеографии академика Н. П. Лихачева, арестованного 28 января 1930 г. в рамках «Академического дела». Эта коллекция стала основой МКДП, переименованного в 1931 г. в Институт книги, документа и письма (ИКДП). В октябре 1930 г. Аннинский по просьбе А. С. Орлова, академика и директора музея, переведен из РО БАН в штат музея на постоянной основе.

В 1935 г. С. А. Аннинский утвержден в степени кандидата истории без защиты диссертации: с 1931 по 1936 г. он принимал участие в распределении коллекций между научными институтами города, работал над изданием источников по истории Западной Европы¹⁴, выполнял обязанности хранителя «собрания западноевропейских документов IX–XIX вв. (б. Н. П. Лихачева)»¹⁵.

Научной карьере С. А. Аннинского немало способствовала проверка, осуществленная в 1931 г. Всесоюзной ассоциацией работников науки и техники для содействия социалистическому строительству в СССР (ВАРНИТСО)¹⁶. Эта организация, созданная в 1927 г., была одним из важнейших инструментов взаимодействия советской власти и Академии наук¹⁷. Одобрение Аннинского со стороны ВАРНИТСО, сыгравшей важную роль в «Академическом деле», стало залогом его спокойной и плодотворной научной деятельности.

В марте 1936 г. как результат слияния трех научных институтов — Историко-археографического института (ИАИ), Института истории Ленинградского отделения Коммунистической академии (ЛОКА) и ИКДП — появляется Институт истории. Институт частично переезжает в Москву, в Ленинграде остается Ленинградское отделение, в штат которого перешли сотрудники ИКДП, в том числе и С. А. Аннинский, с 1937 г. ученый хранитель секции «Западной Европы» архива-хранилища ЛОИИ.

На 1936–1941 гг. приходится научный расцвет С. А. Аннинского. В это время во главе советской исторической науки встает Борис Дмитриевич Греков (1882–1953), с 1936 по 1938 г. директор ЛОИИ, с 1937 по 1953 г. директор Института истории АН СССР в Москве¹⁸. Один из фигурантов «Академического дела», он избежал судьбы многих старших коллег¹⁹. Выйдя

¹³ С. А. Аннинский выполняет обязанности секретаря, участвует в разработке плана ударничества, сотрудничества и соцсоревнования трех академий: Российской, Белорусской и Украинской (СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3. Д. 72. Л. 92–92 об.).

¹⁴ В 1931 г. С. А. Аннинский участвовал в обработке и распределении коллекции Русского археологического института в Константинополе (СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3. Д. 72. Л. 114). В том же году он работал над собранием, обозначенным аббревиатурой Д. В. (СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4а. Д. 6. Л. 457–458). В 1936 г. Аннинский закончил подготовку к изданию «Актв Кремоны», создав классический образец для издания актов подобного рода на долгие годы вперед.

¹⁵ СПбФ АРАН. Ф. 77. Оп. 5. Д. 295. Л. 1 об.

¹⁶ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 3. Д. 77. Л. 11.

¹⁷ Ушакова С. Н. Роль Томского отдела ВАРНИТСО в советизации научно-педагогической интеллигенции (1928–1929) // Гуманитарные науки в Сибири. № 2. 2007. С. 132–133.

¹⁸ О нем см.: Горская Н. А. Борис Дмитриевич Греков. М., 1999.

¹⁹ Кривошеев Ю. В. Борис Дмитриевич Греков и «Академическое дело» // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2016. Вып. 4. С. 237–258.

из заключения, длившегося чуть больше месяца (6/8 сентября — 13 октября 1930 г.)²⁰, Греков успешно продолжил научную и административную деятельность. Возглавив в 1936 г. ЛОИИ, он инициирует множество проектов, активным участником которых становится Аннинский.

В 1937 и 1940 гг. выходят две статьи Б. Д. Грекова, посвященные М. В. Ломоносову. В 1940 г. С. А. Аннинский издает лабораторный журнал М. В. Ломоносова²¹. С 1936 г. Греков вынашивает идею публикации памятников права народов СССР. К 1938 г. Аннинский делает перевод Вислицкого статута. Издание было подготовлено к печати весной 1941 г., но так и не увидело свет²². В 1941 г. Греков планирует издать сборник, посвященный Ивану Грозному. В марте Аннинский готовит статью для этого сборника²³.

Одним из важнейших своих проектов Б. Д. Греков видел возобновление «Россики» (в 1930 г. комплектование «Россики» в Государственной публичной библиотеке в Ленинграде прекратилось) под названием Monumenta Russicae Historica²⁴. В письме к Н. М. Лукину, в 1936 г. директору Института истории в Москве, Греков писал: «Вероятно, заинтересуются этим делом и не только археографы, а историки вообще. Дело большое, интересное, важное и потому требует тщательного обсуждения. Докладчиков основных мы привезем»²⁵. К проекту были привлечены академик И. Ю. Крачковский, филолог-востоковед и один из создателей отечественной школы арабистики, А. П. Ковалевский, советский ученый-арабист, и С. А. Аннинский. В серии, получившей официальное название «Известия иностранцев об истории СССР», в 1936 и 1938 гг. вышли две книги в переводе и с комментариями Аннинского. В 1939 г. увидела свет последняя книга в серии, над ней

²⁰ Там же. С. 243.

²¹ Греков Б. Д. 1) Деятельность Ломоносова в Академии // Известия АН СССР. ООИ. 1937. № 1. С. 175–200; 2) Ломоносов-историк // Историк-марксист. 1940. Кн. 11. С. 18–34. Аннинский С. А. 1) Лабораторный журнал М. В. Ломоносова / изд. подлинника, ред. перевода // Ломоносов : сб. статей и материалов. М. ; Л., 1940. С. 9–65; 2) Теория Ломоносова о строении планет // Там же. С. 75–116.

²² Над Вислицким статутом работала группа: Л. В. Разумовская, У. А. Шустер и С. А. Аннинский (СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1527. Л. 9). В извещении от 24.04.1941 Б. Д. Греков (ИИ РАН) пишет М. В. Левченко (директор ЛОИИ), что им получены тексты Правды Польской, Литовской и Вислицкого статута (СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1663. Л. 218). Статут, в переводе и с комментариями, находится в архиве СПБИИ РАН в фонде Аннинского (Ф. 268. Д. 4).

²³ В письме Б. Д. Грекова к И. И. Смирнову от 18 мая 1941 г.: «Предполагаем выпустить “Сборник” — время Ив[ана] Грозного. Какую тему Вы могли бы взять себе в этом сборнике? Черкните мне, чтобы я знал, как формировать этот Сборник» (Б. Д. Греков. Письма (1905–1952 гг.) : сб. / сост. В. Г. Бухерт. М., 2019. С. 250). К 11 марта 1941 г. относится доверенность на получение из ЛАФОКИ фотографии портрета Ивана Грозного для статьи С. А. Аннинского (СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1655. Л. 89).

²⁴ «С. Н. Валк вспоминает, что это было связано с намерением Б. Д. Грекова “создать целую библиотеку иностранных известий о России”» (Паушто В. Т. Советский археограф С. А. Аннинский. С. 180). В письмах Б. Д. Грекова к Н. М. Лукину от 02.04.1936 и к Д. М. Петрушевскому от 02.05.1936 сообщается о будущем большом совещании в Москве по вопросу издания Monumenta Russicae Historica (приблизительное название проекта) (Б. Д. Греков. Письма... С. 234–236).

²⁵ Б. Д. Греков. Письма... С. 234.

работали Ковалевский и Крачковский²⁶. С 1936 г. в «Историческом архиве», главным редактором которого был Греков, публикуются свидетельства иностранцев о России; среди материалов номера за 1940 г. — две публикации Аннинского²⁷.

Еще больше публикаций готовилось к выходу в 1941–1942 гг.²⁸ Судьбы их сложились по-разному.

Летом 1938 г. С. А. Аннинский закончил сверку латинского текста записок Антонио Поссевино, иезуита, побывавшего при дворе Ивана Грозного, с подлинной рукописью, хранящейся в ЛОИИ. Текст был полностью подготовлен к печати, были написаны комментарии и введение²⁹. В марте 1941 г. М. В. Левченко, директор ЛОИИ, выслал в Ленинградское отделение издательства АН СССР «для сдачи в набор рукопись на 954 л. “Антонио Поссевино. Московия”. Утвержд. РИСО к печатанию в 1 квартале тек. года»³⁰. Скорее всего, этот текст утерян безвозвратно. К. Н. Сербина свидетельствует, что оригинал рукописи, хранящийся в архиве Аннинского в его квартире, был уничтожен во время блокады³¹. Что касается экземпляра издательства, то, возможно, именно о нем вспоминает А. А. Зимин: «...погибла монография Любимова о Русской правде в летописях, перевод Поссевино Аннинского (у Бахрушина были в период работы над Москвой даже гранки этого издания)»³².

Больше повезло «Истории шведско-московитской войны» Юхана Видекинда, которую готовили к изданию С. А. Аннинский, А. И. Васильев и В. Г. Гейман. 19 июня 1941 г. труд, подготовленный к печати, обсудили и постановили передать в дирекцию ЛОИИ для продвижения³³. Монография была включена в список книг, подготовленных в ЛОИИ к печати и внесенных в издательский план АН³⁴. Сохранившееся в рукописи в архиве СПБНИИ РАН издание, дополненное и переработанное, увидело свет в 2000 г.³⁵

²⁶ *Меховский Матвей*. Тракта́т о двух Сарматиях / введ., пер. и коммент. С. А. Аннинского ; предисл. Б. Д. Грекова. М. ; Л. 1936; *Генрих Латвийский*. Хроника Ливонии / вступ. статья, пер. и коммент. С. А. Аннинского. М. ; Л. 1938; Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу / пер. и коммент. под ред. акад. И. Ю. Крачковского. М. ; Л. 1939 (пер. и коммент. А. П. Ковалевского).

²⁷ Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. Т. III. М. ; Л., 1940. С. 71–112; Франческо Тьеполо. Рассуждения о Московии / введ., изд. подлинника, пер., коммент. С. А. Аннинского // Там же. С. 305–388.

²⁸ Характеристику работ С. А. Аннинского за период 1936–1941 гг., зафиксированных в его личном деле, см.: *Пашуто В. Т.* Советский археограф С. А. Аннинский. С. 181–183. В данной статье я проследила путь только трех не изданных при жизни Аннинского публикаций.

²⁹ СП6Ф АРАН. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1527. Л. 15.

³⁰ СП6Ф АРАН. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1655. Л. 99.

³¹ Воспоминания К. Н. Сербиной о работе ЛОИИ в годы войны и блокады // *Вспомогательные исторические дисциплины*. 2015. Т. 33. С. 556.

³² *Зимин А. А.* Храм науки (Размышления о прожитом). Москва, 1976 // Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века / сост. А. Л. Хорошкевич. М., 2015. С. 101.

³³ СП6Ф АРАН. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1663. Л. 124–126.

³⁴ Срок сдачи монографии в печать — 1 июля 1941 г.; отв. редактор — акад. Греков Б. Д. (СП6Ф АРАН. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1655. Л. 38).

³⁵ *Юхан Видекинд*. История шведско-московитской войны XVII века. М., 2000.

Венцом карьеры С. А. Аннинского должна была стать публикация «Хроники» Титмара Мерзебургского, епископа Мерзебурга в XI в., с предисловием и комментарием³⁶. Издание «Хроники» прервала Великая Отечественная война.

По устному свидетельству В. И. Рутенбурга, С. А. Аннинский начал работу над переводом «Хроники» в 1930 г., еще во время работы в РО БАН, а завершил в 1936 г.³⁷ Однако обсуждение этого труда состоялось только 20 марта 1941 г., в группе истории СССР³⁸. Вероятно, издание предполагалось осуществить в серии «Известия иностранцев об истории СССР»: ответственным редактором в издательском списке указан Б. Д. Греков³⁹.

Обсуждение вызвало небывалый интерес среди сотрудников ЛОИИ; присутствовали сам автор, его рецензенты — О. Л. Вайнштейн (отзыв к копии протокола не прикреплен) и М. В. Джервис-Бродский. А также директор института М. В. Левченко и еще 17 сотрудников.

М. В. Левченко отметил, что «работа, подготовленная С. А. Аннинским, должна быть признана в высшей степени ценной <...> Самый факт издания такой книги надо считать важным событием в науке»⁴⁰. М. А. Тиханова, ученица И. М. Гревса, Л. П. Карсавина, О. А. Добиаш-Рождественской, отозвавшаяся о будущей книге как о «празднике советской медиевистики», особо оценила реабилитацию Титмара Мерзебургского как писателя и историка. «Это — новая и передовая точка зрения (здесь и далее выделено мной. — Е. К.), понятная и близкая всякому действующему знатоку текста <...> Остается надеяться, что напечатание книги не задержится, как у нас это иногда бывает»⁴¹. О новом подходе говорил и Аннинский, протестуя против предложения Левченко сократить филологическую часть: «ибо и то, что уже дано, представляет весьма сокращенную форму такого анализа, а между тем — крайне необходимо для обоснования новой точки зрения»⁴².

О какой «новой точке зрения» идет речь? В отзыве М. В. Джервиса-Бродского⁴³ подчеркивается, что при работе над переводом необходимо учитывать «особенности психики средневековых людей», быть внимательным к личности Титмара Мерзебургского, «одного из наиболее ранних средневековых интеллигентов», к видению им исторического процесса и социальной действительности. Это напоминает о подходе, заложенном Л. П. Карсавиным в медиевистике, который подразумевал структурное воссоздание психологии средневекового человека, выявление связей между мировоззренческим комплексом человека и окружающим его бытом. Но при этом, позволю предположить, дополненном и усложненном филологическим подходом, когда сам язык рассматривается как исторический источник.

³⁶ Рукопись, подготовленная к изданию, находится в фонде С. А. Аннинского: Архив СПбИИ РАН. Ф. 268. Оп. 1. Д. 1–2.

³⁷ Аллатова В. Д. Обзор фондов ученых-историков... С. 242.

³⁸ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1664. Л. 140–142.

³⁹ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1645. Л. 38.

⁴⁰ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1664. Л. 140.

⁴¹ Там же. Л. 141.

⁴² Там же. Л. 142.

⁴³ Там же. Л. 143–144.

Однако это предварительные выводы. Для серьезной переоценки научных достижений С. А. Аннинского, счастливо сочетавшего навыки историка и филолога, необходимо все-таки издать «Хронику», публикация которой, очевидно, должна была стать переломной не только для карьеры Аннинского, но и для отечественной исторической науки в целом. После 1946 г. издание этой рукописи стало делом совершенно невозможным.

В «Автобиографии» (11 июня 1941 г.) С. А. Аннинский пишет о себе: «В области истории специализировался на темах “Россики”: напечатал и подготовил к печати ряд работ»⁴⁴. Это направление в исторической науке, интерес к которому неизменно связан с новым витком национального самосознания, с необходимостью рефлексии над отечественной историей, над ее включенностью в общемировой процесс, вновь становится актуальным в России⁴⁵. Это значит, что исследования и переводы С. А. Аннинского, если они будут изданы в наше время, найдут своего читателя и выполнят задачу, отложенную более чем на полвека.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВАРНИТСО — Всесоюзная ассоциация работников науки и техники для содействия социалистическому строительству в СССР
ДДДИИ МВД — Департамент духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел
ЕГАФ — Единый государственный архивный фонд
ИАИ — Историко-археографический институт
ИКДП — Институт книги, документа и письма
ЛАФОКИ — Лаборатория научно-прикладной фотографии и кинематографии
ЛОИИ — Ленинградское отделение Института истории
ЛОКА — Ленинградское отделение Коммунистической академии
ЛЦИА — Ленинградский центральный исторический архив
МКДП — Музей книги, документа и письма
РИСО — Редакционно-издательский совет
РНБ — Российская национальная библиотека
РО БАН — Рукописный отдел Библиотеки Академии наук
СПБИИ РАН — Санкт-Петербургский институт истории РАН

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 6256.
СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4а. Д. 6.
СПбФ АРАН. Ф. 77. Оп. 5. Д. 295.
СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1527, 1598, 1645, 1655, 1663, 1664.
СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 3. Д. 20, 77.
СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3. Д. 72.

⁴⁴ СПбФ АРАН. Ф. 77. Оп. 5. Д. 295. Л. 1 об. – 2.

⁴⁵ URL: https://www.nlobooks.ru/books/historia_rossica/ (дата обращения: 18.10.2021);
URL: <https://arzamas.academy/courses/44/1> (дата обращения: 18.10.2021).

- Алпатова В. Д.* Обзор фондов ученых-историков, погибших во время блокады Ленинграда (По материалам Архива ЛОИИ СССР АН СССР) // Археографический ежегодник за 1973 г. М., 1974. С. 242–254.
- Анфертьева А. Н.* Рукописное отделение Библиотеки Академии наук в 1924–1931 гг. // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописей БАН. СПб., 2013. С. 18–39.
- Б. Д. Греков.* Письма (1905–1952 гг.) : сб. / сост. В. Г. Бухерт. М., 2019.
- Воспоминания К. Н. Сербиной о работе ЛОИИ в годы войны и блокады* // Вспомогательные исторические дисциплины. СПб., 2015. Т. 33. С. 552–562.
- Горская Н. А.* Борис Дмитриевич Греков. М., 1999.
- Зимин А. А.* Храм науки (Размышления о прожитом). Москва, 1976 // Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века / сост. А. Л. Хорошкевич. М., 2015. С. 35–384.
- Корнева Н. М., Крапивин М. Ю.* Следственное дело сотрудников Ленинградского центрального исторического архива (март — август 1929 г.) // Петербургский исторический журнал. 2015. № 2. С. 141–150.
- Кривошеев Ю. В.* Борис Дмитриевич Греков и «Академическое дело» // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2016. Вып. 4. С. 237–258.
- Пашуто В. Т.* Советский археограф С. А. Аннинский // Археографический ежегодник за 1969 год. М., 1971. С. 179–183.
- Раскин Д. И.* Организация управления петроградскими (ленинградскими) государственными архивами в 1918–1945 гг.: система, учреждения, люди // История и архивы. 2019. № 2. С. 49–62.
- Ушакова С. Н.* Роль Томского отдела ВАРНИТСО в советизации научно-педагогической интеллигенции (1928–1929) // Гуманитарные науки в Сибири. № 2. 2007. С. 132–135.
- Аннинский Сергей Александрович* (13(25).10.1891, г. Сызрань Симбирской губ. — февраль 1942 г.). URL: <http://www.spbiiran.nw.ru/anninsky-s-a/> (дата обращения: 18.10.2021).
- Запись дневника. Князев Георгий (15 марта 1887 — 30 июня 1969). URL: <https://prozhito.org/person/42> (дата обращения: 18.10.2021).
- Коллекция «Россика». URL: http://nlr.ru/nlr_visit/RA2336/kollektsiya-rossika (дата обращения: 18.10.2021).
- Курс «Россия глазами иностранцев». URL: <https://arzasmas.academy/courses/44/1> (дата обращения: 18.10.2021).
- Новое литературное обозрение. Серия «Historia Rossica». URL: https://www.nlobooks.ru/books/historia_rossica/ (дата обращения: 18.10.2021).

Е. А. Анненкова
Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ЗООЛОГА Б. С. КУЗИНА В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ ФИЛИАЛЕ АРХИВА РАН

Статья рассказывает о литературном наследии выдающегося ученого-зоолога Бориса Сергеевича Кузина (1903–1973). Рассмотрены его прозаические произведения, хранящиеся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (фонд 1077).

Ключевые слова: Борис Сергеевич Кузин, литературное наследие, воспоминания, эссе, рассказы, юморески, Санкт-Петербургский филиал Архива РАН.

Е. А. Annenkova
St. Petersburg Branch of the Archive of the RAS

LITERARY HERITAGE OF ZOOLOGIST B. S. KUZIN IN THE ST. PETERSBURG BRANCH OF THE RAS ARCHIVE

The article presents the literary heritage of an outstanding zoologist Boris S. Kuzin (1903–1973). The author studies Kuzin's prose works stored in the St. Petersburg Branch of the Archive of the RAS (Fond 1077).

Key words: Boris S. Kuzin, literary heritage, memoirs, essays, short stories, humorous sketches, St. Petersburg Branch of the RAS Archive.

...время для писания, не рассчитанного на публикацию, теперь не наихудшее.

Б. С. Кузин¹

Борис Сергеевич Кузин (1903–1973) — выдающийся ученый-зоолог, литератор, поэт, философ. Будучи истинным интеллигентом, он совмещал занятия наукой и творчеством.

Борис Кузин прожил сложную и яркую жизнь длиной в семьдесят лет. Он родился в Москве в 1903 г. Образование получил на биологическом отделении физико-математического факультета МГУ, по окончании

¹ СПбФ АРАН. Ф. 1077. Оп. 1. Д. 16. Л. 13. — Б. С. Кузин. «Предисловие ко всем моим неопубликованным сочинениям». 1970 г.

которого служил научным сотрудником в Сельскохозяйственной академии им. К. А. Тимирязева (1924–1931), затем хранителем в Зоологическом музее МГУ (1930–1935). Значительным событием в жизни Кузина, повлиявшим на его дальнейшую судьбу, стало знакомство и последующая дружба с Осипом Манделштамом. В 1934 г. Манделштам был арестован. Поводом для ареста послужило написанное им стихотворение о «кремлевском горце»². Борис Кузин, близкий друг поэта, был в числе «посвященных», потому в 1935 г. последовал и его арест по 58-й статье УК РСФСР «за контрреволюционную деятельность», далее — трехлетнее заключение в Карлаге³ и многолетняя, до 1953 г., ссылка в Казахстане. Последние двадцать лет жизни, с 1953 по 1973 г., Кузин провел в Ярославской области, где работал на биологической станции АН СССР «Борок»⁴.

Пройти через суровые жизненные испытания Борису Кузину помогли его безусловная любовь к жизни, живой ум, тонкое чувство юмора, ирония и самоирония. Научные и творческие изыскания ученый не прекращал никогда, даже находясь в заключении и в ссылке. Обе свои диссертации, кандидатскую и докторскую, он защитил в 1944 и 1951 гг., находясь в ссылке в Казахстане.

В этой статье речь пойдет о литературном творчестве Бориса Кузина. В Санкт-Петербургском филиале Архива РАН хранится значительная часть его произведений: воспоминания, эссе, рассказы, юморески, а также стихи — все документы в машинописном виде, с правкой и комментариями автора. Большая часть прозаических текстов была создана в 1950–70-х гг. Временной диапазон написания стихов шире — они датируются 1935–1973 гг.

Б. С. Кузин утверждал: «Мои зоологические занятия и размышления живут не в каком-то обособленном углу моего существа. Они неотделимы от того, что я думаю о музыке, о литературе, о людях, от того, что я сочиняю кроме научных статей. А об этом всем уж никак нельзя говорить во всеуслышание. А протаскивать кусочки этого контрабандой и совсем противно. А говорить об этих вещах ужасно хочется»⁵.

Эссе Бориса Кузина — это его размышления о мире. Автор рассуждает о самых разных вещах, о том, что кажется ему любопытным и достойным внимания. В эссе «Предисловие ко всем моим неопубликованным сочинениям» (1970) Кузин пишет: «Я с самого детства очень ко всему любопытен <...>. И когда я что-нибудь замечаю <...>, то не просто как бы в инвентарь это заново и куда-то складываю, а всегда начинаю думать о замеченном. А когда всякие факты, которые сам заметил или про которые прочитал, обдумываешь, непременно из них или что-то совсем новое вытечет, или они подтвердят, что ты правильно на что-то смотрел, или наоборот — что дело в чем-то не так, как ты до сих пор это себе представлял, или, наконец, что

² *Манделштам О. Э. Сочинения* : в 2 т. / сост. П. М. Нерлера. Т. 1 : Стихотворения. Переводы. М., 1990. С. 197.

³ Карагандинский исправительно-трудовой лагерь в Казахстане в системе ГУЛАГ НКВД СССР.

⁴ Подробнее о биографии Б. С. Кузина см. статью Е. А. Анненковой «Борис Сергеевич Кузин: "...У совести долгов не делай..."» (в печати).

⁵ СПбФ АРАН. Ф. 1077. Оп. 1. Д. 16. Л. 11.

ты не первый додумался до того, что сам считал своей догадкой и другим ее за свою выдавал. И все это одинаково интересно. По крайней мере — мне самому. Но начинает тогда казаться, что и кому-то другому это тоже должно быть интересно. И отсюда происходит желание про это рассказать»⁶.

Действительно, рассказывает автор об очень любопытных вещах, делает это в свойственной ему изящной манере и зачастую приходит к неожиданным выводам. Даже названия произведений носят интригующий характер: «Предисловие ко всем моим неопубликованным сочинениям», «Похвала глупости», «О фильтрации информации», «Средство от хама», «Все люди, все человеки», «Экран», «Язык», «Престиж» и др. Всего в коллекции СПбФ АРАН имеется 14 эссе Бориса Кузина. На некоторых из них останюсь подробнее.

Любопытно эссе «Похвала глупости»⁷. Широко известное одноименное сочинение Эразма Роттердамского, созданное в XVI в., и эссе Б. С. Кузина имеют мало общего и в форме, и в содержании. Текст Эразма Роттердамского написан от лица глупости, восхваляющей себя. Кузин же рассуждает о разуме человека и его несовершенстве. «Глупость — явление, распространенное чрезвычайно широко. Обычно каждый считает ее свойством многих людей, но только не собственной персоны. Во всяком случае, чужая глупость нас всегда удивляет, а часто даже и возмущает. Собственную свою замечают только очень немногие»⁸. Дальнейшее повествование идет об искусстве и науке, о познании мира и природы. «Мудрость измеряется мерой понимания собственной своей глупости»⁹, — утверждает автор.

В сочинении «О фильтрации информации»¹⁰ автор рассуждает о распространении информации в советском обществе второй половины XX в. «Если мы можем с удовлетворением признать, что наша печать, кино, радио и телевидение идеально фильтруют информацию, передаваемую ими населению, то нельзя забывать, что эти источники, к сожалению, не являются единственными. Кроме них существуют еще и некоторые другие каналы, по которым поступает информация, при этом нередко немаловажная, не подвергаемая никакой фильтрации. К таким каналам относятся в первую очередь собственное зрение, слух и обоняние граждан. Верно, упорная и целенаправленная воспитательная работа привела к тому, что наши граждане, в подавляющем своем большинстве, меньше верят информации, получаемой через эти органы, чем той, какую они получают в порядке регулируемого осведомления»¹¹. Надо признать, что слова эти применимы и к обществу XXI столетия. Далее автор практически в жанре антиутопии описывает прибор, надлежащий к ношению всем гражданам общества: «С целью полного регулирования получаемой населением информации высшие партийные и правительственные инстанции признали необходимым с 1 ...бря 19... года ввести для всех граждан, начиная с 3-летнего возраста и выше, ношение зри-

⁶ СПбФ АРАН. Ф. 1077. Оп. 1. Д. 16. Л. 1, 2.

⁷ СПбФ АРАН. Ф. 1077. Оп. 1. Д. 6.

⁸ Там же. Л. 1.

⁹ Там же.

¹⁰ СПбФ АРАН. Ф. 1077. Оп. 1. Д. 7.

¹¹ Там же. Л. 2.

тельных, слуховых и обонятельных фильтров <...>. <Фильтры> укрепляются на гражданах <...> в отделениях милиции по месту жительства специальной комиссией, в состав которой входят врачи-окулисты и отоназоларингологи, инженеры-электрики, представители отделов агитации и пропаганды местных партийных органов и представитель органов государственной безопасности. Крепление приборов на теле граждан опечатывается государственной гербовой печатью. Приборы снимаются с тела граждан после их смерти такой же комиссией, но без участия врачей-специалистов, на основании свидетельства о смерти, выданного в узаконенном порядке. Самовольное снятие приборов при жизни карается по ст. ... УК. <...> фильтры приобретаются гражданами для пожизненного ношения за свой счет...»¹².

Подобные причудливые, сюрреалистические сюжеты характерны для прозы Бориса Кузина. Можно предположить, что, если бы ему довелось жить и творить в более позднее время, его произведения могли бы послужить основой для кинофильмов и театральных постановок.

О некоторых вопросах лингвистического характера Б. С. Кузин рассуждает в эссе 1967 г. «Язык»¹³. Автора крайне удручает загрязнение «чистой московской речи» словами из других языков и диалектов. В первую очередь, достается украинским словам и даже самим украинцам: «...несмотря на <...> свой мирный характер и несмотря на то, что я решительно в каждом сколько-нибудь мне знакомом народе нахожу нечто мне понятное, близкое и симпатичное, я питаю недобрые чувства к украинцам. И не потому, что они особенно охотно занимают в армии должность старшин или среди них уж слишком много начальников милиции. Не потому даже, что они очень любят “співати”¹⁴. Но по совсем другой причине». А причина эта — проникновение в московский язык украинизмов: «дивчина», «позавчера» (тогда как нужно использовать «третьего дня»), «рыбалка» (вместо должного «рыбная ловля») и проч. Все эти диалектизмы, по мнению автора, загрязняют чистую московскую речь. «И украинским словам, выживающим из нашего языка русские, <...> в полном уединении, никак не публично, с отчетливым сознанием своего бессилья и нелепости своей досады, но при всем этом с не меньшей злобой, грожу кулаком»¹⁵.

Не менее раздражают автора и петербургские слова, их употребление и произношение. «Во времена моего детства москвичи говорили очень характерно, а ухо их улавливало всякое не московское произношение. Отец требовал от нас, чтобы мы говорили чисто по-московски. Но тогда в интеллигентском кругу приходилось сопротивляться языковой инвазии не со стороны Юга или Запада. Отец больше всего оберегал нас от Петербурга, влияние которого в нашей среде было наибольшим. Не приходилось, конечно, бороться с такими словами, как “кура” вместо “курица”, или с произношением “күхонный” вместо “күхонный”. Эти особенности были слишком разительны, и ни один москвич не воспринимал их иначе как явную ошибку.

¹² Там же. Л. 2–3.

¹³ СПбФ АРАН. Ф. 1077. Оп. 1. Д. 13.

¹⁴ Співати (*укр.*) — петь.

¹⁵ СПбФ АРАН. Ф. 1077. Оп. 1. Д. 13. Л. 11–12.

Но, например, слово “сегодня” было в достаточно широком обиходе. Между тем, <...> отец утверждал, что оно казенное, идущее от петербургского чиновничества, и поэтому требовал, чтобы мы говорили только “нынче”»¹⁶.

В сочинении «Престиж»¹⁷ Б. С. Кузин рассуждает о престиже, который во всех своих проявлениях претит автору. Он считает, что престиж возникает, когда вместо искреннего уважения со стороны других людей человек добивается лишь внешних проявлений уважения — с помощью силы, власти, богатства или иных привилегий. «Чем больше человек заслуживает настоящего уважения, тем меньше его беспокоят вопросы престижа»¹⁸. По мнению автора, престижу подвластны также организации, общественные группы и государства, что имеет значительно более масштабные последствия, чем межличностные обиды и ссоры. Автор приходит к выводу, что по количеству поглощенных жертв престиж — одно из самых страшных чудовищ современного мира. И снова удивительно современно звучат рассуждения Кузина.

Эссе «Средство от хама»¹⁹ — рассуждения автора о хамстве и о хамах, а также о действенном средстве при общении с таковыми. «Хамство извечно, повсеместно, и надеяться, что оно когда-либо исчезнет, нельзя»²⁰. Для защиты от хамов автор нашел прием, который неоднократно успешно использовал. Прием этот «основан на положении, что хам существенно своеобразен только тем, что он повышенно агрессивен. Во всем же остальном он посредствен, трафаретен и примитивен. Поэтому в сколько-нибудь необычной ситуации он теряется. В этот слабый его пункт и нужно бить»²¹. По сути, автор описывает особый психологический прием, заключающийся в следующем: хама нужно сильно удивить и этим нейтрализовать. Спустя несколько десятилетий, уже в XXI в., этот же прием описал модный современный писатель Вадим Зеланд, автор серии книг «Трансерфинг реальности»²². Подобный прием нейтрализации хамского поведения Зеланд называет «гашением», заключающимся в нестандартной или непредсказуемой реакции на неадекватное поведение: или не реагировать вовсе, или нестандартно. Ровно эту же мысль значительно ранее выразил в своем сочинении Борис Кузин.

Есть среди текстов Бориса Кузина и художественные рассказы: «Случай на трамвайной остановке», «Сон», «Зачем Земля круглая», «Ave Maria», «Записки зеваки», «Пуговица» и др.

В рассказе «Сон»²³ (1966) автор описывает фантастические события, произошедшие с ним во сне. Начинаясь сон так: «На меня словно вдруг снизошло прозрение, и я понял, что почему-то я недооценивал должным образом того, что у меня имеется докторская степень и профессорское звание. Мне показалось удивительным, что я никогда не задумывался о зна-

¹⁶ СПбФ АРАН. Ф. 1077. Оп. 1. Д. 13. Л. 4–5.

¹⁷ СПбФ АРАН. Ф. 1077. Оп. 1. Д. 27.

¹⁸ Там же. Л. 1.

¹⁹ СПбФ АРАН. Ф. 1077. Оп. 1. Д. 31. Л. 1–7.

²⁰ Там же. Л. 1.

²¹ Там же.

²² Зеланд В. Трансерфинг реальности. Ступени I–V. СПб., 2005–2014.

²³ СПбФ АРАН. Ф. 1077. Оп. 1. Д. 12. Л. 1–9.

чении этого факта. Ведь он же с полной ясностью свидетельствует о моем превосходстве над теми, кто не доктор и не профессор. <...> Я понял также, что занимаемая мною должность заместителя директора одного из институтов Академии наук СССР тоже достаточно высока и почетна и что она дает мне право на уважение со стороны тех, кто занимает низшие должности, как в нашем институте, так и где бы то ни было вообще. Наконец, до моего сознания также дошло, что 63 года, которые я имею за плечами, это тоже не пустяк и что этот возраст (а с ним, конечно, житейский (и научный!) опыт) тоже ставят меня выше многих и многих»²⁴. Далее автор описывает изменения, в нем произошедшие, связанные со сделанными открытиями, а именно: дурное расположение духа и ухудшение физического состояния. В связи с этим ему пришлось обратиться в больницу, где, по прохождении всевозможных обследований, был вынесен медицинский вердикт: «Утрата чувства юмора (вероятно, необратимая)». Автор рассуждает, что, поскольку он потерял чувство юмора во сне, он не мог понять, что же именно он утратил, в чем чувство юмора заключалось и почему это произошло. Окончание рассказа следующее: «По крайней мере, мне стало ясно, что у меня появился какой-то дефект. Вроде того, как, скажем, у меня могло бы прекратиться выделение желчи или необходимых для пищеварения кислот. Я принялся было обдумывать, как мне заняться лечением, но тут проснулся»²⁵. Конечно же, автор рассказа делится с нами своей уверенностью в том, что чувство юмора имеет колоссальное значение в жизни. Именно оно часто помогает нам сохранять адекватность, а порой и просто выжить.

Среди сочинений Б. С. Кузина есть также юморески — короткие тексты юмористического характера, среди которых «Имущество и изящество», «Случай в беседе», «О функции языка», «Способы усложнения», «Приметы нового», «Заметки фенолога», «Яичник и яичница»²⁶. Автор развлекается, шутит, играет словами. Ниже приведен полный текст юморески «Имущество и изящество» ([1960]):

«Жили-были две подруги. У одной было много имущества, но мало изящества, а у другой — много изящества, но мало имущества. И та, у которой было имущество, имела некоторое преимущество перед той, у которой было изящество. Но в свою очередь та, у которой было изящество, имела свои преимущества перед той, у которой было имущество. Поэтому та, у которой было изящество, завидовала имевшей имущество. И обратно — имевшая имущество завидовала той, у которой было изящество. Отсюда видно, что ни имущество, ни изящество не обеспечивают порознь решающего преимущества. И для женщины очень важно, имея имущество, обладать также изяществом, равно как, обладая изяществом, иметь также и достаточное имущество. Женщина же, не имеющая ни изящества, ни имущества, лишена решительно всяких преимуществ»²⁷.

Не менее симпатична юмореска «Способы усложнения» (1969):

²⁴ Там же. Л. 1.

²⁵ Там же. Л. 9.

²⁶ СПбФ АРАН. Ф. 1077. Оп. 1. Д. 8.

²⁷ Там же. Л. 1.

«Один зоолог, докладывая о каких-то рачках, сказал, что они не обладают наличием брюшных ног.

Самое простое было бы сказать, что у этих рачков нет брюшных ног. Но есть целая шкала научности изложения. —

Начинается с введения почти не употребляемого в чистом русском языке глагола „иметь“:

Рачки не имеют брюшных ног.

Но не хуже получается, если вместо „иметь“ привлечь „обладать“:

Рачки не обладают брюшными ногами.

И далее:

Рачки не обладают наличием брюшных ног.

Рачки не обладают наличием присутствия брюшных ног.

Рачки не обладают отсутствием наличия неприсутствия брюшных ног.

Вероятно, можно и еще много, много сложнее»²⁸.

Борис Кузин также писал стихи. В его личном фонде в СПбФ АРАН хранятся около 80 его стихотворений²⁹. В основном это философская лирика, в которой слышны биографические нотки. Многие стихи написаны во время пребывания в лагере и в ссылке. Имеются стихотворения на военную тему, созданные в период Великой Отечественной войны. Есть отдельная подборка шуточных стихов, демонстрирующих изумительное чувство юмора их автора³⁰.

Литературные произведения Б. С. Кузина не были опубликованы при его жизни. В эссе «Предисловие ко всем моим неопубликованным сочинениям» он рассуждает об этом следующим образом: «...мне хочется выдать наружу то, что составляет мою внутреннюю жизнь, а сделать это трудно. Однако все-таки не невозможно. Нужно только помнить великий закон бухгалтерии. — За всякое удовольствие следует платить. И я нашел способ оплаты удовольствия, которое мне так хотелось получить. Этот способ заключается в том, что все пишется только для себя и нигде не публикуется. Одним словом, за право совсем правдивого писания я плачу отказом от того, что называется успехом в жизни <...>. Самый большой тираж моих произведений — 3 экземпляра. Это если они перепечатаны на машинке. И пускаю я их не в широкий свет, а даю прочитать то или другое немногим моим друзьям, которым оно может быть интересно. Может даже случиться, что какие-то мои рукописи уцелеют после моей смерти. Но шансы этого не велики»³¹.

Учитывая вышеприведенные строки, могу признаться, что, читая сочинения Бориса Кузина, ощущала лестную причастность к узкому кругу посвященных в его творчество.

Литературное наследие Б. С. Кузина было впервые опубликовано только в 1999 г. в книге «Борис Кузин. Воспоминания. Произведения. Переписка;

²⁸ СПбФ АРАН. Ф. 1077. Оп. 1. Д. 8. Л. 4.

²⁹ СПбФ АРАН. Ф. 1077. Оп. 1. Д. 5.

³⁰ СПбФ АРАН. Ф. 1077. Оп. 1. Д. 33.

³¹ СПбФ АРАН. Ф. 1077. Оп. 1. Д. 16. Л. 12–13.

Надежда Мандельштам. 192 письма к Б. С. Кузину». В издании представлены проза, стихи и обширная переписка ученого-литератора.

Несомненно, творчество, т. е. возможность фиксировать мысли и чувства на бумаге, во многом помогло Борису Кузину выжить в тяжелейшие периоды его жизни — не сойти с ума от одиночества, не раствориться в хаосе эпохи, возвыситься над ситуацией. Уверена, что его литературные сочинения — изящные, эстетские, ироничные, просто интересные и безусловно талантливые — еще найдут читателей и ценителей.

Не дыши, не живи! — Видишь знак Демона?
В тусклый камень души бирюза вделана.
Не спеши отлететь. — Ты хоть имя мое
На песке напиши, жизнь моя! Где она?

1938 г.³²

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

СПбФ АРАН. Ф. 1077. Оп. 1. Д. 5, 6, 7, 8, 12, 13, 16, 27, 31, 33.

Давыдов М. А. «Преодолев затверженность природы...» (О Борисе Сергеевиче Кузине) // Вопросы философии. 1992. № 5. С. 145–147.

Зеланд В. Трансерфинг реальности. Ступени I–V. СПб., 2005–2014.

Кузин Б. С. Воспоминания. Произведения. Переписка; Мандельштам Н. Я. 192 письма к Б. С. Кузину / [сост., предисл., подгот. текстов, примеч. и коммент. Н. И. Крайневой и Е. А. Пережогойной; предисл. к разделу «Переписка» и заметки к биограф. Б. С. Кузина М. А. Давыдова]. СПб., 1999.

Мандельштам О. Э. Сочинения : в 2 т. / сост. П. М. Нерлера. Т. 1 : Стихотворения. Переводы. М., 1990.

³² СПбФ АРАН. Ф. 1077. Оп. 1. Д. 5. Л. 10.

М. В. Мандрик
Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

БИОЛОГ Б. П. ТОКИН: К 120-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ*

Статья посвящена жизни и деятельности известного советского биолога Б. П. Токина. На основе архивных данных, впервые вводимых в научный оборот, в статье более детально представлена биография ученого на историческом фоне биологической науки 1930–70-х гг.

Ключевые слова: Б. П. Токин, биология в СССР, научная биография.

М. V. Mandrik
St. Petersburg Branch of the Archive of the RAS

ON THE 120TH BIRTH ANNIVERSARY OF BIOLOGIST BORIS P. TOKIN

The article is devoted to the life and work of a famous soviet biologist Boris Tokin. On the basis of archival materials, introduced into scientific circulation for the first time, the article presents the biography of the well-known scientist in thorough detail on the historical background of biological science during the 1930s – 1970s.

Key words: Boris P. Tokin, biology in the USSR, scientific biography.

Биологу с мировым именем Борису Петровичу Токину¹ посвящено уже несколько десятков статей: его яркая и неординарная личность привлекала к себе внимание биологов и историков науки, как при жизни, так и после смерти ученого². Отношение к личности Б. П. Токина довольно против-

* Статья написана при поддержке гранта РФФИ № 18-011-00539 «Персональный состав Императорской Санкт-Петербургской — Российской — Всесоюзной академии наук (XVIII–XX вв.): компьютерная база».

¹ Автор статьи, не являясь биологом, узнала о нем в далеком 1991 г., благодаря совместной работе в ЛГУ/СПбГУ с его сыном — Иваном Борисовичем Токиным. И именно это знакомство, продлившееся 12 лет, побудило написать данную статью, посвященную 120-летию со дня рождения его отца.

² Крупный ученый-эмбриолог (к 70-летию Бориса Петровича Токина) // Вестник Ленинградского университета. 1970. № 15. С. 158–160; *Йоганзен Б. Г.* Биологические исследования // Развитие естественных наук в Томском университете. К 100-летию со дня основания. Томск, 1980. С. 31–93; *Блинкин С. А., Рудницкая Т. В.* Фитонциды вокруг нас. М., 1981; *Короткова Г. П.* Научное творчество Б. П. Токина //

речивое, впрочем, как и то время, когда он жил и развивал советскую биологическую науку. Как человек, вышедший из народа, он быстро нашел себя в революционной стихии, принял большевистскую власть и не боялся погибнуть, отстаивая ее лозунги. Эта власть дала ему университетское образование, которое он вряд ли бы получил во времена царского режима, но она вогнала его в узкие рамки марксизма-дарвинизма, вынудила считаться (временами и бороться) с псевдотеориями О. Б. Лепешинской и Т. Д. Лысенко и мн. др. В 1930-е гг. Токин имел доступ не только к западной литературе, но и к работе в европейских лабораториях, совершал поездки на международные конференции, что давало ученому шанс видеть намного шире, чем было дозволено в советской науке. По счастливой случайности он не погиб в тюрьме во время Большого террора и вернулся к нормальной научной работе. Но в те времена общая зашоренность идеологическими догмами, атмосфера страха и доносивательства мало кого обходили стороной. Были и в карьере Токина неприглядные поступки, но не нам, живущим при более мягком режиме и все равно не всегда способным отстоять свои принципы, судить о поступках людей в те смутные времена. Мы можем констатировать эти проступки, предположить, почему это произошло, дать оценку последствий этих поступков, но не осуждать.

Данная статья частично повторяет сведения многочисленных биографических очерков о Б. П. Токине, но существенное отличие ее от других работ — использование воспоминаний ученого, которые где-то уточняют факты, приводимые у других авторов с неточностями, где-то позволяют узнать оценку событий, даваемую самим героем статьи.

Будущий биолог родился 21 (8 по старому стилю) июля 1900 г. в с. Грушевка Аткарского уезда Саратовской губернии в семье Александры Петровны Кузнецовой, крестьянки из с. Баланды того же уезда, и Петра Ивановича Токина, когда-то подмастерья у портного, стрелочника на железной дороге и, как сам он себя определял, — «мещанина г. Моршанска»³. Детство и юность Борис провел в Вольске, куда многодетная семья переехала в 1907 г. Старший брат Василий окончил Вольскую учительскую семинарию и преподавал в начальной школе в Царицыне (Волгоград); он оказал огромное влияние на образование юного Бориса Токина, и тот называл брата «настоящим моим «отцом», воспитателем... Он, позволительно так сказать, «создал меня»⁴. Когда мальчик подрос и мог уже работать (с 10 лет), его устроили

Б. П. Токин — ученый и гражданин : сб. ст. Л., 1988. С. 50–79. (Труды Ленинградского общества естествоиспытателей. Т. 88. Вып. 1); *Фоминых С. Ф. и др.* Ректоры Томского университета: Биографический словарь (1888–2003). Томск, 2003; *Фоминых С. Ф., Степнов А. О.* Томский период жизни профессора Б. П. Токина // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 391. С. 148–154; Токин Борис Петрович // Электронная энциклопедия Томского государственного университета. URL: http://wiki.tsu.ru/wiki/index.php/%D0%A2%D0%BE%D0%BA%D0%B8%D0%BD_%D0%91%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%81_%D0%9F%D0%B5%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87 (дата обращения: 19.10.2021), и др.

³ Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (далее — СПбФ АРАН). Ф. 1132. Оп. 1. Дело «Моя жизнь и судьбы людские». Л. 16, 24 (фонд находится в переработке, и номера дел могут быть изменены, поэтому дается их название).

⁴ Там же. Л. 28.

в типографию Гусева разборщиком (1910–1911), где уже трудились старшие братья. До этого он успел поучиться в приходской школе и в 1911 г. поступил в четырехклассное городское училище, которое окончил в 1915 г. Но этого могло и не произойти, т. к. отец был против учебы. Александре Петровне пришлось выкрасть из сундука мужа метрику сына, чтобы его могли принять на учебу. Несмотря на дальнейшие разногласия с матерью, эту ее решимость он помнил всю жизнь: «Это, конечно, выдающийся поступок для подавленной нуждой, совершенно безграмотной женщины, какой была моя мать, могущая вместо подписи своей фамилии ставить только крестик»⁵. Ученый позднее вспоминал, что в училище «едва держался, подавая каждое полугодие ходатайство “его высокоблагородии” — инспектору училища — об освобождении меня от оплаты за обучение. Более полстолетия прошло с тех пор, но я отлично помню как унижительно и мучительно было подавать эти просьбы и ждать решения <...>»⁶. В 1915 г. Борис сдал экзамен в 5-й класс реального училища, окончив обучение весной 1918 г. С осени-зимы 1914–1915 гг. он и его младший брат стали жить отдельно от семьи, как тогда говорили, «на хлебах». Деньги зарабатывал репетиторством: он все годы учебы был отличником и так уверовал в себя, что в 7-м классе даже дал объявление в газете, что готовит по всем классам средних учебных заведений⁷. Уже во время учебы, с февраля 1917 г., он вместе с будущим писателем Ф. И. Панфёровым⁸ организовал и был соредактором журнала «Голос юности»; молодые люди успели выпустить четыре номера, сами продавали его в Вольске и ездили распространять журнал даже в Саратов.

К сожалению, Василий Токин, прививший младшему брату любовь к природе, искусству и труду, погиб в 1915 г., в возрасте 22 лет — от ран, полученных на фронтах Первой мировой войны. Однако, несмотря на ранний возраст и сложную финансовую ситуацию в семье, В. П. Токин успел опубликовать ряд научно-популярных работ: «Дети в творчестве А. П. Чехова», «Детский алкоголизм и борьба с ним», составил хрестоматию «Родная природа в родной художественной литературе». В хрестоматии использовались виньетки 13-летнего Б. П. Токина, который продолжил рисовать и в зрелые годы. В том же 1915 г. от туберкулеза умер и брат Павел. В 1918 г., при очередной смене власти в Вольске, 16-летний брат Иван, только три месяца назад вступивший в ряды большевиков, спрятался в родительском доме, но был выдан белогвардейцам собственной матерью, посажен в тюрьму и приговорен к расстрелу. Для Б. П. Токина это трагическое событие определило на всю оставшуюся жизнь отношения с матерью. Уже в зрелом возрасте в мемуарах ученый записал: «Простите меня, дети и взрослые! Святое, солнечное слово “мама”, лучшее из слов всех народов, не проникло в мое сердце. Это страшно»⁹. Брата тогда не казнили — из Тамбова подоспел

⁵ СПбФ АРАН. Ф. 1132. Оп. 1. Дело «Моя жизнь и судьбы людские». Л. 21.

⁶ Там же. Л. 27.

⁷ Там же. Л. 30.

⁸ Панфёров Фёдор Иванович (псевд. — Марк Солнцев) (1896–1960) — учился в Вольской учительской семинарии, один из руководителей Российской ассоциации пролетарских писателей, главный редактор журнала «Октябрь» (с 1931 г.).

⁹ СПбФ АРАН. Ф. 1132. Оп. 1. Дело «Моя жизнь и судьбы людские». Л. 23.

отряд красноармейцев¹⁰; судьба уготовила И. П. Токину расстрел от рук НКВД в 1939 г.¹¹ Брат Николай ушел в мае 1919 г. добровольцем в составе коммунистического полка, который затем вошел в бригаду Левандовского, где Н. П. Токин стал помощником начальника штаба этого соединения¹². О судьбе Николая данных сохранилось мало, есть даже сведения, что он умер после 1935 г., но в мемуарах Б. П. Токина датой смерти брата значится 19 августа 1974 г.¹³

В ноябре 1918 г. Б. П. Токин вступил в члены РКП(б) и профсоюз работников просвещения. С января 1918 по апрель 1919 г. молодой человек работал агитатором по вербовке в ряды Красной армии в Вольском уездном военном комиссариате¹⁴, был секретарем комиссариата при Вольском уездном комиссаре юстиции¹⁵, состоял с мая по август 1918 г. в партии левых эсеров¹⁶. В июле 1918 г. его выбрали делегатом 1-го Всероссийского учительского съезда, где он слушал выступление В. И. Ленина (вождя большевиков он видел три раза в жизни, о чем подробно написал в мемуарах¹⁷). Б. П. Токин стал председателем «Вольской комиссии по отделению церкви от государства и школы от церкви». Назначили его и начальником следственного отдела Хвалынской ЦК по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности¹⁸. Уже на следующий год 19-летнего юношу избрали в Вольскую городскую и уездную партийную организацию (в мае 1919 г.

¹⁰ Там же. Л. 76.

¹¹ Там же. Л. 27. Впоследствии И. П. Токин стал профессором Института Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина в Баку. См.: Токин Борис Петрович // Мемориальный музей «Следственная тюрьма НКВД». URL: <http://nkvd.tomsk.ru/researches/passional/tokin-boris-petrovich/> (дата обращения: 19.10.2021).

¹² СПбФ АРАН. Ф. 1132. Оп. 1. Дело «Моя жизнь и судьбы людские». Л. 93.

¹³ Токин Николай Петрович родился 30 ноября (12 декабря) 1896 г. в с. Бедняковка Саратовской губернии. Археолог, специалист по истории первобытной культуры, палеолиту и генезису духовной культуры. Он также активно участвовал в революционных событиях, работал управляющим делами Вольского Совнаркома, редактором газеты «Вольские известия», с 1918 г. — член Ревштаба Обороны по борьбе с «Самарской учредилкой» (Комуч). В 1922–1927 гг. — студент Саратовского государственного университета, с 1924 г. он начал одновременно там преподавать, а с 1927 г. стал уже заведующим кафедрой истории общественных форм Саратовского областного коммунистического университета. В 1928 г. Н. П. Токин — ассистент кафедры археологии и этнографии Саратовского государственного университета. Автор краткого очерка «Первобытное общество» (М., 1935). В заметке на сайте интернет-музея Поволжского института управления им. П. А. Столыпина — филиала РАНХИГС указано, что Н. П. Токин умер после 1935 г. (URL: http://komvuz.ru/prepod_soku_6/ (дата обращения: 19.10.2021)); СПбФ АРАН. Ф. 1132. Оп. 1. Дело «Моя жизнь и судьбы людские». Л. 94).

¹⁴ СПбФ АРАН. Ф. 1132. Оп. 1. Дело «Моя жизнь и судьбы людские». Л. 50.

¹⁵ Там же.

¹⁶ СПбФ АРАН. Ф. 1132. Оп. 1. Дело «Борис Петрович Токин. Автобиография». Л. 2. Примечательно, что Б. П. Токин писал это якобы 14 марта 1939 г., выйдя из стен НКВД. Видимо, этот факт уже был известен в органах и ученый не считал нужным его скрывать. Однако исследователям еще предстоит в этом разобраться, так как документ, хранящийся в архиве, хоть и датирован 1939 г., но, судя по бумаге и особенностям печатной машинки, составлен явно в более позднее время.

¹⁷ СПбФ АРАН. Ф. 1132. Оп. 1. Дело «Моя жизнь и судьбы людские». Л. 101.

¹⁸ Там же. Л. 75.

заял должность секретаря уездкома РКП(б)¹⁹). Затем он стал одним из руководителей Саратовской губернской парторганизации и трижды, с осени 1919 г. по осень 1920 г., избирался членом Саратовского губкома РКП(б), был членом президиума, заведовал отделом по работе в деревне, являлся представителем губкома на первом Всероссийском совещании по работе в деревне, созванном ЦК РКП(б), замещал ответственного секретаря губкома²⁰. Партийная работа увлекла Б. П. Токина, и в 1920–1923 гг. он работал в прифронтовом Минске (он сам отпросился на южный фронт и при прохождении через ЦК РКП(б) попал именно в этот город²¹), затем в аппарате ЦК ВКП(б) в Москве, руководил одним из агитационно-пропагандистских отделов горкома РКП(б) Черемховского угольного бассейна в Иркутской губернии и др. В 1923–1924 гг. Б.П. Токин перешел на службу в Красную армию в Московском военном округе, совмещая это с преподаванием политграмоты.

В 1923 г. Б. П. Токина зачислили на медицинский факультет 1-го Московского государственного университета. В 1924 г. он сделал свое первое научное сообщение на кафедре гистологии — «Об amitotическом делении клеток». Но Токин не завершил учебу, и в 1925 г. после 3-го курса, увлекшись биологией, перешел на биологическое отделение физико-математического факультета 1-го МГУ, где слушал лекции таких известных ученых, как Н. К. Кольцов, М. М. Завадовский, Н. М. Кулагин, А. Н. Северцов, Г. А. Кожевников и А. С. Серебровский.

В ходе учебы молодой человек продолжал активную просветительскую работу, став членом партбюро университета и руководителем «семинара агитатора». Такая политактивность чуть не помешала ему получить высшее образование, но тяга к знаниям оказалась сильнее. Еще будучи студентом, Б. П. Токин ездил на Кропотовскую биологическую станцию на Оке, организованную Л. Я. Блехером и другими учеными, и проводил там работу по теме «Влияние H_2SO_4 и щелочей на дробление яиц *Physa fontinalis*»²². В 1928 г. молодой ученый предложил термин «фитонциды» (от слияния др.-греч. φύτον (растение) и лат. caedo (убиваю)), дав это название токсичным летучим веществам некоторых растений, которые обладали антимикробными свойствами (бактерициды растительного происхождения). Существует мнение, что название «фитонциды» происходило от слова «фитон», которое включало начальные буквы фамилий трех авторов — А. Г. Филатовой, Б. П. Токина и Г. Е. Неболюбовой. Об этом в 1980 г. в докладе, посвященном столетию Томского государственного университета (далее — ТГУ), рассказал Б. Г. Иоганзен, соратник Б. П. Токина. Этим он, в частности, обосновывал факт нехарактерного для биологии названия открытия: «В[ориса]

¹⁹ СПбФ АРАН. Ф. 1132. Оп. 1. Дело «Моя жизнь и судьбы людские». Л. 83.

²⁰ СПбФ АРАН. Ф. 1132. Оп. 1. Дело «Борис Петрович Токин. Автобиография». Л. 2.

²¹ Там же.

²² СПбФ АРАН. Ф. 1132. Оп. 1. Дело «Моя жизнь и судьбы людские». Л. 118. *Physa fontinalis* (лат.) — физа пупырчатая.

Станция была создана в 1927 г. по инициативе кафедры общей биологии 2-го МГУ и располагалась в Каширском уезде Московской области: Опытнo-экспериментальный участок «Кропотова» (биостанция) им. Б. Л. Астаурова. URL: <http://idbras.ru/?show=content81> (дата обращения: 19.10.2021).

П[етровича] не раз упрекали за неправильное формирование термина “фитонциды”, который противоречит сложившейся практике формирования аналогичных названий — бактерициды, инсектициды, ихтиоциды и т. д., в которых указывается не природа излучаемых веществ, а убиваемый ими объект»²³.

Явление фитонцидов в растительном мире было открыто²⁴ в ходе проверки данных А. Г. Гурвича о митогенетических лучах²⁵. В это время Б. П. Токин, как он впоследствии сам отмечал в мемуарах, «запоем» работал в лаборатории М. М. Завадовского, в кабинете ультрафиолетовых лучей Политехнического музея в Москве, пытаясь использовать разные физические источники коротковолновых ультрафиолетовых лучей. Что двигало им на самом деле, сказать сейчас сложно, но через десяток лет он писал, что «воинственно настроенный против витализма, я не имел, однако, никакого предубеждения против открытия А. Г. Гурвича. Мне хотелось, в частности, доказать, что вопреки своей методологии яркий виталист и честнейший ученый А. Г. Гурвич сделал превосходное открытие, которое материалисты должны приветствовать»²⁶. Это исследование в дальнейшем сильно повлияло на его научные исследования.

В середине 1929 г., после окончания учебы (формально диплом был выдан в апреле 1930 г., но фактически учеба завершилась еще в 1929 г.)²⁷, Б. П. Токина приняли на работу ассистентом, а затем — старшим научным сотрудником лаборатории экспериментальной биологии Московского зоопарка под руководством М. М. Завадовского. Б. П. Токин проработал в ней до апреля 1931 г., в мемуарах он указывал: «Энтузиазм Завадовского в науке, его энергичная борьба за экспериментальную морфологию, его замечательные работы по развитию вторично-половых признаков привлекли к лаборатории молодежь»²⁸. М. М. Завадовский даже разрешил Б. П. Токину жить в лаборатории, выделив там ему небольшую комнату. В декабре 1929 г. Токина зачислили в аспирантуру АН СССР по специальности «экспериментальная эмбриология»²⁹. Научным руководителем был все тот же М. М. Завадовский, который в характеристике при поступлении в аспирантуру писал: «Считаю его способным, увлекающимся научно-исследовательской работой человеком. Наряду со склонностью к обобщениям, он проявляет непосредственный энтузиазм и в повседневной лабораторной эмпирической работе»³⁰. Аспирантуру начинающий ученый закончил уже в 1931 г., проучившись всего 1,5 года.

²³ *Фоминых С. Ф., Степнов А. О.* Томский период жизни профессора Б. П. Токина. С. 148.

²⁴ Явление это было известно с давних времен: например, крестьяне специально засевали защитные полосы из полыни, конопли и т. п. растений, которые отпугивали своими эфирными маслами вредителей. Б. П. Токин подвел под это явление научную базу и сделал предметом научного эксперимента.

²⁵ СПбФ АРАН. Ф. 1132. Оп. 1. Дело «Моя жизнь и судьбы людские». Л. 125.

²⁶ Там же. Л. 120.

²⁷ Там же. Л. 119.

²⁸ Там же. Л. 117.

²⁹ Там же. Л. 119.

³⁰ Там же. Л. 120.

В мае 1930 г. Б. П. Токина направили в Киев, на Всесоюзный съезд зоологов, а уже в августе в Амстердам³¹ — на II Международный конгресс по изучению клетки (Международный цитологический конгресс), где Б. П. Токин апробировал результаты своих экспериментов с митогенетическими лучами. В докладах ученый показал, какие широкие возможности влечет за собой данное открытие для биологических, а также и небιологических исследований³². Б. П. Токин с коллегами пришел к выводу, что «“митотический коэффициент” (отношение числа клеток, находящихся в митозе, ко всем клеткам) может нередко давать превратное представление о темпах клеточного деления. Это было доказано математическими соображениями и экспериментально на дрожжевых клетках»³³. Впоследствии он подтвердит эти выводы в статье «Анализ способов сравнения почкования дрожжей, деления клеток, дробления яиц», опубликованной в журнале «За марксистско-ленинское естествознание» (1932. № 5–6. С. 79–92), а также в приложении к книге «Митогенетические лучи» — «Экспериментальная проверка метода учета скорости почкований дрожжей школы А. Г. Гурвича», за авторством Г. П. Горбуновой³⁴. В 1933 г. Б. П. Токин публикует свою первую крупную научную монографию как раз по этой теме — «Митогенетические лучи», где опровергнет гипотезу А. Г. Гурвича, считающего, что ультрафиолетовые лучи порядка 193–220 нм, продуцируемые клетками, играли роль «фактора осуществления» митоза «готовой» к делению клетки. В своей теории Б. П. Токин представит митоз как заключительный период жизненного цикла клетки³⁵ и предложит теорию онтогении клетки, которая предвосхитила представления о «жизненном цикле» клетки, о «митотическом цикле», возникшие на базе открытий молекулярной биологии³⁶. В отзыве о научной работе Б. П. Токина Н. К. Кольцов в 1935 г. писал: «Необходимо было собрать в одно свежее целое все доказательства в пользу и против самого признания существования митогенетических лучей и дать критический обзор методики их изучения. Эту задачу и взял на себя Б. П. Токин и выполнил ее успешно и с большим беспристрастием. Он отвергает целый ряд положений Гурвича не на том основании, что Гурвич придерживается виталистических воззрений, а потому, что эти положения

³¹ СПбФ АРАН. Ф. 1132. Оп. 1. Дело «Моя жизнь и судьбы людские». Л. 166.

³² Короткова Г. П. Научное творчество Б. П. Токина. С. 55.

³³ СПбФ АРАН. Ф. 1132. Оп. 1. Дело «Моя жизнь и судьбы людские». Л. 124.

³⁴ В 1960-е гг. Б. П. Токин снова вернется к этой теме, и изучение куриного эмбриона с использованием автордиографической методики подтвердило его выводы (СПбФ АРАН. Ф. 1132. Оп. 1. Л. 124).

³⁵ Короткова Г. П. Научное творчество Б. П. Токина. С. 53–54.

³⁶ Токин Борис Петрович // Электронная энциклопедия...

Спустя много лет, на страницах своих воспоминаний, ученый не раз возвращался к этим событиям и своей книге, характеризуя ее как «полную пессимизма о митогенетических лучах, в которой доказывал ошибочность постановки всей проблемы источников клеточного деления и роковые ошибки в методике экспериментирования. Книга эта была горькой, обидной для энтузиастов учения о митогенетических лучах и вело его (учение) к могиле, к забвению. Однако в оправдание свое могу сказать, что книга (выстраданная моими экспериментами и волнениями) была относительно вежливой. Я искренне считал и считаю А. Г. Гурвича — автора ошибочного учения о митогенетических лучах — яркой звездой в созвездии ученых нашей Родины» (СПбФ АРАН. Ф. 1132. Оп. 1. Дело «Моя жизнь и судьбы людские». Л. 360).

экспериментально обоснованы и самые эксперименты проведены методически неправильно. Притом же критика автора сопровождается во многих случаях самостоятельной проверкой многих экспериментов, поставленных Гурвичем и его учениками. Монография эта имеет характер диссертации»³⁷.

Но это будет чуть позже, а тогда для начинающего исследователя поездка на конгресс такого уровня была весьма неожиданным предложением, и вначале Б. П. Токин даже отказывался от нее, так как хоть и знал немного немецкий язык («на уровне ученика средней школы без домашнего курса»), но не был готов читать на нем доклады. Кроме того, на конгрессе исследования по митогенетическим лучам имели приоритет, а Б. П. Токин собирался поставить их под сомнение, считая, что нельзя все неразъясненные биологические явления объяснять митогенетическими лучами. В состав советской делегации намечали А. Г. Гурвича, А. А. Кронтовского, Б. И. Лаврентьева и Б. П. Токина, но в конечном итоге в Голландии оказались только двое последних, и на самой конференции к ним присоединился биолог Г. А. Шмидт, находившийся в длительной командировке в Германии и Великобритании. Токин как начинающий ученый был весьма признателен своему старшему коллеге, Б. И. Лаврентьеву, который перевел и зачитывал его два доклада и помогал отвечать на вопросы. «Уверенный в своей правоте, — вспоминал Б. П. Токин, — я не страшился критики моих докладов, “репетиция” по которым состоялась недавно, около трех месяцев назад, на зоологическом съезде в Киеве, но страдал я морально, во-первых, доклады мои хотя и были так сказать частного характера, шли в разрез работам А. Г. Гурвича, а самого его не оказалось на конгрессе. Пожалуй, еще более тяготило мою юношескую душу, что один из моих докладов был полностью посвящен ошибочному сообщению в научной печати “открытия” В. Штемпеля (Stempell)³⁸ из Мюнстера, оказавшегося также на конгрессе и зачитывавшего свой доклад перед моим критическим сообщением... С большой охотой я проверял данные Штемпеля, так как хотелось найти подтверждения открытия Гурвича. Увы! Вскоре я уже обнаружил, что в эффекте Штемпеля играют роль не гипотетические лучи, а химическое влияние, исходящее из растертых листьев лука на соответствующие реагирующие вещества. На конгрессе я чувствовал себя гордо, ибо обнаружил ошибки Штемпеля, и в то же время было очень тяжело смотреть на пожилого, морщинистого, обрюзгшего ученого, нервноотреагировавшего на мое опровержение. Ох, уж эта наука! Бывают такие неприятности! “Победа” моя не принесла мне радости, несмотря на явно выраженные симпатии ко мне как молодому ученому члену конгресса. Я был удручен <...> Наверное, этот тяжелый в моральном отношении случай, произошедший в начале моей научной деятельности, оказался той душевой травмой, нанесенной невзначай самому себе, оставившей большую зарубку и повлиявшей на последующее поведение в науке. С меньшим задором, чем в годы научной юности, я вступал в споры с не согласными со

³⁷ СПбФ АРАН. Ф. 1132. Оп. 1. Дело «Кольцов Н. К., проф. О научных работах Б. П. Токина». Л. 1 об.

³⁸ Штемпель Вальтер (Stempell Walter) (1869–1938) — доктор наук, профессор факультета философии и естествознания Мюнстерского университета (Universität Münster) в Вестфалии.

мною, пытался сохранить “академическую доброжелательность”. Более чем за полстолетия своей причастности к науке я редко вступал в полемику со своими противниками даже тогда, когда критика казалась мне совершенно неаргументированной»³⁹. Исключение Б. П. Токин, по его словам, сделал только два раза — когда вступил в затянувшийся спор с представителями школы А. Г. Гурвича и, конечно, с О. Б. Лепешинской.

С 1931 по 1932 г. Б. П. Токин являлся председателем Всесоюзного общества биологов-материалистов (далее — ОБМ). Позднее он вспоминал, что в работе ОБМ «имела место детская болезнь левизны, фанатизм в отстаивании подчас и неправильных взглядов, резкое политизирование того, что на самом деле не стояло вблизи политики»⁴⁰. Это ученый признавал уже несколько десятилетий спустя, а в то время после острых дискуссий в ОБМ под его редакцией, совместно с П. П. Бондаренко и В. С. Брандгендлером⁴¹, выходили сборники под заглавием «Против механистического материализма и меньшевистствующего идеализма в биологии» (М.; Л., 1931). Продолжил Б. П. Токин и издательскую деятельность, став вместе с Н. К. Кольцовым и И. И. Аголом соредактором «Биологического журнала» (1932–1937).

В июне 1932 г. в личной жизни ученого произошли изменения: в семье Б. П. Токина и его жены, врача-хирурга Агнии Григорьевны Филатовой,

³⁹ СПбФ АРАН. Ф. 1132. Оп. 1. Дело «Моя жизнь и судьбы людские». Л. 168–170. Не будучи специалистом в данной области, автору статьи сложно судить о развитии этого направления в биологической науке, оставим это биологам; можно сделать только одну ремарку по вопросу изучения митогенетического излучения: за последние годы появляется все больше исследований. См., напр., работы М. Matsuhashi, A. N. Pankrushina, K. Endoh, H. Watanabe, H. Ohshima, M. Tobi, S. Endo, Y. Mano, M. Nyodo, T. Kaneko, S. Otani, S. Yoshimura «Bacillus carbonifillus cells respond to growth-promoting physical signals from cells of homologous and heterologous bacteria» (1996), М. В. Трушина «Роль видимого и инфракрасного света в регуляции роста *Escherichia coli*» (2003), И. В. Володяева «Сверхслабое излучение и оптическое взаимодействие яйцеклеток и зародышей шпорцевой лягушки» (2007), А. Б. Бурлакова, О. В. Бурлаковой, В. А. Голиченкова «Дистантные взаимовлияния биологических систем» (2012). При этом почти все они выполнены при крупных университетах или в учреждениях системы РАН. Значимость митогенетического излучения изучалась также и в условиях космического полета (эксперименты были включены в программу научно-прикладных исследований на пилотируемых космических комплексах на период с 2014 по 2020 г.): Рудный Е. Митогенетическое излучение Гурвича в современной биологии. URL: <http://blog.rudnyi.ru/ru/2016/04/mitogeneticheskoe-isluchenie-gurvicha.html> (дата обращения: 19.10.2021).

⁴⁰ СПбФ АРАН. Ф. 1132. Оп. 1. Дело «Моя жизнь и судьбы людские». Л. 143.

⁴¹ Брандгендлер Владимир Семенович (1901–1941) — фигура довольно одиозная, он окончил медицинский факультет 2-го МГУ в 1927 г., еще будучи студентом, активно вел партийную работу по заданиям райкома, с 1929 по 1932 г. учился на философском отделении Института красной профессуры, был членом бюро его партиячейки и деканом. В декабре 1932 г. начал работу в московском филиале ВИЭМ простым научным сотрудником, но скоро стал заведующим физиологической лабораторией. С 1935 г. переехал в ВИЭМ в Ленинграде. Являлся ярким представителем «нового, “пролетарского” сознания <...> опорой советской власти в массах. Государство целенаправленно выдвигало этих людей на смену старым “буржуазным” кадрам, и такая деталь, как окончание Института красной профессуры, была весомым плюсом». Ученую степень получил по совокупности восьми работ! (Назаров П. Г. Подробности ликвидации в ВИЭМ отдела общей биологии Э. С. Бауэра // Medline.ru : [медико-биологический информационный портал]. URL: <http://www.medline.ru/public/histm/medbuildings/iem1otd.phtml> (дата обращения: 19.10.2021).

родился первенец — сын Иван. который пойдет по стопам отца, сделает ряд открытий в области цитологии. С 1986 по 1997 г. И. П. Токин возглавлял созданную им кафедру управления медико-биологическими системами факультета прикладной математики и процессов управления ЛГУ/СПбГУ, затем, с 2005 г., руководил там же созданной им Лабораторией компьютерной микроскопии, где в настоящее время проводятся развернутые исследования по количественному анализу структурных изменений печени человека при заболеваниях гепатитами В и С⁴².

Карьера Б. П. Токина складывалась весьма успешно: в марте 1931 г. молодой ученый возглавил Биологический институт им. К. А. Тимирязева Коммунистической академии. Его назначению предшествовали увольнения ряда генетиков — В. Н. Сидорова, Л. В. Ферри, Н. П. Дубинина и др., но в мемуарах Б. П. Токин писал, что узнал об этом намного позже и не был к этому причастен⁴³. По институту ходили слухи, что «должен был прийти новый директор, Б. П. Токин, который предполагал поднять партийную линию работы в институте»⁴⁴. К концу 1920-х гг. институт, по мнению Б. П. Токина, уже считался «оплотом сторонников механистического материализма в естествознании. Из института выходила крикливая критика теории относительности Эйнштейна, ламаркизм⁴⁵ провозглашался научным направлением, якобы адекватным диалектическому материализму, печатались брошюры Лепешинской вроде “Развитие кости как диалектический процесс”, содержащей вульгаризацию положений марксистской философии»⁴⁶. Поэтому не удивительно, что деятельности института власти уделяли особое внимание. После всех изменений в институте осталось 48 сотрудников⁴⁷, но молодому директору⁴⁸ посчастливилось работать с выдающимися учеными Э. С. Бауэ-

⁴² Токин Иван Борисович // Санкт-Петербургский государственный университет. Факультет прикладной математики — процессов управления. URL: <http://www.apmath.spbu.ru/ru/staff/token/bio.html> (дата обращения: 19.10.2021).

⁴³ СПбФ АРАН. Ф. 1132. Оп. 1. Дело «Моя жизнь и судьбы людские». Л. 129. Возможно, это так и было, так как, например, к работе Л. В. Ферри Б. П. Токин относился с большим уважением. В военное время они вместе плодотворно работали в Томске, и Б. П. Токин в дальнейшем переживал, что не смог правильно оценить состояние коллеги, который покончил жизнь самоубийством (повесился в помещении бывшей малярной станции, которое было отдано под научную лабораторию), понимая, что он снова остается в Томске в научной изоляции после реэвакуации академических учреждений в столицу (Там же. Л. 247). Однако, как стало известно позднее, Л. В. Ферри, которому на тот момент исполнилось только 38 лет, ушел из жизни по другой причине: накануне гибели его вызвали в органы и принуждали стать донощиком, шантажируя женой и малолетней дочерью. См.: Николай Иванович Вавилов и страницы истории советской генетики. М., 2000. С. 112.

⁴⁴ Дубинин Н.П. Вечное движение. М., 1975. С. 104.

⁴⁵ Ламаркисты в качестве основной движущей силы эволюции рассматривали внутренне присущее организмам стремление к совершенствованию, основываясь на трактате Жан-Батиста Ламарка «Философия зоологии» (XVIII в.).

⁴⁶ СПбФ АРАН. Ф. 1132. Оп. 1. Дело «Моя жизнь и судьбы людские». Л. 144.

⁴⁷ Там же. Л. 129.

⁴⁸ Б. П. Токин сам признавался, что «во главе Института был поставлен я — тридцатилетний биолог, начинающий ученый, не обладающий достаточными знаниями, чтобы руководить таким своеобразным всесоюзного значения научным учреждением» (СПбФ АРАН. Ф. 1132. Оп. 1. Дело «Моя жизнь и судьбы людские». Л. 129).

ром, Е. Е. Успенским, М. М. Камшиловым и М. С. Мицкевичем, С. М. Гершензоном, М. С. Навашиным (сыном предыдущего директора Биологического института им. К. А. Тимирязева Коммунистической академии (БИКА) С. Г. Навашина). Средний возраст ученых тогда составлял от 30 до 40 лет. Совместно с М. М. Камшиловым и М. С. Мицкевичем Б. П. Токин создал в институте Отделение (лабораторию) механики развития животных организмов, проводя опыты по регенерации, разрабатывая вопросы синтеза генетики и эмбриологии. В Гистологическом отделении института в то время работала и О. Б. Лепешинская, сыгравшая немаловажную роль в разгрома биологической науки. В институте Б. П. Токин проработал до сентября (по другим данным — ноября) 1936 г., когда произошло его слияние с Институтом эволюционной морфологии им. А. Н. Северцова (в 1935 г., после переезда АН СССР в Москву, институт был передан в ее систему). Формально Токин числился там до 1938 г. и возглавлял Отделение онтогенеза животных, но в реальности был уже только консультантом, так как переехал в 1936 г. в Томск⁴⁹.

Детальное изучение вопроса с митогенетическими лучами подтолкнуло ученого в начале 1930-х гг. к разработке новой проблемы — онтогении клетки. Б. П. Токин старался найти причину деления клетки «не столько во внешнем раздражении, которым, с точки зрения Гурвича, являются митогенетические лучи, сколько во внутренних причинах, заложенных в процессе развития самой клетки»⁵⁰. Это направление, параллельно с продолжением изучения фитонцидов, останется основным на протяжении всей его научной карьеры.

Однако новое направление привело ученого в скором времени на «одну дорожку» с входящей в то время на научный олимп Ольгой Борисовной Лепешинской. В своих мемуарах Б. П. Токин посвятил ей не одну страницу, рассказывая и о личных встречах, и о научных спорах. С их спором на страницах журнала «Под знаменем марксизма» в 1936 г. можно ознакомиться, к примеру, в статье А. Е. Гайсиновича и Е. Б. Музруковой «“Учение” О. Б. Лепешинской о “живом веществе”». После статьи «“Отрывок” сердитого бессилия у Б. П. Токина вместо серьезных научных возражений (письмо в редакцию)» (Под знаменем марксизма. 1936. № 6) ученый посчитал делом чести ответить на подобную клевету и тоже опубликовал «Письмо в редакцию», где кроме всего прочего отнес взгляды О. Б. Лепешинской к «младенческому этапу в развитии науки», назвал стоящими на тот момент «за ее пределами»⁵¹. Полемика получила дальнейшее продолжение, когда в 1939 г. к столетнему юбилею клеточного учения О. Б. Лепешинская опубликовала обобщающую статью «Происхождение клетки», и в ней снова прошла по своим противникам: «Важнейший участок эволюционного учения — происхождение клеток из живого вещества — считается некоторыми реакционными учеными

⁴⁹ СПбФ АРАН. Ф. 1132. Оп. 1. Дело «Моя жизнь и судьбы людские». Л. 222.

⁵⁰ СПбФ АРАН. Ф. 1132. Оп. 1. Дело «Кольцов Н. К., проф. О научных работах Б. П. Токина». Л. 2.

⁵¹ Токин Б. П. По поводу выступления Ю. Шакселя и О. Лепешинской о политике и науке (письмо в редакцию) // Под знаменем марксизма. 1936. № 8. С. 166.

из современных биологов преднаучной фантазией, не подлежащей изучению (Кольцов, Навашин, Токин)⁵². Взаимные нападки продолжались много лет, особенно после публикации в 1945 г. монографии О. Б. Лепешинской «Происхождение клеток из живого вещества и роль живого вещества в организме» (М.; Л.). 7 июля 1948 г. в газете «Медицинский работник» была опубликована статья-рецензия «Об одной ненаучной концепции» за подписью 13 ленинградских биологов во главе с Н. Г. Хлопиным; среди авторов значились также Д. Н. Насонов, член-корреспондент АМН СССР П. Г. Светлов, профессора В. Я. Александров, Ш. Д. Галустян, Н. А. Гербильский, З. С. Кацнельсон, П. В. Макаров, Ю. И. Полянский, Б. П. Токин, доктора биологических наук А. Г. Кнорре, В. П. Михайлов, член-корреспондент АН СССР В. А. Догель. В статье «отмечались полная биологическая безграмотность автора, применение допотопных методик, недопустимая трактовка биогенетического закона <...> Выдавая совершенно изжитые и поэтому в научном отношении реакционные взгляды за передовые, революционные, Лепешинская вводит в заблуждение широкого читателя и дезориентирует учащуюся молодежь. Вопреки добрым намерениям автора, книга ее объективно могла бы только дискредитировать советскую науку...»⁵³. Увы, на пересмотр выдвинутой Лепешинской теории это выступление не повлияло, но все же сыграло свою положительную роль — помешало переизданию книги⁵⁴. В мемуарах Б. П. Токин писал, что с О. Б. Лепешинской «это была борьба собственно, не в науке, а борьба, скорее защита против страшного поведения Лепешинской, с ее клеветническими доносами в различные организации. Не только я оказался на страницах философского журнала “Под знаменем марксизма” “охвостом буржуазной профессуры”, но и любой другой ученый объявлялся ею реакционером, если он не соглашался с ее наивными фантазиями о происхождении клеток из “живого вещества”»⁵⁵.

В 1932 г. Б. П. Токин выступил организатором чествований 50-летия со дня смерти Ч. Дарвина, чьим поклонником он являлся. По итогам массовых заседаний в Москве и Ленинграде (в АН СССР, ВАСХНИЛ, Комакадемии, ОБМ, Союзе воинствующих безбожников) вышла серия публикаций докладов, часть из которых составили сборник «Учение Дарвина и марксизм-ленинизм» (издание «Партиздата», 1932) под редакцией руководителей ОБМ — Б. П. Токина и философа П. И. Валескална⁵⁶. Э. И. Колчинский в одной из статей, посвященных истории биологической науки в СССР, однако, особо отметил только работу ученых-немарксистов, работающих в недавно образованном Институте истории науки и техники: «в целом <...> работавшие в ИИНиТ марксисты, историки и философы биологии старались избегать поверхностных социологических и политических оценок и уделяли основное внимание когнитивной истории. В этом отношении их труды

⁵² Лепешинская О. Б. Происхождение клетки // Под знаменем марксизма. 1939. № 5. С. 130–131.

⁵³ Цит. по: Гайсинович А. Е., Музрукова Е. Б. «Учение» О. Б. Лепешинской...

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ СПбФ АРАН. Ф. 1132. Оп. 1. Дело «Моя жизнь и судьбы людские». Л. 171.

⁵⁶ Колчинский Э. И. Советские юбилеи Ч. Дарвина и лысенкоизм // Историко-биологические исследования. 2015. Т. 7, № 2. С. 13.

выгодно отличались от оголтелой позиции И. И. Презента, А. В. Альбенского, Б. Г. Поташниковой, Б. П. Токина и других лидеров Общества биологов-марксистов. Самое важное, что биологи-марксисты ИИНИТ прекрасно разбирались в современных проблемах биологии, а Ю. Шаксель был одним из лидеров современной эмбриологии. Поэтому они не отвергали данные науки в угоду идеологическим установкам»⁵⁷. В то же время сторонники ОБМ, «доказывая классовый характер эволюционных воззрений, <...> призывали к реконструкции дарвинизма на основе марксизма-ленинизма. В таком же духе была выдержана и статья ученого секретаря Ассоциации естественных наук П. П. Бондаренко и председателя ОБМ Б. П. Токина “Маркс, Энгельс и Ленин о Дарвине”»⁵⁸.

В марте 1934 г. Б. П. Токина избрали заместителем председателя Ассоциации эмбриологов, гистологов и анатомов на I Гистологической конференции в Москве. Председателем конференции был А. А. Заварзин, встреча с которым положительно повлияла на научное творчество Б. П. Токина. Сразу же после конференции, в апреле-мае, ученый совершил вояж с циклом лекций по городам Кавказа: Баку, Тбилиси и Еревану. И уже в ноябре его командировали в Англию для ознакомления с работой лабораторий Кембриджа и Оксфорда, где он проработал до марта 1935 г. В Кембридже он провел три месяца и работал в области эмбриологии на базе лаборатории К. Уоддингтона⁵⁹. Эта поездка произвела на Б. П. Токина большое впечатление, кроме того, он получил возможность посетить места, связанные с именем Ч. Дарвина, которым он восхищался как ученым.

В 1934 г. Б. П. Токина пригласили в редколлегию журнала «Архив анатомии, гистологии и эмбриологии», где он проработал до 1984 г. В 1935 г. ученый публикует свою вторую монографию — «Вопросы биологии» (Госиздат УзССР, Ташкент) и уже в ноябре Всесоюзный комитет по высшему техническому образованию при ЦИК СССР присваивает ему степень доктора биологических наук. Рецензентами были И. И. Шмальгаузен, Н. К. Кольцов и Н. М. Кулагин⁶⁰.

Молодого специалиста уже давно заметили во властных структурах, он являл собой эталонный пример возможностей, даваемых советской властью. В апреле 1936 г. Б. П. Токин становится ректором Томского государственного университета. Здесь он организовал кафедру механики развития животных при биологическом факультете, которую возглавлял до 1947 г., хотя уже с весны 1945 г. переехал в Ленинград (в Томск приезжал на лекции). В феврале 1937 г. ему присудили звание профессора по кафедре «Биология».

В середине 1930-х гг. Б. П. Токина как уже зарекомендовавшего себя специалиста назначили заместителем главного редактора (им был акад. В. Л. Комаров) издания сбораний сочинений К. А. Тимирязева в 10 томах⁶¹. Ученого-классика в те годы «продвигали» по принципу «прогрессивности»,

⁵⁷ Колчинский Э. И. Советские юбилеи Ч. Дарвина и лысенкоизм. С. 13.

⁵⁸ Там же. С. 16.

⁵⁹ Токин Борис Петрович // Мемориальный музей...

⁶⁰ СПбФ АРАН. Ф. 1132. Оп. 1. Дело «Моя жизнь и судьбы людские». Л. 121.

⁶¹ АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 1445. Л. 1–2.

как одного из борцов «с реакцией во всех ее обличьях»⁶². Работа растянулась на несколько лет и требовала большой отдачи. В одном из писем к В. Л. Комарову, 2 марта 1937 г., Б. П. Токин писал: «Особенно важно условиться о комментариях к “моему” тому: “Исторический метод в биологии”. Я уже написал в основном эти комментарии. Но, во-первых, много вопросов, в которых будет неизбежный перекрест с Вашими комментариями к тому “Чарльз Дарвин и его учение”. Во-вторых, мне очень хочется спросить Вашего совета по некоторым серьезным вопросам “своего тома”»⁶³. Однако так интенсивно начатая работа вскоре будет приостановлена.

Успешная карьера Б. П. Токина внезапно прервалась по обычной в те годы причине: в начале ноября 1937 г., по приказу наркома просвещения А. С. Бубнова (который сам уже был арестован в октябре), ученого сняли с должности ректора, оставив до февраля 1938 г. заведующим кафедрой дарвинизма и динамики развития организмов⁶⁴. 15 декабря 1937 г. Токина исключили из ВКП(б) с формулировкой «не внушающий политического доверия», «за связь с врагами народа и за развал работы в университете». 10 февраля 1938 г. Б. П. Токин был арестован и целый год находился под следствием, подвергаясь частым допросам. Ровно через год, 11 февраля 1939 г., его внезапно освободили, реабилитировали и восстановили в партии и на работе в университете⁶⁵. Ученому повезло — обвинение признали ложным и его освободили, вернув на работу в ТГУ, на кафедру анатомии, гистологии и эмбриологии (с марта). Почему после долгого разбирательства ученого все же решили помиловать? Возможно, сыграло роль то, что он не был замечен в выступлениях, расходящихся с «генеральной линией партии», а кроме того, его арест был инициирован А. С. Бубновым, который сам оказался «врагом народа».

Почти сразу же после освобождения Б. П. Токин пишет письма в редакцию «Классиков естествознания» и лично В. Л. Комарову о судьбе его комментариев к сочинениям К. А. Тимирязева. Оказалось, что к этому времени 6-й том сочинений уже вышел без его комментариев, которые отклонила редколлегия; главным редактором тома 2 марта 1938 г. был назначен сам В. Л. Комаров, ему принадлежало и краткое послесловие к тому. В письме из редакции, правда, указывалось, что формально Б. П. Токина из редколлегии издания не вывели, «редколлегия и издательство считались лишь с фактом прекращения с Вами всякой работы по собранию сочинений и отсутствием какой-либо связи с Вами»⁶⁶.

С началом Великой Отечественной войны оказался востребованным организаторский талант Б. П. Токина. Уже 27 июня 1941 г. его назначили председателем инициированного им же «Городского комитета ученых по содействию развитию предприятий промышленности и транспорта в военное

⁶² Музуркова Е. Б. Юлиус Шаксель. Жизнь и судьба // Историко-биологические исследования. 2013. Т. 5, № 3. С. 73.

⁶³ АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 1445. Л. 2.

⁶⁴ СПбФ АРАН. Ф. 1132. Оп. 1. Дело «Борис Петрович Токин. Автобиография». Л. 4.

⁶⁵ Там же. По другим данным, Б. П. Токина арестовали 9 февраля и выпустили в тот же день, через год. См.: Токин Борис Петрович // Мемориальный музей...

⁶⁶ АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 1445. Л. 4.

время»⁶⁷. 2 июля Б. П. Токин выступил с докладом «Отечественная война и задачи ученых». Томский комитет ученых объединил сотрудников вузов, которых из-за эвакуации в городе оказалось предостаточно. В первый в стране общественный комитет ученых вошли видные томские исследователи и специалисты — В. Д. Кузнецов, А. Г. Савиных, Д. Д. Яблоков, Н. И. Карташов, М. К. Коровин, В. Н. Кессених. В комитете работало до 300 человек, он координировал работу сотен ученых города разных специальностей по комплексному разрешению различных проблем. Ученые руководили производством боеприпасов, занимались изготовлением сложнейших военных приборов, доступных лекарств, поиском и разработкой месторождений полезных ископаемых. Во время войны оказалось востребовано и научное открытие Б. П. Токина — учение о фитонцидах. В 1942 г. вышла его брошюра «Бактерициды растительного происхождения», где он описывал опыты по противомикробному воздействию кашицы чеснока и лука на микроорганизмы. В военное время ученый рекомендовал применять кашицу, водные растворы тканевых соков, а также водную настойку наружных чешуй (20 г на 200 мл воды). Он утверждал, что под действием фитонцидов гибнут не только бактерии, но и микроскопические грибы и простейшие. Данное предложение широко использовалось в военных госпиталях: настой из чеснока и лука помогал обеззараживанию инфицированных ран в сложных полевых условиях и при лечении кишечных заболеваний.

В 1942 г. Б. П. Токин возглавил Лабораторию динамики развития Всесоюзного института экспериментальной медицины (ВИЭМ) (с 1945 г. — отдел морфологии), который находился в эвакуации в Томске. В 1945 г. его назначили заместителем председателя научного совета при Томском областном совете депутатов трудящихся и наградили медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» — за научно-организационную деятельность. В этом же году в связи с реэвакуацией ВИЭМа Б. П. Токин, при посредничестве А. А. Заварзина, переехал в Ленинград, где его приняли в институт заведующим лабораторией, а затем медико-биологическим отделом (1951–1955).

В апреле 1947 г. Б. П. Токина избрали почетным членом Томского общества испытателей природы. В 1948 г. он опубликовал монографию «Фитонциды», где доказывал универсальность этого явления абсолютно для всех растений — от бактериальной клетки до высшего цветкового растения. Труд высоко оценили, и уже в 1950 г. ученому присудили Сталинскую премию. Работа пользовалась успехом, и в 1951 г. вышло 2-е издание, а в 1956–1957 гг. ее перевели на немецкий и китайский языки. Сам ученый выделял три этапа в истории становления учения о фитонцидах: московский (1928–1936), когда он с коллегами создал теорию о роли фитонцидов в природе, сибирский (томский) (1936–1945), когда была сделана попытка использовать фитонциды в медицине, и ленинградский (1945–1954), завершающий, когда были сформулированы важнейшие принципы биологического учения о фитонцидах⁶⁸.

⁶⁷ См. подробнее: Томский комитет ученых в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: документы и материалы. Томск, 2015.

⁶⁸ СПбФ АРАН. Ф. 1132. Оп. 1. Дело «Моя жизнь и судьбы людские». Л. 304.

Ученого пригласили на работу в Ленинградский государственный университет, где он в 1949 г. организовал и возглавил кафедру эмбриологии, проработав там до самой смерти в 1984 г. После ухода Б. П. Токина кафедрой до 1987 г. заведовала его вторая жена — профессор Г. П. Короткова.

В 1950 г. Б. П. Токин вступил во Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний, в дальнейшем — Всесоюзное общество «Знание». В это время в СССР бушевала кампания борьбы с космополитизмом, быстро приобретающая антисемитский оттенок. Для биологической науки все началось с сессии ВАСХНИЛ в 1948 г., где лидирующие позиции заняли Т. Д. Лысенко и О. Б. Лепешинская. Решения сессии не один год продолжали оказывать пагубное влияние на развитие биологической науки, и в том числе на деятельность ВИЭМ. К сожалению, Б. П. Токин, поддавшись антисемитской агитации, тоже принял участие в этой кампании. В начале 1950 г. он обратился в ЦК ВКП(б) с письмом, где сообщал, что в Ленинграде с довоенных времен существует еврейская масонская ложа⁶⁹, председателем которой является один из основателей неовитализма, «наиболее реакционного идеалистического» учения, — А. Г. Гурвич, а секретарем — В. Я. Александров. Б. П. Токин сообщал, что В. Я. Александров после войны не разрушился⁷⁰, а в конце 1940-х гг. «сколотил» в ВИЭМ группу сионистского типа, в которую вошли директор института Д. Н. Насонов, профессора П. Г. Светлов, А. А. и А. Д. Брауны и другие ученые⁷¹. Стоило открыть «ящик Пандоры», как на руководство института посыпались аналогичные доносы и от других профессоров — С. Мусаэляна, А. Смирнова и т. д. На основании доносов была проведена чистка, за ее ходом следил Г. М. Маленков, и были приняты строгие меры по отношению к «провинившимся»: В. Я. Александрова (оказался евреем!) уволили из института, как и директора Д. Н. Насонова, которого не удалось записать в сионисты, но зато выяснили, что он родом из дворян⁷².

События того страшного времени были непредсказуемы: в фонде Б. П. Токина сохранилась его записка об «анонимке» Д. Н. Насонова, которую тот решил (или якобы решил) написать после выступления Б. П. Токина на расширенном заседании президиума Академии медицинских наук 9 сентября 1948 г. с критикой идеалистической философии А. Г. Гурвича. В конце сентября Д. Н. Насонов, по слухам, имел разговор с «обиженными»

⁶⁹ «Шаблоны» эпохи сильно проникли в мировоззрение ученого. Впрочем, этой болезнью страдала большая часть населения СССР. Уже в немного других, брежневских реалиях, менее кровавых и не смертельно опасных для миллионов, Б. П. Токин в мемуарах снова использует это определение, говоря о своих «идеологических противниках в науке»: «Уже с конца 1934 года Лысенко, сочетавший с И. Презентом, образовал “масонскую ложу” и начал мешать работать Н. И. Вавилову. Травля Вавилова, невежественные наскоки Лысенко и Презента оказались одним из слагаемых ухода из жизни одного из гениальнейших ученых нашего столетия и огромного гуманиста...» (СПбФ АРАН. Ф. 1132. Оп. 1. Дело «Моя жизнь и судьбы людские». Л. 162).

⁷⁰ Во время Великой Отечественной войны В. Я. Александров вместе с Д. Н. Насоновым передали полученную ими совместно Сталинскую премию в Фонд обороны.

⁷¹ См.: Владимир Яковлевич Александров. Биолог, мыслитель, боец: Путеводитель по работам В. Я. Александрова / сост. Н. И. Арронет. СПб., 2001. С. 227–228.

⁷² См.: *Костырченко Г. В.* В плену красного фараона: политические преследования евреев в последнее сталинское десятилетие. М., 1994. С. 290–291.

выступлением Б. П. Токина сотрудниками Научно-исследовательского института экспериментальной медицины АМН СССР (ИЭМ) и интересовался, есть ли что-то в работах биолога за 1931–1935 гг., что не согласовалось бы с докладом Т. Д. Лысенко в августе 1948 г. Подобное анонимное письмо с «выдернутыми цитатами из контекста» было составлено, но о нем стало известно Б. П. Токину, и он сам посылает академику-секретарю Академии медицинских наук С. А. Саркисову свои работы как приложение к письму. Ученый не исключал, что подобная ситуация могла сложиться в свете предстоящих выборов в Академию, куда Д. Н. Насонов выдвигал В. Я. Александрова, чьей кандидатуре Б. П. Токин на заседании партбюро 20 ноября 1948 г., вместе с другими сотрудниками ИЭМ, дал отвод. На повторном заседании партбюро, 24 ноября, Д. Н. Насонов прочитал анонимное письмо. В записях, в которых Б. П. Токин фиксировал все перипетии этого дела, он не раз повторял, что не хотел баллотироваться в члены-корреспонденты и просил снять его кандидатуру, но получал отказ от партбюро. Эта история продлилась до начала 1950 г., когда он снова отправил письмо С. А. Саркисову и в Бюро парторганизации ИЭМ АМН СССР с отказом, так как директор института Д. Н. Насонов не хочет его продвигать, а «забаллотирование меня в АМН не может принести пользы парторганизации, выдвинувшей мою кандидатуру, а мне создаст дополнительные трудности в разработке выдвинутых мною в науке проблем»⁷³.

В 1951 г. Б. П. Токин опубликовал новую монографию — «Губители микробов — фитонциды» (2-е изд. — в 1954 г., 3-е — в 1960 г.). На следующий год произошли изменения и в личной жизни: Борис Петрович женился на своей коллеге и соавторе ряда работ Галине Павловне Коротковой.

Б. П. Токин активно пропагандировал свое открытие и выступил инициатором, а затем и организатором I Всесоюзного совещания по фитонцидам, которое провели в Ленинграде. В последующие годы совещания проводились в разных городах СССР. Одновременно с темой фитонцидов ученый погрузился в изучение эмбриологии и уже в 1955 г. издал монографию «Эмбриональное развитие и иммунитет зародышей», которую в 1960 г. перевели на китайский язык. Для того времени это было новое направление в эмбриологических исследованиях, на стыке между эмбриологией и иммунологией, при этом важное для обеих дисциплин. Ученому удалось, подойдя «к вопросам иммунитета с широких общебиологических позиций, показать, что значение явлений фагоцитоза, иммунитета и т. д. в эмбриональном развитии значительно шире, оно отнюдь не сводится к решению задач защиты развивающегося зародыша. А в большой степени охватывает и сами формообразовательные процессы с их причинной обусловленностью. Книга убедительно демонстрирует, что вопросы иммунитета зародышей органически входят в эмбриологию как одна из ее важнейших глав»⁷⁴. Работы Б. П. Токина получили признание за рубежом, и уже в 1957 г. он посетил Чехословакию по приглашению Академии наук ЧССР для прочтения серии научных докла-

⁷³ СПбФ АРАН. Ф. 1132. Оп. 1. Дело «Документы о деятельности в АМН СССР». Л. 1–3 об., 5–5 об.

⁷⁴ СПбФ АРАН. Ф. 1132. Оп. 1. Дело «Кнорре А. Г. “Эмбриональное развитие и иммунитет зародышей”. Отзыв». Л. 1.

дов по этой теме. В том же году его наградили орденом Трудового Красного Знамени. В 1958 г. Б. П. Токина пригласили на XV Международный конгресс зоологов в Лондоне, посвященный 100-летию учения Ч. Дарвина, вошел он и в состав редколлегии журнала «Биологические науки», проработав в ней до 1984 г. 1959 г. оказался насыщенным: ученого пригласили в Венгрию (в следующем году состоится вторая поездка), затем — в Гарвардский университет в США (в составе делегации ученых ЛГУ)⁷⁵; вышла вторая книга об эмбриогенезе — «Регенерация и соматический эмбриогенез», которую научное сообщество, несмотря на ряд спорных вопросов, также оценило, и в 1960 г. Б. П. Токину присудили премию ЛГУ; он основал и возглавил Лабораторию эмбриологии в Мурманском морском биологическом институте АН СССР в Дальних Зеленцах, оставаясь ее главой семь лет⁷⁶.

В 1961 г. Б. П. Токину присвоили звание заслуженного деятеля науки РСФСР⁷⁷. В следующем году у Б. П. Токина и Г. П. Коротковой родилась дочь Дарья, которая пойдет по стопам родителей и станет биологом. Ученый выступил инициатором и организатором 4-го Всесоюзного совещания эмбриологов и снова посетил Венгрию. В 1963 г. в свет вышло первое издание его монографии «Теоретическая биология и творчество Э. С. Бауэра». Второе издание и перевод на венгерский язык состоятся уже через два года.

В 1964 г. Б. П. Токина по обмену учеными пригласили в Швецию, где он читал лекции, а через два года — в Японию, в 1967 г. — в Норвегию с циклом лекций по эмбриологии⁷⁸. В 1966 г. вышло первое издание его знаменитого учебника «Общая эмбриология» (2-е изд. — в 1970 г., 3-е — в 1977 г.). В том же году ему предложили возглавить Ленинградское общество испытателей природы, где он останется президентом до своей смерти. В 1967 г. вышло первое издание монографии Б. П. Токина «Целебные яды растений. Повесть о фитонцидах» (2-е изд. — в 1974 г., 3-е — в 1980 г.), за которую он получил орден Ленина. В 1968 г. ученый снова получил премию ЛГУ за учебник «Общая эмбриология» и был награжден медалью «50 лет Вооруженных Сил СССР», памятным знаком ЦК ВЛКСМ «50 лет с именем В. И. Ленина».

В 1960-е гг. в Вольске поднялся интерес к истории города и Саратовского края. Известному на весь мир земляку власти Вольска присвоили звание почетного гражданина города — 20 апреля 1970 г.⁷⁹, его пригласили на встречу с жителями города, посетить родные места. Б. П. Токин стал первым почетным гражданином Вольска. Ученый с энтузиазмом принял приглашение, у него завязались дружеские отношения с краеведами города, которые продлились долгие годы. Кроме Вольска его ждали и в Западном Берлине, куда он приехал по обмену учеными между ЛГУ и Свободным университетом Берлина. В 1970 г. ученый отпраздновал 70-летний юбилей и 40-летие научной деятельности, получив юбилейную медаль «За доблестный труд».

⁷⁵ СПбФ АРАН. Ф. 1132. Оп. 1. Дело «Борис Петрович Токин. Автобиография». Л. 6.

⁷⁶ В 1972–1980 гг. сын биолога, И. Б. Токин, также возглавлял Мурманский морской биологический институт Кольского филиала АН СССР.

⁷⁷ СПбФ АРАН. Ф. 1132. Оп. 1. Дело «Борис Петрович Токин. Автобиография». Л. 6.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ СПбФ АРАН. Ф. 1132. Оп. 1. Дело «Извещение Вольского городского комитета на имя Б. П. Токина о присвоении ему звания Почетного гражданина». Л. 1.

В этом же году его ввели в состав редколлегии журнала «Онтогенез» (до 1984 г.). 1971 г. ознаменовался сразу тремя наградами — вторым орденом Ленина, Золотой медалью «Серп и Молот» и присвоением звания Героя Социалистического Труда.

В 1975 г. Б. П. Токин снова выступил в роли организатора 5-го Всесоюзного совещания эмбриологов, кроме того, его назначили заместителем председателя (на тот момент М. В. Гусев) Научно-методического совета по высшему биологическому образованию при Министерстве высшего и среднего специального образования СССР.

Совместно с Г. П. Коротковой Б. П. Токин создал учение о соматическом эмбриогенезе — развитии нового индивида из соматических клеток при восстановительных реакциях у животных. В 1977 г. авторы опубликовали методологическую работу «Эмбриология и генетика». Официальные отзывы на эту книгу, в принципе, известны, интересно дать несколько отзывов, присланных авторам от их знакомых: «В общем, я получаю огромное удовольствие от чтения. Впечатление, что после бесконечного концерта шумовой музыки попал на симфонический классической» (В. Голиченков); «...весьма существенно, что в нем не просто возврат к прежним синтетическим суждениям, а новый подход, новые концепции, — а синтез — их результат <...> Вместе с тем грустно сознавать, что одной из возможных причин ее написания является состояние дел и не дел в современной эмбриологии, какое-то восторженное непонимание общих основ и шумиха вокруг “биологии развития”, отошедшей от хорошей эмбриологии» (Ю. А. Захваткин); «Я прочитал ее уже два раза и просто восхищаюсь Вашим мастерством и, повторюсь, удивительной смелостью. Книга написана для специалистов, профессионально, читать ее, конечно, весьма трудно. Но именно так и нужно рассматривать спорные вопросы. <...> Ваша работа великолепна и она должна послужить поводом для широкой дискуссии по ряду проблем генетики, эмбриологии, физиологии, биохимии, дарвинизма и общей биологии» (С. А. Якушев)⁸⁰. В 1980 г. вышли в свет на японском языке совместная работа с К. Камиями «Удивительная сила растений — фитонциды» и третье издание работы Б. П. Токина «Целебные яды растений». В этот год Академия наук Эстонской ССР удостоила его памятной медали им. К. М. Бэра, вручили ему и орден Октябрьской Революции. В 1984 г. ученый стал лауреатом Государственной премии СССР за учебник «Общая эмбриология» (3-е изд. М., 1977).

К 1980-м гг. Б. П. Токин опубликовал почти 300 статей и книг, основной темой которых были фитонциды и вопросы эмбриологии; под его руководством защищено около 50 диссертаций на соискание ученой степени кандидата биологических наук и 10 докторских⁸¹.

В своих мемуарах биолог задал сам себе вопрос: «Горевать ли мне за ошибки, за детскую левизну в коммунизме, случившуюся в 30-х годах? Гордиться тем, что в годы научной юности возникали и превосходили меня мысли. Например, по вопросам о человеке как факторе эволюции

⁸⁰ СПбФ АРАН. Ф. 1132. Оп. 1. Дело «О монографии “Эмбриология и генетика”». Л. 10 – 10 об., 11, 13.

⁸¹ СПбФ АРАН. Ф. 1132. Оп. 1. Дело «Борис Петрович Токин. Автобиография». Л. 6.

органического мира, или по вопросам эволюции? Я был дитя бурной эпохи. Над ошибками того времени было бы бессовестно насмехаться, ибо (из песни слов “не выкинешь”) — это были эпизоды на общем фоне героического становления молодой советской интеллигенции. Счастлив я тем, что в научной юности оказался рядом с виднейшими деятелями науки, видел, слушал их, слушал и не слушался. С превеликой благодарностью вспоминаю М. М. Завадовского, Н. К. Кольцова, И. И. Шмальгаузена, А. Н. Северцова и других звезд в науке»⁸².

В ближайшие годы для историков биологической науки будет много работы, так как в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН станут доступны для исследователей фонды крупных биологов и историков биологической науки XX в. К. М. Завадского и Б. П. Токина. Материалы этих интересных фондов позволят значительно расширить источниковую базу о событиях в биологической науке 1930–60-х гг.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АМН СССР — Академия медицинских наук Союза Советских Социалистических Республик
АН ЧССР — Академия наук Чехословацкой Социалистической Республики
АРАН — Архив Российской академии наук
БИКА — Биологический институт им. К. А. Тимирязева Коммунистической академии
ВАСХНИЛ — Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук им. В. И. Ленина
ВИЭМ / ИЭМ — Всесоюзный институт экспериментальной медицины (с 1944 г. — Научно-исследовательский институт экспериментальной медицины АМН СССР)
ВЛКСМ — Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи
ИИНИТ — Институт истории науки и техники
ЛГУ/СПбГУ — Ленинградский/Санкт-Петербургский государственный университет
МГУ — Московский государственный университет
НКВД — Народный комиссариат внутренних дел
ОБМ — Общество биологов-материалистов
РАНХИГС — Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
ТГУ — Томский государственный университет
ЦИК СССР — Центральный исполнительный комитет СССР

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 1445.
СПбФ АРАН. Ф. 1132. Оп. 1. Дела: «Борис Петрович Токин. Автобиография»; «Моя жизнь и судьбы людские»; «Извещение Вольского городского комитета на имя Б. П. Токина о присвоении ему звания Почетного гражданина»; «Кольцов Н. К., проф. О научных работах Б. П. Токина»; «Кнорре А. Г. “Эмбриональное развитие и иммунитет зародышей”. Отзыв»; «О монографии “Эмбриология и генетика”»; «Документы о деятельности в АМН СССР».

⁸² СПбФ АРАН. Ф. 1132. Оп. 1. Дело «Моя жизнь и судьбы людские». Л. 160.

- Владимир Яковлевич Александров. Биолог, мыслитель, боец: Путеводитель по работам В. Я. Александрова / сост. Н. И. Арронет. СПб., 2001.
- Гайсинович А. Е., Музрукова Е. Б. «Учение» О. Б. Лепешинской о «живом веществе». URL: <http://old.ihst.ru/projects/sohist/books/os/71-90.htm> (дата обращения: 19.10.2021).
- Дубинин Н. П. Вечное движение. М., 1975.
- Интернет-музей Поволжского института управления им. П. А. Столыпина — филиала РАНХиГС. URL: http://komvuz.ru/prepod_soku_6/ (дата обращения: 19.10.2021).
- Колчинский Э. И. История биологии в Санкт-Петербурге: истоки, традиции и новации // Историко-биологические исследования. 2013. Т. 5, № 3. С. 9–42.
- Колчинский Э. И. Советские юбилеи Ч. Дарвина и лысенкоизм // Историко-биологические исследования. 2015. Т. 7, № 2. С. 10–52.
- Короткова Г. П. Научное творчество Б. П. Токина // Б. П. Токин — ученый и гражданин: сб. ст. Л., 1988. С. 50–79. (Труды Ленинградского общества естествоиспытателей. Т. 88. Вып. 1).
- Костырченко Г. В. В плену красного фараона: политические преследования евреев в последнее сталинское десятилетие. М., 1994.
- Лепешинская О. Б. Фило- и онтогенез клетки // Под знаменем марксизма. 1935. № 2. С. 177–192.
- Лепешинская О. Б. «Отрыжка» сердитого бессилия у Б. П. Токина вместо серьезных научных возражений (письмо в редакцию) // Под знаменем марксизма. 1936. № 6. С. 206–208.
- Лепешинская О. Б. Происхождение клетки // Под знаменем марксизма. 1939. № 5. С. 130–145.
- Музрукова Е. Б. Юлиус Шаксель. Жизнь и судьба // Историко-биологические исследования. 2013. Т. 5, № 3. С. 72–80.
- Назаров П. Г. Подробности ликвидации в ВИЭМ отдела общей биологии Э. С. Бауэра // Medline.ru : [медико-биологический информационный портал]. URL: <http://www.medline.ru/public/histm/medbuildings/iem1otd.phtml> (дата обращения: 19.10.2021).
- Николай Иванович Вавилов и страницы истории советской генетики. М., 2000.
- Рудный Е. Митогенетическое изучение Гурвича в современной биологии. URL: <http://blog.rudnyi.ru/ru/2016/04/mitogeneticheskoe-isluchenie-gurvicha.html> (дата обращения: 19.10.2021).
- Токин Б. П. По поводу выступления Ю. Шакселя и О. Лепешинской о политике и науке (письмо в редакцию) // Под знаменем марксизма. 1936. № 8. С. 166–169.
- Токин Борис Петрович // Мемориальный музей «Следственная тюрьма НКВД». URL: <http://nkvd.tomsk.ru/researches/passional/tokin-boris-petrovich/> (дата обращения: 19.10.2021).
- Токин Борис Петрович // Электронная энциклопедия Томского государственного университета. URL: http://wiki.tsu.ru/wiki/index.php/%D0%A2%D0%BE%D0%BA%D0%B8%D0%BD_%D0%91%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%81_%D0%9F%D0%B5%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87 (дата обращения: 19.10.2021).
- Токин Иван Борисович // Санкт-Петербургский государственный университет. Факультет прикладной математики — процессов управления. URL: <http://www.apmath.srbu.ru/ru/staff/tokin/bio.html> (дата обращения: 19.10.2021).
- Томский комитет ученых в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: документы и материалы. Томск, 2015.
- Фоминых С. Ф., Степнов А. О. Томский период жизни профессора Б. П. Токина // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 391. С. 148–154.

**ПРОБЛЕМЫ КОНСЕРВАЦИИ
И РЕСТАВРАЦИИ АРХИВНЫХ
И БИБЛИОТЕЧНЫХ ФОНДОВ**

Е. С. Быстрова, Е. М. Лоцманова
Федеральный центр консервации библиотечных фондов
Российской национальной библиотеки

МНОГООБРАЗИЕ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ И ОСНОВНЫЕ ВИДЫ ИХ ПОВРЕЖДЕНИЙ. ЭКСПЕРТНЫЙ ПОДХОД

Отдел рукописей РНБ располагает богатым собранием архивов XVIII–XXI вв. Это личные архивные фонды, документы учреждений, разнообразные коллекции и отдельные поступления. Как правило, состав документов архивов весьма неоднородный: это письма и дневники, официальные бумаги и альбомы, рисунки и фотографии. Повреждения могут быть обусловлены не только характером бытования, последующего хранения и использования, но и спецификой самих документов (видом материала носителя и записи информации, наличием вложений, в том числе растительных). В ходе экспертной оценки составляются паспорта состояния документов, разработанные для каждой конкретной коллекции с учетом ее специфики. На основе паспортов формируется электронная база. Для характеристики состояния документа используются методы, основанные на исследовании микропроб, и неразрушающие методы (химические, оптические, анализ цифровых изображений).

Ключевые слова: архив, повреждения документов, экспертиза, состав по волокну, неразрушающие методы, фазовое хранение.

E. S. Bystrova, E. M. Lotsmanova
Federal Centre for Conservation of Library Collections of
the Russian National Library

THE VARIETY OF ARCHIVAL DOCUMENTS AND THEIR MAIN DAMAGE TYPES. EXPERT APPROACH

The Department of Manuscripts of the Russian National Library has a rich collection of archives of the 18th – 21st centuries. These are personal and institutional archival collections, a variety of other holdings as well as separate arrivals. As a rule, the composition of archival documents is quite diverse: letters and diaries, official papers and albums, drawings and photographs. Damage can be caused not only by nature of existence, storage or use, but also by specific features of the documents themselves (material type, information record and presence of attachments, including plants). In the course of expert assessment, passports of documents' condition are drawn up, being developed for each specific collection. An electronic database is formed on the basis of the passports. To characterize the condition of a document, methods based on the study of micro-samples as well as non-destructive methods (chemical, optical, digital image analysis) are used.

Key words: archive, document damage, expertise, fiber composition, non-destructive methods, phase storage.

Название «архив» появилось в русском законодательстве впервые при императоре Петре I, но представление о хранении актов и создание различных способов такого хранения известны в России издавна — с тех пор, как начали распространяться письменные акты и потребовалось их хранить. Архивом называют как учреждение, осуществляющее хранение, учет и использование архивных документов, так и собрание письменных памятников, относящихся к деятельности какого-нибудь учреждения или лица. Сектор архивных фондов Отдела рукописей РНБ на сегодняшний день состоит из 1352 фондов. Они содержат разные по типу и жанру документы в широком хронологическом диапазоне XIII–XXI вв.: русские акты и грамоты, русские архивные документы, музыкальные, картографические и изобразительные материалы.

В Отделе хранятся родовые архивы многих известных дворянских фамилий, редкие автографы выдающихся исторических деятелей, отчеты о работе различных учреждений, уникальные материалы по истории Русской православной церкви. Отдел рукописей РНБ занимает одно из первых мест по числу, ценности и разнообразию хранящихся в нем автографов русских писателей и поэтов XVIII–XXI вв. Отдел обладает крупнейшим в России собранием дневников и воспоминаний XVIII–XX вв. лиц разных профессий и различного социального положения.

Многие архивные материалы интенсивно используются при подготовке различных научных изданий, собраний сочинений классиков, энциклопедий, справочников, специальных исследований. Документы фонда экспонируются на различных выставках в России и за рубежом, широко используются для иллюстрирования изданий исторического и литературного наследия.

В Российской национальной библиотеке начата около 20 лет назад и продолжается в настоящий момент работа по обследованию фондов и созданию электронных баз данных уникальных документов. Экспертный подход заключался в визуальной оценке степени сохранности экземпляров и их инструментальных исследованиях. В ходе обследования выявляли документы, требующие срочной реставрации листов и переплета либо проведения специальных консервационных мероприятий. Базы данных разработаны на основе программного пакета MS ACCESS.

Паспорт сохранности документа в базе состоит из четырех разделов:

1. Библиографическое описание документа.
2. Сведения об особых характеристиках документа, носителе и материале записи информации, блоке, переплете.
3. Степень повреждений носителя и материала записи информации, блока, переплета.
4. Общая сохранность документа и рекомендации по консервации.

При обследовании коллекций оценивали состояние каждого документа. Визуальную оценку сохранности выполняли по балльной системе с присвоением степени повреждения от 0 до 3 баллов. Для листовых документов отдельно рассматривали повреждения носителя и материала записи информации. Для носителя информации отмечали: механические повреждения (деформации, разрывы, утраты, потертости, заломы), физико-химические (foxing, изменение цвета, затеки, пятна, общее загрязнение) и биологические

(пигментация, плесневый налет, деструкция, повреждение насекомыми и грызунами). Для материала записи информации указывались: растекание, выцветание, осыпание красочного слоя, ореолы вокруг букв, угасание, переход на оборот листа и на соседний лист. Если документы представляли собой книги, в паспорт вносили информацию о механических, физико-химических и биологических повреждениях книжного блока и переплета¹.

Ниже представлены результаты мониторинга личных архивов и некоторых других архивных коллекций, отмечены особенности документов, характерные повреждения, условия хранения.

Архив оперной певицы и педагога Лидии Дмитриевны Кобеляцкой-Ильиной (1874–1947) состоит из 213 документов. Это разнообразные материалы, отражающие главным образом артистическую деятельность Л. Д. Кобеляцкой-Ильиной. В их числе — программы, афиши, отзывы, рецензии, списки репертуаров, переписка. В состав фонда входят автографы музыкальных произведений как Л. Д. Кобеляцкой-Ильиной, так и других лиц. Это нотные тетради в бумажной обложке с записями тушью и карандашом. Есть также печатные ноты, альбомы, книги с дарственными надписями и несколько писем. В архиве имеются 49 студийных и любительских фотографий. Есть и рисунки, как отдельные, так и вклеенные в альбомы².

Архив М. М. Курбанова, инженера и музыковеда, состоит из 352 документов. Он включает биографические и служебные материалы: дневники, свидетельства о наградах, справки, удостоверения. Здесь же тексты лекций и докладов М. М. Курбанова, большое количество конспектов и выписок. Они частью оформлены как сшитые и несшитые тетради, частью представляют собой листовую материал. Многие записи сделаны на неиспользованных бланках различных ведомств широкого временного периода. Документы выполнены на бумаге, сильно различающейся по качеству. Большинство из них рукописные, но есть и экземпляры, отпечатанные на пишущей машинке и в типографии печатной краской. В состав фонда входят также альбомы, газетные и журнальные вырезки, открытки, письма, фотографии, небольшое количество любительских рисунков.

Для документов указанных архивов наиболее распространены следующие механические и физико-химические повреждения носителя информации: разрывы, заломы, потертости, общее загрязнение, пятна, затеки, изменение цвета. Часто встречается умеренный переход на оборот листа материалов записи информации, таких как железо-галловые чернила и печатная краска, а также их угасание. Есть редкие случаи перехода на соседний лист, выпадения строчных мест под штрихами железо-галловых чернил. Характерное повреждение записей, выполненных графитовым карандашом, — истирание и осыпание, что обусловлено слоистой структурой минерала графита. Повреждения фотографий незначительны: одни отслаиваются от паспарту, на других со временем образовался налет серебра.

¹ Лоцманова Е. М., Быстрова Е. С. Атлас повреждений бумаги, блока, переплета библиотечных и архивных материалов. СПб., 2011.

² Быстрова Е. С., Лоцманова Е. М., Рамазанова Н. В. Обследование состояния архива Л. Д. Кобеляцкой-Ильиной из собрания Сектора архивных фондов Отдела рукописей РНБ // Фотография. Изображение. Документ. 2018. Вып. 8. С. 46–50.

У документов в переплете наблюдаются незначительная деформация блока и нарушение шитья, загрязнение и потертости крытья. Выявлено изменение цвета (пожелтение) бумаги тетрадей в местах контакта с газетными вырезками.

Документы хранятся в папках из низкокачественной бумаги и картона, содержащих древесную массу. Документы непосредственно соприкасаются с листами использования. Такое хранение было организовано в начале 1960-х гг. при поступлении фондов в Отдел рукописей.

Коллекция альбомов из Собрания отдельных поступлений включает 180 документов, созданных в XIX — начале XX в., и состоит из двух подразделов: сборники и альбомы. В первый подраздел входят рукописные сборники стихотворных, прозаических и драматических произведений российских и зарубежных авторов. Сюда же относятся сборники исторических анекдотов, текстов песен, религиозно-нравственных рассуждений. Сборники представляют собой сшитые и не сшитые тетради без переплета. Во второй подраздел коллекции входят непосредственно альбомы. Их содержание весьма разнообразно: это памятные записи в прозе и стихах различных лиц, фотографии, рисунки, вырезки из газет и журналов. Альбомы — тома с картонными крышками, обтянутыми кожей, бумагой либо тканью. Большинство документов выполнено на тряпичной бумаге железо-галловыми чернилами и тушью. Кроме текстовой части документы содержат рисунки графитовым карандашом, тушью, акварелью, лаком, аппликации, растительные вложения.

Наиболее распространены следующие механические и физико-химические повреждения носителя информации: общее загрязнение, затеки, пятна, изменение цвета. Некоторые документы повреждены насекомыми: присутствуют засиды мух и отверстия, проделанные личинками. Повреждения микроскопическими грибами редки, это незначительная пигментация. Часто встречаются умеренный переход на оборот листа железо-галловых чернил, а также их угасание. Наблюдаются деформация блока и крышек, выпадение блока, загрязнение, потертости и разрывы крытья.

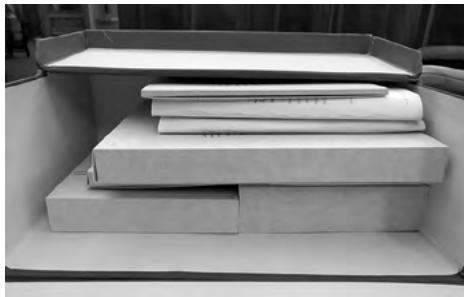
Документы помещены в папки из картона, содержащего древесную массу, причем размер папок не соответствует размеру документов. В данный момент идет перемещение альбомов в контейнеры из бескислотного картона, что позволит организовать бережное и рациональное хранение и сократить место, занимаемое документами (рис. 1).

В библиотеках, музеях, частных коллекциях хранятся документы, отличающиеся тем, что иллюстрациями к тексту, закладками, основными объектами в них иногда являются засушенные растения. Документ повреждают как листья и стебли растений, так и различные соцветия, поскольку в состав растений входят такие соединения, как сахара, углеводы, алкалоиды, альдегиды, органические кислоты, дубильные вещества, высшие жирные кислоты и другие вещества. Кроме того, лепестки цветов содержат пигменты, обуславливающие их окраску: антоциан (розовая, красная, синяя, фиолетовая), каротиноиды (желтая, оранжевая, красная), антофеин (коричневая). В процессе хранения происходят их химические превращения с образованием веществ, способствующих деструкции бумаги документа. Основными повреждениями бумаги являются побурение участков страниц, соприкасающихся

с растением, с переходом на оборот листа (рис. 2). Сами растения являются хрупкими объектами, и, как правило, от них отделяются фрагменты, которые скапливаются у корешка.

а)

б)

Рис. 1. Организация хранения документов из коллекции альбомов:
а) 1950-е гг.; б) 2010-е гг.

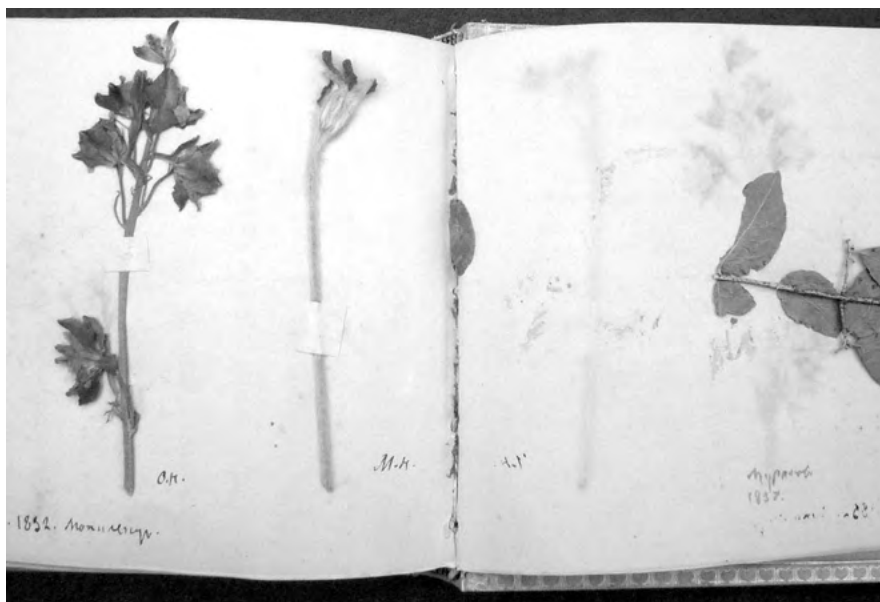

Рис. 2. Побурение участков страницы,
соприкасающихся с растительными вложениями

Один из таких документов — альбом В. А. Жуковского, относящийся к его путешествию за границу в 1821–1822 и 1826–1827 гг. Листья, цветы и травы вставлены в прорези листов или закреплены полосками бумаги. Они помещены в альбом, видимо, еще не засушенными. Идентифицированы: кукушкины слезки, цветки анютиных глазок и роз, листья липы, клубники, шиповника. Наблюдается побурение бумаги под ними, на обороте, на соседней странице.

Другой обследованный документ — альбом «Fleurs et photographies de terre sante», изготовленный в Иерусалиме в начале XX в. Альбом состоит из толстых картонных листов. На развороте слева размещены цветные фотографии видов Святой земли, справа — аппликации из высушенных цветов и трав, большинство завес из тонкой бумаги между ними утрачены. Аппликации частично осыпались, частицы растений скопились у корешка. Наблюдается побурение соседнего листа в местах соприкосновения с бордовыми и фиолетовыми цветами и некоторыми травами. Переход особенно хорошо заметен на сохранившихся завесах. Для нейтрализации негативного влияния вложений можно рекомендовать закрывать их тонкой реставрационной бумагой.

Одним из раритетных собраний Отдела рукописей Российской национальной библиотеки является коллекция восковых грампластинок архива Элинор Иогансон, на которых представлены записи 1928–1930 гг., преимущественно немецкого песенного фольклора. Коллекция состоит из 70 пластинок.

Пластинки представляют собой слой воска, нанесенный на бумагу-основу. Восковой слой — красного, светло- или темно-терракотового цвета с глянцевыми и матовыми участками. Пластинки помещены в бумажные конверты. Часть из них — оригинальные «Beck-Record» и «Odeon», часть — современные канцелярские, не соответствующие размеру пластинок. Все документы находились в контейнере в горизонтальном положении. Через каждые 5–7 конвертов размещались листы гофрированного картона.

Основными повреждениями воскового слоя являются незначительные утраты по периметру, не затрагивающие звуковых дорожек; царапины, трещины и вмятины; небольшие посторонние включения. Наблюдается деформация всей пластинки — небольшая выпуклость от краев к центру. Это могло вызвать растрескивание воска, которое наблюдается у ряда пластинок.

К повреждениям бумаги-основы относятся пожелтение и легкое загрязнение, в том числе частицами воска. На некоторых пластинках со стороны бумаги обнаружены чередующиеся полосы темно- и светло-желтого цвета. Причина их возникновения — соприкосновение с гофрированным слоем гофрокартона. Низкое значение рН гофрированного слоя явилось фактором ускорения деструкции бумаги-основы. Отмечены такие повреждения материала записи информации, как легкое угасание чернил, ореолы вокруг букв, написанных железо-галловыми чернилами³.

Для обеспечения фазового хранения восковых грампластинок изготовлены папки из бескислотного картона СКБ. Пластинки дополнительно обернуты в микалентную бумагу. Папки с пластинками помещены по 5 шт. в футляры, которые располагаются в коробе из бескислотного картона отечественного производства.

³ Лоцманова Е. М., Быстрова Е. С., Жемайтис С. Г. Обследование и организация фазового хранения коллекции восковых грампластинок из Отдела рукописей РНБ. Создание электронной базы данных «Восковые грампластинки» // Исследования в консервации культурного наследия : материалы Международной научно-практической конференции, 9–11 ноября 2010 г. М., 2010. С. 148–151.

В процессе оценки сохранности документов Отдела рукописей РНБ отбирались микропробы первичной и вторичной упаковки. Для оценки возможности дальнейшего использования этих материалов при хранении рукописей выполнялись микрохимические исследования. В лабораторных условиях измерялась кислотность образцов, определялся композиционный состав бумаги и картона упаковки. Выполнялись фотографии документов и упаковки. В этом случае цифровые изображения поврежденных и неповрежденных участков использовались для оценки колориметрических характеристик и степени повреждения. На основании исследований рекомендованы методы консервации для конкретных коллекций, в том числе по замене материалов для хранения документов.

Обычно документы хранятся в коробах, они дополнительно помещены в первичную упаковку из бумаги и картона (папки, конверты) разного качества и времени изготовления — со второй половины XIX в. до середины XX в. (рис. 3). В непосредственном соприкосновении с документами и первичной упаковкой находятся свидетельства читательского спроса: карточки выдачи и листы использования рукописей, которые стали вкладывать начиная с 1950-х гг., закладки.

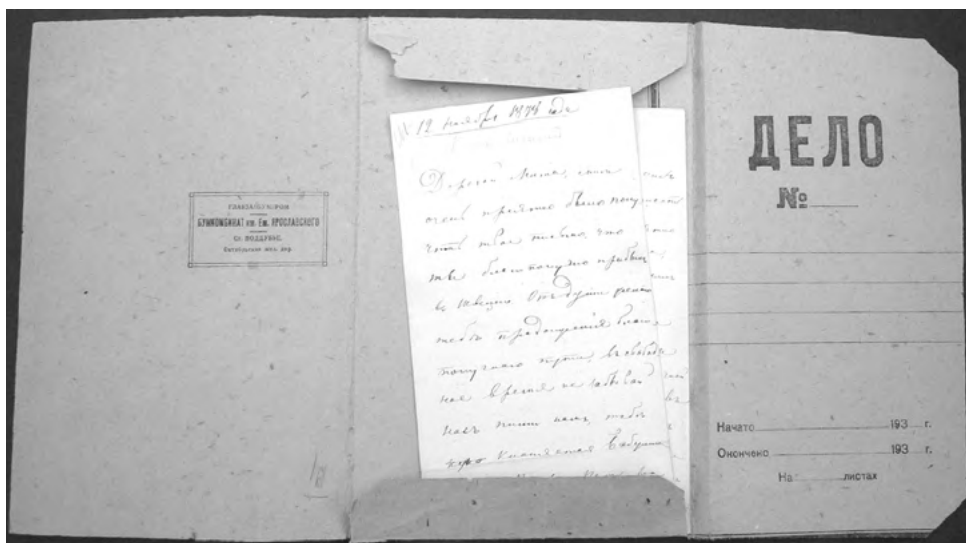

Рис. 3. Документ в папке из низкокачественного картона

В местах соприкосновения с упаковочными материалами выявлено изменение цвета документов. Однако папки и листы использования также изменяют цвет под воздействием документов, что свидетельствует о деструкции целлюлозосодержащих материалов (рис. 4). Для оценки глубины протекания этого процесса определялись оптические свойства поврежденных и неповрежденных участков (координаты цвета RGB и XYZ, яркость, насыщенность, длины волн) с помощью программы Matiss Color Test, разработанной в Лаборатории кодикологических исследований и научно-технической

экспертизы документов Отдела рукописей РНБ⁴. В местах изменения цвета бумаги и картона по сравнению с неповрежденными участками отмечены рост в основном красной составляющей RGB, а также увеличение насыщенности цвета до 50%. На основании колориметрических показателей рассчитывался индекс желтизны, его значения на поврежденных участках выше в 3–4 раза.

Бумага листов использования имеет различный pH в зависимости от времени их изготовления. Бумага 1950–80-х гг. имеет кислое значение pH 4,4–5,2. Бумага 1990–2000-х гг. характеризуется pH 5,7–6,9. Таким образом, бумага листов использования — преимущественно низкого качества, с кислым значением pH.

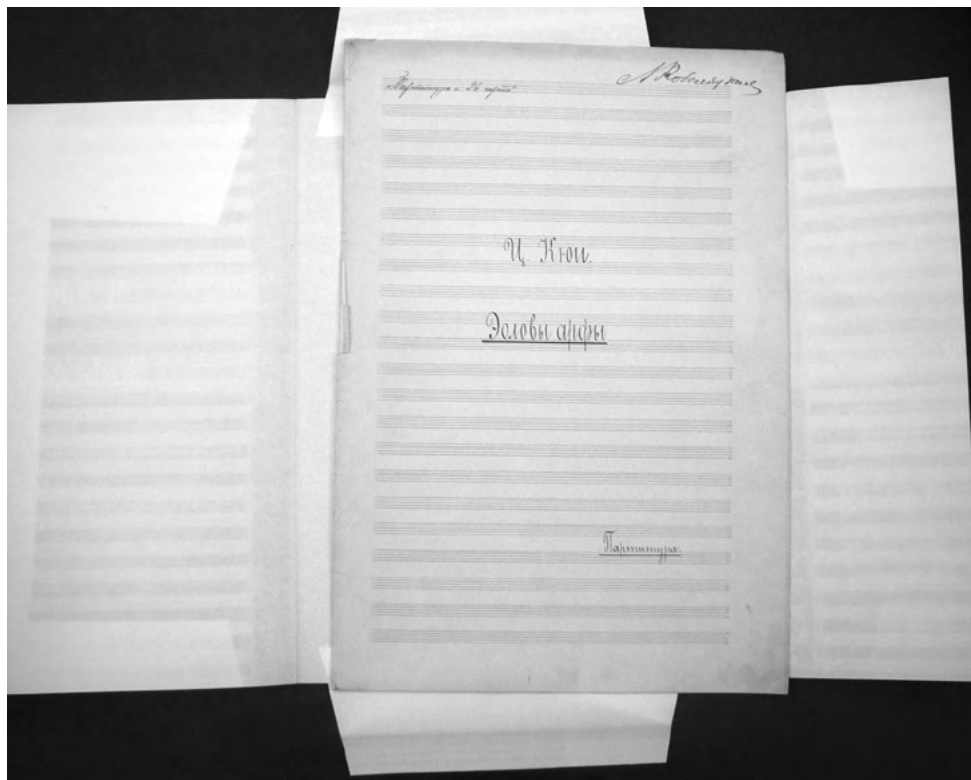

Рис. 4. Изменение цвета упаковки под воздействием документа

Водородный показатель бумаги и картона папок изменяется в широких пределах — 4,4–6,8. Низкое значение pH связано с особенностями технологического процесса проклейки бумажной массы канифолью, осуществлявшегося в кислой среде.

⁴ Лоцманова Е. М., Быстрова Е. С. Анализ оптических и структурных свойств документов неразрушающими методами // Фотография. Изображение. Документ. 2016. Вып. 7. С. 48–55.

Реактивом Херцберга волокна бумаги старых листов использования, части папок и карточек выдачи окрашиваются в сине-фиолетовый и желтый цвет. Окрашивание и морфологические признаки волокон характерны для древесной целлюлозы и древесной массы (ее содержание может составлять от 5 до 50 %). Бумага и картон могут быть изготовлены из 100%-ной древесной массы или из лубяных волокон, окрашивающихся в красно-оранжевый цвет. Наличие древесной массы в материалах, используемых для хранения ценных документов, недопустимо. Низкий pH и присутствие древесной массы приводят к деструктивным процессам в самих упаковочных материалах, которые при соприкосновении с документами вызывают повреждения в их химической структуре.

В ФЦКБФ был исследован современный картон нескольких марок, представленный на отечественном рынке: картон хром-эрзац с макулатурным и целлюлозным слоем (массой 370 и 280 г/м²); картон SCB со слоем из небеленой и беленой целлюлозы (массой 280 г/м²); электроизоляционный каландрированный картон из небеленой сульфатной целлюлозы с добавлением хлопковой целлюлозы (массой 460 г/м²). В качестве модели документа, хранящегося в контейнерах, использована бумага из сульфитной беленой целлюлозы, которую старили в контейнерах из перечисленного картона и без них. Стабильность физико-механических, оптических, химических свойств определяли после тепловлажного старения в течение девяти суток при температуре 80° С и влажности 65 %⁵.

Картон исследованных марок не оказывает негативного воздействия на модельный документ и обладает высокой стабильностью свойств (см. табл.).

Помимо специального бескислотного картона отечественного и импортного производства, на сегодняшний день на основании представленных результатов исследований для организации надлежащего фазового хранения можно рекомендовать целлюлозно-бумажную продукцию, широко представленную на современном рынке. Это бумага для печати офсетная и коробочный картон невысокой массы 1 м².

Для документов небольшого объема рекомендованы:

- папки из долговечной бумаги для печати массой 120–180 г/м² (офсетной, не содержащей белой или беленой древесной массы) с pH 7,0 и более, которая состоит из сульфатной беленой хвойной и лиственной целлюлозы;
- контейнеры из коробочного картона хром-эрзац: основной слой его состоит из макулатурной массы с pH 6,2, отделочный слой — из сульфатной беленой хвойной целлюлозы с мелованным слоем и без него с pH 6,8–8,0.

К листовым документам можно применить инкапсулирование — заключение объекта в прозрачный контейнер из инертной полимерной пленки, которая не содержит пластификаторов, поверхностных покрытий, светостабилизаторов и не желтеет со временем. Применяется полиэтилен-рефталатная пленка Mylar Type D и Melinex 516 толщиной 75, 100, 125 мкм в зависимости от формата документа.

⁵ ISO 56-30:1986 «Бумага, картон. Ускоренное старение (ч. 3). Обработка влажным теплом при температуре 80°С и относительной влажности 65 %».

Изменение свойств сульфитной беленой целлюлозы, состаренной в коробках из различных видов картона

Вид материала	Старение, сут.	Коэффициент отражения	Сопротивление излому (0 сут. / 9 сут.), чдп	pH		
Картон хром-эрзац мелованный						
Макулатурный слой	0	41,2	320/226	6,47		
	9	39,5		6,27		
Слой из беленой целлюлозы мелованный	0	64,0		6,48		
	9	62,0		6,04		
Макулатурный слой	0	37,8		110/64	7,44	
	9	37,5			6,91	
Слой из беленой целлюлозы немелованный	0	73,3	6,91			
	9	68,7	6,72			
Картон SCB						
Слой из небеленой целлюлозы	0	25,2	1000/615		6,76	
	9	23,9		6,44		
Слой из беленой целлюлозы мелованный	0	79,7		8,22		
	9	72,7		8,20		
Картон электроизоляционный	0	20,6		7400/4300	6,48	
	9	18,9			6,4	
Бумага из сульфитной беленой целлюлозы, состаренная в рабочем объеме климатической камеры	0	76,5	52/12		5,42	
	9	56,2			4,76	
Бумага из сульфитной беленой целлюлозы, состаренная в контейнерах из картона:						
Хром-эрзац мелованный	0	76,5			52/16	5,42
	9	58,3		4,82		
Хром-эрзац немелованный	0	76,5		52/16		5,42
	9	60,5	4,86			
SCB	0	76,5	52/13			5,42
	9	58,1				4,78
Электроизоляционный	0	76,5			52/15	5,42
	9	58,5				4,97

Для упаковки крупноформатных книг, альбомов, газет и замены коробов для групп документов могут быть изготовлены контейнеры из картона массой 650–750 г/м² из сульфатной целлюлозы pH 7,0 с отделочным слоем и без него.

Контейнеры и папки должны быть изготовлены таким образом, чтобы слой из беленой целлюлозы был внутренним и соприкасался с документом.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

РНБ — Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург)

ФЦКБФ — Федеральный центр консервации библиотечных фондов (при РНБ)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Быстрова Е. С., Лоцманова Е. М., Рамазанова Н. В. Обследование состояния архива Л. Д. Кобеяцкой-Ильиной из собрания Сектора архивных фондов Отдела рукописей РНБ // Фотография. Изображение. Документ. 2018. Вып. 8. С. 46–50.

Лоцманова Е. М., Быстрова Е. С. Анализ оптических и структурных свойств документов неразрушающими методами // Фотография. Изображение. Документ. 2016. Вып. 7. С. 48–55.

Лоцманова Е. М., Быстрова Е. С. Атлас повреждений бумаги, блока, переплета библиотечных и архивных материалов. СПб., 2011.

Лоцманова Е. М., Быстрова Е. С., Жемайтис С. Г. Обследование и организация фазового хранения коллекции восковых грампластинок из Отдела рукописей РНБ. Создание электронной базы данных «Восковые грампластинки» // Исследования в консервации культурного наследия : материалы Международной научно-практической конференции, 9–11 ноября 2010 г. М., 2010. С. 148–151.

ISO 56-30:1986 «Бумага, картон. Ускоренное старение (ч. 3). Обработка влажным теплом при температуре 80°C и относительной влажности 65%».

*Е. Г. Хосид, А. Д. Власов, К. В. Сазанова,
Т. С. Ткаченко, А. А. Галушкин, А. И. Алексеев
Санкт-Петербургский филиал Архива РАН*

РАЗРАБОТКА МЕТОДА ДЕЗИНФЕКЦИИ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ В СРЕДЕ ХОЛОДНОГО ТУМАНА РАСТВОРА БИОЦИДА «САНАТЕКС»

В статье представлены результаты апробации метода дезинфекции документов на бумажной основе путем воздушно-капельной обработки раствором биоцида «Санатекс». В качестве способа перевода раствора биоцида в летучую фазу использован метод генерации холодного тумана раствора путем ультразвукового воздействия. Результаты исследований показали перспективность предложенной методики.

Ключевые слова: архивные документы, биоповреждения, дезинфекция, биоциды, методы защиты.

*E. G. Hosid, A. D. Vlasov, K. V. Sazanova,
T. S. Tkachenko, A. A. Galushkin, A. I. Alekseev
St. Petersburg Branch of the Archive of the RAS*

DEVELOPMENT OF A DISINFECTION METHOD OF ARCHIVAL DOCUMENTS IN COLD MIST OF BIOCIDES SOLUTION «SANATEKS»

The purpose of this study was to test a disinfection method of paper-based documents by airborne treatment with a biocide solution «Sanateks». As a way of transferring the biocide solution to the volatile phase, method of generating cold mist of the solution by ultrasonic treatment was used. The research results have shown the prospects of the proposed methodology.

Key words: archival documents, biodeterioration, disinfection, biocides, conservation.

Сохранение архивных и библиотечных фондов относится к одной из историко-культурных проблем современного общества. Документы на бумажной основе требуют периодического контроля на предмет биологических повреждений. Профилактические меры являются основными в области биологической защиты документов. Однако возникают ситуации, когда документы серьезно повреждены и требуют неотложной дезинфекционной обработки. На данный момент существует широкий выбор биоцидных

веществ, различающихся по принципу действия и химической природе¹. Некоторые из них показали эффективность в борьбе против биоповреждений документов в случае обработки методом тампонирования. Однако биоцидная обработка методом тампонирования может сказываться на прочности бумаги, а также не позволяет одновременно обрабатывать большое количество документов. Поэтому коллективом авторов была поставлена задача исследовать эффективность фумигационной обработки документов в специальной разработанной камере раствором биоцида «Санатекс».

Ранее уже проводились эксперименты с метатином и мультидезом в разработанной камере, которые показали перспективность предложенной методики². В настоящей статье представлены результаты тестирования биоцида «Санатекс» (производство ООО «Текс», Санкт-Петербург).

Биоцид «Санатекс» обладает биоцидным действием, относится к группе препаратов на основе изотиазола и не токсичен для человека при соблюдении техники безопасности. «Санатекс» уже хорошо себя зарекомендовал при дезинфекции документов методом тампонирования³. При этом эффективность биоцидного метода может проявляться уже при 1%-ной концентрации водного раствора биоцида. Однако испытания биоцида в условиях фумигационной обработки показали, что начальная концентрация биоцидного раствора для эффективного дезинфекционного эффекта должна быть выше. При подборе концентраций было определено, что в камере следует использовать 10%-ной водный раствор (при 5%-ной концентрации биоцида в камере наблюдалось незначительное ингибирование роста зараженных образцов).

В работе применялась камера, сконструированная для перевода биоцидных растворов в летучую фазу без дополнительного нагрева, который может негативно повлиять на действующее вещество и обрабатываемый документ. В качестве способа перевода растворов биоцидов в летучую фазу был использован метод генерации холодного тумана путем ультразвукового воздействия, позволяющий перевести жидкость в состояние мелкодисперсных капель («паров») за счет высокочастотных колебаний. Экспериментальная установка состоит из камеры объемом 80 л³, соединенной трубкой-переходником с сосудом, заполненным раствором биоцида (1 л), в который помещались генераторы ультразвука. Подача холодного тумана в камеру осуществлялась с помощью встроенного вентилятора

¹ Великова Т. Д., Хосид Е. Г., Трепова Е. С. Использование биоцидов для защиты документов в XX и XXI веках // Петербургская библиотечная школа. 2019. № 4 (69). С. 47–58.

² Сазанова К. В. и др. Разработка метода дезинфекции архивных документов в среде холодного тумана раствора биоцида метатин (Rosima GT) // Реликвия (реставрация, консервация, музеи). 2017. № 33. С. 41–46.

³ Хазова С. С., Трепова Е. С. Новые биоциды в перспективе их использования в консервационной практике // Миллеровские чтения — 2018: Преемственность и традиции в сохранении и изучении документального академического наследия : материалы II Международной научной конференции, 24–26 мая 2018 г., Санкт-Петербург / сост. и отв. ред. д. и. н. И. В. Тункина. СПб., 2018. С. 779–788. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; вып. 14).

с напряжением 12 вольт. Одновременно использовалось три генератора ультразвука (мощность 24 Вт).

Для оценки эффективности дезинфекции использовали образцы хроматографической бумаги из 100%-ной хлопковой целлюлозы (производство 1980-х гг.), зараженные споровой суспензией грибов. В качестве тест-объектов использовали штаммы грибов *Aspergillus niger* и *Chaetomium globosum*, выделенных с поверхности документов на бумажной основе, хранящихся в хранилищах Санкт-Петербургского филиала Архива РАН. Выбранные для эксперимента микроскопические грибы относятся к распространенным и активным биодеструкторам в библиотеках и архивных фондах. При этом штаммы грибов *Chaetomium globosum* и *Aspergillus niger* известны своей устойчивостью к воздействиям дезинфицирующих средств⁴. Образцы бумаги обрабатывались водной суспензией спор грибов (концентрация спор грибов — 10^6 КОЕ/мл).

Таким образом, рабочая концентрация водного раствора «Санатекс» в сосуде с генераторами УЗ-колебаний составила 10 %. Перед началом обработки макетов документов предварительно камеру заполняли туманом биоцидного раствора — в течение трех минут. Необходимое время для дезинфекции бумаги подбирали опытным путем в интервалах 10, 20 и 30 минут. После обработки образцов бумаги в камере их высушивали в течение суток в стерильных чашках Петри и затем помещали на питательную среду Чапека — Докса. Инкубирование образцов проводилось в термостате при 25°C в течение одного месяца. Интенсивность роста оценивали визуально. Эксперименты проводили в трехкратной повторности.

Влияние обработки водными «парами» 10%-го раствора биоцида «Санатекс» на механические свойства бумаги оценивали по изменению значений показателя сопротивления излому⁵. Для эксперимента были взяты хроматографическая бумага и три вида опытной бумаги выработки 1961 г.:

В-5 — 82 г/м², 100 % сульфитной целлюлозы, зольность — 5 % (наполнитель — каолин);

В-19 — 82 г/м², 100 % сульфатной целлюлозы, зольность — 5 % (наполнитель — каолин);

В-25 — 85 г/м², 100 % беленой хлопковой полумассы, зольность — 9 % (наполнитель — каолин).

Также изучалось влияние обработки водными «парами» 10%-го раствора биоцида «Санатекс» на белизну бумаги, которая определялась с использованием шарового фотоэлектрического фотометра (ФМШ-56 М). Для сравнения было исследовано влияние дистиллированной воды в камере холодного тумана на показатели сопротивления излому и белизны исследуемых образцов. Так как выбранный для испытаний биоцидный состав ранее испытывался и рекомендован для применения дезинфекции бумаги,

⁴ Митковская Т. И., Коваль Э. З. Микологическая экспертиза старопечатных книг и рукописей // Обеспечение сохранности памятников культуры: традиционные подходы — нетрадиционные решения : материалы V Международной конференции, 24–26 октября 2006 г. СПб., 2006. С. 98–101.

⁵ ГОСТ ИСО 5626-97. Бумага. Определение прочности на излом при многократных перегибах (методы Шоппера, Ломаржи, Келер-Молина). Минск, 2001.

испытания на механическую прочность и белизну после теплового старения обработанных образцов бумаги не проводились⁶.

Результаты показали, что дезинфекционный эффект достигался уже при 10-минутной длительности обработки в камере. Через месяц инкубации на питательной среде рост мицелия микромицетов на обработанных образцах не наблюдался. На контрольных образцах рост наблюдался уже через 48 часов (ил. 1 на цв. вкл.).

Результаты исследования воздействия «паров» 10%-ного раствора биоцида «Санатекс» на прочность и белизну бумаги в сравнении с воздействием воды представлены в таблице:

Влияние обработки раствором биоцида «Санатекс» на оптические и физико-механические свойства бумаги

Наименование образца	Средняя величина сопротивления излому, ч. д. п.				Белизна, %			
	Исх.	Обработка водой, 10 мин.	Обработка раствором «Санатекс», мин.		Исх.	Обработка водой, 10 мин.	Обработка раствором «Санатекс», мин.	
			10	20			10	20
Хроматографическая бумага	34	26	38	28	84,0	84,0	84,0	84,0
В-5	22	27	32	30	72,0	72,0	72,0	72,0
В-19	127	171	164	160	72,0	72,0	72,0	72,0
В-25	8	8	8	9	84,0	84,0	84,0	84,0

Примечание: исх. — исходный образец; ч. д. п. — число двойных перегибов; В-5 — сульфитная бумага с каолином; В-19 — сульфатная бумага с каолином; В-25 — хлопковая белая бумага с каолином.

При обработке образцов бумаги в камере мелкодисперсными каплями («парами») дистиллированной воды происходит изменение структуры связей между волокнами бумаги. У хроматографической бумаги, имеющей пористую структуру за счет содержания в композиции крупных слабофибриллированных волокон и, соответственно, малого количества водородных связей между ними, при обработке водой происходит переструктуризация волокон с увеличением толщины и пухлости листа. Это приводит к увеличению его жесткости и, как следствие, к незначительному уменьшению прочности бумаги на излом. Изменение структуры бумаги из сульфитной целлюлозы (В-5) при увлажнении связано с образованием дополнительных водородных связей между волокнами, что ведет к некоторому увеличению этого показателя. В большей мере данная тенденция наблюдается у бумаги из сульфатной целлюлозы (В-19), имеющей более высокую степень фибрилляции волокон. Бумага В-25, так же как и хроматографическая, состоит из хлопковых волокон, но, в отличие от последней, ее волокна перед отливом

⁶ Хазова С. С., Трепова Е. С. Новые биоциды в перспективе их использования...

бумажного полотна подвергаются размолу в большей степени, что способствует увеличенной стабильности структуры бумаги при воздействии воды.

Обработка всех образцов бумаги «парами» 10%-ного раствора биоцида «Санатекс» в течение 10 и 20 минут не приводит к заметному изменению прочности бумаги на излом в сравнении с обработкой «парами» дистиллированной воды.

Белизна бумаги как при обработке водой, так и раствором биоцида не меняется в сравнении с исходными образцами.

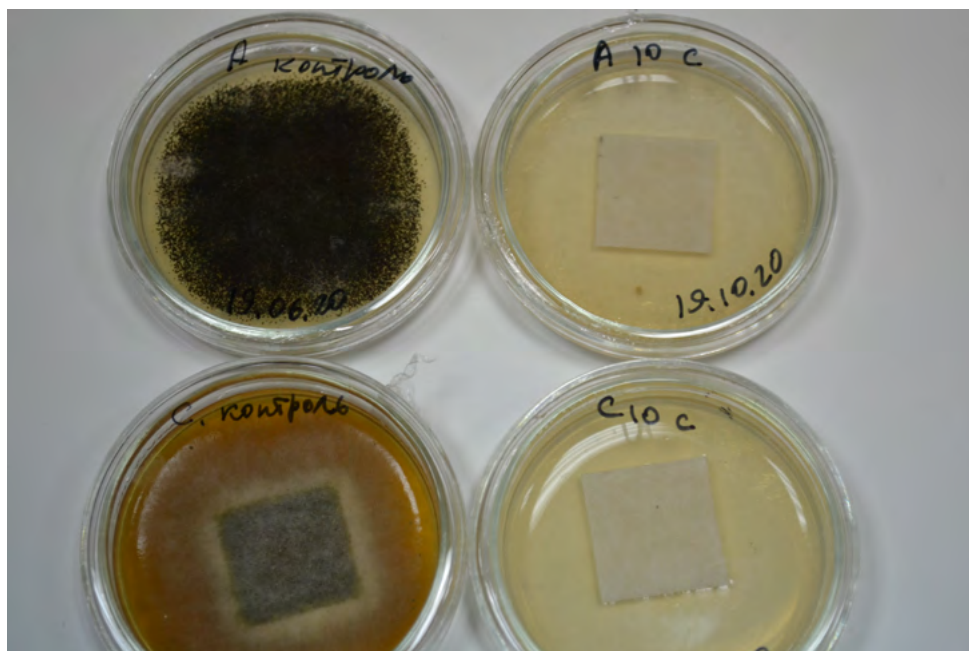
Результаты эксперимента показали, что при проведении дезинфекции зараженных образцов «парами» 10%-ного раствора биоцида «Санатекс» споры грибов, находящиеся на бумаге в момент обработки, погибают уже при 10-минутной обработке. Фунгицидный эффект в целом сохраняется и через месяц культивирования. Однако следует учитывать, что со временем биостойкость обработанных образцов может снижаться и в благоприятных для развития грибов условиях некоторые их виды могут преодолевать биоцидную защиту и вторично заражать документы. Обработка «парами» 10%-ного раствора биоцида «Санатекс» не оказывает значительного влияния на прочность и белизну исследуемых образцов бумаги.

Результаты проведенного исследования указывают на перспективность метода камерной фумигации документов туманом раствора биоцида «Санатекс». Исследования данного метода дезинфекции с использованием «Санатекса» и других водорастворимых биоцидов будут продолжены, с перспективой дальнейшего внедрения их в практику консервационно-реставрационных мероприятий в архивах и библиотеках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Великова Т. Д., Хосид Е. Г., Трепова Е. С. Использование биоцидов для защиты документов в XX и XXI веках // Петербургская библиотечная школа. 2019. № 4 (69). С. 47–58.
- ГОСТ ИСО 5626-97. Бумага. Определение прочности на излом при многократных перегибах (методы Шоппера, Ломаржи, Келер-Молина). Минск, 2001.
- Митковская Т. И., Коваль Э. З. Микологическая экспертиза старопечатных книг и рукописей // Обеспечение сохранности памятников культуры: традиционные подходы — нетрадиционные решения : материалы V Международной конференции, 24–26 октября 2006 г. СПб., 2006. С. 98–101.
- Сазанова К. В. и др. Разработка метода дезинфекции архивных документов в среде холодного тумана раствора биоцида метатин (Rosima GT) // Реликвия (реставрация, консервация, музей). 2017. № 33. С. 41–46.
- Хазова С. С., Трепова Е. С. Новые биоциды в перспективе их использования в консервационной практике // Миллеровские чтения — 2018: Преемственность и традиции в сохранении и изучении документального академического наследия : материалы II Международной научной конференции, 24–26 мая 2018 г., Санкт-Петербург / сост. и отв. ред. д. и. н. И. В. Тункина. СПб., 2018. С. 779–788. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; вып. 14).

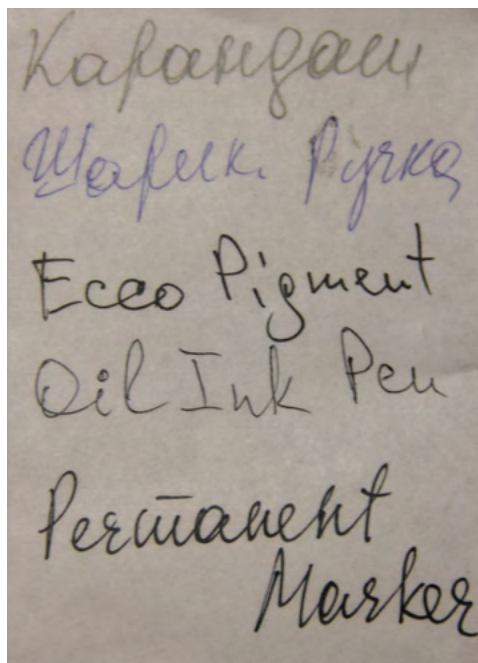
К статье Е. Г. Хосид, А. Д. Власова, К. В. Сазановой,
Т. С. Ткаченко, А. А. Галушкина, А. И. Алексеева
«Разработка метода дезинфекции архивных документов
в среде холодного тумана раствора биоцида „Санатекс“»

Ил. 1. Результаты испытаний через 1 месяц инкубации

К статье Е. М. Шепиловой, Ю. П. Баскаковой, Е. И. Носовой,
А. А. Несмелова

«Парилен в консервации архивных,
библиотечных и музейных артефактов»

Ил. 1. Исходный образец

Ил. 2. Образец бумаги скомканный, сожженный на металлической кювете
и вместе с ней обработанный париленом

Ил. 3. Образец обугленной бумаги, обработанной париленом, толщина покрытия 30–35 мкм

Ил. 4. Образец обугленной бумаги, обработанной париленом, толщина покрытия 10–15 мкм

Ил. 5. Образец обугленной бумаги, обработанной париленом, толщина покрытия менее 5 мкм

а)

б)

Ил. 6. Сургучная печать, обработанная париленом, толщина покрытия 15–20 мкм:
а) после нагружения 10 кг, $\times 15$; б) после нагружения 25 кг, $\times 24$

а)

б)

в)

Ил. 7. Сургучная печать, обработанная париленом, толщина покрытия 30–40 мкм:
а) до нагружения, $\times 15$; б) до нагружения, $\times 48$;
в) образец, после нагружения 25 кг, $\times 94,5$

а)

б)

в)

Ил. 8. Сургучная печать, обработанная париленом, толщина покрытия 50 мкм:
а) до нагружения, $\times 15$; б) до нагружения, $\times 60$; в) образец, после нагружения 25 кг, $\times 94,5$

а)

б)

в)

Ил. 9. Сургучная печать, сломанная и обработанная париленом, $\times 15$:
а) толщина покрытия 15–20 мкм; б) толщина покрытия 30–40 мкм;
в) толщина покрытия 50 мкм

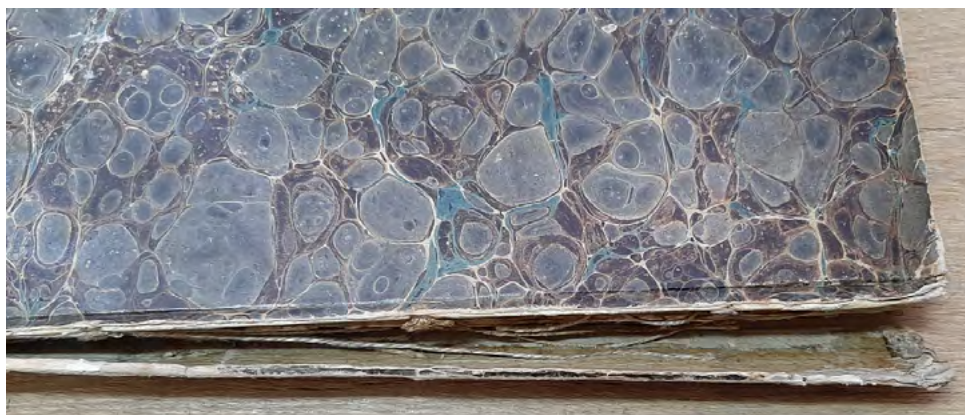
К статье Н. М. Доведовой, Н. И. Маршенниковой, Т. С. Ткаченко
«Результаты обследования в СПбФ АРАН
документов из фондов ученых XIX в.»

Ил. 1. Пожелтение бумаги и ореолы от типографской краски вокруг печатного текста

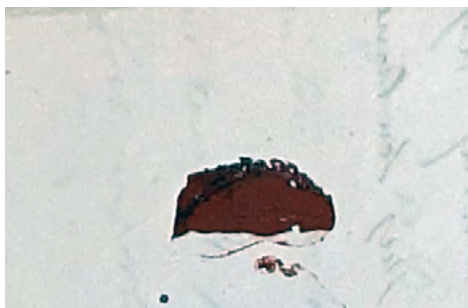
Ил. 2. Переход железогалловых чернил на оборот листа

Ил. 3. Трещина вдоль корешка

Ил. 4. Сургучная печать с оттиском

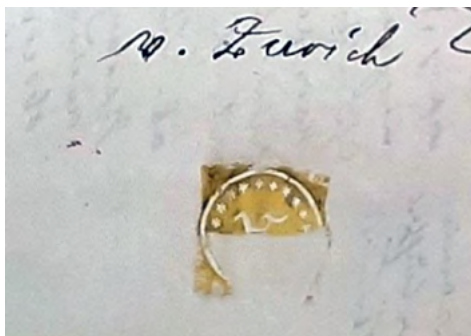
Ил. 5. Осыпавшаяся сургучная печать

Ил. 6. Мучная облатка

Ил. 7. Желатиновая облатка

Ил. 8. Поврежденная облатка

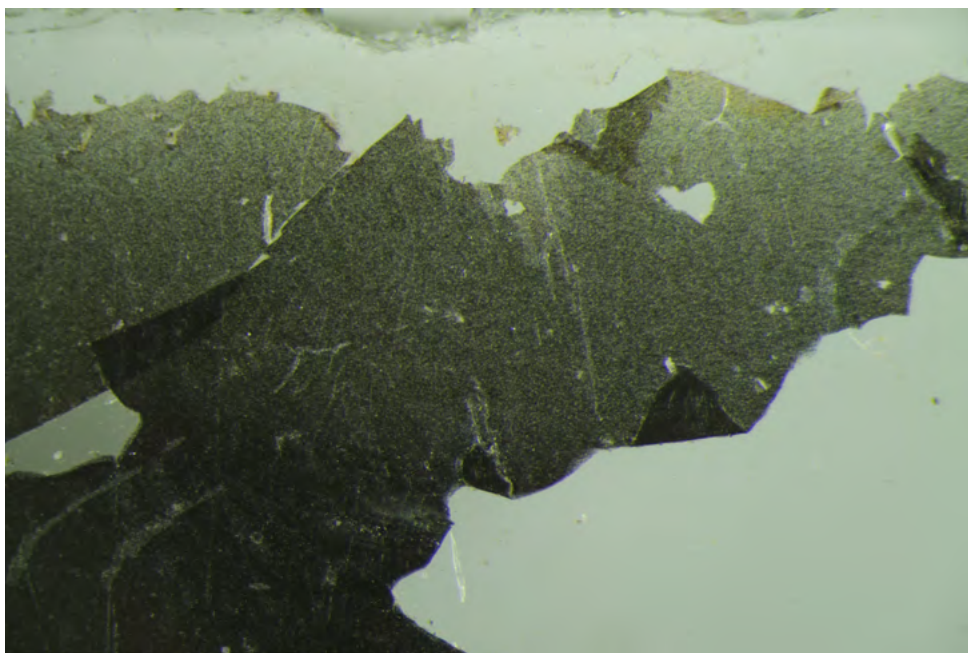
Ил. 9 а, б. Декоративная бумажная облатка, сохранившаяся целиком

*К статье Е. М. Шепиловой, Ю. П. Баскаковой, Е. И. Носовой,
Е. В. Бахваловой, Л. А. Пьянковой*

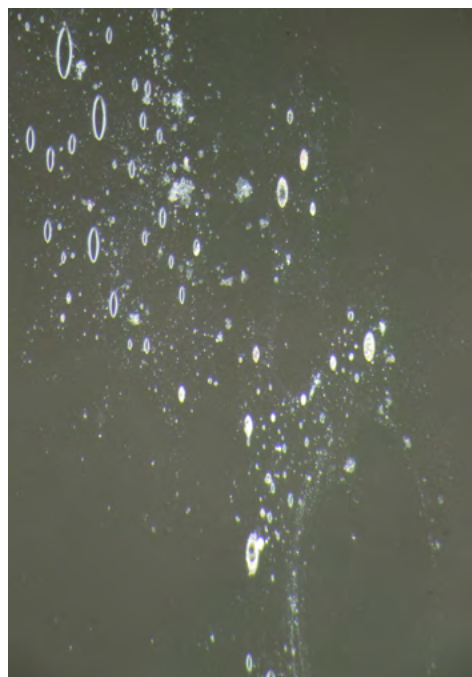
**«Исследование повреждений и дефектов негативов на стекле на примере
коллекции А. Д. Люблинской из собрания СПбИИ РАН»**

Ил. 1. На половину обеспыленный со стороны стекла негатив

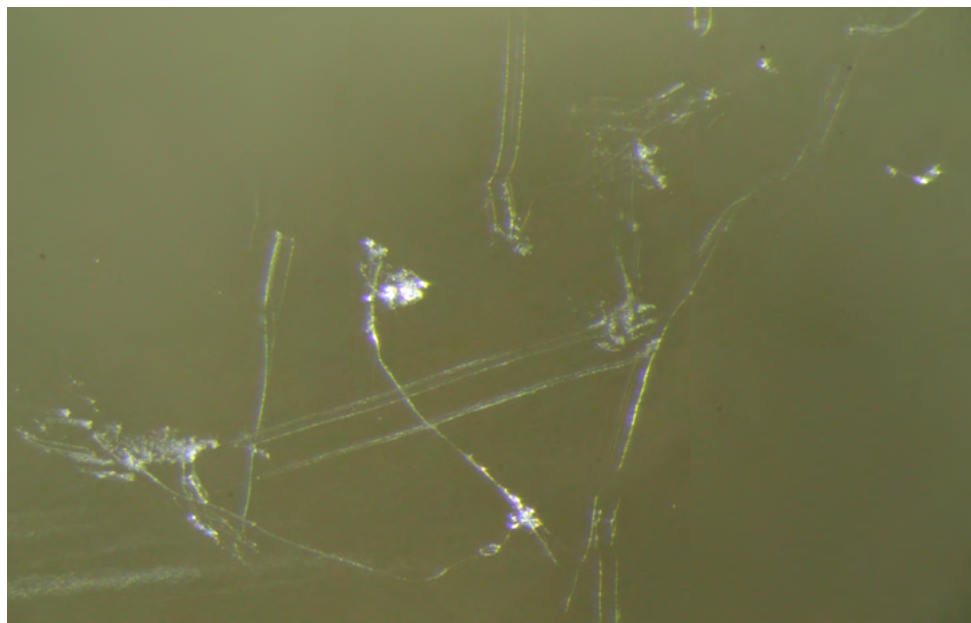
Ил. 2. Отслоение эмульсии от стекла на негативах

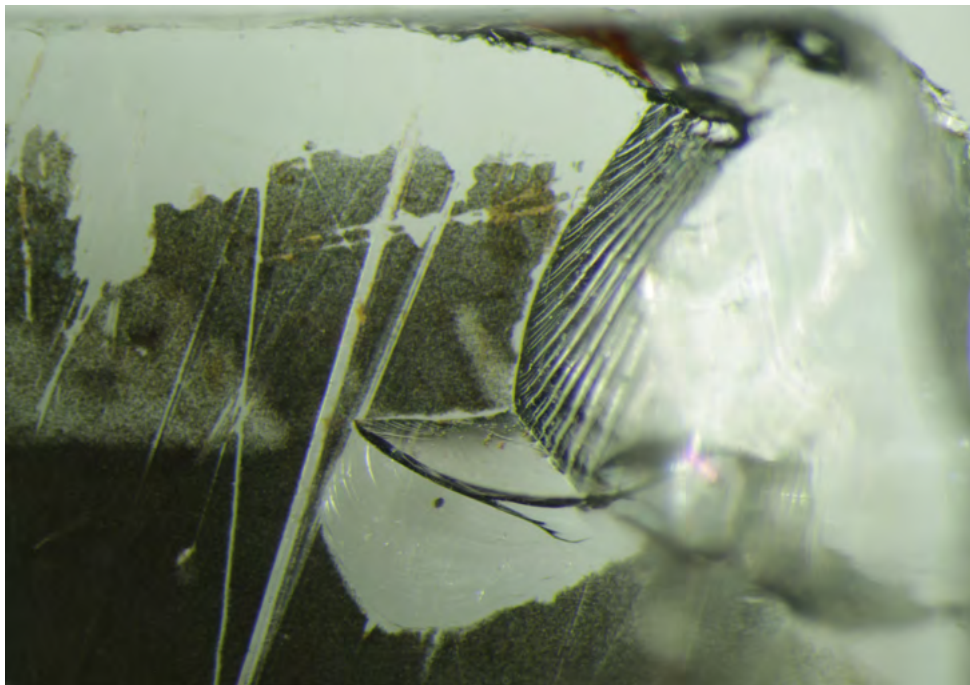
а)

б)

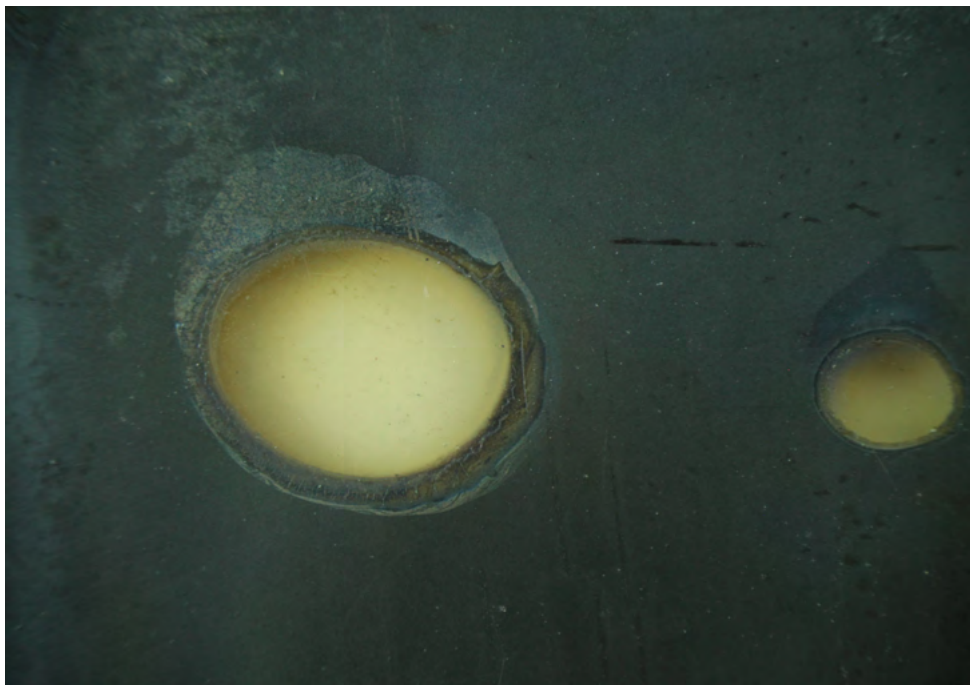
*Ил. 3. Пузыри в стекле негативов:
а) единственный вытянутый (веретёнообразный пузырь);
б) вуаль из мошек и веретёнообразных пузырей*

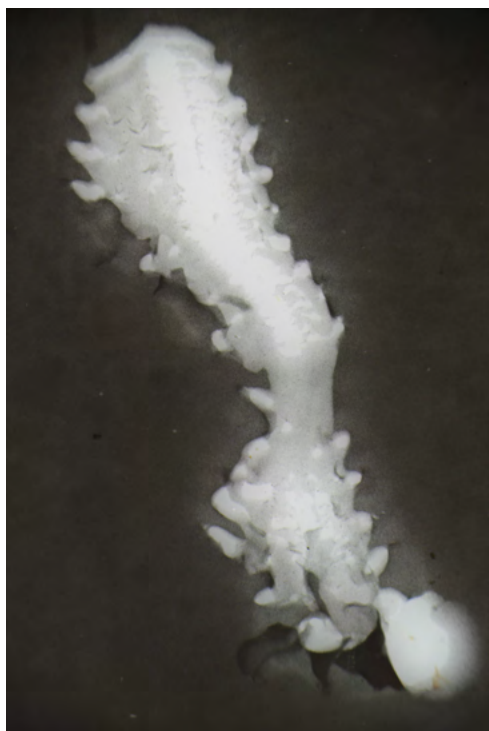
Ил. 4. Потёртости и царапины на поверхности стекла

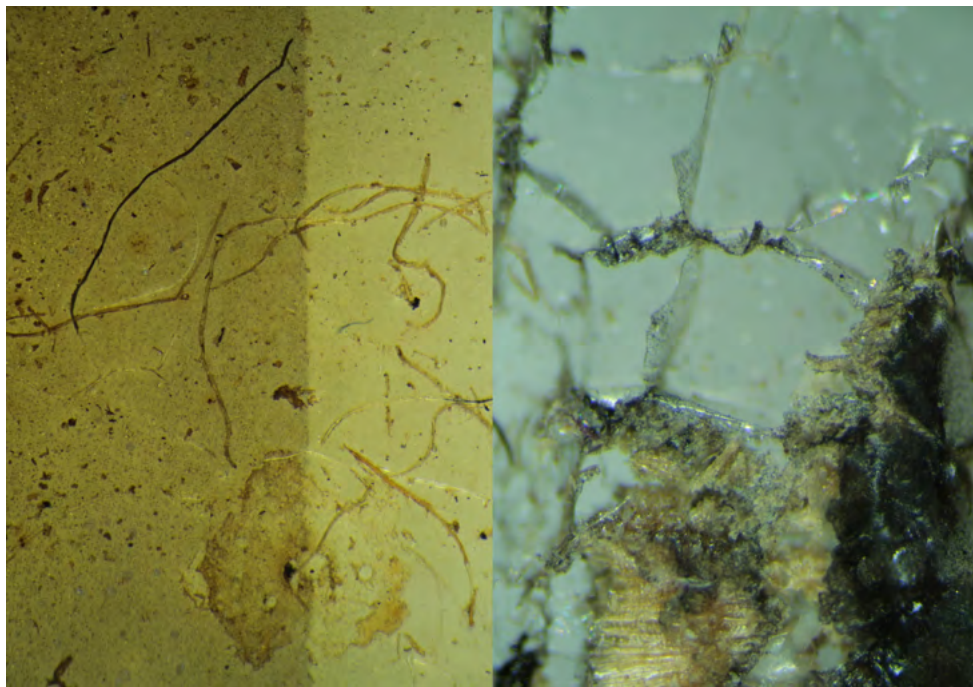
Ил. 5. Скол угла стекла

Ил. 6. Отверстия в эмульсионном слое на месте лопнувших пузырей

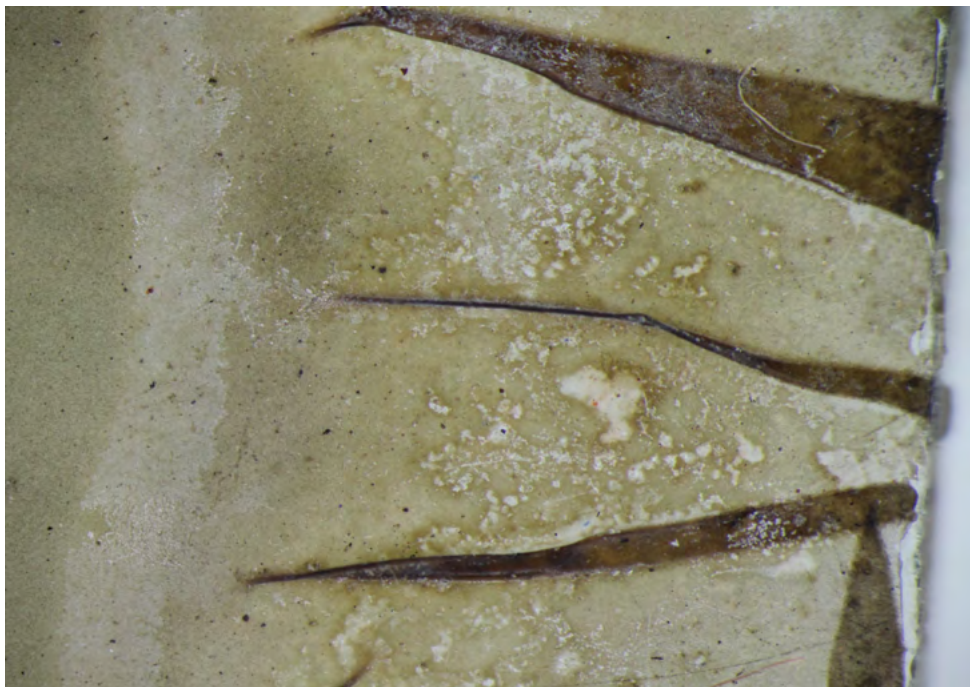
*Ил. 7. Задир мокрой эмульсии
с образованием утраты*

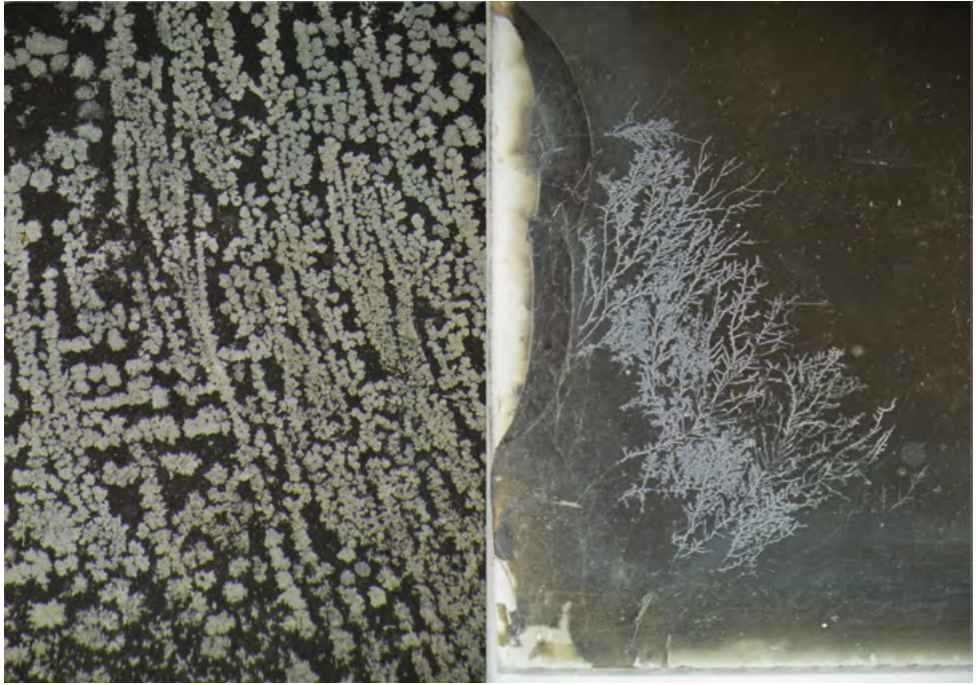
Ил. 8. Посторонние включения в фотоэмульсии

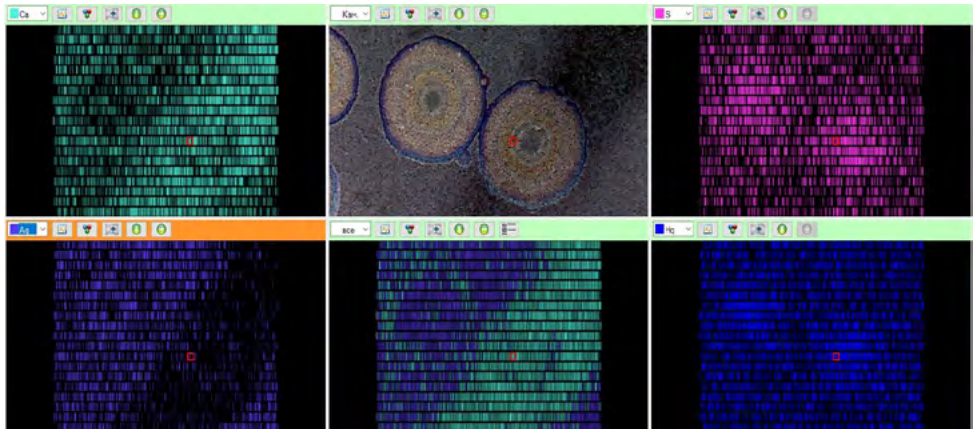
Ил. 9. Потёртости и царапины на поверхности фотоэмульсии

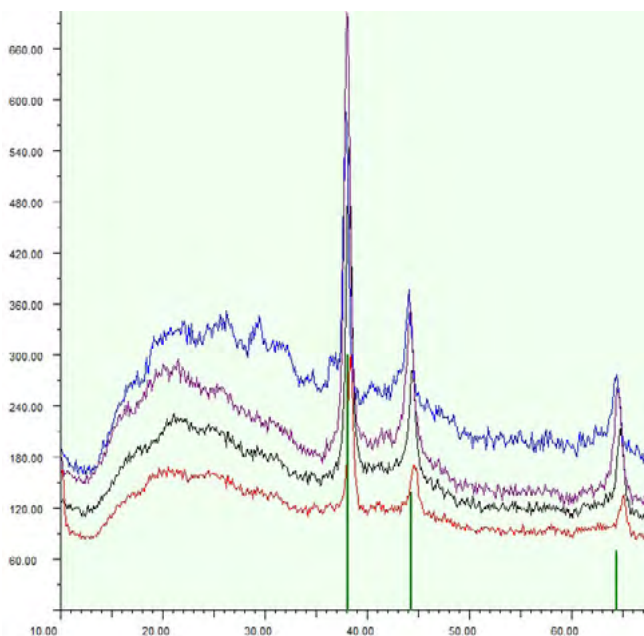
Ил. 10. Складки фотоэмульсии

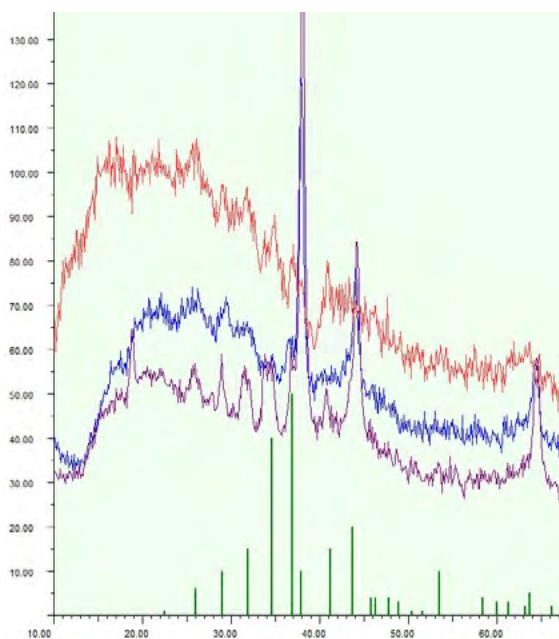
Ил. 11. Белёсые налёты на поверхности фотоэмульсии

Ил. 12. Распределение интенсивностей элементов в серебристых пятнах с розоватым отливом на поверхности фотоэмульсии, в верхнем ряду в середине фотография пятен в микроскопе

Ил. 13. Дифрактограммы негативов на стекле на содержание серебра: серебристые пятна с розовым отливом — черный спектр, серебристая металлизация — фиолетовый и жёлтые пятна — синий; зеленые линии — серебро

Ил. 14. Дифрактограммы негативов на стекле на содержание сульфид серебра: золотисто-рыжая металлизация — красный цвет, белёсый налёт — фиолетовый и жёлтые пятна — синий; зеленые линии — сульфид серебра

К статье Н. В. Черновой, Л. Г. Олейника
**«Методика реставрации шторок фотоальбома из папиросной бумаги
с печатным текстом»**

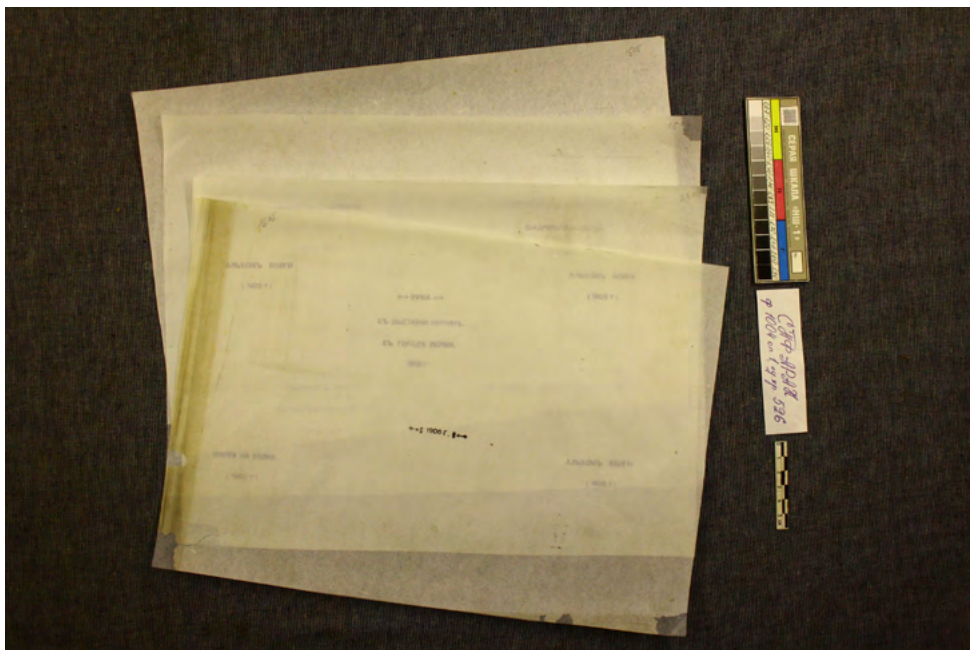
Ил. 1. Фотоальбом в полукожаном переплётё с серебряной накладкой и замком
(СПбФ АРАН. Ф. 1004. Оп. 1. Ед. хр. 526)

Ил. 2. Вид фотоальбома с оборотной стороны с серебряными жуковинами
(СПбФ АРАН. Ф. 1004. Оп. 1. Ед. хр. 526)

Ил. 3. Защитные шторки удалённые из фотоальбома до реставрации
(СПбФ АРАН. Ф. 1004. Оп. 1. Ед. хр. 526)

Ил. 4. Защитные шторки удалённые из фотоальбома после реставрации
(СПбФ АРАН. Ф. 1004. Оп. 1. Ед. хр. 526)

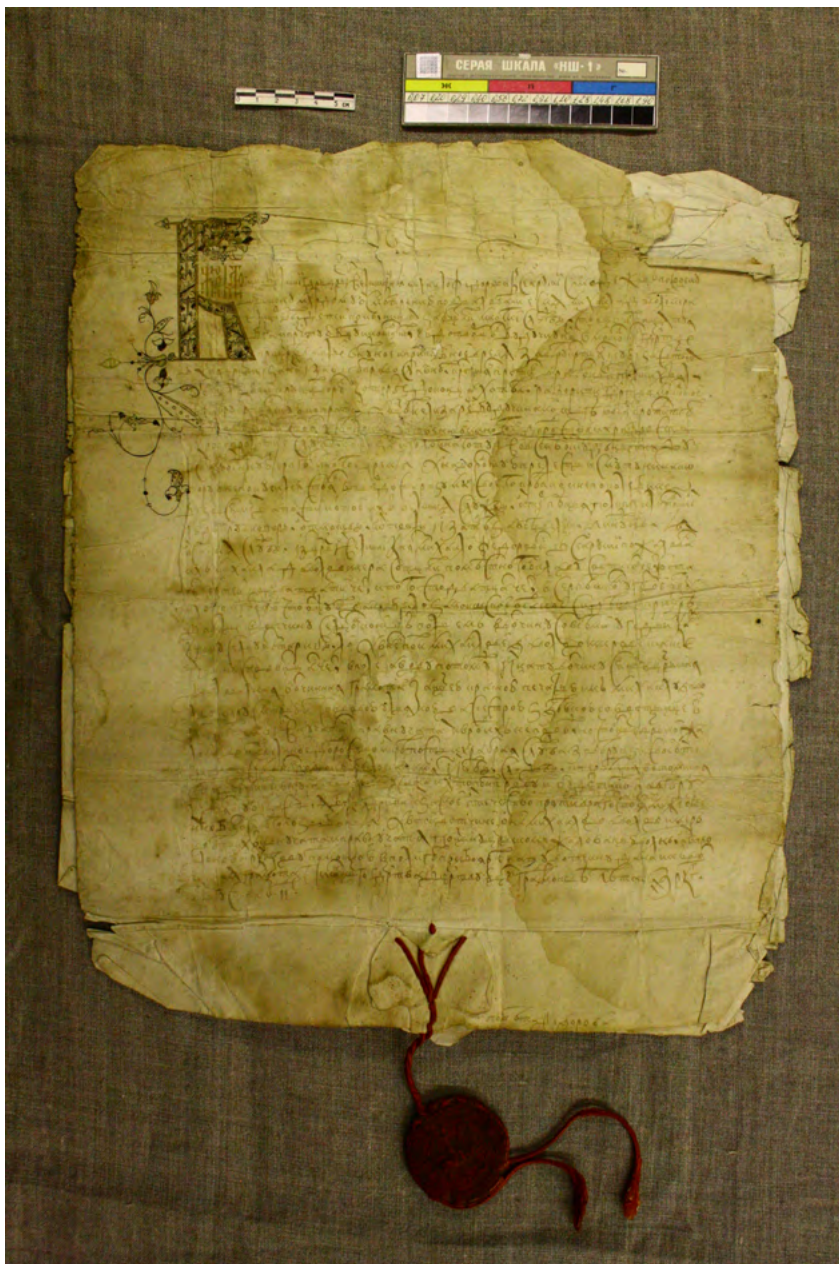

Ил. 5. Защитные шторки вклеенные в фотоальбом после реставрации л. 16 об.
(СП6Ф АРАН. Ф. 1004. Оп. 1. Ед. хр. 526)

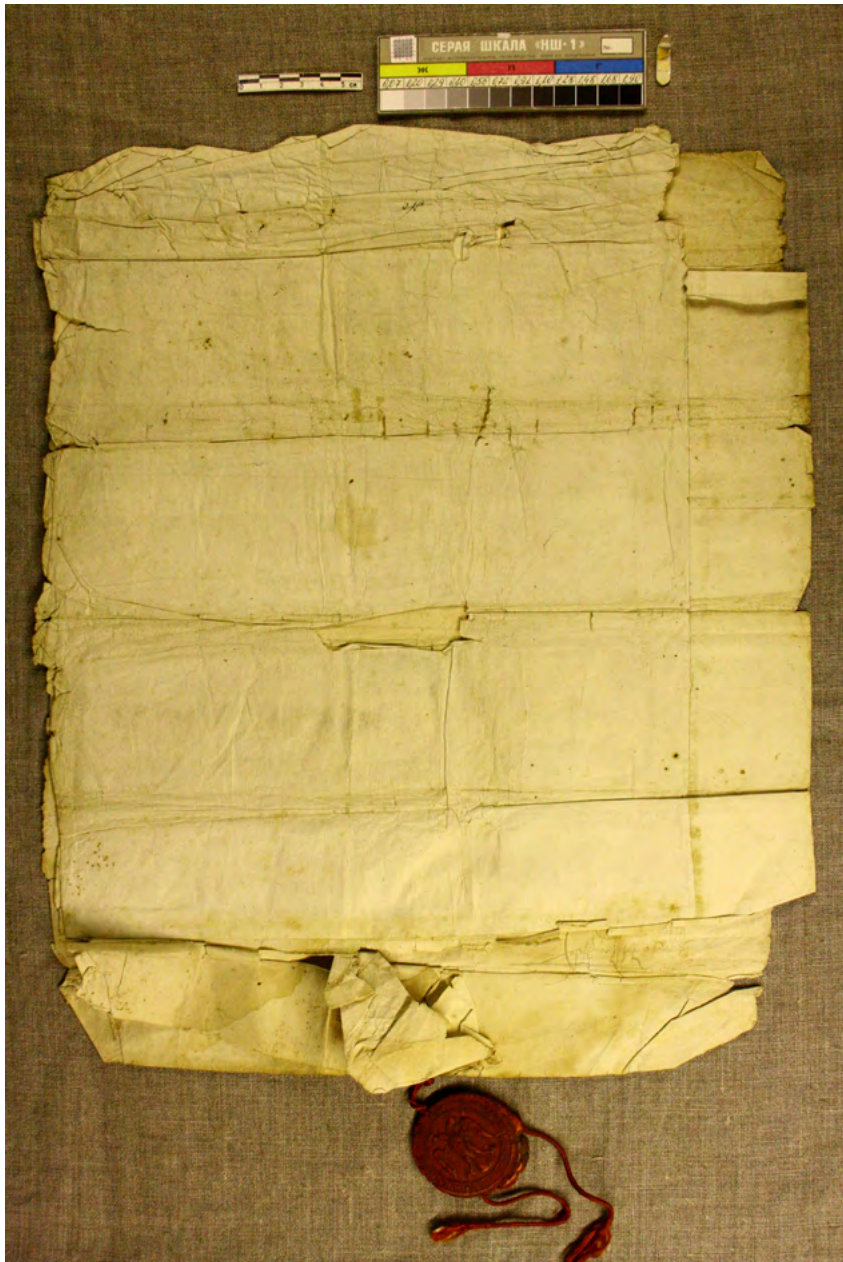

Ил. 6. Защитные шторки вклеенные в фотоальбом после реставрации л. 3 об.
(СП6Ф АРАН. Ф. 1004. Оп. 1. Ед. хр. 526)

*К статье Н. В. Черновой, А. А. Калашиниковой, Е. В. Бахваловой
«Ранняя жалованная грамота Михаила Федоровича Романова:
исследование и реставрация»*

Ил. 1. Общий вид жалованной грамоты до реставрации

Ил. 2. Вид оборотной стороны второго листа грамоты до реставрации

Ил. 3. Бумажные заклейки на грамоте, скрепляющие места разрывов

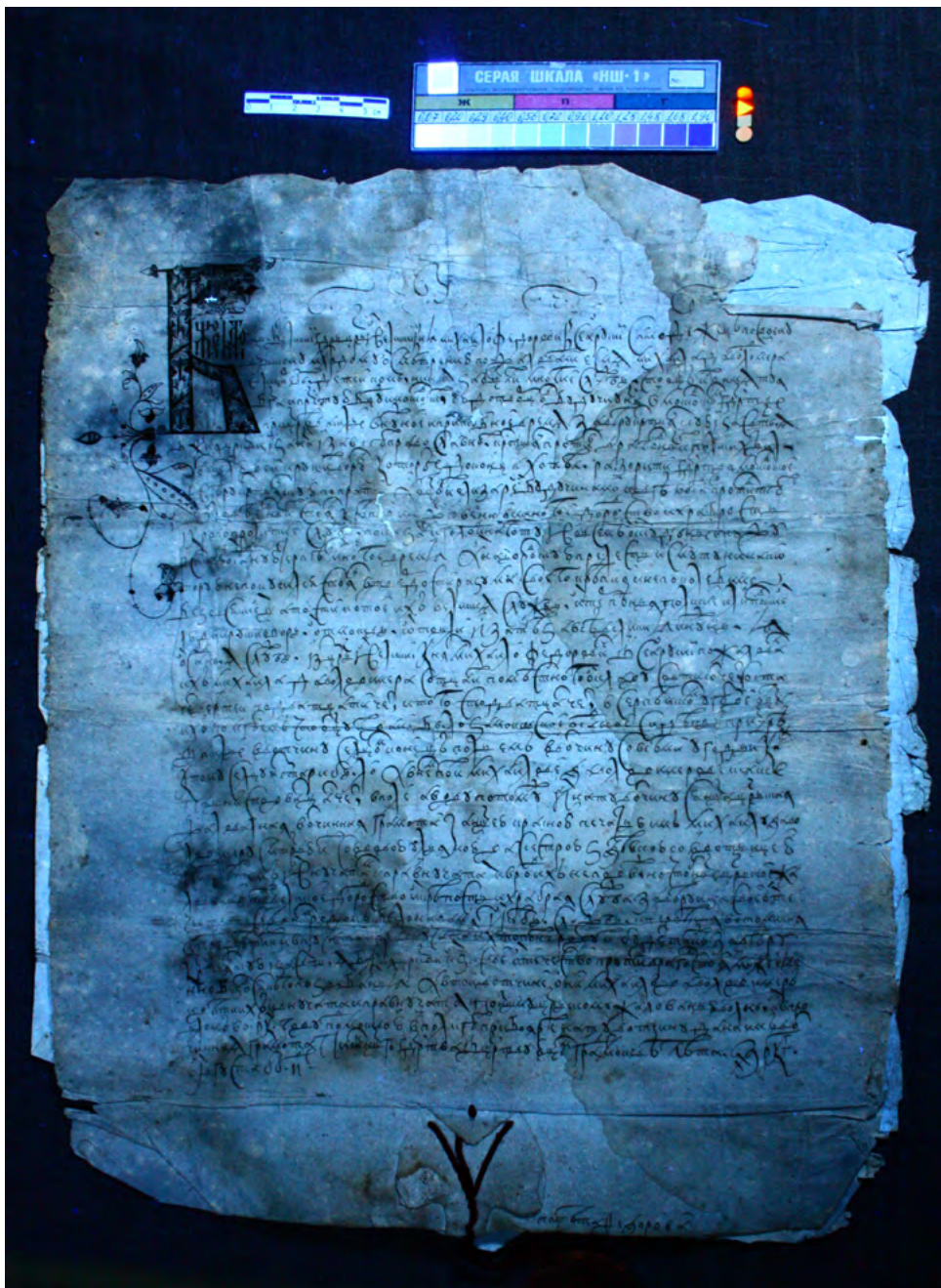

а)

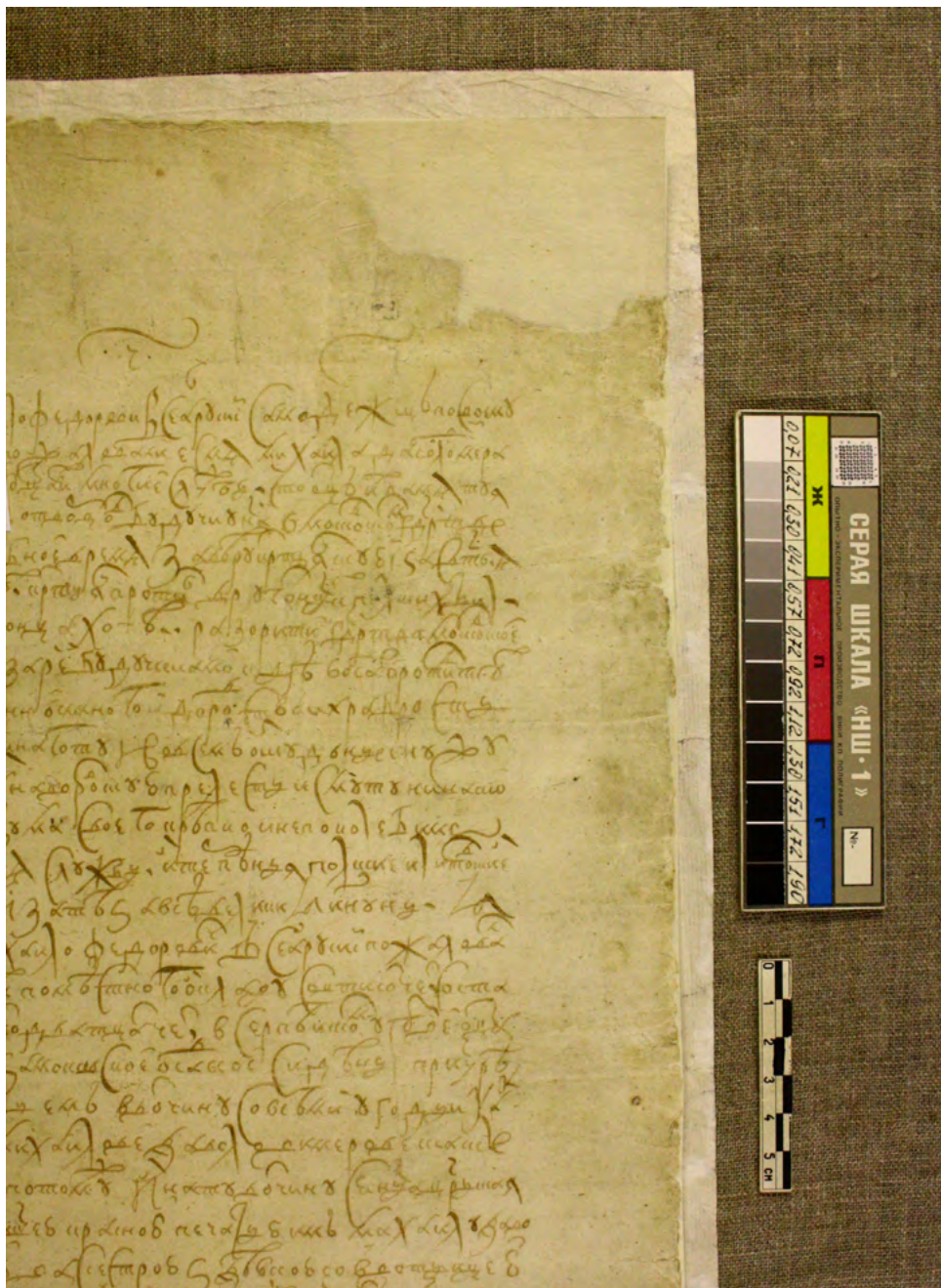

б)

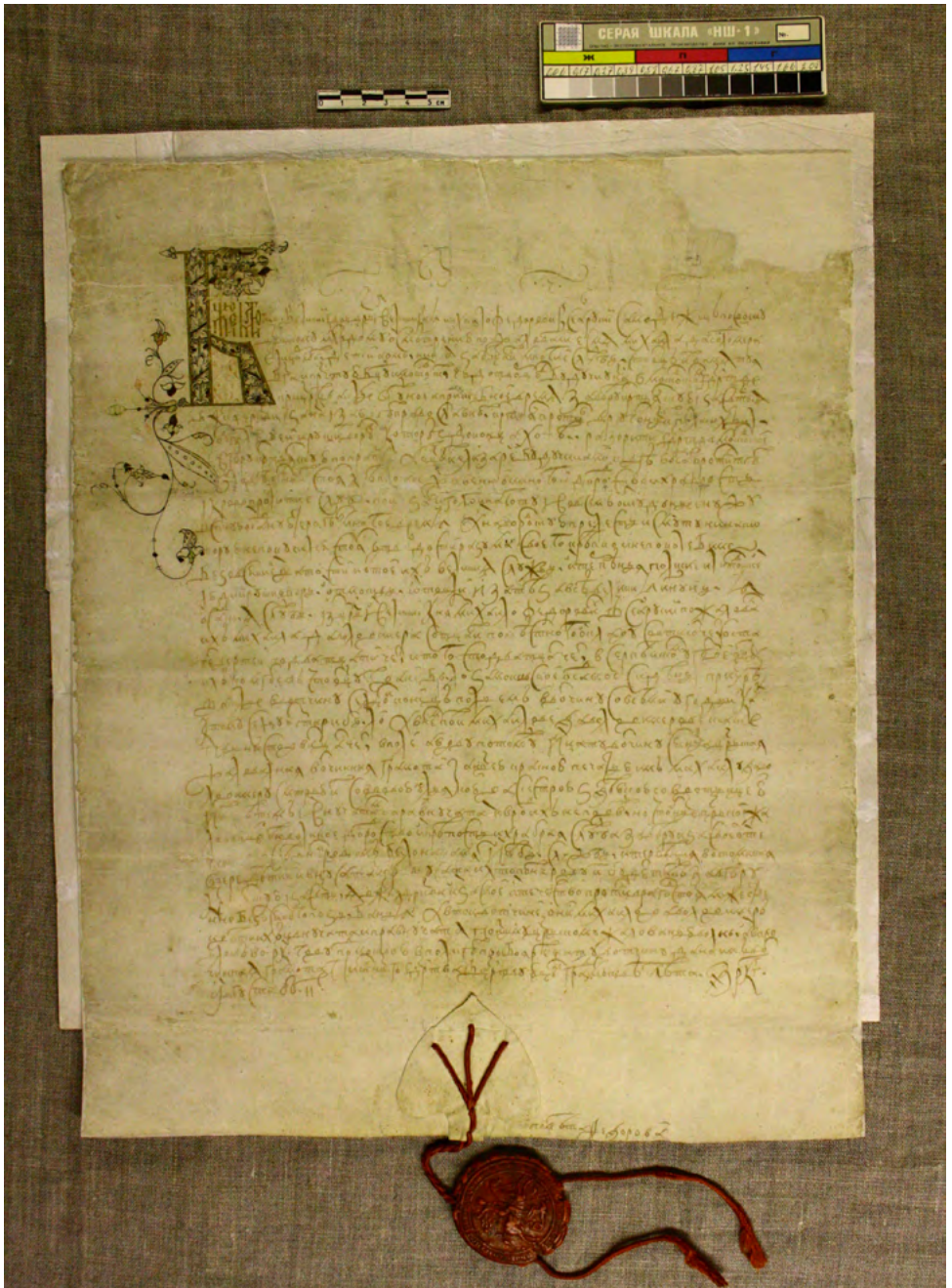
Ил. 4. Двусторонняя печать, скрепляющая грамоту, с рисунками:
а) всадник, поражающий дракона; б) двуглавый орел

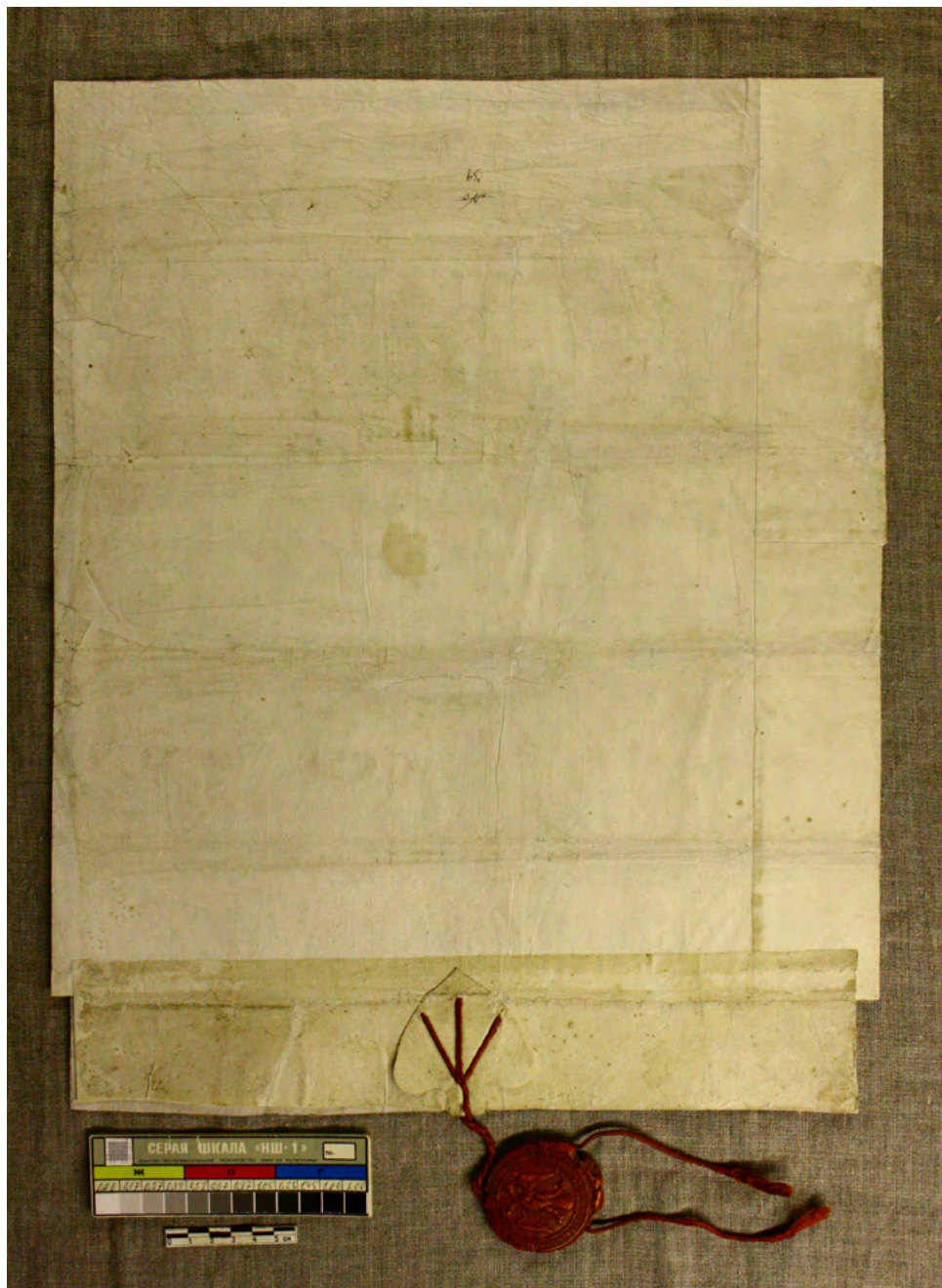
Ил. 5. Фотография грамоты в ультрафиолетовых лучах

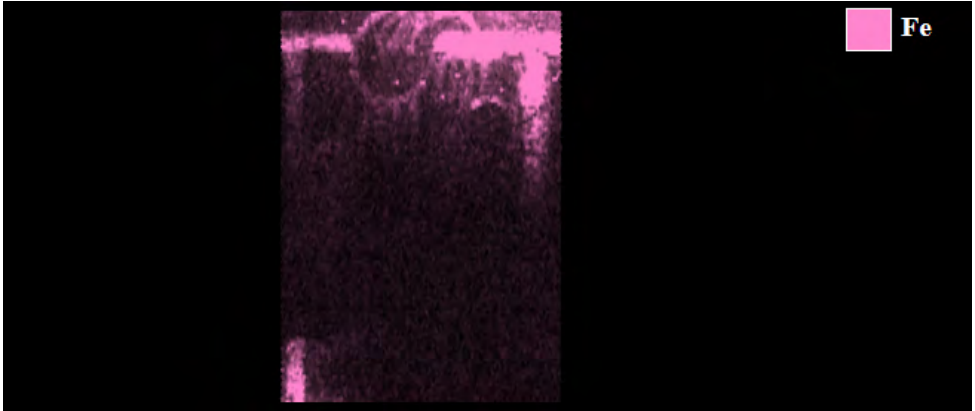
Ил. 6. Восполнение утрат листа документа с помощью реставрационной бумаги

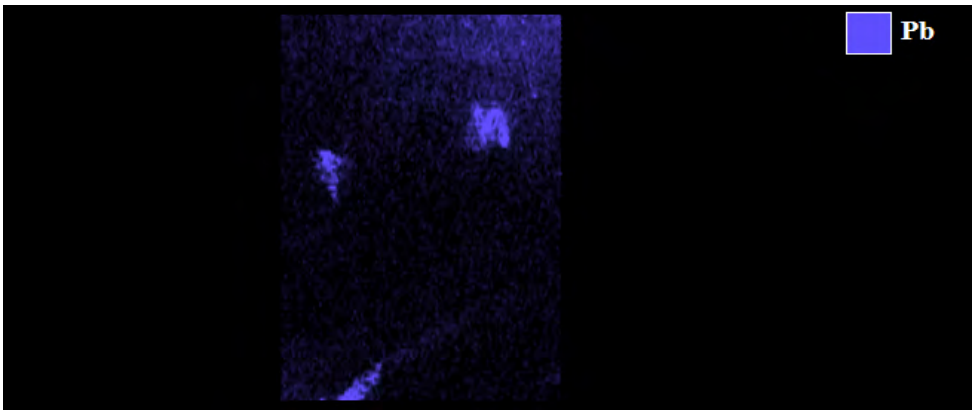
Ил. 7. Вид жалованной грамоты после реставрации

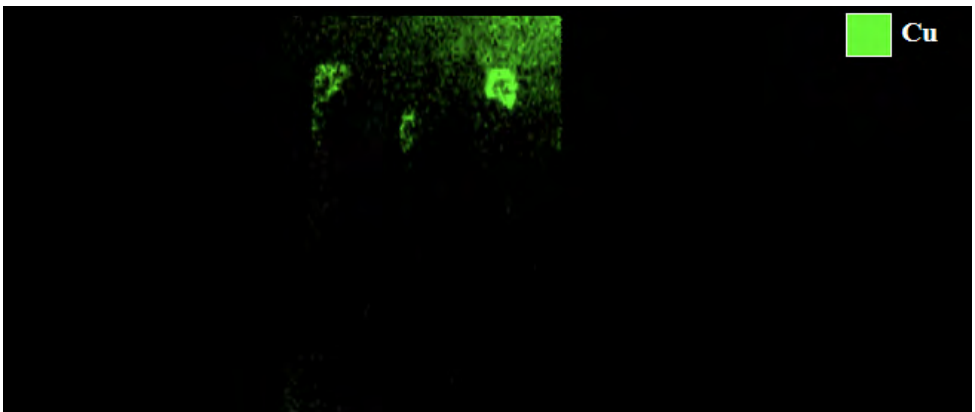
Ил. 8. Вид оборотной стороны второго листа грамоты после реставрации

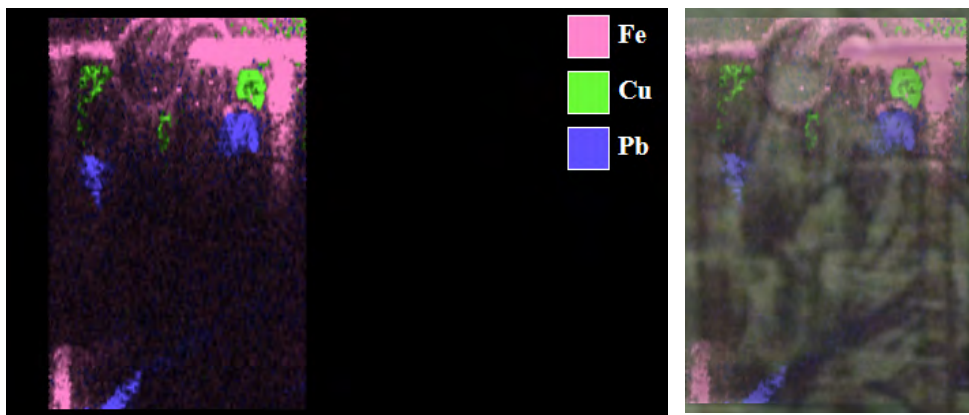
Ил. 9. Распределение интенсивностей Fe (K α)

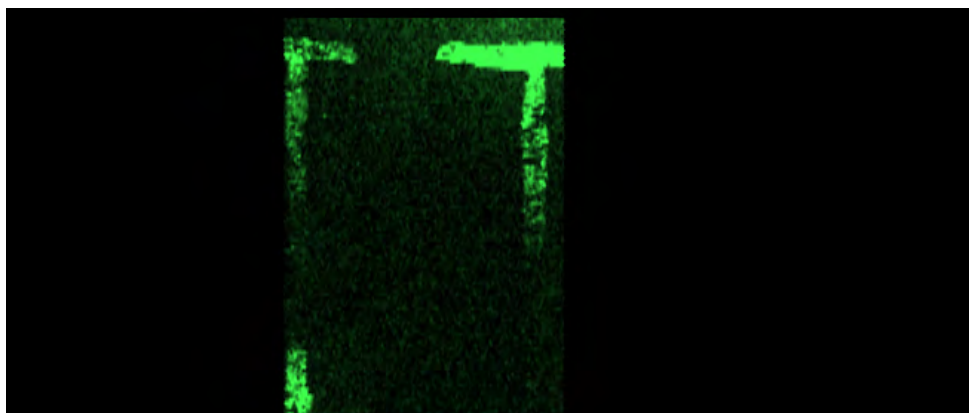
Ил. 10. Распределение интенсивностей Pb (K α)

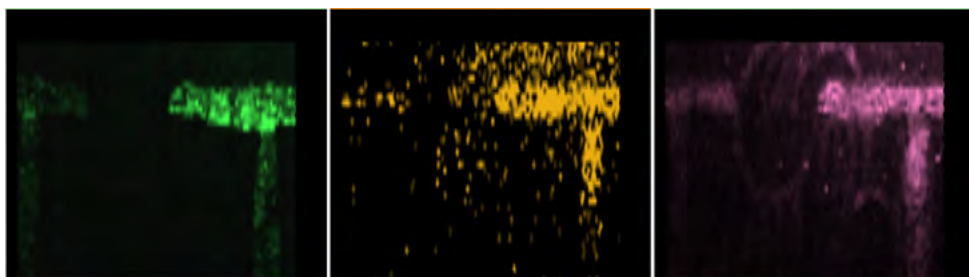
Ил. 11. Распределение интенсивностей Cu (K α)

Ил. 12. Распределение интенсивностей Pb ($K\alpha$), Cu ($K\alpha$) и Fe ($K\alpha$), наложенные друг на друга и на изображение буквы

Ил. 13. Распределение интенсивностей Au ($K\alpha$)

Ил. 14. Распределение интенсивностей Au ($K\alpha$) — зеленое, Ti ($K\alpha$) — желтое, Fe ($K\alpha$) — розовое

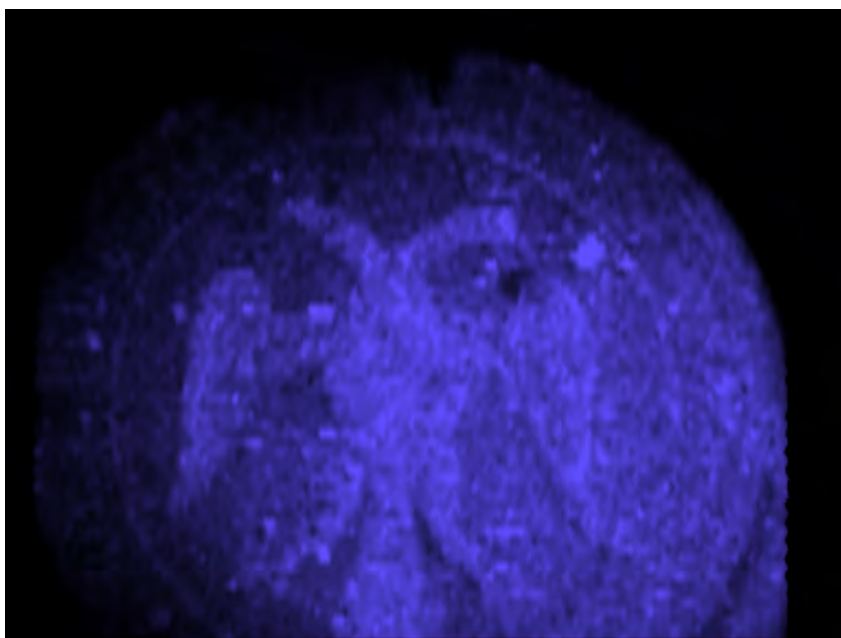
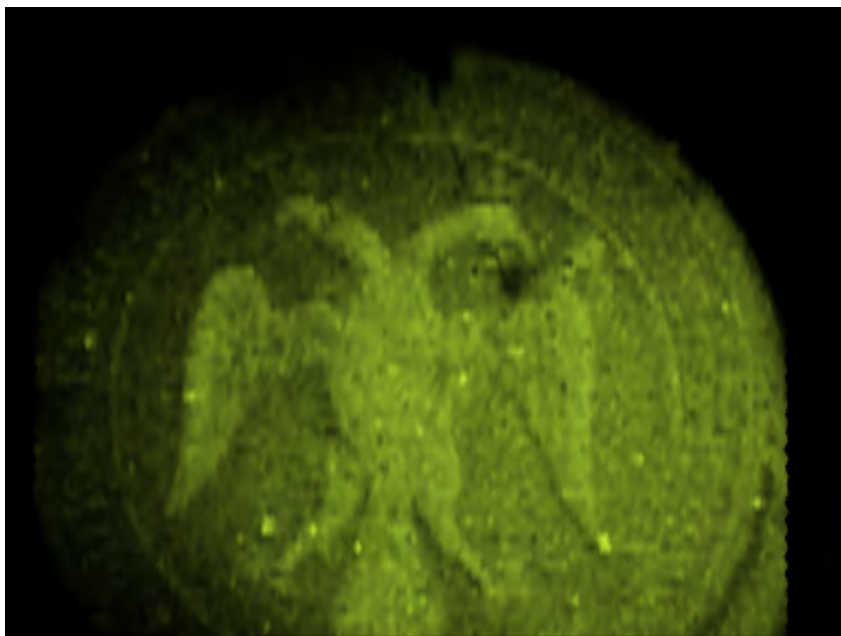

Рис. 15. Распределение интенсивностей:
Hg ($K\alpha$) – зеленое, Pb ($K\alpha$) – синее

К статье А. А. Дмитриевой, П. А. Тихонова
«Развитие фотоэкспертного направления
в деятельности ГАИМК в 1920–30-е гг.»

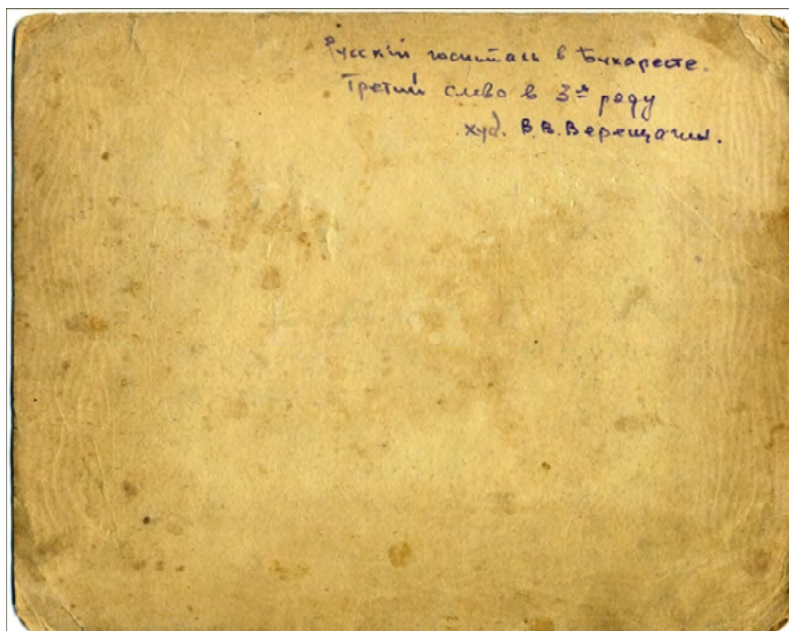
Ил. 1–2. Вышивка шерстяной ткани. Голова воина.
Из монгольских раскопок П. К. Козлова. Изображение усилено
фотоаналитическим путем с повышением тональности
(Ил. из: Тихонов Н. П. Фотография в полевой работе)

К статье Е. М. Шепиловой, Ю. П. Баскаковой,
Л. И. Стариловой, В. Г. Зуйковой
«Выявление подделки фотографии времён
Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.»

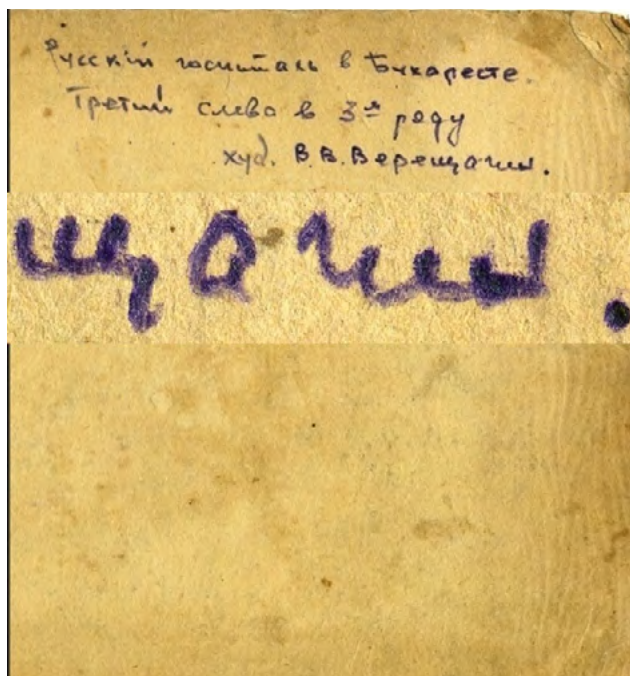
а)

б)

Ил. 1. Групповой снимок времён русско-турецкой войны (1877–1878 гг.) «Русский госпиталь в Бухаресте» на паспорту: а) лицевая сторона; б) оборотная сторона

Ил. 2. Надпись на оборотной стороне,
фрагмент надписи $\times 60$

Ил. 3. Регулярный розеточный растр на снимке,
наклеенном на паспарту $\times 10$

16 Медсестры и врачи с выздоравливающими офицерами, в третьем ряду третий слева В.В.Верещагин (?). 1877–1878

Известный художник-баталист Верещагин прибыл на Балканы в начале лета 1877 года, когда в боях действия наступило затишье. Он постоянно искал случая оказаться в сражении, и такая возможность представилась вскоре после встречи с бывшим товарищем по морскому корпусу Скрыдловым.

Этот лейтенант командовал тогда миноножкой "Шутка", которая защищала переправу русской армии через Дунай. Ей предстояло участвовать в опасной боевой операции – отбросить турецкие суда от переправы. Верещ

агин решил участвовать в сражении.

8 июня солдаты обеих армий стали свидетелями беспримерной атаки крохотной миноножки на крупный турецкий корабль. Прорвавшись через мощный заградительный огонь, "Шутка" подошла вплотную к вражескому судну. Турки с ужасом ожидали взрыва мины, но она оказалась поврежденной и не сработала. Опомнившись от страха, они стали в упор расстреливать смельчаков. Экипаж русских был на полузатонувшее суденышко с поврежденной машиной сумело взорваться из-под обстрела и уйти от погони.

После боя тяжело раненого Скрыдлова и раненого в бедро Верещагина привезли в лазарет у местечка Журже

во, потом – в бухарестский госпиталь. Здесь их лечили и выхаживали, но у Верещагина появились признаки начинающейся гангрены и врачи решились на операцию, после которой художник начал медленно выздоравливать. В госпитале он пролежал больше двух месяцев.

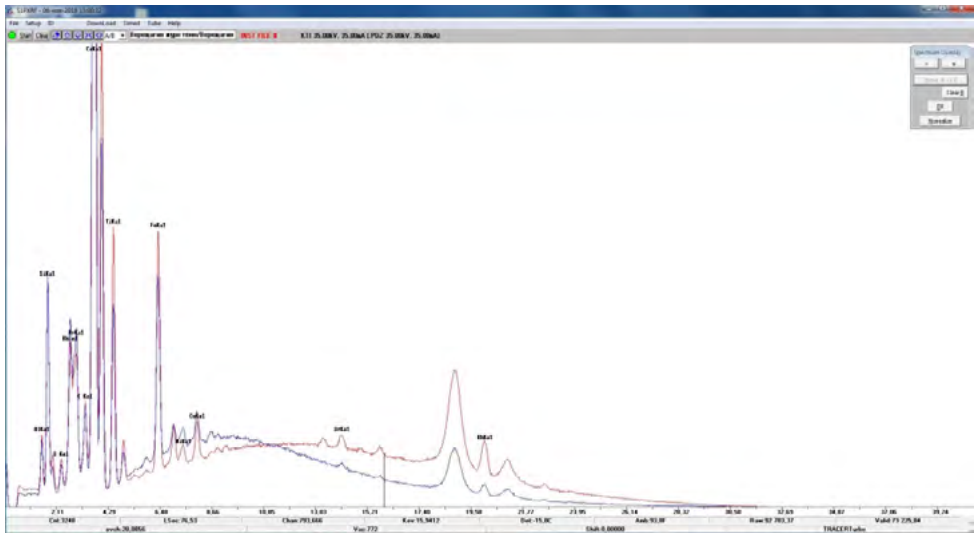
О подвиге экипажа "Шутки" и его волонтере Верещагине сообщили тогда многие русские и европейские газеты. В бухарестском госпитале выздоравливающих героев, лежавших в одной палате, посещали знакомые, например, прославленный в будущем генерал М.Д.Скобелев, военный корреспондент В.И.Немирович-Данченко (брат театрального деятеля), писатель и художник-баталист Н.Н.Карзин.

Однажды, в окружении бо-

льшой свиты их навещал сам Александр II. Он вручил Скрыдлову почетную награду – Георгиевский крест. При этом, обращаясь к Верещагину, сказал: "А у тебя уже есть, тебе не нужно". Для такой реплики у царя были причины – монарх раздражало независимое поведение художника и его пафосистские взгляды.

Эта маленькая находка – портрет Скрыдлова – может стать ключом к другим открытиям, потому что на групповых фотографиях наверху залпчатлены и Верещагин, и Склифосовский и другие пациенты и врачи госпиталя. В самом деле, после тщательного изучения на одном из таких снимков мы "разглядели" Верещагина?! Хотя пока это только версия...

Ил. 4. Публикация изображения фотографии в журнале «Наше наследие» (1991. № 1 (19))

Ил. 5. Сравнение спектров РФА, где синяя линия — спектр бумаги снимка на паспорту, красная — спектр бумаги репродукции в журнале

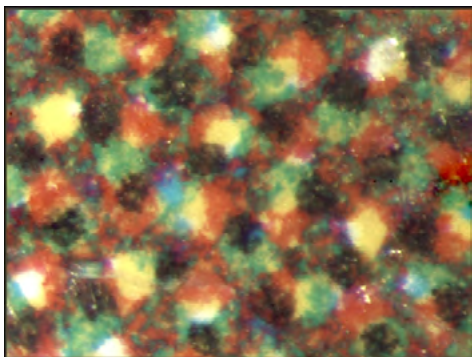

а)

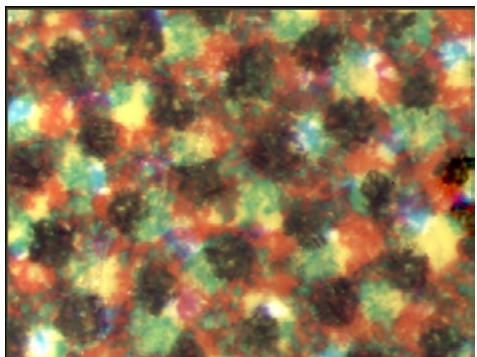

б)

Ил. 6. Сравнение растров $\times 10$: а) снимок на паспорту; б) репродукция в журнале

а)

б)

Ил. 7. Сравнение цветоделения $\times 115$: а) снимок на паспорту; б) репродукция в журнале.

16 Медсестры и врачи с выходящими офицерами, в третьем ряду третий слева В.В.Верещагин (?). 1877-1878

Известный художник-баталист Верещагин прибыл на Балканы в начале лета 1877 года, когда в боевых действиях наступило затишье. Он постоянно искал случаи, которые оказались в сражении, и такая возможность представилась вскоре после восточа с бывшим товарищем по морскому корпусу Скрыдловым.

Этот лейтенант командовал тогда миноносной "Шутка", которая защищала переправу русской армии через Дунай. Ей предстояло участвовать в опасной боевой операции – отбросить турецкие суда от переправы. Верещ

агин решил участвовать в сражении.

8 июня солдаты обеих армий стали свидетелями беспримерной атаки крохотной миноноски на крупный турецкий корабль. Прорвавшись через мощный заградительный огонь, "Шутка" подошла вплотную к вражескому судну. Турки с ужасом ожидали взрыва мины, но она оказалась поврежденной и не сработала. Опомившись от страха, они стали в упор расстреливать смельчаков. Экипаж русских был на краю гибели. Невероятно, но полузатонувшее суденышко с поврежденной машиной сумело вырваться из-под обстрела и уйти от погони.

После боя тяжело раненого Скрыдлова и раненного в бедро Верещагина привезли в лазарет у местечка Журже

во, потом – в бухарестский госпиталь. Здесь их лечили и выжили, но у Верещагина появились признаки начинающейся гангрены и врачи решили на операцию, после которой художник начал медленно выздоравливать. В госпитале он пролежал больше двух месяцев.

О подвиге экипажа "Шутки" и его волонтере Верещагине сообщили тогда многие русские и европейские газеты. В бухарестском госпитале выздоравливающих героев, лежавших в одной палате, посещали знакомые, например, прославленный в будущем генерал М.Д.Скобелев, военный корреспондент В.И.Немирович-Данченко (брат театрального деятеля), писатель и художник-баталист Н.Н.Каразин.

Однажды, в окружении бо

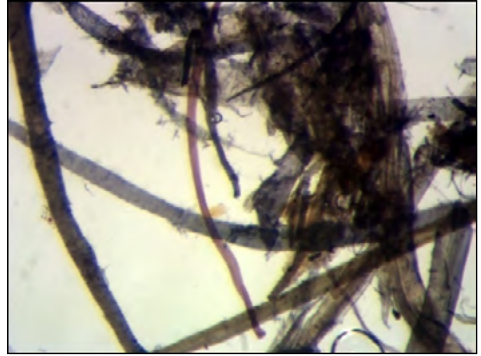
льшой свиты их навещил сам Александр II. Он вручил Скрыдлову почетную награду – Георгиевский крест. При этом, обращаясь к Верещагину, сказал: "А у тебя уже есть, тебе не нужно". Для такой реплики у царя были причины – монарх раздразнило независимое поведение художника и его пафосные взгляды.

Эта маленькая находка – портрет Скрыдлова – может стать ключом к другим открытиям, потому что на групповых фотографиях наварника запечатлены и Верещагин, и Склифосовский и другие пациенты и врачи госпиталя. В самом деле, после тщательного изучения на одном из таких снимков мы "разглядели" Верещагина? Хотя пока это только версия...

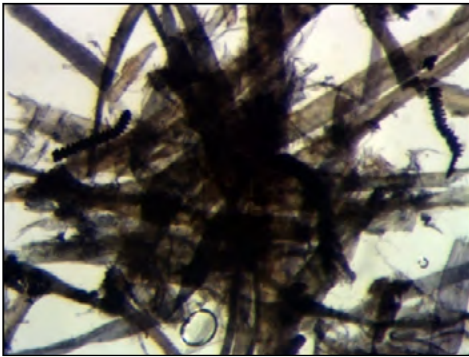
Ил. 8. Совмещение изображения группового снимка на паспарту с изображением репродукции в журнале

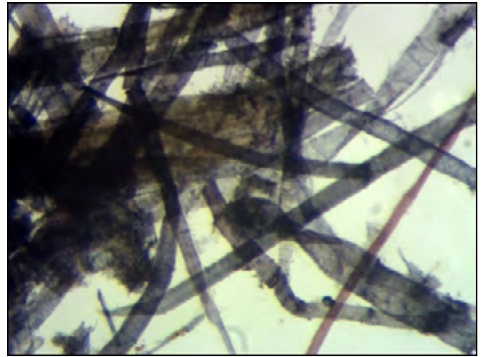
а)

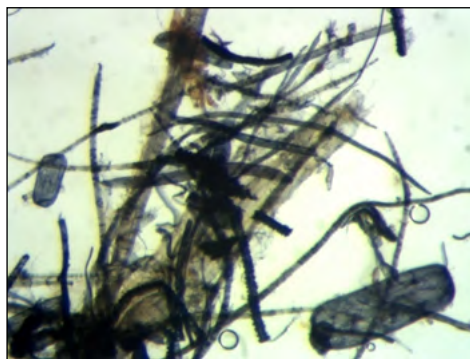
б)

в)

г)

д)

Ил. 9. Состав по волокну картона паспарту:
а) средний слой картона; б) и в) покровный (зелёный) слой лицевой стороны;
г) и д) покровный (белый) слой оборотной стороны

а)

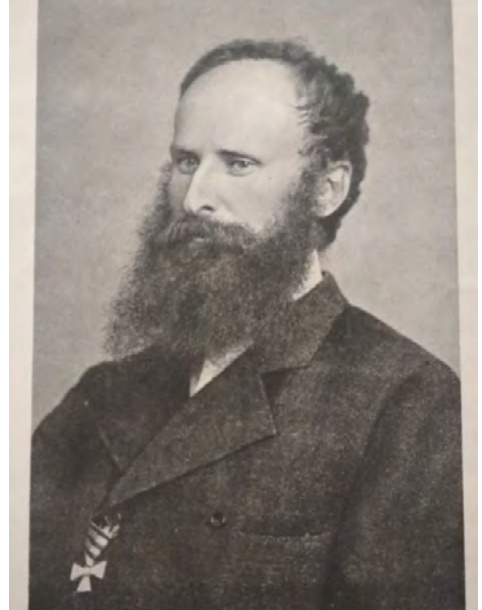

б)

в)

г)

д)

Ил. 10. Сравнение портретов В. В. Верещагина 70–80-х гг. XIX в. с изображением на групповом снимке: а) увеличенное изображение мужчины на исследуемой репродукции фотографии, предположительно В. В. Верещагина; б), в) портреты В. В. Верещагина (1877–1878); г) портрет В. В. Верещагина (предположит. 1870-е гг.); д) портрет В. В. Верещагина (1877)

К. В. Сазанова, А. Д. Власов, Е. Г. Хосид
Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

ШТАММОВАЯ ВАРИАБЕЛЬНОСТЬ ГРИБОВ *ASPERGILLUS NIGER* ПРИ АДАПТАЦИИ К БИОЦИДУ МЕТАТИН (ROCIMA GT)*

Проведено исследование штаммовой вариабельности грибов *Aspergillus niger* по их устойчивости к биоциду Rocima GT (метатин) и образованию органических кислот под действием этого биоцида. Устойчивость к биоциду Rocima GT (метатин) коррелирует с физиологическими особенностями штаммов *Aspergillus niger*, в частности с процессами энергетического обмена. Наибольшей устойчивостью к действию метатина обладают штаммы, выделенные с минерального субстрата.

Ключевые слова: биоповреждения, микромицеты, *Aspergillus niger*, штаммовая вариабельность, бумага.

К. V. Sazanova, A. D. Vlasov, E. G. Hosid
St. Petersburg Branch of the Archive of the RAS

STRAIN VARIABILITY OF *ASPERGILLUS NIGER* FUNGI WHEN ADAPTATION TO THE BIOCIDES METATIN (ROCIMA GT)

There was performed a study of the strain variability of *Aspergillus niger* by the resistance to the Rocima GT biocide (metatin) and the formation of organic acids under the action of this biocide. Resistance to the biocide Rocima GT (metatin) correlates with the physiological characteristics of *Aspergillus niger* strains, in particular with the processes of energy exchange. The strains isolated from the mineral substrate have the greatest resistance to the action of metatin.

Key words: biodeterioration, micromycetes, *Aspergillus niger*, strain variability, paper.

Поселяясь на поверхности различных материалов, микроскопические грибы вызывают их повреждение. Проблема микоповреждений особенно актуальна по отношению к объектам, имеющим культурную и историческую ценность¹.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант 20-04-01092 А «Механизмы образования и ремоделирования молекулярного разнообразия фосфатидилхолинов и их физиологическая роль в грибной клетке»).

¹ Castillo I. F. et al. Preventing fungal growth on heritage paper with antifungal and cellulase inhibiting magnesium oxide nanoparticles // Journal of Materials Chemistry B. 2019. Vol. 7, Iss. 41. P. 6412–6419.

Как правило, основная доля видового разнообразия грибов-биодеструкторов памятников культурного наследия представлена космополитными сапротрофными микромицетами, способными развиваться на различных субстратах. Штаммовая вариабельность грибов по их физиологическим особенностям может быть связана с условиями их обитания и зависеть от климатических и экологических условий. *Aspergillus niger* (Tiegh.) — один из наиболее часто встречающихся видов микромицетов на поверхности поврежденной бумаги в библиотеках и архивах². *A. niger* обладает целлюлозолитической³ и лигнолитической⁴ активностью, а также может влиять на физико-химические свойства бумаги и других материалов благодаря способности к интенсивному образованию органических кислот⁵.

Для защиты от биоповреждений, вызываемых грибами, синтезировано большое количество фунгицидов, различающихся по химической природе и принципу действия. Использование этих веществ может оказывать фунгицидное или фунгистатическое действие, влияя на процессы метаболизма грибов⁶. Одним из широко применяемых в консервационно-реставрационной практике биоцидов является метатин (*Rocima GT*)⁷.

Цель данной работы состояла в сравнительном анализе устойчивости нескольких штаммов *A. niger*, изолированных с поверхности различных материалов по их устойчивости к действию биоцида метатин и выделению ими органических кислот под действием этого вещества.

В исследование было включено пять штаммов *A. niger* (см. табл.), выделенных с поверхности природных и искусственных субстратов из различных регионов. Два штамма (Р 1/12 и Вм-53) были изолированы с поверхности памятников на бумажной основе в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН. Для сравнительного анализа использовались штаммы, изолированные с поверхности минеральных субстратов (S 1/11, Ch 4/07, A 2/12) из коллекции чистых культур лаборатории микологии СПбГУ. Штаммы Ch 4/07 и A 2/12 были получены из регионов с резко отличающимися климатическими условиями.

² Borrego S., Molina A., Santana A. Fungi in Archive Repositories Environments and the Deterioration of the Graphics Documents // *EC Microbiology*. 2017. Vol. 11, Iss. 5. P. 205–226.

³ Patyshakuliyeva A. et al. Improving cellulase production by *Aspergillus niger* using adaptive evolution // *Biotechnology Letters*. 2016. Vol. 38, Iss. 6. P. 969–974.

⁴ Arutchelvan V. et al. Biodegradation of lignin by *Aspergillus niger* // *Asian Journal of Microbiology, Biotechnology and Environmental Sciences*. 2003. Vol. 5, Iss. 4. P. 603–606.

⁵ Сазанова К. В., Кузикова И. Л., Медведева Н. Г. Влияние фунгицидов на продукцию кислот грибами родов *Aspergillus* и *Penicillium* // *Микология и фитопатология*. 2016. Т. 50, № 2. С. 124–129.

⁶ Сухаревич В. И., Кузикова Н. Г., Медведева Н. Г. Защита от биоповреждений, вызываемых грибами. СПб., 2009.

⁷ ГОСТ 7.50–2002. Консервация документов. Общие требования. Минск, 2002; Великова Т. Д., Трепова Е. С. Биоциды, применяемые для обработки бумаги // *Биоповреждение документов: сб. статей*. СПб., 2009. С. 109–118; Великова Т. Д., Хазова С. С. Инструкция по обработке документов биоцидом *Rocima GT* (*Metatin GT*) // Там же. С. 149–159.

Характеристика штаммов *Aspergillus niger*

Штамм	Регион изоляции	Субстрат	Год изоляции
P 1/12	Санкт-Петербург	Бумага	2012
Vm-53	Санкт-Петербург	Бумага	2010
S 1/11	Санкт-Петербург	Штукатурное покрытие	2011
Ch 4/07	Севастополь	Мрамор	2007
A 2/12	Антарктида	Гнейс	2012

Для культивирования использовали среду Чапека. Грибы выращивали при температуре 25°C. Метатин добавляли в питательную среду в концентрации 0,05 %. Для характеристики роста грибов измеряли биомассу мицелия и линейную скорость роста колоний. Исследование микроморфологии культур проводилось методом световой микроскопии.

Для определения общего содержания органических кислот в культуральной жидкости грибов пробы подкисляли 0.1N HCl до pH 1.0 с целью растворения солей щавелевой кислоты. Далее аликвоту фильтрата пропускали через катионообменную смолу марки КУ-2-8, что дало возможность получить свободные кислоты из солей органических кислот. Чтобы освободиться от избытка сахаров, пробы после катионита пропускали через анионообменную смолу марки АН-2ФН. С анионита кислоты вытесняли 0.2N NaOH и снова пропускали через катионит. Полученный водный раствор органических кислот выпаривали, сухой остаток растворяли в пиридине. Далее с использованием N, O-бис-(триметилсилил) трифторацетамида (BSTFA) получали ТМС(триметилсилил)-производные.

Анализ синтезированных грибами карбоновых кислот проводили методом газовой хромато-масс-спектрометрии (ГХ-МС) на приборе Agilent с масс-селективным детектором 5975С (США). Статистическую обработку результатов проводили методами непараметрической статистики с использованием *t*-критерия Стьюдента с помощью программы Microsoft Excel. Средние значения данных приводятся в следующем виде: $\bar{X} \pm s$, где \bar{X} — среднее арифметическое, s — среднее квадратичное отклонение.

Добавление биоцида в питательную среду замедляло рост и подавляло спороношение *A. niger*. Под действием биоцида рост мицелия всех микромицетов происходил преимущественно глубинным образом, в виде пеллет, поверхностной пленки мицелия не формировалось. Культуры, подверженные действию метатина, формировали конидиеносцы меньшего размера (150–200 μm), в то время как в контроле размер конидиеносцев достигал 450 μm .

Наибольшей устойчивостью к действию метатина обладали штаммы, выделенные с минерального субстрата (рис. 1). Метатин подавлял рост штаммов S 1/11 и A 2/12 на 47 % и 49 % соответственно на восьмые сутки культивирования. Рост колоний *A. niger* Ch 4/07 замедлялся на 58 %, а штаммы, выделенные с поверхности бумаги (P 1/12 и Vm-53), росли под действием метатина медленнее, чем в контроле, на 66 % и 62 % соответственно.

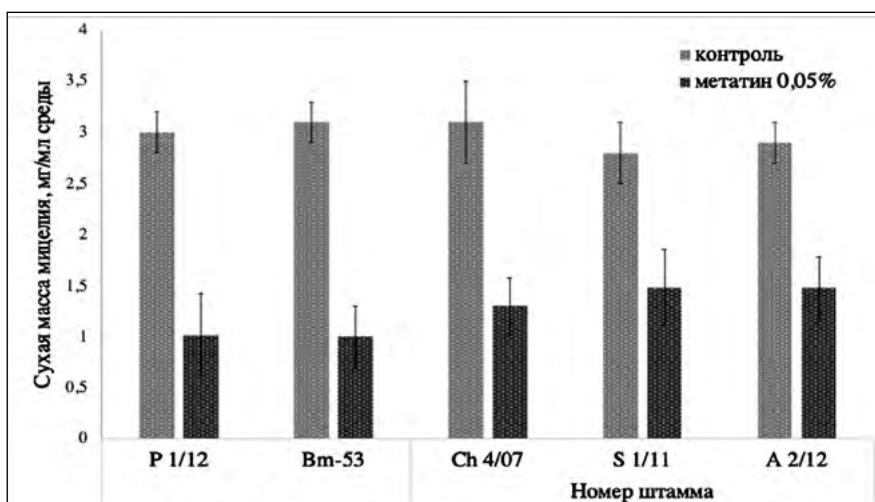

Рис. 1. Влияние биоцида метатин на рост *A. niger* (восьмые сутки культивирования)

Анализ кислотообразующей активности у различных штаммов *A. niger* в контроле (без добавления фунгицида) показал, что интенсивность образования и выделения кислот грибами сильно варьируется в зависимости от типа субстрата, с которого был получен штамм. Штаммы, изолированные с поверхности бумаги, оказались слабыми продуцентами щавелевой кислоты по сравнению со штаммами, изолированными с поверхности штукатурного покрытия и камня. В то же время наибольшей способностью выделять лимонную кислоту обладал один из двух штаммов, изолированных с бумаги. Подробная характеристика штаммовой вариабельности *A. niger* по способности выделять органические кислоты представлена в работе⁸.

Влияние метатина на образование кислот проявлялось в увеличении образования оксалата у наиболее устойчивых к метатину штаммов (A 2/12 и S 1/11) и подавлении его образования у более чувствительных штаммов (Ch 4/07 и P 1/12) (рис. 2). Интенсивность образования других органических кислот сильно варьировалась при воздействии метатина, но, как правило, уменьшалась относительно контроля на 40–70%.

Метатин представляет собой биоцидный препарат на основе азолов и действует главным образом на ферменты пути синтеза эргостерола. Азолы нарушают биосинтез эргостерола и, как следствие, приводят к изменениям в работе мембранно-связанных ферментов. Предполагается также ингибирование фермента С 22-стерол-десатуразы (ERG 5)⁹. Возможно, щавелевая кислота в данном случае может способствовать поддержанию целостности

⁸ Сазанова К. В., Власов Д. Ю. Изменение ацидофицирующей активности штаммов *Aspergillus niger* при адаптации к стрессу // Микология и фитопатология. 2020. Т. 54, № 3. С. 214–220.

⁹ Bhandari B. B., Yadav M. M., Roy A. Antifungal drug resistance — concerns for veterinarians // Veterinary World. 2009. Vol. 2, Iss. 50. P. 204–207.

мембран и, соответственно, большей устойчивости к действию биоцида, что согласуется с гипотезой о роли щавелевой кислоты в поддержании стабильности мембран¹⁰.

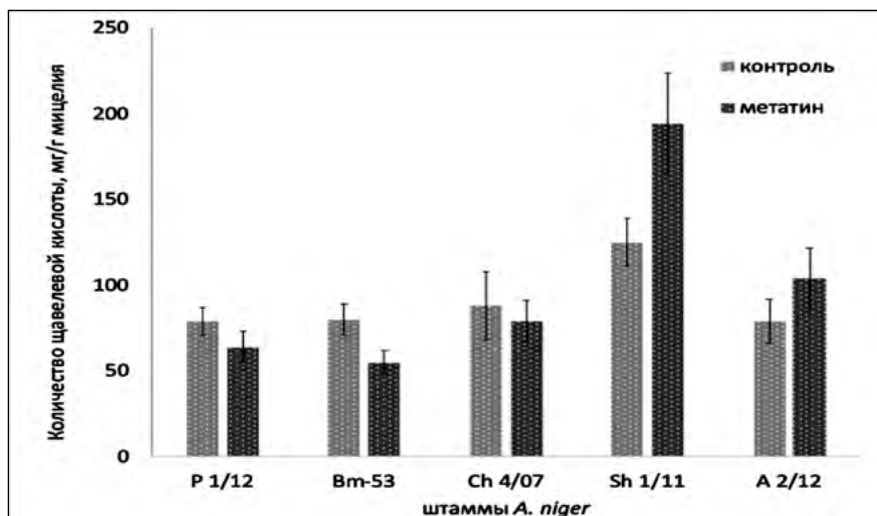

Рис. 2. Влияние метатина (0,05 %) на образование органических кислот *A. niger*

Обобщая полученные результаты, можно заключить, что устойчивость к биоциду метатин коррелирует с физиологическими особенностями штаммов *A. niger*, в частности с процессами энергетического обмена. При этом данный препарат может влиять на метаболизм грибов по-разному даже у представителей одного вида, в зависимости от исходных штаммовых особенностей.

Полученные результаты показали, что, несмотря на периодическое применение биоцида метатин в консервационно-реставрационных мероприятиях, микромицеты, изолированные с поверхности бумаги в хранилищах архивных фондов, не обладают большей резистентностью по сравнению со штаммами, изолированными с других субстратов и в том числе с территорий, не подверженных антропогенному влиянию. Стоит отметить, что *A. niger* A 2/12 отличался большей устойчивостью к метатину, чем большинство штаммов умеренных широт. Эти результаты согласуются с современными литературными данными, подтверждающими устойчивость ко многим стрессовым факторам полярных изолятов микроорганизмов¹¹.

¹⁰ Zheng X. et al. Physiological and biochemical responses in peach fruit to oxalic acid treatment during storage at room temperature // Food Chemistry. 2007. Vol. 104, Iss. 1. P. 156–162.

¹¹ Fernández P. M. et al. Phenol degradation and heavy metal tolerance of Antarctic yeasts // Extremophiles. 2017. Vol. 21, Iss. 5. P. 445–457; Kan G. et al. Copper stress response in yeast *Rhodotorula mucilaginosa* AN5 isolated from sea ice, Antarctica // MicrobiologyOpen. 2019. Vol. 8, Iss. 3. e00657; Ruisi S. et al. Fungi in Antarctica. Reviews in Environmental // Science and Bio/Technology. 2007. Vol. 6, Iss. 1. P. 127–141.

Таким образом, биоцидный препарат метатин может подавлять рост микромицетов и влиять на особенности метаболизма грибов в различной степени, в зависимости от свойств штамма. Детальный анализ биохимических изменений микромицетов под действием биоцидов является предметом дальнейших исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Великова Т. Д., Трепова Е. С. Биоциды, применяемые для обработки бумаги // Биоповреждение документов : сб. статей. СПб, 2009. С. 109–118.
- Великова Т. Д., Хазова С. С. Инструкция по обработке документов биоцидом Rocima GT (Metatin GT) // Биоповреждение документов : сб. статей. СПб., 2009. С. 149–159.
- ГОСТ 7.50-2002. Консервация документов. Общие требования. Минск, 2002.
- Сазанова К. В., Кузикова И. А., Медведева Н. Г. Влияние фунгицидов на продукцию кислот грибами родов *Aspergillus* и *Penicillium* // Микология и фитопатология. 2016. Т. 50, № 2. С. 124–129.
- Сазанова К. В., Власов Д. Ю. Изменение ацидофицирующей активности штаммов *Aspergillus niger* при адаптации к стрессу // Микология и фитопатология. 2020. Т. 54, № 3. С. 214–220.
- Сухаревич В. И., Кузикова Н. Г., Медведева Н. Г. Защита от биоповреждений, вызываемых грибами. СПб., 2009.
- Arutchelvan V. et al. Biodegradation of lignin by *Aspergillus niger* // Asian Journal of Microbiology, Biotechnology and Environmental Sciences. 2003. Vol. 5, Iss. 4. P. 603–606.
- Bhandari B. B., Yadav M. M., Roy A. Antifungal drug resistance — concerns for veterinarians // Veterinary World. 2009. Vol. 2, Iss. 50. P. 204–207.
- Borrego S., Molina A., Santana A. Fungi in Archive Repositories Environments and the Deterioration of the Graphics Documents // EC Microbiology. 2017. Vol. 11, Iss. 5. P. 205–226.
- Castillo I. F. et al. Preventing fungal growth on heritage paper with antifungal and cellulase inhibiting magnesium oxide nanoparticles // Journal of Materials Chemistry B. 2019. Vol. 7, Iss. 41. P. 6412–6419.
- Fernández P. M. et al. Phenol degradation and heavy metal tolerance of Antarctic yeasts // Extremophiles. 2017. Vol. 21, Iss. 5. P. 445–457.
- Kan G. et al. Copper stress response in yeast *Rhodotorula mucilaginosa* AN5 isolated from sea ice, Antarctic // MicrobiologyOpen. 2019. Vol. 8, Iss. 3. e00657.
- Patyshakuliyeva A. et al. Improving cellulase production by *Aspergillus niger* using adaptive evolution // Biotechnology Letters. 2016. Vol. 38, Iss. 6. P. 969–974.
- Ruisi S. et al. Fungi in Antarctica. Reviews in Environmental // Science and Bio/Technology. 2007. Vol. 6, Iss. 1. P. 127–141.
- Zheng X. et al. Physiological and biochemical responses in peach fruit to oxalic acid treatment during storage at room temperature // Food Chemistry. 2007. Vol. 104, Iss. 1. P. 156–162.

Н. И. Подгорная, Е. С. Трепова
Федеральный центр консервации библиотечных фондов
Российской национальной библиотеки

ПРИМЕНЕНИЕ ЦИКЛОДОДЕКАНА В ПРАКТИКЕ РЕСТАВРАЦИИ ДОКУМЕНТОВ НА БУМАГЕ

Циклододекан — циклический углеводород, сублимирующий при комнатной температуре, используется при реставрации документов на бумаге как закрепитель водочувствительных чернил и красок. В статье представлены результаты сравнения эффективности закрепления и влияния на цветовые характеристики неводостойких материалов записи информации, а также скорости сублимации, в зависимости от способа нанесения закрепителя.

Ключевые слова: реставрация, консервация документов на бумаге, циклододекан, защита неводостойких материалов, техника нанесения.

N. I. Podgornaya, E. S. Trepova
Federal Centre for Conservation of Library Collections of
the Russian National Library

CYCLODODECANE APPLICATION AT PAPER-BASED DOCUMENTS RESTORATION

Cyclododecane is a cyclic hydrocarbon that sublimates at room temperature and is used in paper conservation as a fixative for water-sensitive inks and paints. The article presents the results of comparing the fixation effectiveness and influence on the color characteristics of non-water-resistant materials for recording information, as well as sublimation speed, depending on the method of fixative application.

Key words: restoration, conservation of paper-based documents, cyclododecane, waterproofing, application techniques.

Водостойкость материалов записи информации всегда является ограничительным критерием при использовании водной обработки документов на бумаге в процессе реставрации. Существует не так много способов, позволяющих консерватору изолировать или зафиксировать неводостойкие материалы для лучшей их защиты во время водной обработки. Некоторые из них использовались на протяжении многих лет: Paraloid B-72, воски, BEVA®, поливинилпирролидон, фторлоны различных марок, эфиры целлюлозы и др. Во время реставрации предметов изобразительного искусства применение

фиксативов всегда вызывает сомнение, а если они используются, то для защиты небольших деталей (подпись автора, печать владельца и т. д.). Успешное использование фиксативов зависит от ряда факторов, которые далеко не всегда возможно контролировать: тип бумаги, степень чувствительности к воде у материала, который нужно зафиксировать, тип фиксатива, способ и условия применения водной обработки. Однако большинство применяемых в консервации фиксативов имеют один общий недостаток — они остаются на документе, и для сохранения аутентичности реставрируемого документа требуется дополнительное вмешательство для удаления слоя закрепителя после реставрации.

При работе с объектами, имеющими рисунки и тексты, выполненные неводостойкими материалами записи информации, часто возникают необходимость водной обработки и, как следствие, проблема выбора фиксатива для закрепления чернил и красок.

В последние десятилетия в практике реставрации документов на бумаге, произведений фресковой живописи нашел применение и хорошо показал себя циклододекан — пленкообразующий материал, принадлежащий к группе насыщенных неполярных ациклических углеводородов, обозначаемых также как циклоалканы, с низкой температурой плавления (от 35 до 65° С), нерастворимый в воде, но растворимый в органических растворителях. Немецкие ученые еще в 1995 г. предложили его в качестве материала, имеющего большой потенциал для использования во многих областях консервации¹. Достоинствами циклододекана в качестве закрепляющего средства в процессе водных обработок являются его водонерастворимость и безостаточная сублимация, т. е. вещество улетучивается при комнатной температуре непосредственно из твердого состояния, что устраняет необходимость в других химических или физических средствах его удаления². Кроме того, в процессе реставрации сохраняется историческая и культурная подлинность документа, что в дальнейшем позволит избежать вопросов и искажений при различных исследованиях.

По данным литературы, циклододекан наносится на бумагу либо как насыщенный раствор, либо в виде расплава³. В качестве растворителя чаще всего используют петролейный бензин. Лучшему проникновению в бумагу способствует предварительное смачивание документа растворителем. И раствор, и расплав, как правило, наносят кистью, хотя известна практика нанесения с помощью коммерческого инструмента для расплавления воска⁴.

¹ Герасимова Н. Г. Летучий воск циклододекан и реставрация памятников // Теория и практика сохранения памятников культуры. СПб., 2015. Вып. 24. С. 119–127; Hangleiter H. M., Jägers El., Jägers Er. Flüchtige Bindemittel // Zeitschrift für Kunsttechnologie und Konservierung. 1995. Heft 2. S. 385–392.

² Brückle I. et al. Cyclododecane: technical note on some uses in paper and objects conservation // Journal of the American Institute for Conservation. 1999. Vol. 38, Iss. 2. P. 162–175.

³ Овчинникова В. В. Применение циклододекана в реставрации бумаги // Реставрация документа: консерватизм и инновации / Мин-во культуры РФ ; РГБ. М., 2019. С. 35–37; Bandow C. Cyclododecan in der Papierrestaurierung // Restauro. 1999. Jg 10, № 5. S. 326–329.

⁴ Brückle I. et al. Cyclododecane...

Нанесение возможно как с одной стороны, так и с двух. На впитываемость реагента, а следовательно, на его защитные свойства, существенное влияние оказывает температура расплава, при которой происходит нанесение: оптимальной температурой расплава является диапазон 83–85° С⁵.

Известно, что циклододекан обеспечивает значительную, хотя и не всегда полную, защиту во время водных обработок. Кроме того, данный углеводород исследован в качестве барьерной пленки для получения прессформ из объектов с пористыми поверхностями, которые легко загрязняются остатками силикона. В сочетании с гуммиарабиком или метилцеллюлозой эта барьерная система практически исключала проникновение силиконовых масел в поверхность современных черепков цветочных горшков и образцов известняка. В обоих случаях циклододекан полностью сублимируется из субстратов после обработки.

Однако данные о продолжительности защитных свойств пленки циклододекана, а также о возможном негативном влиянии на материал записи информации, в литературе отсутствуют.

В связи с этим в ФЦКБФ РНБ на первом этапе исследования поставлена задача: оценить влияние метода нанесения на оптические свойства материала записи информации и определить время сублимации пленки циклододекана, нанесенной из раствора и расплава.

Объектом исследования служили модельные образцы бумаги 5×5 см² из 100%-ной сульфатной целлюлозы массой 80 г/м² опытной выработки с нанесенными красителями: алая акварель («Невская палитра», набор «Ленинград»), синие анилиновые чернила (ТУ 2389-036-06916705-02) и черная штемпельная краска (ТУ 6-00-06916705-19-94).

Насыщенный раствор циклододекана (10 г циклододекана на 15 мл растворителя) в бензине и расплав (температура плавления 60–65° С) на поверхность красочного слоя наносили двумя способами: без предварительного смачивания и с предварительным смачиванием поверхности растворителем. Раствор и расплав наносили плоской кистью с одной стороны в продольном и поперечном направлениях. Смачивание осуществляли из пульверизатора.

На спектрофотометре «Elgerho 070/071» при длине волны 457 нм, источнике света D 2 определяли координаты цвета L*, a*, b* коэффициент отражения материала красочного слоя. На основе значений L*, a*, b* рассчитана величина общего цветового различия ΔE между цветом образца до и после использования закрепителя. По данным литературы, неощутимые изменения характеризуются ΔE < 0,5, заметные — ΔE > 1,6, неприемлемые — ΔE > 10,2⁶. В соответствии с европейским стандартом DIN 5033 изменение цвета при значении величины ΔE > 3 воспринимается как различимое глазом, т. е. чем больше величина ΔE, тем более заметно изменение цвета.

⁵ Muñoz-Viñas S., Vivancos-Ramón V., Ruiz-Segura P. The Influence of Temperature on the Application of Cyclododecane in Paper Conservation // Restaurator. 2016. Vol. 37, Iss. 1. P. 29–48.

⁶ Michalski S., Gignard C. Ultrasonic misting. Part 1. Experiments on appearance and improvement in bonding // Journal of the American Institute for Conservation. 1997. Vol. 36, Iss. 2. P. 109–126.

Скорость сублимации оценивали весовым методом⁷ с корректировкой по контрольному взвешиванию на весах OHAUS с точностью $\pm 0,00001$ г.

Результаты и обсуждение

Наиболее быстрая сублимация циклододекана с поверхности образцов бумаги с нанесенными на них акварельной краской и анилиновыми чернилами происходит при обработке раствором с предварительным смачиванием — уже через трое суток масса образца практически вернулась к начальной. Наиболее стойкое во времени покрытие получалось при нанесении расплава с предварительным смачиванием (рис. 1 и 2).

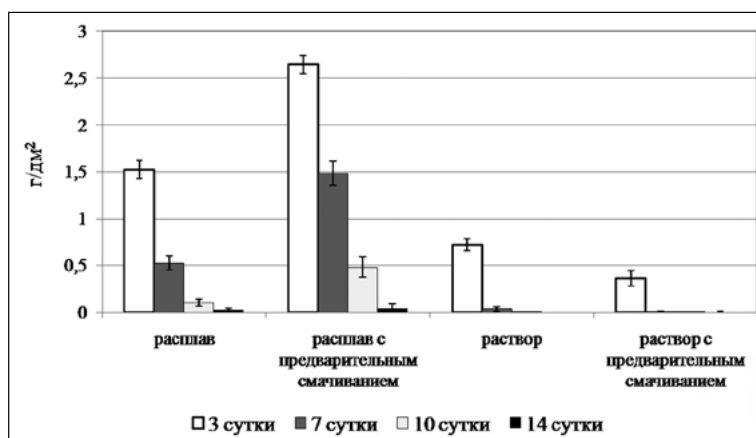

Рис. 1. Сублимация циклододекана с поверхности акварели

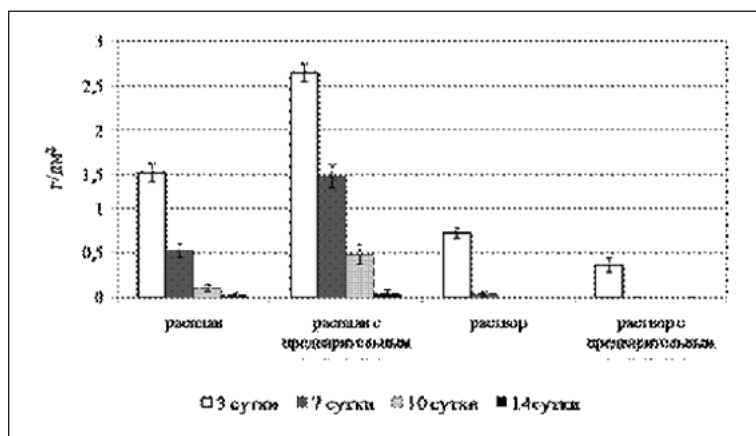

Рис. 2. Сублимация циклододекана с поверхности анилиновых чернил

⁷ Мамаева Н. Ю. Инструкция по оценке запыленности документов и качества их обеспыливания // Лабораторные методики и технологические инструкции в консервации документов. СПб., 2016. С. 46–52.

В конечном итоге, после двух недель кондиционирования при закреплении анилиновых чернил раствором с предварительным смачиванием, на поверхности образцов осталось на порядок больше циклододекана, чем на образцах с акварельной краской при аналогичном способе нанесения закрепителя. При нанесении циклододекана из расплава (обоими способами) как скорость сублимации, так и остаток вещества имеют сходные значения.

В процессе закрепления и последующей сублимации циклододекана с поверхности штемпельной краски ушло ощутимое количество материала записи информации (рис. 3).

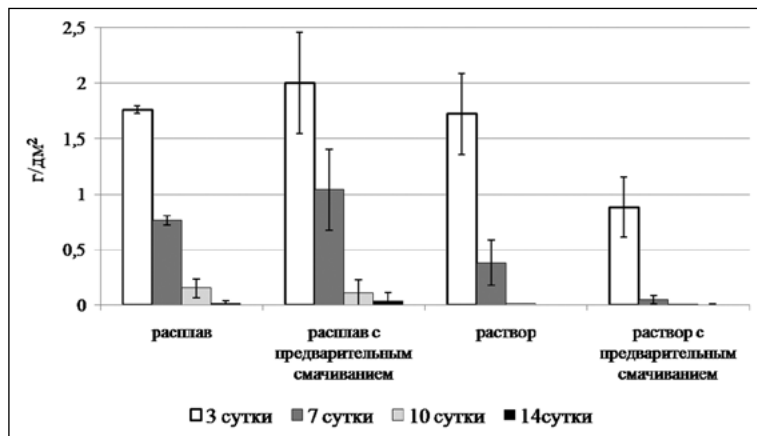

Рис. 3. Сублимация циклододекана с поверхности штемпельной краски

Образцы с акварелью при нанесении циклододекана из расплава имеют характерный затек более темного оттенка. При нанесении циклододекана на акварель из раствора, как с предварительным смачиванием, так и без, образуется равномерный, гладкий слой полимера, но в то же время не толстой корки, которая образуется на поверхности акварели при нанесении циклододекана из расплава.

Анилиновые чернила, штемпельная краска и акварель при нанесении на них циклододекана из расплава с предварительным смачиванием ведут себя схожим образом: на поверхности образуется толстая корка полимера, отстающая от поверхности образца. Тогда как при нанесении на анилиновые чернила и штемпельную краску расплава циклододекана без предварительного смачивания полимер кристаллизуется с образованием более гладкой и ровной поверхности.

При обработке раствором циклододекана анилиновых чернил и штемпельной краски не обнаружено ощутимой разницы между способами нанесения с предварительным смачиванием и без. Однако при первом способе нанесения в серии повторностей есть по одному образцу, на которых тактильно не ощущается присутствие полимера на поверхности образца.

Изменения цветовых характеристик красочного слоя после нанесения циклододекана представлены в таблице.

Изменение оптических характеристик красочного слоя
после нанесения циклододекана

Вид красочн. слоя	Способ нанесения циклододекана	Диффузионный коэффициент отражения (R_{457}), %		Общее цветовое различие (ΔE)
		До обработки	После обработки	
Акварель	Расплав	10,68	9,90	1,5
		14,94	13,44	2,3
		14,47	14,21	1,0
	Расплав с предварительным смачиванием	16,75	16,37	0,5
		14,93	11,83	5,1
		12,66	12,37	0,5
	Раствор	15,76	15,35	3,9
		14,18	12,95	2,0
		14,35	12,12	4,2
	Раствор с предварительным смачиванием	8,51	8,44	1,0
		15,81	15,09	1,0
		13,79	13,19	1,0
Чернила анилиновые	Расплав	13,82	13,28	1,2
		19,45	16,01	5,5
		12,14	11,45	1,7
	Расплав с предварительным смачиванием	13,72	13,38	1,6
		16,25	16,33	1,6
		21,53	23,16	2,4
	Раствор	18,80	19,69	2,2
		21,52	20,64	3,0
		19,75	25,56	5,8
	Раствор с предварительным смачиванием	17,73	16,82	2,0
		23,57	23,51	0
		23,14	21,14	1,4
Штемпельная краска	Расплав	5,02	5,15	0
		4,78	4,84	1,4
		4,16	4,41	1,0
	Расплав с предварительным смачиванием	4,74	4,87	1,7
		4,70	5,08	4,0
		4,57	4,64	1,4
	Раствор	4,71	5,22	1,3
		4,55	4,79	0
		4,83	5,05	0
	Раствор с предварительным смачиванием	4,71	4,89	0,4
		5,06	5,27	0,5
		4,92	5,16	0,6

При нанесении расплава циклододекана на акварельную краску отмечено незначительное снижение значения коэффициента отражения, т. е. имеется тенденция к потемнению. Значение общих цветовых различий находится в пределах 1,0–2,3, изменения цвета могут быть оценены от неразличимых глазом до заметных. При нанесении расплава циклододекана с предварительным смачиванием образца растворителем коэффициент отражения красочного слоя акварели также снижается, значения общих цветовых различий составляют 0,5–5,1, в двух случаях изменения характеризуются как неразличимые глазом, в одном — как неприемлемые.

В случае закрепления акварели раствором также наблюдается снижение значения коэффициента отражения. Общие цветовые различия характеризуются на одном образце как заметные (значений ΔE равно 2,0), на двух — как неприемлемые (значения показателя общих цветовых различий составляют 3,9 и 4,2).

Использование для закрепления акварели раствора циклододекана с предварительным смачиванием показало наиболее стабильные результаты на всех образцах: закрепитель образует ровную и гладкую пленку без затеков, стабильную в течение трех суток, при этом снижение коэффициента отражения минимально и значение общих цветовых различий равно 1.

Нанесение расплава на анилиновые чернила также приводит к незначительному потемнению красочного слоя. Значения ΔE находятся в пределах 1,7–5,5, в двух случаях изменения цвета характеризуются как заметные, в одном — как неприемлемые.

Закрепление анилиновых чернил расплавом с предварительным смачиванием также приводит к потемнению образца и заметным (значения ΔE 1,6–2,4) изменениям цвета.

Использование раствора циклододекана для закрепления анилиновых чернил показало противоречивые результаты: в двух случаях после использования реагента имеет место посветление образца, о чем свидетельствует возрастание значений коэффициента отражения; на одном образце, как и в рассмотренных ранее вариантах, отмечено снижение значения показателя. Общие цветовые различия — заметные и неприемлемые.

Применение расплава и расплава с предварительным смачиванием также вызывает посветление красочного слоя. Наиболее стабильный результат получен при закреплении слоя анилиновых чернил раствором циклододекана с предварительным смачиванием: изменения коэффициента отражения — в пределах погрешности прибора, общие цветовые различия или отсутствуют, или их значения меньше заметных.

Применение циклододекана для закрепления штемпельной краски показало очень хорошие результаты. По значениям коэффициента отражения во всех случаях (использование расплава, расплава с предварительным смачиванием, раствора, а также раствора с предварительным смачиванием) можно говорить лишь о незначительном посветлении образцов: изменение значения показателя находится в пределах погрешности метода измерения. Значение общих цветовых различий красочного слоя практически всех образцов находится в пределах 0–1,7 и в большинстве случаев изменение цвета неразличимо глазом.

Таким образом, по результатам проведенных испытаний можно сделать следующие предварительные выводы:

- для закрепления акварели и анилиновых чернил целесообразно использовать раствор циклододекана с предварительным смачиванием образца растворителем;
- для закрепления штепсельной краски не рекомендуется использовать расплав с предварительным смачиванием — из-за образования толстой и неплотно прилегающей к поверхности бумаги пленки полимера.

Данные выводы являются предварительными и не могут служить строгой рекомендацией для практической реставрации. В дальнейшем нами планируется испытать защитные свойства покрытия непосредственно при водной обработке документа.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

РНБ — Российская национальная библиотека

ФЦКБФ — Федеральный центр консервации библиотечных фондов

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Герасимова Н. Г.* Летучий воск циклододекан и реставрация памятников // Теория и практика сохранения памятников культуры. СПб., 2015. Вып. 24. С. 119–127.
- Мамаева Н. Ю.* Инструкция по оценке запыленности документов и качества их обеспыливания // Лабораторные методики и технологические инструкции в консервации документов. СПб., 2016. С. 46–52.
- Овчинникова В. В.* Применение циклододекана в реставрации бумаги // Реставрация документа: консерватизм и инновации / Мин-во культуры РФ; РГБ. М., 2019. С. 35–37.
- Bandow C.* Cyclododecan in der Papierrestaurierung // *Restauro*. 1999. Jg 10, № 5. S. 326–329.
- Brückle I. et al.* Cyclododecane: technical note on some uses in paper and objects conservation // *Journal of the American Institute for Conservation*. 1999. Vol. 38, Iss. 2. P. 162–175.
- Hangleiter H. M., Jägers El., Jägers Er.* Flüchtige Bindemittel // *Zeitschrift für Kunsttechnologie und Konservierung*. 1995. Heft 2. S. 385–392.
- Michalski S., Gignard C.* Ultrasonic misting. Part 1. Experiments on appearance and improvement in bonding // *Journal of the American Institute for Conservation*. 1997. Vol. 36, Iss. 2. P. 109–126.
- Muñoz-Viñas S., Vivancos-Ramón V., Ruiz-Segura P.* The Influence of Temperature on the Application of Cyclododecane in Paper Conservation // *Restaurator*. 2016. Vol. 37, Iss. 1. P. 29–48.

Е. М. Шепилова, Ю. П. Баскакова, Е. И. Носова
Санкт-Петербургский институт истории РАН

А. А. Несмелов
НИЦ «Курчатовский институт»

ПАРИЛЕН В КОНСЕРВАЦИИ АРХИВНЫХ, БИБЛИОТЕЧНЫХ И МУЗЕЙНЫХ АРТЕФАКТОВ*

Исследования показали перспективность использования газофазной полимеризации парилена для консервации таких артефактов, как сильно деформированная сгоревшая бумага, восковые или сургучные печати. Нанесение парилена на обугленный остов сгоревшей бумаги упрочняет ее, фиксируя форму. Появляется возможность развернуть образовавшийся композиционный материал для последующей работы по выявлению текста. Парилен фиксирует части расколотой и смонтированной на документе сургучной печати или выкрашивающиеся фрагменты сильно состарившейся восковой, предотвращая их дальнейшее разрушение.

Ключевые слова: парилен, поли-пара-ксилилен, газофазная полимеризация, сгоревшая бумага, печати, пчелиный воск, сургуч.

Ye. M. Shepilova, Yu. P. Baskakova, E. I. Nosova
St. Petersburg Institute of History of the RAS

A. A. Nesmelov
National Research Centre «Kurchatov Institute»

PARYLENE IN PRESERVATION OF ARCHIVAL, LIBRARY AND MUSEUM ARTIFACTS

Experiments have shown that gas-phase polymerisation of parylene has the potential for preserving damaged artifacts such as severely deformed burned paper, seals from beeswax or sealing wax. Applying parylene to the charred frame of burnt paper makes it harder fixing the shape. Thus, it becomes possible to unfold the composite material (paper plus parylene) for further work on identifying the text. The parylene set upon the split parts of the seal from heavily aged beeswax or sealing wax fixes them on the document and prevents further destruction.

Key words: parylene, poly-para-xylylene, gas-phase polymerization, charred paper, seals, beeswax, sealing wax.

* Исследование проводится в рамках гранта РФФИ № 18-00-00427 КОМФИ в составе № 18-00-00429 (К) «Конвергенция».

Консервация памятников материальной культуры методом нанесения парилена привлекательна, прежде всего, своей технологичностью: полимер наносится методом газофазной полимеризации при комнатной температуре. Отсутствует как механическое, так и термическое воздействие на объект. Также важным фактором является то, что полимерное покрытие инертно, т. е. не вступает во взаимодействие ни с материалом покрываемого памятника, ни с окружающей средой.

Активные исследования в этом направлении проводились еще в начале 90-х гг. прошлого столетия¹, однако по техническим и экономическим причинам широкого применения данная технология тогда не получила. Благодаря современным разработкам в настоящее время она стала более доступной.

Газофазная полимеризация происходит на молекулярном уровне, вследствие чего полимер оседает не только на внешней поверхности обрабатываемого объекта, но и внутри него, проникая туда через поры и микропустоты². Это делает особенно эффективным использование париленовой технологии для консервации крупнопористых, объемных артефактов, таких как сильно руинированная ткань или термодеструктурированная бумага, книг, пострадавших при пожаре³.

Особый интерес представляет возможность консервации сильно деформированной обугленной бумаги, с точки зрения возможности последующего прочтения уничтоженной огнем информации. Для исследования были взяты модельные образцы бумаги с текстом, написанным несколькими видами носителей (ил. 1 на цв. вкл.). Образцы бумаги были скомканы и сожжены на металлической кювете, а затем они вместе обработаны париленом⁴ с различной толщиной покрытия (ил. 2 на цв. вкл.). Толщина покрытия составляла 30–35 мкм, 10–15 мкм и менее 5 мкм. Парилен, заполняя все микропустоты и покрывая с поверхности обугленный образец бумаги, сохраняет ту его форму, которую он имеет на момент обработки. Необходимо было выбрать толщину покрытия, которая позволит с минимальными потерями снять с кюветы покрытый париленом образец и развернуть его.

Образцы обугленной бумаги, покрытые париленом, толщиной 30–35 мкм представляют собой единый монолит с кюветой и отделяются от нее с большими потерями. Они жестко держат форму скомканной бумаги,

¹ Вилесова М. С. и др. Упрочнение термодеструктурированной бумаги поли-пара-ксилиленом // БАН: 10 лет после пожара : материалы Международной научной конференции. СПб., 1999. С. 149–160.

² Добрусина С. А. и др. Упрочнение бумаги поли-пара-ксилиленом: технологические аспекты // Теория и практика сохранения памятников культуры : сб. науч. трудов. СПб., 1995. Вып. 17. С. 70–79.

³ Вилесова М. С. и др. Деструкция бумаги в условиях пожара и восстановление ее эксплуатационных свойств нанесением поли-пара-ксилилена // Теория и практика сохранения памятников культуры : сб. науч. трудов. СПб., 1998. Вып. 19. С. 128–138; Вилесова М. С. и др. К вопросу о механизме взаимодействия поли-п-ксилиленового покрытия с бумагой в процессе консервации // Журнал прикладной химии. 1998. Т. 71, № 11. С. 1883–1887.

⁴ Нанесение парилена (Parylene C) осуществлялось на полупромышленной установке SCS Labcoter PDS 2010 (Specialty Coating Systems, USA) в НИЦ «Курчатовский институт».

тяжело разворачиваются и стремятся свернуться обратно (ил. 3 на цв. вкл.). Образцы, имеющие толщину покрытия 10–15 мкм, снимаются с кюветы практически без утрат. Они легко разворачиваются, и их можно зажать между стеклами для дальнейших исследований по выявлению текста (ил. 4 на цв. вкл.). Образцы, имеющие покрытие менее 5 мкм, не прилипают к кювете, но при разворачивании трескаются и разламываются по местам заломов (ил. 5 на цв. вкл.). Таким образом, 10–15 мкм являются оптимальной толщиной покрытия, при которой образец с минимальными потерями можно снять с кюветы и развернуть.

Также проводилось исследование возможности консервации сургучных печатей с целью предотвращения растрескивания их при сдавливании в процессе хранения или закрепления на бумаге растрескавшихся печатей.

Для исследования изготовили модельные образцы сургучных печатей на бумаге. Они были покрыты париленом толщиной 15–20, 30–40 и 50 мкм и подвергнуты сдавливанию при нагрузке 10 и 25 кг. Эффективность закрепления париленом оценивалась с помощью микроскопии⁵.

Микроскопические исследования показали, что при нанесении на сургучную печать покрытия 15–20 мкм полимера на ней практически не видно, при нагрузке в 10 кг на печати появляются тонкие, едва заметные трещины, а после 25 кг они становятся глубокими (ил. 6 на цв. вкл.). По выступающим частям печати на поверхности полимера образуется белесый контур, но печать при этом не рассыпается. Все ее фрагменты находятся в оболочке парилена.

При нанесении полимерного покрытия толщиной 30–40 мкм полимер становится слегка заметен на поверхности печати; при нагрузке в 10 кг видимых трещин не образуется, и только при нагрузке 25 кг на сургуче под париленовым покрытием появляются микротрещины (ил. 7 на цв. вкл.). Париленовое покрытие толщиной 50 мкм лежит пастоно на поверхности печати, при 90-кратном увеличении можно увидеть структуру полимерного покрытия (ил. 8 на цв. вкл.). При нагрузке в 10 кг трещин в сургуче не появляется, на поверхности полимера по выпуклым частям печати образуются белесые полосы. Микротрещины появляются только при нагрузке 25 кг, и увеличиваются белесые полосы.

Для закрепления растрескавшихся сургучных печатей на бумаге оптимальной является толщина 30–40 мкм, при меньшей толщине происходит отделение печати от бумаги при самом незначительном прикосновении (ил. 9 на цв. вкл.). Однако перед обработкой париленом необходимо смонтировать разрушенную печать на бумаге на клей, чтобы в процессе обработки не происходило смещения фрагментов.

Проведенные исследования продемонстрировали возможность работы с обугленными, сильно деформированными бумагами, после упрочнения их париленом. А также подтвердили возможность закрепления на бумаге растрескавшихся сургучных печатей и защиты их от механических повреждений.

⁵ Исследования выполнялись на микроскопе Olympus SZX10.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вилесова М. С. и др.* Деструкция бумаги в условиях пожара и восстановление ее эксплуатационных свойств нанесением поли-пара-ксилилена // Теория и практика сохранения памятников культуры : сб. науч. трудов. СПб., 1998. Вып. 19. С. 128–138.
- Вилесова М. С. и др.* Упрочнение термодеструктированной бумаги поли-пара-ксилиленом // БАН: 10 лет после пожара : материалы Международной научной конференции. СПб., 1999. С. 149–160.
- Вилесова М. С. и др.* К вопросу о механизме взаимодействия поли-п-ксилиленового покрытия с бумагой в процессе консервации // Журнал прикладной химии. 1998. Т. 71, № 11. С. 1883–1887.
- Добрусина С. А., Кочкин В. Ф., Чернина Е. С.* Повышение долговечности документов на бумаге при нанесении поли-пара-ксилиленового покрытия // Журнал прикладной химии. 1994. Т. 67, № 7. С. 1199–1202.
- Добрусина С. А. и др.* Упрочнение бумаги поли-пара-ксилиленом: технологические аспекты // Теория и практика сохранения памятников культуры : сб. науч. трудов. СПб., 1995. Вып. 17. С. 70–79.

*Н. М. Доведова, Н. И. Маршенникова,
Т. С. Ткаченко
Санкт-Петербургский филиал Архива РАН*

РЕЗУЛЬТАТЫ ОБСЛЕДОВАНИЯ В СПБФ АРАН ДОКУМЕНТОВ ИЗ ФОНДОВ УЧЕНЫХ XIX В.

В статье представлены результаты обследования физического состояния документов XIX в. из фондов А. Ф. Бычкова, П. И. Кёппена, В. В. Майкова сотрудниками Лаборатории консервации и реставрации документов (ЛКРД) СПбФ АРАН. Обследование проводилось методом сплошной проверки, позволяющим выявить механические, физико-химические, биологические повреждения каждого документа и зафиксировать наличие и сохранность имеющихся восковых и сургучных печатей и различных облаток.

Ключевые слова: сохранность, обследование, физическое состояние, виды повреждений, бумага, переплет, облатки, сургуч, газета.

*N. M. Dovedova, N. I. Marshennikova,
T. S. Tkachenko
St. Petersburg Branch of the Archive of the RAS*

EXAMINATION RESULTS OF ARCHIVAL DOCUMENTS FROM THE 19TH CENTURY COLLECTIONS OF SPbB ARAS

The article presents examination results of a physical condition of the 19th century documents from the collections of A. F. Bychkov, P. I. Köppen and V. V. Maikov. The examination was conducted by the experts of the Laboratory of Conservation and Restoration of Documents of SPbB ARAS. The complete check method, applied in the study, allowed to reveal paper parts that were mechanically, chemically or biologically damaged and to examine the condition of beeswax and sealing wax seals as well as various wafer seals presented on the documents.

Key words: preservation, examination, physical condition, types of damage, paper, binding, wafer seals, sealing wax, newspaper.

В 2019 г. сотрудниками Лаборатории консервации и реставрации документов СПбФ АРАН было проведено обследование физического состояния

документов из фондов ученых А. Ф. Бычкова¹ (ф. 764), П. И. Кёппена² (ф. 30), В. В. Майкова³ (ф. 738)⁴.

Обследование физического состояния документов проводилось методом сплошной проверки, охватывающим по листу все документы проверяемого фонда. Необходимость такого обследования продиктована большим разнообразием хранящихся в архиве документов. Учет обнаруживаемых дефектов фиксировался следующим образом:

- механические повреждения разделялись на незначительные, средние, значительные, и подсчитывалось количество листов с каждым видом повреждений;
- наличие физико-химических и биологических повреждений отмечалось фиксированием № ед. хр., в которых они были обнаружены;
- отмечалось наличие в делах перехода текста на оборот листа (с фиксированием № ед. хр.);
- отмечались наличие дефектов у фотографий и условия их хранения.

¹ Бычков Афанасий Федорович (1818–1899) — историк, археограф, библиограф, лексиколог; член-корреспондент Имп. АН по ОРЯС (1855), экстраординарный академик (1866), ординарный академик по тому же Отделению (1869), председательствующий в Отделении (1893–1899); член Копенгагенского общества северных антиквариев (1846), Русского археологического общества (1846), Шведского археологического общества (1846), Копенгагенского общества северной литературы (1848), РГО (1850), Московского общества истории и древностей российских (1855). Состоял на службе в Археографической комиссии при МНП (1840–1899), где издавал источники по русской истории, стал главным редактором летописей (с 1854 г.). (О нем см.: *Кирикова О. А. Бычков Афанасий Федорович // Ученые — фондообразователи Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук : краткий биограф. справочник : А — В. СПб., 2018. С. 137–140. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; вып. 13); Голубева О. Д. Бычков Афанасий Федорович // Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры : биограф. словарь. Т. 1 : Императорская Публичная библиотека. 1795–1917. СПб., 1995. С. 115–123.)*

² Кёппен Петр Иванович (1793–1864) — юрист, историк, археолог, этнограф, филолог, демограф, статистик; член-корреспондент Императорской академии наук (1826), экстраординарный академик по Отделению истории и филологии (1839), ординарный академик (1843); член-основатель Вольного общества любителей российской словесности (1816), Отделения статистики РГО (1845), Русского археологического общества (1846). Издатель первой «Этнографической карты Европейской России» (1851), составитель «Хронологического указателя материалов для истории инородцев Европейской России» (1861), участник издания первых томов «Графо-статистического словаря Российской империи» (Т. 1–5. 1863–1885). (О нем см.: *Тункина И. В. Кёппен Петр Иванович // Ученые — фондообразователи Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук : краткий биограф. справочник : К. СПб., 2020. С. 43–47. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; вып. 17.)*

³ Майков Владимир Владимирович (1863–1942) — археограф, палеограф, библиограф; член-корреспондент АН СССР по Отделению русского языка и словесности (1925); сотрудник Императорской публичной библиотеки (1896–1942). Составил описания нескольких тысяч рукописей XI–XIX вв., был автором более 100 научных трудов и публикаций в области истории, палеографии и археографии; исследовал и подготовил к печати многочисленные памятники русской истории и литературы XV–XVIII вв. (О нем см.: *Шилов Л. А. Майков Владимир Владимирович // Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры : биограф. словарь. Т. 1 : Императорская Публичная библиотека. 1795–1917. СПб., 1995. С. 335–339.*)

⁴ Обследование проводилось в рамках темы НИР «Комплексное изучение сохранности фондов СПбФ АРАН и разработка методов их превентивной консервации».

Такая проверка относится к документам на бумажной основе, фотографиям, переплетам, папкам и обложкам.

При обследовании особое внимание уделяется выявлению документов (папок, обложек) с склейками силикатным клеем, который, находясь непосредственно на документе или на наклейках на папках и обложках, отрицательно влияет как на сам носитель, так и на документы, непосредственно соприкасающиеся с зонами склейки.

Обследование показало наличие силикатного клея на документах в фонде В. В. Майкова и большое количество наклеек на обложках и папках в фонде П. И. Кёппена. Такие папки и обложки рекомендовано заменить, документы фотофиксировать и переложить листами плотной бумаги, применяемой в архивном хранении.

Фотографии присутствуют в фондах А. Ф. Бычкова и В. В. Майкова. Общее состояние фотографий удовлетворительное. Большая часть фотографий оформлена в паспарту, однако в ф. 738, оп. 1, д. 68 обнаружены 36 фотографий без перекладки в конверте из крафт-бумаги, что не соответствует требованиям ГОСТа⁵.

Поскольку бумага документов XIX в. в основном тряпичная, механические повреждения документов по большей части относятся к категории незначительных (небольшие разрывы по краям, заломы), не требующих реставрационного вмешательства.

При обследовании было отмечено большое количество документов с пыленностью в виде полос разной ширины по краям документов и с локальными пятнами грязи (в ф. 30 и 764). В ф. 764 на документах имеется большое количество желтых пятен и сажевых захватов. Во всех обследованных фондах встречаются документы со следами подмочек (небольшое количество). В ф. 30, оп. 2, д. 116 следы подмочек с биологическими повреждениями найдены на 146 листах. Необходимо отметить, что текст (железо-галловые чернила) большого количества документов из ф. 30 и 764 имеет тенденцию к переходу на оборот листа.

В фондах П. И. Кёппена и А. Ф. Бычкова хранится большое количество газет, газетных вырезок, объявлений, афиш, печатных листов из книг и журналов 1819–1898 гг. русских и зарубежных изданий. Степень сохранности части документов хорошая, части — удовлетворительная: пожелтение бумаги, желтые и коричневые ореолы от типографской краски вокруг печатного текста (ил. 1 на цв. вкл.), рукописные пометы железно-галловыми чернилами имеют значительный переход на оборот листа и во многих случаях находят ся на грани выпада (ил. 2 на цв. вкл.).

Повреждения книжных блоков выявлены в ф. 30 и 764. Оценка повреждений проводилась согласно их описаниям в «Атласе повреждений бумаги, блока, переплета библиотечных и архивных материалов»⁶. Имеются экземпляры книг с отсутствующими корешками, отсутствующими крышками,

⁵ ГОСТ 7.65-92 СИБИД. Кинодокументы, фотодокументы и документы на микроформам. Общие требования к архивному хранению. М., 1992.

⁶ Добрусина С. А., Лоцманова Е. М., Быстрова Е. С. Атлас повреждений бумаги, блока, переплета библиотечных и архивных материалов. М., 2015. С. 22–25.

с трещинами вдоль корешка снаружи и изнутри (ил. 3 на цв. вкл.), потертостями, коричневыми пятнами на форзацных листах крышек от кожи углов переплета. Наибольшее количество книг находится в ф. 30, оп. 1, 2.

В ф. 30, 764 и 260 — Г. И. Фишера фон Вальдгейма⁷ (обследование этого фонда проводилось частично) обнаружены письма, запечатанные сургучом и облатками⁸. Сургучные печати (красные и черные) разной степени сохранности:

- часто — сохранившие оттиск (ил. 4 на цв. вкл.);
- реже — с утраченным оттиском;
- редко — рассыпающиеся (ил. 5 на цв. вкл.).

В ф. 30, оп. 3 находится большое количество конвертов с вырезанными фрагментами в местах запечатывания, а в ф. 764, оп. 2 — большое количество облаток на письмах. Облатки (по внешнему виду) — мучные неокрашенные и цветные (ил. 6), желатиновые окрашенные (ил. 7) и декоративные бумажные различных видов⁹.

Повреждения облаток в основном значительные: от полных утрат (видны следы присутствия на бумаге) до расслоения и частичного высыпания. Документы с такими облатками нуждаются в консервации и биологическом контроле. Имеются единичные экземпляры с хорошей сохранностью. Бумажные облатки часто разорваны пополам (ил. 8), реже — сохранены полностью (ил. 9а, б).

Результаты обследования фондов сведены в таблицы, содержащие данные о выявленных повреждениях документов. Составлены списки документов, нуждающихся в первоочередной реставрации и биологическом контроле, и списки дел, папки и обложки которых подлежат замене.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ЛКРД — Лаборатория консервации и реставрации документов
МНП — Министерство народного просвещения
ОРЯС — Отделение русского языка и словесности
РГО — Русское географическое общество

⁷ Фишер фон Вальдгейм Григорий Иванович (1771–1853) — естествоиспытатель, медик, философ; член-корреспондент Императорской АН (1805), почетный член (1819); организатор и первый директор Московского общества испытателей природы (1805–1853), вице-президент Медико-хирургической академии в Москве (1817). (О нем см.: В-г Л. Фишер фон Вальдгейм Григорий Иванович // Русский биографический словарь. Т. 21 : Фабер — Цявловский. СПб., 1901. С. 155–157.)

⁸ Облатки — принадлежности для запечатывания, склеивания писем и бумаги, применявшиеся с конца XVI по начало XX в. Облатки изготавливались из муки, желатина, бумаги и использовались как дешевая и более удобная в применении замена сургучных печатей (*Kindlinger N. Nähere Nachrichten vom ältesten Gebrauche der Siegeloblaten und des Siegelacks in dem 16. u. 17. Jahrhundert. Dortmund und Essen, 1799. S. 112.*)

⁹ Доведова Н. М., Маршенникова Н. И., Ткаченко Т. С. Различные виды облаток на документах ученых XIX века из фондов Санкт-Петербургского филиала Архива РАН // Архивный поиск : сб. науч. ст. и публ. / отв. ред. С. А. Лиманова. М., 2020. Вып. 3. С. 370–387.

РНБ — Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург)
СИБИД — стандарты по информации, библиотечному и издательскому делу
СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук
СССР — Союз Советских Социалистических Республик

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- В-г Л. Фишер фон Вальдгейм Григорий Иванович // Русский биографический словарь. Т. 21 : Фабер — Цявловский. СПб., 1901. С. 155–157.
- Голубева О. Д. Бычков Афанасий Федорович // Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры : биограф. словарь. Т. 1 : Императорская Публичная библиотека. 1795–1917. СПб., 1995. С. 115–123.
- ГОСТ 7.65-92 СИБИД. Кинодокументы, фотодокументы и документы на микроформах. Общие требования к архивному хранению. М., 1992.
- Добрусина С. А., Лоцманова Е. М., Быстрова Е. С. Атлас повреждений бумаги, блока, переплета библиотечных и архивных материалов. М., 2015. С. 22–25.
- Доведова Н. М., Маршенникова Н. И., Ткаченко Т. С. Различные виды облаток на документах ученых XIX века из фондов Санкт-Петербургского филиала Архива РАН // Архивный поиск : сб. науч. ст. и публ. / отв. ред. С. А. Лиманова. М., 2020. Вып. 3. С. 370–387.
- Кирикова О. А. Бычков Афанасий Федорович // Ученые — фондообразователи Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук : краткий биограф. справочник : А — В. СПб., 2018. С. 137–140. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; вып. 13).
- Тункина И. В. Кёппен Петр Иванович // Ученые — фондообразователи Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук : краткий биограф. справочник : К. СПб., 2020. С. 43–47. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; вып. 17).
- Шилов Л. А. Майков Владимир Владимирович // Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры : биограф. словарь. Т. 1 : Императорская Публичная библиотека. 1795–1917. СПб., 1995. С. 335–339.
- Kindlinger N. Nähere Nachrichten vom ältesten Gebrauche der Siegeloblaten und des Siegellacks in dem 16. u. 17. Jahrhunderte. Dortmund und Essen, 1799.

Е. М. Шепилова, Ю. П. Баскакова, Е. И. Носова
Санкт-Петербургский институт истории РАН

Е. В. Бахвалова, Л. А. Пьянкова
АО «Научные приборы»

**ИССЛЕДОВАНИЕ ПОВРЕЖДЕНИЙ И ДЕФЕКТОВ
НЕГАТИВОВ НА СТЕКЛЕ НА ПРИМЕРЕ КОЛЛЕКЦИИ
А. Д. ЛЮБЛИНСКОЙ ИЗ СОБРАНИЯ СПБИИ РАН**

В процессе обследования коллекции негативов на стекле были проведены обеспыливание и удаление загрязнений с оборотной стороны негативов. Микроскопические исследования выявили основные технологические дефекты, как фотоэмульсии, так и фотостекол, повреждения, образовавшиеся в процессе бытования и старения. Исследование повреждений фотоэмульсии в виде серебристой металлизации поверхности, а также белесых налетов методами рентгенофлуоресцентного анализа и рентгеновской дифрактометрии показало наличие в них металлического серебра (Ag), сульфида серебра (Ag_2S), серы (S_2), соединений ртути.

Ключевые слова: негатив, фотоэмульсия, фотостекло, дефекты, повреждения, металлизация серебра, РФЛА.

Ye. M. Shepilova, Yu. P. Baskakova, E. I. Nosova
St. Petersburg Institute of History of the RAS

Ye. V. Bakhvalova, L. A. Pyankova
Joint-Stock Company «Scientific Instruments»

**DAMAGE AND DEFECTS RESEARCH OF GLASS NEGATIVES
BY THE EXAMPLE OF A. D. LYUBLINSKAYA COLLECTION OF
ST. PETERSBURG INSTITUTE OF HISTORY OF THE RAS**

In the course of examining a collection of glass negatives, they were dedusted and cleaned from the reverse side. Microscopic examination revealed the main technological defects of both photo emulsion and photographic glasses, as well as the damage caused while using and storing. The damage study of photo emulsion in the form of silver metallization on the surface, as well as white stripes, by X-ray fluorescence and X-ray diffraction analyses revealed the presence of metallic silver (Ag), silver sulfide (Ag_2S), sulfur (S_2), compounds of mercury.

Key words: negative, photographic emulsion, photographic glass, defects, damage, silver metallization, XRF.

Исследование дефектов и повреждений негативов на стекле проводилось в рамках обследования физического состояния коллекции негативов на стекле ф. 13 (колл. А. Д. Люблинской) из собрания СПБНИИ РАН.

Негативы на стекле представляют собой сложный, многослойный, химически неоднородный объект хранения, состоящий из стеклянной подложки и эмульсионного светочувствительного слоя. Поэтому отличают дефекты, сформировавшиеся при производстве стекла и фотоэмульсии, от повреждений, образовавшихся в процессе бытования негативов. Специализированные фотостекла достаточно инертны и не вступают в химические реакции с реактивами¹, участвующими в фотохимических процессах. Они получают в основном механические повреждения, тогда как фотоэмульсия может иметь механические, физико-химические и биологические повреждения².

Визуальный осмотр коллекции показал необходимость проведения мероприятий по консервации негативов. Проведены обеспыливание стекол, удаление пастообразно лежащих загрязнений, жирных пятен и отпечатков пальцев со стороны стекла ватным тампоном, смоченным в спиртовом растворе (ил. 1 на цв. вкл.). Все негативы в коробках переложены микалентной бумагой. Выявлены и изолированы два негатива с практически полностью отслоившейся эмульсией, нуждающиеся в закреплении ее на стекле (ил. 2 на цв. вкл.). Негативы хранятся в оригинальных коробках, в которых когда-то продавались фотостекла, изготовленных из дешевого картона, содержащего древесную массу, что не соответствует требованиям, предъявляемым к материалам для хранения фотодокументов. Упаковка для них должна быть изготовлена из химически инертного материала, состоящего на 87 % из α -целлюлозы, не содержащего лигнина и имеющего рН в диапазоне от 7,2 до 9,5³.

Микроскопия⁴ фотостекол негативов позволила обнаружить не только наличие повреждений, появившихся в процессе их бытования, но технологические дефекты, такие как пузыри, различной формы и размера: круглые и вытянутые (ил. 3а на цв. вкл.), крупные и мелкие («мошки»), единичные и вуали (множество «мошек») (ил. 3б на цв. вкл.); тонкие параллельные полосы, создающие впечатление волнистости поверхности стекла, а также

¹ Глинка Н. Л. Общая химия : учеб. пособие для вузов / под ред. А. И. Ермакова. Изд. 29-е. М., 2002.

² Чернова Н. В. Идентификация повреждений архивных фотодокументов — необходимое условие для их правильного хранения и успешной реставрации // Миллеровские чтения: К 285-летию Архива Российской академии наук : сб. науч. статей по материалам Международной научной конференции, 23–25 апреля 2013 г., Санкт-Петербург / отв. ред. И. В. Тункина. СПб., 2013. С. 423–428. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; вып. 4); Карский И. М. Некоторые аспекты реставрации фотодокументов // Российский государственный архив кинофотодокументов. URL: <http://www.rgakfd.ru/doklady-soobshhenija/karsky-nekotorye-aspekty-restavracii-fotodokumentov> (дата обращения: 26.10.2021).

³ Lévedrin B., Gandolfo J.-P., Monod S. Les collections photographiques: Guide de conservation préventive. Paris, 2000; Лаведрин Б., Гандольфо Ж.-П., Моно С. Руководство по профилактической консервации фотографических коллекций : в 2 т. / пер. с фр. И. И. Потапова. Т. 1. СПб., 2013; Шетилова Е. М. Упаковочные материалы для фотодокументов // Рекомендации по работе с фотодокументами, входящими в составы государственных фондов Российской Федерации. СПб., 2012. С. 31–34.

⁴ Исследования выполнялись на микроскопе Olympus SZX10.

прочие неоднородности и включения⁵. Из-за неправильного хранения или неосторожного обращения на поверхности стекол некоторых негативов образовались потертости и царапины (ил. 4 на цв. вкл.), а по краям, особенно по углам, — трещины и сколы (ил. 5 на цв. вкл.).

Обследование фотоэмульсионного слоя выявило наличие значительно количества дефектов, связанных с технологией и профессионализмом нанесения фотоэмульсии, таких как неоднородность эмульсии, так называемые вуали; воздушные пузыри как внутри эмульсии, так и лопнувшие, с образованием отверстий разной величины (ил. 6 на цв. вкл.); сдиры и срывы мокрой эмульсии в процессе ее формирования, с образованием утрат (ил. 7 на цв. вкл.), иногда даже с наложением фрагментов эмульсии на ее основной слой; посторонние включения (ил. 8 на цв. вкл.). В результате неправильного хранения и неосторожного обращения на поверхности эмульсии значительного количества негативов наблюдаются потертости и царапины (ил. 9 на цв. вкл.); на некоторых негативах в результате увлажнения происходит ретикуляция эмульсии (образование воланов и складок по краю негатива) (ил. 10 на цв. вкл.). Встречаются также растрескивание и отслоение эмульсии от стекла.

На поверхности фотоэмульсии ряда негативов имеются белесые налеты: белые — это кальциевая сетка, состоящая из мельчайших частиц углекислой извести⁶, желтоватые или сероватые — продукты кристаллизации соединений серы⁷, которые активно образуются по местам нарушения поверхностного слоя эмульсии. Микроскопические методы исследования наглядно демонстрируют, что малейшее нарушение поверхностного слоя фотоэмульсии является центром кристаллизации, причем образование кристаллов чаще всего сначала идет по контуру повреждения и только потом разрастается вширь (ил. 11 на цв. вкл.).

Рентгенофлуоресцентный анализ (РФЛА)⁸ отдельных участков фотоэмульсии негативов позволил определить поэлементный состав белесых налетов и серебристой металлизации на ее поверхности. На всех спектрах стеклянных фотонегативов XX в., даже со стороны эмульсии, доминирующим пиком является пик кальция (Ca). Это обусловлено тем, что оксид кальция (CaO) является одним из основных стеклообразующих элементов силикатного стекла.

⁵ ГОСТ Р 54494-2011. Тара стеклянная. Дефекты стекла и изделий из него. Термины и определения. М., 2012. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1200088156> (дата обращения: 26.10.2021); Дефекты стеклянных и керамических изделий // Студенческая библиотека онлайн. URL: https://studbooks.net/830624/marketing/defekty_steklyannyh_keramicheskikh_izdeliy (дата обращения: 26.10.2021).

⁶ Кальциевая сетка // Энциклопедия классической фотографии. URL: <http://fotoatelier.ru/k/654-kalcievaaya-setka.html> (дата обращения: 26.10.2021); Журба Ю. И. и др. Краткий справочник фотолобителя. М., 1984. (См.: Раздел шестой : Обработка фотоматериалов. V. Возможные дефекты изображения. 1. На негативе. URL: <http://istoriya-foto.ru/books/item/f00/s00/z0000005/st179.shtml> (дата обращения: 26.10.2021)).

⁷ Мархилевич К. И., Яштолд-Говорко В. А. Фотографическая химия. М., 1956.

⁸ Исследования выполнялись на рентгенофлуоресцентном микроскопе-микронзонде РАМ-30μ (производство АО «Научные приборы, Россия»).

На спектрах фотоэмульсии с серебристой металлизацией поверхности (рис. 1) наиболее значимым пиком, после пика кальция, является пик серебра, что вполне закономерно при галогенсеребряном фотографическом процессе. Также в фотоэмульсии негативов содержатся химические элементы: железо (Fe), сера (S), хром (Cr) и медь (Cu), а также бром (Br), хлор (Cl) и йод (I). Три последних элемента тоже являются составной частью фотоэмульсии и нередко используются в смеси галогенидов серебра в различной пропорции. Сера входит в состав фиксажа тиосульфата натрия ($\text{Na}_2\text{S}_2\text{O}_3$). Железо, хром и медь — в состав усилителей негативов: железоаммиачные квасцы ($\text{Fe}_2(\text{NH}_4)_2(\text{SO}_4)_4 \cdot 24\text{H}_2\text{O}$) и хромокалиевые квасцы ($\text{Cr}_2\text{K}_2(\text{SO}_4)_4 \cdot 24\text{H}_2\text{O}$), последние также используются для дубления желатина. В медный усилитель входят бромная медь (CuBr_2) и сернокислая медь (CuSO_4)⁹. То, что данные элементы относятся к эмульсии, а не к стеклу, подтверждают исследования эмульсии негатива с белесым налетом. На спектре эмульсии данного негатива в области белесого налета (рис. 2) основным пиком является пик серебра, пики железа, хрома, меди и серы стали более значимы, а кальций имеет меньшую интенсивность, чем на других негативах: это говорит о том, что белесый налет экранирует элементы стекла. На спектре эмульсии, на поверхности которой образовались серебристые пятна в виде капелек с розоватым отливом, в отличие от других образцов появился пик ртути (рис. 3). Хлорид ртути (HgCl_2) — сулему используют для усиления негативов. Картирование фрагмента эмульсии, содержащей ртуть, наглядно показывает распределение элементов по образцу (ил. 12 на цв. вкл.). Ртуть и сера концентрируются в центре пятна, а кальций интенсивнее просматривается в тех местах, где меньше серебра.

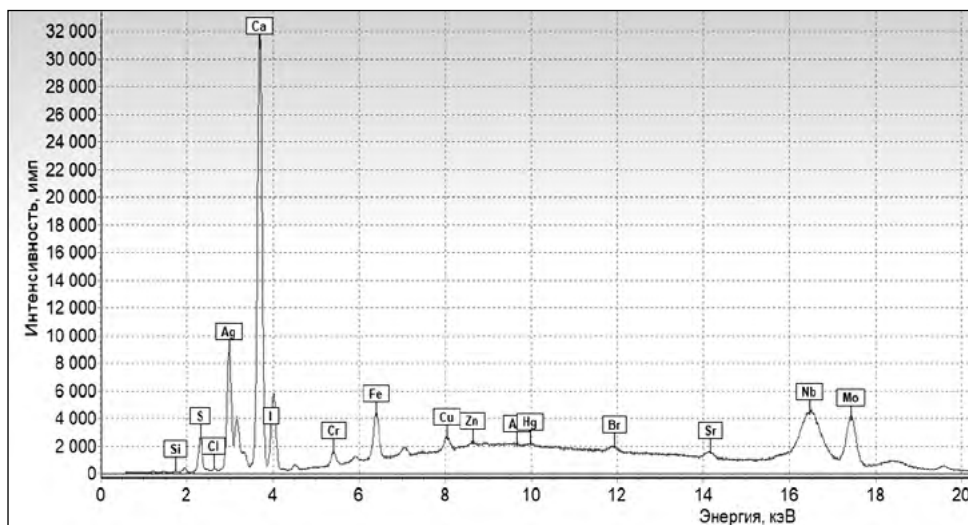
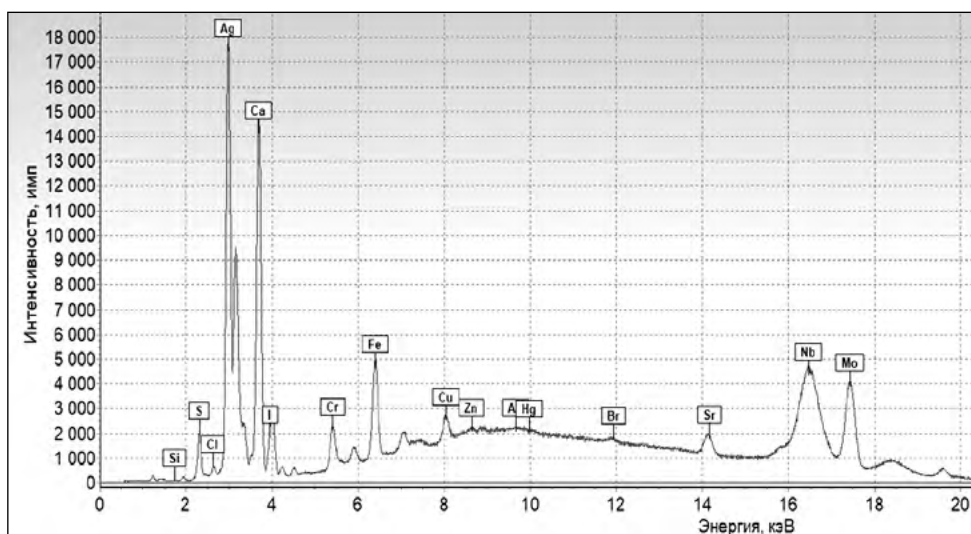
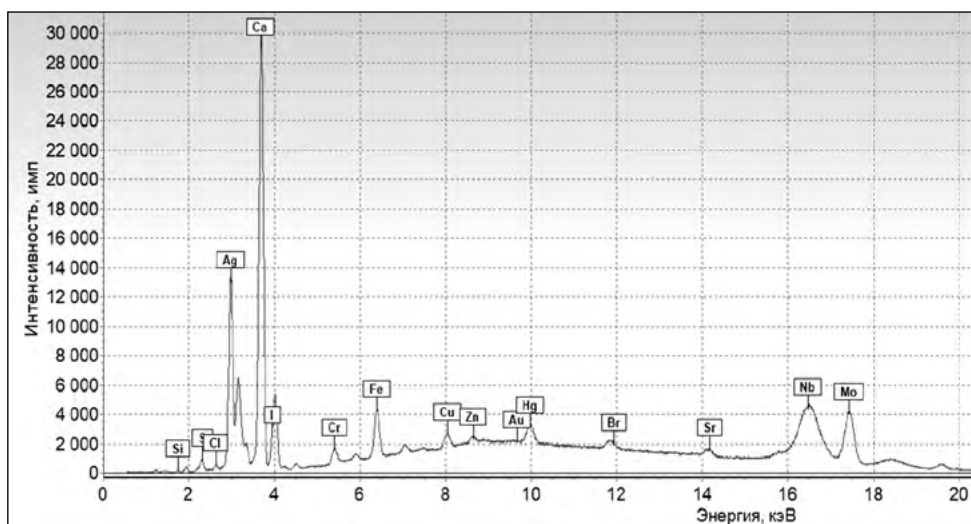

Рис. 1. Спектр РФА фотоэмульсии с серебристой металлизацией поверхности

⁹ Кириллов Н. И. Основы процессов обработки светочувствительных материалов. М., 1954; Кайбанов А. С. Фотографический справочник. Сталинград, 1961.

Ил. 13. Спектр РФЛА фотоэмульсии с белесым налетом на поверхности

Ил. 14. Спектр РФЛА серебристых пятен с розоватым отливом на поверхности фотоэмульсии

Наличие кристаллического серебра и сульфида серы на эмульсии негативов на стекле с серебристой и золотисто-рыжей металлизацией поверхности, а также негативов с белесыми налетами было выявлено методом рентгеновской дифрактометрии¹⁰ (ил. 13, 14 на цв. вкл.). По результатам

¹⁰ Исследования выполнялись на рентгеновском дифрактометре «Дифрей-401» (производство АО «Научные приборы, Россия»).

исследования была рассчитана степень кристалличности. Исследования показали, что в эмульсии негативов с серебристой металлизацией по поверхности содержится серебро (Ag) с высокой степенью кристалличности, а с золотисто-рыжей металлизацией — в основном сульфид серебра (Ag_2S), и степень кристалличности в десятки раз ниже. В эмульсии негативов с белесым налетом содержится смесь серебра и соединений серебра с серой, с высокой степенью кристалличности.

Исследование фотоэмульсии показало, что ее химический состав неоднороден и зависит, по-видимому, от того, какие химические вещества использовались при проявлении, закреплении, усилении или ослаблении негативов.

В фотоэмульсии исследуемых негативов активно протекают процессы химического старения. Значительная часть негативов имеет серебристый с золотистой рыжиной по краям налет на поверхности фотоэмульсии — происходит кристаллизация серебра, встречается также и белесый налет, содержащий в основном соединения серебра с серой. Биологические повреждения в исследуемой коллекции не были обнаружены.

Исследование физического состояния коллекции негативов на стекле показало, что для обеспечения сохранности необходимо перевести ее в режим фазового хранения, т. е. поместить в микроклиматические контейнеры из бескислотного картона, тем самым завершив основной этап превентивной консервации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Глинка Н. А.* Общая химия : учеб. пособие для вузов / под ред. А. И. Ермакова. Изд. 29-е. М., 2002.
- ГОСТ Р 54494-2011. Тара стеклянная. Дефекты стекла и изделий из него. Термины и определения. М., 2012. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1200088156> (дата обращения: 26.10.2021).
- Дефекты стеклянных и керамических изделий // Студенческая библиотека онлайн. URL: https://studbooks.net/830624/marketing/defekty_steklyannyh_keramicheskikh_izdeliy (дата обращения: 26.10.2021).
- Журба Ю. И. и др.** Краткий справочник фотолобителя. М., 1984. (См.: Раздел шестой : Обработка фотоматериалов. V. Возможные дефекты изображения. 1. На негативе. URL: <http://istoriya-foto.ru/books/item/f00/s00/z0000005/st179.shtml> (дата обращения: 26.10.2021)).
- Кайбанов А. С.* Фотографический справочник. Сталинград, 1961.
- Кальциевая сетка // Энциклопедия классической фотографии. URL: <http://fotoatelier.ru/k/654-kalciyaya-setka.html> (дата обращения: 26.10.2021).
- Карский И. М.* Некоторые аспекты реставрации фотодокументов // Российский государственный архив кинофотодокументов. URL: <http://www.rgakfd.ru/doklady-soobshhenija/karsky-nekotorye-aspekty-restavracii-fotodokumentov> (дата обращения: 26.10.2021).
- Кириллов Н. И.* Основы процессов обработки светочувствительных материалов. М., 1954.
- Лаведрин Б., Гандольфо Ж.-П., Моно С.* Руководство по профилактической консервации фотографических коллекций : в 2 т. / пер. с фр. И. И. Потапова. Т. 1. СПб., 2013.
- Мархилевич К. И., Яштолд-Говорко В. А.* Фотографическая химия. М., 1956.

- Чернова Н. В.* Идентификация поврежденных архивных фотодокументов — необходимое условие для их правильного хранения и успешной реставрации // Миллеровские чтения: К 285-летию Архива Российской академии наук : сб. науч. статей по материалам Международной научной конференции, 23–25 апреля 2013 г., Санкт-Петербург / отв. ред. И. В. Тункина. СПб., 2013. С. 423–428. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; вып. 4).
- Шепилова Е. М.* Упаковочные материалы для фотодокументов // Рекомендации по работе с фотодокументами, входящими в составы государственных фондов Российской Федерации. СПб., 2012. С. 31–34.
- Lévedrin B., Gandolfo J.-P., Monod S.* Les collections photographiques: Guide de conservation preventive. Paris, 2000.

Н. В. Чернова, Л. Г. Олейник
Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

МЕТОДИКА РЕСТАВРАЦИИ ШТОРОК ФОТОАЛЬБОМА ИЗ ПАПИРОСНОЙ БУМАГИ С ПЕЧАТНЫМ ТЕКСТОМ

В данной статье представлена методика реставрации папиросной бумаги с печатными носителями информации (шторки) в фотоальбоме Санкт-Петербургского филиала Архива РАН (ф. 1004, д. 526). Приведены исторические факты по созданию фотоальбомов и сведения о папиросной бумаге и первых в России заводах, ее производивших, а также даны рекомендации по хранению фотоальбомов.

Ключевые слова: фотоальбом, папиросная бумага, реставрация, сохранность.

N. V. Chernova, L. G. Oleynik
St. Petersburg Branch of the Archive of the RAS

RESTORATION METHOD OF PHOTO ALBUM PROTECTING COVERS MADE OF TISSUE PAPER WITH PRINTED TEXT

The article deals with a restoration method of tissue paper protecting covers with printed text in a photo album belonging to the collection of SPbB ARAS (f. 1004, d. 526). The authors present historical facts on the creation of photo albums, information about tissue paper and the first factories in Russia which produced it, as well as recommendations for storing photo albums.

Key words: photo album, tissue paper, restoration, preservation.

В фондах Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук хранятся уникальные по своей исторической и художественной ценности фотодокументы, многие из которых находятся в фотоальбомах.

Исторический экскурс

В конце 1839 г. англичанин Уильям Фокс Тальбот создал первый в истории фотоальбом, а в 1846 г. представил общественности первую иллюстрированную фотографией книгу, которая получила название *The Pencil of Nature* («Кисть природы»). С момента своего появления фотоальбомы представляли собой небольшие книжечки, куда аккуратно складывались фотоснимки¹.

¹ *Аверьянова О. Н.* Фотограмма: проблемы индексальности // *Искусствознание.* 2018. № 2. С. 224–226.

Позднее появились фотоальбомы в переплетах, со слотами или прорезями, которые фиксировали отдельные фотографии. Размер альбомов увеличивался, появлялись дорогие альбомы в кожаных переплетах, с тиснением, позолотой, инкрустированные. Такие альбомы использовались как подарки на память и предметы коллекционирования. Популярны были альбомы с фотокопиями картин, с портретами членов императорских фамилий, артистов, певцов и других известных людей, со сценами из спектаклей, с пейзажными фотоснимками, в том числе городских видов, памятных мест, монастырей и др. Со временем стало заметно, что фотоснимки в фотоальбомах повреждаются, и в целях их защиты стали применять шторы из папиросной бумаги.

Папиросная бумага в связи с ее низкой плотностью представляет собой относительно прочный и легкий материал. Первоначально из папиросной бумаги делали гильзы для табака — сигарета должна была не гореть, а медленно тлеть. Поскольку папиросная бумага тонкая, гладкая и доступная по цене, ее стали использовать не только на табачных фабриках. Ею защищали иллюстрации и офорты в книгах, тем более что в ранних изданиях офорты раскрашивались от руки. В дальнейшем папиросную бумагу стали использовать и для защиты фотографий от окружающей среды. Например, в Курской губернии первые дагеротипы наклеивали на картон, и чтобы защитить их от света, загрязнений, царапин и т. п. механических повреждений, с тыльной стороны вдоль верхнего среза картона наклеивали папиросную бумагу, а потом переворачивали ее на лицевую сторону, закрывая изображение. Такую защитную бумагу стали называть фартуками. Поскольку фартуки стали широко применяться, фотографии даже печатали на них рекламную информацию о своих фотоателье².

Первые заводы, которые начали производить папиросную бумагу в России, были построены в начале XVIII в. Побывав в Голландии, Петр I задумал «во всякой губернии учинить бумажные заводы». Под Санкт-Петербургом известны две «бумажные мельницы»: одна на р. Дудергофка (будущая Красносельская), основанная в 1714 г., другая — за Галерным мостом, поставленная в 1720 г.³ Указом от 1721 г. император запретил применять в государственных канцеляриях заграничную бумагу. В официальных границах города не было ни одного писчебумажного предприятия, причины тому — потребность в чистой воде и топливе и большая энергоемкость производства. Впоследствии крупнейшие фабрики, Варгуниных и Красносельская, производили в основном высококачественную бумагу — печатную, писчую, папиросную⁴. В числе первых бумажных фабрик, производивших папиросную бумагу, следует назвать также Полотняно-Заводскую бумажную мануфактуру, построенную в 1720 г. в Калужской губернии⁵. Позднее папиросную бумагу производили на Малинской

² Плаксин И. М. Развитие фотодела в российской провинции: на примере Курской губернии второй половины XIX — начала XX в. // Научные ведомости БелГУ. Сер.: История. Политология. 2015. № 19 (216), вып. 36. С. 96–102.

³ Три века Санкт-Петербурга : энциклопедия : в 3 т. Т. II : Деятнадцатый век. Кн. 1 : А — В. СПб., 2003. С. 433.

⁴ Там же. С. 436.

⁵ Малахов А. А. Бумага: формы терпения в российских пределах (К 300-летию Полотняно-Заводской бумажной мануфактуры). Рыбинск, 2018.

бумажной фабрике, и это была ее основная продукция. До внедрения парового двигателя источником энергии являлась вода, что и определяло географию размещения предприятий⁶. Технология производства папиросной бумаги менялась; в XIX в., когда при производстве бумаги начали использовать целлюлозу, ее производили в составе: 50% льняного волокна и 50% целлюлозы. В XX в. многолетним опытом советских фабрик папиросных бумаг установлен следующий ГОСТ композиции папиросной бумаги: тряпичной полумассы беленой — 85%, целлюлозы древесной беленой — 15%⁷.

Описание памятника

В Лабораторию консервации и реставрации документов РАН (далее — ЛКРД) для реставрации был предоставлен фотоальбом (СПбФ АРАН. Ф. 1004. Оп. 1. Д. 526) (ил. 1, 2 на цв. вкл.), который содержит документальные фотографии Башкирии 1901–1906 гг. Фотоматериалы разнообразны: пейзажные съемки — реки, озера, пруды, острова, дачи, железнодорожные мосты; бытовые сцены — башкиры за чаепитием, на молитве, праздник Сабантуя в разных деревнях, а также портреты волостных старшин, семейные фотографии, групповые снимки.

Альбом состоит из 24 листов размером 40×30 см, содержит 131 фотографию разных размеров. Толщина фотоснимков составляет от 0,3 до 0,5 мм. Листы фотоальбома — из плотного картона толщиной 1,5 мм, с красным обрезом. Альбомные листы из-за наклеенных на них, имеющих разную толщину фотографий имели неплотное прилегание друг к другу, что привело к их запыленности и загрязнению по краям в виде черной копоти. В альбоме некоторые фотодокументы отсутствуют: сорваны с листов с расслоением бумажной основы фотоотпечатка. Шторки из папиросной бумаги приклеены к каждому листу фотоальбома с двух сторон для защиты фотографий от трения при соприкосновении между собой. Шторки имеют и информационную нагрузку — печатный текст о фотографиях. При бытовании шторки были деформированы, некоторые из них оторваны, несколько утрачено, многие листы имели загрязнения, желтые пятна, разрывы и утраты (ил. 3 на цв. вкл.).

Проведенные исследования

Реставрация старой папиросной бумаги, с низкой адгезивной способностью, характеризующейся ветхостью (разрывы и деформации, появляющиеся при нанесении жидкого клея мягкой кистью) и имеющей неустойчивый к воде печатный текст, потребовала разработки новой методики.

Несколько ветхих шторок, не содержащих информации, которые при реставрации должны были быть заменены на новые, по согласованию с хранителем сохранены для исследования. Они же использовались для подбора дублирующей бумаги и проработки технологии данного процесса.

⁶ *Идов П. И.* Малинская бумажная: Очерки истории Малинской бумажной фабрики им. 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции. Киев, 1971. С. 8.

⁷ *Веретенев Н. М.* Производство папиросной бумаги. М., 1933. С. 5–6.

Исследование шторок из папиросной бумаги по волокну показало, что бумага состоит из волокон льна и целлюлозы; химическое лабораторное исследование определило $pH = 5,2$.

Путем подбора была найдена бумага, наиболее соответствующая условиям методики реставрации и дублирования шторок. Бумага должна быть гладкой, предохраняющей фотографии от трения между собой в листах альбома и не причиняющей вреда поверхности эмульсионного слоя, содержащего изображение. Проводились опыты с образцами бумаги, имеющейся в наличии в лаборатории, в том числе с бумагой папиросной. Из опытов стало ясно, что даже реставрационная каландрированная микалентная бумага, которая, казалось бы, подходит по своей фактуре (гладкая), не годится, так как после прессования дублированных листов деформирует папиросную бумагу, т. е. лист скручивается при открывании альбома. Из всех видов бумаг оказалась подходящей только идентичная папиросная бумага.

Склеивание листов папиросной бумаги между собой оказалось затруднительным. В процессе экспериментов выяснилось, что нанесение клея даже самой мягкой кистью повреждает поверхность папиросной бумаги. Нужно выбрать прочную и прозрачную основу, куда можно поместить папиросную бумагу для совершения всевозможных реставрационных манипуляций. Поэтому было решено применить материал, известный в реставрации как прозрачная пленка из полиэтилентерефталата (ПЭТФ, может называться лавсан, милинекс, майлар и т. д.), на которую возможно поместить папиросную бумагу при реставрации, т. е. произвести дублирование шторки с папиросной бумагой между двумя листами милинекса.

Многочисленные опыты с новой папиросной бумагой показали оптимальность ее использования при реставрации и необходимость склейки в разных направлениях бумажных волокон.

Данная методика была утверждена Реставрационно-методическим советом АКРД.

Процесс реставрации альбомных шторок из папиросной бумаги

Следуя алгоритму реставрации:

1. Произведено очищение листов фотоальбома от пыли и сажи спонжами и резинками.
2. Альбомные шторки обеспылены ватными дисками.
3. Альбомные шторки отклеены с помощью водных компрессов.
4. Проведено химическое лабораторное исследование папиросной бумаги $pH = 5,2$.
5. Было решено промывать по одной шторке на большем по размеру листе милинекса в растворе нейтрального мыла, так как ватными дисками не удалось снять всю грязь (сажу) с папиросной бумаги.
6. Проведены промывка шторок на листе милинекса в проточной воде, с целью удаления остатков мыльного раствора, и затем еще промывка в течение 10 минут в дистиллированной воде.
7. Произведено забуферивание старой папиросной бумаги на листе милинекса в меловом растворе в течение 10 минут.

8. Новая папиросная бумага на листе милинекса также предварительно была промыта в дистиллированной воде и забуферена.
9. Альбомные шторки на листе милинекса опущены в кювету с 0,2%-ным раствором метилцеллюлозы и укреплены.
10. Дублирование произведено с помощью мучного клея (рецепт ЛКРД), разбавленного до концентрации 3–5% (состояние жидкого киселя). Клей наливали на влажный лист дублировочной папиросной бумаги, лежащей на милинексе бóльшего размера, и равномерно распределяли его по листу стеклянной палочкой диаметром 0,5–1 см. Реставрировали укрепленный раствором метилцеллюлозы лист шторки, также лежащий на милинексе бóльшего размера, восполняя утраты, заранее раскроенными фрагментами папиросной бумаги методом «перфорации» (папиросная бумага плохо рвется) и затем соединяли с дублировочной папиросной бумагой. Для склеивания листов между собой использовался фотографический валик, которым плавно, не нажимая на милинекс, используя вес тяжелого валика, вытеснялись излишки клея, что сразу же убиралось марлей для чистоты рабочего места.
11. Изготовлены новые шторки вместо утраченных из двух листов папиросной бумаги, которые были предварительно промыты на листе милинекса в дистиллированной воде и забуферены, склеены между собой таким же способом, как и при реставрации старых шторок.
12. Прессование проведено в течение суток в сукнах после аккуратного снятия листа милинекса с одной стороны. Через сутки осуществляется прессование с фильтровальной бумагой.

Перед тем как поместить реставрированные шторки (ил. 4 на цв. вкл.) в фотоальбом, необходимо восполнить толщину тех альбомных листов, где были сорваны фотографии, с помощью реставрационной бумаги, чтобы в дальнейшем шторки не деформировались (ил. 5, 6 на цв. вкл.).

Хранить фотоальбом следует, завернув его в микалентную бумагу и поместив в специальный контейнер, чтобы пыль не проникала внутрь фотоальбома, в специальном фотохранилище при температуре 18–20 °С и соответствующей влажности — 45%, без резких температурно-влажностных колебаний.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аверьянова О. Н.* Фотограмма: проблемы индексальности // Искусствознание. 2018. № 2. С. 224–226.
- Веретенев Н. М.* Производство папиросной бумаги. М., 1933.
- Идов П. И.* Малинская бумажная: Очерки истории Малинской бумажной фабрики им. 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции. Киев, 1971.
- Малахов А. А.* Бумага: формы терпения в российских пределах (К 300-летию Полотняно-Заводской бумажной мануфактуры). Рыбинск, 2018.
- Плаксин И. М.* Развитие фотодела в российской провинции: на примере Курской губернии второй половины XIX — начала XX в. // Научные ведомости БелГУ. Сер.: История. Политология. 2015. № 19 (216), вып. 36. С. 96–102.
- Три века Санкт-Петербурга : энциклопедия : в 3 т. Т. II : Десятнадцатый век. Кн. 1 : А — В. СПб., 2003.

Н. В. Чернова
Санкт-Петербургский филиал Архива РАН
А. А. Калашникова
Санкт-Петербургский институт истории РАН
Е. В. Бахвалова
АО «Научные приборы»

РАННЯЯ ЖАЛОВАННАЯ ГРАМОТА МИХАИЛА ФЕДОРОВИЧА РОМАНОВА: ИССЛЕДОВАНИЕ И РЕСТАВРАЦИЯ

Жалованная грамота с царской печатью на шнуре была сложена в несколько раз, имела множество механических повреждений и большую утрату, текст в местах перегибов стерт, в местах затеков угасает. При реставрации возникли сложности с железо-галловым угасающим текстом. Печать и цветная буквица на грамоте исследованы с помощью прибора РАМ 30-μ, предназначенного для исследования объектов методами оптической микроскопии, рентгенографии и локального рентгенофлуоресцентного элементного микроанализа с возможностью элементного картирования.

Ключевые слова: реставрация, жалованная грамота, царская печать, история, исследование, оптическая микроскопия, рентгенофлуоресцентный микроанализ.

N. V. Chernova
St. Petersburg Branch of the Archive of the RAS
A. A. Kalashnikova
St. Petersburg Institute of History of the RAS
E. V. Bakhvalova
Joint-Stock Company «Scientific Instruments»

EARLY CHARTER OF MIKHAIL FEDOROVICH ROMANOV: RESEARCH AND RESTORATION

The charter with the royal seal on cord was folded several times, had lots of mechanical defects and a major loss, with the text blurred or faded on fold lines among other places. During the restoration, there were difficulties with the iron gall fading text. Printed text and colored letters on the charter were examined using the RAM 30-μ machine, designed for studying objects by methods of optical microscopy, X-ray and local X-ray fluorescent elemental microanalysis with the possibility of element mapping.

Key words: restoration, charter, royal seal, history, research, optical microscopy, X-ray fluorescent microanalysis.

Историческое описание жалованной грамоты

Рассматриваемая нами грамота — это ранняя жалованная грамота царя Михаила Федоровича 1615 г. События, в ней описываемые, напрямую связаны со Смутой. Упомянутый в грамоте род Комыниных известен с конца XV в., он был связан с небольшой территорией вокруг Серпейска и Мещовска. В 1498 г. Сенка Комынин, слуга княгини Алены Говдыревской-Мезецкой, упоминался как грабитель литовцев¹. Позже Комынины стали известны как вкладчики Брянского Свенского монастыря. Елизарий Комынин, отец получателей грамоты, упоминается в боярском списке 1606–1607 гг. с окладом в 450 четвертей в качестве выборного по Серпейску².

Жалованная грамота от 8 августа 1615 г. принадлежит к числу грамот, за которыми в историографии закрепилось название «вотчинные»³. Она, как и прочие документы этого вида, закрепляет передачу поместных земель в вотчину. В рассматриваемом случае царь Михаил Федорович жалует братьев Михаила и Владимира Елизарьевичей Комыниных селом Конецпольем в вотчину. Эти земли получил в поместье их отец за так называемое Московское осадное сидение, происходившее в 1608–1609 гг., когда войска Лжедмитрия II осаждали столицу.

Грамоты «за Московское осадное сидение» выделяются исследователями в отдельный тип, а редакция их формуляра считается наиболее ранней⁴. Такие грамоты начали выдаваться еще при Василии Шуйском и продолжали бытовать в 1613–1645 гг. Существовала законодательная норма, по которой в вотчину переходила пятая часть поместной земли, а все остальное оставалось в поместном владении. Именно эта норма прописана в рассматриваемой нами грамоте: «со ста четвертей по дватцати чети». Михаил и Владимир Елизарьевичи Комынины получают 120 из 600 четвертей отцовских поместных земель. В грамотах этого типа описываются основания получения пожалования, упоминается, что получатель «стоял крепко» против поляков, литовцев и «русских воров» и не поддавался на «воровскую прелесть и смуту». В жалованной грамоте от 8 августа 1615 г. перечисляются заслуги отца получателей грамоты, который, по-видимому, к 1615 г. уже умер: «...за отца их многие службы, что отец их памятуя Бога и Пречистую Богородицу и московских чудотворцов будучи у нас в Московском государстве при царе Василье в нужное и прискорбное время за веру крестьянскую и за святых Божия церкви и за нас и за всех православных крестьян против врагов наших поль-

¹ Дипломатические памятники сношений России с Польско-Литовским государством конца XV — начала XVI в. // Сборник РИО. 1882. Т. 35. Грамота № 52. С. 246–247.

² Боярский список 1606–1607 гг. // Хронос: всемирная история в интернете : [сайт]. URL: <http://www.hrono.info/dokum/1600dok/1606spis4.php?fbclid=IwAR1j1W22KJvkrKrNv2eqwWgZsoII0v50xJVnpG5SjebqS5LCmSOtQXTA2ps> (дата обращения: 26.10.2021).

³ Комочев Н. А. Пожалования вотчинами участников Смутного времени при царе Михаиле Федоровиче // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2012. № 10. С. 115.

⁴ Сторожев В. Н. Указная книга Поместного приказа // Историко-юридические материалы, издаваемые московским архивом Министерства юстиции. М., 1889. Вып. 1. С. 181–184.

ских и литовских людей и русских воров, которые до конца хотели разорить государство московское, веру крестьянскую попати, а отец их Елизареи, будучи на Москве, встал против тех <...>. Стоял в твердости разума своего крепко и непоколебимо безо всякие шатости и от тое ихъ великия службы и терпенья польские и литовские люди и руские воры от Москвы отошли...».

Особенностью грамоты является отсутствие ссылки на будущее описание земель писцами и мерщиками, в результате чего земли в новом статусе должны были попасть в писцовые книги. Отсутствует также и традиционное для грамот этого типа упоминание о количестве земли, оставшемся в статусе поместья.

Внешний вид рассматриваемого документа соответствует жалованным грамотам этого типа. Текст написан зрелой скорописью начала XVII в. Инициал «б», начинающий текст, оформлен в старопечатном стиле. Он заполнен крупным растительным орнаментом (листьями), выполненным черной краской по белому полю в подражание гравюре западноевропейской старопечатной книги. Инициал сопровождается ажурным растительным орнаментом в виде цветущего горошка, занимающим треть левого поля грамоты. Вероятно, горошек можно трактовать как следы нововизантийского стиля, который господствовал в роскошных рукописях Московского государства XVI в. Запись царского имени помещена на обороте грамоты: «царь и великий князь Михаил Федорович всея Руси самодержец». Там же вместе со справой подьячего находится подпись дьяка. Согласно указу 1682 г., дьяческая подпись должна была ставиться на лицевой стороне грамоты внизу, а до этого существовала вариативность ее расположения⁵. Грамота заверена вислой красновосковой круглой печатью на красном шелковом шнуре на креплении «куриная лапа». На лицевой стороне печати изображены всадник, поражающий копьём змея, и легенда: «Божиею милостию великии г(осуд)арь ц(а)рь и великий князь Михаилъ Федорович всея Русии». На оборотной стороне — изображение двуглавого орла и легенда: «всеа Русии самодержецъ і многихъ господарствъ господарь и блаадатель».

Жалованную грамоту 8 августа 1615 г. заверил дьяк Герасим Мартемьянов — известная личность периода Смутного времени. Он был дьяком Поместного приказа при Лжедмитрии I в 1604/5 г., затем при королевиче Владиславе, затем дьяком в ополчениях Ляпунова, кн. Трубецкого и кн. Пожарского. До 1618 г. являлся дьяком Поместного приказа при царе Михаиле Федоровиче⁶. Написал грамоту, как следует из sprawy подьячего, Панкрат Бабанин, также известный по актам первой трети XVI в.⁷

Выдача грамот такого типа свидетельствует о преемственности вотчинной политики Михаила Федоровича относительно политики Василия Шуйского и боярского правления. У таких грамот был устойчивый формуляр, их выпускалось много; по массовости аналога вотчинным жалованным грамотам начала XVII в. в более раннюю эпоху не существует.

⁵ Кочев Н. А. Царские жалованные грамоты светским лицам (1613–1696): источниковедческое исследование. М., 2016. С. 93.

⁶ Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. С. 320.

⁷ Там же. С. 39.

Жалованная грамота хранится в федеральном государственном бюджетном учреждении науки «Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук» (СПБГИИ РАН) — Русская секция (РС), колл. 110, оп. 1, № 157 («Поуездная коллекция»), где собраны документы разных уездов, поступившие в архив в разное время. Грамота представляет большую ценность с историко-дипломатической точки зрения, отражая ранний этап делопроизводства царской канцелярии и отличаясь от более поздних грамот манерой оформления. Кроме того, она является важным историческим источником по истории Смутного времени.

Описание состояния памятника

По визуальным наблюдениям: жалованная грамота на ветхой тряпичной бумаге имеет красную восковую печать круглой формы, закрепленную на плетеном красном шнуре в нижней части листа по центру, в виде «куриной лапы». С оборотной стороны грамоты этим же красным шнуром прикреплена полоска бумаги — плика размером 360×70 мм, к которой приклеен второй лист тряпичной бумаги (охранный), большего размера, состоящий из трех фрагментов бумаги разного качества. Бумажные основы грамоты и охранного листа имеют разные водяные знаки. Грамота была сложена пять раз по горизонтали и два раза по вертикали.

Лицевая сторона 1-го листа: имеет текст, который выполнен железно-галловыми чернилами, написан на 33 строках (ил. 1 на цв. вкл.). Площадь текста составляет 92 750 мм² = 350×265 мм, межстрочный интервал — 10 мм. В начале текста заставка в виде большой буквицы с узорами (75×60 мм), выполнена черной краской, золотом и цветными красками; к нижней части буквицы пририсовано растение — витиеватый цветущий горошек (120×60 мм). Размер листа — 450×360 мм. Водяной знак на бумажной основе грамоты — виноградная гроздь. Ромбовидная гроздь винограда состоит из одинаковых кружочков (по 6 кружочков в 5 строках, в последней строке 5 кружочков, 35 и 3 маленьких) с хвостиком, размер филигранны — 54×30 мм. Этот мотив редко встречается в первой четверти XVII в., когда была составлена исследуемая грамота, он более характерен для XVI в. Аналогичной или близкой филигранны, сохранившейся от этого периода, не найдено. Тип близкий — Сборник 1530–70-х гг. французских и итальянских архитектурных чертежей и гравюр из собрания Баварской государственной библиотеки (Мюнхен, Германия)⁸.

Оборотная сторона 1-го листа: имеет три строки рукописного текста, выполненные железно-галловыми чернилами по горизонтали, первая строка вверх, вторая строка и третья полустрока вниз. Тряпичная бумага имеет отливочную сетку, где понтюзо = 22 мм, вержеров — 9 линий на 10 мм.

Лицевая сторона 2-го листа: текста не имеет, несет охранную функцию. Размер листа — 420×384 мм. К тряпичной бумаге, размером 420×333 мм, по

⁸ Филигрань DE5580-Codicon209e_47 из базы данных Wasserzeichen-Informationssystem. URL: https://www.wasserzeichen-online.de/wzis/struktur.php?ref=DE5580-Codicon209e_47 (дата обращения: 26.10.2021).

вертикали приклеены полоски, также из тряпичной бумаги, более плотной, чем основной лист, два фрагмента размерами 210×60 мм и 130×60 мм, верхний левый фрагмент оборван. На втором листе — охранном — в разных местах просматриваются водяные знаки: вензель из букв «АГ», буква «К» и филигрань «Pro Patria» — человек в ладье с жезлом и две буквы в верхней части филигрании «А Г», бумага мельницы Афанасия Гончарова 1744–1754, 1795 гг.⁹

Оборотная сторона 2-го листа: имеет номерной знак «№ 34», сделанный железно-галловыми чернилами, вероятно, хранителем. Тряпичная бумага имеет отливочную сетку, где понтюзо = 28 мм, 8 линий вержеров на 10 мм (ил. 2 на цв. вкл.).

Состояние основы: лист 1 желто-коричневого цвета, с правой стороны имеет коричневый затек размером 450×140 мм, а также по всему листу отмечены коричневые пятна, предположительно затеки от чернил. Лист 2 светлый, очень тонкий, таких затеков, как на листе 1, не имеет, но по центру пятно жирового происхождения. Оба листа в местах перегибов потерты, бумажная основа разрушенная, рыхлая, имеются множественные разрывы, складки, заломы и мелкие утраты.

Повреждения: механического характера, включают значительные и многочисленные разрывы и утраты на обоих листах, вследствие складывания документа. Тряпичные листы 1 и 2 ветхие, и у того и у другого имеется большая утрата размером 80×60 мм, только на 1-м листе утрата сверху с правой стороны, а у 2-го листа сверху с левой стороны. Лист 1 имеет множество затеков, мушинных засидов, а также на оборотной стороне три бумажные наклейки, скрепляющие разрывы и утраты, приклеенные силикатным клеем (ил. 3 на цв. вкл.). Лист 2 практически (более половины) оторван вместе с приклеенным фрагментом плитки.

Плика: в нижней части грамоты, по центру пять сквозных отверстий для плетеного шнура, отверстия усилены с передней и задней стороны двумя слоями бумаги, вырезанной в виде капли. Плика имеет множество разрушений: утраты, глубокие разрывы и изломы.

Печать: двусторонняя, восковая, имеет размеры 53×55 мм, круглой формы, в хорошем состоянии. На одной стороне печати штамп двуглавый орел, на второй стороне вытиснена фигура всадника, поражающего копьем шею дракона (ил. 4, а и б на цв. вкл.). Печать состоит из красного сургуча, предположительно «испанский воск» (воск, смешанный с киноварью)¹⁰.

Чернила: железно-галловые угасающие, в местах затеков текст размытый, в местах перегибов утрачен, но в целом текст читаемый. Первая буква

⁹ Клепиков С. А. Филиграния на бумаге русского производства XVIII — начала XX века. М., 1978. С. 11–98.

¹⁰ «В середине XVI в. Самуэль Циммерман, житель немецкого города Аугсбурга, в своем сочинении об искусстве переписки раскрыл секрет «испанского воска»: «Взять чистой белой смолы, распустить ее на умеренном угольном огне и, когда она распустится, снять с огня и вмешать в смолу на один фунт четыре лота мелкой малярной киновари, дать вместе застыть или перелить в холодную воду, и получится красивый, красный, крепкий сургуч». (Новоселов В. А. История почты и почтовой марки // RussiaHouseNews : [информационный портал]. URL: <http://russiahousenews.info/raznoe/istoriya-pochti-pochtovoy-marki> (дата обращения: 27.10.2021).

выполнена черной тушью, золотом и цветными красителями (розовый, зеленый, коричневый).

Шнур: сплетен из красных шелковых нитей, в хорошем состоянии. Шнур двумя концами входит внутрь восковой печати, в нижней ее части концы выходят и расходятся в разные стороны. Длина шнура составляет приблизительно 700 мм, диаметр 2 мм.

Исследовательская часть

1. Биологическое исследование: были взяты пробы для микологического анализа с поверхности тряпичной бумаги. Жизнеспособные споры микромицетов не обнаружены.
2. Измерение толщины тряпичной бумаги проводилось микрометром «VEB Werkstoffprüfmaschinen» на разных участках листов: лист 1 имеет толщину от 0,12 до 0,18 мм, лист 2 — от 0,12 до 0,16 мм, доставки к листу 2 по вертикали — 0,23 мм, по горизонтали, где печать, — 0,15 мм.
3. Анализ вида волокон бумаги показал, что бумага изготовлена из тряпичного волокна (лен).
4. Измерение рН водной вытяжки листов 1 и 2: лист 1 имеет рН = 5,7, в местах подклеек силикатным клеем рН = 11, лист 2 имеет рН = 5,0.
5. Анализ на определение проклейки листов 1 и 2 показал ее отсутствие.
6. Исследование железо-галловых чернил убедило в их водостойкости. Но в местах затеков чернила имеют ореол и среднюю стадию угасания.
7. Исследование красок черной, золотой, зеленой, красной, коричневой, которыми выполнена буква, показало, что краски водостойкие.
8. Микроскопическое исследование печати: красный сургуч выглядит прозрачным с красными вкраплениями, возможно, киновари, предположительно «испанский воск».
9. Микроскопическое исследование нити показало, что нить шелковая (вид полой стеклянной трубочки). Нить хорошо прокрашена, красный краситель при увлажнении не уходит.

Алгоритм реставрационных мероприятий

Фотофиксация грамоты. Грамота сфотографирована в целом и по фрагментам (4), сделано фотовывявление текста, написанного железо-галловыми чернилами, в УФ-лучах (ил. 5 на цв. вкл.).

Удаление заклеек, приклеенных силикатным клеем, и механическая очистка. Заклейки и следы силикатного клея удалены механическим способом с помощью глазного скальпеля.

Следы экскрементов насекомых (мушинные засиды) удалены с помощью глазного скальпеля. Пастозные наслоения разбивали кончиком скальпеля, затем удаляли мягкой кистью из козьего ворса.

Отделение охранного листа 2 от плики. Лист был отделен от плики с помощью шпателя, методом увлажнения.

Выбор реставрационной бумаги для дублирования и восполнения утрат. Для дублирования выбрана японская реставрационная бумага «100 % Japanese Kozo» (толщиной 0,06 мм). Для восполнения утрат выбрана старая тряпичная бумага, сходная по толщине с оригиналом.

Окрашивание тряпичной бумаги под цвет бумаги основы грамоты (листа 1 и листа 2). Тряпичная бумага окрашена по методике ЛКРД¹¹ прямыми светостойкими красителями в тон оригинала.

Заранее произведен раскрой утраченных частей для листов 1 и 2 по методике голландской ассоциации профессиональных реставраторов «VeReS»¹². Раскрой был произведен на выбранной старой тряпичной бумаге методом перфорирования. На поверхности восполняющего листа чернографитным карандашом выполнен абрис по периметру утрат. Затем, после того как тряпичная бумага положена на техническое сукно и сделан отступ 0,5 мм от края абриса снаружи, с помощью иглы выполнена перфорация. После этого заплатка была аккуратно вырвана из листа тряпичной бумаги, абрис, выполненный чернографитным карандашом, удален стирательной резинкой «Koh-i-Noor». Волокна бумаги по периметру заплатки распрямлены.

Промывка листа 2 в кювете с водой. Лист 2 промывался в кювете нужного размера, вода менялась до тех пор, пока не вышла желтизна из тряпичной основы. Затем лист 2 для укрепления основы тряпичной бумаги помещен в раствор 0,3 % метилцеллюлозы на 16 минут. После этого на листе «Hollytex» лист 2 перенесен на реставрационный стол.

Восполнение утрат и дублирование листа 2 на тонкую реставрационную бумагу. На реставрационном столе работа проведена с оборотной стороны (там, где нет помет) листа 2: были восполнены утраты, уже подготовленные из тряпичной бумаги, подклеены разрывы и укреплены заломы реставрационной японской бумагой, и затем положен дублировочный лист реставрационной японской бумаги и нанесен разбавленный клей из пшеничного крахмала.

Прессование листа 2 между техническими сукнами под местным грузом. На листе «Hollytex» лист 2 помещен между техническими сукнами под местным грузом.

Тампонирование ватными дисками листа 1 водно-спиртовым раствором. Первоначально водно-спиртовой раствор приготовлен в соотношении 1 : 1. Лист 1 помещен между двумя листами фильтровальной бумаги; первые пробы показали выход затека на фильтровальную бумагу; после того как затек перестал уходить, приготовлен водно-спиртовой раствор 2 : 1. Затек вновь начал выходить на фильтровальную бумагу. Разбавляли водно-спиртовой раствор до тех пор, пока фильтровальная бумага, которая периодически менялась, не стала показывать желтые ореолы.

¹¹ Андреева К. И., Кудоярова Л. В., Перльштейн Е. Я. О новом методе тонирования реставрационных материалов // Проблемы сохранности документальных материалов. Л., 1977. С. 79–82.

¹² Методика раскроя плотной реставрационной бумаги была представлена Басом ван Вельзеном на мастер-классе в БАН в 1995 г.

Восполнение утрат, дублирование листа 1 и плики на тонкую реставрационную бумагу. На реставрационном столе на листе 1 с оборотной стороны были восполнены утраты, уже подготовленные из тряпичной бумаги. Подклеены разрывы и укреплены заломы реставрационной японской бумагой, и затем положен дублировочный лист реставрационной японской бумаги и нанесен разбавленный клей из пшеничного крахмала (ил. 6 на цв. вкл.).

Плика была реставрирована также на фрагментах листа «Hollytex», чтобы не было прилипания к листу 1.

Прессование листа 1 между техническими сукнами под местным грузом. На листе «Hollytex» лист 1 и плика помещены между техническими сукнами под местным грузом. Между листом 1 и пликкой помещены вырезанные фрагменты из листа «Hollytex».

Присоединение листа 2 к плике листа 1. Лист 2 приклеен к плике на то же место, какое и было, клеем из пшеничного крахмала (ил. 7, 8 на цв. вкл.).

Расчистка печати раствором метилцеллюлозы. Восковая печать очищена мягкой кистью 3%-м раствором метилцеллюлозы по внутренней методике ЛКРД. Раствор метилцеллюлозы с поверхности печати удален увлажненным ватным диском.

Изготовление папки из ватмана с креплением для печати. Из ватмана (АО «Гознак») сделана папка с креплением из технического сукна для печати. Документ помещен в папку из ватмана, печать вставлена в крепление (первичная упаковка).

Изготовление папки из нейтрального картона для последующего хранения. Документ в папке из ватмана помещен в папку (535×385 мм) из бескислотного картона (вторичная упаковка) (патент РФ № 215583, 2000 г.)

Исследование буквицы и печати на РАМ 30-μ

РАМ 30-μ предназначен для исследования объектов методами оптической микроскопии, рентгенографии и локального рентгенофлуоресцентного элементного микроанализа с возможностью элементного картирования. С помощью микроскопа может быть проведено сканирование образца размером до 400 мм по оси Y и неограниченного размера по оси X (максимальный размер сканируемой области — 150×150 мм; в случае большей области возможно объединение отсканированных областей в одно изображение) и высотой до 105 мм. Для точного определения области сканирования используют обзорную видеокамеру и два оптических микроскопа с увеличением до 200 крат. Центральный оптический микроскоп с автоматизированной настройкой резкости совмещен с осью микрозонда (с осью рентгеновского пучка). Локальный рентгенофлуоресцентный микроанализ с возможностью элементного картирования и исследования методом рентгенографии возможно проводить как отдельно, так и одновременно. Точность позиционирования объекта исследования — 10 мкм. Минимальный диаметр рентгеновского зонда — 30 мкм. Диапазон одновременно измеряемых элементов — от ^{11}Na до ^{92}U .

В общем спектре измеренного участка грамоты обнаружены кальций, калий, хлор, титан, железо, никель, медь, цинк, золото и свинец (рис. 1). Для соотнесения элементов и изображенных фрагментов сравнили карты распределения элементов. Контуры цветов и завитки выполнены пигментами, содержащими железо (ил. 9 на цв. вкл.). Темно-коричневые с фиолетовым оттенком стебли раскрашены пигментом, содержащим свинец (ил. 10 на цв. вкл.). Бледно-зеленые области содержат медь, а также примеси калия, хлора и кальция (ил. 11 на цв. вкл.). Расположение пигментов с указанными элементами представлено на ил. 12 на цв. вкл.. Золото содержит золотистая рамка буквицы (ил. 13 на цв. вкл.). Железо и титан также содержатся в золотистой рамке, но их распределение незначительно отличается, что может указывать на примеси в золоте либо последовательное закрашивание двумя различными пигментами (ил. 14 на цв. вкл.). Также в верхнем правом углу наблюдается усиление интенсивностей калия, кальция, меди и других элементов, что связано с загрязнением грамоты.

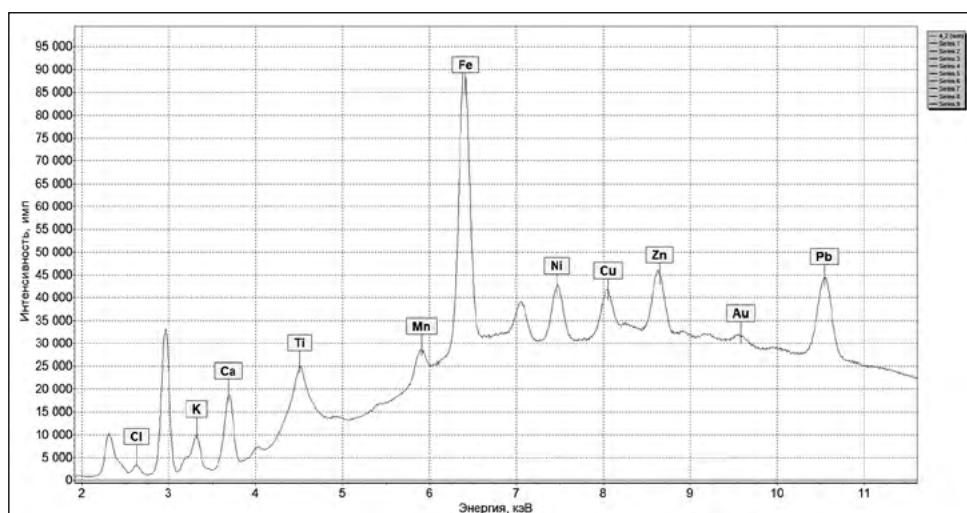

Рис. 1. Общий спектр

Исследование восковой печати. Как показывает спектральный анализ (рис. 2), основные элементы в составе печати — ртуть и свинец¹³. Присутствуют также примеси: калия, кальция, титана, железа, марганца, меди, никеля. На рентгенограмме можно заметить неоднородные кусочки, наличествующие в печати (ил. 15 на цв. вкл.). Шнур, проходящий через пликую грамоты, предварительно был связан в узел, а потом скреплен печатью.

¹³ Чернова Н. В., Срединская Н. Б., Бахвалова Е. В. Проблемы реставрации и исследование испанского диплома на пергамене с вислой печатью 1414 года // Миллеровские чтения — 2018: Преемственность и традиции в сохранении и изучении документального академического наследия : материалы II Международной научной конференции, 24–26 мая 2018 г., Санкт-Петербург / сост. и отв. ред. д. и. н. И. В. Тункина. СПб., 2018. С. 708–709. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; вып. 14).

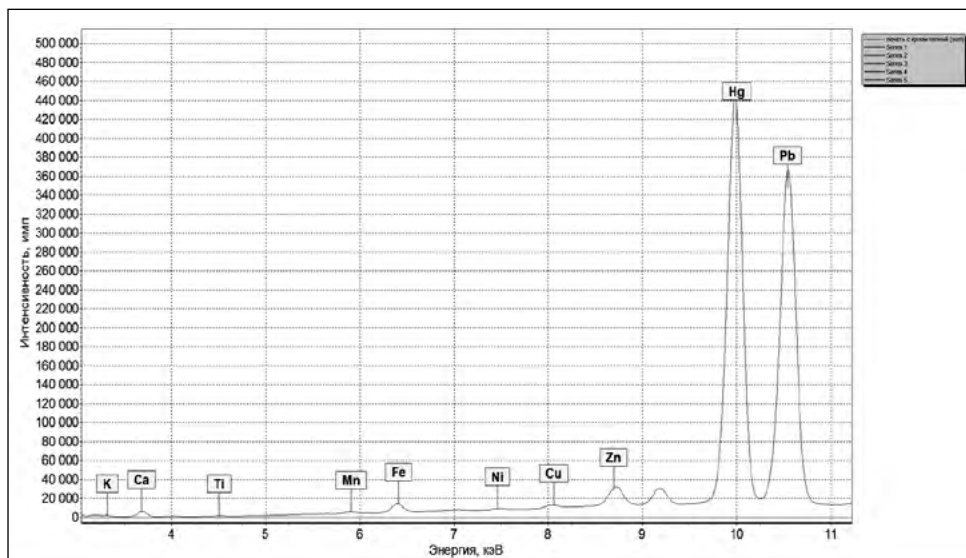

Рис. 2. Спектр восковой печати

Вывод: На микроскопе РАМ-30μ проведено исследование грамоты с восковой печатью. Определено содержание химических элементов в различных пигментах буквицы, картирование показало распределение этих пигментов в изображении буквицы.

Проведен анализ восковой печати. Печать имеет вкрапления, по составу основные элементы — ртуть и свинец. Ртуть предполагает использование испанского воска, а свинцовой была печатка для оттиска печатей. На рентгенограмме видно расположение шнура в печати: по центру шнур связан в узел, а потом концы его расходятся в разные стороны к низу печати.

Условия анализа

Шаг сканирования 150, 600 мкм	Ток 10000, 3000 мкА
Скорость 200, 700 мкм/с	Рентгеновская трубка: Мо анод
Время измерения 500 мс	Атмосфера: воздух
Напряжение 25, 40 кВ	

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андреева К. И., Кудоярова Л. В., Перльштейн Е. Я. О новом методе тонирования реставрационных материалов // Проблемы сохранности документальных материалов. Л., 1977. С. 79–82.
- Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975.
- Клепиков С. А. Филигранные на бумаге русского производства XVIII — начала XX века. М., 1978. С. 11–98.

- Комочев Н. А.* Царские жалованные грамоты светским лицам (1613–1696): источниковедческое исследование. М., 2016.
- Комочев Н. А.* Пожалования вотчинами участников Смутного времени при царе Михаиле Федоровиче // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2012. № 10. С. 115–119.
- Новоселов В. А.* История почты и почтовой марки // RussiaHouseNews : [информационный портал]. URL: <http://russiahousenews.info/raznoe/istoriya-pochti-pochtovoy-marki> (дата обращения: 27.10.2021).
- Сторожев В. Н.* Указная книга Поместного приказа // Историко-юридические материалы, издаваемые московским архивом Министерства юстиции. М., 1889. Вып. 1. С. 181–184.
- Чернова Н. В., Срединская Н. Б., Бахвалова Е. В.* Проблемы реставрации и исследование испанского диплома на пергамене с вислой печатью 1414 года // Миллеровские чтения — 2018: Преемственность и традиции в сохранении и изучении документального академического наследия : материалы II Международной научной конференции, 24–26 мая 2018 г., Санкт-Петербург / сост. и отв. ред. д. и. н. И. В. Тункина. СПб., 2018. С. 703–710. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; вып. 14).

*А. А. Дмитриева
Центральный государственный архив
кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга*

*П. А. Тихонов
Институт истории СПбГУ, Санкт-Петербургский филиал Архива РАН*

РАЗВИТИЕ ФОТОЭКСПЕРТНОГО НАПРАВЛЕНИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГАИМК В 1920–30-Е ГГ.

Статья посвящена особенностям применения фотографических технологий в деятельности ГАИМК в 1920–30-е гг.: формирование фотоархива, фоторегистрация археологических находок и фотоанализ как метод исследования и реконструкции памятников материальной культуры. Впервые рассказывается о сотрудничестве специалистов Академии и ленинградских архивистов. В указанный период фототехнологии позволили создать на базе Академии экспертный центр, заложив основы для дальнейшего развития ряда научных направлений.

Ключевые слова: фототехнологии, фотоархив, археология, реставрация, консервация.

*A. A. Dmitrieva
St. Petersburg Central State Archive of Film,
Photographic and Phonographic Documents*

*P. A. Tikhonov
Institute of History of St. Petersburg State University,
St. Petersburg Branch of the Archive of the RAS*

DEVELOPMENT OF PHOTO EXPERT DIRECTION IN THE STATE ACADEMY FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE IN THE 1920s — 1930s

The article is devoted to specific features while using photographic technologies by experts of the State Academy for the History of Material Culture in the 1920s and 1930s: formation of a photo archive, photo registration of archaeological finds and photo analysis as a method of research and reconstruction of cultural objects. For the first time, the article describes the cooperation between the Academy's specialists and Leningrad archivists. During this period, photo technologies made it possible to create an expert centre on the basis of the Academy, laying the foundations for further development of a number of scientific areas.

Key words: photo technologies, photo archive, archaeology, restoration, conservation.

Социальные потрясения, которые переживало российское общество во время Первой мировой войны и революции 1917 г., становятся катализатором изменений в области науки и техники, а вместе с ними и в археологической технологии. К началу 1920-х гг. Петроград становится крупным научным центром России в деле изучения истории материальной культуры; по словам Б. В. Фармаковского, именно здесь «были сосредоточены основные кадры и необходимые для исследований собрания артефактов, здесь были выработаны принципы организации обеспечения сохранности, научного описания и использования сохранившихся памятников культуры».

В 1920–30-е гг. археологическая наука переживает период активного развития. Во многом этому способствовало развитие дисциплин, без которых невозможно было бы полноценное исследование вещественных памятников культуры, — химии, биологии, палеографии, геологии и др. Важная роль в этой работе отводилась фотографии, нашедшей в этот период применение во многих сферах человеческой деятельности.

В целях сосредоточения основных усилий по изучению древностей в 1918 г. на базе бывшей Императорской археологической комиссии (ИАК), основанной в 1859 г., создается Российская государственная археологическая комиссия (РГАК) (с 1919 г. — Российская академия истории материальной культуры (РАИМК)). Новое учреждение должно было стать научным и экспертным центром, «аналогичным Академии наук, но со специальной задачей исследования памятников культуры», «выработки принципов организации научного охранения дошедших до нас памятников древности»¹. Решение этих задач в 1920-е гг. взял на себя Институт археологической (с 1932 г. — исторической) технологии (ИАТ), созданный в 1919 г. в рамках РАИМК. По замечанию Д. О. Цыпкина, ИАТ (ИИТ) «предстояло сыграть ключевую роль в выборе пути развития историко-документной экспертизы в России»².

К основным направлениям, в рамках которых применялись фотографические технологии в деятельности Академии в 1920–30-е гг., можно отнести:

- фотоархивное дело (создание и ведение фотоархива, консервация и реставрация фотодокументов);
- фотодокументирование (фоторегистрация) памятников материальной культуры;
- фотоанализ как метод исследования и реконструкции археологических памятников.

Помимо этих работ, в Академии было налажено собственное производство фотоматериалов. Для нужд Академии, а также по заказам различных учреждений Петрограда/Ленинграда, Институт исторической технологии изготавливал непроявленные негативы, фотобумагу и реактивы³.

¹ Фармаковский Б. К истории учреждения Российской академии истории материальной культуры. Пг., 1921. С. 9–10.

² Цыпкин Д. О. Формирование историко-документной экспертизы в России: 1898–1963 гг. (концепции, учреждения, ученые) : дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2009. С. 87.

³ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 923. Оп. 1. Д. 92. Л. 12.

Формирование фотографического собрания и создание фотографических свидетельств можно отнести к наиболее раннему этапу использования фототехнологий в работе Академии. Начало этому было положено в 1886 г., когда известный русский фотограф И. Ф. Барщевский передал Министерству императорского двора фотографии ряда археологических объектов, обращая тем самым внимание властей империи на необходимость сохранения этих памятников. Снимки были переданы в ИАК, которая просила фотографа прислать ей и другие имеющиеся у него изображения древних памятников⁴. С 1870-х гг. археологи начинают создавать собственные фотодокументы, фотография постепенно входит в практику полевых исследований по археологии и этнографии. К концу 1880-х гг. фотоснимки уже становятся неотъемлемой частью отчетов об экспедиционных работах. Как отмечает Г. В. Длужневская, «Российская империя, охватывавшая огромные пространства Евразии, была поставлена перед необходимостью их изучения и освоения. Составной частью этой задачи было создание или уточнение географических карт, изучение природных ресурсов, экономики и культуры многочисленных народностей России». Фотография в этот период выполняла вспомогательную функцию, ее задачей являлась фиксация изменений, происходивших в развитии отдельных регионов страны.

В то же время до начала 1920-х гг. фотосъемка самого процесса полевых работ практически отсутствовала, вместо этого в основном осуществлялась фиксация археологических находок⁵.

В 1919 г. в составе РАИМК при фотографической части был выделен фотографический архив как обособленное структурное подразделение⁶. В 1920–30-е гг. он пополнялся в основном следующими видами фотодокументов: фотоснимками из экспедиций и из служебных командировок; фотографическими коллекциями других учреждений и частных лиц; фотоснимками, выполненными штатными фотографами ГАИМК по заказам сотрудников Академии⁷.

В этот период в фотоархив Академии стали поступать крупные фотографические собрания из ленинградских учреждений, прошедших реорганизацию, — Государственного музейного фонда, Реставрационной мастерской Главнауки, Отдела охраны памятников Комитета по делам искусств и Комитета популяризации художественных изданий, а также ряда музеев и библиотек. Как отмечает Г. В. Длужневская, основу этих собраний составляли «ценнейшие материалы по архитектуре “старой” и “новой” столиц

⁴ Длужневская Г. В. Фотоархив Института истории материальной культуры РАН (с 2004 г. — фотоотдел Научного архива ИИМК РАН) // Сборник докладов Международной конференции «Фотография в музее», Санкт-Петербург, 2–4 октября 2012 г. СПб., 2012. С. 7.

⁵ Длужневская Г. В. Историко-археологическое наследие Азиатской России в фотодокументах второй половины XIX — первой половины XX в. (По фондам Научного архива Института истории материальной культуры Российской академии наук) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2008. С. 7–10.

⁶ Длужневская Г. В. Фотоархив Института истории материальной культуры... С. 7.

⁷ Тихонов Н. П. Исследование картин с помощью лучей Рентгена // Сообщения ГАИМК. Л., 1931. № 7. С. 5–10.

России — Москвы и Санкт-Петербурга, их пригородов и иных городов и областей Евразии...»⁸.

В дальнейшем, в середине 1930-х гг., к этим видам поступлений добавился иллюстративный фотоматериал «по истории становления общества»: снимки, содержащие пересъемку печатных изданий, изображения музейных экспонатов и др. Отмечалось, что «образованная таким путем серия диапозитивов иллюстрирует начальные этапы истории доклассового общества и используется сотрудниками для научно-популярных докладов»⁹.

В 1930-е гг. фотоархив Академии получил статус самостоятельного отдела в числе научно-вспомогательных подразделений ГАИМК. Являясь одним из крупнейших фотохранилищ в Европе, он вызывал к себе большой интерес со стороны иностранных специалистов. Фотодокументы, хранившиеся в архиве, постепенно стали признаваться «особым видом исторического источника, объектом изучения и научных публикаций».

Фотографический материал, полученный в полевых условиях, всегда оставался одним из важнейших источников формирования фотографического собрания Академии.

Работы по фотодокументированию археологических находок выполнялись как штатными фотографами Академии, так и непосредственно исследователями-археологами. В числе штатных фотографов Академии были реставратор и историк искусства Н. П. Сычев, фотографы Н. П. Тихонов и А. Вруйр. Наиболее крупным специалистом в этой области можно назвать И. Ф. Чистякова, стаж работы которого в Академии к началу 1930-х гг. насчитывал более 40 лет. Его коллекция негативов на стеклянных пластинах, включавшая более 20 000 ед. хр., была передана фотографом в РГАК в декабре 1918 г. и легла в основу фотоархива Академии. Как отмечал Н. П. Тихонов, за время своей работы (с 1896 г.)¹⁰ И. Ф. Чистяков «выработал такой опыт, такой “глаз” и такое знание приемов археологической фотографии, что его снимки следует считать образцовыми для того времени».

Длительное время к созданию этого вида документов не предъявлялось специальных требований, в отечественной и зарубежной литературе не были сформулированы единые правила и принципы их создания¹¹. Необходимость создания такого свода правил особенно остро стала ощущаться в начале 1930-х гг., в связи с возросшим объемом полевых работ (прежде всего — в местах новостроек)¹². К этому времени простая фоторегистрация археологических находок уже не отвечала тем задачам, которые ставились перед археологической (исторической) технологией, — «изучение природы исходных материалов и техники их обработки». На развитие приемов и методов фотосъемки в полевых условиях в этот период большое влияние оказали исследования, проводившиеся в лаборатории фотоанализа,

⁸ Длужневская Г. В. Фотоархив Института истории материальной культуры... С. 10.

⁹ Данилевский В. Реставрация мозаики Ломоносова «Полтавская баталия» // Проблемы истории докапиталистических обществ. Л., 1934. № 2. С. 120.

¹⁰ Длужневская Г. В. Историко-археологическое наследие Азиатской России... С. 10–22.

¹¹ Тихонов Н. П. Фотография в полевой работе. Л., 1932. С. 3–6. (Образовательная библиотека ГАИМК. № 5).

¹² Длужневская Г. В. Историко-археологическое наследие Азиатской России... С. 8.

организованной в составе ИАТ в 1927 г. Здесь разрабатывались специальные методы фотосъемки археологических объектов — фотограмметрия, микрофотографирование археологических объектов с использованием селективных фильтров и др.

Итогом этих разработок стало пособие «Фотография в полевой работе», созданное в 1932 г. сотрудником ИАТ (с марта 1932 г. — директором ИИТ) Н. П. Тихоновым «для популяризации знаний в области фотодокументации»¹³. Автором отмечалось, что эта работа была подготовлена на основе «многочисленных консультаций», которые оказывали сотрудники ИАТ сотрудникам Академии и других учреждений «при их отъезде в экспедиции», и «проработки этого вопроса на практических занятиях с научными работниками Академии в лаборатории фотоанализа». Помимо чисто прикладных задач («дать справочную книжку... полевому работнику, имеющему в своей работе дело с вещественными памятниками как историческими источниками»), Н. П. Тихонов поставил более широкую задачу — обозначить «возможности и требования, какие в настоящее время могут быть предъявлены к фотографии как научному документу».

В этой работе последовательно излагаются основные принципы метрической фотографии, репродуцирования, фотодокументирования, специальные типы съемки (стереоскопическая и цветная фотографии), правила ведения дневника экспедиции при помощи фотозаписи, последовательность операций при обработке негативов в полевых условиях, а также правила хранения и регистрации негативов.

Говоря о фотодокументировании памятников культуры, Н. П. Тихонов отмечал: «...мы должны не просто пользоваться фотографией, а применять ее». Он указывал, что с ее помощью возможно «не только подробно и четко документировать все последовательные фазы производимых работ, но и сохранять вид и расположение отдельно находимых деталей». По его утверждению, «фотографии современных раскопок являются... рядом последовательных монографических документов, показывающих ход производимых работ». Отмечалось, что развитие этого направления фотографической технологии стало возможным только после Октябрьской революции, «в корне изменившей взгляд на археологию,.. выдвинувшей понятие археологического, вещественного памятника как исторического источника».

Таким образом, в работе Н. П. Тихонова, впервые в зарубежной и отечественной практике, были обозначены принципы фотодокументирования исторических источников, опираясь на которые фотограф-археолог создавал бы не «иллюстрации»¹⁴, а полноценные фотодокументы, исторические источники по изучению археологического материала.

Большое значение, придававшееся фотодокументированию как одному из направлений научно-исследовательской работы Академии, во многом обязано тому подходу, которого придерживался выдающийся востоковед, археолог,

¹³ Тихонов Н. П. Итоги и перспективы исторической технологии // Сообщения ГАИМК. Л., 1931. № 11–12. С. 43–48.

¹⁴ Тихонов Н. П. Фотография в полевой работе. С. 3–8.

лингвист Н. Я. Марр, возглавлявший РГАК/РАИМК/ГАИМК с 1918 по 1934 г. Как отмечает Г. В. Длужневская, «настойчивость его в деле фотофиксации была необыкновенна, а требования, предъявлявшиеся к фотодокументу, — чрезвычайно высокими». Н. Я. Марр также фотографировал самостоятельно и «нередко давал указания, как можно достигнуть желаемого качества снимка»¹⁵.

С конца 1920-х гг. основной областью применения фототехнологий в работе ГАИМК становится анализ вещественных памятников. В отличие от фотодокументирования, фиксирующего внешнее состояние и форму объекта, главными целями фотоанализа являлись проникновение в структуру вещественного памятника (не затрагивая физически сам объект исследования), изучение и реконструкция его первоначального облика и выявление скрытых элементов изображения (угасшие тексты, вышивка, живописные полотна и т. д.). Для этого максимально широко использовались возможности фотографии, начиная с изменения состава светочувствительных слоев негативов и заканчивая съемкой с использованием различных источников света. Таким образом, метод фотоанализа объединял в себе несколько различных методик: фоторепродуцирование, реставрация фотоизображений, усиление цветности и т. д.

Важная роль в развитии фотоаналитических исследований в рамках ГАИМК принадлежит талантливому фотографу и фототехнику Н. П. Тихонову. До конца 1920-х гг. разработка фотоаналитического метода проводилась Н. П. Тихоновым, совместно с химиком и биологом В. Н. Кононовым, специалистом в области реставрации и консервации вещественных памятников, в основном на базе других учреждений — Высшего института фотографии и фототехники (с октября 1923 г. — Фотокинотехникум), в Технологическом и Рентгенологическом институтах, а также в собственных лабораториях Н. П. Тихонова и В. Н. Кононова на дому¹⁶. Работы по фотоанализу вещественных памятников, проводившиеся в ГАИМК, стали логическим продолжением традиций, заложенных крупными специалистами по экспертизе документов Е. Ф. Буринским, А. А. Поповицким и др.¹⁷ (рис. 1).

На организацию фотоаналитической лаборатории Академией было выделено около 1000 руб. и предоставлено помещение из двух комнат. Для оснащения лаборатории приобрели фотографический аппарат, аппарат для микрофотографирования и необходимый инвентарь¹⁸. Часть недостающих приборов была заказана за границей¹⁹. Кроме этого, некоторые приборы и инструменты были собраны непосредственно Н. П. Тихоновым и В. Н. Кононовым из принадлежавших им приборов²⁰.

¹⁵ Длужневская Г. В. Историко-археологическое наследие Азиатской России... С. 22.

¹⁶ Отчет о деятельности ГАИМК с 1 октября 1927 г. по 1 октября 1928 г. // Сообщения ГАИМК. Л., 1929. Вып. 1. С. 368; Рукописный архив Института истории материальной культуры (РА ИИМК РАН). Ф. 2. Оп. 1. Д. 1. Л. 82 об.

¹⁷ Более подробно об этом см.: Цыпкин Д. О. Формирование историко-документной экспертизы...

¹⁸ РА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1. Л. 77.

¹⁹ Там же. Л. 82 об.

²⁰ Там же.

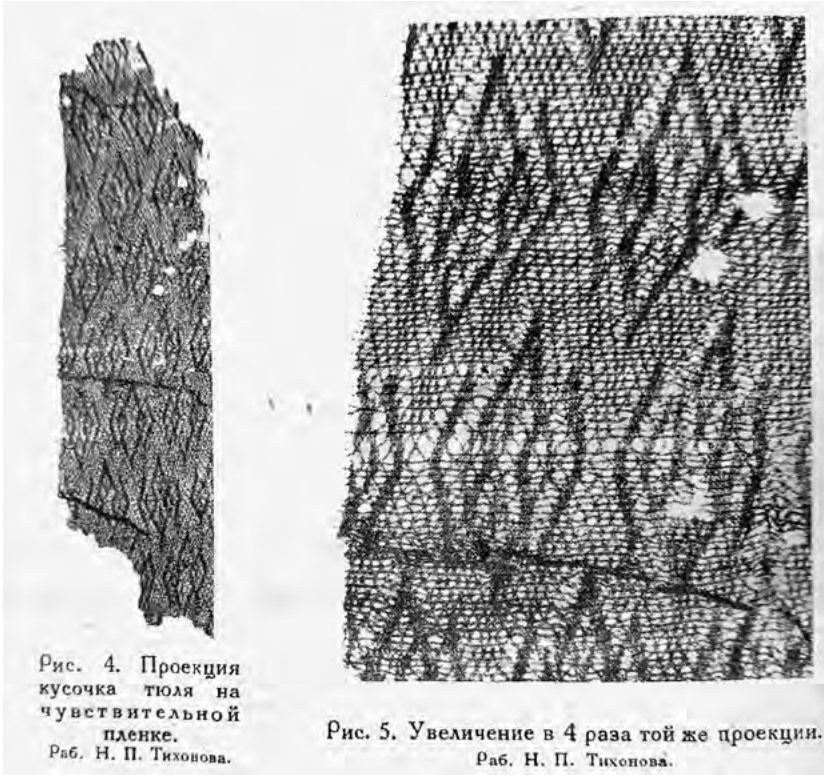

Рис. 1. Снимок фрагмента ткани
(Ил. из: Тихонов Н. П. Фотография в полевой работе)

Наиболее широкую известность получила работа специалистов лаборатории по восстановлению группового портрета с участием В. И. Ленина, выполненного одним из основателей Высшего института фотографии и фототехники профессором Д. И. Лещенко в 1920 г. При съемке семьи Ульяновых, произведенной в домашних условиях, получилась 100-кратная недодержка негативного изображения. Долгое время считалось невозможным восстановить этот снимок. В течение нескольких лет Н. П. Тихоновым было проведено более 100 экспериментов, которые в итоге увенчались успехом. При восстановлении изображения изучались свойства фотослоев, применялся метод озобромирования и каскадного усиления их тональности. С недодержанным негативом проводились работы по усилению, с усиленного негатива в дальнейшем печаталось позитивное изображение, а с позитива изготавливался негатив-контратип. Из полученного таким способом группового портрета впоследствии удалось выделить портрет В. И. Ленина. Результаты этой работы были представлены Н. П. Тихоновым в докладе на пленуме ГАИМК, посвященном 10-летию со дня смерти В. И. Ленина, в 1934 г.²¹

²¹ Новый неопубликованный портрет Ленина // Проблемы истории докапиталистических обществ. М.; Л., 1934. № 1. С. 127 (раздел «Хроника»).

Одновременно с этим в лаборатории фотоанализа проводились работы по восстановлению цветности археологических объектов. Так, при определении цветности монгольской вышивки («голова воина»), возраст которой насчитывал более 2000 лет, применялся метод повышения тональности отдельных участков вышивки. Используя общий желтый фон, лежащий на всем изображении вышивки как фильтр, при помощи стереоскопического анализа удалось выделить участки, где метод будет иметь максимальное действие. После этого была выполнена серия фотоснимков вышивки. Полученные светочувствительные слои последовательно накладывались друг на друга, и таким образом достигалось усиление цвета на обозначенных участках вышивки²². Подобные работы обычно выполнялись Н. П. Тихоновым в тесном сотрудничестве с В. Н. Кононовым, который проводил микрохимическое исследование волокон, и после этого они анализировали окраску тканей в различных источниках света, с целью определения их подлинной цветности²³. Результаты исследования монгольской вышивки были представлены на Берлинской археологической выставке в 1929 г. и «вызвали большой интерес среди специалистов». В статье «Обработка древних тканей», опубликованной в 1931 г., Н. П. Тихоновым отмечалось, что этот метод находится в разработке и в дальнейшем будет применяться «для раскрытия старых икон и анализа картин, до их расчистки»²⁴ (ил. 1 и 2 на цв. вкл.).

Одновременно с этим фототехнологии применялись при изучении органических материалов — например, техники создания мозаики М. В. Ломоносова «Полтавская баталия» (изучение фактуры и системы кладки отдельных фрагментов)²⁵.

В своей работе специалисты ГАИМК опирались не только на собственные исследования, но и на новейшие разработки своих зарубежных коллег. Так, в 1927 г. Уппсальским университетом в Швеции было подготовлено издание восстановленного Серебряного кодекса, хранящегося в библиотеке университета. При восстановлении угасшего текста применялись фотоаналитические технологии. Текст кодекса был написан серебряными чернилами на пергаменте, окрашенном в темно-фиолетовый фон, с золотыми вставками и украшениями. Поскольку текст во многих местах осыпался или почти исчез, для его пересъемки выработали специальный метод: с каждой страницы кодекса делалось по два снимка — в ультрафиолетовом и в флуоресцирующем свете. Для проведения этих работ в подвале университета была оборудована лаборатория, оснащенная новейшими приборами. В течение двух лет велась пересъемка листов кодекса. Над сличением фотографий и оттисков с оригиналом работала специально созданная комиссия из числа сотрудников университета, при участии профессора Отто фон Фризена и доктора Андерса Грапе²⁶. Результатом этой работы стало издание кодекса

²² Тихонов Н. П. Обработка древних тканей // Сообщения ГАИМК. Л., 1931. № 1. С. 18.

²³ Отчет о деятельности ГАИМК с 1 октября 1927 г. по 1 октября 1928 г. С. 367.

²⁴ Тихонов Н. П. Обработка древних тканей... С. 19.

²⁵ Тихонов Н. П. Выставка Института исторической технологии // Сообщения ГАИМК. Л., 1932. № 7–8. С. 52.

²⁶ Тихонов Н. П. Упсальский серебряный кодекс // Сообщения ГАИМК. Л., 1931. № 6. С. 20–21.

в натуральную величину, приуроченное к 450-летию основания Упсальского университета. В статье Н. П. Тихонова, рассказывающей об этой работе зарубежных коллег, отмечалось, что «издание Серебряного кодекса следует рассматривать ... как этап, показывающий современные возможности научной фотографии»²⁷. Тихонов также отмечал, что указанный прием был самостоятельно проработан специалистами фотоаналитической лаборатории ГАИМК и предложен администрации Ленинградской публичной библиотеки для хранения аналогичным образом «Изборника Святослава 1067 г.». «Можно продвинуться и дальше на этом пути, предоставляя исследователю возможность не только иметь фотографии, но с помощью фотоаналитического метода и фототехнической печати выпускать целые памятники во всем их объеме, являющиеся не простыми фотокопиями, а действительными репликами оригиналов со всеми их особенностями и ... деталями, непосредственно на оригинале не различаемыми»²⁸, — писал Н. П. Тихонов.

Фотоаналитические исследования рукописно-книжных памятников, проводившиеся на базе ИАТ ГАИМК на рубеже 1920–30-х гг., осуществлялись в тесном сотрудничестве с Палеографическим музеем АН СССР и фотокабинетом Государственной публичной библиотеки (ГПБ). По замечанию Д. О. Цыпкина, «ГАИМК, АН СССР и ГПБ имели сложную систему разнообразных взаимосвязей и образовывали единое интеллектуальное пространство..., в котором ИАТ становился безусловным методологическим центром развития естественнонаучных и технических методов изучения памятников (включая фотоанализ)»²⁹.

В дополнение к этому в начале 1930-х гг. в лаборатории фотоанализа изучались возможности применения лучей Рентгена для исследования живописных полотен и выявления скрытых изображений. Фотографии в этой работе отводилась вспомогательная роль — для сравнения полученных рентгенограмм (скрытого изображения) с фотоснимками (изображение на верхнем слое картины)³⁰.

Результаты исследований, проводимых в фотоаналитической лаборатории ИАТ, были представлены на отчетных выставках института — в 1928 и 1932 гг. Как отмечал Н. П. Тихонов, если на первой выставке, охватывавшей восемь лет работы института, главной задачей было «представить применение новых методов анализа и обработки археологического материала»³¹, то вторая выставка «подтвердила не только целесообразность разработанной методики работы, но и признание ее в обиходе научных работ целого ряда советских музеев и учреждений».

К середине 1930-х гг. лаборатория фотоанализа ИИТ становится крупнейшим в СССР центром применения фототехнологий в области экспертизы и реставрации памятников материальной культуры. Тем самым развитие фотоэкспертного направления в работе ГАИМК достигает своего

²⁷ Тихонов Н. П. Упсальский серебряный кодекс. С. 21.

²⁸ Там же.

²⁹ Цыпкин Д. О. Формирование историко-документной экспертизы в России... С. 144–145.

³⁰ Тихонов Н. П. Исследование картин с помощью лучей Рентгена.

³¹ Тихонов Н. П. Выставка Института исторической технологии. С. 50.

максимума. Н. П. Тихонов в статье «Итоги и перспективы исторической технологии», опубликованной в 1931 г., отмечал: «...фотоаналитическая лаборатория, являясь единственной в СССР, широко применяет фотографию как метод исследования. Ее работы в настоящее время вышли за пределы археологических». Дальнейшее развитие деятельности института, а вместе с ним и фотоаналитического направления, представлялось его руководителям как создание «опорного пункта», «центральной научной охраны музейных коллекций силами единого коллектива по единому плану и методу».

Для этого ГАИМК удалось объединить вокруг своих лабораторий работников музеев и других научных учреждений. Сотрудники Академии выполняли работы и выступали консультантами по просьбам ряда научных учреждений Ленинграда (Академия наук СССР, Публичная библиотека), городских предприятий (Гипромет, ГОМЗ, Главный телеграф) и учреждений из других городов Советского Союза. Например, одна из таких задач заключалась в определении условий телеграфной передачи фотографических изображений из Москвы в Ленинград.

В области реставрации и исследования произведений изобразительного искусства лаборатория активно сотрудничала с реставрационными мастерскими художественного отдела Русского музея (где были предприняты попытки совместного оборудования фотоаналитической лаборатории) и с Третьяковской галереей. Помимо этого, лаборатория фотоанализа принимала участие в работах по реставрации и консервации, производимых сотрудниками ГАИМК совместно с Историческим музеем и Центральными реставрационными мастерскими в Москве. Отмечалось, что «эти мастерские признали авторитет лабораторий академии в вопросах консервации и реставрации и часто обращаются туда для решения возникающих у них практических вопросов»³².

Одновременно с организацией исследовательских работ проводились лекции, направленные на популяризацию фотометода. В 1928 г. Н. П. Тихоновым был прочитан цикл лекций по фотографии для сотрудников Института археологической технологии, аспирантов ГАИМК и группы студентов Ленинградского университета. В отчете о проведенных работах за 1929 г. Н. П. Тихонов указывал: «...в настоящее время этот цикл вошел в обязательную программу историко-лингвистического факультета и с 15 сентября читается в институте... для студентов университета с демонстрацией работ Секции фотоанализа. Таким образом, отчетный год закончился не только рядом новых научных работ в самой секции, но и признанием фотометода как научного способа в археологическом исследовании и вошел в курс высшего учебного заведения Республики»³³.

К середине 1930-х гг. сформированная в составе института «лаборатория по точному анализу различных археологических материалов» становится единственной в своем роде научной единицей не только в СССР, но и за рубежом³⁴.

³² Тихонов Н. П. Итоги и перспективы исторической технологии. С. 48–51.

³³ РА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 45. Л. 49 об.

³⁴ Там же. Л. 103 об.

В отчете о работе института за 1929 г. отмечалось, что «институт совершенно перерос свое маленькое внутриучрежденческое положение и стал организующим центром в известной области для всего нашего Союза... Институт должен быть смело и широко реорганизован в стройное и могущественное учреждение, которое, находясь при Академии истории материальной культуры, своими методами... действительно содействовало бы иному пониманию культуры, а в прикладной области реставрации окончательно изгнало бы любительство и кустарничество по мелким мастерским при музеях»³⁵.

На дальнейшее развитие фотоанализа в рамках задач, изначально ставившихся перед ИАТ, значительное влияние в 1930-е гг. оказала, по мнению Д. О. Цыпкина, «насильственная и кардинальная перестройка методологических парадигм гуманитарного знания под давлением взглядов акад. М. Н. Покровского и его последователей». В начале 1930-х гг. руководство ИАТ было заменено, в марте 1932 г. возникший на базе Института археологической технологии Институт исторической технологии возглавил Н. П. Тихонов³⁶. Спустя два года «под давлением реакционных кругов» Н. П. Тихонов уходит с поста директора ИИТ и переходит на должность заведующего кафедрой реставрации и консервации. Вскоре по его инициативе создается Лаборатория консервации и реставрации документов (ЛКРД) в составе АН СССР³⁷.

Дальнейшее развитие фотоанализа, в соответствии с традициями, заложенными ИАТ (ИИТ), происходит уже вне ГАИМК, а фотографические технологии в деятельности Академии в дальнейшем были направлены в основном на решение прикладных задач³⁸.

Изучая возможности применения фотографии в деле регистрации и исследования памятников культуры, сотрудники ГАИМК не могли обойти в своей работе также вопросы, связанные с обеспечением сохранности и реставрацией самих фотодокументов. В этом направлении ГАИМК удалось достичь больших результатов, создав на базе ИАТ (ИИТ) своего рода экспертный центр, оказывающий консультации музейным и архивным учреждениям Ленинграда. Это направление в деятельности Академии стоит рассмотреть более подробно, тем более что вопросы взаимодействия сотрудников ГАИМК и ленинградских архивистов ранее специально не изучались.

Декретом СНК от 1926 г. «О передаче Центрархиву РСФСР негативов фотоснимков и кинофильмов, имеющих историко-революционный интерес» было положено начало формированию Единого государственного архивного фонда фото- и кинодокументов. В Ленинграде организацию этих работ в 1929 г. поручили Ленинградскому областному архивному

³⁵ РА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 45. Л. 67 об.

³⁶ Цыпкин Д. О. Формирование историко-документной экспертизы в России... С. 145.

³⁷ Тихонов П. А., Захарова А. А. Семья Тихоновых (1870-е – 1980-е гг.) и ее роль в истории отечественной фотографии // Фотография. Изображение. Документ : науч. сб. СПб., 2011. Вып. 2 (2). С. 10.; Цыпкин Д. О. Формирование историко-документной экспертизы в России... С. 171.

³⁸ Цыпкин Д. О. Формирование историко-документной экспертизы в России... С. 171–172.

бюро (ЛОАБ, с 1932 г. — Ленинградское областное архивное управление (ЛОАУ)). В структуре ЛОАБ был сформирован фотоархив (фотосектор), с хранилищем для фотодокументов и собственной фотолабораторией, и введен в штат специальный сотрудник — архивист-консультант Д. М. Кузьмин, фактически принявший на себя заведование фотосектором. Именно при деятельном участии Д. М. Кузьмина в короткие сроки удалось обследовать все крупнейшие государственные и частные фототеки Ленинграда и области и сформировать фотографическую коллекцию, которая легла в основу современной коллекции Центрального государственного архива кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга (ЦГАКФФД СПб)³⁹.

Поскольку в действующем на тот момент архивном законодательстве не были определены правила и нормы, касающиеся обеспечения сохранности и обработки фотодокументов, ЛОАУ вынуждено было обращаться за консультациями в ведущие учреждения Ленинграда, прежде всего в ИАТ (ИИТ) ГАИМК.

В 1933 г. по инициативе ЛОАУ с институтом было заключено соглашение «по консультации и наблюдению за правильным хранением фото-негативов»⁴⁰. В соответствии с этим соглашением институт брал на себя руководство «лечением заболевших негативов»⁴¹, поступивших ранее в фотоархив ЛОАУ из фототеки Ленсовета (бывшее фотоателье братьев Булла). По просьбе ЛОАУ на базе ИИТ была сформирована Фото-научно-техническая комиссия «по вопросам фотоанализа, консервации и лечения фото- и киноматериалов»⁴². В июне 1933 г. комиссией, в составе директора ИИТ Н. П. Тихонова, заместителя директора ИИТ В. В. Данилевского и фотографа ГАИМК Н. П. Сычева, было проведено обследование фотоархива ЛОАУ — для определения состояния и режима хранения негативов. По итогам обследования помещение архива и способы хранения были признаны комиссией «вполне достаточными для гарантии за хорошим состоянием негативов»⁴³.

Д. М. Кузьмину было разрешено пользоваться фотоаналитической лабораторией института, где при участии сотрудников ИИТ он проводил работы по реставрации фотонегативов и фотопозитивов⁴⁴. Предполагалось, что в дальнейшем Фото-научно-техническая комиссия должна быть преобразована в межведомственную и, «расширив круг своих работ, взять под свой контроль как технологические процессы фото- и кинолаборатории Ленинграда и области, так и продукцию Фото-Хим-Треста выпускаемую на рынок»⁴⁵.

Кроме этого, ИИТ также занимался просветительной работой в области хранения фотодокументов. В ноябре 1933 г. в институте провели открытое

³⁹ «Сохраняя моменты прошлого...». К 50-летию Центрального государственного архива кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга : [книга-альбом] / Н. Н. Артамонова и др. СПб., 2016. С. 6.

⁴⁰ ЦГА СПб. Ф. 923. Оп. 1. Д. 13. Л. 1.

⁴¹ ЦГА СПб. Ф. 923. Оп. 1. Д. 8. Л. 33.

⁴² Там же. Л. 33, 48; Д. 25. Л. 23–24.

⁴³ ЦГА СПб. Ф. 923. Оп. 1. Д. 13. Л. 1.

⁴⁴ ЦГА СПб. Ф. 923. Оп. 1. Д. 8. Л. 33, 35.

⁴⁵ ЦГА СПб. Ф. 923. Оп. 1. Д. 25. Л. 24.

заседание, на которое были приглашены работники учреждений, хранящих негативные фонды. На этом заседании Н. П. Тихонов представил доклад «Фотография и документация»⁴⁶.

Середина 1930-х гг. стала этапным периодом для архивной сферы страны. Центральным архивным управлением СССР, совместно с ведущими научными учреждениями Ленинграда, разрабатывался проект нового законодательства в области фотоархивного дела. В декабре 1933 г. в АН СССР состоялось межведомственное совещание по вопросам собирания и хранения фотокиноматериалов, где присутствовали представители Ленинградского обкома и горкома, Ленсовета, Областной редакции фабрик и заводов, треста «Союзфото», фабрик «Союзкино» и «Белгоскино», а также ряда научных учреждений Ленинграда. Заместителем заведующего Центрархивом СССР В. В. Максаковым был представлен доклад «Задачи и цели советского архива». В числе содокладчиков выступили Д. М. Кузьмин с докладом «Собирание исторических фото-кино-материалов» и Н. П. Тихонов с докладом «Хранение фото-кино-фоно-материалов»⁴⁷ (рис. 2). К сожалению, дальнейшему решению задач, стоявших в сфере фотоархивного дела страны, помешала начавшаяся война.

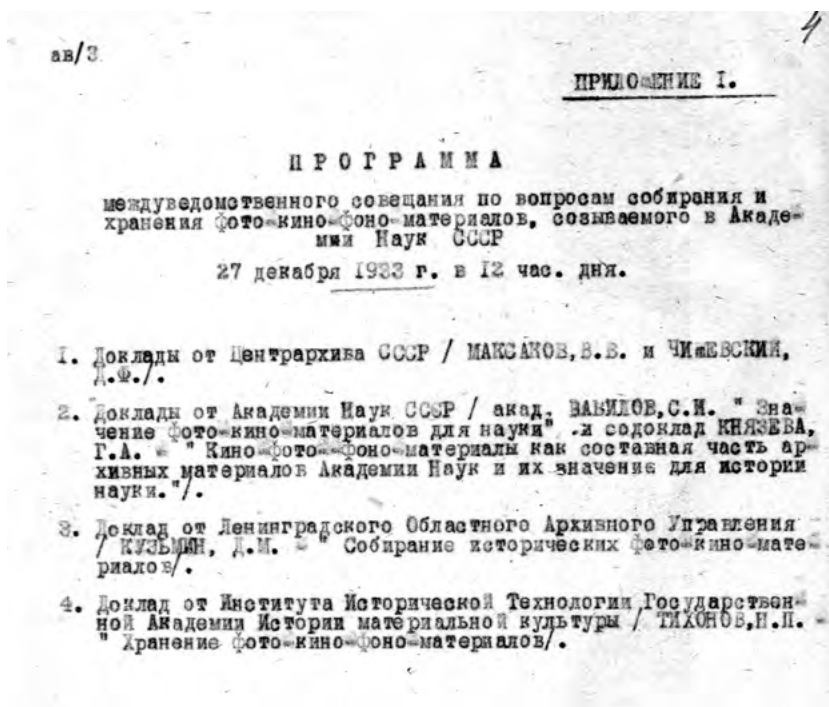

Рис. 2. Программа межведомственного совещания по вопросам собирания хранения фото-кино-фоно-материалов, созываемого в Академии наук СССР. 27.12.1933 (ЦГА СПб. Ф. 923. Оп. 1. Д. 9. Л. 4)

⁴⁶ ЦГА СПб. Ф. 923. Оп. 1. Д. 8. Л. 46.

⁴⁷ ЦГА СПб. Ф. 923. Оп. 1. Д. 9. Л. 4, 5–6 об.

Стоит отметить, что значение помощи, которая была оказана сотрудниками ИИТ архивистам Ленинграда в этот период, сложно переоценить. Сформулированные ими принципы хранения и обработки негативов прочно вошли в практику работы архивных и музейных учреждений города, а необходимые реставрационные работы в фотоархиве ЛОАУ (с 1936 г. — Ленинградский областной фотоархив (ЛОФ)) длительное время проводились по рецептам, предоставленным Н. П. Тихоновым⁴⁸.

Таким образом, в 1920–30-е гг. ГАИМК (с 1937 г. — ИИМК АН СССР) стал одним из ведущих в СССР экспертных центров в области регистрации и изучения вещественных памятников культуры, сохранения и реставрации документов. Ключевую роль в этом сыграли фотографические технологии, которые помогли объединить на этом этапе вокруг Академии крупные научные и производственные силы города и страны. Именно в данный период были заложены основы развития целого ряда научных направлений в деле технико-технологического изучения памятников материальной культуры. С середины 1930-х гг., с возвратом к «традиционной» исторической науке и переносом основного корпуса фотоаналитических исследований в ЛКРД АН СССР, фотография в ГАИМК возвращается на «исходные позиции», сосредоточившись на решении прикладных задач.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АН СССР — Академия наук Союза Советских Социалистических Республик
Гипромез — Государственный институт по проектированию металлургических заводов
ГОМЗ — Государственный оптико-механический завод
ГПБ — Государственная публичная библиотека (Ленинград)
ИАК — Императорская археологическая комиссия
ИАТ — Институт археологической технологии
ИИТ — Институт исторической технологии
ЛКРД — Лаборатория консервации и реставрации документов
ЛОАБ — Ленинградское областное архивное бюро
ЛОАУ — Ленинградское областное архивное управление
ЛОФ — Ленинградский областной фотоархив
РА ИИМК РАН — Рукописный архив Института истории материальной культуры Российской академии наук
РАИМК/ГАИМК — Российская/Государственная академия истории материальной культуры
РГАК — Российская государственная археологическая комиссия
СНК — Совет народных комиссаров
ЦГА СПб — Центральный государственный архив Санкт-Петербурга
ЦГАКФФД СПб — Центральный государственный архив кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга

⁴⁸ ЦГА СПб. Ф. 923. Оп. 3. Д. 46. Л. 18 об; «Сохраняя моменты прошлого...»... С. 34.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

РА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1, 45.

ЦГА СПб. Ф. 923. Оп. 1. Д. 8, 9, 13, 25, 92.

ЦГА СПб. Ф. 923. Оп. 3. Д. 46.

Данилевский В. Реставрация мозаики Ломоносова «Полтавская баталия» // Проблемы истории докапиталистических обществ. Л., 1934. № 2. С. 120–121.

Длужневская Г. В. Историко-археологическое наследие Азиатской России в фотодокументах второй половины XIX — первой половины XX в. (По фондам Научного архива Института истории материальной культуры Российской академии наук) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2008.

Длужневская Г. В. Фотоархив Института истории материальной культуры РАН (с 2004 г. — фотоотдел Научного архива ИИМК РАН) // Сборник докладов Международной конференции «Фотография в музее», Санкт-Петербург, 2–4 октября 2012 г. СПб., 2012. С. 7–27.

Новый неопубликованный портрет Ленина // Проблемы истории докапиталистических обществ. М. ; Л., 1934. № 1. С. 125–127.

Отчет о деятельности ГАИМК с 1 октября 1927 г. по 1 октября 1928 г. // Сообщения ГАИМК. Л., 1929. Вып. 1. С. 339–371.

«Сохраняя моменты прошлого...». К 50-летию Центрального государственного архива кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга : [книга-альбом] / Н. Н. Артамонова и др. СПб., 2016.

Тихонов Н. П. Выставка Института исторической технологии // Сообщения ГАИМК. Л., 1932. № 7–8. С. 50–54.

Тихонов Н. П. Исследование картин с помощью лучей Рентгена // Сообщения ГАИМК. Л., 1931. № 7. С. 5–10.

Тихонов Н. П. Итоги и перспективы исторической технологии // Сообщения ГАИМК. Л., 1931. № 11–12. С. 43–51.

Тихонов Н. П. Обработка древних тканей // Сообщения ГАИМК. Л., 1931. № 1. С. 17–19.

Тихонов Н. П. Упсальский серебряный кодекс // Сообщения ГАИМК. Л., 1931. № 6. С. 20–22.

Тихонов Н. П. Фотография в полевой работе. Л., 1932. (Образовательная библиотека ГАИМК. № 5).

Тихонов П. А., Захарова А. А. Семья Тихоновых (1870-е — 1980-е гг.) и ее роль в истории отечественной фотографии // Фотография. Изображение. Документ : науч. сб. СПб., 2011. Вып. 2 (2). С. 4–16.

Фармаковский Б. К истории учреждения Российской академии истории материальной культуры. Пг., 1921.

Цыпкин Д. О. Формирование историко-документной экспертизы в России: 1898–1963 гг. (концепции, учреждения, ученые) : дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2009.

Е. М. Шепилова, Ю. П. Баскакова
Санкт-Петербургский институт истории РАН

Л. И. Старилова
Государственный музейно-выставочный центр РОСФОТО

В. Г. Зуйкова
Государственный исторический музей

ВЫЯВЛЕНИЕ ПОДДЕЛКИ ФОТОГРАФИИ ВРЕМЕН РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1877–1878 ГГ.

Для установления подлинности фотографии, позиционированной как альбуминовая фотография времен Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., на которой изображен художник В. В. Верещагин в госпитале в Бухаресте, были проведены микроскопия и рентгенофлуоресцентный анализ (РФА). Микроскопическое исследование изображения фотографии на паспорту показало наличие регулярного розеточного растра, что указывает на офсетную печать. Поиск в Интернете вывел на публикацию репродукции данной фотографии в журнале «Наше наследие» (1991. № 1 (19)). Их идентичность была подтверждена как микроскопическими исследованиями, так и результатами РФА. Растры изображения на паспорту и репродукции из журнала имеют идентичный рисунок с одинаковыми характерными нюансами печати, а рентгенограммы, полученные методом РФА, при сравнении практически налагаются одна на другую. Таким образом, можно утверждать, что изображение фотографии было вырезано из вышеуказанного журнала и смонтировано на старинное паспорту.

Ключевые слова: фотография, подделка, типографская печать, розеточный растр, микроскопия, РФА, В. В. Верещагин, Русско-турецкая война.

Ye. M. Shepilova, Yu. P. Baskakova
St. Petersburg Institute of History of the RAS

L. I. Starilova
ROSPHOTO State Museum and Exhibition Centre

V. G. Zuykova
State Historical Museum

IDENTIFICATION OF THE FAKE PHOTO DATING TO THE RUSSIAN-TURKISH WAR TIME (1877–1878)

To establish the authenticity of a photograph, positioned as an albumin photograph dating to the Russian-Turkish War of 1877–1878, which depicts

painter V. V. Vereshchagin in a hospital in Bucharest, microscopy and an X-ray fluorescent analysis (XRF) were applied. Microscopic research of a photograph framed with passepartout showed regular rosette raster presence, which indicates offset printing. A search on the Internet led to the publication of this photograph reproduction in «Our Heritage» magazine, № 1 (19), 1991. Their identity was confirmed by both microscopic and XRF research results. Rasters of the image with passepartout and of the magazine reproduction have an identical pattern with the same characteristic printing features, and the X-ray diffraction patterns obtained by the XRF method, when compared, are practically superimposed on one another. Thus, it can be stated that the image of the photograph was cut from the magazine mentioned above and placed on an old passepartout.

Key words: photography, fake, typographic printing, rosette raster, microscopy, XRF, V. V. Vereshchagin, Russian-Turkish war.

Групповой снимок времен Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. был передан на исследование из антикварного магазина «Старый альбом», так как возникли сомнения в его подлинности. Снимок смонтирован на старинное паспарту, хорошо подобранное по цвету к общему тону фотографии, что создает иллюзию альбуминовой техники печати (ил. 1 на цв. вкл.).

Надпись на оборотной стороне паспарту — «Русский госпиталь в Бухаресте. Третий слева в 3-м ряду худ. В. В. Верещагин» — выглядит довольно странно с точки зрения орфографии: с одной стороны, і — и с точкой, намекающее на дореформенную орфографию, с другой стороны, нет ни ъ — ятей, ни ь — еров. Судя по характеру линий при написании букв и растеканию чернил на бумаге, особенно заметному на точке, текст написан фиолетовым фломастером (ил. 2 на цв. вкл.). Вероятнее всего, надпись была сделана во второй половине XX в.

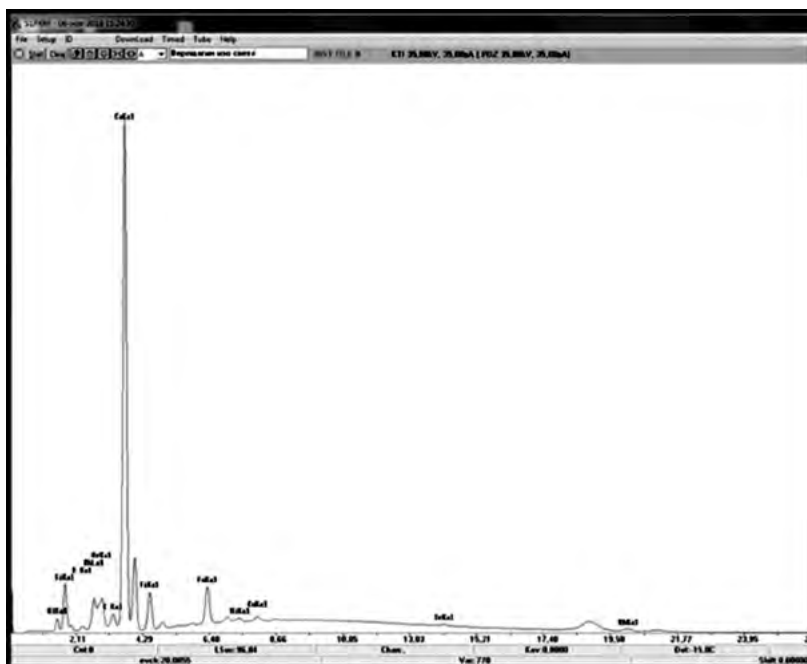
При более пристальном рассмотрении снимка также возникают сомнения, что это альбуминовая печать: слишком тонкая бумага, слишком зеленый тон для альбуминовой фотографии, а оборотная сторона снимка имеет темный болотно-зеленый цвет, что совершенно не свойственно бумаге, используемой для альбуминовой фотографии (правый нижний угол не полностью приклеен к паспарту, его можно слегка отогнуть, чтобы заглянуть на оборот). Под лупой с пятикратным увеличением на снимке четко просматривается растр — следовательно, это автотипия.

Микроскопическое исследование показало, что изображение выполнено в технике регулярного розеточного растрирования, характерного для высококачественной печати с передачей полутонов, т. е. офсетной печати¹ (ил. 3 на цв. вкл.). Вероятнее всего, снимок был напечатан в иллюстрированном журнале, а значит, бумага должна быть мелованной.

Это предположение полностью подтверждается исследованием снимка методом рентгенофлуоресцентного анализа (рис. 1). На спектре РФА основным пиком является пик кальция (Ca).

¹ Кузнецов Е. Введение в настольную полиграфию // Компьютеры + Программы. 2003. № 10. С. 88–95. URL: <http://www.ukrprint.com/prepress/theory/intro1.php> (дата обращения: 27.10.2021).

а)

б)

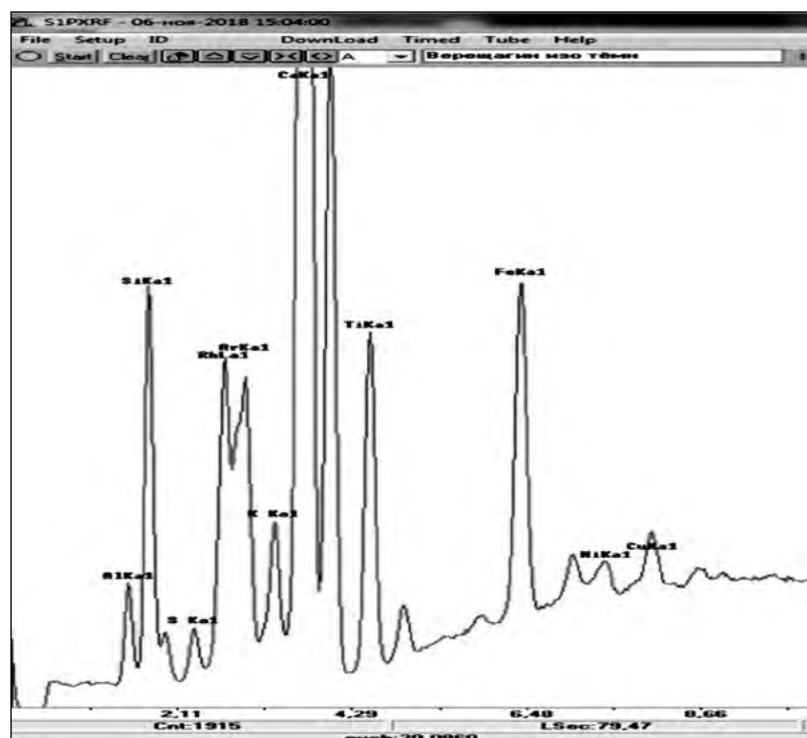

Рис. 1. Спектр РФА бумаги снимка на паспорту:
а) полный спектр, б) увеличенный фрагмент того же спектра

Увеличение спектра позволяет выявить пики титана (Ti), кремния (Si), алюминия (Al), которые вместе с кальцием (Ca) являются компонентами современной меловальной суспензии, содержащей: карбонат кальция — CaCO_3 , каолин — $\text{Al}_2\text{O}_3 \cdot 2\text{SiO}_2 \cdot 2\text{H}_2\text{O}$, двуокись титана — TiO_2 . Наличие оптического отбеливателя, присутствие которого выявлено по характерному свечению белых участков снимка в ультрафиолете, также подтверждает, что это современная мелованная бумага, используемая для высококачественной офсетной печати².

Поиск в Интернете вывел на публикацию данного изображения в журнале «Наше наследие» (1991. № 1 (19)), экземпляр которого хранится в Библиотеке Российской академии наук³. Журнал выпускается на слабо мелованной бумаге методом офсетной печати (ил. 4 на цв. вкл.).

Был проведен сравнительный анализ результатов РФА бумаги, на которой напечатана репродукция фотографии в журнале, и изображения ее, наклеенного на паспарту. Сравнение спектров РФА показало, что они имеют практически идентичный характер по основным элементам Ca, Ti, Si, Al, Fe и отличаются только фоном, что дают картон паспарту и стопа листов из журнала (ил. 5 на цв. вкл., рис. 1).

Также имело место сравнительные микроскопические исследования. Для этого были выбраны примерно одни и те же участки репродукции фотографии в журнале и ее изображения на паспарту, и были сделаны фотографии с увеличением в 10 и 115 раз. Сопоставление полученных фотографий позволяет сделать вывод, что растры изображения на паспарту и репродукции из журнала имеют идентичный рисунок с одинаковыми характерными нюансами печати (ил. 7); печать в обоих случаях выполнена методом четырехцветной автотипии СМУК (Cyan, Magenta, Yellow, black color), то есть голубой, пурпурный, желтый, черный⁴ (ил. 7 на цв. вкл.).

Все вышеперечисленное позволяет утверждать, что данное изображение также является репродукцией фотографии, напечатанной в журнале «Наше наследие» (1991. № 1 (19)), вырезанной из другого экземпляра этого журнала и наклеенной на старинное паспарту. Что также подтверждается полным совпадением при наложении вырезанного в программе Paint изображения со скана снимка на паспарту на скан репродукции фотографии в журнале (ил. 8 на цв. вкл.).

Визуальный осмотр паспарту позволяет судить о том, что оно изготовлено из многослойного картона цвета натуральной небеленой целлюлозы или древесной массы, с покровными слоями с обеих сторон. С лицевой стороны картон имеет покровный слой из тонкой бумаги оливкового цвета, имеющей рисунок и тиснение под древесину. С оборотной стороны покровная бумага имеет бежево-желтый цвет, характерный для состарившейся белой бумаги. Стиль паспарту и следы его бытования дают основания предполагать, что оно было изготовлено в конце XIX — начале XX в.

² Фляте Д. М. Свойства бумаги. М., 1986; Шапиро И. Л. Мелование бумаги и картона. Красноярск, 2001.

³ Юськин А. Русский госпиталь в Бухаресте (Фотографии из фондов ЦГАКФД СССР, связанные с деятельностью госпиталя, размещенного во время турецкой кампании 1877–1878 гг. в г. Бухаресте) // Наше наследие. 1991. № 1 (19). С. 39–44.

⁴ Цветовые модели СМУК, RGB, Lab, HSB // Cifra Magazine: [сайт]. <http://ciframagazine.com/post.php?id=117> (дата обращения: 27.10.2021).

Проведено послойное определение состава по волокну: основной средний слой состоит из бурой древесной массы; покровный слой лицевой стороны — из смеси древесной массы, целлюлозы многолетних растений, соломенной целлюлозы и текстильных волокон; покровный слой с оборотной стороны — из смеси белой древесной массы, хвойной технической целлюлозы, соломенной целлюлозы и текстильных волокон (ил. 9 на цв. вкл.). Подобный состав по волокну характерен как для дореволюционных картонов, так и для картонов 30–40 гг. XX в. и практически не встречается во второй половине XX в. Таким образом, мы имеем оригинальное паспарту конца XIX — начала XX в. с клеенной в него репродукцией фотографии из журнала 1991 г. Информация о том, что на фотографии изображен В. В. Верещагин, взята, по-видимому, из того же журнала.

Под репродукцией фотографии, идентичной исследуемой, опубликованной в качестве иллюстрации к статье А. Юськина «Русский госпиталь в Бухаресте», имеется подпись: «Медсестры и врачи с выздоравливающими офицерами, в третьем ряду третий слева В. В. Верещагин (?) 1877–1878»⁵. А в самой статье рассказывается история ранения художника на миноносной лодке «Шутка», его лечения в бухарестском госпитале и высказывается предположение, что на фотографии «в третьем ряду третий слева» запечатлен В. В. Верещагин. Изображенный на снимке мужчина действительно имеет сходство с В. В. Верещагиным, запечатленным на ранних фотопортретах (ил. 10 на цв. вкл.).

Качество фотографии, ракурс и глубоко натянутая на лоб кепка не позволяют сделать заключение о лице портретируемого по методу профессора М. А. Зинина. Даже при максимальном увеличении изображения мужчины нельзя с уверенностью утверждать, что это В. В. Верещагин, так как его характерный большой лоб скрывает кепка, ушные раковины не видны, из опознавательных признаков останется только раздвоенная борода.

Как удалось выяснить, фотография, с которой была сделана репродукция, хранится в Российском государственном архиве кинофотодокументов (РГАКФД) в г. Красногорске. В описи РГАКФД изучаемая фотография имеет следующее описание: «Медперсонал у госпиталя для раненых русской армии, участвовавших в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Румыния. Без автора [1877–1878]»⁶. В архивной аннотации нет никаких указаний на то, что съемка осуществлена именно в бухарестском госпитале, не указан ни один из присутствующих на снимке.

В записках В. В. Верещагина⁷ нет никаких упоминаний о групповом фотографировании в госпитале, хотя в 70-е гг. XIX в. подобное мероприятие еще считалось значительным событием. Доподлинно известно, что в госпитале была сделана портретная фотография В. В. Верещагина, хранящаяся в фондах ИРЛИ РАН (Санкт-Петербург) в составе архива В. В. Стасова.

⁵ Юськин А. Русский госпиталь в Бухаресте...

⁶ РГАКФД (г. Красногорск). Опись к альбому № 1069 «Виды военных госпиталей, санитарных поездов, портреты членов Общества Красного Креста (1877–1878)». Монтажный лист / сост. Н. А. Большакова. 18.03.1997. 210 снимков. Машинопись.

⁷ Верещагин В. В. На войне: Воспоминания о русско-турецкой войне 1877 года. М., 1902.

Упоминания о ней были обнаружены в опубликованной переписке Верещагина со Стасовым в письме № 124 от 22 августа (3 сентября) 1877 г.⁸

На фотографии нет ни одного офицера в морской форме, а, как известно, В. В. Верещагин был ранен и находился на излечении в одном госпитале вместе со своим однокашником по кадетскому корпусу, командиром миноносной лодки «Шутка» Н. И. Скрыдловым.

Конечно, групповой снимок мог быть сделан после выписки из госпиталя и отъезда Н. И. Скрыдлова, но на нем нет ни медиков, лечивших Верещагина в госпитале «Бранковяну» в Бухаресте, ни сестер милосердия, выхаживавших его.

Таким образом, не удалось ни подтвердить, ни опровергнуть, что на данной фотографии изображен В. В. Верещагин. Возможно, дальнейшие исследования в фондах РГАКФД, фондах Военно-медицинского музея и Военно-медицинского архива позволят внести ясность в этот вопрос.

Микроскопические исследования⁹ и исследования методом РФА¹⁰ убедительно доказали, что данное изображение является репродукцией альбуминовой фотографии, выполненной методом высококачественной офсетной печати. Интернет-поиск по изображению вывел на журнал, из которого и была вырезана репродукция, а из статьи, опубликованной в нем, была позаимствована идея надписи на обороте паспарту. Следовательно, исследуемый объект является подделкой под альбуминовую фотографию времен Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., изготовленной с целью наживы, а подпись на обороте паспарту сделана с целью придания значимости и увеличения стоимости.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Верещагин В. В.* На войне: Воспоминания о русско-турецкой войне 1877 года. М., 1902.
- Кузнецов Е.* Введение в настольную полиграфию // Компьютеры + Программы. 2003. № 10. С. 88–95. URL: <http://www.ukrprint.com/prepress/theory/intro1.php> (дата обращения: 27.10.2021).
- Переписка В. В. Верещагина и В. В. Стасова : в 2 т. / под ред. А. К. Лебедева. М., 1950–1951. Т. 1. 1950.
- РГАКФД (г. Красногорск). Опись к альбому № 1069 «Виды военных госпиталей, санитарных поездов, портреты членов Общества Красного Креста (1877–1878)». Монтажный лист / сост. Н. А. Большакова. 18.03.1997. 210 снимков. Машинопись.
- Цветовые модели CMYK, RGB, Lab, HSB // Cifra Magazine : [сайт]. URL: <http://ciframagazine.com/post.php?id=117> (дата обращения: 27.10.2021).
- Фляте Д. М.* Свойства бумаги. М., 1986.
- Шапиро И. А.* Мелование бумаги и картона. Красноярск, 2001.
- Юськин А.* Русский госпиталь в Бухаресте (Фотографии из фондов ЦГАКФД СССР, связанные с деятельностью госпиталя, размещенного во время турецкой кампании 1877–1878 гг. в г. Бухаресте) // Наше наследие. 1991. № 1 (19). С. 39–44.

⁸ Переписка В. В. Верещагина и В. В. Стасова : в 2 т. / под ред. А. К. Лебедева. М., 1950–1951. Т. 1. 1950.

⁹ Для исследования по микроскопии был использован микроскоп Leica M125, со стандартной телекамерой.

¹⁰ Для исследования методом РФА был использован портативный рентгенофлуоресцентный анализатор S1 TURBO.

Научное издание

МИЛЛЕРОВСКИЕ ЧТЕНИЯ — 2020:
Преимственность и традиции в сохранении и изучении
документального академического наследия
Материалы III Международной научной конференции,
21–24 октября 2020 г., Санкт-Петербург

Составители Л. Д. Бондарь, Е. Н. Груздева

Технический редактор *А. Б. Левкина*
Дизайн обложки *Е. В. Кудина*
Корректор *Д. А. Гаврилов*
Оригинал-макет *Л. А. Брисовская, Е. О. Пучков*

Подписано в печать 30.11.2021. Формат 70×100^{1/16}.
Усл. печ. л. 36,6. Тираж 300 экз. Печать офсетная.
Заказ № 279Р.

Отпечатано в типографии издательско-полиграфической фирмы «Реноме»,
192007, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 40.
Тел. (812) 766-05-66. E-mail: book@renomespб.ru
ВКонтакте: https://vk.com/renome_spb
www.renomespб.ru